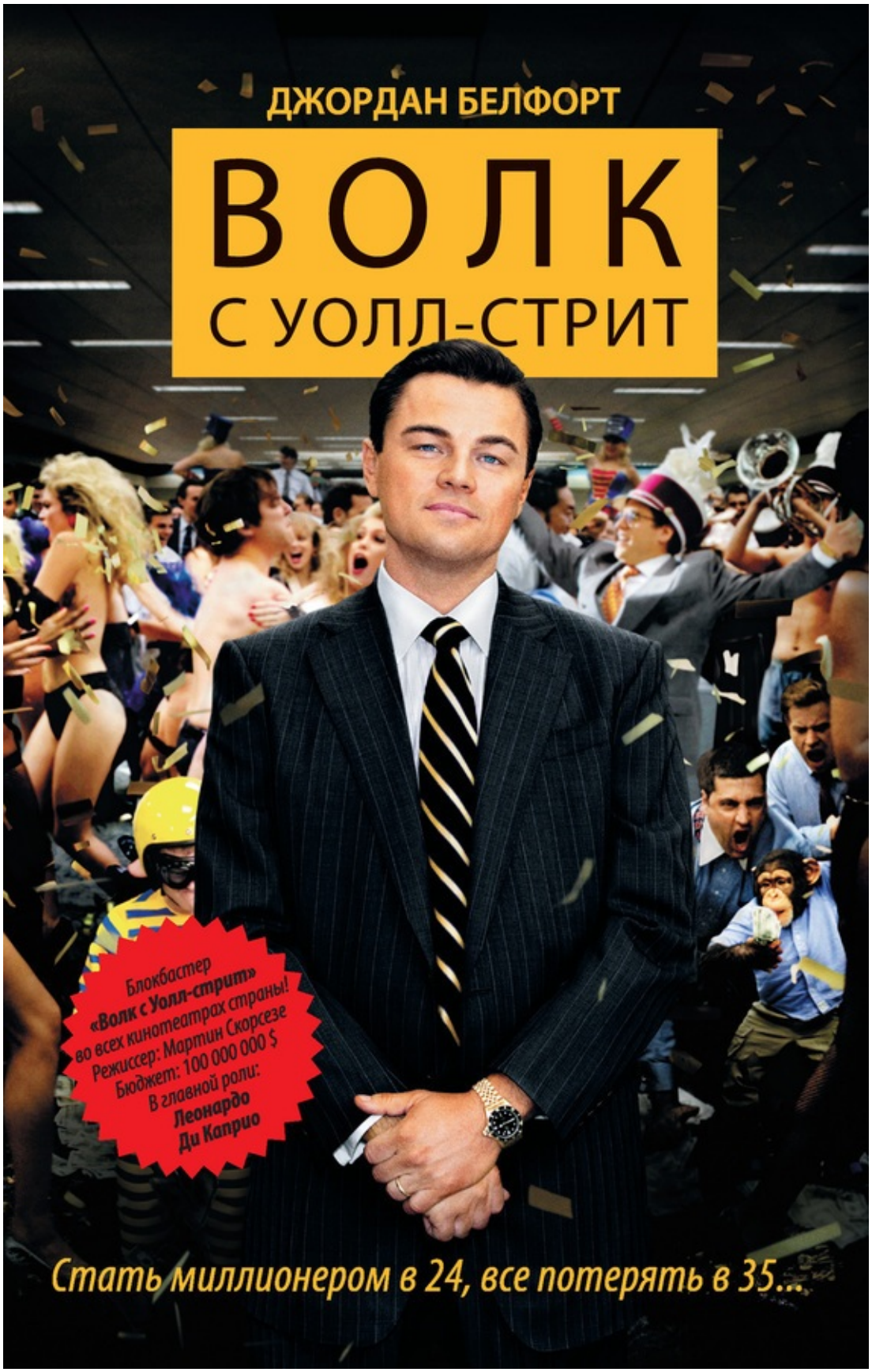
ДЖОРДАН БЕЛФОРТ

ВОЛК С УОЛЛ-СТРИТ

Блокбастер
«Волк с Уолл-стрит»
во всех кинотеатрах страны!
Режиссер: Мартин Скорсезе
Бюджет: 100 000 000 $
В главной роли:
Леонардо Ди Каприо

Стать миллионером в 24, все потерять в 35...


ДЖОРДАН БЕЛФОРТ
ВОЛК
С УОЛЛ-СТРИТ
Блокбастер
«Волк с Уолл-стрит»
во всех кинотеатрах страны!
Режиссер: Мартин Скорсезе
Бюджет: 100 000 000 $
В главной роли:
Леонардо
Ди Каприо
Стать миллионером в 24, все потерять в 35...

Джордан Белфорт

Волк с Уолл-стрит

Посвящается Чэндлер и Картеру — моим чудесным детям.

От автора

Это книга воспоминаний, правдивый рассказ о наиболее интересных событиях моей жизни. В особо оговоренных случаях имена и характерные черты некоторых персонажей книги изменены, чтобы защитить их частную жизнь. Я записал диалоги в том виде, в каком их запомнил, и в некоторых случаях ради большей увлекательности повествования объединил несколько событий и отрезков времени.

Пролог

Простофиля

— Ты ничтожнее самого жалкого мерзавца, — сказал мой новый босс, когда он в первый раз вел меня через брокерский зал компании «Эл-Эф-Ротшильд». — У тебя ведь с этим проблемы, правда, Джордан?

— Нет, — ответил я. — Никаких проблем.

— Хорошо! — прорычал босс и пошел дальше.

Мы пробирались сквозь лабиринт письменных столов красного дерева, опутанных черными телефонными проводами. Лабиринт находился на двадцать четвертом этаже башни из стекла и алюминия, возносившей все свои сорок и один этаж над Манхэттеном, над прославленной Пятой авеню. Брокерский зал был просторным, примерно пятьдесят на семьдесят футов. Обстановка просто подавляла: все эти письменные столы, телефоны, компьютерные мониторы — и наглые яппи, их было аж семьдесят человек. Все они в эту минуту — было 9:20 утра — сидели без пиджаков, развалившись в своих креслах, читали «Уолл-стрит джорнэл» и явно наслаждались своим положением Хозяев Вселенной.

Быть Хозяином Вселенной казалось мне чрезвычайно завидной участью, и, когда я шел мимо этих наглых яппи в своем дешевом синем костюме и дешевых туфлях, я страстно желал стать одним из них. Но мой новый босс тут же вернул меня с небес на землю.

— *Твоя* работа, — он глянул на пластиковый бейджик на синем лацкане моего дешевого пиджака, — *твоя* работа, Джордан Белфорт, — это работа дозвонщика. Значит, ты пятьсот раз в день будешь набирать телефонные номера, пытаясь прорваться к боссам через их секретарей. Ты не будешь пытаться ничего продать, не будешь ничего советовать и не будешь ничего создавать. Ты просто будешь дозваниваться до хозяев компаний.

Он на мгновение остановился, а затем изрыгнул новую порцию яда.

— А когда ты, *наконец,* дозвонишься, то скажешь только: «Здравствуйте, Мистер Такой-то, с вами хотел бы поговорить Скотт» — после чего передашь трубку мне и начнешь дозваниваться следующему. Как думаешь, справишься? Или это слишком сложно для тебя?

— Справлюсь, — уверенным тоном ответил я, хотя паника накрыла меня с головой, словно огромное цунами. Стажировка в «Эл-Эф-

Ротшильд» должна была продлиться шесть месяцев. Эти месяцы, судя по всему, будут суровыми и изнурительными, ведь мне придется полностью зависеть от таких придурков, как этот Скотт, который, казалось, только что вылупился из пузыря, поднявшегося к поверхности из самых страшных глубин бездонной преисподней яппи.

Искоса поглядывая на него, я решил, что Скотт похож на золотую рыбку. Он был лысым и бледным, а жалкий венчик волос, сохранившийся у него на голове, был грязно-рыжего цвета. Он был чуть старше тридцати, довольно высокий, с узким черепом и розовыми пухлыми губами. Он носил бабочку, и это выглядело смешным. За очками в тонкой металлической оправе таращились выпученные карие глаза, и в целом выглядел он совершенно пресным, вылитая рыба. Точнее, золотая рыбка.

— Хорошо, — пробурчала мерзкая золотая рыбка, — теперь основные правила: никаких перерывов, никаких личных звонков, никаких пропусков по болезни, никаких опозданий, никакого безделья. На обед у тебя тридцать минут…

Он остановился, наслаждаясь произведенным эффектом.

— …и я бы на твоем месте возвращался с обеда вовремя, потому что пятьдесят человек жаждут занять твое место, если ты его профукаешь.

Он шел дальше, не умолкая ни на минуту, а я следовал за ним на шаг сзади, завороженный мерцанием котировок, тысячами оранжевых строк, скользивших по серым мониторам компьютеров. В передней части комнаты зеркальное окно открывало вид на небоскребы манхэттенского Мидтауна. Передо мной высился Эмпайр-Стейт-билдинг. Он был выше всего остального и, казалось, поднимался прямо к небесам, чтобы и вправду поскрести их. Это был обалденный вид, вполне достойный молодого Хозяина Вселенной. Но в ту минуту заветная цель, казалось, отодвигалась от меня все дальше и дальше.

— По правде сказать, — шипел Скотт, — я не думаю, что ты создан для этой работы. Ты похож на мальчишку, а Уолл-стрит — это не место для юнцов. Это место для киллеров. Место для хладнокровных наемников. Так что в *одном смысле* тебе повезло: здесь не *я* решаю, кого взять на работу.

И он несколько раз саркастически хмыкнул.

Я прикусил язык и промолчал. Дело было в 1987 году, и казалось, что всем миром заправляют придурки-яппи вроде Скотта. Уолл-стрит того времени представляла собой один безумный рынок, игравший на повышение и каждый день выплевывавший в мир дюжину свежеиспеченных миллионеров. Деньги были дешевы, и как раз тогда парень по имени Майкл Милкен придумал свои «мусорные» облигации —

очень рискованные, но зато высокодоходные бумаги, которые изменили весь подход корпоративной Америки к бизнесу. Это было время безудержной жадности и буйных излишеств. Это была эра яппи.

Когда мы подошли к столу Скотта, мой мучитель повернулся ко мне и сказал:

— Джордан, повторяю еще раз: ты здесь ниже всех! Ты не будешь *говорить* по телефону, ты — *дозвонщик*.

Каждое его слово было исполнено презрения.

— И до тех пор, пока ты не сдашь свой брокерский экзамен, вся твоя вселенная будет состоять из непрерывного дозвона. Именно поэтому ты ничтожнее, чем самый ничтожный мерзавец. Тебя это напрягает?

— Вовсе нет, — ответил я, — эта работа идеально для меня подходит, потому что я *действительно* хуже самого жалкого мерзавца.

И я пожал плечами с самым удрученным видом. В отличие от Скотта я-то не похож на золотую рыбку, и пока он вглядывался в мое лицо, пытаясь найти на нем следы иронии, я ощущал нечто похожее на гордость. Ничего, что я не слишком высок ростом и в свои двадцать четыре года был все еще похож на невинного подростка — при входе в бар у меня все еще частенько спрашивали документы. Зато у меня были светло-каштановые волосы, нежная кожа оливкового цвета и большие голубые глаза. Все вместе выглядело неплохо.

Но, увы, я не лгал, когда сказал Скотту, что я чувствую себя хуже, чем самый жалкий мерзавец. По сути дела, таким я себя и ощущал. Дело заключалось в том, что я только что угробил свое первое деловое начинание, и мое самоуважение рухнуло вместе с ним. Это была плохо продуманная инвестиция в производство морепродуктов, и к моменту, когда этот бизнес рухнул, я был уже в полной заднице и с двадцатью шестью арендованными грузовиками на руках — все они были взяты напрокат под мои личные обязательства и теперь приносили одни убытки. Так что меня осаждали банки-кредиторы, а некая воинственно настроенная женщина из «Американ Экспресс» (судя по голосу — бородатая и весом фунтов триста) угрожала по телефону «лично дать мне под зад, если я не заплачу все, что должен». Я уж было хотел сменить свой телефонный номер, но за телефон я тоже давно не платил и телефонная компания тоже за мной охотилась.

Скотт предложил мне присесть рядом с ним к его столу и произнес несколько ободряющих, но довольно язвительных слов:

— Смотри на все со светлой стороны! Если каким-то чудом тебя не уволят за лень, глупость, безалаберность или опоздания, то, *может быть*,

ты однажды сможешь стать брокером.

Он самодовольно посмеялся собственной шутке.

— И ты должен знать, что в прошлом году я заработал больше трехсот тысяч долларов, а другой парень, с которым ты будешь работать, заработал больше миллиона.

Больше миллиона? Оставалось только воображать, каким мерзавцем должен быть этот *другой парень*. Мое сердце сжалось, и я спросил:

— А кто он? Как его зовут?

— Какая разница? — спросил меня мой мучитель. — Тебе-то какое дело?

У меня было ощущение, что я завербовался в морскую пехоту. Похоже, любимый фильм этого подонка Скотта — «Офицер и джентльмен», а любимый персонаж — сержант в исполнении Лу Госсета, муштрующий рядового. Но я оставил все эти сравнения при себе, сказав только:

— Да нет, никакого дела, просто любопытно.

— Его зовут Марк Ханна, и скоро ты с ним познакомишься.

С этими словами Скотт протянул мне пачку каталожных карточек, на каждой из которых были написаны имя и номер телефона какого-нибудь богатого бизнесмена.

— Улыбнись и давай звони! — приказал он. — И не вздумай до полудня хоть на секунду остановиться.

Засим он плюхнулся в кресло, выхватил «Уолл-стрит джорнэл», задрал на стол ноги в черных модельных туфлях из крокодиловой кожи и углубился в чтение.

Но только я снял трубку, как на мое плечо легла чья-то сильная рука. Я обернулся и сразу же понял, что передо мной — тот самый Марк Ханна. Как и подобает настоящему Хозяину Вселенной, он просто излучал ауру успеха. Он был крупным парнем — под два метра и, похоже, состоял в основном из мускулов. У него были черные как смоль волосы, темные глаза, внимательный и уверенный взгляд, и его крупное лицо не портили даже многочисленные рубцы от угрей. Он был красив красотой типичного обитателя даунтауна, и мне даже померещился запах травки, словно он принес его на себе из Гринвич-Виллиджа. Этот чувак просто сочился харизмой.

— Джордан? — спросил он с подчеркнутым дружелюбием.

— Он самый, — ответил я обреченно, — ничтожный мерзавец высшего сорта, к вашим услугам!

Он засмеялся, и накладные плечи его серого костюма в тонкую полоску поднимались и опускались с каждым смешком. Затем, куда громче, чем

требовало расстояние между нами, он спросил:

— Вижу, ты уже познакомился с нашим местным Главным Засранцем? — и он мотнул головой в сторону Скотта.

Я кивнул. Ханна подмигнул мне.

— Не переживай: здесь я старший брокер, а он просто игрок, да еще и дрянной к тому же. Так что можешь не обращать внимания ни на то, что он уже сказал, ни на то, что он еще скажет тебе в будущем.

Я не выдержал и все-таки покосился на Скотта, который именно в этот момент взорвался:

— Да пошел ты, Ханна!

Марк, впрочем, не обиделся. Он просто пожал плечами, обошел вокруг моего стола, поместив весь свой массивный корпус между Скоттом и мною, и продолжил:

— Не обращай на него внимания. Говорят, ты первоклассный продавец. Через год этот придурок будет целовать твою задницу.

Я улыбнулся, одновременно польщенный и несколько обескураженный.

— Кто это вам сказал, что я первоклассный продавец?

— Стивен Шварц, тот парень, что взял тебя на работу. Он сказал, что ты впарил ему акции прямо во время интервью, — Марк снова засмеялся. — Ты произвел на него большое впечатление, он рекомендовал мне внимательнее к тебе присмотреться.

— Неужели? А я боялся, что он меня не возьмет. Там двадцать человек сидели в очереди на интервью, поэтому я решил, что надо очень быстро произвести на него впечатление, — я пожал плечами. — Он, правда, сказал потом, что в дальнейшем мне надо будет вести себя скромнее.

Марк ухмыльнулся.

— Ну, знаешь, может, и «скромнее», но уж точно не слишком скромно. Если занимаешься бизнесом, нужно уметь прессовать. Люди не *покупают* акции, людям *продают* акции. Никогда про это не забывай.

Он сделал паузу, чтобы дать возможность этим словам запечатлеться у меня в мозгу.

— Но в любом случае мистер Засранец, сидящий вон за тем столом, был прав в одном: работа дозвонщика — это паршивая работа. Я занимался этим семь месяцев подряд, и каждое утро мне хотелось повеситься. Поэтому я открою тебе маленький секрет, — тут Ханна заговорщицки понизил голос, — *притворяйся*, что дозваниваешься, но при каждой возможности сачкуй.

Он улыбнулся, подмигнул, а затем снова заговорил нормальным голосом.

— Пойми меня правильно. Я хочу, чтобы ты дозвонился для меня как можно большему количеству людей, потому что я на этом зарабатываю деньги. Но я не хочу, чтобы ты в конце концов вскрыл себе из-за этого вены. Потому что я просто ненавижу вид крови!

Он снова подмигнул.

— Так что отдыхай чаще. Пойди в сортир и подрочи, если тебе вдруг этого захочется. Я лично так и делал, и мне это всегда замечательно помогало. Уверен, тебе нравится дрочить, не так ли?

Этот вопрос меня в тот момент совершенно потряс, но я скоро узнал, что на Уолл-стрит не говорят обиняками. Такие обращения, как «дерьмо», «пошел ты…», «ублюдок», «жопа», использовались здесь так же часто, как «да», «нет», «спасибо» и «пожалуйста». Я храбро сказал:

— Ну да, мне нравится дрочить. А кому не нравится?

Ханна кивнул с явным облегчением.

— Хорошо, очень хорошо. Дрочить — это крайне важно. А еще я тебе всячески рекомендую наркоту, особенно кокаин — он тебе поможет быстрее набирать номера, а это будет очень хорошо для меня.

Он остановился, словно вспоминая еще какой-нибудь мудрый совет, но, кажется, они у него закончились.

— В общем, вот как-то так, — закруглился Ханна, — пожалуй, мне сейчас больше нечего тебе посоветовать. Но не волнуйся, салага, все будет хорошо. Когда-нибудь ты будешь вспоминать этот разговор, и тебе станет очень весело, вот это я тебе обещаю.

Он снова улыбнулся мне и плюхнулся за свой стол с телефоном.

Через мгновенье в зале раздался громкий звонок, объявивший об открытии рынка. Я взглянул на свой «таймекс», купленный неделю назад за четырнадцать баксов в дешевом магазине «Джей Си Пенни». Было ровно девять тридцать утра, 4 мая 1987 года, мой первый день на Уолл-стрит.

И как раз в этот момент из динамика раздался голос Стивена Шварца, главы отдела продаж «Эл-Эф-Ротшильд»:

— О`кей, джентльмены. Фьючерсы сегодня утром выглядят хорошо, в Токио много покупают…

Стивену было всего тридцать восемь, но только за один предыдущий год он заработал больше двух миллионов долларов (образцовый Хозяин Вселенной!).

— …Похоже, на открытии сразу произошел скачок на десять пунктов, — говорил его голос из динамика. — Итак, джентльмены, давайте-ка все за телефоны… и да здравствует рок-н-ролл!

В ту же секунду в комнате начался настоящий ад. Ноги в крокодиловых туфлях были сброшены со столов, листы «Уолл-стрит джорнэл» полетели в корзины для бумаг, рукава рубашек в одну секунду были закатаны выше локтей, и брокеры один за другим хватали трубки телефонов и принимались набирать номера. Я тоже схватил трубку и тоже набрал номер.

Через несколько минут все, кто был в зале, бешено расхаживали по нему, дико жестикулируя и крича в трубки, отчего в помещении стоял дикий рев. Я впервые услышал рев брокерского зала Уолл-стрит, больше всего похожий на рев огромной толпы. Я никогда не забуду этот момент, ведь этот звук полностью изменил мою жизнь. Этот адский рев издавали молодые люди, которых захлестнула алчность и амбиции, молодые яппи, которые в этот момент продавали свои сердца и души богатым бизнесменам по всей Америке.

— «Минискрайб» — это невероятно выгодная покупка! — вопил в трубку круглолицый яппи. Ему было двадцать восемь лет, у него была сильнейшая кокаиновая зависимость и годовой доход в 600 тысяч долларов. — Что-что говорит ваш брокер из Западной Виргинии? Господи! Может, он и хорошо разбирается в акциях угольных шахт, но, сэр, на дворе восьмидесятые! Высокие технологии — вот на что надо ставить!

— У меня пятидесятидневные июльские фьючерсы на пятьдесят тысяч! — кричал в трубку другой брокер за два стола от него.

— У них нет денег! — надрывался третий.

— Да я вообще не зарабатываю на этой сделке! — клялся своему клиенту еще один яппи.

— Вы что, шутите? — рычал в трубку Скотт. — Меньше? Да когда я поделюсь своей комиссией с компанией и заплачу налоги, мне даже на корм собачий не хватит!

То и дело один из брокеров победоносно бросал трубку, быстро заполнял бланк регистрации сделки, мчался к трубе пневматической почты, укрепленной на одной из колонн, на которые опирался потолок зала, засовывал бланк в стеклянный цилиндр и провожал его взглядом, когда устройство всасывало цилиндр и уносило его ввысь. Таким способом бланк добирался до отдела торговых операций в другом конце здания, а оттуда его переправляли на Нью-Йоркскую фондовую биржу для исполнения. Потолок специально сделали низким, чтобы разместить над ним трубы пневматической почты, и поэтому казалось, что он вот-вот рухнет вам на голову.

К десяти часам утра Марк Ханна уже трижды успел сбегать к колонне

и, кажется, собирался вот-вот идти к ней опять. Он так мастерски говорил по телефону, что я, слушая его, ощущал себя полным ничтожеством. Казалось, он чуть ли не извиняется перед своими клиентами, хотя на самом деле он железной рукой держал их за горло.

— Сэр, позвольте вам заметить, — вкрадчиво говорил Марк председателю правления компании из списка «Форчун 500», — я горжусь тем, что разбираюсь в этом. И моя цель — помочь вам не только овладеть ситуацией, но и выпутаться из нее. — Он говорил мягко, почти нежно, и это производило поистине гипнотическое действие. — Я хотел бы в течение долгого времени способствовать приумножению вашего дохода, помочь вам сделать ценные инвестиции в ваш бизнес и в благосостояние вашей семьи.

Через две минуты Марк уже стоял у пневматической почты с заказом на покупку акций некоей компании «Майкрософт» на четверть миллиона долларов. Я никогда раньше не слышал о «Майкрософт», но, похоже, это была хорошая компания. Во всяком случае, за одну эту сделку Марк получил комиссию в три тысячи долларов. У меня в кармане тем временем болтались семь баксов.

К двенадцати часам голова у меня шла кругом, и к тому же я умирал от голода. Точнее так: у меня шла голова кругом, я умирал от голода и вдобавок обливался потом. Но главное, что я попался на крючок. Рев толпы брокеров проник в поры моей кожи и отозвался в каждой частичке моего существа. Я *знал*, что справлюсь с такой работой. Я знал, что могу выполнять ее не *хуже*, чем Марк Ханна, а может быть, и *лучше*. Ведь я тоже могу быть нежным, как шелк.

К собственному моему удивлению, я так и не спустился на лифте вниз и не потратил половину своего состояния на два хот-дога и кока-колу. Вместо этого я вместе с Марком Ханной поднялся на самый верх, на 41-й этаж, в пентхаус, где располагался роскошный ресторан «На вершине шестерок».[1] В обеденное время здесь собиралась вся элита, здесь Хозяева Вселенной накачивались мартини и делились друг с другом эпизодами военных действий.

Как только мы вошли в ресторан, метрдотель по имени Луи ринулся к Марку и принялся энергично трясти его руку, приговаривая, как замечательно, что тот пришел сюда в такой чудесный полдень понедельника. Марк протянул ему пятьдесят долларов (отчего я чуть не захлебнулся слюной), и Луи провел нас к угловому столику, откуда открывался потрясающий вид на Верхний Вест-Сайд и на мост Джорджа Вашингтона.

Марк улыбнулся метрдотелю:

— Луи, принеси нам первым делом два мартини с водкой «Абсолют». А потом, — он взглянул на свой массивный золотой «ролекс», — ровно через семь с половиной минут принеси еще парочку. А затем приноси по два каждые пять минут — до тех пор, пока один из нас не отрубится.

Луис кивнул.

— Разумеется, мистер Ханна. Превосходная стратегия.

Я смущенно улыбнулся Марку и виновато сказал:

— Извините, но я… ну, в общем… в общем, я не пью.

Затем я повернулся к Луису и попросил:

— Принесите мне просто кока-колы. И больше ничего.

Луи и Марк переглянулись с таким видом, будто я только что признался в каком-то отвратительном пороке. Затем Марк сказал метрдотелю извиняющимся тоном:

— Это его первый день на Уолл-стрит, Луи. Давай дадим ему время.

Луис строго посмотрел на меня и поджал губы:

— Конечно-конечно, все понятно. Не волнуйтесь, юный сэр, вы очень скоро тоже станете алкоголиком.

Марк энергично кивнул:

— Хорошо сказано, Луи! Но все равно — принеси-ка ему на всякий случай мартини, вдруг он передумает? В крайнем случае я за него выпью.

— Замечательно, мистер Ханна. Вы с вашим другом будете также и есть? Или только пить?

«Что за чушь несет этот Луи? — подумал я. — Довольно странный вопрос в обеденное время». Но, к моему удивлению, Марк сказал, что он сегодня, пожалуй, ничего не хочет и что есть буду только я. Луи подал мне меню и отправился за напитками. Через секунду я понял, почему Марк не голоден: он сунул руку в карман пиджака, вытащил оттуда баночку с белым порошком, открыл крышку, зачерпнул крошечной ложечкой искрящуюся на свету горстку самого мощного природного подавителя аппетита — кокаина — и втянул огромную порцию своей правой ноздрей. Затем он повторил процедуру с левой ноздрей.

Я был поражен. Я просто глазам своим не верил! Прямо здесь, в ресторане? В окружении десятков Хозяев Вселенной?! Я покосился на соседние столики, пытаясь понять, заметил ли это кто-нибудь. Кажется, никто не заметил, и теперь я понимаю, что в любом случае никому не было до этого дела. Все были слишком заняты, накачиваясь водкой, скотчем, джином, бурбоном или еще каким-нибудь вредным веществом, оплаченным из их невероятно раздутых бумажников.

— Ну, давай! — Марк протянул мне баночку с кокаином. — Вот он, настоящий билет на Уолл-стрит. Не считая шлюх, конечно.

Шлюх? Я был поражен еще больше. Честно говоря, я никогда не имел с ними дела. Более того, я был влюблен в девушку и собирался жениться. Ее звали Дениз, и она была великолепна снаружи и внутри — ее внутренний мир был столь же прекрасен, как и ее внешность. Вероятность того, что я могу ей изменить, была, казалось мне, меньше нуля. Что же касается кокаина, то я, конечно, бывал на вечеринках, когда учился в колледже, но с тех пор прошло уже несколько лет, в течение которых я ничего, кроме травки, не употреблял.

— Нет, спасибо, — ответил я слегка смущенно, — у меня с коксом не очень хорошо складывается. Я становлюсь… ну как бы слегка психом. Не могу ни спать, ни есть, и, в общем… у меня настоящая паранойя начинается. Он правда плохо на меня действует. Очень плохо.

— Никаких проблем, — ответил Марк, зачерпывая новую порцию из баночки, — но я точно могу сказать одно: именно кокаин поможет тебе выживать здесь изо дня в день!

Он покачал головой и пожал плечами.

— Работа брокера — паршивая работа. Пойми меня правильно: бабки и все такое — это круто, но ты же ничего не создаешь, ты ничего не *строишь*. Так что со временем все это становится довольно однообразным, — он замолчал, будто подбирая нужные слова. — По сути дела, мы просто мерзкие спекулянты. Никого из нас не интересует, почему те или иные акции идут вверх. Мы просто играем в дартс: продаем да покупаем. Да ты скоро сам это поймешь.

Следующие несколько минут мы рассказывали друг другу о себе. Марк вырос в Бруклине, в районе Бэй-Ридж — не самый спокойный квартал, насколько мне было известно.

— Как бы ни сложилась жизнь, — говорил он, — никогда не встречайся с девушкой из Бэй-Ридж. Они все чертовы психопатки!

Он зачерпнул еще щепотку кокаина и добавил:

— Последняя из тех, с кем я встречался, воткнула в меня карандаш, когда я спал! Можешь себе представить?

В этот момент появился официант в смокинге и поставил на стол напитки. Марк поднял свой двадцатидолларовый мартини, а я свою восьмидолларовую кока-колу. Марк сказал:

— За Доу-Джонс! Пусть взлетит до пяти тысяч пунктов!

Мы чокнулись.

— И за твою карьеру на Уолл-стрит! — добавил Марк. — Желаю тебе

добиться успеха в этом паршивом деле и при этом сохранить хотя бы часть своей бессмертной души!

Мы улыбнулись друг другу и снова чокнулись.

Если бы в тот момент кто-нибудь сказал мне, что всего через несколько лет я стану хозяином ресторана, в котором сейчас сижу, а Марк Ханна вместе с половиной других брокеров «Эл-Эф-Ротшильд» будет работать на меня, я решил бы, что этот человек не в себе. А если бы тот добавил, что я буду одну за другой вдыхать дорожки кокаина в баре этого самого ресторана под восхищенными взглядами дюжины высококлассных брокеров, то я подумал бы, что этот человек окончательно свихнулся.

Но это было только начало. Дело в том, что как раз в это время в другом месте происходили важные вещи, казалось бы, не имевшие ко мне никакого отношения. Начнем с такой мелочи, как появление *портфельного страхования* — метода автоматического страхования портфеля ценных бумаг с помощью компьютерных систем, который однажды положит конец бешеному росту котировок и за один день обрушит Доу-Джонс сразу на 508 пунктов. Цепь событий, которые последуют за этим, почти невозможно было себе вообразить в то время. На Уолл-стрит одна за другой будут рушиться брокерские компании, и «Эл-Эф-Ротшильд», занимавшаяся банковскими инвестициями, тоже будет вынуждена прекратить свое существование. И тогда начнется настоящее безумие.

Я предлагаю вам собственную реконструкцию этого безумия — сатирическую историю периода, который, как выяснилось потом, оказался одним из самых диких эпизодов в истории Уолл-стрит. Я буду рассказывать вам с теми самыми интонациями, которые зазвучали в моем голосе уже в то время, — интонациями циничной, эгоистической, омерзительно ироничной болтовни. Именно так я воспринимал тогда события моей жизни, полной безудержного гедонизма. Эти интонации помогали мне развращать других людей, манипулировать ими — и наполнять хаосом и безумием жизнь целого поколения молодых американцев.

Я вырос в Квинсе, в районе Бэй-Сайд, в семье среднего класса, где такие слова, как «черномазый», «латинос», «итальяшка» и «косоглазый», считались самыми грязными из всех возможных и их не произносили ни при каких обстоятельствах. В доме моих родителей сурово осуждались любые предрассудки: считалось, что они достойны лишь низших, непросвещенных членов общества. Я всегда помнил это — ребенком, подростком и даже в разгар своего безумия. И тем не менее во времена, которые я описываю, подобные грязные словечки слетали с моего языка с

невероятной легкостью. Конечно, я размышлял над этим — и убеждал себя, что я на Уолл-стрит, где нет места для околичностей и светской вежливости.

Почему я рассказываю вам все это? Потому что хочу, чтобы вы знали, кто я на самом деле и, что еще важнее, кем я не являюсь. А еще потому, что у меня двое детей и однажды мне многое придется им объяснить. Мне придется объяснить, как случилось, что их любящий папочка — тот самый папочка, который сейчас возит их на футбол, ходит на родительские собрания, сидит дома в пятницу вечером и в два счета может соорудить им салат «Цезарь», — был когда-то столь мерзким типом.

Но прежде всего я искренне надеюсь, что рассказ о моей жизни послужит предупреждением — как для богатых, так и для бедных, для каждого, кто подносит к ноздре ложечку или глотает таблетки; для каждого, кто собирается растранжирить таланты, полученные от Бога; для того, кто собирается перейти на темную сторону силы и погрузиться в безудержный гедонизм. И для каждого, кто считает, что быть Волком с Уолл-стрит — это круто.

Часть I

Глава 1

Волк в овечьей шкуре

Шесть лет спустя

Безумие распространяется очень быстро. К зиме девяносто третьего года у меня было жуткое чувство, будто я получил главную роль в одном из реалити-шоу, которые чуть позже станут так популярны. Мое личное шоу называлось «Богатые и никчемные», и с каждым днем богатства и никчемности в нем становилось все больше.

Я создал брокерскую фирму под названием «Стрэттон-Окмонт», которая скоро превратилась в одну из самых больших и самых безумных брокерских контор в истории Уолл-стрит. На бирже поговаривали, что у меня вырвалась наружу подсознательная жажда смерти и что я, конечно, загоню себя в гроб, не дожив и до тридцати. Но я знал, что это чушь: мне только что исполнился тридцать один год, и я был все еще жив и полон энергии.

В тот день, в ночь на среду в середине декабря, я сидел за штурвалом своего вертолета «Белл Джет», который я только что поднял с вертолетной площадки на Тридцатой улице и теперь вел его в мою усадьбу в Олд-Бруквилле на Лонг-Айленде. В моих венах бушевало такое количество наркотиков, что его хватило бы, чтобы вырубить все население страны размером примерно с Гватемалу.

Было около трех часов утра, и мы летели на скорости сто двадцать узлов над западной оконечностью залива Литтл-Нек-бэй. Помню, я как раз размышлял о том, как все-таки здорово, что у меня получается лететь по прямой несмотря на то, что в глазах у меня двоится, и вдруг я осознал, что совершенно «поплыл». В следующую секунду вертолет резко пошел вниз, и навстречу нам с устрашающей скоростью понеслись свинцовые воды залива. Несущий винт вертолета жутко вибрировал, а в моих наушниках зазвучал панический крик второго пилота:

— Господи, босс! Вытягивай вверх! Наверх! Мы же разобьемся, мать твою!

Потом мы снова выровнялись.

Мой преданный и верный второй пилот, капитан Марк Эллиот, одетый во все белое, сидел перед собственным штурвалом, однако имел строгий приказ прикасаться к нему только в том случае, если я потеряю сознание

или если возникнет непосредственная опасность того, что мы врежемся в землю. Теперь он взял в свои руки управление вертолетом, и это, наверное, было лучшее, что можно было сделать в тот момент.

Капитан Марк был типичным военным пилотом — с квадратной челюстью, из тех мужиков, один вид которых внушает доверие. Квадратным был не только подбородок: казалось, что все его тело состояло из приваренных один к другому квадратов. Даже его черные усы имели форму четкого прямоугольника и были укреплены на поджатой верхней губе, словно аккуратная щетка, изготовленная промышленным способом.

Мы взлетели с Манхэттена минут за десять до этого, после бесконечного вечера вторника, во время которого события совершенно вырвались из-под моего контроля. Вечер начался вполне невинно, хотя дело происходило в модном ресторане «Канастель» на Парк-авеню, где я ужинал со своими молодыми брокерами. Но каким-то образом я в конце концов оказался в президентском люксе отеля «Хелмсли-Пэлас», где невероятно дорогая шлюха по имени Венеция с губами такими пухлыми, будто ее укусила пчела, и липкими чреслами пыталась с помощью свечки, засунутой мне в зад, помочь мне достичь эрекции, однако у нее так ничего и не получилось.

Вот почему я теперь так сильно опаздывал (точнее — опаздывал на пять с половиной часов) и в очередной раз был полным дерьмом в глазах моей преданной и любящей второй жены Надин. Она была настоящая праведница и при этом — мастерица драться. Меня она избивала неоднократно.

Может быть, вы как-нибудь видели Надин по телевизору: это та самая сексуальная блондинка, что гуляла по парку с фрисби и собачкой в рекламе пива «Миллер лайт», которую крутили во время «Футбола по понедельникам». Она в этом ролике почти ничего не говорит, но это никого не волновало. Всю работу за нее делали ее ноги, ну и еще ее попа — даже более круглая, чем бывает у пуэрториканок, и такая упругая, что от нее прямо монетки отскакивали. Как бы то ни было, мне вскоре предстояло испытать на себе праведный гнев Надин.

Я сделал глубокий вдох и постарался прийти в себя. Теперь я чувствовал себя вполне прилично. Я сказал в переговорное устройство, что готов снова взять на себя управление вертолетом. Мой капитан Губка Боб Квадратные Штаны был в этом не совсем уверен и выглядел слегка взволнованным, поэтому я улыбнулся ему своей лучшей улыбкой и сказал в микрофон несколько подбадривающих слов:

— Чуак, ы поуишь адбау за ужу в осоо оасых уовиах! — разумеется, я

имел в виду: «Чувак, ты получишь надбавку за службу в особо опасных условиях».

— *Круто!* — ответил капитан Марк, передавая мне управление. — Не забудь мне напомнить, когда придет время ее получать. Если, конечно, нам сегодня удастся приземлиться.

Он безнадежно покачал своей квадратной головой и добавил:

— Ты бы лучше закрыл левый глаз перед посадкой. Тогда двоиться не будет.

Этот квадратный капитан был очень толковым парнем и хорошим профессионалом — и, кстати, он тоже не дурак повеселиться. Поэтому он не только был единственным лицензированным пилотом в кабине вертолета, но еще и капитаном 167-футовой моторной яхты «Надин», названной в честь моей вышеупомянутой жены.

Я радостно поднял вверх оба больших пальца, чтобы показать капитану, что я готов к посадке. Потом осмотрелся и попытался понять, где я, собственно, нахожусь. Прямо перед собой я видел полосатые красно-белые трубы Рослина — пригорода, населенного богатыми евреями. Эти трубы означали, что я приближаюсь к центру Золотого берега острова Лонг-Айленд, где, собственно, и находится мой Олд-Бруквилл. На Золотом берегу неплохо жить — особенно если вам нравятся белые англосаксонские протестантские девушки из старинных благородных семей и скаковые лошади, которые стоят немереных денег. Я лично не уважаю ни тех ни других, но каким-то образом оказался владельцем табуна лошадей, приобретенных за безумные деньги, и постоянно пребывал в окружении целого табуна белых англосаксонских протестанток с голубой кровью, которые, очевидно, считали меня чем-то вроде молодого еврейского циркача.

Я взглянул на альтиметр. Вертолет находился на высоте триста футов и стремительно мчался вниз под углом градусов в тридцать. Я покрутил шеей, словно профессиональный боец, выходящий на ринг, и начал спускаться еще круче, пронесся над полем Бруквильского гольф-клуба, резко подал штурвал вправо, чуть не задел пышные кроны деревьев на Хеджманс-лэйн и, наконец, нацелился прямо на лужайку позади моего особняка.

Изо всех сил нажимая на педали, я сумел добиться того, чтобы вертолет завис на высоте примерно двадцать футов над землей, а затем попытался совершить посадку. Чуть-чуть левую педаль, чуть-чуть правую, чуть меньше тяги, чуть-чуть штурвал от себя… и тут вертолет вдруг с шумом свалился на лужайку, подскочил и снова взлетел.

— О чет! — промычал я, видя, что мы стремительно набираем высоту, запаниковал, навалился на штурвал, и вертолет тут же снова полетел вниз, как булыжник в воду. А затем вдруг БАХ! — и мы приземлились.

Я снова покрутил шеей. *Вот это было круто!* Пусть эту посадку нельзя было назвать *идеальной*, ну и что с того? Я повернулся к своему дорогому капитану и отчетливо произнес:

— Чуак, я молодес, молодес я, чуак?

Капитан Марк склонил голову, его прямоугольные брови поднялись на самый верх квадратного лба, как будто он собирался сказать: «Ты что, идиот, совсем свихнулся?» Но затем он медленно кивнул и изобразил на лице кривую улыбку:

— Молодец, чувак. Должен это признать. Ты ведь не забыл закрыть левый глаз?

Я закивал.

— Эсо посто колдоство, — бормотал я, — ты крусой!

— Хорошо. Я рад, что ты так думаешь, — хмыкнул капитан. — Ну, мне в любом случае надо уматывать отсюда, пока нас не поймали. Хочешь, я позвоню охране, чтобы они тебя проводили до дома?

— Нет, все в порядке, чуак, все в порядке.

После этого я отстегнул ремень безопасности, в шутку отдал честь капитану Марку, открыл дверь кабины и нечаянно вывалился наружу. Потом я встал, повернулся, закрыл дверь кабины и два раза постучал по ней, чтобы показать капитану, что я не забыл ее закрыть, и почувствовал от всего этого огромное удовлетворение — насколько человек в моем состоянии вообще может что-нибудь чувствовать. Потом я снова развернулся и побрел к дому, прямо в центр тайфуна «Надин».

Вокруг все было великолепно. Небо было покрыто бесчисленными яркими звездами. Было необычно тепло для декабря. Дул легкий ветерок, и воздух был полон земляного, лесного запаха, напоминавшего мне о детстве. Я вспомнил ночи в летнем лагере. Вспомнил своего старшего брата Роберта, который недавно перестал со мной общаться, потому что его жена пригрозила подать на одного из моих приятелей в суд за сексуальные домогательства, а я после этого пригласил Роберта в ресторан, нажрался до соплей и назвал его жену «задницей». Но все равно вспоминать о Роберте было приятно: это были воспоминания о куда как более простом периоде моей жизни.

До главного здания моего поместья оставалось около двухсот ярдов. Я глубоко вдохнул, наслаждаясь окружающими ароматами. *Как здесь прекрасно пахло!* Здесь всюду была высажена бермудская трава! А как

сильно пахли сосны! А сколько вокруг раздавалось нежных звуков! Бесконечный треск цикад! Таинственное уханье совы! Как журчит вода, вытекающая из пруда и падающая вниз искусственным водопадом!

Я купил это поместье у председателя Нью-Йоркской фондовой биржи Дика Грассо и затем вложил несколько миллионов в различные усовершенствования — и большинство этих денег утекло в этот дурацкий пруд и искусственный водопад, а остальное было потрачено на ультрасовременное помещение для охраны и систему безопасности. В домике охраны двадцать четыре часа в сутки дежурили двое вооруженных телохранителей, и обоих звали Рокко. Там были установлены ряды телевизионных мониторов, на которые передавалось изображение с двадцати двух камер видеонаблюдения, расположенных по периметру поместья. Каждая камера была соединена с датчиком движения и прожектором, так что кольцо безопасности получалось совершенно непроницаемым.

Размышляя об этом, я вдруг ощутил сильнейший порыв ветра и обернулся, чтобы посмотреть, как вертолет улетает в темноту. Затем сделал несколько маленьких шажков назад, потом маленькие шажки сменились большими шагами, а потом… *О черт! Что делать! Я сейчас свалюсь в грязь!* Я развернулся и сделал два огромных шага вперед, вытянув руки, словно большие крылья. Я несколько раз споткнулся, словно потерявший равновесие конькобежец, пытающийся найти центр тяжести. А затем вдруг… ослепительная вспышка света!

— *Какого черта!* — я закрыл руками глаза, защищаясь от резкого света прожекторов. Похоже, я наступил на один из датчиков движения и теперь попался в лапы своей собственной системы безопасности. Свет был совершенно невыносимым: ведь у меня из-за наркоты зрачки были размером чуть ли не с блюдце.

И, наконец, последнее унижение: мои элегантные модные туфли из крокодиловой кожи заскользили, я опрокинулся навзничь и грохнулся на спину. Через несколько секунд прожектор погас, я медленно отвел руки от глаз и прижал ладони к мягкой траве.

— *Какое прекрасное место я выбрал для того, чтобы приземлиться!* — что-что, а падать я умел, знал, как это сделать наименее болезненным способом. Секрет заключался в том, чтобы просто отдаться падению, как делают голливудские каскадеры. Мало того, мои любимые колеса — транквилизатор под названием «кваалюд» — удивительным образом делали мое тело словно резиновым, и это защищало меня от каких-либо травм.

Я отогнал неправильную мысль о том, что, собственно, именно из-за кваалюда я и упал. В конце концов, эти таблетки обладали огромным количеством преимуществ, и, похоже, мне даже очень повезло, что я подсел именно на них. Подумайте, многие ли наркотики растаскивают с такой силой — и при этом безо всякого отходняка на утро? А человек в моем положении — то есть обремененный огромной ответственностью — не может себе позволить отходняка, это исключено!

Что касается жены… ну, полагаю, она сейчас вполне имеет право на небольшой семейный скандал, но, с другой стороны, какие у нее основания сердиться? Ведь когда она выходила за меня замуж, она же понимала, во что ввязывается, правда? Черт возьми, она же до этого была моей любовницей! Это уже говорит о многом, не так ли? И что уж я такого особенного сегодня натворил? Ничего ужасного… по крайней мере, ничего такого, что она сможет доказать.

Вот такие мысли снова и снова крутились в моем вывернутом наизнанку мозгу — я пытался мыслить логично, оправдывался, затем сомневался, а затем опять представлял все логичным до тех пор, пока мне не удалось наконец возбудить в себе благородное негодование. Да, думал я, некоторые вещи, происходящие между богатыми людьми и их женами, не изменились с каменного века или, по крайней мере, со времен Вандербильтов и Асторов. Конечно, люди, облеченные властью, должны иметь право на… на некоторые вольности, которые вправе позволить себе… в общем, эти люди, то есть я… должны иметь полное право! Конечно, я бы не стал говорить это прямо в лицо Надин — она ведь весьма склонна к физическому насилию и к тому же крупнее меня или по крайней мере таких же размеров, как и я (еще одна причина для недовольства).

Тут я услышал жужжание мотора электрического гольфмобиля. Это, наверное, едет Ночной Рокко, а может быть, и Дневной Рокко, не помню, когда там у них меняется смена. Как бы то ни было, один из Рокко ехал, чтобы доставить меня домой. Удивительно, как все всегда хорошо устраивается. Когда я падаю, то всегда находится кто-нибудь, кто меня подбирает, когда меня ловят за рулем в нетрезвом виде, то всегда находится продажный судья или полицейский, с которым можно договориться, а если я отрубался за ужином и мог бы утонуть в тарелке с супом, то моя жена (а в ее отсутствие какая-нибудь добросердечная шлюха) приходила на помощь и делала мне искусственное дыхание рот в рот.

Наверное, я *неуязвимый* — или что-то в этом роде. Сколько раз я играл со смертью? Невозможно посчитать. Может, я правда хотел умереть?

Неужели чувство вины и угрызения совести так грызли меня изнутри, что я действительно пытался убить себя? Да это же просто уму непостижимо! Я был на грани смерти тысячу раз, но не получил ни царапины. Я водил машину в стельку пьяным, управлял вертолетом под кайфом, ходил по карнизу небоскреба, нырял с аквалангом, проигрывал миллионы долларов в казино по всему миру и по-прежнему выглядел моложе двадцати одного года.

У меня было много прозвищ: Гордон Геккон, Дон Корлеоне, Кайзер Соза, меня даже называли Королем. Но моим любимым прозвищем был Волк с Уолл-стрит, потому что я и вправду был таким — настоящим волком в овечьей шкуре: я выглядел как ребенок, я вел себя как ребенок, но я не был ребенком. Мне был тридцать один год (а по сути дела все шестьдесят), я жил собачьей жизнью, и поэтому у меня один год шел за семь. Но я был богат и могуществен, у меня была великолепная жена и четырехмесячная дочка — само совершенство.

Но, как говорится, все хорошо, пока все правильно. Каким-то образом (я не знал еще точно, каким) я доберусь до шелкового стеганого одеяла за 12 тысяч долларов и усну в королевской спальне, задрапированной таким количеством белого китайского шелка, которого хватило бы на целый эскадрон парашютистов. А моя жена… Ну, она меня простит. Рано или поздно, но она всегда меня прощает.

С этой мыслью я отрубился.

Глава 2

Герцогиня Бэй-Риджская

13 декабря 1993

На следующее утро — или, точнее, через несколько часов — мне приснился потрясающий сон. Такой сон надеется и жаждет увидеть любой молодой мужчина, и я решил досмотреть его до конца. Я был один в постели, и ко мне пришла в гости шлюха Венеция. Она встала на колени на краю моей великолепной огромной кровати и застыла, а я не мог дотянуться до этого прекрасного маленького видения. Я отчетливо видел ее… соблазнительная грива каштановых волос… тонкие черты лица… налитые буфера, невероятные чресла, скользкие от жадности и желания.

— Венеция, — пролепетал я, — иди сюда, Венеция. Иди ко мне, Венеция!

Венеция поползла ко мне на коленях. У нее была светлая кожа, сиявшая на фоне шелка… шелк… шелк был повсюду. Сверху свисал огромный балдахин из белого китайского шелка. Занавеси из белого китайского шелка спускались со всех четырех углов кровати. Как много китайского шелка… Я тону в этом белом китайском шелке. Тут в моем мозгу защелкали цифры: такой шелк стоит 250 долларов за ярд, а здесь, наверное, ярдов двести. Значит, тут белого китайского шелка на 50 тысяч долларов. Неплохо для белого шелка, блин.

Но это же сделала моя жена, мой милый Подающий Надежды Декоратор — нет, постой-ка, надежду стать декоратором она подавала в прошлом месяце. Теперь она, кажется, Подающий Надежды Повар? Или Подающий Надежды Ландшафтный Дизайнер? Или знаток вин? Или дизайнер одежды? Кто может уследить за всеми ее чертовыми увлечениями?! Это так утомительно… так утомительно быть женатым на будущей Марте Стюарт.

Как раз в этот момент я вдруг почувствовал, что на меня упала капля воды. Я посмотрел вверх. Что за черт? Грозовые облака? Как в мою королевскую спальню могли пробраться грозовые облака? Где моя жена? *О черт! Моя жена! Моя жена! Ураган «Надин»!*

ПЛЮХ!

Я мигом вынырнул из сна и увидел перед собой злое, но все равно восхитительное лицо моей второй жены Надин. В правой руке она держала

пустой трехсотграммовый стакан, а левая была сжата в кулак, украшенный бриллиантом в семь каратов канареечного цвета и в платиновой оправе. Она стояла меньше чем в пяти футах от меня и покачивалась на пятках, как профессиональный борец. Я быстро сказал себе: следи за кольцом.

— Какого черта ты это сделала? — заорал я, стараясь обрести уверенность. Затем начал вытирать мокрые глаза тыльной стороной ладони, украдкой следя из-под пальцев за действиями противника. *Ох, какая же у нее попа!* Даже сейчас я не мог не отдать ей должное. К тому же на Надин была крошечная розовая ночная рубашка, такая короткая и с таким вырезом, что моя жена выглядела в ней еще более голой, чем без нее. А ее ноги! Господи, как же они восхитительны. Но сейчас нельзя отвлекаться. Мне надо быть суровым, неприступным и показать, кто здесь главный. Я прорычал сквозь сжатые зубы:

— Господом богом клянусь, Надин, я тебя сейчас убью к чертовой матери.

— Ох, как ты меня напугал, блин, — издевательски протянула моя светловолосая бомба.

Затем с подчеркнутым омерзением передернула плечами, и из-под розовой рубашечки выглянули маленькие розовые соски. Я старался не смотреть на них, но это было нелегко.

— Может, мне лучше убежать и спрятаться? — округлив глазки и сделав кукольный ротик, лепетала Надин. — А может, наоборот? — с каждым словом она повышала голос, — может, мне остаться здесь и *как следует надрать тебе задницу?!*

Последние слова она уже провизжала во все горло.

Ну что же, может быть, здесь сейчас действительно командует *она?* О`кей, о`кей, она безусловно имеет право на супружескую сцену, отрицать это невозможно. К тому же у герцогини Бэй-Риджской был ужасный характер. Да-да, она действительно была английской герцогиней, она же родилась в Англии, и у нее все еще был британский паспорт. Она не забывала то и дело напоминать мне об этом удивительном факте. Впрочем, все это было скорее забавно, так как она никогда не жила в Британии: она переехала в Бруклин еще ребенком и выросла здесь — в краю пропущенных согласных и искореженных гласных, где слова типа «черт», «дерьмо», «ублюдок» и «жопа» срываются с языка юных туземцев с поэтической небрежностью, достойной Т. С. Элиота и Уолта Уитмена. Так что Надин Кариди — моя очаровательная англо-ирландско-шотландско-немецко-норвежско-итальянская беспородная герцогиня — быстро научилась вязать длинные цепочки из ругательств примерно в те же годы,

когда она научилась завязывать шнурки на своих роликах.

Шутка-то, выходит, жизненная, думал я не раз, вспоминая, как Марк Ханна много лет назад шутливо предостерегал меня, чтобы я никогда не водился с девушками из Бэй-Ридж. Его девушка однажды вонзила в него карандаш, пока он спал. А моя Герцогиня предпочитала обливать меня водой. Так что мне еще повезло.

В любом случае, когда Герцогиня злилась, то казалось, что слова, вылетавшие у нее изо рта, родились не иначе как в бруклинской канализации. И никто не злил ее больше, чем я, ее преданный и верный муж, ее любимый Волк с Уолл-стрит, который меньше пяти часов назад валялся в президентском люксе отеля «Хелмсли-Пэлас» со свечкой в заднице.

— А теперь отвечай, маленький говнюк, — вопила Герцогиня — кто такая эта чертова Венеция, ну?

Она замолчала и сделала агрессивный шаг вперед, а затем вдруг остановилась, надменно демонстрируя свои бедра, отставила в сторону одну длинную голую ногу и сложила руки под сиськами так, что ее соски буквально вывалились на всеобщее обозрение. И сказала:

— Держу пари, это какая-то шлюшка, — и пронзительно посмотрела мне в глаза своими прищуренными огромными голубыми глазищами. — Думаешь, я не знаю, что у тебя в голове? Сейчас я еще раз в твою бесстыжую харю… ах ты маленький!..

С этими яростными воплями она промчалась через всю спальню по сделанному на заказ серо-бежевому ковру ценой в 120 тысяч долларов и скрылась в ванной, до которой от меня было футов тридцать. Я слышал, как она включила воду, снова наполнила стакан и вернулась в спальню еще в два раза злее, чем до этого. Она с такой яростью сжимала зубы, отчего ее квадратная челюсть фотомодели еще больше выдалась вперед. *Далеко* вперед. Выглядела она как настоящая Адская Герцогиня.

Я тем временем пытался собраться с мыслями, но она слишком быстро передвигалась. Мне не хватало времени подумать. Чертов кваалюд! Из-за него я опять разговаривал во сне. *Черт!* Что же я такое сказал? Я перебрал в мозгу разные варианты: лимузин… отель… наркотики… шлюха Венеция… со свечкой… *О боже! Чертова свечка!* — как бы поскорее забыть об этом?

Я посмотрел на электронные часы на ночном столике: они показывали 7:16. Господи! Когда же я вернулся домой? Я потряс головой, стараясь прочистить мозги. Провел рукой по волосам — какие же они были мокрые! Похоже, она вылила воду прямо мне на голову. Моя собственная жена! А

потом назвала меня маленьким — маленьким говнюком! Почему она меня так назвала? Я не такой уж маленький! Герцогиня иногда могла быть очень жестокой.

Тем временем моя фурия была уже на расстоянии всего пяти футов от меня, и в руке она держала стакан с водой, а локоть оттопырила в сторону: ее любимая позиция для броска! Выражение ее лица? *Чистый смертельный яд.* И все-таки… до чего же она хороша! И дело не только в ее огромной светлой шевелюре, но и в сверкающих яростью голубых глазах, великолепных скулах, маленьком носике, идеальном нежном овале лица, подбородке с маленькой ямочкой, в ее нежных юных сиськах — они чуть-чуть поникли из-за того, что она кормила Чэндлер, но это легко можно будет исправить с помощью десяти тысяч долларов и острого скальпеля. А ее ноги… Господи боже мой, ее длинные голые ноги были вообще вне конкуренции! Как идеально они выглядели, какими тонкими были ее лодыжки и как при этом соблазнительно они выглядели выше колен. Ноги и задница — это, конечно, были ее главные активы.

Я впервые увидел Герцогиню три года назад. Она выглядела настолько соблазнительно, что в результате я бросил свою добрую старую Дениз — заплатив ей разом несколько миллионов отступных плюс пятьдесят штук алиментов в месяц, чтобы она тихо ушла, не натравив аудиторов на мои счета.

И как же быстро все пошло наперекосяк! Что вообще я такого сделал? Сказал во сне несколько слов? В чем здесь преступление? В данном случае Герцогиня явно перегибала палку. По сути дела я сейчас тоже имел полное право прийти в ярость… Или лучше попытаться закончить всю эту историю небольшим примирительным сексом? Это ведь самый лучший секс на свете. Я глубоко вздохнул и сказал с видом оскорбленной невинности:

— Чего ты злишься? Я… я совершенно ничего не понимаю.

Герцогиня склонила свою светловолосую голову — так поступает человек, услышавший нечто, абсолютно противоречащее законам логики.

— Ты не *понимаешь*? — процедила она. — Ты, блин, не понимаешь?! Ах ты… маленький ублюдок!

Опять «маленький»! Невероятно!

— С чего бы мне начать? Может быть, с того, что ты прилетел сюда на своем идиотском вертолете только в три часа ночи? И даже не соизволил позвонить и сказать, что ты задерживаешься. Так, по-твоему, ведут себя женатые мужчины?

— Но я…

— И к тому же отцы семейства! Ведь ты теперь отец! А ведешь себя, как будто ты еще ребенок, блин! И разве тебя волнует, что я только что засадила это идиотское поле для гольфа бермудской травой? Ты, наверное, все там к чертовой матери погубил!

Она с отвращением покачала головой, а затем понеслась дальше:

— Да тебе же наплевать! Ведь это же не ты изучал все детали, общался с дизайнерами и строителями. Ты хоть представляешь себе, сколько времени я потратила на этот твой идиотский гольф? Представляешь, ты, бесчувственный ублюдок?

Ага, значит, в этом месяце она у нас Подающий Надежды Ландшафтный Архитектор! Но какой, однако, сексуальный архитектор. Должен быть способ успокоить ее. Какие-нибудь волшебные слова.

— Моя сладенькая, пожалуйста, я…

С расстановкой сквозь сжатые зубы:

— Я! Тебе! Не! Сладенькая! И не смей больше никогда называть меня сладенькой!

— Но сладенькая…

ПЛЮХ!

На этот раз я был наготове и успел натянуть на голову двенадцатитысячное шелковое одеяло, так что оно приняло на себя большую часть ее праведного гнева. По правде говоря, на меня не попало ни капли воды. Но, увы, моя победа была только временной, и к тому моменту, когда я стащил одеяло с головы, она уже неслась обратно в ванную, чтобы снова наполнить стакан.

Теперь она возвращалась. Стакан был полон до краев, голубые глаза испускали смертельные лучи, челюсть фотомодели выдвинулась вперед чуть ли не на милю, а ее ноги… Господи! Я не мог отвести от них глаз. Впрочем, на это все равно теперь не было времени. Волку пора было снова становиться опасным. Волку пора показать свои клыки.

Я вытащил руки из-под белого шелкового одеяла, стараясь не зацепиться за тысячи маленьких, нашитых вручную жемчужин. Потом я слегка расставил локти, словно крылышки у цыпленка, чтобы раздраженная Герцогиня могла увидеть с высоты птичьего полета мои мощные бицепсы. И громко и решительно сказал:

— Не смей обливать меня водой, Надин. Я серьезно говорю! Я разрешил сделать тебе это дважды, чтобы ты дала выход своей злости, но продолжать дальше… это все равно что втыкать нож в мертвое тело, и так уже лежащее в луже крови. Это же омерзительно, блин!

Она приостановилась — но только на секунду. Затем издевательским

тоном заметила:

— Что ты тут выгибаешь руки? Ты выглядишь как полный идиот!

— Я вовсе ничего не выгибаю, — ответил я, перестав выгибать руки. — Тебе разве не нравится, что у тебя муж в такой хорошей форме, а, милая?

Я улыбнулся ей своей самой обаятельной улыбкой:

— Ну а теперь иди скорее сюда и поцелуй меня!

Как только эти слова слетели с моего языка, я понял, что совершил ошибку.

— Поцеловать *тебя*? — прошипела Герцогиня. — Ты что, блин, издеваешься?

Она просто кипела от омерзения.

— Да я готова отрезать к чертовой матери твои яйца и засунуть их в какую-нибудь коробку из-под своих туфель! Чтобы ты их никогда больше не нашел!

О господи, она была права! Ее шкаф для туфель был размером со штат Делавэр, и мои яйца затерялись бы там навсегда. Я сказал тоном максимального смирения:

— Пожалуйста, дай я тебе все объясню, моя сла… — то есть моя милая. Пожалуйста. Умоляю тебя!

Ее лицо неожиданно смягчилось.

— Я тебе не верю, — сказала она, шмыгнув носом. — За что мне это? Я хорошая жена. Красивая жена. И при этом мой муж возвращается домой под утро и разговаривает во сне с другой женщиной!

Она с омерзением протянула:

— «О-о-о! Венеция… Иди ко мне, Венеция!»

О господи! Сколько неприятностей может доставить этот кваалюд. Теперь она плакала. Просто ужас. Как же мне затащить ее в постель, если она плачет? Мне нужно как-то переключить передачу, придумать какую-то новую стратегию.

Я сказал голосом, которым обычно разговаривают с тем, кто стоит на краю обрыва и угрожает прыгнуть вниз:

— Миленькая, поставь, пожалуйста, на место этот стакан с водой и перестань плакать. Пожалуйста. Я все тебе объясню, честное слово.

Медленно, неохотно она опустила стакан до уровня талии.

— Ну давай, — сказала она недоверчиво, — послушаем еще одну сказку профессионального лжеца.

Это было правдой. Волк *действительно* был профессиональным лжецом, хотя в этом-то и заключалась сама суть Уолл-стрит. Влиятельным брокером можно было стать только с помощью лжи. Все это знали, и

лучше всех — Герцогиня, так что она, в общем-то, не имела права сердиться на это. Но я сделал вид, что не заметил ее сарказма, взял короткую паузу, чтобы получше продумать свой лживый рассказ, и начал:

— Во-первых, ты все вывернула наизнанку. Я не позвонил тебе вчера вечером только потому, что понял, что задерживаюсь, уже почти в одиннадцать. Я знаю, как ты ценишь возможность пораньше лечь, и решил, что ты уже спишь и поэтому не имеет смысла звонить.

Герцогиня тут же взорвалась:

— Ох, какой же ты заботливый, блин! Пойду поблагодарю судьбу за то, что у меня такой заботливый муж! — ее слова сочились сарказмом, словно гноем.

Я проигнорировал сарказм и решил пойти напролом:

— И насчет Венеции ты тоже поняла абсолютно неправильно. Я говорил вчера с Марком Паркером о том, чтобы открыть ресторан в Венеции, штат Калиф…

ПЛЮХ!

— Ах ты чертов лгун! — завопила она, срывая шелковый халат, задуманный в тон всей комнате, со спинки стула, обитого неприлично дорогой белой тканью. — Чертов лгун!

Я демонстративно вздохнул с видом оскорбленной невинности.

— Ну хорошо, Надин, ты сегодня уже повеселилась. А теперь иди ко мне в кровать и поцелуй меня. Я все равно тебя люблю, хоть ты и облила меня с головы до ног.

Ух, как она на меня посмотрела!

— Ты что же это… похоже, хочешь *потрахаться*?

Я с энтузиазмом закивал — просто-таки семилетний мальчуган, отвечающий мамочке на вопрос о том, не хочет ли он мороженого.

— Отлично, — завопила Герцогиня, — ну так и трахни сам себя!

С этими словами ее соблазнительная светлость Герцогиня Бэй-Риджская рывком открыла дверь — тяжелую дверь из красного дерева весом в семьсот фунтов и высотой в двенадцать футов, достаточно прочную, чтобы выдержать ядерный взрыв в двенадцать килотонн, — и вышла из комнаты… тихонько прикрыв ее за собой. Дело в том, что если бы она хлопнула дверью, то отправила бы неправильный сигнал всем нашим слугам сразу.

Вот каким был причудливый зверинец нашей прислуги: пять приятных пухленьких испаноязычных служанок (две из которых были мужем и женой); няня с Ямайки, за чьи телефонные разговоры с родственниками приходили счета на тысячу долларов в месяц; электрик-израильтянин,

ходивший за Герцогиней, как влюбленный щенок; домашний мастер, «белая рвань» с мотивацией подсевшего на героин морского слизняка; моя личная служанка Гвинн, выполнявшая любое мое пожелание, каким бы странным оно ни казалось. Затем Рокко и Рокко, два вооруженных телохранителя, охранявшие нас от предполагаемых воров (несмотря на то, что последняя кража в Олд-Бруквилле произошла в 1643 году, когда белые поселенцы украли у индейцев землю, на которой теперь стоит городок); пять садовников на полной ставке, причем трех из них успела покусать моя шоколадно-коричневая лабрадориха Салли, кусавшая каждого, кто осмеливался приблизиться меньше чем на сто ярдов к колыбельке Чэндлер, — особенно если кожа этого человека была темнее, чем бежевый крафтовый пакет. И, наконец, недавнее добавление к зверинцу — два морских биолога (тоже на полной ставке, тоже муж с женой), которые за 90 тысяч в год поддерживали экологический баланс в нашем кошмарном пруду. Ну и, конечно же, Джордж Кэмпбелл, черный как смоль водитель моего лимузина, ненавидевший всех белых, включая и меня.

И вот, несмотря на всю эту толпу людей, работавших в заведении «У Белфорта», я в данный момент находился в полном одиночестве, абсолютно мокрый, в невероятном сексуальном возбуждении и в полной зависимости от своей второй жены — блондинки, подававшей надежды сразу во всем. Я поискал глазами что-нибудь, чем можно было бы вытереться. Схватил одну из занавесей белого китайского шелка и попытался вытереться ею. Оказалось, что это совершенно невозможно: похоже, шелк был обработан каким-то водоотталкивающим составом, поэтому он просто перегонял воду с одного места на другое. Я оглянулся — наволочка! Она была из египетского хлопка, из ткани плотностью, наверное, три миллиона ниток на квадратный дюйм. Она наверняка стоила целое состояние — *мое состояние!* Я стащил наволочку с набитой гусиным пером подушки и принялся вытираться. Ах, как приятен и мягок на ощупь египетский хлопок! Как он здорово впитывает воду! У меня сразу поднялось настроение.

Я решил выбраться из лужи и переполз по кровати на половину жены. Мне хотелось натянуть одеяло на голову и снова окунуться в теплую глубину моего сна. Вернуться к Венеции. Я глубоко вздохнул.

О черт! Здесь повсюду пахло Герцогиней! Я сразу почувствовал, как кровь прилила к моим половым органам. Боже, Герцогиня была крайне соблазнительным зверем и запах издавала соблазнительный! Теперь придется дрочить. В конце концов, власть Герцогини надо мной начинается и заканчивается ниже пояса.

Но как только я начал ублажать себя, как в дверь постучали.

— Кто там? — спросил я достаточно громко, чтобы меня услышали за дверью, достойной бомбоубежища.

— *Это Гви-инн!* — отозвалась Гвинн.

Ах, Гвинн — это ее очаровательный южный акцент! Как это успокаивает! Вообще, все в Гвинн успокаивало. И то, как она исполняла все мои желания, и то, как она меня обожала, словно я был ребенком, которого она и ее муж Уилли так никогда и не смогли зачать.

— Входи, — нежно позвал я.

Дверь бомбоубежища с легким скрипом открылась.

— *Доброе утро (до-оброе утро-о)!* — пропела Гвинн. В руках у нее был поднос из чистого серебра. На нем стоял высокий стакан некрепкого кофе со льдом и баночка байеровского аспирина. На левой руке Гвинн висело белое банное полотенце.

— Доброе утро, Гвинн, как у тебя дела в это прекрасное утро? — спросил я шутливо.

— Все хорошо (*все-е хорошо-о)!* Я вижу, вы лежите со стороны вашей жены, так что я обойду оттуда и подам вам ваш кофе со льдом. А еще я принесла вам хорошее мягкое полотенце, чтобы вы могли вытереться. Миссис Белфорт сказала мне, что вы нечаянно облились водой.

Невероятно! Марта Стюарт наносит ответный удар! Я вдруг увидел, что из-за моей эрекции белое шелковое одеяло было похоже на цирковой шатер — *черт!* — пришлось стремительно согнуть колени.

Гвинн обошла кровать и опустила поднос на старинный ночной столик, стоявший у постели со стороны Герцогини.

— Позвольте, я вас вытру, — сказала Гвинн, нагнулась и начала промокать белым полотенцем мой лоб, словно я был маленьким ребенком.

Черт возьми! Что за чертов цирк творился в этом доме! Я лежал на спине с невероятно возбужденным членом, а моя пятидесятипятилетняя пухлая чернокожая служанка, анахронизм давно ушедших времен, вытирала меня пятисотдолларовым банным полотенцем с вышитой на нем монограммой. Конечно, Гвинн совершенно не выглядела чернокожей. О нет! Будь так, она была бы слишком нормальна для *этого* дома! Кожа у Гвинн вообще-то была светлее моей. Я думаю, в далеком прошлом, может быть, лет сто пятьдесят назад, когда Юг еще был *настоящим* Югом, ее прапрапрапрабабушка была тайной возлюбленной какого-нибудь богатого плантатора с юга Джорджии.

Одного только приближения ко мне обвисших сисек Гвинн было достаточно для того, чтобы кровь отлила от моего члена и вернулась на

место — в печень и лимфатическую систему, где она быстро начнет очищаться. Однако я все же не мог вынести заботливого вида горничной и мягко объяснил, что в состоянии сам вытереть свой лоб.

Кажется, она немного огорчилась, но снова сказала «о`кей» (о-о *ке-ей):*

— Так вам нужен аспирин (*ва-ам ну-ужен аспи-ирин)?*

Я покачал головой.

— Нет, Гвинн, спасибо, все в порядке.

— О`кей (*ооокееей*)! А как насчет маленьких беленьких таблеток для вашей спины? — невинно спросила она. — Хотите, я вам их принесу?

Еще не хватало! Моя собственная служанка в половине восьмого утра предлагает принести мне кваалюд прямо в койку! И как, скажите на милость, в таких обстоятельствах не быть постоянно под кайфом? Где бы я ни находился, всюду у меня под рукой были наркотики, они словно гнались за мной, звали меня по имени. И хуже всего с этим обстояли дела в офисе моей брокерской фирме, где карманы молодых клерков были набиты буквально всеми существующими в природе наркотическими веществами.

Но спина у меня *действительно* болела. У меня были хронические боли в результате странной травмы, произошедшей со мной вскоре после того, как я встретил Герцогиню. Виновата была ее мальтийская болонка — этот маленький белый ублюдок Рокки, который постоянно лаял и занимался только тем, что изводил каждого человека, который ему попадался. Однажды в конце лета в Хэмптоне я пытался прогнать этого мерзавца с пляжа, но маленький ублюдок не слушался меня. Я попытался его поймать, но он нарезал вокруг меня круги, вынуждая бросаться в разные стороны. Это напомнило мне, как Рокки Бальбоа гонял того жирного придурка в фильме «Рокки-2» перед своим повторным боем с Аполло Кридом. Но в отличие от Рокки Бальбоа, который был быстр как молния и в конце концов взял свой реванш, я получил травму диска позвоночника и был на две недели прикован к постели. С тех пор я перенес две операции на спине, но обе они только усилили мою боль.

Так что кваалюд вроде бы как помогал и против боли. А если даже не помогал, то все равно боль была прекрасным поводом для того, чтобы его принимать.

Эту паршивую собачку ненавидел не только я один. Его ненавидели все, кроме Герцогини, его единственной защитницы, по-прежнему разрешавшей этой шавке спать у нее в ногах и жевать ее трусики, что почему-то вызывало у меня страшную ревность. Но было ясно, что Рокки все равно в обозримом будущем будет ошиваться вокруг нас, пока я не придумаю, каким образом избавиться от него, причем так, чтобы

Герцогиня не смогла меня в этом обвинить.

Но я все-таки сказал Гвинн:

— Нет-нет, спасибо, не надо кваалюда, — и, казалось, она снова огорчилась. Ведь ей не удалось выполнить ни одну мою прихоть. Но сказала она только:

— О`кей, хорошо, я включила вашу сауну, так что теперь она уже готова (*у-уже-е го-отова*), — и я еще с вечера приготовила вам одежду. Серый костюм в полоску и тот синий галстук с маленькими рыбками подойдут?

Боже, вот это сервис! Ну вот почему Герцогиня не может быть такой же? Конечно, я платил Гвинн 70 тысяч долларов в год, в два раза больше обычной зарплаты горничной, но все-таки… в ответ я получал сервис с улыбкой! А моя жена только на себя тратила 70 тысяч в месяц — в самом лучшем случае! На самом же деле на все эти свои чертовы надежды она тратила в два раза больше. И я совершенно не возражал, но что-то же я должен получать взамен? Я хочу сказать, что, если у меня иногда возникает потребность развлечься и подвигать членом туда-сюда, разве не должна она сделать мне маленькое одолжение? Конечно, должна! Я даже начал кивать головой, отвечая своим собственным мыслям.

Кажется, Гвинн приняла мои кивки за утвердительный ответ на ее вопрос и сказала:

— О-оке-ей, тогда я пойду и приодену Чэндлер, чтобы она встретила вас хорошенькой и чистенькой. Желаю вам хорошо помыться!

Ура! Ура! Ура! Гвинн ушла. Ну что же, подумал я, благодаря ей у меня, по крайней мере, больше не стоит, так что я лучше готов к встрече с дочкой. О Герцогине я подумаю потом. Она, в конце концов, простая сучка, а всем известно, что сучки очень отходчивы.

Все обдумав, я выпил свой кофе со льдом, принял шесть таблеток аспирина, слез с кровати и поплелся в сауну. Там я выпарил из себя пять таблеток кваалюда, два грамма кокаина, три миллиграмма ксанакса, принятых прошлой ночью, — и если учесть, на что я в принципе был способен, это все можно было считать довольно скромной дозой.

В отличие от моей спальни, полностью задрапированной белым китайским шелком, моя ванная была облицована серым итальянским мрамором, а на полу был выложен изысканный инкрустированный узор, такое умеют делать только итальянские ублюдки. И они не побоялись выкатить мне невероятный счет, можете не сомневаться! Но я спокойно заплатил этим жуликам-итальяшкам. В конце концов, в этом заключается суть капитализма двадцатого века: все друг друга обжуливают, и тот, кто

делает это лучше всех, тот и выиграл. И в этой игре я был непобедимым чемпионом мира.

Я стал разглядывать себя в зеркале. Господи, какой же я тощий маленький ублюдок! Очень мускулистый, но все-таки… Мне же придется бегать по душевой, чтобы хоть капля воды в меня попала! Может быть, дело в наркотиках? Возможно, но я все равно выглядел неплохо. Рост у меня был всего метр семьдесят, и один очень умный человек когда-то сказал, что никто не может быть *слишком* богатым или *слишком* худым. Я открыл аптечку, достал пузырек визина, запрокинул голову и закапал в каждый глаз по шесть капель — в три раза больше рекомендуемой дозы.

Именно в этот момент у меня в мозгу мелькнула странная мысль: зачем человек злоупотребляет визином? И, кстати, почему я принял целых *шесть* таблеток аспирина? В этом же нет никакого смысла. В общем-то, в отличие от кваалюда, кокаина или ксанакса, где смысл увеличения дозы понятен, не существует никаких осмысленных причин превышать рекомендуемые дозы глазных капель или аспирина.

Однако, по иронии судьбы, именно так и была устроена моя жизнь. В ней всего было слишком много: нарушенных границ, поступков, которые я никогда не думал совершить, людей, еще более необузданных, чем я, от общения с которыми даже моя собственная жизнь начинала казаться почти нормальной.

Я вдруг невероятно пал духом. Как быть с женой? *Господи, что же я натворил на этот раз?* Она, похоже, была *очень* зла сегодня утром!

«Что, интересно, она делает сейчас?» — подумал я. По моим предположениям, она, скорее всего, говорила по телефону с одной из своих подруг, или поклонниц, или хрен знает кем они там были. Она была где-то внизу, делясь совершенными перлами своей мудрости со своими, мягко говоря, далекими от совершенства подругами в искренней надежде, что эти небольшие проповеди сделают их такими же совершенными, как она сама. Ах, это было типично для моей жены, Герцогини Бэй-блин-Риджской! Герцогини и всей этой свиты ее преданных подданных, молодых жен сотрудников «Стрэттон», присосавшихся к ней, будто она была королевой Елизаветой или кем-то в этом роде! От всего этого просто тошнило.

Впрочем, надо признать, что у Герцогини была своя роль и она играла ее хорошо. Она понимала, какое извращенное чувство преданности питали к «Стрэттон-Окмонт» те, кто был так или иначе связан с этой фирмой, она установила тесные отношения с женами главных сотрудников, и это сильно укрепило всю систему. Да уж, соображала Герцогиня хорошо.

Обычно, когда я утром собирался на работу, она заходила ко мне в

ванную комнату поболтать. С ней было приятно поболтать в те минуты, когда она не предлагала мне трахнуть самого себя. Но когда предлагала, то я обычно сам бывал в этом виноват, так что винить ее не стоило. По сути дела, мне вообще не в чем было ее винить. Она оказалась классной женой, несмотря на всю эту фигню в духе Марты Стюарт. Она говорила «я люблю тебя» по меньшей мере раз сто в день. А по мере того как день близился к концу, добавляла разные чудесные усилители: *Я тебя отчаянно люблю! Я люблю тебя любого!..* И, конечно же, самое мое любимое — *Я с ума от тебя схожу!* — что мне казалось самым подходящим выражением.

Однако, несмотря на все эти милые слова, я все еще не знал, можно ли ей доверять. В конце концов, она была моей второй женой, а слова стоят дешево. Останется ли она действительно со мной в горе и радости? Все внешние признаки любви были налицо — она постоянно осыпала меня поцелуями, а на людях всегда держала меня за руку, обнимала или ерошила мне волосы.

Все это меня очень смущало. Когда я был женат на Дениз, то подобные вещи меня не беспокоили. Она вышла за меня замуж, когда у меня ничего не было, поэтому в ее преданности сомневаться не приходилось. Но когда я заработал свой первый миллион, у нее, очевидно, появились мрачные предчувствия, и она спросила меня, почему я не могу получить нормальную работу, где я смог бы зарабатывать миллион в год? Тогда это прозвучало смешно, но в тот день ни она, ни я не подозревали, что меньше чем через год я буду зарабатывать миллион долларов в неделю. И ни она, ни я не знали, что меньше чем через два года Надин Кариди, девушка из «Миллер лайт», в день 4 июля подъедет к моему пляжному домику в Вестхэмптоне и выйдет из своего бананово-желтого «феррари» в невероятно короткой юбке и белых туфлях на невероятно высоких каблуках.

Я никогда не хотел причинять боль Дениз. Эта мысль даже не приходила мне в голову. Но я безумно влюбился в Надин, а она в меня. Мы ведь не выбираем, в кого нам влюбляться. А если уже влюбился, особенно такой безумной, всепоглощающей любовью, когда люди не могут прожить друг без друга ни минуты, — как можно отпустить такую любовь?

Я глубоко вдохнул и медленно выдохнул, стараясь загнать все мысли о Дениз куда-то в глубину. В конце концов, вина и угрызения совести — это абсолютно ненужные эмоции. Я знал, что это не совсем так, но у меня просто не было на них времени. Главной моей задачей было движение вперед. Беги как можно быстрее и не оглядывайся. А что касается жены, думаю, что и здесь все как-то устроится.

В общем, я меньше чем за пять минут все уладил у себя в голове, заставил себя улыбнуться своему отражению в зеркале и направился в сауну. Там я выпарю все дурное настроение и начну новый день.

Глава 3

Скрытая камера

Через тридцать минут я завершил свою утреннюю детоксикацию и вышел из своей хозяйской спальни, чувствуя себя заново родившимся. На мне был тот самый серый костюм в полоску, который для меня приготовила Гвинн. На левом запястье красовались тонкие и элегантные золотые часы «Булгари» за 18 тысяч долларов. В былые времена, до появления Герцогини, я носил большой массивный золотой «ролекс». Но Герцогиня, считавшая себя законодательницей хорошего тона, изящества и элегантности, немедленно велела мне с ним расстаться, объяснив, что носить такие часы — признак неотесанности. Я так и не мог понять, откуда она могла знать такие вещи, учитывая, что на самых красивых часах, которые она видела в детстве в Бруклине, наверное, были нарисованы герои Диснея. Но, так или иначе, она в этом разбиралась, и я обычно к ней прислушивался.

Впрочем, неважно. У меня все равно была еще одна вещичка, которой я очень гордился: потрясающая пара сделанных на заказ ковбойских сапог из черной крокодиловой кожи ручной выделки. На каждый сапог пошла целиком кожа одного животного, и поэтому на них не было ни одного шва. Они стоили мне 2400 долларов, и я просто обожал их. Герцогиня, естественно, их презирала. Сегодня я с особой гордостью надел их, надеясь таким образом ясно продемонстрировать жене, что меня нельзя просто так третировать, пусть она только что именно это и сделала.

Я зашел в комнату Чэндлер, чтобы дать волю своей отцовской любви, — это было мое самое любимое время дня. Чэндлер была единственной по-настоящему чистой частью моей жизни. Каждый раз, когда я брал ее на руки, мне казалось, что я смогу обуздать хаос и безумие.

Приближаясь к детской, я чувствовал, как у меня улучшается настроение. Ей было почти пять месяцев, и она была само совершенство. Но когда я открыл дверь Чэнни — *вот это удар!* Там была еще и ее мамочка! Она все это время пряталась в комнате Чэнни и ждала, когда я приду!

Они сидели посреди комнаты, на самом мягком, самом прекрасном розовом ковре, какой только можно было вообразить. Это была еще одна невероятно дорогая деталь, добавленная в детскую комнату мамочкой (в

прошлом — Подающим Надежды Декоратором), *которая, черт возьми, выглядела прекрасно!* Чэндлер сидела между слегка разведенных (*слегка разведенных!*) ног свой мамы; своей нежной спинкой она слегка привалилась к твердому мамочкиному животику, а мамочка поддерживала ее, обнимая ее животик. Обе они выглядели великолепно. Чэнни была копией своей матери, она унаследовала от нее живые голубые глаза и восхитительные скулы.

Я глубоко вдохнул, чтобы сполна насладиться ароматом детской. А-ах! Как там пахло детской присыпкой, детским шампунем и детскими влажными салфетками! Я еще раз вдохнул — на этот раз, чтобы насладиться запахом мамочки. А-ах! Запах ее бог знает откуда привезенных четырехсотдолларового шампуня и кондиционера! А ее гипоаллергенный, сделанный по специальному заказу кондиционер для кожи «Килс», а этот легкий намек на духи «Коко», которыми она так беззаботно душилась! Я почувствовал очень приятное возбуждение во всей моей нервной системе и во всех соответствующих местах.

Сама комната была совершенно идеальна, просто маленькая розовая страна чудес. Повсюду были прихотливо расставлены мягкие игрушки. Справа стояли белая кроватка и детская переноска для ребенка, сделанные на заказ у «Беллини» с Мэдисон-авеню: дешевка, всего-то 60 тысяч долларов (*мамочка наносит ответный удар*)! Над кроваткой висел розово-белый подвесной мобиль, который умел играть двенадцать песенок из диснеевских мультиков, а в это время потрясающе реалистично исполненные диснеевские персонажи снова и снова кружились, весело покачиваясь на пружинке. Это была еще одна деталь интерьера, сделанная по эскизу моего дорогого Подающего Надежды Декоратора и стоившая всего лишь 9 тысяч долларов. *За подвесную игрушку?!* Да какая разница? Это же комната Чэндлер, самая прекрасная комната в доме!

Я остановился и посмотрел на жену и дочь. Неожиданно у меня в голове возникли слова «дух захватывает». Чэндлер была совсем голенькая. Ее оливковая кожа была нежной, как масло, и абсолютно безупречной.

А рядом сидела ее мамочка, одетая так, чтобы сразу сразить наповал или, в моем случае, чтобы посильнее помучить. На мамочке было ярко-розовое коротенькое платье без рукавов с огромным декольте. Как потрясающе выглядела ее ложбинка между грудями! Ее восхитительная грива золотистых волос сверкала в лучах утреннего солнца. Платье на бедрах у нее задралось, и мне все было видно аж до талии. В этой картине чего-то не хватало… Но чего? Я никак не мог сообразить и поэтому оставил эту мысль, просто продолжая глазеть. Ее колени были слегка

согнуты, и я осмотрел ее ноги по всей длине. Туфли были прекрасно подобраны под цвет платья, совпадая с ним в мельчайших оттенках. Туфли от Маноло Бланика были, наверное, куплены не меньше чем за тысячу баксов, но если хотите знать, о чем я думал в тот момент, то пожалуйста: они того стоили.

В моей голове роилось столько мыслей, что я никак не мог привести их в порядок. Я хотел свою жену сильнее, чем когда-либо… но здесь же была еще и моя дочка… правда, она такая маленькая, что это не имело значения. А как же Герцогиня? Простила ли она меня? Я хотел что-то сказать, но не мог подобрать слов. Я любил свою жену… Я любил свою жизнь… Я любил свою дочку. Я не хотел их терять. Поэтому я в ту же самую секунду принял решение: все, завязываю. Да! Больше никаких шлюх! Никаких полуночных полетов на вертолете! И больше никаких наркотиков — во всяком случае не в таких дозах.

Я хотел заговорить, отдать себя на милость суда, но не успел. Чэндлер меня опередила. *Моя дочка! Маленький гений!* Она улыбнулась от уха до уха! И сказала своим голоском:

— Па-па-па-па-па-па-па…

— Доброе утро, папочка, — сказала мамочка голоском маленькой девочки.

Как это было прекрасно! Как невероятно сексуально!

— Папочка, неужели ты с утра меня не поцелуешь? Я так этого хочу!

Ух! Неужели все так легко получится? Я незаметно скрестил пальцы и решил рискнуть.

— А вы обе меня поцелуете? И мамочка, и дочка? — я вытянул губы и посмотрел на мамочку самым лучшим своим щенячьим взглядом. А сам тем временем возносил молитву Господу.

— Ну нет, — ответила мамочка, и папочка сразу сдулся, — папочка теперь очень, очень долго не будет целовать мамочку. Но его доченька очень хочет, чтобы он ее поцеловал. Правда, Чэнни?

О господи, подруга, это нечестная игра!

А мамочка продолжала сюсюкать своим детским голоском:

— Ну, Чэнни, теперь ползи к папочке. А ты, папочка, наклонись, чтобы Чэнни могла подползти к тебе. Ладно, папочка?

Я сделал шаг вперед.

— Достаточно, — предупредила мамочка, поднимая правую руку, — а теперь наклонись так, как мамочка велела.

Я сделал так, как она велела. В конце концов, кто я такой, чтобы спорить с обольстительной Герцогиней? Мамочка положила Чэндлер на

ковер и очень нежно подтолкнула ее вперед. Чэндлер поползла ко мне со скоростью улитки, пыхтя «па-па-па-па-па-па».

О-о-о! Какое счастье! Что за *joie de vivre!* Разве я не самый счастливый человек на свете?

— Иди ко мне, — сказал я Чэндлер, — иди к папе, моя сладкая!

Я посмотрел на мамочку, медленно опуская глаза… и…

— Черт возьми, Надин, ты что, с ума сошла? Что ты…

— Что случилось, папочка? Я надеюсь, ты не увидел ничего такого, чего бы тебе хотелось получить, потому что больше ты этого не получишь, — невинно ответила мамочка, Подающее Надежды Динамо, еще шире расставив свои потрясающие ноги и задрав юбку еще выше на бедрах. Боже, да она без трусиков! Ее нежная розовая вульва была нацелена прямо на меня и так и блестела от желания. Все, что на мамочке было, — это маленький клочок нежного светло-персикового пуха прямо над лобком, и больше ничего.

Я сделал единственное, что в такой ситуации может сделать разумный муж: принялся унижаться, как жалкий пес, которым и был на самом деле.

— Пожалуйста, милая, ты же знаешь, что я и так чувствую себя виноватым из-за того, что случилось ночью. Богом клянусь, никогда…

— Прибереги это до следующего года, — ответила мамочка, помахав мне ручкой, — мамочка знает, как ты любишь клясться господом богом о том, и о сем, и о чем угодно, когда ты готов взорваться от желаний. Папочка, не трать время зря, потому что мамочка только-только за тебя взялась. Теперь ты будешь видеть дома только короткие, короткие и еще более короткие юбки! Да-да, папа! Ничего, кроме коротких юбок, никакого нижнего белья, и только это…

Сказав это весьма надменно, соблазнительная мамочка уперлась за спиной руками в пол и откинулась назад. Затем она использовала кончики каблуков своих туфель от Маноло Бланика так, как не приходило в голову ни одному дизайнеру обуви: она превратила их в эротические оси вращения и принялась сдвигать и раздвигать свои соблазнительные ноги, сдвигать и раздвигать, пока, наконец, на третьем круге не раздвинула их так широко, что ее колени почти коснулись великолепного розового ковра. Тут она спросила:

— Что-то не так, папочка? Ты не очень хорошо выглядишь.

Не буду утверждать, что я видел такое впервые. На самом деле, мамочка уже не раз так меня динамила. Я помню лифты, теннисные корты, общественные парковки и даже Белый дом. Не было такого места, где можно было бы чувствовать себя в безопасности от мамочки. Но как же

мне каждый раз было хреново! Я чувствовал себя боксером, который пропустил удар и оказался в нокауте — причем навсегда!

Дело осложнялось тем, что Чэндлер остановилась на полпути и решила внимательно изучить восхитительный розовый ковер. Она вытаскивала из него нитки и явно обнаружила там нечто совершенно замечательное. Она не обращала никакого внимания на то, что творилось вокруг нее.

Я еще раз попытался извиниться, но в ответ мамочка засунула указательный палец правой руки в рот и принялась его сосать. Вот тут я лишился дара речи. Она, похоже, понимала, что только что отправила меня в нокаут, поэтому медленно вынула палец изо рта и детским голоском произнесла вот что:

— О-о-о, бедный, бедный папа. Он так любит признавать свою вину, когда понимает, что сейчас кончит в штаны, правда, папа?

Я не мог поверить своим глазам и только думал, происходит ли нечто подобное у других семейных пар?

— Ну, папочка, теперь слишком поздно для извинений, — она поджала свои соблазнительные губки и медленно покачала головой, как делают люди, когда чувствуют, что только что поведали вам какую-то невероятно важную истину, — какой *позор*, что папочке так нравится летать по городу на своем вертолете среди ночи после того, как он бог знает чем занимался, а ведь мамочка так его любит, и сейчас ей ничего другого не хочется, как только заниматься с папочкой целый день любовью! А чего мамочке хочется больше всего, так это чтобы папочка поцеловал ее в свое любимое местечко, как раз туда, куда он сейчас смотрит.

После этого мамочка снова поджала губы и скорчила недовольную гримаску:

— О-о-о! Бедный, бедный папочка! Этого больше не случится, даже если папочка останется последним мужчиной на земле.

По сути дела мамочка решила уподобиться ООН и ввести всемирное эмбарго на секс.

— Папочка сможет заняться любовью с мамочкой только на Новый год.

— Что?! Ну, это уже наглость!

— И то если он до этого будет хорошим мальчиком. А если папочка совершит хоть одну ошибку, то он будет ждать до Дня сурка!

И в этот момент, как раз когда я собирался опуститься в небывалые ранее бездны унижения, до меня что-то дошло. О боже! Она *уже* проиграла! Сказать ей сразу или нет? Нет уж, хрен. Слишком хороший спектакль!

Мамочка продолжала детским голоском:

— Вот я еще о чем думаю, папочка: я думаю, пора мамочке достать свои шелковые чулки на подвязках и начать носить их дома. Мы ведь все знаем, как папочка любит мамочкины шелковые чулки на подвязках, правда, папочка?

Я жадно кивнул.

Мамочка продолжала:

— О да, мы знаем! А мамочке так надоело ходить в нижнем белье — у-у-ух! И она решила все его выбросить! Так что успехов тебе, папа!

Не пора ли ее остановить? О, пока еще нет!

— Ты в ближайшее время будешь видеть повсюду в доме очень много нижнего белья. Но, конечно, не забывай про эмбарго, тебе строжайше запрещено к нему прикасаться. И никакой мастурбации, папочка. Пока мамочка тебе не разрешит, держи руки по швам. Ты меня понял, папочка?

Я ощущал все большую уверенность и невинно спросил:

— А как же ты, мамочка? Что ты собираешься делать?

— О, мамочка прекрасно умеет себя ублажать. О-о-о… о-о-о… о-о-о, — застонала моя фотомодель, — мамочка возбуждается при одной мысли об этом! Папочка, я надеюсь, ты уже возненавидел вертолеты?

Тогда я решил нанести решающий удар:

— Ну не знаю, мамочка, я думаю, это все слова. Ублажать себя? Я тебе не верю.

Мамочка сжала свои соблазнительные губки и медленно покачала головой, а потом сказала:

— Ну, значит, пришло время преподать папочке первый урок.

Ага, дела идут на лад! Чэндлер тем временем продолжала увлеченно изучать ковер и не обращала на нас никакого внимания.

— Сейчас мамочка хочет, чтобы папочка внимательно смотрел на мамочкину руку, иначе День сурка превратится в пасхальное воскресенье быстрее, чем папочка успеет сказать: «Сейчас кончу!» Ты понял, кто здесь командует, правда, папочка?

Я затягивал время, готовясь взорвать свою бомбу:

— Да, мамочка, но что же ты будешь делать своей рукой?

— Т-с-с, — сказала мамочка, тут же засунула палец себе в рот и принялась сосать его до тех пор, пока он не заблестел от ее слюны в лучах утреннего солнца, а потом медленно, грациозно, сладострастно отправилась на юг… через свое огромное декольте… мимо ложбинки… мимо пупка… вниз, вниз, прямо в…

— Остановись-ка, — сказал я, поднимая правую руку, — я бы на твоем месте этого не делал!

Мамочка была потрясена. Она была просто в ярости! Похоже, что она ждала этого волшебного момента с не меньшим нетерпением, чем я. Но все зашло слишком далеко. Пришла пора взорвать бомбу. Но прежде чем я открыл рот, мамочка еще успела пролепетать:

— Ну вот, ты сам виноват! Теперь никаких поцелуев и никакого секса до… до Четвертого июля!

— Мамочка! А как насчет Рокко и Рокко?

Мамочка в замешательстве замерла:

— В каком смысле?

Я нагнулся вперед и поднял Чэндлер с великолепного розового ковра, прижал ее к груди и изо всех сил расцеловал в обе щечки. И когда она оказалась вне опасности, я сказал:

— Папочка хочет кое-что рассказать мамочке. А когда он закончит, мамочка будет рада, что папочка остановил ее до того, как она сделала то, что собиралась делать. И тогда она простит его за все, что он сделал, договорились?

Никакой реакции.

— Прекрасно, — сказал я, — итак, послушаем историю про маленькую розовую спальню в Олд-Бруквилле на Лонг-Айленде. Мамочка хочет ее услышать?

Мамочка кивнула, ее безупречное лицо фотомодели выражало полную растерянность:

— Мамочка обещает держать свои ноги широко-широко раскрытыми, пока папочка будет говорить?

Она кивнула медленно, будто во сне.

— Вот и отлично, потому что папочке этот вид нравится больше всего на свете, он вдохновляет его на то, чтобы *прямо сейчас* рассказать ей свою историю! Итак, жила-была маленькая розовая спальня на третьем этаже большого каменного особняка, стоявшего посреди прекрасного поместья в лучшей части Лонг-Айленда. А у людей, которые в нем жили, было много-много денег. Но — мамочка, внимание, начинается очень важная часть этой истории, — среди всех богатств, которыми владели эти люди, было нечто более ценное, чем все остальные их богатства вместе взятые, — их маленькая дочка.

На папу этой маленькой девочки работало очень-очень много людей, и большинство из них были очень-очень молоды и не очень хорошо воспитаны, поэтому мамочка и папочка решили построить вокруг своего поместья высокую-превысокую железную ограду, чтобы все эти молодые люди не могли приходить к ним в гости без приглашения. Но, мамочка, ты

просто не поверишь: они все равно приходили!

Я остановился и внимательно посмотрел прямо в медленно бледневшее лицо мамочки. Потом продолжил:

— Со временем мамочке и папочке все это так надоело, что они взяли и наняли двух телохранителей, которые постоянно заботились о папочке и мамочке. И послушай, как смешно получилось: обоих телохранителей звали Рокко!

Я снова остановился и внимательно вгляделся в красивое мамочкино лицо. Теперь она была бледнее смерти. Я продолжал.

— Так вот, Рокко и Рокко проводили все свое время в чудесном маленьком домике для охраны, который стоял в самом дальнем углу двора. А так как мамочка маленькой девочки из этой истории всегда любила все делать правильно, то она выяснила, где продается лучшая охранная аппаратура, и в конце концов купила самые новые и самые большие телевизионные камеры, показывающие самое ясное, яркое и детальное изображение, какое только можно купить за деньги. И самое интересное, мамочка, то, что они все это показывали в цвете! О да!

Ноги мамочки все еще были широко раздвинуты, и вся ее краса была все еще видна, но я продолжал:

— Так вот, два месяца назад, в одно прекрасное дождливое воскресное утро, мамочка и папочка лежали в кроватке, и мамочка рассказывала папочке, что она прочитала статью, в которой было написано, как плохо некоторые няньки и домоправительницы обращаются с детьми, о которых они должны заботиться. Папочка был так расстроен, что предложил мамочке установить две скрытых камеры и микрофон с речевым управлением в той самой розовой спальне, о которой я рассказывал в самом начале своей истории!

И одна из этих скрытых камер находится как раз за плечом у папочки, — я махнул рукой в сторону маленькой дырочки в стене, — и так получилось, мамочка, что она направлена как раз на самую лучшую часть твоего великолепного тела.

Тут ноги стремительно сомкнулись, что твои двери в банковский депозитарий.

— И так как мы очень-очень любим нашу Чэнни, то изображение из этой комнаты постоянно передается на большой, 32-дюймовый телевизионный экран как раз в том самом домике охраны. Мамочка, улыбнись! *Тебя снимает скрытая камера*!

Примерно на одну восьмую долю секунды мамочка замерла. Затем, как будто кто-то пропустил через великолепный розовый ковер десять тысяч

вольт, она вскочила и завизжала:

— Черт побери! Черт тебя побери! О господи! Это просто невероятно! Черт! Черт! Черт!

Она подбежала к окну, глянула на домик охраны… потом развернулась и побежала обратно, и тут… БУМ! — мамочка упала, потому что одна из эротических осей на ее обалденных туфлях сломалась.

Но лежала мамочка только одну секунду. Она встала на четвереньки со скоростью и ловкостью борца мирового класса, а затем вскочила на ноги. К моему полнейшему удивлению, она рывком распахнула дверь, выбежала из комнаты и с грохотом захлопнула ее за собой, как будто ее вообще не интересовало, что подумает об этом шуме весь наш причудливый зверинец. И скрылась из виду.

— Ну что же, — сказал я Чэнни, — настоящей Марте Стюарт, безусловно, не понравилось бы это громкое хлопанье дверями, правда, моя сладкая?

После этого я вознес в душе молитву Господу, попросив его — но не слишком настойчиво, — чтобы он не дал Чэнни выйти замуж за такого парня, как я. И пусть она даже никогда с такими не встречается. Прямо скажем, из меня плохой Муж года. Потом я отнес Чэндлер вниз, сдал на руки Марсии, болтливой ямайской няне, и кратчайшим путем отправился в домик охраны: мне совсем не хотелось, чтобы запись мамочки попала в Голливуд, в пилотный выпуск «Богатых и никчемных».

Глава 4

Рай для васпов[2]

Словно кобель, вынюхивающий течную суку, я обыскал все двадцать четыре комнаты нашего особняка. Но мамочки нигде не было. Более того, я облазил каждый уголок и закуток всех шести акров нашего поместья, пока, наконец, не был вынужден, к моему величайшему сожалению, прекратить дальнейшие поиски. Было уже почти девять, я опаздывал на работу. Я не мог понять, где спряталась моя дорогая жена, мое милое Подающее Надежды Динамо. В общем, надежды на утренний секс не оставалось.

Мы выехали из моего поместья в Олд-Бруквилле в самом начале десятого. Я расположился на заднем сиденье своего темно-синего «линкольна», за рулем которого сидел ненавистник всех белых, мой водитель Джордж Кэмпбелл. За те четыре года, которые Джордж у меня

работал, он произнес разве что десяток слов. Иногда по утрам меня немного раздражал этот обет молчания, но в то конкретное утро это было кстати. После моей недавней стычки с соблазнительной Герцогиней немного спокойствия и молчания были просто подарком небес.

Однако, в соответствии с утренним ритуалом, я всегда преувеличенно радостно приветствовал Джорджа и старался добиться от него хоть какого-то ответа. Ничего. Поэтому я решил предпринять еще одну попытку, просто смеха ради. Я повторил:

— Привет, Джорджи, как дела?

Джордж наклонил голову примерно на четыре с половиной градуса вправо, так, что я с трудом мог разглядеть сверкавшие белки его глаз, а затем медленно кивнул.

Никогда не уступает, черт его побери! Этот парень просто немой, блин!

На самом деле это было не так: шесть месяцев назад Джордж спросил меня, не мог бы я одолжить ему (подразумевалось, конечно, подарить) пять штук баксов, чтобы он мог сделать себе новые вставные челюсти («бивни», как он их называл). Я с удовольствием это сделал, но сначала все-таки помучил его минут пятнадцать, заставив все мне рассказать — насколько белыми они будут, сколько они продержатся и какие сейчас у него проблемы с зубами. Когда разговор закончился, по его иссиня-черному лбу текли струи пота, и я пожалел, что вообще стал задавать ему вопросы.

Сегодня, как и всегда, на Джордже был темно-синий костюм, а на лице — угрюмое выражение, самое мрачное из тех, которые может себе позволить человек с годовой зарплатой 60 тысяч долларов. Я не сомневался, что Джордж меня ненавидит или я ему по крайней мере неприятен, как он ненавидел или не любил всех белых людей. Единственным исключением была моя жена, Подающий Надежды Обольститель Человечества, которую Джордж просто обожал.

Лимузин у меня был, разумеется, самый длинный из возможных, с телевизором, видеомагнитофоном, холодильником, полным мини-баром и восхитительной музыкальной системой, а заднее сиденье одним поворотом рукоятки можно было превратить в кровать королевских размеров. Это было сделано специально ради моей больной спины, но заодно мой лимузин неожиданно превратился в бордель на колесах стоимостью в 96 тысяч долларов. Представляете? Но в то утро я направлялся в Лейк-Саксес, некогда тихий городок, населенный средним классом, где сегодня располагалась штаб-квартира компании «Стрэттон-Окмонт».

Сегодня этот город скорее напоминал Тумстоун, штат Аризона, до

появления там братьев Эрп.[3] Все старинные местные кустарные промыслы резко расширили производство, чтобы соответствовать потребностям, нуждам и прихотям работавших на меня молодых развращенных брокеров. Здесь также появились бордели, подпольные игорные казино, ночные клубы, где алкоголь продавали в любое время суток, и тому подобные злачные местечки. Появились даже проститутки, занимавшиеся своим делом на нижнем уровне парковки и бравшие двести долларов за раз.

Сначала местные лавочники были возмущены явным отсутствием всяких признаков добродетели у веселой банды моих брокеров (многие из них действительно были совершенно разнузданными типами). Но очень быстро эти же лавочники заметили, что разнузданные брокеры из «Стрэттон» никогда не смотрят на цену. Тогда они взвинтили цены, и все зажили мирно, как на Диком Западе.

Лимузин мчался на запад, по Чикен-Вэлли-роуд, одной из самых респектабельных улиц Золотого берега. Я чуть опустил окно, чтобы впустить немного свежего воздуха. Мы проезжали мимо зеленых полей Бруквильского гольф-клуба, над которыми я сегодня утром летал в наркотическом опьянении. Гольф-клуб был совсем рядом с моим поместьем, так близко, что я мог бы, стоя на лужайке перед своим домом, седьмой клюшкой отправить мяч на седьмой фервей. Но, конечно же, я никогда даже не пытался вступить в клуб, понимая, что для этих снобов я всего лишь жалкий еврей, которому хватило наглости вторгнуться в рай для белых англосаксонских протестантов — васпов.

Евреев не пускали не только в Бруквильский гольф-клуб. О нет! Евреев не пускали и во все остальные здешние клубы, или, вернее, туда не пускали никого, кто не был бы васпом — белым англосаксонским протестантским ублюдком с голубой кровью. (Надо признать, что Бруквильский гольф-клуб хотя бы принимал католиков, то есть был еще не так плох, как остальные.) Когда мы с Герцогиней переехали сюда с Манхэттена, то я сильно переживал из-за васпов: они казались мне чем-то типа тайного клуба или общества, но потом я понял, что вся эта голубая кровь — это вчерашний день, что васпы — просто вымирающий вид, что-то вроде дронта или пятнистой совы. И хотя у них действительно все еще сохранялись их маленькие гольф-клубы и охотничьи домики — последние бастионы обороны против вторгающейся в их жизнь *местечковой черни*, — они все равно были всего лишь маленькими снежными баранами двадцатого века, которых должны были вот-вот обогнать невоспитанные евреи вроде меня, составившие состояние на Уолл-стрит и готовые

заплатить сколько угодно, чтобы жить там, где жил Гэтсби.

Лимузин мягко повернул налево, и вот мы оказались уже на Хеджманс-лэйн. Слева прямо передо мной видны были конюшни, или, как их предпочитали называть владельцы, «Центр верховой езды Золотого берега» — это звучало куда более по-васповски.

Проезжая мимо, я увидел и бело-зеленую конюшню, где Герцогиня держала своих лошадей. Вся эта ее затея с верховой ездой с начала до конца оказалась огромным кошмаром. Все началось с владельца конюшен — торчащего на кваалюде жирного еврея со светской улыбкой, сиявшей, как лампочка в тысячу свечей, и с тайной целью в жизни — добиться того, чтобы его принимали за васпа. Он со своей женой, крашеной блондинкой, притворявшейся женщиной-васп, положили на нас с Герцогиней глаз, едва увидев нас, и решили впарить нам всех своих бракованных лошадей и получить триста процентов прибыли. Как только мы оплатили лошадей, у них тут же обнаружились самые разнообразные странные болезни. Повалили счета от ветеринаров, чеки за корм, зарплата конюхам и грумам, которые тренировали лошадей, чтобы те сохраняли форму, в общем, все это оказалось огромной черной дырой.

Но тем не менее моя соблазнительная Герцогиня, моя Подающая Надежды Звезда Конкура, отправлялась в конюшни каждый день: угощать лошадок кусочками сахара и морковкой и брать уроки верховой езды — и это несмотря на то, что у нее была сильнейшая аллергия на лошадей, так что каждый раз, вернувшись домой, она чихала, хлюпала носом, чесалась и кашляла. Что делать! Если живешь в раю для васпов, то и вести себя надо как васп, поэтому приходится притворяться, что ты любишь лошадей.

Как только лимузин пересек Северный бульвар, я почувствовал, как вырвалась на свободу боль в нижней части спины. Как раз в это время большая часть коктейля из рекреационных наркотиков, который я принял прошлой ночью, уже перешла из моей центральной нервной системы в печень и лимфатическую систему, где они начали неумолимо расщепляться. Туда им и дорога, конечно, но это означало, что боль вернется. Было ощущение, что во мне постепенно просыпался злобный, дикий, огнедышащий дракон. Боль началась с левой части поясницы, потом отдалась в левой ноге. Казалось, кто-то поворачивал раскаленный железный прут в задней части моего бедра. Боль была невыносимой. А если я начинал растирать болевшее место, то она перекидывалась на другую часть тела.

Я глубоко вздохнул и подавил в себе желание схватить три таблетки кваалюда и сожрать их, даже не запивая водой. Но это было совершенно

исключено. Я ехал на работу и, хотя и был боссом, не мог позволить себе бессвязно бормотать и пускать слюни, как идиот. Это было возможно только по вечерам. Вместо этого я на скорую руку помолился о том, чтобы с ясного неба ударила молния и испепелила собачку моей жены.

По эту сторону Северного бульвара дома были явно дешевыми, то есть в среднем они стоили не больше миллиона-двух, может, чуть больше. Была какая-то ирония судьбы в том, что ребенок из бедной семьи может настолько принюхаться к вызывающей роскоши, что домик стоимостью в миллион долларов кажется ему хижиной. Но ведь это не так уж плохо? Кто бы знал.

Как раз в это время мы миновали зеленый с белым знак, обозначавший въезд на Лонг-Айлендскую автостраду. Я приближался к штаб-квартире «Стрэттон-Окмонт», к своему второму дому, где бушевал самый неистовый брокерский зал Америки, где безумие было нормой.

Глава 5

Самый мощный наркотик

Инвестиционная фирма «Стрэттон-Окмонт» находилась на втором этаже четырехэтажного офисного здания из черного стекла, выстроенного на самом краю грязного вонючего болота. На самом деле выглядело все это не так ужасно, как звучит. Большая часть старого болота была осушена еще в начале 1980-х годов, и здесь появился первоклассный офисный комплекс с огромной парковкой и трехэтажным подземным гаражом, куда стрэттонские брокеры во второй половине дня спускались, чтобы заняться сексом с кем-нибудь из веселого отряда боевитых проституток.

Сегодня, как и всегда, подъезжая к своему офису, я чувствовал, что буквально раздуваюсь от гордости. Зеркальное черное стекло сверкало на утреннем солнце, напоминая о том, как многого я добился за последние пять лет. Трудно было себе представить, что компания «Стрэттон» в самом начале размещалась в отделе электроприборов магазина, торговавшего подержанными автомобильными запчастями. А теперь у меня было… *вот это все!*

С западной стороны в здание вели роскошные двери, специально задуманные так, чтобы поражать всякого, кто через них проходит. Но никто из «Стрэттон» ими не пользовался. Парадный вход был слишком далеко, а время — деньги. Вместо этого все, включая и меня, поднимались по бетонному пандусу с южной стороны здания, попадая таким образом непосредственно в биржевой зал.

Я вылез из задней двери лимузина, попрощался с Джорджем (тот молча кивнул) и пошел наверх по бетонному пандусу. Проходя через стальные двери, я уже слышал отголоски мощного рева, похожего на рев толпы. Для меня он звучал как музыка. Я со всех ног кинулся туда.

Поднявшись на дюжину ступенек и завернув за угол, я достиг цели — брокерского зала «Стрэттон-Окмонт». Он был огромен, длиной больше, чем футбольное поле, и почти с половину футбольного поля в ширину. Это было открытое пространство, без перегородок и с очень низким потолком. Красно-коричневые столы были поставлены тесными рядами, как парты в классе, и вокруг них бешено бурлило бескрайнее море накрахмаленных белых рубашек. Брокеры без пиджаков, перекрикивая друг друга, вопили в свои черные телефоны. Животный рев, заполнявший помещение, издавали

чрезвычайно вежливые и очень хорошо воспитанные молодые люди, убеждавшие предпринимателей со всей Америки доверить свои сбережения «Стрэттон-Окмонт». Пользовались они при этом исключительно логикой и рациональными аргументами:

— Господи Иисусе, Билл! Уже зажми свои яйца в кулак и прими наконец это чертово решение! — вопил Бобби Кох, пухленький двадцатидвухлетний ирландец (колледж за плечами, невероятно сильная зависимость от кокса и чистый доход в 1,2 миллиона баксов в год). Так он отчитывал какого-то богатого предпринимателя по имени Билл, обитавшего где-то в американской глубинке.

На каждом столе стоял серый монитор, и на нем мерцали зеленые цифры и буквы, сообщавшие брокерам об изменениях в котировках. Но на мониторы никто не смотрел. Все брокеры были слишком заняты, они обливались потом и непрерывно кричали в свои черные телефонные трубки, которые напоминали огромные баклажаны, растущие у них из ушей.

— Прими решение, *Билл!* Прими решение немедленно, — рычал Бобби. — Стив Мэдден — это самая крутая новая звезда Уолл-стрит, тут нечего колебаться! А сегодня к полудню эта новинка уже превратится в чертова динозавра!

Бобби уже целых две недели как вышел из реабилитационной клиники после курса антинаркотической терапии, так что уже почти полностью вернулся к старым привычкам. Казалось, его выпученные глаза вот-вот выскочат из его ирландского черепа. Можно было почувствовать, как его потовые железы буквально источают кокаин. Было 9:30 утра.

Молодой брокер с зализанными волосами, квадратной челюстью и шеей толщиной со штат Род-Айленд согнулся пополам, пытаясь объяснить своему клиенту все «за» и «против» подключения его жены к процессу принятия решений.

— Посоветоваться с женой? Да ты что, с дуба рухнул? А что, твоя жена советуется с тобой, когда идет туфли покупать?

За три ряда от него еще один молодой парень с кудрявыми каштановыми волосами, весь покрытый юношескими прыщами, стоял столбом, зажав трубку между щекой и ключицей. Он раскинул руки, словно это были крылья самолета, и под мышками у него были видны гигантские пятна пота. Пока он орал по телефону, Энтони Джильберто, портной, выполнявшие индивидуальные заказы сотрудников фирмы, снимал с него мерку для костюма. Джильберто целыми днями ходил от одного стола к другому, снимая мерки с молодых стрэттонцев, чтобы затем

сшить им костюмы по две тысячи долларов за штуку. Как раз в эту минуту молодой брокер резко откинул голову назад и распростер руки так широко, как будто собирался прыгнуть ласточкой с десятиметрового трамплина. Затем он сказал таким тоном, как будто у него ум за разум заходил:

— Господи, мистер Килгор, сделайте мне одолжение и возьмите десять тысяч акций. Послушайте, вы меня просто *убиваете*... просто убиваете. Ну скажите, мне что, надо прилететь к вам в Техас и выкрутить вам руки? Если надо, то я могу!

«Какая преданность работе! — подумал я. — Этот прыщавый парнишка впаривает акции даже во время примерки!»

Мой кабинет находился на другом конце брокерского зала, и, проходя через это волновавшееся человеческое море, я чувствовал себя каким-то Моисеем в ковбойских сапогах. Брокеры расступались, давая мне дорогу. Каждый сотрудник, мимо которого я проходил, подмигивал мне или улыбался, как бы выражая благодарность за то, что я создал этот маленький рай на земле. Да, это были *мои* люди. Они приходили ко мне, когда им нужны были надежда, любовь, совет и указания, а я был в десять раз безумнее их всех. Но было нечто, что нас всех объединяло, — неистребимая любовь к этому дикому брокерскому реву. По сути дела, мы жить без него не могли.

— Сними же трубку, черт, будь так добр, блин! — вопила маленькая светловолосая ассистентка.

— Сама снимай эту чертову трубку! Это твоя чертова работа!

— Я когда-нибудь тебя просила это делать?!

— Двадцать тысяч по восемь с половиной…

— Возьми сто тысяч акций…

— Сэр, эти акции вот-вот взлетят выше крыши!

— Господи, да Стив Мэдден — это сейчас самое крутое, что есть на Уолл-стрит!

— К черту ваш «Мэррил Линч»! Мы этих лилипутов на завтрак съедим.

— Кто-кто? Ваш *местный брокер*? Пошлите к черту вашего местного брокера! Он что — все еще читает вчерашний выпуск «Уолл-стрит джорнэл»?

— У меня двадцать тысяч облигаций по четыре!

— Пошел к черту ты, говнюк!

— Сам катись к черту вместе со своим дерьмовым «фольксвагеном», на котором ты катаешься!

К черту то и к черту это! Там дерьмо и тут дерьмо! Вот язык Уолл-стрит. В нем прорывалась на поверхность сама суть мощного рева. Он

опьянял! Он соблазнял! Черт возьми, он освобождал! Он помогал достигать целей, о которых ты даже мечтать не смел! И он увлекал за собой всех, особенно меня.

Из тысячи человек, собравшихся в биржевом зале, мало кто был старше тридцати, большинству только-только перевалило за двадцать. Они были красивы, лопались от амбиций, а сексуальное напряжение было настолько интенсивным, что им здесь буквально пахло. Здешний дресс-код для мужчин — для *мальчишек!* — был следующий: сшитый на заказ костюм, белая рубашка, шелковый галстук и массивные золотые часы. Женщинам, которых тут было раз в десять меньше, предписывались короткие юбки, глубокие декольте, лифчики с поролоновыми вставками и высокие каблуки, чем длиннее, тем лучше. Подобная одежда была строго запрещена стрэттонскими «Правилами для персонала», однако ее горячо поддерживало руководство (то есть я).

Иногда ситуация настолько вырывалась из-под контроля, что молодые стрэттонцы совокуплялись под столами, в туалетах, в раздевалках, на подземной парковке и, конечно же, в стеклянном лифте. В конце концов, для того чтобы поддержать хоть какую-то видимость порядка, мы издали специальный приказ, объявив все здание Зоной Без Траха — с 8:00 до 19:00. В заголовке меморандума прямо так и красовались эти самые слова — *Зона Без Траха*, а под ними — две вполне правильно с анатомической точки зрения изображенных силуэта в позе раком. Вокруг этих силуэтов был нарисован толстый красный круг, перечеркнутый по диагонали (безусловно, первый такой знак на Уолл-стрит). Но, увы, никто к этому приказу не отнесся всерьез.

Впрочем, на самом деле это было хорошо и вполне объяснимо. Все здесь были молоды и красивы, и все ловили момент. «Лови момент!» — эта корпоративная мантра горела в сердце и в душе каждого юного брокера, она вибрировала в постоянно перевозбужденных центрах удовольствия тысячи головных мозгов, едва вышедших из подросткового возраста.

А что можно было на это возразить, раз уж мы добились такого успеха? Мы зарабатывали невероятные деньги. Предполагалось, что брокер-новичок должен получить 250 тысяч за первый год работы. Меньшая сумма вызывала сомнения в его профпригодности. За второй год ты должен был заработать полмиллиона, или тебя начинали считать бессмысленным лузером. А к третьему году следовало заработать миллион, а может, и больше, если ты не хотел выглядеть жалким посмешищем. И это были минимальные цифры. Настоящие профессионалы получали в три раза больше.

От них богатство перепадало и другим. Так называемые ассистентки, которые на самом деле были просто-напросто секретаршами, зарабатывали по 100 тысяч в год. Даже девчонка, сидевшая у многоканального телефона, получала 80 штук только за то, что отвечала на звонки. Все это очень напоминало старую добрую золотую лихорадку, и Лейк Саксес вовсю пожинал плоды экономического бума. Так как молодые стрэттонцы были все-таки детьми, то они прозвали свое место работы «Брокерский диснейленд», и каждый из них прекрасно понимал, что если их выкинут из этого парка аттракционов, то им никогда уже не заработать столько денег. И поэтому под черепной коробкой у каждого молодого стрэттонца гнездился жуткий страх в один прекрасный момент потерять работу. Что бы они тогда стали делать? Ведь если ты из стрэттонских, то предполагается, что ты живешь Настоящей Жизнью — водишь крутую тачку, ужинаешь в самых модных ресторанах, даешь самые большие чаевые, носишь самую лучшую одежду и живешь в особняке на пресловутом Золотом берегу Лонг-Айленда. И даже если ты только начинаешь и у тебя за душой еще ни цента, то все равно ты возьмешь кредит у любого банка, которому хватит безумия дать тебе денег — и плевать на проценты! — чтобы поскорее начать жить Настоящей Жизнью, независимо от того, готов ты к ней или нет.

Дела заходили так далеко, что мальчишки, все еще покрытые подростковыми прыщами и лишь недавно начавшие бриться, уже покупали себе особняки. Причем некоторые из них были так молоды, что даже не переезжали туда, им все еще нравилось ночевать дома, у родителей. Летом они снимали роскошные дома в Хэмптонс с подогретыми бассейнами и восхитительным видом на Атлантический океан. По выходным они устраивали буйные вечеринки, где творились такие безобразия, что в конце концов всегда приезжала полиция. Играла живая музыка, диджеи крутили диски, молодые стрэттонские девочки танцевали топлес, стриптизерши и шлюхи считались почетными гостьями, и, конечно же, в какой-то момент молодые стрэттонцы раздевались догола и начинали заниматься сексом прямо под открытым небом, словно животные на скотном дворе, с радостью устраивая спектакль для все большего числа зрителей.

Ну и что в этом такого? Они были опьянены молодостью, питались энергией алчности и постоянно были под ломовым кайфом. С каждым днем легких денег у них становилось все больше, все большее число из них сколачивали состояния, обеспечивая себе важнейшие элементы, необходимые для Настоящей Жизни. Риэлторы продавали им особняки; ипотечные брокеры финансировали их; декораторы набивали их особняки

мебелью по завышенным ценам; ландшафтные дизайнеры ухаживали за их лужайками (любого стрэттонца, застигнутого за личным управлением газонокосилкой, немедленно побили бы камнями); автомобильные дилеры впаривали им «порше», «мерседесы», «феррари» и «ламборгини» (если ты ездил на чем-то более дешевом, тебя считали просто пустым местом); метрдотели резервировали для них столики в самых крутых ресторанах; билетные барыги добывали для них места в первых рядах на самые популярные спортивные матчи, рок-концерты и бродвейские шоу, а ювелиры, часовщики, портные, производители обуви, флористы, кейтеринговые фирмы, парикмахеры, специалисты по уходу за животными, массажистки, мануальные терапевты, автомеханики и те, кто оказывал более интимные услуги (прежде всего шлюхи и торговцы наркотиками), приходили в брокерский зал и обслуживали молодых стрэттонцев прямо на месте, чтобы те не потратили ни одной лишней секунды своего рабочего времени и не отвлекались ни на одно постороннее занятие, непосредственно не связанное с их единственной обязанностью: непрерывно звонить по телефону.

Вот и все. Надо было улыбаться и звонить по телефону с той секунды, как ты вошел в офис, и до той секунды, когда ты оттуда вышел. А если у тебя для этого не было достаточной мотивации или ты не мог вынести того, что секретарши бизнесменов из всех пятидесяти штатов по триста раз в день постоянно посылают тебя, бросая телефонную трубку, то тебе в затылок уже дышали десять человек, жаждавшие прийти на твое место. В таком случае тебя выгоняли — безвозвратно.

Что же это была за тайная формула, которую открыл «Стрэттон» и которая позволяла всем этим неприлично молодым мальчикам зарабатывать такие неприлично большие деньги? По сути своей она была основана на двух простых истинах: во-первых, на том, что большая часть одного процента американцев, принадлежащих к богатейшему слою, втайне являются тайными неизлечимыми игроками, которые не могут устоять перед искушением снова и снова бросить кости, даже если знают, что кости выпадут не в их пользу. А во-вторых, хотя в это и трудно поверить, но молодых мужчин и женщин с социальными навыками стада сексуально озабоченных буйволов и интеллектом Фореста Гампа — причем замешанным на трех видах наркотиков, — *можно* научить разговаривать как настоящие чародеи с Уолл-стрит, если написать для них слова, а потом учить их произносить эти слова — каждый день, с утра до вечера — в течение года.

И когда по Лонг-Айленду начал распространяться слух об этом

маленьком секрете — о том, что здесь, в Лейк Саксес, имеется такой безумный офис, в котором надо только появиться, поклясться в вечной преданности хозяину офиса, выполнять приказы, и он за это сделает тебя богатым, — тут-то молодые мальчики стали безо всякого предупреждения являться в наш биржевой зал. Сначала они приходили маленькими группами, потом повалили толпами. Сначала это были мальчики из районов Куинса и Лонг-Айленда, населенных семьями среднего класса, потом появились представители всех пяти округов Нью-Йорка. Я глазом не успел моргнуть, как они уже стали приезжать со всей Америки, умоляя дать им работу. Все новые и новые *мальчики* проезжали полстраны, чтобы добраться до биржевого зала «Стрэттон-Окмонт» и поклясться в вечной преданности Волку с Уолл-стрит. Ну а все остальное известно, это уже стало историей Уолл-стрит.

Моя ультрапреданная помощница Джанет сидела за своим столом, с трепетом ожидая моего приезда. В тот момент, когда я появился, она постукивала указательным пальцем правой руки по поверхности стола и качала головой, как будто хотела сказать: «Какого черта весь мой день должен зависеть от того, когда мой сумасшедший босс вздумает явиться на работу?!» А может быть, мне так показалось и она просто скучала. В любом случае стол Джанет находился прямо напротив моей двери, как будто она была игроком на линии, прикрывающим нападающего. Так было сделано неслучайно. Среди многочисленных задач, выполнявшихся Джанет, была и охрана моей двери. Тому, кто хотел на меня взглянуть или тем более поговорить со мной, надо было сначала прорваться мимо Джанет. Это было непросто. Она защищала меня, как львица защищает своих детенышей, и без колебаний обрушивала свою праведную ярость на любого, кто попытался бы прорвать ее оборону.

Увидев меня, Джанет тепло улыбнулась, и я на секунду задержался, глядя на нее. Ей было уже под тридцать, но она выглядела немного старше своих лет. У нее была густая темно-каштановая шевелюра, чистая светлая кожа и крепкое маленькое тело. В ее прекрасных голубых глазах была какая-то грусть, как будто ее обладательница, несмотря на свои молодые годы, много страдала. Может быть, именно поэтому Джанет каждый день приходила на работу практически в костюме Смерти. Да, сегодня, как и всегда, она была одета с ног до головы в черное.

— Доброе утро! — Джанет широко улыбнулась, но в голосе ее слышалось легкое раздражение. — Почему вы опоздали?

Я нежно улыбнулся своей ультрапреданной ассистентке. Несмотря на ее погребальный вид и жгучее желание быть в курсе каждой мелочи моей

личной жизни, она мне очень нравилась. Она была как бы офисным двойником Гвинн. Джанет всегда с удовольствием бросалась выполнять любое мое важное или мелкое задание — оплачивала мои счета, занималась моими финансами, следила за расписанием моих встреч, организовывала мои поездки, платила моим шлюхам и моим драгдилерам, а также лгала той женщине, на которой я в данный момент был женат. Она была потрясающе компетентна и никогда не ошибалась.

Джанет, как и я, выросла в Бэй-Сайде, но ее родители умерли, когда она была еще совсем юной. Ее мать была хорошей женщиной, но отец обращался с ней как настоящая свинья. Я изо всех сил старался, чтобы она чувствовала себя любимой и нужной. И я защищал ее так же, как она защищала меня.

Когда в прошлом месяце Джанет вышла замуж, я устроил для нее роскошную свадьбу и с гордостью повел ее к алтарю. В тот день на ней было снежно-белое свадебное платье от Веры Вонг, оплаченное мной, а выбранное Герцогиней, которая к тому же два часа помогала Джанет делать макияж (да, конечно, Герцогиня была также и Подающим Надежды Косметологом). И Джанет в день свадьбы выглядела потрясающе.

— Доброе утро, — ответил я с нежной улыбкой, — какой сегодня приятный шум в биржевом зале, правда?

— Там всегда приятный шум, но вы мне не ответили, — бесстрастно сказала она. — Почему вы опоздали?

Вот назойливая девка, постоянно сует свой нос куда не надо. Я глубоко вздохнул и задал встречный вопрос:

— Кстати, Надин не звонила?

— Нет, а что такое? Что случилось? — вопросы посыпались, как пулеметная очередь. Кажется, она уже почувствовала, что здесь пахнет каким-то скандалом.

— Ничего не случилось, Джанет. Я поздно вернулся домой, Надин разозлилась и вылила на меня стакан воды. Вот и все, вернее, стаканов было три, но какая разница? Ну и там было еще много странного, но я не хочу об этом рассказывать, а теперь мне надо немедленно послать ей цветы, иначе к вечеру придется подыскивать себе жену номер три.

— Сколько послать? — спросила она, доставая блокнот на пружинке и ручку «Монблан».

— Ну не знаю… Долларов на триста или на четыреста… Просто скажи им, чтобы отправили целый грузовик… И проверь, чтобы там побольше лилий было. Она любит лилии.

Джанет прищурилась и поджала губы, как бы говоря: «Вы нарушаете

нашу молчаливую договоренность о том, что частью моего вознаграждения является право знать обо всей чернухе в вашей жизни независимо от того, насколько она черна!» Но она была очень профессиональной секретаршей, и в ней говорило чувство долга, поэтому произнесла она только:

— Ну что же, может быть, вы мне потом все расскажете.

Я неуверенно покачал головой.

— Может быть, Джанет, посмотрим. Пока что *ты* расскажи мне, что у нас здесь происходит.

— Где-то здесь обретается Стив Мэдден, и, похоже, он немного нервничает. Кажется, у него все не так уж хорошо сегодня сложится.

Взрыв адреналина. *Стив Мэдден!* Смешно, но из-за всего этого утреннего хаоса и безумия я совершенно забыл о том, что сегодня выходят на рынок акции его обувной компании. Это означало, что до вечера я запишу к себе в приход двадцать миллионов баксов. Не слабо! А Стив встанет в биржевом зале и проведет небольшую презентацию. Вот это будет интересно. Я не был уверен, что Стив сможет смотреть в безумные глаза всех этих психованных молодых стрэттонцев и при этом не заикаться.

Подобные презентации были традицией Уолл-стрит: перед выходом новой компании на рынок ее исполнительный директор всегда выходил к толпе брокеров и произносил заранее подготовленную речь о том, как прекрасно будущее его компании. Это была дружеская встреча, во время которой все хлопали друг друга по спинам и лицемерно пожимали друг другу руки.

Но в «Стрэттон» все и всегда могло принять какой угодно оборот. Проблема заключалась в том, что стрэттонцев совершенно не интересовало, что им говорили, они просто хотели продавать акции и получать деньги. Так что если оратору не удавалось с первой секунды завладеть их вниманием, то брокеры очень быстро начинали скучать. Потом они начинали шикать и свистеть, а затем всячески сквернословить. Дальше они могли начать бросать в оратора разные предметы, начиная с комочков бумаги, а затем в дело шли различные пищевые продукты и объедки — от недоеденных куриных ножек до недогрызенных яблок.

Я не мог допустить, чтобы такие ужасные вещи произошли со Стивом Мэдденом. Прежде всего, он был другом детства моего помощника Дэнни Поруша. Во-вторых, мне принадлежало больше половины акций компании Стива, так что я практически начинал продавать акции собственной компании. Примерно 16 месяцев назад я вложил в компанию Стива 500 тысяч долларов и стал таким образом единственным и крупнейшим ее

акционером, владевшим восьмьюдесятью пятью процентами акций. Через несколько месяцев я продал тридцать пять процентов акций чуть меньше чем за 500 тысяч долларов, компенсировав таким образом свое начальное вложение. Теперь я владел половиной его компании за бесплатно! Так что не мне вы будете рассказывать, что такое удачная сделка!

По сути дела, именно этот процесс покупки акций закрытых акционерных обществ, а затем перепродажи части этих бумаг (и возмещения расходов) еще больше ускорил работу денежного станка под названием «Стрэттон». А так как я использовал свой собственный биржевой зал для того, чтобы продавать акции своих же собственных компаний, то стоимость моих активов возрастала еще стремительнее. На Уолл-стрит это официально называется «торговые банковские услуги», но я-то считал, что просто каждые четыре недели выигрываю в лото.

Я сказал Джанет:

— У него все должно получиться, но если не получится, то я пойду туда и помогу ему выпутаться. Ладно, что еще происходит?

Она пожала плечами.

— Вас ищет ваш отец, кажется, он в ярости.

— О черт, — пробормотал я.

Моего отца звали Макс, и фактически он был в «Стрэттоне» директором по финансовым вопросам, но по совместительству он еще сам себя назначил начальником гестапо. Он был настолько взвинчен, что в девять утра уже расхаживал по биржевому залу с пластиковым стаканчиком, полным «Столичной», и курил уже двадцатую сигарету. В багажнике машины он всегда держал здоровенную бейсбольную биту с автографом Микки Мантла, чтобы было чем разбить окна у «чертовой тачки» любого брокера, которому хватит глупости припарковаться на принадлежавшем ему парковочном месте — разумеется, самом классном.

— А он не сказал, что ему нужно?

— Нет, — ответила моя преданная помощница, — я спросила его, а он зарычал, как собака. Но я *могу предположить*, что дело в ноябрьском счете из «Американ Экспресс».

Я скорчил гримасу.

— Ты так думаешь?

Неожиданно у меня в мозгу само по себе возникло число *полмиллиона.* Джанет кивнула.

— Он держал счет в руке, и счет был во-от таким!

Она растопырила большой и указательный пальцы примерно на три дюйма.

— Хм.

Только я начал обдумывать ситуацию со счетом, как что-то в брокерском зале привлекло мое внимание. Оно парило… парило… черт возьми, да что же это такое? Я прищурился. Господи боже мой! — кто-то принес в офис красно-бело-голубой надувной мяч! Можно подумать, что это не штаб-квартира «Стрэттон-Окмонт», а стадион, что это не пол биржевого зала, а танцпол, и что сейчас здесь начнется концерт «Роллинг Стоунз».

— …и он чистит свой чертов аквариум, — говорила тем временем Джанет, — кто бы мог подумать!

Я уловил только конец фразы и деловитым тоном проговорил:

— Да-да, я понимаю, что ты имеешь в виду.

— Вы же не слышали ни слова из того, что я сказала, — проговорила она с величайшим сарказмом, — и не притворяйтесь!

Господи! Ну кто еще кроме отца мог себе позволить так со мной разговаривать? Ну может быть, жена, но там я действительно это заслужил. Но я все равно любил Джанет, несмотря на весь ее яд.

— О-очень смешно. А теперь повтори, пожалуйста, что ты сказала!

— Я сказала, что я не могу поверить своим глазам: этот парнишка, — она махнула в сторону стола ярдах в двадцати от нас, — не помню, как его зовут… Роберт или как-то в этом роде… Так вот, он прямо здесь и сейчас чистит свой аквариум. А ведь сегодня день выпуска новых акций! Вам не кажется, что это довольно странно?

Я посмотрел на предполагаемого преступника: это был молодой стрэттонец… нет, конечно, не стрэттонец, а просто юный неудачник с копной кудрявых каштановых волос и в бабочке. То, что у него на столе стоит аквариум, само по себе не было удивительным. Сотрудникам разрешалось приносить своих домашних животных в офис. Поэтому здесь водились игуаны, хорьки, песчанки, попугаи, черепахи, тарантулы, змеи, мангусты и любые другие животные, которых эти юные маньяки могли раздобыть с помощью своих раздутых кошельков. Здесь был даже попугай ара, знавший больше пятидесяти английских слов, который то изображал брокера, впаривающего клиенту акции, то просто посылал вас куда подальше. Воспротивился я только однажды, когда один из молодых брокеров привел в офис шимпанзе на роликовых коньках и в памперсе.

— Позови-ка Дэнни, — бросил я, — хочу, чтобы он повнимательнее присмотрелся к этому парню.

Джанет кивнула и пошла за Дэнни, а я все еще не мог прийти в себя от шока. Как мог этот урод в бабочке сделать такое… нечто столь

чудовищное! Его поступок противоречил всем принципам «Стрэттон-Окмонт». Это было настоящее кощунство! Положим, не богохульство, но явное преступление против самой Жизни! Это было грубейшим нарушением стрэттонского морального кодекса. И наказанием за это должно было стать… каким должно быть наказание? Ну, это я предоставлю решить Дэнни Порушу, своему младшему партнеру, который потрясающе умел приводить в чувство сотрудников, сбившихся с пути истинного. Да что там, он просто получал от этого наслаждение.

Как раз в этот момент я увидел приближающегося Дэнни и семенившую за ним Джанет. Дэнни явно был в ярости, а это означало, что у брокера в бабочке очень большие неприятности. Когда Дэнни приблизился, я пригляделся к нему и внутренне усмехнулся при мысли о том, насколько *нормальным* он выглядит. В этом заключалась удивительная ирония. Глядя на его серый костюм в полоску, накрахмаленную белую рубашку и красный шелковый галстук, нельзя было даже предположить, что он уже вплотную приблизился к давно и открыто объявленной цели — переспать с каждой ассистенткой в биржевом зале.

Дэнни Поруш — представитель самой нееврейской разновидности еврея. Рост и вес у него были средние — пять футов девять дюймов, сто семьдесят фунтов, и у него отсутствовали все те характерные черты, по которым можно было бы определить его принадлежность к избранному народу. Даже в стальном взгляде его голубых глаз, излучавших столько же тепла, сколько испускает айсберг средней величины, не было ничего еврейского.

И это было правильно — по крайней мере, с точки зрения Дэнни. Как и многие евреи до него, Дэнни сгорал от тайного желания выглядеть, как васп, и делал все от него зависевшее, чтобы приобрести законченную и абсолютную *васпность* — начиная с его невероятных зубов, которые он отбеливал и покрывал коронками до тех пор, пока они не стали такими большими и такими белыми, что, казалось, почти излучали радиоактивность; с его очков в черепаховой оправе и со стеклами без диоптрий (у Дэнни было стопроцентное зрение) и дальше вплоть до черных кожаных туфель, сшитых на заказ и отполированных до зеркального блеска. Да, весь его облик вызывал мрачную усмешку — стоило вспомнить, что достигнув весьма зрелого возраста — тридцати четырех лет, — Дэнни обогатил новыми смыслами понятие *ненормальная психика*.

Конечно, я должен был заподозрить это уже шесть лет назад, когда мы

только познакомились. Еще до того, как я основал «Стрэттон», Дэнни был у меня стажером. Однажды весной я предложил ему прокатиться со мной на Манхэттен, чтобы переговорить с бухгалтером. Когда мы туда приехали, он уговорил меня на минутку заскочить в один притон в Гарлеме, где торговали крэком, и там рассказал о своей жизни и о том, как он женился на своей кузине Нэнси, «потому что она та еще штучка». Когда я спросил Дэнни, не волнует ли его проблема возможной дурной наследственности при таком близком родстве, он спокойно ответил, что если у них родится умственно отсталый ребенок, то он просто оставит его на ступеньках соответствующего заведения, и все дела.

Наверное, уже в тот момент мне надо было сообразить, что такой человек поможет мне проявить все мои самые дурные качества, и бежать от него подальше. Вместо этого я устроил Дэнни очень выгодный кредит, чтобы помочь ему встать на ноги, а затем обучил его ремеслу брокера. Через год я создал «Стрэттон» и постепенно позволил Дэнни выкупить часть акций и стать моим партнером. За последние пять лет Дэнни доказал, что обладает мощными бойцовскими качествами — он уничтожил всех, кто стоял на его пути, и стал вторым человеком в компании. И несмотря на все это, несмотря даже на его безумие, нельзя было не признать, что он был невероятно умен, хитер, как лисица, абсолютно безжалостен и, помимо всего прочего, предан, как пес. В то время я всегда полагался на него, если надо было сделать грязную работу, которая ему всегда невероятно нравилась.

Дэнни поздоровался со мной как мафиози — обняв и поцеловав в обе щеки. Это был знак преданности и уважения, в биржевом зале «Стрэттон-Окмонт» такие жесты высоко ценились. Но уголком глаза я видел, как циничная Джанет закатила глаза, готовая высмеять подобное проявление преданности и привязанности.

Дэнни наконец разомкнул свои мафиозные объятия и пробормотал:

— Я сейчас убью этого чертова придурка, клянусь богом!

Я пожал плечами.

— Дэнни, это произведет плохое впечатление, особенно сегодня. Думаю, тебе надо сказать ему, что если он до конца дня не уберет отсюда свой чертов аквариум, то аквариум сможет остаться, но ему самому придется уйти. Но, впрочем, дело твое, поступай, как считаешь нужным.

Джанет тут же подлила масла в огонь:

— О господи! Он еще бабочку нацепил! Вы только посмотрите на это!

— Негодяй, — сказал Дэнни тоном, уместным разве что в разговоре о злодее, изнасиловавшем монахиню и бросившем ее умирать, — я сейчас с

ним разберусь по-свойски!

Он в ярости кинулся к столу брокера и заговорил с ним. Через несколько секунд брокер отрицательно помотал головой. Потом они еще поговорили, и брокер снова покачал головой. Потом уже сам Дэнни начал кивать, как будто у него заканчивалось терпение.

Джанет спросила:

— Интересно, о чем они разговаривают?

Как раз в этот момент Дэнни протянул руку к сачку, который держал брокер, и сделал нетерпеливое движение пальцами, словно говоря: «Давай-ка сюда свой чертов сачок!»

Но брокер быстро отвел свою руку вниз — и не дал Дэнни схватить сачок.

— Как вы думаете, что он собирается сделать с сачком? — задумчиво спросила Джанет.

Я обдумал все возможные варианты.

— Ну, не знаю. О, черт, ну конечно…

Совершенно неожиданно Дэнни с невероятной скоростью стащил пиджак, бросил его на пол, расстегнул пуговицы на рукаве рубашки, закатал рукав до локтя и сунул руку в аквариум. Он опустил руку в воду чуть не до самого плеча, а затем принялся быстро водить рукой во все стороны, пытаясь поймать ни в чем не повинную ярко-оранжевую золотую рыбку. Лицо у него словно окаменело, и он выглядел как человек, полностью отдавшийся во власть Зла.

Десяток молодых ассистенток за соседними столами испуганно взлетели со своих мест и рассыпались в стороны, не сводя глаз с Дэнни.

— О. Боже. Мой… — сказала Джанет. — Он убьет ее!

Как раз в этот момент Дэнни выпучил глаза, челюсть у него отвисла дюйма на три, а на лице появилось торжествующее выражение: «Попалась!» Через долю секунды он вытащил из аквариума руку с крепко зажатой в ней оранжевой рыбкой.

— Он поймал ее, — прошептала Джанет, прижимая кулак ко рту.

— Да, но теперь возникает вопрос на миллион долларов: что он собирается с ней делать? — Я сделал паузу, а затем добавил: — Готов поставить сто к одному на тысячу баксов, что он ее съест. Идет?

Мгновенный ответ:

— Сто к одному? Идет. Он этого не сделает. Это слишком грубо. То есть я хочу сказать… — тут Джанет замолкла, поскольку в этот момент Дэнни влез на стол, раскинул руки, как Иисус на кресте, и завопил:

— Вот что будет с теми, кто возится со своими домашними животными

в *день выхода на рынок новых акций*! — И, немного подумав, он добавил: — А также никаких, блин, чертовых галстуков-бабочек в брокерском зале. Это же, блин, просто… смешно!

Джанет заискивающе спросила:

— А можно, пожалуйста, отменить наше пари?

— Извини, уже поздно!

— Ну нет, это же нечестно!

— Такова жизнь, Джанет, — я беспечно пожал плечами, — пора бы тебе это знать.

И в этот момент Дэнни разинул свою пасть и бросил туда оранжевую золотую рыбку.

Сотня брокеров разом охнула — и тут же начала восхищенно вопить, восхваляя Дэнни Поруша, убийцу невинной рыбки. Дэнни всегда немного наигрывал и теперь поклонился формальным поклоном, будто на бродвейской сцене. Потом он спрыгнул со стола, прямо в объятия своих поклонников.

Я принялся издеваться над Джанет:

— Можешь мне не платить. Я просто вычту проигрыш из твоей зарплаты.

— Только попробуйте, — прошипела она.

— Хорошо, тогда ты будешь мне должна, — я улыбнулся и подмигнул, — а теперь отправляйся, закажи цветы и принеси мне кофе. Пора уже, блин, начать работать.

Я вошел в свой кабинет пружинистым шагом с улыбкой на лице и закрыл за собой дверь — готовый принять все, что мир мне подбросит.

Глава 6

Замерзающие регуляторы

Через секунду я уже сидел в своем кабинете, на стуле размером с трон, за столом, который сделал бы честь любому диктатору, и недоверчиво говорил, обращаясь к двум моим сотрудникам, находившимся в комнате:

— Так, давайте-ка еще раз. Я правильно понял? Вы хотите притащить сюда карлика — и чтобы брокеры прямо в зале пинали его маленькую задницу?

Оба дружно кивнули.

Напротив меня в мягком, обтянутом темно-красной кожей кресле с невысокой спинкой развалился не кто иной, как Дэнни Поруш. Он, похоже, не испытывал никаких неприятных последствий от своей недавней эскапады и в данный момент пытался впарить мне свою очередную безумную идею: найти где-нибудь карлика и заплатить ему пять кусков за то, чтобы тот пришел к нам в биржевой зал, где брокеры будут по очереди пинать его под зад. Разумеется, это был бы первый чемпионат по пинанию карликов в истории Лонг-Айленда. Я понимаю, что все это звучит, мягко говоря, странно, однако в тот момент идея меня заинтриговала.

Дэнни пожал плечами.

— Не так уж это безумно. Ведь мы же не будем пинать маленького ублюдка беспорядочно, избивать его кто во что горазд. Я вижу это так: мы разложим у входа в биржевой зал гимнастические маты и разрешим пяти лучшим брокерам, которые особо отличатся с акциями Стива, сделать по два пинка каждому. На другом конце матов мы нарисуем что-то вроде мишени. Потом мы выберем нескольких ассистенток погорячее, чтобы они поднимали значки с баллами — как будто они судят соревнование по прыжкам в воду. Будут выставлять оценки в зависимости от стиля пинка, от того, как далеко улетит карлик, от уровня сложности, ну и от всякого такого прочего.

Я с сомнением покачал головой.

— Где ты успеешь за такой короткий срок найти карлика? — и, взглянув на Энди Грина, третьего нашего собеседника, добавил: — А ты что об этом думаешь? Ты же юрист нашей фирмы, ты же должен *что-нибудь* сказать по этому поводу, разве нет?

Энди глубокомысленно кивнул, словно пытаясь припомнить

подходящие в данном случае правовые акты. Он был моим старым и верным другом, и недавно я сделал его главой финансового отдела. Каждый день он должен был перелопачивать десятки бизнес-планов, присылавшихся в «Стрэттон», и решать, имеет ли смысл хоть какие-то из них показывать мне. По сути дела, финансовый отдел «Стрэттон» выступал в роли целого промышленного предприятия, продукцией которого были акции и купоны облигаций.

На Энди была типичная стрэттонская форма, состоявшая из безупречного костюма от Джильберто, белой рубашки, шелкового галстука и, в данном конкретном случае, самого ужасного парика из всех сделанных по эту сторону железного занавеса. Казалось, что кто-то напялил на его яйцевидный еврейский череп выцветший ослиный хвост, полил сверху шеллаком, приклеил сверху нечто вроде мисочки для каши, а в нее положил двадцатифунтовую пластину обедненного урана и оставил там на какое-то время. Именно этой прической объяснялось прозвище Энди — Вигвам.

— Хорошо, — сказал Вигвам, — если посмотреть на этот вопрос с точки зрения юридической, то надо будет получить от карлика подписанный договор и нечто вроде отказа от претензий. Если все это у нас будет, то я не думаю, что нам придется отвечать, даже если он сломает себе шею. Но нам следует все же предпринять все возможные превентивные меры, кои в данном случае было бы целесообразно предпринять в соответствии со здравым смыслом, что, вне всяких сомнений, в рассматриваемом случае представляется законным требованием, каковое…

О господи! Я совершенно не нуждался ни в каком юридическом анализе проблемы пинания карликов — я просто хотел понять, как, по мнению Вигвама, это представление может повлиять на моральный дух брокеров. Так что я перестал слушать Энди и лениво поглядывал одним глазом на зеленые цифры и буквы, мерцавшие на мониторах с обеих сторон моего стола, а другим — в зеркальное окно, протянувшееся от пола до потолка. Через него был хорошо виден биржевой зал.

Мы с Вигвамом учились вместе еще в начальной школе. В то время у него прекраснейшие светлые локоны кукурузного цвета. Но увы, уже к семнадцати годам его дивные кудри ушли в прошлое и их едва хватало, чтобы прикрыть лысину.

Энди понял, что еще до окончания средней школы станет лысым как колено, и решил запереться в подвале у себя дома, курить один за другим косячки, набитые дешевой мексиканской травкой, рубиться в

компьютерные игры, разогревать себе на завтрак, обед и ужин замороженную пиццу и ждать, пока эта сука природа-мать не доиграет с ним свою жестокую шутку.

Через три года он вылез из своего подвала, превратившись к тому времени в раздражительного еврея на вид примерно лет пятидесяти, с жалкими остатками волос, выпирающим животиком и новообретенной личностью, в которой соединились зануда ослик Иа-Иа из «Винни-Пуха» и паникерша Умная Эльза, ожидавшая, что небо вот-вот упадет на землю. Когда его поймали на списывании во время вступительного экзамена в университет, ему пришлось поступить в колледж в маленьком городке Фредония на севере штата Нью-Йорк, где студенты даже летом замерзали насмерть. Энди удалось в конце концов продраться сквозь частокол жестких академических требований этого прекрасного учебного заведения, и через пять с половиной лет он получил диплом. Он не стал от этого ни на йоту умнее, зато одевался еще более безвкусно, чем раньше. Из колледжа он сумел всеми правдами и неправдами проложить себе путь в какой-то игрушечный юридический вуз в Южной Калифорнии и получить там диплом, обладавший такой же солидностью, как если бы он нашел его в киндер-сюрпризе.

Но, конечно же, в компании «Стрэттон-Окмонт» на подобные мелочи никто не обращал внимания. Здесь все строилось на личных отношениях да еще на преданности. Поэтому, когда Эндрю Тодд Грин, он же Вигвам, услышал о потрясающем успехе, обрушившемся на его друга детства, он пошел по стопам всех остальных моих друзей детства, нашел меня, поклялся мне в вечной преданности до гроба и получил место у кормушки. Это было чуть больше года назад. С тех пор, как это было заведено в «Стрэттон», он подсиживал, обманывал, вводил в заблуждение и выживал каждого, кто стоял на его пути, до тех пор, пока, в соответствии с одним из принципов Паркинсона — «каждого повышают до уровня его некомпетентности», он не проложил себе путь на самую вершину стрэттонской пищевой цепочки.

Он совершенно не разбирался в тонком искусстве финансов (которое заключалось в умении выявлять только что оперившиеся и растущие компании, нуждавшиеся в деньгах настолько, чтобы согласиться продать мне порядочный кусок своих акций), поэтому я все еще продолжал обучать его. А учитывая тот факт, что у Вигвама был диплом юриста, которым я даже чудесную маленькую попку своей дочери не стал бы подтирать, то для начала я положил ему скромную зарплату в 500 тысяч долларов.

— Так что ты об этом думаешь? — вдруг спросил Вигвам.

Я вынырнул из своих грез. Я понятия не имел, о чем тут бормотал Энди, если не считать того, что в принципе речь, кажется, шла о карликах и пинках. Поэтому я проигнорировал Энди, а вместо этого повернулся к Дэнни и спросил:

— Так где ты собираешься найти карлика?

Энди пожал плечами.

— Не знаю точно, но если ты дашь мне «добро», то я начну со звонка в цирк братьев Ринглинг.

— А можно еще во Всемирную федерацию спортивной борьбы, — встрял мой доверенный адвокат. «Господи Иисусе, блин! — подумал я. — Да у меня тут психов больше, чем в любом дурдоме!»

Я глубоко вздохнул и сказал:

— Слушайте, ребята, пинать карлика — это дело нешуточное. Независимо от своей весовой категории, карлики бывают сильнее гризли, и, если хотите знать правду, я их вообще жутко боюсь. Так что прежде чем я соглашусь на всю эту историю, вам придется найти мне какого-нибудь… ну типа дрессировщика, который сможет обуздать этого карлика, если у него поедет крыша. Кроме того, нам понадобятся дротики со снотворным, наручники…

— Смирительная рубашка! — перебил Вигвам.

— Электрошокер! — воскликнул Дэнни.

— Точно, — сказал я, и мы все немного посмеялись. — Но главное, чтобы этот ублюдок не заторчал и не начал гоняться за ассистентками. Эти малыши ведь жутко похотливые и трахаются как кролики.

Тут мы все опять немного посмеялись, и я сказал:

— А вообще-то, если это попадет в газеты, то ведь черт знает что начнется.

Дэнни пожал плечами.

— Ну не знаю, мне кажется, что мы можем придать всей этой истории позитивный смысл. Ты только задумайся: много ли существует рабочих мест для карликов? Можно будет сказать, что мы просто делимся с менее удачливыми, чем мы сами, — он опять пожал плечами. — Да в любом случае наплевать.

Вот тут он был прав. Правда заключалась в том, что всем нам уже было наплевать на любые газеты. Все они постоянно нас ругали, утверждали, что все мы в «Стрэттон» — разнузданные отщепенцы, а самый разнузданный из них — я, «не по годам развитой молодой банкир», живущий в «собственном самодостаточном мире на Лонг-Айленде» и к которому «неприменимы обычные критерии поведения». Для прессы

«Стрэттон» и я были абсолютно неразделимы, как сиамские близнецы. Даже когда я жертвовал деньги детскому приюту, журналисты умудрялись находить в этом что-то неправильное: один абзац был посвящен моей щедрости, а дальше три или четыре страницы — всяким гадостям про меня.

Атака прессы началась в 1991 году, когда Рула Халаф, крайне настырная репортерша из журнала «Форбс», обозвала меня «извращенной версией Робин Гуда, который грабит богатых и отдает деньги… себе и развеселой банде своих брокеров». Конечно, она заслужила высший балл за свое остроумие. И, конечно, я был немного ошарашен, по крайней мере, сначала, пока не пришел к выводу, что эта статья по сути дела была комплиментарной. Многим ли молодым людям двадцати восьми лет от роду «Форбс» посвящает большие статьи? И невозможно было отрицать, что весь этот треп про Робин Гуда только подчеркивал мою щедрость! Именно после этой статьи у моих дверей начали выстраиваться целые очереди новобранцев.

Да, как это ни смешно, стрэттонцы, работавшие на человека, которого обвиняли во всех смертных грехах (ну, может, кроме похищения ребенка Линдбергов), были невероятно польщены. Они маршировали по торговому залу и скандировали:

— Мы! Твоя! Развеселая! Банда! Мы! Твоя! Развеселая! Банда!

Некоторые специально ради такого случая нацепили трико, другие нахлобучили на себя лихо заломленные старинные береты. Кто-то выступил с блистательной идеей, что надо бы лишить невинности какую-нибудь девственницу — это было бы очень *по-средневековому,* — однако весьма энергичные поиски ни к чему не привели: во всяком случае, в офисе «Стрэттон» таковых обнаружить не удалось.

Так что Дэнни был прав. Всем было наплевать на газеты. Но все же — пинать карлика?.. Сейчас у меня не было времени об этом думать. Мне надо было заняться более серьезными вещами, связанными с размещением ценных бумаг Стива Мэддена. Кроме того, мне еще предстоял трудный разговор с отцом, который, конечно же, уже сидел где-то неподалеку в засаде, держа в одной руке счет из «Американ Экспресс» на полмиллиона долларов, а в другой, как обычно, стакан «Столичной» с перцем.

Я сказал Вигваму:

— Пойди-ка найди Мэддена и скажи ему что-нибудь ободряющее. Когда будет выступать, пусть говорит коротко и приветливо и не увлекается рассказами о том, как он обожает дамские туфли. Если он в это углубится, они его линчуют.

— Будет сделано, — ответил Вигвам, вставая со стула, — сапожник без сапог!

Эдди еще не вышел из кабинета, а Дэнни уже начал язвить по поводу его парика.

— Что это у него за дешевый коврик на голове? — вопросил он. — Похоже, блин, на дохлую белку.

Я пожал плечами.

— Думаю, это ему удружили в клинике по восстановлению волос. Он давно к ним таскается. Может быть, надо просто отвести его в химчистку? Ладно, давай сосредоточимся на минутку: у нас все еще есть проблема с акциями Мэддена, и времени совсем не осталось.

— Я думал, *NASDAQ* проводит листинг! — удивился Дэнни.

Я покачал головой.

— Они могут провести, но тогда они позволят нам оставить себе только пять процентов акций, и все. Остальное мы должны передать Стиву до начала торгов. Это значит, что надо все бумаги подписать сейчас, вот прямо утром! А еще это значит, что мы должны быть уверены, что Стив будет вести себя правильно, когда акции окажутся на рынке! — я поджал губы и снова медленно покачал головой: — Не знаю, Дэн, мне кажется, что он ведет с нами двойную игру. Я не уверен, что он поступит *правильно,* когда дойдет до дела.

— Джей Би, ему можно доверять. Сто пудов, на Стива можно положиться. Я знаю его тысячу лет и уверяю тебя, он прекрасно понимает, что бывает с теми, кто нарушает *закон чести*.

Дэнни прижал большой и указательный пальцы к уголку рта и провел ими вдоль губ, как бы застегивая «молнию»: он будет держать рот на замке, он знает, что такое закон чести, закон молчания, *омерта*, как называют этот закон мафиози. Затем он сказал:

— В любом случае, после всего, что ты для него сделал, он тебя не подведет. Стив не дурак, а в качестве моего *подставного* он зарабатывает столько денег, что не захочет их терять.

Подставной — так мы в «Стрэттоне» называли номинальных, фиктивных владельцев ценных бумаг. Теоретически наличие такого номинального владельца не противоречило закону, если при этом платились все налоги и договор с *подставным* не нарушал законодательства о ценных бумагах. Номинальных владельцев на Уолл-стрит было много, и крупные игроки использовали их для консолидации больших позиций, не привлекая внимания других инвесторов. Это было абсолютно законно, пока вы не приобретали больше пяти процентов акций

любой компании — превысив этот лимит, необходимо было заполнить форму 13D и указать в ней истинного владельца (себя) и свои намерения.

Однако мы-то использовали номинальных владельцев для того, чтобы тайно скупать большие пакеты новых выпусков стрэттонских бумаг, — и таким образом нарушали сразу столько пунктов законодательства о ценных бумагах, что Комиссия по ценным бумагам и биржам все время пыталась придумать новые правила, лишь бы прижать нас. Проблема заключалась в том, что в существовавших на тот момент законах было больше дыр, чем в швейцарском сыре. Конечно, этими дырами на Уолл-стрит пользовались не только мы — по сути дела, все это делали. Просто мы делали это гораздо более нагло, чем остальные.

Я ответил:

— Конечно, я понимаю: он твой *подставной*. Но не так-то просто контролировать того, у кого уже есть деньги. Уж можешь мне поверить. Я занимаюсь этим дольше, чем ты. Здесь надо прежде всего контролировать будущие планы своего подставного, а не рассчитывать на то, что ты его уже облагодетельствовал и он навсегда признателен тебе за это. Вчерашняя прибыль была вчера, и случись что сегодня, этот человек повернется против тебя. Люди не любят чувствовать себя обязанными кому-то, а особенно близким друзьям. Проходит какое-то время, и ты начинаешь раздражать своих *подставных*. Я уже таким образом потерял нескольких друзей. Подожди немного — и ты тоже потеряешь. В общем, я хочу сказать, что дружба, построенная на деньгах, долго не длится, так же, как и преданность. Именно поэтому таким друзьям, как Вигвам, здесь цены нет. Преданность просто так не купишь, понимаешь, что я имею в виду?

Дэнни кивнул.

— Ну да, у меня со Стивом так же.

Я продолжал:

— Пойми меня правильно, я не хочу недооценивать твои отношения со Стивом. Но мы сейчас говорим по меньшей мере о восьми миллионах баксов. А если у компании хорошо пойдут дела, то, может быть, и о сумме в десять раз большей, — я пожал плечами, — кто знает, как все сложится? У меня в кармане нет хрустального шара, зато у меня там шесть штук колес, которыми я с радостью с тобой поделюсь после закрытия рынка!

Дэнни улыбнулся и поднял большие пальцы:

— Я в доле!

Я кивнул.

— В любом случае, точно могу тебе сказать, что у меня хорошие предчувствия. Я думаю, что эта компания хорошо поднимется. А у нас два

миллиона их акций. Так что посчитай, дружище: сто баксов за акцию — значит, получается двести миллионов баксов. Такие деньги заставляют людей делать странные вещи. Не только Стива Мэддена.

Дэнни кивнул и сказал:

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, и, конечно же, ты разбираешься в таких делах. Но точно говорю тебе, Стив не подведет. Есть только одна проблема — как потом получить от него эти деньги. Он не так чтобы очень быстро расплачивается.

Это был важный момент. Одна из проблем с *подставными* заключается в том, что всегда сложно оформить передачу денег так, чтобы комар носу не подточил. Особенно если речь идет о миллионах.

— Есть разные способы, — продолжал я, — конечно, проще всего сделать договор об оказании консалтинговых услуг, однако если речь пойдет о десятках миллионов, то я бы подумал о наших швейцарских счетах, хотя мне бы хотелось как можно дольше сохранять их в тайне. Но в любом случае, судя по тому, как идут дела, у нас будут еще более мощные IPO,[4] чем у «Стив Мэдден Шуз». У нас будет еще пятнадцать таких компаний, как у Стива. И если я даже Стиву не могу доверять полностью, то остальных-то я вообще почти не знаю.

— Скажи, как ты хочешь, чтобы я поступил со Стивом, и я так и поступлю, — ответил Дэнни, — но повторяю, тебе не о чем беспокоиться. Он тебя превозносит больше, чем кто бы то ни было.

Я прекрасно знал, как Стив восхваляет меня, даже слишком хорошо это знал. Но дело в том, что я вложил деньги в его компанию, а за это получил восемьдесят пять процентов акций. Так должен ли он чувствовать, что он мне обязан? Мне кажется, что он — если только в него не переселилась душа Махатмы Ганди — должен был, наоборот, быть слегка на меня обиженным, совсем чуть-чуть, за то, что я присвоил такую большую часть его бизнеса.

Было еще кое-что, что меня беспокоило и о чем я не мог сказать Дэнни: Стив не раз намекал, что хотел бы иметь дело непосредственно со мной, а не с Дэнни. И хоть я и не сомневался, что Стив просто хотел подольститься ко мне, трудно было придумать более неподходящую для нас стратегию. Было понятно, что Стив — хитрый манипулятор и, что еще важнее, он постоянно ищет повсюду более выгодную сделку. Если ему удастся найти эту Выгодную Сделку, то для наших отношений это будет конец.

В данный момент я был нужен Стиву. Но это никак не подкреплялось ни тем обстоятельством, что «Стрэттон» помог ему заработать семь миллионов долларов, ни тем, что Дэнни сделал Стива своим подставным и

дал заработать еще почти три лимона. Ведь это было вчера. В будущем мои возможности держать Стива в руках будут зависеть от умения контролировать цену его акций после того, как они начнут торговаться на открытом рынке. Я был основным организатором торгов для Стива Мэддена, а это значило, что практически все сделки с его акциями будут происходить в стенах брокерского зала «Стрэттон» — это давало мне возможность поднимать и опускать цену на них, как только я сочту это нужным. Так что, если Стив не захочет с нами сотрудничать, я смогу буквально раздавить его и уронить его акции так, что они будут стоить копейки.

Вообще-то такой дамоклов меч висел над головами всех клиентов инвестиционной компании «Стрэттон-Окмонт». Этот постоянный шантаж был мне нужен как гарантия того, что все они сохранят лояльность, то есть будут продавать мне свои новые акции по цене ниже рынка, чтобы я затем перепродавал их с огромной прибылью, используя всю мощь своего биржевого зала.

Разумеется, не я придумал столь мудрую схему финансового шантажа. На самом деле то же самое происходило в самых уважаемых инвестиционных банках Уолл-стрит — таких как «Меррил Линч» и «Морган Стэнли», «Дин Уиттер» и «Саломон Бразерс», да и в десятках других: все они без малейших угрызений совести изо всех сил врезали бы под дых любой компании, пусть стоимостью и в миллиард долларов, которая решила бы прекратить сотрудничество с ними.

Я подумал, что по иронии судьбы как раз самые респектабельные и, как предполагалось, наиболее законопослушные финансовые институты превратили операции с казначейскими обязательствами правительства в мошеннические схемы, довели до банкротства округ Оранж в Калифорнии («Меррил Линч»), отняли у бабушек и дедушек 300 миллионов долларов («Пруденшиал-Бейч»). И несмотря на все это, продолжали заниматься своей деятельностью, продолжали процветать под защитой васпов.

Но как только речь заходила о «Стрэттон-Окмонт», сравнительно небольшом бизнесе инвестиционно-банковских услуг — или, как любили писать журналисты, «бизнесе копеечных бумаг», оказывалось, что у нас такой неприкосновенности нет. Собственно, все бумаги новых эмиссий начинали торговаться по цене от четырех до десяти долларов, так что их никак нельзя было назвать копеечными. Но регуляторы, к большому сожалению, никогда не обращали внимания на эту деталь. Именно по этой причине наблюдателям из Комиссии по ценным бумагам и биржам — особенно тем двоим придуркам, которые сейчас торчали в моем

конференц-зале, — никак не удавалось оформить надлежащим образом иск на 22 миллиона долларов, который они подали против меня. Вся проблема заключалась в том, что Комиссия готовила свой иск исходя из того, что «Стрэттон» устроен так же, как все компании, торгующие копеечными акциями, но на самом деле это было совершенно не так.

Всем известно, что фирмы, торгующие копеечными акциями, всегда децентрализованы и десятки их офисов разбросаны по всей стране. А у «Стрэттон» был только один офис, и это давало мне возможность сгладить негативное воздействие, которое известие о поданном против нас иске неминуемо должно было оказать на мотивацию и моральный дух сотрудников. Как правило, самого факта подачи иска обычно было достаточно, чтобы копеечная фирма закрылась. Кроме того, такие фирмы работали с очень примитивными инвесторами, которые располагали ничтожным капиталом. Этих инвесторов можно было убедить пустить в оборот пару тысяч долларов, не больше. А «Стрэттон» имел дело с богатейшими инвесторами Америки и успешно убеждал их пускать в оборот миллионы. Поэтому Комиссия не могла выступить со своим обычным предупреждением о том, что клиенты «Стрэттон» не должны рисковать своими деньгами, вкладывая их в сомнительные спекуляции.

Но Комиссия по ценным бумагам и биржам просто не подумала об этом до подачи своего иска. Они ошибочно решили, что одних негативных отзывов в прессе будет достаточно, чтобы «Стрэттон» прекратил свою деятельность. Но у меня был только один офис, все мои люди были у меня на глазах, мне легко было поддерживать их мотивацию, и ни один человек от меня не ушел. А Комиссия приступила к изучению наших отчетов о заключенных сделках только после подачи иска, и только тут до них дошло, что все наши клиенты были миллионерами.

На самом деле я просто занял новую нишу и вместо того, чтобы впаривать копеечные (дешевле одного доллара) акции девяноста девяти процентам жителей Америки, у которых не было или почти не было собственных капиталов, стал продавать пятидолларовые бумаги одному проценту самых богатых американцев. На Уолл-стрит была фирма «Ди-Эйч Блэр», которая больше двадцати лет подбиралась к этой идее, но так и не сорвала джек-пот, хотя хозяин фирмы, наглый еврей по имени Джей Мортон Дэвис, сумел заработать гигантское состояние и стал легендой Уолл-стрит.

Но я-то как раз *сумел* попасть в яблочко, и так удачно сложилось, что попал я в него в правильное время. Рынок акций еще только приходил в себя после Великого Октябрьского Краха, и в царстве капитала все еще

царил хаос. *NASDAQ* постепенно взрослел, и на Нью-Йоркской фондовой бирже его больше не воспринимали как отброс. На каждом столе появлялись скоростные компьютеры, молниеносно отправлявшие единицы и нули от одного побережья к другому — отменив таким образом необходимость физически находиться на Уолл-стрит. Это было время перемен и глубоких потрясений. И когда индекс *NASDAQ* взлетел до небес, я, по забавному совпадению, запустил для своих молодых брокеров интенсивную программу повышения квалификации, занимавшую три часа в день. Так из догоравших углей Великого Краха родилась инвестиционно-банковская фирма «Стрэттон-Окмонт». И прежде чем какие-либо регулирующие органы поняли, что произошло, она уже обрушилась на Америку с мощью атомной бомбы.

В этот момент мне в голову как раз пришла ценная мысль, и я спросил Дэнни:

— А что сегодня говорят два этих идиота из Комиссии по ценным бумагам и биржам?

— Да ничего нового, — ответил Дэнни, — сидят себе тихо, обсуждают в основном тачки на парковке, обычное дерьмо.

Он пожал плечами.

— Знаешь, они вообще ничего не соображают. По-моему, они даже не понимают, какую мы сегодня сделку заключаем. Они все еще изучают наши записи от 1991 года.

— Хм, — промычал я, задумчиво поглаживая подбородок. Слова Дэнни меня совсем не удивили. Я уже месяц как установил жучок в конференц-зале и каждый день получал подробные разведданные о деятельности Комиссии. И первое, что я узнал об этих представителях регулятора (помимо того, что оба они были абсолютно безликими типами), так это то, что у них одна рука представления не имела о том, что творит другая. Пока одни придурки из Комиссии, сидевшие в Вашингтоне, собирались разорвать в клочья IPO Стива Мэддена, другие такие же придурки, сидевшие в моем офисе в Нью-Йорке, вообще не понимали, что должно вот-вот произойти.

— А какая сейчас температура в конференц-зале? — с живым интересом спросил я.

Дэнни пожал плечами.

— Градусов двенадцать, я думаю. Они сидят в пальто.

— Черт возьми, Дэнни! Почему, блин, там так *тепло*? Я же сказал тебе — я хочу заморозить этих ублюдков, чтобы они убрались на Манхэттен! Мне что, мастера по ремонту холодильников вызвать, чтобы он это сделал?

Дэнни, я хочу, чтобы из их чертовых носов торчали сосульки. Что тут непонятного?

Дэнни ухмыльнулся.

— Послушай, Джей Би. Мы можем их заморозить, мы можем сварить их живьем. Я, пожалуй, могу установить на потолке маленький керосиновый обогреватель, и там станет так жарко, что им вряд ли удастся выжить. Но если им будет неудобно работать в нашем конференц-зале, то они перейдут в другое место, и тогда мы не сможем больше слушать их разговоры.

Я медленно вдохнул и выдохнул. «Дэнни прав», — подумал я и сказал:

— Ну хорошо, хрен с ними. Пусть эти ублюдки доживут до старости. А вот что касается Мэддена, то я хочу, чтобы он подписал бумагу, в которой говорится, что акции по-прежнему принадлежат нам, независимо от того, какова будет их цена, и независимо от того, что написано в инвестиционном меморандуме. А еще я хочу, чтобы Стив передал сертификат о праве собственности на акции на хранение третьему лицу, тогда мы сможем его контролировать. Пусть этим третьим лицом будет Вигвам. И никто не должен об этом знать. Это все останется между друзьями, *омерта*, чувак. И тогда, даже если Стив попытается нас кинуть, все будет хорошо.

Дэнни кивнул.

— Я займусь этим, хотя и не понимаю, чем это нам поможет. Если мы когда-нибудь попытаемся нарушить договоренность, то окажемся в таком же дерьме, как и он. Мы ведь нарушаем примерно семнадцать тысяч законов и инструкций, — несмотря на то, что офис лишь недавно проверяли на наличие жучков, Дэнни произнес эти слова одними губами, — когда используем Стива как подставного при таком объеме акций.

Я поднял руку и нежно улыбнулся.

— Ну, ну, ну. Угомонись! Во-первых, офис проверяли на жучки тридцать минут назад, так что, если они уже сумели их снова установить, значит, они заработали право нас поймать. И мы нарушаем вовсе не семнадцать тысяч законов, а всего-то три или четыре. О`кей, о`кей, пять. Но в любом случае об этом никто никогда не узнает.

Я пожал плечами с видом оскорбленной невинности.

— Ты меня удивляешь, Дэн. Письменное соглашение нам очень поможет, даже если мы не сможем им воспользоваться. Это психологически мощное средство, которое не даст ему нас кинуть.

Как раз в этот момент по интеркому раздался голос Джанет:

— К вам идет ваш отец.

— Скажи ему, что у меня встреча, черт возьми, — крикнул я.

— Вот еще, — бросила в ответ Джанет, — сами ему это говорите. Я не буду.

Что за нахальство! И как ей наглости хватает! Секундное молчание, и я умоляющим тоном сказал в интерком:

— Джанет, пожалуйста! Просто скажи ему, что у меня важная встреча, или селекторное совещание, ну, или что-нибудь еще, *прошу тебя!*

— Нет, нет и нет, — бесстрастно ответила она.

— Спасибо тебе, блин, ты не помощница, а просто чудо! Напомни мне об этом через две недели, когда я соберусь выписывать тебе рождественский бонус!

Я остановился в ожидании ответа. Его не было. Мертвое молчание, черт возьми. *Невероятно!* Но я не сдавался.

— Он далеко?

— Примерно в пятидесяти ярдах отсюда, и приближается со страшной скоростью. Я даже отсюда вижу, как у него вены на лбу раздулись, и он курит минимум одну сигарету, а может быть, даже и две сразу. Богом клянусь, он похож на огнедышащего дракона.

— Спасибо, что подбодрила меня, Джанет. Ты не можешь по крайней мере как-нибудь его отвлечь? Может, включить пожарную тревогу? Я…

Как раз в этот момент Дэнни приподнялся со стула, явно собираясь покинуть мой кабинет. Я поднял руку и резко спросил:

— Куда это ты собрался, мужик? — и ткнул пальцем в сторону его кресла. — Сядь, блин, и расслабься.

Я снова повернулся к интеркому.

— Джанет, подожди, не уходи никуда, — затем снова к Дэнни: — Хочу тебе кое-что сказать, дружище: по крайней мере пятьдесят из шестидесяти тысяч этого счета «Американ Экспресс» твои, так что тебе тоже придется все выслушать. Кроме того, от численности боевого состава многое зависит. Джанет, скажи Кенни, чтобы он немедленно оторвал от стула свою задницу и шел ко мне. Ему тоже придется отвечать за это дерьмо. И открой мою дверь. Немного шума нам не помешает.

Кенни Грин, еще один мой партнер, был совсем не похож на Дэнни. Вообще-то, трудно было бы найти двух человек, сильнее отличавшихся друг от друга. Дэнни был умнее, и, как бы дико это ни звучало, он, безусловно, был *тоньше*. Зато Кенни был более целеустремленным, так как вечно жаждал все знать и все понимать — качество, которого Дэнни был

начисто лишен. При этом, как ни грустно это признавать, Кенни был полным придурком. У него был просто потрясающий дар вдруг произносить самые идиотские вещи во время деловых встреч, особенно во время *самых важных* встреч, поэтому на встречи я его больше не пускал. Дэнни, конечно, был этому несказанно рад и редко упускал возможность напомнить мне об одном из многочисленных провалов Кенни. Но в любом случае у меня имелись Кенни Грин и Энди Грин, не имевшие друг к другу никакого отношения, — казалось, меня окружают сплошные Рокки и Грины.

В этот момент дверь широко распахнулась, впустив в кабинет мощный рев брокерского зала. Там бушевал настоящий тайфун алчности, и мне это ужасно нравилось. Этот звук — о да, это был самый сильнодействующий наркотик. Он был сильнее, чем ярость моей жены, сильнее боли у меня в спине, сильнее, чем придурки из регулирующей комиссии, дрожавшие сейчас от холода в моем конференц-зале.

Он был даже сильнее, чем безумие моего отца, который как раз открывал рот, чтобы издать свой собственный мощный рык.

Глава 7

Треволнения из-за мелочей

Безумный Макс говорил угрожающим тоном, а его сверкавшие яростью голубые глаза были так выпучены, что он походил на персонажа мультфильма, который вот-вот лопнет. Он сказал:

— Вы, три ублюдка, если вы немедленно не измените выражение своих самодовольных физиономий, то, черт меня возьми, я сам сделаю так, чтобы вы смотрели на меня по-другому!

Сказав это, он пошел вперед… медленно, целенаправленно… его лицо было так искажено, что превратилось в маску беспредельной ярости. В правой руке у него была зажженная сигарета, наверное, уже двадцатая за сегодняшнее утро, в левой руке — белый пластиковый стаканчик «Столичной», надеюсь, что первый за день, но, может быть, уже и второй.

Неожиданно он остановился, резко развернулся, словно прокурор в суде, и пронзительно посмотрел на Дэнни.

— Ну, что *ты* мне скажешь, Поруш? Я всегда знал, что ты, черт тебя побери, умственно отсталый, но не представлял, что насколько. Проглотить живую золотую рыбку на глазах у всего биржевого зала! Ты что, совсем охренел?

Дэнни лениво поднялся на ноги и ответил с улыбкой:

— Да ладно тебе, Макс! Это было не так уж и плохо. Парнишка заслужил…

— Поруш, сядь и заткнись! Ты просто козел, ты позоришь не только себя, но и всю свою семью, прости их, господи, — Безумный Макс на минутку остановился, а потом добавил: — И, черт тебя возьми, перестань улыбаться! От твоих отбеленных зубов глазам больно! Мне что — темные очки надеть, чтобы на тебя смотреть?

Дэнни плюхнулся обратно на стул и плотно сжал губы. Мы с ним переглянулись, и я ощутил совершенно неуместное желание улыбнуться. Однако сумел удержаться, потому что знал — от этого станет только хуже. Уголком глаза я взглянул на Кенни. Он развалился напротив меня в том же кресле, где до этого сидел Вигвам, но мне не удалось встретиться с ним взглядом. Он очень внимательно разглядывал свои ботинки, которые, как обычно, нуждались в хорошей чистке. Как водится на Уолл-стрит, у него были закатаны рукава, чтобы был виден мощный золотой «ролекс» на

запястье. У него была модель «Президент» — вообще-то это были мои старые часы, от которых Герцогиня заставила меня отказаться, потому что в таких, по ее словам, «ходят только неотесанные жлобы». Но Кенни совсем не выглядел неотесанным, хотя и слишком светским он тоже не выглядел. А с его новой армейской стрижкой его квадратная дубовая башка стала еще более квадратной и дубовой. Я подумал, что младший партнер у меня — настоящий дуболом.

Между тем в комнате повисло ужасающее молчание, и это означало, что мне пора остановить надвигающееся безумие. Поэтому я, не вставая с кресла, чуть подался вперед, выбрал из своего блистательного словарного запаса как раз такие слова, которые, как мне было известно, должны были произвести наибольшее впечатление на моего отца, и сказал тоном начальника:

— Ладно, папа, кончай валять дурака! Почему бы, блин, тебе не успокоиться на минутку? Это, черт возьми, моя компания, и у меня есть вполне законные представительские расходы. И потом, я…

Но Безумный Макс перебил меня прежде, чем я смог добраться до конца своей мысли.

— Ты хочешь, чтобы я успокоился, когда вы, трое взрослых придурков, ведете себя, как малые дети в магазине сладостей? Вы считаете, что это никогда не кончится, правда? Что это просто одна огромная, блин, вечеринка для трех идиотов и что дождь никогда не пойдет? Ну так я вам кое-что, блин, скажу: мне чертовски надоела вся эта хрень. Мне осточертело, что вы заставляете эту чертову компанию оплачивать ваши личные расходы.

Тут он замолк и уставился на нас в упор — прежде всего на меня, своего родного сына. Но, похоже, в этот момент он как раз сильно сомневался: не принес ли меня все-таки аист. И прежде чем он от меня отвернулся, я успел внимательно рассмотреть отца и восхитился, каким франтом он сегодня выглядит. О да, несмотря ни на что, Безумный Макс одевался невероятно эффектно: он любил синие блейзеры с косыми английскими воротниками, широкие шейные платки, как у моряков, и сшитые на заказ рубашки, виртуозно накрахмаленные и отглаженные в той самой китайской прачечной, услугами которой он пользовался последние тридцать лет. Мой папаша был верен своим привычкам.

Так мы и сидели, словно маленькие провинившиеся детки, и терпеливо ждали, когда старик обрушит на нас следующую порцию своей брани, хотя я-то знал, что он должен сначала сделать еще кое-что: закурить. Прошло, наверное, секунд десять, пока он не сделал огромную затяжку своей

«Мерит Ультра» с низким содержанием смол, раздув при этом свою мощную грудь примерно вдвое, словно отпугивающая хищника рыба фугу. Потом он медленно выдохнул дым и сдулся до своих обычных размеров. Но у него все еще были огромные плечи, он всегда немного наклонялся вперед при ходьбе, и волосы его были слегка тронуты сединой. Все это придавало ему вид бешеного быка ростом в пять футов шесть дюймов в холке.

Затем он откинул голову назад, сделал огромный глоток из своего пластикового стаканчика, залпом проглотив его обжигающее содержимое, словно оно было не крепче охлажденной минералки, покачал головой и продолжил:

— Вы, три идиота! Вы зарабатываете столько денег и бросаете их на ветер, как будто завтра вообще не существует. Это просто издевательство какое-то. О чем вы все трое думаете? Вы что, думаете, я просто тюфяк, который будет закрывать глаза и делать вид, что не видит, как вы своими руками уничтожаете эту чертову компанию? Да вам вообще приходит в голову, сколько народу зависит от вас? Да понимаете ли вы, какому риску вы подвергаете…

Безумный Макс еще долго продолжал в этом типичном для него духе, но я уже отключил внимание. В принципе, меня совершенно завораживало его умение сплетать вместе такое огромное количество ругательств без какого-либо заранее продуманного плана и при этом так чертовски поэтично все формулировать. Он совершенно восхитительно ругался — просто с шекспировской грандиозностью. А в «Стрэттон-Окмонт», где виртуозное сквернословие ценилось как искусство высшего сорта, сказать человеку, что он умеет «вязать ругань», означало сделать ему высший комплимент. Но Безумный Макс переводил все это на совершенно новый уровень, и когда он, как сегодня, бывал по-настоящему в ударе, его тирады было действительно приятно послушать.

В данный момент Безумный Макс с отвращением — а может, с недоверием? — качал головой. Похоже, что он ощущал и то и другое. Как бы то ни было, он качал головой и более или менее терпеливо объяснял нам, трем умственно отсталым придуркам, что «Американ Экспресс» выставила нам в ноябре счет на 470 тысяч долларов и что, по его подсчетам, списать из этой суммы на деловые издержки удастся максимум 20 штук. Все остальные расходы были совершенно личного характера, вернее, как он выразился, были нашим «приватным дерьмом». Затем он произнес угрожающим тоном:

— Вот что я вам, маньякам, скажу: вашим задницам скоро плохо

придется! Попомните мои слова — рано или поздно сюда припрутся ублюдки из налогового управления и проведут полный аудит. Блин, да вы тут же окажетесь в полном дерьме, если только кто-нибудь не остановит все это безумие. Вот почему я отправлю этот счет каждому из вас лично.

Он покивал, словно соглашаясь с собственными словами.

— Я не буду проводить его через наши книги — ни одного пенни из этого счета, блин! Я вычту все эти четыреста пятьдесят штук из ваших нефиговых зарплат — и только попробуйте мне возразить!

Что-что? Ну и наглость! Мне надо было сказать ему что-то на доступном ему языке.

— Папа, придержи лошадей, блин! Ты порешь полную чушь! Большая часть этого дерьма — законные представительские расходы, веришь ты этому или нет. Перестань хоть на минуту орать, и я объясню тебе, что…

И тут он обрушился уже непосредственно на меня:

— А, это ты, наш Волк с Уолл-стрит, выживший из ума еще в детстве! Мой собственный сын! Порождение моих чресел, блин! Как такое возможно? Ты же хуже их всех! За каким чертом тебе понадобились два совершенно одинаковых меховых манто, причем каждое стоило восемьдесят тысяч баксов? Да-да, я туда позвонил, в этот чертов «Меховой дом Алессандро», потому что я подумал, что тут какая-то ошибка! Вовсе нет — знаешь, что мне сказал этот греческий ублюдок?

Я обреченно сказал:

— Нет, папа, не знаю.

— Он подтвердил, что ты купил два одинаковых норковых манто! Одного цвета! Одного фасона! — тут Безумный Макс наклонил голову набок, прижал подбородок к ключице, устремил на меня пронзительный взгляд своих выпученных голубых глаз и прошипел: — Что, *одного* манто твоей жене недостаточно? Или… Постой-ка, дай я угадаю — второе ты купил проститутке?

Он замолчал на секунду, сделал еще одну глубокую затяжку и понесся дальше:

— Вот где у меня сидит вся эта фигня! Ты что думаешь, я не знаю, что такое «И-Джи-Энтертейнмент»? — он даже глаза прикрыл от ярости. — Вы, чертовы маньяки, расплачиваетесь со шлюхами корпоративной карточкой?! И что это, кстати, за шлюхи такие, которые принимают кредитки?

Мы трое переглянулись, но предпочли промолчать. Да и что можно было сказать? Правда заключалась в том, что шлюхи *действительно* принимали кредитки — по крайней мере те шлюхи, с которыми имели дело

мы! Проститутки уже настолько вписались в стрэттонскую субкультуру, что мы классифицировали их как торгующиеся акции: «голубыми фишками» мы называли шлюх высшего класса, как говорится *crème de la crème*. Обычно это были юные модели в начале карьеры или невероятно красивые студентки, которым были очень нужны деньги на обучение или на дизайнерские шмотки. За несколько тысяч долларов они были готовы проделать с тобой или друг с другом практически все, что только можно себе вообразить.

За ними шли «насдаки», которые считались классом ниже «голубых фишек». Им платили от трех до пяти сотен баксов, и они всегда требовали, чтобы ты надевал презерватив — или платил им офигительные дополнительные чаевые (я лично всегда платил). Потом шли шлюшки из «списка акций», эти были хуже всех — девицы с улицы или жалкие девушки по вызову, номера которых мы находили в порнографических журнальчиках или в телефонных будках. Эти обычно стоили сотню или даже меньше, и если у тебя не было презерватива, то на следующий день следовало сделать инъекцию пенициллина, а потом хорошенько помолиться, чтобы у тебя не отвалился член.

Но «голубые фишки» принимали кредитки, так почему бы не списать эти деньги со своих налогов? В конце концов, налоговой все это было прекрасно известно. Вообще-то в старые добрые времена, когда перепих в обеденный перерыв считался нормальным корпоративным стилем, налоговая называла подобную статью расходов «обедом с тремя мартини»! У них даже был специальный бухгалтерский термин для них — ПР, что означало «поездки и развлечения». А я просто позволил себе маленькую вольность и заменил ПР на ПС: «попки и сиськи»!

Но если отвлечься от этого вопроса, то у меня были куда более серьезные проблемы с отцом, чем сомнительные расходы по корпоративной кредитке. Дело в том, что он был самым скупым человеком, когда-либо жившим на этой планете. Ну а я, как бы это сказать, — в общем, я принципиально расходился с ним по вопросам управления моими деньгами, потому что не видел беды в том, чтобы проиграть полмиллиона долларов в казино, а затем бросить пятитысячную серую покерную фишку шикарной «голубой фишке».

Короче говоря, Безумный Макс чувствовал себя в «Стрэттон-Окмонт» как рыба, выброшенная из воды, или, точнее, как рыба, выброшенная куда-нибудь на Плутон. Ему было шестьдесят пять лет, то есть примерно на сорок лет больше, чем среднему стрэттонскому брокеру. При этом он был прекрасно образован, имел диплом бухгалтера, его IQ просто зашкаливал

— а у среднего стрэттонца образования не было вообще, а ума было как у курицы. Он рос в другое время и в другом месте: в старом еврейском Бронксе, среди догоравших углей Великой депрессии, и часто не знал, что будет есть на ужин. И, как у миллионов других людей, выросших в тридцатые годы, его психика никак не могла избавиться от наследия Депрессии: он боялся риска, противился любым переменам и опасался сомнительных финансовых операций. Но теперь ему приходилось управлять финансами компании, вся деятельность которой была основана на мгновенных переменах и чей основной акционер, бывший к тому же его собственным сыном, был от природы склонен к риску.

Я глубоко вздохнул, встал с кресла, обошел вокруг стола и сел на его край. Потом скрестил руки на груди и с некоторым раздражением сказал:

— Пап, послушай, здесь происходит много такого, что ты никогда не сможешь понять. Но суть заключается в том, что это, блин, мои деньги и я, блин, могу делать с ними все, что захочу. Так что если ты не можешь *доказать*, что мои расходы плохо влияют на общий оборот компании, то заткнись, блин, и оплати этот счет. Ты знаешь, что я люблю тебя, и мне жалко, что ты так волнуешься из-за дурацкого овердрафта по кредитной карте. Папа, это же просто счет! И ты знаешь, что тебе в конце концов все равно придется его оплатить. Зачем же так из-за этого волноваться? Еще не наступит вечер, как мы заработаем еще двадцать миллионов баксов, так что можно смело плюнуть на эти жалкие пол-лимона.

Тут встрял Дуболом:

— Макс, ну на мою-то долю в этом счете приходится самая малость, так что я целиком на твоей стороне.

Я чуть не захохотал. В результате многолетних наблюдений за Безумным Максом я уяснил два важнейших правила: во-первых, никогда не пытайся снять с себя ответственность — никогда! Во-вторых, никогда не пытайся перевести стрелки — косвенно или прямо — на его любимого сыночка, ведь только сам папаша имеет право его бранить. Макс тут же повернулся к Кенни и набросился на него:

— А мне кажется, Грин, что даже если ты, жалкий лузер, потратил из всего этого один-единственный доллар, это и так слишком много. Мой сын по крайней мере зарабатывает все эти деньги! А какого черта ты тут делаешь? Если, конечно, не считать того, что мы из-за тебя получили иск о сексуальных домогательствах от этой грудастой ассистентки — как там ее звали, блин?

Он с негодованием покачал головой.

— Так что ты бы лучше заткнулся и поблагодарил судьбу за то, что мой

сын так добр, что сделал такое ничтожество, как ты, своим партнером.

Я улыбнулся отцу:

— Папа, папа, папа! Успокойся, а то у тебя опять будет плохо с сердцем. Я знаю, о чем ты думаешь, но Кенни ничего такого не имел в виду. Ты знаешь, что мы все тебя любим, и уважаем, и считаем единственным разумным человеком в здешних местах. Так что давайте все просто остановимся на этом…

Сколько я помню, мой отец всегда вел постоянную позиционную войну с самим собой — внешне она проявлялась в ежедневных сражениях с невидимыми врагами и неодушевленными предметами. Я впервые заметил это, когда мне было пять лет, тогда он воевал со своим автомобилем, словно это было живое существо. Это был зеленый «Додж Дарт» 1963 года, он всегда называл его *она*. Проблема заключалась в том, что у *нее* из-под приборной панели все время раздавался непонятный треск. Этот треск, по мнению моего отца, ублюдки из компании «Додж» специально подстроили, чтобы сделать ему гадость. Кроме него этот треск слышала только моя мать (на самом деле она просто притворялась, чтобы не дать моему отцу окончательно слететь с эмоциональных катушек).

Но это было только начало. Даже простой поход к холодильнику мог оказаться весьма опасным предприятием, особенно учитывая привычку отца пить молоко прямо из пакета. Если хоть одна капля молока стекала с его подбородка, то он приходил в абсолютное бешенство, злобно совал пакет обратно в холодильник и бормотал при этом:

— Чертов дерьмовый пакет, блин! Неужели эти придурки, выпускающие пакеты, не могут сделать их так, чтобы ни одна капля молока, блин, не выливалась на лицо человеку?

Разумеется. Во всем был виноват молочный пакет. И поэтому Безумный Макс опутал себя целой сетью странных привычек, установленных ритуалов и подозрительных предметов, в том числе потрескивающих приборных панелей и далеких от совершенства молочных пакетов. Просыпаясь утром, он тут же выкуривал подряд три сигареты «Кент», затем полчаса стоял под душем, а затем невероятно долго брился опасной бритвой, причем во время бритья одна сигарета дымилась у него во рту, а другая лежала наготове на краю раковины. Потом он одевался: сначала натягивал на себя белые семейные трусы, потом черные гольфы, потом черные лакированные туфли, однако пока что не надевал штаны. Затем он расхаживал в таком виде по квартире, завтракал, выкуривал еще несколько сигарет, объясняя, что это лучший способ снять напряжение. Затем очень долго причесывался, добиваясь, чтобы пробор был совершенно идеальным,

надевал белую нарядную рубашку, медленно ее застегивал, поднимал воротничок, доставал галстук, завязывал его, опускал воротничок и надевал пиджак. И наконец, уже непосредственно перед выходом из дома, — надевал штаны. Я никогда не мог понять, почему он приберегал эту процедуру на самый конец, но был уверен, что многолетнее наблюдение за этим ритуалом должно было тем или иным образом травмировать мою психику.

Еще более странной была абсолютная и необъяснимая неприязнь Безумного Макса к неожиданным телефонным звонкам. О да, Безумный Макс ненавидел звук телефона, и участь его была печальна, потому что он работал в офисе, где звонили примерно тысяча телефонов, плюс-минус пара десятков. И с того момента, когда Безумный Макс ровно в 9:00 (он, конечно же, никогда не опаздывал) входил в офис и до того момента, когда он уходил (а это он мог делать когда ему угодно), — все это время телефоны постоянно звонили.

Неудивительно, что в моем детстве в маленькой трехкомнатной квартирке в Куинсе были довольно бурные эпизоды — это когда вдруг начинал звонить телефон, а потом выяснялось, что звонят отцу. Сам он никогда не подходил к телефону, даже если бы захотел, потому что моя мать, святая женщина, моментально превращалась в спринтера мирового класса и неслась к телефону, понимая, что чем меньше звонков раздастся, тем легче потом будет успокоить отца.

А в тех печальных случаях, когда моей матери все же приходилось выдавливать из себя ужасные слова: «Макс, это тебя», мой отец медленно поднимался с кресла в гостиной, демонстрируя свои белые семейные трусы, и тяжелой поступью шагал на кухню, бормоча при этом:

— Черти бы взяли этот проклятый чертов телефон! И какому только гаду, черт его возьми совсем, хватает наглости, блин, звонить людям домой, в воскресенье вечером…

Но когда он, наконец, брал трубку, то происходила поразительная вещь: он волшебным образом превращался в своего двойника, сэра Макса, утонченного джентльмена с безупречными манерами и выговором, как у британского аристократа. Мне это всегда казалось странным, особенно если учесть тот факт, что отец родился и вырос на грязных улицах Южного Бронкса и в жизни не был в Англии.

И тем не менее сэр Макс светски произносил в трубку:

— Добрый день, с кем имею честь говорить?

При этом он поджимал губы и слегка втягивал щеки, отчего у него действительно появлялся аристократический выговор.

— Прекрасно! Это очень хорошо! Договорились! Всего наилучшего! — с этими словами сэр Макс вешал трубку и тут же снова превращался в Безумного Макса.

— Этот чертов придурок, мой приятель, черт, которому, блин, хватает, на фиг, наглости звонить домой…

Но все же, несмотря на его сумасшествие, именно Безумный Макс с радостью соглашался быть тренером во всех бейсбольных командах школьной лиги, в которых я играл, и именно Безумный Макс первым из всех отцов просыпался в воскресенье и выходил во двор погонять мяч со своими детьми. Это он придерживал сзади седло моего велосипеда и слегка подталкивал меня по цементной дорожке перед нашим домом, а потом бежал за мной. Это он приходил ночью в мою комнату, когда я просыпался от кошмарного сна, ложился рядом со мной и ласково ерошил мне волосы. Он никогда не пропускал школьные спектакли, родительские собрания, концерты или другие мероприятия, где его присутствие могло доставить удовольствие его детям и показать нам, как он нас любит.

Мой отец был непростым человеком, он обладал огромным интеллектуальным потенциалом и стремился к успеху, однако был обречен на жизнь посредственности из-за своих эмоциональных проблем. Посудите сами, мог ли подобный безумец нормально функционировать в корпоративном мире? Кто бы потерпел там его выходки? Кто знает, сколько работ он потерял? Сколько раз его обошли повышением? И сколько путей к возможному продвижению закрылось из-за личных качеств Безумного Макса…

Но все изменилось, когда появился «Стрэттон-Окмонт», где Безумный Макс мог абсолютно безнаказанно демонстрировать свою дикую ярость. Если Безумный Макс ругал последними словами какого-нибудь юного стрэттонца, тот терпел, и это считалось высшим проявлением лояльности. Удар бейсбольной битой по ветровому стеклу автомобиля тоже рассматривался как некий обряд инициации, и этим гордились, как наградой.

В общем, мой отец был Безумным Максом, в котором прятался сэр Макс, и вся проблема заключалась в том, каким образом извлечь сэра Макса на свет божий. Сначала я решил сделать это с помощью разговора наедине. Я взглянул на Кенни и Дэнни и сказал:

— Ребята, дайте-ка я пять минут поговорю с отцом с глазу на глаз.

Никто не спорил! Они оба выскочили из комнаты с дикой скоростью, мы с отцом не успели даже дойти до дивана всего в десяти футах от стола, как дверь за ними уже захлопнулась. Отец сел, поджег очередную сигарету

и в очередной раз сделал гигантскую затяжку. Я шлепнулся на диван рядом с ним, откинулся на спинку и вытянул ноги, положив их на стеклянный кофейный столик, стоявший перед нами.

Потом я грустно улыбнулся отцу и сказал:

— Ох, папа, как же болит спина! Ты даже представить себе не можешь. Боль спускается от спины к левой ноге. От одного этого можно сойти с ума.

Выражение его лица тут же смягчилось.

— А что говорят доктора?

Хм-м-м… Пока что в его словах не было и намека на британский акцент, но ведь у меня действительно ужасно болела спина, так что, похоже, я все-таки чего-то добился.

— Доктора? Да что они понимают! После последней операции стало только хуже. Они только дают мне таблетки, которые портят мне желудок, а боль ни фига не снимают, — я опять покачал головой. — Папа, я не хочу, чтобы ты из-за меня беспокоился. Я просто хочу поплакаться.

Я спустил ноги с кофейного столика, откинулся назад и раскинул руки по спинке дивана.

— Послушай, — сказал я ласково, — я понимаю, как тебе трудно смириться со всем царящим здесь безумием, но поверь мне: даже если это безумие, то в нем есть своя система, особенно когда речь идет о расходах. Для меня очень важно, чтобы все эти ребята постоянно гнались за мечтой. А еще важнее, чтобы им все время не хватало денег.

Я махнул рукой в сторону брокерского зала:

— Ты только посмотри на них — зарабатывают столько денег, а у каждого в кармане пусто! Они тратят все, что у них есть, пытаясь подражать моему стилю жизни. Но у них не получается, они недостаточно зарабатывают. Вот они и живут от зарплаты до зарплаты, хоть и получают по миллиону баксов в год. Я понимаю, что тебе трудно это себе представить, учитывая условия, в которых ты вырос, но это факт.

Пока у них нет денег, их легче контролировать. Подумай вот о чем: каждый из них по уши в кредитах, у них кредиты на машину, на дом, на яхту и на все остальное дерьмо. И если они хоть раз не получат зарплату, то будут уже по уши в дерьме. У них на руках золотые наручники. Я, конечно, мог бы платить им больше, но тогда они бы так во мне не нуждались. А если бы я платил им слишком мало, то они бы меня возненавидели. Так что я плачу им ровно столько, чтобы они меня любили и в то же время нуждались во мне. А пока они во мне нуждаются, то всегда будут меня бояться.

Отец внимательно слушал, как будто взвешивая каждое мое слово.

— Когда-нибудь, — я указал подбородком в сторону стеклянной стены, — все это исчезнет, и тут же испарится их так называемая преданность. И когда этот день настанет, я бы не хотел, чтобы ты узнал о некоторых вещах, которые здесь творились. Поэтому иногда я кое о чем умалчиваю. Это не значит, что я тебе не доверяю или тебя не уважаю или что я не ценю твое мнение. Совсем наоборот, папа. Я кое-что от тебя скрываю, потому что люблю тебя и восхищаюсь тобой и потому что я хочу защитить тебя от возможных последствий, когда здесь все пойдет вразнос.

Сэр Макс озабоченно сказал:

— Почему ты так говоришь? Почему все здесь должно пойти вразнос? Компании, с которыми ты имеешь дело, — это ведь открытые акционерные общества, и у них же все законно, так?

— Разумеется. Дело совершенно не в этом. И потом, мы делаем ровно то же, что и все остальные на Уолл-стрит. Просто мы делаем это лучше и в большем объеме, поэтому мы более уязвимы. Но тебе не надо об этом беспокоиться. Это у меня просто приступ уныния, пап. Все будет хорошо.

Как раз в этот момент по внутренней связи раздался голос Джанет:

— Извините, что вмешиваюсь, но у вас сейчас селекторное совещание с Айрой Соркиным и остальными юристами. Они на линии, и оплаченное время уже пошло. Вы хотите, чтобы они подождали, или назначить им другое время?

Селекторное совещание?! У меня вроде не назначено никакого селекторного совещания… И тут до меня дошло: Джанет просто пытается спасти меня! Я взглянул на отца и пожал плечами, словно говоря: «Ну что тут поделаешь? Ох уж эти совещания!»

Мы обнялись и попросили друг у друга прощения, а потом я пообещал в будущем тратить поменьше, хотя оба мы знали, что это вранье. Но во всяком случае мой отец ворвался ко мне, как лев, а вышел агнцем. И как только за ним закрылась дверь, я мысленно пообещал себе, что на Рождество надо будет выбрать Джанет подарок получше, несмотря на все те гадости, что она устроила мне сегодня утром. Она была хорошей секретаршей. Чертовски хорошей.

Глава 8

Сапожник

Примерно через час Стив Мэдден уверенным шагом вошел в биржевой зал. Я подумал, что такая походка бывает только у людей, у которых все под контролем, у тех, кто собирается вот-вот продемонстрировать первоклассное шоу. Но стоило ему только выйти вперед и повернуться к биржевому залу — боже, какое у него было лицо! Он был просто в панике!

А как он был одет! Это было просто смешно. Он выглядел как разорившийся тренер по гольфу, дающий частные уроки за две пинты пива и билет на метро до ближайшего притона. По иронии судьбы Стив занимался модным бизнесом и был одним из самых модных обувных дизайнеров на планете. Он был весьма эксцентричным дизайнером и страшно выпендривался: расхаживал по улицам, держа в руках туфли на совершенно жуткой платформе, и объяснял всем, кто хотел или не хотел его слушать, почему именно о таких туфлях будут мечтать в следующем сезоне все девочки-подростки.

Но сейчас на нем был помятый синий блейзер, висевший на его тощих плечах, как кусок дешевой парусины. Остальное было не лучше: серая растянутая футболка и обтягивающие джинсы «Ливайс», причем и футболка, и джинсы были в пятнах.

Но оскорбительнее всего выглядели его туфли. Вообще-то от того, кто пытается выдать себя за настоящего дизайнера обуви, можно ожидать, что ему хватит воспитанности хотя бы на то, чтобы почистить свои чертовы ботинки в тот день, когда акции его компании выходят на биржу. Но Стива Мэддена это не касалось: он щеголял в дешевых коричневых мокасинах, и гуталин не касался их с того самого дня, когда ради кожи, из которой они были сделаны, был забит теленок. И, конечно же, остатки его клочковатых рыжеватых волос были собраны в хвостик и стянуты резинкой, а сверху нахлобучена его фирменная ярко-синяя бейсболка.

Стив с явной неохотой взял микрофон с подставки и произнес несколько «гм-гм» и «кх-кх», подав тем самым ясный сигнал о том, что он готов начинать представление. Стрэттонцы медленно — вернее, *очень* медленно — отключили телефоны и откинулись на спинки кресел.

И тут я неожиданно почувствовал слева от себя какую-то неприятную вибрацию — что-то вроде мини-землетрясения. Я повернулся… *Боже!*

Это был толстый Хоуи Гельфанд. Все его четыреста фунтов, и ни унции меньше!

— Привет, Джей Би, — сказал толстый Хоуи, — я хочу, чтобы ты оказал мне услугу и продал еще десять тысяч лотов Мэддена. Ты ведь сделаешь это для своего дяди Хоуи?

Он расплылся от уха до уха, потом наклонил голову и положил руку мне на плечо, как будто хотел сказать: «Ну мы же приятели, правда?»

Надо сказать, что мне действительно нравился толстый Хоуи, хоть он и был просто толстым ублюдком. Но дело не в этом. Вообще-то каждый лот нового выпуска стрэттонских бумаг был дороже золота. Достаточно просто посчитать: в каждый лот входила одна обычная акция и два купона облигаций — А и В. Каждый купон давал их обладателю право купить еще одну дополнительную акцию по цене чуть выше цены официального предложения.

В данный конкретный момент цена официального предложения составляла четыре доллара за акцию, купон А давал возможность купить по четыре сорок, а купон В — по пять долларов. Когда цена акций поднимается, одновременно с этим возрастает и ценность купонов. Так что прибыль получалась фантастическая.

Типичный новый выпуск «Стрэттон» состоял из двух миллионов лотов по четыре доллара каждый, что само по себе было совсем неудивительно. Но ведь на этом футбольном поле играли молодые стрэттонцы — они улыбались, набирали телефонные номера, хватали своих клиентов за горло, и спрос начинал невероятно превышать предложение. Это означало, что, как только бумаги будут выброшены на рынок, цена каждого лота возрастет как минимум до двадцати долларов. Так что продать клиенту *сейчас* пакет из 10 тысяч лотов означало сделать ему шестизначный подарок: на каждом лоте, который он получал по цене официального предложения, клиент мог после начала торгов рассчитывать получить на вторичном рынке *в десять раз больше*…

— Хорошо, — пробормотал я, — ты получишь дополнительные десять тысяч, потому что я тебя люблю и знаю, что ты мне предан. А теперь иди и начни сбрасывать вес, пока тебя инфаркт не хватил.

Он широко улыбнулся и радостно воскликнул:

— Славься, славься, Джей Би! — он даже попытался поклониться. — Ты Король… ты Волк… Да ты кто угодно! Все твои желания для меня закон, и я…

Я его перебил:

— Заткнись, Гельфанд. И пожалуйста, сделай так, чтобы из этой части

зала никто из этих мальчишек не начал шикать или бросать в Стива всякое дерьмо. Я серьезно, ты понял?

Хоуи начал маленькими шажками отступать назад, простирая перед собой руки и не переставая кланяться, как делают придворные, покидая королевские покои после аудиенции.

«Чертов толстый ублюдок! — подумал я. — Но какой прекрасный брокер! Без мыла в любую задницу влезет!» Хоуи был одним из первых людей, которых я нанял, и тогда ему было всего девятнадцать. За свой первый год он заработал 250 тысяч долларов. В этом году, похоже, он сможет заработать полтора лимона. Несмотря на все это, он все еще жил со своими родителями. В этот момент из микрофона послышались бормотания:

— Гм, прошу прощения. Тем из вас, кто со мной не знаком, хочу сказать, что меня зовут Стив Мэдден и я президент…

Но он не успел еще закончить фразу, как стрэттонцы на него набросились:

— Да все мы знаем, кто ты!

— Крутая бейсболка, блин!

— Время — деньги, давай-ка ближе к делу!!!

Началось шиканье, топот, свист, а кое-кто даже заулюлюкал. И успокаиваться никто не собирался.

Стив умоляюще посмотрел в мою сторону. Нижняя челюсть у него слегка отвисла, а карие глаза стали похожи на блюдца. Я протянул руки ладонями к нему и сделал несколько пассов, как будто говоря: «Успокойся, не нервничай!»

Стив кивнул и сделал глубокий вдох.

— Я бы хотел для начала немного рассказать вам о себе и о том, как я пришел в обувной бизнес. А затем я хотел бы обсудить с вами прекрасные перспективы моей компании. Я начал работать в обувном магазине, когда мне было шестнадцать, я там мел полы. И пока мои друзья бегали за девчонками, я вникал в то, что такое женская обувь. В общем, я был похож на Эла Банди, и рожок для обуви торчал из моего заднего…

Тут его снова перебили:

— Ты держишь микрофон слишком далеко ото рта. Ни фига не слышно! Поднеси микрофон поближе.

Стив придвинул к себе микрофон:

— Извините, простите, пожалуйста! Ну так вот, я уже говорил, что сколько я себя помню, столько работаю с обувью. Первая моя работа была на складе в маленьком обувном магазинчике, который назывался

«Джилдор Шуз». Со временем стал продавцом. И потом… ну, в общем, еще когда я был мальчишкой… я впервые влюбился в женские туфли. И вы знаете, откровенно говоря…

И вот таким образом он начал с невероятным количеством подробностей рассказывать о том, как еще подростком всей душой полюбил женские туфли и как однажды — он не мог точно сказать, когда — он был потрясен, когда осознал, какие безграничные возможности есть у дизайнера женских туфель — такое множество там разных каблуков, ремешков, кантиков, пряжек и всевозможных материалов, с которыми можно работать. И такое множество декоративных орнаментов, которые можно ко всему этому присобачить. Затем он принялся подробно объяснять, какое наслаждение он получает, когда гладит дамские туфли и особенно когда проводит пальцами по их подъему.

Я украдкой оглядел биржевой зал и не мог не заметить удивленных взглядов моих стрэттонцев. Даже ассистентки, от которых обычно можно было ожидать хоть какого-то соблюдения приличий, удивленно качали головами. Некоторые гримасами изображали отвращение и картинно закатывали глаза.

А затем началось:

— Чертов извращенец!

— Да он же больной!

— Ты что, голубой, что ли? А ну пошел отсюда!

Снова шиканье, топот и свист — явные признаки провала.

Ко мне, качая головой, подошел Дэнни.

— Чертовски неловко получается, — проговорил он.

Я кивнул.

— Зато, по крайней мере, он согласился депонировать свои акции у третьего лица. Жаль, что мы не смогли подписать сегодня все бумаги, но нет в мире совершенства. Надеюсь, что он прекратит нести эту чушь, или они его живьем съедят.

Я покачал головой:

— Не знаю, не знаю… Всего несколько минут назад мы с ним обсуждали его выступление, и он вроде все понял. У него ведь действительно хорошая фирма. Ему просто надо суметь об этом рассказать. Я понимаю, что он твой друг и все такое, но он же полный псих.

Дэнни бесстрастно ответил:

— Он всегда был таким, даже в школе.

Я пожал плечами.

— О`кей, я подожду еще минуту, а потом придется вмешаться.

Как раз в это время Стив посмотрел в нашу сторону, и я увидел, что он в буквальном смысле *обливается* потом. У него на груди был темный круг размером с картофелину. Я покрутил пальцем, показывая ему, чтобы он закруглялся. Потом одними губами показал:

— Расскажи о планах своей компании!

Он кивнул.

— Итак, я рассказал вам о том, как была создана компания «Стив Мэдден Шуз», а теперь кратко скажу о наших блестящих перспективах!

На этих словах брокеры закатили глаза, а некоторые с сомнением закачали головами, но, к счастью, в зале стало потише.

Стив кое-как продолжал:

— Я создал свою компанию с помощью одной тысячи долларов и одной единственной туфли. Ее… звали «Мэрилин». — *Господи боже мой! Да что он несет?!* — Это было что-то вроде сабо. Это была прекрасная туфля, не самая лучшая из моих туфель, но все равно прекрасная. Я взял кредит и на эти деньги изготовил пятьсот пар, а потом стал повсюду ездить и продавать их прямо из багажника своей машины, предлагая их всем магазинам, которые были готовы их купить. Как мне описать вам эти туфли?.. Дайте подумать… У них была толстая подошва, открытый носок, а верх… ну ладно, я думаю, что это неважно. Я просто пытаюсь объяснить вам, что туфли были прикольные, а это и есть фишка «Стив Мэдден Шуз» — мы прикольные. Ну вот, а туфли, с которых по-настоящему началась моя компания, звались «Мэри Лу», и эти туфли, о, *эти туфли* были совершенно необычайными! — *О господи! Чертов псих!* — Эти туфли обогнали свое время! Очень сильно обогнали!

Стив обреченно махнул рукой, как будто хотел сказать: «Забудьте об этом!», и продолжил:

— Позвольте мне описать их вам, так как это очень важно. Это была черная вариация традиционных «Мэри Джейн», сделанных из лакированной кожи, с довольно тонким ремешком, завязывавшимся вокруг щиколотки. Но вся суть заключалась в том, что у них был выпуклый носок. Некоторые из присутствующих здесь девушек понимают, о чем идет речь, не правда ли? Я хочу сказать, что эти туфли были по-настоящему крутыми!

Он остановился, очевидно, ожидая какого-то одобрения от ассистенток, но те только качали головами. После этого в зале повисло жуткое, убийственное молчание, какое бывает в маленьком городке где-нибудь в Канзасе за секунду перед тем, как на него обрушивается ураган.

Уголком глаза я увидел, как бумажный самолетик пролетел через весь биржевой зал, но как будто бы никуда специально не направленный. По

крайней мере, они ничего не бросали прямо в Стива! Но это еще впереди.

Я шепнул Дэнни:

— Туземцы занервничали. Наверное, мне стоит пойти туда?

— Если ты не пойдешь, то я сам пойду, меня просто тошнит от этого!

— Хорошо, я иду.

И я кратчайшим путем начал прорываться к Стиву.

Когда я подошел к нему, он все еще бубнил про «Мэри Лу». Перед тем как я отнял у него микрофон, он как раз разглагольствовал о том, что *она* была «прекрасной туфлей для выпускного вечера», и продавалась за разумную цену, и при этом была очень прочной.

Прежде чем он успел что-либо сообразить, я вырвал микрофон у него из рук и только тут заметил, что он был настолько поглощен описанием своих достижений в области дизайна обуви, что даже перестал потеть. Он вообще выглядел абсолютно раскованным и даже не подозревал, что его вот-вот линчуют.

Он прошептал мне:

— Что ты делаешь? Я им понравился. Иди, занимайся своими делами, у меня все под контролем!

Я, прищурившись, посмотрел на него:

— Стив, катись отсюда. Они сейчас начнут бросаться помидорами. Ты что, слепой? Да им наплевать на твою «Мэри Лу», блин! Они просто хотят продать твои акции и получить за это максимальное количество бабок. Иди-ка ты к Дэнни и отдохни чуть-чуть, не то они сейчас сдерут с твоей башки эту бейсболку и сделают скальп из твоих последних семи волосинок!

Стив в конце концов капитулировал и отошел в сторонку. Я поднял правую руку, требуя тишины, и все замолчали. Я поднес микрофон к губам и насмешливо сказал:

— Ну что же, друзья, давайте все поаплодируем Стиву Мэддену и его совершенно выдающимся туфлям. Вы знаете, как только я услышал про «малышку Мэри», то мне сразу же захотелось схватить телефон и начать звонить своим клиентам. Поэтому я хочу, чтобы каждый присутствующий здесь, включая ассистенток, пожелал успеха Стиву Мэддену и его маленьким сексуальным туфелькам — «Мэри Лу»!

Я зажал микрофон под мышкой и начал аплодировать.

И тут же раздался грохот аплодисментов! Все стрэттонцы аплодировали, топали ногами, ухали, неудержимо вопили и приветствовали Стива. Я поднял микрофон вверх, требуя тишины, но на этот раз меня никто не услышал. Они были слишком увлечены текущим

моментом.

Наконец все успокоились.

— Отлично, — сказал я, — теперь, когда вы выпустили пар, я хочу объяснить вам, почему Стив такой псих. Другими словами, объяснить, что в его безумии есть своя система. Дело в том, что он творческий человек и гений, а значит, по определению должен быть немного сумасшедшим. Это часть его имиджа.

Я кивнул головой, демонстрируя свою убежденность и одновременно задавая себе вопрос, есть ли хоть капля смысла в том, что я сказал.

— А теперь все послушайте меня очень внимательно. Стив обладает способностью, я бы даже сказал, даром, суть которого далеко не только в том, что он может учуять парочку модных трендов в развитии обуви. Настоящая мощь Стива, то, что отличает его от всех остальных американских дизайнеров обуви, заключается в том, что он *создает* тренды.

Вы хоть понимаете, какой это редкий дар? Как нелегко найти кого-то, кто может придумать модный тренд и навязать его всем? Такие люди, как Стив, появляются раз в десятилетие! И когда это происходит, то их имена становятся известны всем, это имена Коко Шанель, или Ива Сен-Лорана, или Версаче, или Армани, или Донны Каран… ну и еще нескольких человек.

Я сделал несколько шагов вперед, понизил голос, как проповедник, который хочет полностью завладеть аудиторией, и сказал:

— А если у руля такой человек, как Стив, то компания может просто взлететь в стратосферу. Запомните, что я сказал! Это именно та компания, появления которой мы все так долго ждали. Она выведет «Стрэттон» на совершенно новый уровень, это именно та компания…

Дальше я уже понесся вперед на автопилоте, одновременно размышляя совершенно о другом. Я подсчитывал прибыль, которую вот-вот получу. В моем мозгу нарисовалась внушительная цифра в 20 миллионов. Это было вполне вероятно, и вывести ее было легко. На рынок выбрасывались два миллиона лотов, половина которых сразу оказывалась на счетах моих подставных. Я выкуплю у них эти лоты обратно по пять или по шесть долларов за лот и переведу их на собственные брокерские счета. А затем использую всю мощь своего брокерского зала, который после моей речи начнет энергично покупать акции, и цена лотов возрастет до 20 долларов. Значит, потенциальная прибыль составит 14 или 15 миллионов. Вообще-то, мне даже не нужно самому доводить цену до двадцати баксов, остальные брокеры с Уолл-стрит выполнят грязную работу за меня. Как только

другие брокеры и трейдеры узнают, что я хочу выкупить лоты по самой высокой цене, они сами поднимут цены до того уровня, который мне нужен. Мне придется только намекнуть нескольким ключевым игрокам, и все пойдет так, как я хочу.

Собственно, я так уже и сделал. Уже пронесся слух о том, что «Стрэттон» покупает акции по двадцать долларов за лот, и колеса закрутились. *Невероятно!* Заработать столько денег разом, не совершая никакого преступления! Ну, подставные, конечно, могли вызывать некоторое сомнение с точки зрения закона, но ведь доказать ничего было нельзя. Вот он, дикий капитализм!

— Кто может предсказать, как высоко взлетят акции? — продолжал разглагольствовать я. — До двадцати? До тридцати? Если мои предположения оправдаются хотя бы наполовину, то эти цифры покажутся нам смешными! Они будут несравнимы с тем, чего достигнет эта компания. Да акции могут мгновенно взлететь до пятидесяти и даже до шестидесяти! Я не говорю об отдаленном будущем. Это может произойти прямо здесь и сейчас.

Слушайте все! «Стив Мэдден Шуз» — это самая крутая компания из всех производящих женскую обувь! Заказов на ее продукцию уже выше крыши! Их туфли расхватывают как пирожки в каждом американском универмаге — и в «Мейсис», и в «Блумингдэйл», и в «Нордстром», и в «Диллардс». Эти туфли настолько круты, что они просто улетают с полок!

Я надеюсь, вы помните об ответственности брокеров перед своими клиентами, о том, что вы должны позвонить им сразу же, как только я закончу этот спич, и сделать все от вас зависящее, чтобы заставить их купить столько акций «Стив Мэдден Шуз», сколько они смогут себе позволить, даже если для этого вам придется все это время держать их за глотку. Я искренне надеюсь, что вы это помните, в противном случае у нас с вами могут возникнуть серьезные проблемы.

У вас есть серьезные обязательства. Обязательства перед вашими клиентами! Обязательства перед нашей фирмой! И обязательства перед самими собой, черт возьми! Запихните эти акции прямо в глотки ваших клиентов, и пусть они ими давятся до тех пор, пока не скажут: «Купи мне двадцать тысяч акций», — потому что каждый доллар, вложенный вашими клиентами, вернется к ним сторицей.

Я мог бы очень долго рассуждать о блистательном будущем «Стив Мэдден Шуз». Я мог бы говорить о фундаментальных вещах — об открытии новых магазинов, и о том, что наши туфли настолько круты, что их даже рекламировать не надо, и о том, как торговые сети просто жаждут

платить нам за право получить доступ к нашему дизайну, — но на самом деле все это неважно. По сути дела все ваши клиенты должны знать только одно — эти акции взлетят вверх, вот и все.

Я сделал небольшую паузу, а потом сказал:

— И вот еще что: как бы мне этого ни хотелось, я не могу сейчас сам сесть на телефон и начать продавать эти акции вашим клиентам. Только *вы сами* можете схватить трубку и начать действовать. И по сути дела, к этому-то все и сводится — начать действовать. Без действий самые лучшие намерения в мире так и останутся намерениями.

Я глубоко вдохнул и продолжил:

— И вот что еще: я хочу, чтобы вы все посмотрели вон туда. — Я протянул руку и показал на стоявший передо мной стол. — Посмотрите на этот маленький черный ящичек, стоящий перед вами. Видите? Эта удивительная маленькая штучка называется телефон. Давайте я скажу по буквам — Т-Е-Л-Е-Ф-О-Н. И я открою вам один секрет. Телефон не умеет сам набирать номера! Да-да! Пока, блин, вы не начнете действовать, это просто никому не нужный кусок пластика. Все равно что винтовка М-16 с полным магазином, но без обученного морского пехотинца, который мог бы нажать на курок. Понимаете, только хорошо подготовленный морской пехотинец, тренированная машина для убийства, превращает М-16 в смертоносное оружие. А в случае с телефоном ваши действия — это тоже действия прекрасно обученных убийц, которые не понимают, что такое отказ, и не вешают трубку, пока их клиент не купит акции… или не сдохнет. Каждый ваш звонок неизменно кончается сделкой, вопрос только в том, кто кому что продаст. Сумели ли вы что-то продать? Достаточно ли вы профессиональны, мотивированы и напористы, чтобы взять разговор под свой контроль и провести сделку? Или же переговоры выиграл ваш клиент — объяснив вам, что прямо сейчас он не может никуда вкладывать деньги, потому что время для этого неподходящее или ему надо поговорить с женой, или со своим деловым партнером, или с Санта-Клаусом, или с зубной феей, блин?

Я выкатил глаза и с негодованием покачал головой:

— Так что не забывайте, что гребаный телефон у вас на столе — это смертоносное оружие. А в руках у мотивированного стрэттонца он вообще превращается в лицензию на право чеканки собственной валюты. И он *делает всех равными!*

Я остановился и подождал, чтобы два последних слова донеслись до конца биржевого зала, а затем продолжил:

— Вам надо всего лишь взять телефонную трубку и сказать то, чему я

вас научил, и вы сможете обрести не меньшую власть, чем у самого влиятельного исполнительного директора в стране. Мне наплевать, кто из вас закончил Гарвард, а кто вырос на грязных улицах Адской Кухни: с помощью этого маленького черного телефона каждый из вас может добиться чего угодно.

Этот телефон приносит деньги. И мне плевать, какие у каждого из вас проблемы, потому что любую из них можно решить с помощью денег. Да-да! Деньги — это самый мощный способ разрешения проблем из известных человеку, и каждый, кто попробует разубедить вас в этом, — просто мешок с дерьмом. Да я вообще считаю, что у того, кто говорит такое, в жизни ни гроша не было! — Я поднял руку в скаутском приветствии и почти прокричал: — Это всегда говорят люди, которые готовы изрыгать свои никому не нужные советы. Это говорят нищие, которые постоянно долдонят одну и ту же чушь о том, что, мол, деньги — причина всех бед и что деньги всех портят. Но, знаете, это *фигня!* Это просто чушь собачья! Прекрасно, когда у тебя есть деньги! Это просто необходимо!

Слушайте все: нет ничего благородного в том, чтобы быть бедным. Я побывал и богатым, и бедным, и я всегда выберу богатство. По крайней мере, сейчас, когда я богат, то даже если у меня проблемы, я решаю их, сидя в своем лимузине, одетый в костюм за две штуки баксов, а на руке у меня золотые часы за двадцать штук! И поверьте мне, когда ты так выглядишь, то и проблемы твои решить легче.

Для большего эффекта я пожал плечами.

— Ну, если кто-нибудь здесь считает меня сумасшедшим или не во всем со мной согласен, *то он может проваливать отсюда прямо сейчас!* Да-да! Валите из моего биржевого зала, блин, и идите работать в «Макдональдс», гамбургеры продавать, потому что там ваше место! А если вас даже в «Макдональдс» не возьмут, попробуйте устроиться в «Бургер Кинг»!

Но прежде чем вы покинете эту комнату и в ней останутся только победители, я хочу, чтобы вы хорошенько посмотрели на тех, кто сидит рядом с вами. Потому что однажды, в самом недалеком будущем, вы будете стоять на красный свет в своем раздолбанном «форде пинто», а тот, кто сейчас сидит рядом с вами, проедет мимо вас на новеньком «порше» с молодой красоткой на соседнем сиденье. А кто будет сидеть рядом с вами? Конечно, какая-нибудь уродина, которая даже ноги брить не умеет, а надета на ней будет какая-нибудь дурацкая туника без рукавов или вообще домашнее платье, похожее на халат, и вы будете возвращаться домой из

дешевого магазина с багажником, набитым продуктами, купленными со скидкой!

В этот момент я встретился взглядом с молодым парнем, который явно был в панике. Я решил понадежней вбить свои слова ему в голову и сказал:

— Ну что? Думаешь, я тебе вру? Знаешь что? Дальше будет хуже. Если ты хочешь состариться благородно, если хочешь состариться, сохраняя самоуважение, то лучше бы тебе сейчас стать богатым. Те времена, когда можно было работать в какой-нибудь огромной компании, а потом спокойно уйти на пенсию, давно уже прошли! И если ты думаешь, что страховка тебе действительно поможет, то подумай дважды. При нынешнем уровне инфляции твоей страховки хватит разве что на памперсы, которые тебе понадобятся, когда они засунут тебя в какую-нибудь вонючую богадельню, где тетка с Ямайки весом в триста фунтов, с бородой и усами, станет кормить тебя супом через трубочку и давать тебе пощечины, когда будет не в настроении.

Так что слушай меня, и слушай внимательно: в чем твоя проблема? Ты не можешь сейчас сделать взнос по кредиту? Отлично, бери, блин, трубку и начинай звонить!

Или тебя хотят выселить из дома? В этом твоя проблема? Отлично — бери, блин, трубку и начинай звонить!

Или у тебя проблемы с девушкой? Она хочет от тебя уйти, потому что считает тебя лузером? Отлично — бери, блин, трубку и начинай звонить!

Я хочу, чтобы вы разбогатели и решили все свои проблемы! Я хочу, чтобы вы бросились вперед, напролом! Я хочу, чтобы вы начали тратить свои деньги, как только вы отсюда выйдете. Я хочу, чтобы вы максимально использовали собственные возможности. Я хочу, чтобы вы загнали сами себя в угол. Не оставляйте себе другого выбора — только успех. Пусть одна только мысль о неудаче покажется вам настолько омерзительной, что у вас не останется никаких других вариантов, кроме успеха.

И вот что я еще скажу: действуйте так, как будто… Как будто вы *уже* богачи, как будто вы *уже* разбогатели — и тогда вы наверняка разбогатеете. Действуйте с безграничной верой в себя, и тогда люди поверят вам. Действуйте так, как будто вы обладаете огромным опытом, и тогда люди последуют вашему совету. Действуйте так, как будто вы уже достигли потрясающих успехов, и тогда — и это так же верно, как то, что я сейчас стою перед вами, — вы *действительно* добьетесь успеха!

Ну что же, акции выйдут на рынок меньше чем через час. Так что немедленно хватайте, блин, телефон, обзванивайте своих клиентов от А до Я и запомните — пленных не брать! Будьте злобными! Станьте свирепыми,

словно питбули! Станьте телефонными террористами! Сделайте так, как я вам говорю, и, поверьте мне, вы будете тысячу раз благодарить меня уже через несколько часов, когда все ваши клиенты начнут огребать бабки.

С этими словами я вышел на середину сцены и раскланялся под радостные вопли стрэттонцев, которые уже бросились к телефонам и последовали моему совету: стали хватать своих клиентов за глотки.

Глава 9

Правдоподобное алиби

В час дня гении из Национальной ассоциации дилеров по ценным бумагам (*NASD*) наконец разрешили компании «Стив Мэдден Шуз» выставить акции на бирже *NASDAQ* и присвоили ей тикер *SHOO. Как мило, как остроумно!*[5]

На самом деле они, как обычно, показали себя полными придурками и поручили определить цену на открытии торгов мне, Волку с Уолл-стрит. Это было очередное проявление непродуманной биржевой политики, которая уже много лет была настолько абсурдной, что можно было быть совершенно уверенным: очередной выпуск акций на бирже *NASDAQ* будет тем или иным способом подвергаться манипуляциям независимо от того, причастна к этому «Стрэттон-Окмонт» или нет.

Я часто недоумевал, зачем *NASD* создала ситуацию, в которой брокеры постоянно и неизбежно облапошивают клиентов, и в конце концов пришел к выводу, что ассоциация брокеров — это на самом деле не регулятор: в сущности, она «принадлежит» именно брокерским фирмам (и, в частности, «Стрэттон-Окмонт»).

В сущности, *NASD* только делала вид, что выступает на стороне потребителей, на самом же деле она действовала против этих интересов. И, по правде говоря, там даже не очень пытались это скрыть: «регулирующие» усилия прилагались чисто косметические, лишь бы не вызвать гнев Комиссии по ценным бумагам и биржам, перед которой ассоциация формально должна была отчитываться.

Итак, цена бумаг определялась не естественным балансом спроса и предложения, а решением главного организатора размещения акций, то есть в данном случае моим решением. Я мог произвольно и по собственному усмотрению назначать любую цену, которую считал правильной. В данном случае я решил поступить уже совсем произвольно

и открыл торговлю по пять долларов пятьдесят центов за лот, тут же выкупил миллион лотов и передал их своему подставному. И хотя мои подставные предпочли бы, конечно, придержать свои лоты *чуть-чуть* подольше, у них в данном случае не было выбора. В конце концов, у нас был договор об обязательном обратном выкупе (что, безусловно, было запрещено правилами), и каждый из них только что наварил по полтора доллара на каждой акции, ничего для этого не сделав и ничем не рискуя: они купили и продали лоты, даже не заплатив комиссий. Но если они хотели, чтобы их допустили и к следующим сделкам, то надо было делать то, чего от них ждут, — то есть, блин, заткнуться и сказать единственные два слова: «Спасибо, Джордан!» А потом сделать честное лицо и объяснить федеральным чиновникам или чиновникам штата, наблюдающим за безопасностью биржевых сделок, почему они продали свои бумаги так дешево.

Так или иначе, вряд ли кто-то скажет, что в данном случае в моих действиях не было логики. К 13:03 — ровно через три минуты после того, как я выкупил обратно лоты своих подставных по 5,50, — другие брокеры с Уолл-стрит уже взвинтили цену до 18 долларов. Это означало, что я обеспечил себе доход в 12,5 миллиона долларов. *Двенадцать с половиной лимонов! За три минуты!*

Не говоря уже о том, что я получил миллион или около того в качестве платы за размещение и собирался в ближайшие несколько дней наварить еще миллиона три-четыре: выкупить у своих подставных лоты, приобретенные с помощью краткосрочного кредита. *Ах, эти подставные*! Кто только их придумал!

Самым же крупным моим подставным был сам Стив. Он считался владельцем 1,2 миллиона моих акций — тех самых акций, от которых *NASDAQ* вынудил меня отказаться. При нынешней цене лота в 18 долларов за штуку (и учитывая, что каждый лот состоял из одной обычной акции и двух купонов) реальная цена акции была 8 долларов. А значит, те мои бумаги, которыми якобы владел Стив, стоили теперь меньше 10 миллионов! *Волк наносит ответный удар!*

Теперь все дело было за моими верными стрэттонцами, которые должны были продать своим клиентам все эти акции по невероятно завышенной цене. *Все* акции по завышенной цене — не только тот миллион лотов, которые они уже всучили своим клиентам в процессе первичного размещения акций, но еще и миллион лотов моих подставных, которые сейчас находились на брокерском счету фирмы вместе с 300 тысячами лотов, приобретенных по краткосрочному кредиту, которые я

выкуплю обратно в ближайшие дни… А потом еще и акции, которые я выкуплю у брокерских фирм, задравших цену до 18 долларов (выполнив за меня всю черную работу). Они постепенно продадут свои лоты обратно «Стрэттон-Окмонт» и тоже наварят на этом.

Одним словом, к концу этого дня мои стрэттонцы должны добыть мне примерно 30 лимонов. Это с лихвой покроет все расходы, и на счету фирмы окажется премиленькая подушечка безопасности, которая защитит меня от любого геморроя — прежде всего от докучных игроков на понижение, которые могут попытаться выбросить на рынок побольше акций клиентов (надеясь сбить цену на бумаги и тут же снова купить их гораздо дешевле). Для моей развеселой банды брокеров заработать тридцать миллионов не составляло проблемы, особенно после нашей утренней встречи, которая, кажется, просто взорвала им мозг.

Как раз в этот момент я стоял в операционной комнате моей компании и заглядывал через плечо своего главного трейдера — Стива Сэндерса. Одним глазом я следил за множеством компьютерных мониторов, стоявших перед Стивом, а другим поглядывал в зеркальное окно, выходившее в биржевой зал. Там творилось настоящее безумие. Брокеры вопили в телефонные трубки как оглашенные. Каждые несколько секунд очередная молодая ассистентка с копной светлых волос и глубоким декольте подбегала к зеркальному окну, прижималась к нему своими сиськами и просовывала в узкую щель в нижней части окна целую стопку бланков регистрации сделок. Один из четырех клерков в операционной комнате хватал бланки и забивал данные в компьютерную сеть — и они тут же появлялись на терминале собственных операций, перед которым сидел Стив, мгновенно распределявший эти заказы в соответствии с ситуацией на рынке.

Глядя на оранжевые цифры, мерцавшие на терминале перед Стивом, я ощущал какое-то извращенное чувство гордости: два придурка из Комиссии по ценным бумагам и биржам сидят сейчас в моем конференц-зале и пытаются найти следы жалкого револьверного выстрела, а я тем временем прямо перед их носом палю из базуки. Впрочем, их в основном волновал вопрос о том, как бы не замерзнуть до смерти, — это мы знали точно, мы ведь прослушивали каждое их слово.

К этому моменту более пятидесяти различных брокерских фирм лихорадочно скупали акции. Все они были разные, но их, однако, сближало то, что они все как одна собирались в конце дня, когда цена максимально поднимется, чтобы снова продать все акции до последней обратно «Стрэттон-Окмонт». И так как бумаги покупали все брокерские фирмы, то

Комиссии никакими силами не удастся доказать, что это я задрал цену лота до 18 долларов.

Операция была невероятно проста и элегантна. При чем тут я? Разве это я взвинтил цены на акции? На самом-то деле я, конечно, и был основным продавцом. Я продал другим брокерским фирмам достаточное количество ценных бумаг, чтобы им было чем промочить горлышко, и поэтому они и дальше будут манипулировать новыми выпусками моих акций — но, с другой стороны, я продал им не так много, чтобы быть не в состоянии выкупить все обратно в конце торгов. Установить такой баланс было нелегко, однако тот простой факт, что цены на акции «Стив Мэдден Шуз» взвинчивали другие брокерские фирмы, давал мне возможность прибегнуть в общении с Комиссией по ценным бумагам и биржам к «правдоподобному отрицанию». И когда они через месяц после всех этих событий судебным решением затребовали информацию о моих сделках, чтобы установить, что же произошло в первые минуты после открытия торгов, то увидели только, что цены на акции «Стив Мэдден Шуз» взвинчивали брокерские фирмы по всей Америке. И больше ничего.

Выходя из операционной комнаты, я велел Стиву ни при каких обстоятельствах не позволять цене упасть ниже 18 долларов. Нехорошо обижать всех брокеров с Уолл-стрит после того, как они столь любезно манипулировали моими акциями — в моих же интересах.

Глава 10

Распущенный китаец

Торги закончились, и новость о том, что активнее всего по всей Америке, а значит, и по всему миру торговались акции «Стив Мэдден Шуз», прошла в новостях «Доу-Джонса», так что об этом точно все узнали. *Весь мир! Ну мы и нахалы! Чистой воды нахалы!*

Да-да, «Стрэттон-Окмонт» обладала кое-какой властью! Вернее сказать, «Стрэттон-Окмонт» *сама и была* этой властью, а я, глава компании, восседал на самой ее вершине. Я чувствовал власть всем своим нутром, ее вибрации отдавались мне в сердце, в мозг, в печень и чресла. Более восьми миллионов акций перешли из рук в руки, торги закрылись при цене чуть меньше 19 долларов за лот, то есть за день цена бумаг выросла на пятьсот процентов. Это был самый большой процентный рост на бирже *NASDAQ*, на Нью-Йоркской фондовой бирже, на Американской фондовой, да и на всех других фондовых биржах мира. Да, всего мира — начиная с погребенной в норвежских снегах биржи в Осло и дальше на юг — до Австралийской фондовой биржи в Сиднее, прямо в кенгурином раю.

А пока что я стоял рядом с телетайпом, небрежно прислонившись к зеркальному окну своего кабинета и скрестив руки на груди. Это была поза мощного воина после победной битвы. Из биржевого зала по-прежнему раздавался мощный рев, но теперь он звучал по-иному. Менее напористо, более спокойно.

Уже почти настало время праздновать. Я засунул правую руку в карман и быстро проверил, не потерял ли я свои шесть таблеточек, не растворились ли они в воздухе. Кваалюд иногда таинственно исчезал. Обычно виной были «друзья», тырившие у меня таблетки, или же я сам был до такой степени под кайфом, что заглатывал их, а потом просто забывал об этом. Это была четвертая и, может быть, самая опасная фаза кайфа — полная амнезия. Первую фазу я называл «этапом иголочек во всем теле», потом наступала фаза «невнятного бормотания», потом фаза «слюни изо рта», ну а затем, конечно, рукой подать до «полной амнезии».

Но на этот раз боги кайфа были милостивы ко мне, и таблетки никуда не исчезли. Я помедлил минутку, поглаживая их кончиками пальцев, что вызывало у меня совершенно иррациональное чувство счастья. Затем я принялся вычислять, когда же мне можно будет их скушать, и решил, что

подходящее время наступит в половине пятого вечера, то есть, по моим подсчетам, примерно через двадцать пять минут. Таким образом у меня оставалась четверть часа на вечернее совещание, и тогда будет еще достаточно времени, чтобы взять на себя руководство запланированным на вечер безобразием — бритьем наголо молодой ассистентки.

Эта ассистентка крайне нуждалась в деньгах и поэтому согласилась надеть бразильский купальник-бикини, сесть на деревянную табуретку на глазах у всего биржевого зала и позволить нам побрить себя наголо. У нее была огромная грива сияющих светлых волос и прекрасная грудь, которую она недавно увеличила до размера D. Мы пообещали ей 10 тысяч наличными, и она собиралась погасить этими деньгами кредит, взятый как раз за операцию по увеличению груди, — до сих пор она смогла выплатить только двенадцать процентов кредита. Так что эта ситуация была выгодна для всех: волосы у нее через шесть месяцев отрастут, а на сиськах размера D больше не будет висеть никакой долг.

Я никак не мог решить, правильно ли я поступил, наложив вето на всю эту затею Дэнни с карликом. В конце концов, что тут такого плохого? Сначала мне показалось, что у Дэнни совсем крыша поехала, но потом я подумал и решил, что идея не так уж и плоха.

По сути дела, взять карлика и хорошенько пнуть его под зад — это просто богатырская потеха, которую вполне заслужил любой могучий воин. Это нечто вроде военного трофея, если можно так выразиться. Можно ли придумать лучший способ для мужчины ощутить собственный успех, чем возможность выплеснуть наружу все свои подростковые фантазии, независимо от того, насколько они странны?

Безусловно, можно найти множество доводов в пользу этого. Пусть слишком быстрый успех и порождает несколько сомнительные поступки, но в таком случае предусмотрительному молодому человеку достаточно просто заносить каждый свой неприглядный поступок в колонку «дебет» в своей моральной «балансовой ведомости», а затем — когда-нибудь в будущем, когда он станет старше и мудрее, — свести баланс при помощи какого-нибудь доброго, щедрого поступка (засчитав его, скажем так, в качестве морального кредита).

Но, с другой стороны, может быть, мы все просто распущенные маньяки — компания самоуверенных ублюдков, полностью лишенных тормозов? Да, распущенность у нас, у стрэттонцев, цвела пышным цветом. Но мы же опирались на нее, она была нам буквально необходима для выживания!

И именно поэтому, пресытившись обычными проявлениями

распущенности, власть имущие (то есть я) почувствовали необходимость сформировать особую команду под руководством Дэнни Поруша, чтобы заполнить образовавшуюся пустоту. Это было что-то вроде извращенной версии тамплиеров — чьи вечные поиски Святого Грааля вошли в легенду. Однако, в отличие от тамплиеров, рыцари-стрэттонцы искали во всех уголках планеты не священные реликвии, а все более и более распутные развлечения, которые помогли бы нам всем сохранить форму. Это не значит, что мы все подсели на героин или занялись чем-то еще столь же безвкусным: у нас была сильнейшая зависимость от адреналина, и нам нужны были все более и более высокие обрывы, с которых можно было бы прыгнуть, и все более и более мелкие бассейны, в которые можно было бы приземлиться.

Все это безумие официально стартовало в октябре 1989 года, когда Питер Галета, один из первых восьми моих сотрудников (ему был тогда двадцать один год), обновил наш стеклянный лифт, стремительно войдя сзади в роскошные чресла семнадцатилетней ассистентки, которая предварительно сделала ему столь же стремительный минет. Она была первой нашей секретаршей и, хорошо это или плохо, еще и красивой, невероятно развратной блондинкой.

Сначала я был шокирован и даже подумывал уволить Питера за то, что тот, так сказать, окунул свою ручку в корпоративную чернильницу. Но через неделю девчушка продемонстрировала прекрасное умение работать в команде, отсосав по очереди у всех восьми стрэттонцев: почти у всех в стеклянном лифте, а у меня — стоя на четвереньках у меня под столом. И делала она это в очень необычном стиле, который стал легендой «Стрэттон». Мы называли этот стиль «выкручивание и подергивание» — она работала сразу обеими руками, а ее язык превращался в настоящего крутящегося дервиша. Через месяц Дэнни безо всяких усилий удалось убедить меня, что было бы круто трахнуть ее вдвоем, что мы и сделали однажды субботним вечером, пока наши жены занимались шопингом и примеряли платья для рождественского обеда. По иронии судьбы, через три года, перетрахав бог знает какое количество стрэттонцев, она в конце концов вышла замуж за одного из наших. Он был одним из первых восьми моих сотрудников — начал работать на меня, когда ему было всего шестнадцать! Бросил школу, чтобы жить Настоящей Жизнью.

В общем, он видел эту девочку в деле бесчисленное количество раз. Но ему было наплевать. Вот какова сила выкручивания и подергивания! Однако вскоре после свадьбы у него началась депрессия, и он покончил с собой. Это было первое, но далеко не последнее самоубийство в

«Стрэттоне».

Если отвлечься от этой печальной детали, то в биржевом зале нормальное поведение считалось признаком дурного тона, такого человека считали занудой и кайфоломом, который не дает другим нормально развлекаться. Впрочем, разве само понятие «распущенность» не относительно? Римляне ведь не считали себя распущенными маньяками — готов поспорить, что им казалось совершенно нормальным, когда их нелюбимых рабов скармливали львам в то самое время, как любимые рабы кормили господ виноградом из рук.

Тут я увидел, что ко мне с открытым ртом, бровями, заползшими высоко на лоб, и слегка задранным подбородком движется Дуболом. На лице у него было написано выражение жадного предвкушения, как будто он только что полжизни отдал за возможность задать мне один-единственный вопрос. Учитывая, что он был настоящим дуболомом, можно было не сомневаться, что вопрос будет либо жутко глупым, либо совершенно бессмысленным. Но как бы то ни было, я тоже воинственно выставил вперед подбородок и пронзительно посмотрел на Кенни. Хоть у него и была самая квадратная голова на всем Лонг-Айленде, он в общем и целом выглядел симпатично. У него были мягкие, округлые черты лица, как у маленького мальчика, и природа подарила ему довольно хорошее тело. Роста и веса он был среднего, что довольно удивительно, если вспомнить его родительницу.

Мамаша Дуболома, Глэдис Грин, была большой женщиной. Большой во всем.

У Глэдис Грин все было большое — начиная с макушки ее широкого еврейского черепа, над которым, словно ананас, на добрые шесть дюймов вздымался начес из светлых волос, и вниз — до толстых мозолистых пальцев и ступней сорок пятого размера. Шея у нее была как у калифорнийской секвойи, а плечи — как у полузащитника Национальной футбольной лиги. А брюхо… да, оно было большим, хотя там не было ни грамма жира. Такое брюхо можно увидеть у русских штангистов. И руки у нее были размером с крюки, на которые вешают туши в мясной лавке.

В последний раз Глэдис вывели из себя в момент, когда она собиралась расплачиваться за покупки в супермаркете «Грэнд Юнион». Одна из типичных еврейских обитательниц Лонг-Айленда, обладавшая дурной привычкой совать свой длинный нос куда не надо, совершила прискорбную ошибку, заметив Глэдис, что у той многовато покупок для того, чтобы идти с ними в экспресс-кассу — порядочные люди так не делают! В ответ Глэдис молча развернулась и нанесла обидчице

полноценный хук справа. Пока несчастная валялась без сознания, Глэдис спокойно расплатилась и неторопливо удалилась, причем пульс у нее так и не перевалил отметку 72.

Так что было легко понять, почему Дуболом лишь чуть-чуть менее безумен, чем Дэнни. Правда, в защиту Дуболома можно сказать, что в детстве на его долю выпало много неприятностей. Когда Кенни было всего двенадцать, его отец умер от рака. У него была оптовая табачная торговля, и при его жизни Глэдис даже не подозревала, насколько плохо он ведет дела — после смерти мужа на ней повисли сотни тысяч недоплаченных налогов. И в какой-то момент Глэдис оказалась в отчаянном положении: мать-одиночка на грани разорения.

Что оставалось делать? Свернуть все дела? Попросить у государства пособие? Ну уж нет! Она пустила в ход свой мощный материнский инстинкт и уговорила сына заняться рискованным, опасным делом — контрабандой сигарет. Она обучила его секретному искусству переупаковки «Мальборо» и «Лаки страйк» и перевозки их из Нью-Йорка в Нью-Джерси с фальшивыми акцизными марками. Так можно было нажиться на разнице в цене. Удача им сопутствовала, план сработал отлично, и семья осталась на плаву.

Но это было только начало. Когда Кенни исполнилось пятнадцать, его мать поняла, что он с друзьями стал покуривать — и вовсе не сигареты, а кое-что другое. И что — Глэдис пришла в отчаяние? Ничего подобного! Ни секунды не колеблясь, она сделала из юного Дуболома наркодилера — обеспечила ему начальный капитал, мотивацию, защиту и, конечно же, материнскую любовь и поддержку.

О да, друзья Кенни прекрасно знали, на что способна Глэдис Грин. О ней многое рассказывали. Но до насилия она никогда не опускалась. Подумайте сами, какому шестнадцатилетнему пацану захочется, чтобы в дверь его родителей постучалась еврейская мамаша в двести пятнадцать фунтов весом и потребовала у них бабки, которые сынок задолжал за наркоту? Особенно если на этой мамаше будет фиолетовый полиэстеровый брючный костюм, фиолетовые туфли-лодочки сорок пятого размера и розовые очки в акриловой оправе с линзами размером с колесо?

Но Глэдис только разминалась. В конце концов, травку можно любить или не любить, но ее надо уважать, так как она открывает самую верную дорогу на рынок — особенно если ты имеешь дело с подростками. Поэтому Кенни и Глэдис очень быстро сообразили, что на подростковом наркорынке Лонг-Айленда есть и другие ниши. И что «боливийская пудра», кокаин, сулит такую прибыль, перед которой, конечно, не может

устоять столь предприимчивая парочка, как Глэдис и Дуболом. На этот раз они взяли в долю еще одного партнера — друга детства Дуболома по имени Виктор Вонг.

Виктор был весьма интересным персонажем, хотя бы уже только потому, что он был самым массивным китайцем, когда-либо жившим на земле. Голова у него была как у гигантского панды, глаза как щелочки, а грудь шириной с Великую Китайскую стену. Он был как две капли воды похож на Оджоба — киллера из фильма «Голдфингер», который мог с двухсот шагов срезать вам башку, метнув в вас котелок с острыми как бритва стальными полями.

При этом Виктор был китайцем, которому, так сказать, впрыснули еврейство: он вырос среди самых разнузданных еврейских подростков, каких только можно встретить на Лонг-Айленде. Из этой же бездны, из городков вроде Джерихо и Сайоссет — этих гетто для высшего слоя еврейского среднего класса — поднялась на поверхность первая сотня моих стрэттонцев. И большая часть из них когда-то покупала наркотики у Кенни и Виктора.

Виктор, как и остальные недоучки — охотники за сновидениями с Лонг-Айленда, поступил ко мне на службу, но не в «Стрэттон-Окмонт»: он стал исполнительным директором одного из моих дочерних предприятий, открытого акционерного общества «Джудикейт». Офис его располагался здесь же, но внизу, в подвале, в нескольких шагах от веселого боевого отряда наших шлюх. «Джудикейт» занималась Альтернативным Разрешением Споров (сокращенно АРС) — под этим красивым названием скрывалась технология, позволявшая использовать вышедших на пенсию судей для разрешения гражданских споров между страховыми компаниями и их клиентами.

Компания даже сейчас почти дышала на ладан — еще один классический пример того, как бизнес может роскошно выглядеть на бумаге, но не в реальном мире. Уолл-стрит была просто забита подобными фирмами. К сожалению, человек, занимающийся тем, чем занимался я — венчурными предприятиями с небольшой капитализацией, — был просто обречен всегда сталкиваться с ними.

Несмотря на это, медленное угасание «Джудикейт» стало личной головной болью Виктора, хотя он в этом и не был виноват. В этой компании был некий фундаментальный изъян, и никто не смог бы добиться здесь успеха. Ну, или, по крайней мере, мало кто. Но Виктор был китайцем, и, как и большинство его собратьев, если бы ему пришлось выбирать между потерей лица и необходимостью отрезать и съесть

собственные яйца, он бы с радостью схватил бритву и полоснул себя по мошонке. В данном случае, впрочем, такой выбор перед ним не стоял. Виктор так или иначе потерял лицо, и поэтому надо было что-то с этим делать. К тому же Дуболом вечно заступался за Виктора, так что для меня эта проблема превратилась в настоящую занозу в заднице.

Словом, я совсем не удивился, когда Дуболом произнес:

— Мы не могли бы сесть сегодня вечером с Виктором и попробовать все уладить?

Я изобразил непонимание и спросил в ответ:

— *Что* уладить, Кенни?

— Да брось ты, — отмахнулся Дуболом. — Нам нужно поговорить с Виктором о том, как ему открыть собственную фирму. Ему нужно твое благословение, он меня просто достал уже с этим!

— Он хочет моего благословения? Или моих денег? Чего именно?

— И того и другого, — быстро сказал Дуболом и, немного подумав, уточнил: — Он *крайне нуждается* и в том и в другом.

— Угу, — ответил я, показывая, что на меня это уточнение совершенно не произвело впечатления. — А если он *ни того, ни другого не* получит?

Дуболом издал глубокий дуболомный вздох.

— Ну что ты так настроен против Виктора? Он уже тысячу раз доказал свою преданность тебе. И он может снова поклясться в преданности — прямо сейчас — при трех свидетелях. Говорю тебе, Виктор — самый умный мужик, какого я знаю (кроме тебя, разумеется). Мы на нем состояние заработаем. Клянусь! Он уже нашел брокерскую контору, которую можно купить за гроши. Она называется «Дьюк Секьюритиз». Мне кажется, можно было бы дать ему денег. Ему и нужно-то всего пол-лимона, делов-то!

Я отрицательно покачал головой.

— Кенни, прибереги свои просьбы на тот случай, когда тебе *действительно* что-то будет нужно. В любом случае сейчас совсем не тот момент, чтобы обсуждать будущее «Дьюк Секьюритиз». Мне кажется, у нас есть сейчас кое-что более важное, как считаешь?

Я махнул в сторону биржевого зала, где стайка ассистенток устраивала нечто вроде импровизированной парикмахерской.

Кенни наклонил голову набок, бросил рассеянный взгляд в сторону парикмахерской, но ничего не сказал.

Я глубоко вдохнул и медленно выдохнул.

— Послушай, кое-что в Викторе меня беспокоит. И для тебя это не новость — если, конечно, за последние пять лет ты хоть что-то понял в

жизни. — Я не выдержал и усмехнулся: — Или, Кенни, ты действительно не понимаешь? Все эти его вечные замыслы и планы когда-нибудь в гроб его загонят. А вся эта его хрень с сохранением лица — да у меня нет ни времени, ни желания разбираться с этим, черт меня побери! И вообще, пойми ты уже наконец: Виктор — никогда — не — будет — верен. *Никогда!* Ни тебе, ни мне, ни самому себе. Да он отрежет свой китайский нос, чтобы сделать хуже своей собственной китайской морде — только ради того, чтобы победить в какой-то выдуманной войне, в которой он воюет только против самого себя. Понял?

Я усмехнулся — как можно более цинично. Затем сделал паузу и сказал более мягким тоном:

— Послушай, пожалуйста, ты знаешь, как я тебя люблю, Кенни. И ты знаешь, как я тебя уважаю.

Произнося все это, я с трудом подавлял желание захохотать.

— И *только поэтому* я поговорю с Виктором и постараюсь его успокоить. Но я делаю это не ради Виктора-блин-Вонга, который мне совершенно безразличен. Я это делаю ради Кенни Грина, которого я люблю. И, кстати, Виктор не может просто так вот взять и уйти из «Джудикейт». Сейчас, во всяком случае, не может. Я рассчитываю на твою помощь — он должен остаться до тех пор, пока я не сделаю все, что я задумал сделать.

Дуболом радостно кивнул.

— Нет проблем, — с облегчением сказал он. — Виктор прислушается ко мне. Если бы ты только знал, как он со мной…

Тут Дуболом начал изрыгать свою обычную дуболомовскую чушь, и я сразу же отключился. Вообще-то достаточно было посмотреть ему в глаза, чтобы понять, что он не уяснил ничего из того, что я ему сказал. Ведь по сути дела я пострадаю сильнее, чем Виктор, если «Джудикейт» обанкротится. Я был там крупнейшим акционером, и у меня было больше трех миллионов акций, а Виктору принадлежали только опционы на покупку, которые при нынешней цене акции в два доллара вообще ничего не стоили. А вот мне, как акционеру, принадлежало бумаг на шесть миллионов баксов. Но так или иначе, дела компании шли так плохо, что ее акции, по сути дела, нельзя было продать, разве что снизив цену до каких-то совсем уж грошей.

Если, конечно, за вами не стояла армия стрэттонских брокеров.

Однако в разработанной мной стратегии отхода была только одна заминка — дело в том, что мои акции пока что нельзя было выставить на продажу. Я купил их непосредственно у «Джудикейт» в соответствии с

правилом 144 Комиссии по ценным бумагам и биржам, а значит, законно продать их можно было только спустя два года после покупки. До истечения двухлетнего срока оставался всего один месяц, так что мне нужно было, чтобы Виктор продержал компанию на плаву еще совсем недолго. Но эта вроде бы простая задача на поверку оказалась куда сложнее, чем я предполагал. Компания истекала деньгами — словно больной гемофилией, напоровшийся на розовый куст.

Теперь, когда опционы Виктора уже ничего не стоили, единственным его вознаграждением была зарплата в 100 тысяч долларов в год — ничтожная сумма по сравнению с бабками, которые зарабатывали на верхних этажах его ровесники. И при этом Виктор, в отличие от Дуболома, совсем не был дураком: он прекрасно понимал, что я использую мощь биржевого зала и продам акции, как только смогу это сделать. Он также прекрасно понимал, что, продав акции, я могу тут же забыть о его существовании — и он останется просто председателем правления никому не нужного акционерного общества.

Он сигнализировал мне о своей тревоге через Дуболома, которого привык использовать как свою марионетку еще со времен средней школы. А я уже много раз объяснял Виктору, что не собираюсь отворачиваться от него, что я в любом случае все ему возмещу — даже если для этого мне придется сделать его своим подставным.

Но мне никак не удавалось заставить Хитрого Китайца поверить мне — вернее, удавалось, но только на несколько часов. Казалось, мои слова влетают у него в одно ухо, а в другое вылетают. Все дело заключалось в том, что у этого сукиного сына была настоящая паранойя. Всю свою юность он провел в качестве переростка-азиата в жестоком племени разнузданных евреев. В результате у него развился сильнейший комплекс неполноценности. Теперь он не верил разнузданным евреям и особенно мне, самому разнузданному еврею из всех, что он знал. На сегодняшний день я оказался умнее и хитрее и сумел его обойти.

Виктор с самого начала не вошел в число стрэттонцев из-за собственного раздутого эго. Вместо этого он занялся «Джудикейт». Он решил пробиться в мой внутренний круг своими силами, сохранив лицо. Его самооценка была ниже плинтуса из-за того, что в 1988 году он не принял верного решения, не поклялся мне в верности и не стал одним из первых стрэттонцев, когда все его друзья сделали это. Виктор считал «Джудикейт» лишь промежуточной остановкой, дававшей ему возможность снова встать в очередь и дождаться момента, когда я хлопну его по плечу и скажу: «Вик, я хочу, чтобы ты открыл свою брокерскую

фирму, вот тебе деньги и вот тебе люди, с которыми ты сможешь это сделать».

Это было мечтой каждого стрэттонца, и я намекал на это на каждом собрании, говоря, что если они будут хорошо работать и сохранять лояльность, то однажды я хлопну их по плечу и помогу им открыть собственный бизнес.

И вот тогда они по-настоящему разбогатеют.

Но к тому моменту я сделал так всего два раза: один раз с Аланом Липски, моим самым давним и самым верным другом, который теперь рулил фирмой «Монро Паркер Секьюритиз», и второй раз — с Эллиотом Левенстерном, еще одним старым другом, который теперь владел «Билтмор Секьюритиз». Эллиот был моим партнером еще в те времена, когда мы с ним торговали мороженым. Летом мы приходили на местный пляж, ходили от лежака к лежаку, впаривали загорающим итальянское мороженое и зарабатывали неплохие деньги. Мы вопили во все горло, расхваливая свой товар, таская за собой по песку сорокафунтовый переносной холодильник, а потом удирали от гонявших нас полицейских. Пока наши друзья били баклуши или занимались разной фигней за 3,5 доллара в час, мы зарабатывали по 400 баксов в день. Каждое лето мы откладывали по двадцать тысяч долларов, и зимой у нас было чем заплатить за колледж.

В любом случае обе эти фирмы — и «Билтмор», и «Монро Паркер» — добились огромных успехов и приносили десятки миллионов в год, при этом каждый владелец тайно отстегивал мне ежегодно по пять лимонов просто за то, что я помог им начать дело.

Пять миллионов баксов — хорошие деньги, и на самом деле они платили их не за то, что я помог им начать свое дело. По сути, они таким образом проявляли свою преданность мне, выражали уважение. А главное — вся эта схема держалась на том, что они по-прежнему считали себя стрэттонцами. И я тоже считал их таковыми.

Вот так обстояли дела. Сколько бы Дуболом, стоя передо мной, ни бормотал о преданности Китайца, я знал, что все на самом деле не так. Каким образом человек, до сих пор глубоко обиженный на всех разнузданных евреев, может сохранять лояльность Волку с Уолл-стрит? Виктор был недоброжелательным человеком, и было очевидно, что он глубоко презирает всех стрэттонцев.

Все было ясно: не существовало никакой разумной причины для того, чтобы поддерживать Хитрого Китайца, но тут возникала другая проблема — не было никакого способа остановить его. Я мог только слегка его

придержать. Но если я буду задерживать его слишком долго, то возникнет риск, что он начнет действовать без меня — так сказать, без моего благословения. А это создаст опасный прецедент и соблазн для остальных стрэттонцев — особенно если Виктор добьется успеха.

Какая печальная ирония, думал я, заключается в том факте, что моя власть на самом деле всего лишь иллюзия. Как быстро она может испариться, если я не буду думать на десять шагов вперед. У меня не оставалось иного выхода, кроме как мучительно принимать каждое решение, выискивая мельчайшие детали в мотивах каждого человека. Я ощущал себя извращенным специалистом по теории игр, который проводит лучшую часть своего дня в размышлениях, обдумывает все шаги и контрмеры и то, к каким результатам они приведут. Моя жизнь требовала невероятного эмоционального напряжения, и после прожитых таким образом пяти лет мне казалось, что из меня выжато все самое лучшее. В сущности, теперь я был спокоен и умиротворен только тогда, когда находился под кайфом или же входил в соблазнительные чресла моей соблазнительной Герцогини.

Так или иначе, Злобного Китайца нельзя было игнорировать. Для создания брокерской фирмы требовался совсем крошечный капитал, максимум полмиллиона. Это была сущая чепуха по сравнению с тем, что он сможет заработать в первые же месяцы. Китаец мог бы получить финансовую поддержку и от Дуболома, но это уже означало бы открытую войну со мной.

На самом деле Виктора удерживал только недостаток уверенности в себе — или просто боязнь рискнуть своим огромным китайским эго или своими маленькими китайскими яйцами. Китаец хотел уверенности, он хотел, чтобы его направляли, оказывали ему эмоциональную поддержку и защищали от тех, кто играет на понижение. И что особенно важно — он хотел получать лакомые куски новых выпусков стрэттонских акций, потому что круче их на Уолл-стрит ничего не было.

Он будет выпрашивать все это до тех пор, пока не сможет придумать, как самому это добыть.

Тогда ему уже ничего больше не будет от меня нужно.

Я подсчитал, что он выступит против меня примерно через шесть месяцев. Он продаст нам обратно все те акции, которые я ему дал, и это создаст ненужное давление, и стрэттонцам придется эти акции купить. В результате сделка уронит цену акций, это приведет к недовольству клиентов, и, что еще важнее, биржевой зал будет полон недовольных стрэттонцев. А Виктор постарается использовать это недовольство, чтобы

попытаться переманить кое-кого из моих сотрудников. Будет обещать им лучшую жизнь в «Дьюк Секьюритиз». Да, думал я, у него и вправду будут преимущества, потому что его компания будет маленькой и изворотливой. Мне будет сложно защититься от такого нападения. Ведь я был неуклюжим гигантом, уязвимым на периферии огромного тела.

Значит, надо решать проблему с Китайцем с позиции силы. Пусть я был уязвим на периферии, но зато в центре я круче крутого яйца. Значит, удар надо нанести из центра. Я соглашусь поддержать Виктора и разовью у него ложное чувство уверенности в себе, а затем, когда он меньше всего будет этого ждать, нанесу такой жестокий удар, что полностью его разорю.

Первый шаг будет таков: я попрошу Китайца подождать три месяца и дать мне достаточно времени, чтобы я мог избавиться от моих акций «Джудикейт». Китаец решит, что это логично, и ничего не заподозрит. Тем временем я займусь Дуболомом и добьюсь от него некоторых признаний. В конце концов, он был моим партнером в «Стрэттоне» и владел двадцатью процентами акций, тем самым преграждая путь к пирогу другим стрэттонцам, тоже хотевшим урвать свой кусок.

А когда Виктор с моей помощью создаст собственный бизнес, я постараюсь сделать так, что он будет зарабатывать приличные, но не слишком большие деньги. Тогда я посоветую ему определенные ценные бумаги, которые незаметно поставят его в слегка уязвимое положение. Есть кое-какие способы добиться этого, и раскусить подвох тут смог бы только самый искушенный трейдер. Виктор, конечно, в жизни не догадается. Я сыграю как раз на его огромном китайском эго и посоветую держать огромные позиции на его собственном счете торговых операций. И в тот момент, когда он будет меньше всего этого ждать, когда он будет наиболее уязвим, я обрушу на него всю свою мощь, нанесу смертельный удар и вообще выдавлю Растерянного Китайца из бизнеса к чертовой матери. Я буду продавать акции через таких трейдеров и на таких площадках, о которых Виктор никогда даже не слышал. Я буду действовать через людей, чью связь со мной он никогда не сможет вычислить, а он тем временем будет в растерянности скрести свою башку размером с голову панды. Я открою все шлюзы, и сквозь них хлынет такой быстрый и такой мощный поток, что Виктор не успеет даже ничего понять, как уже вылетит из бизнеса, и я больше о нем никогда ничего не услышу.

Конечно, в результате Дуболом тоже потеряет какие-то деньги, но он же все равно останется богатым человеком. Будем считать это побочным ущербом.

Я улыбнулся Дуболому.

— Говорю же тебе, я поговорю с Виктором из уважения к тебе. Но я смогу это сделать не раньше следующей недели. Давайте встретимся в Атлантик-Сити, когда мы рассчитаемся с нашими подставными. Виктор ведь тоже едет, правда?

Дуболом кивнул.

— Он приедет туда, куда ты скажешь.

Я тоже кивнул.

— А в ожидании нашей встречи, пожалуйста, вправь Китайцу мозги. Я не позволю давить на меня, пока я сам не приму решения. А это произойдет только после того, как я избавлюсь от акций «Джудикейт». Дошло?

Он гордо кивнул.

— Ему достаточно знать, что ты его поддержишь, и он будет ждать столько, сколько понадобится.

Сколько понадобится? Какой же Дуболом дурак! Это мне привиделось, или он сейчас опять продемонстрировал, что вообще ничего не соображает? Произнеся эти слова, он как раз подтвердил то, что я уже знал, — верность Неверного Китайца *зависела от обстоятельств.*

А сам Дуболом? Да, сегодня он был мне верен, он по-прежнему был стрэттонцем до мозга костей. Но никто не может долго служить двум господам, и уж точно нельзя этого делать вечно. А Хитрый Китаец как раз и был тем самым Другим Господином. Он ждал своего часа, манипулируя слабым умишком Дуболома, сеял семена раздора в моих рядах, начав сразу с моего младшего партнера.

Мне было ясно: назревает война. В самом недалеком будущем она приблизится к моему порогу. Но эту войну я смогу выиграть.

Часть II

Глава 11

Страна подставных

Август 1993 года

(За четыре месяца до описываемых событий)

Где это я, черт меня побери?

Этот вопрос пришел мне в голову, едва меня пробудил отчетливый скрежет шасси, вылезавших из огромного брюха авиалайнера. Медленно приходя в себя, я увидел красно-синюю эмблему на спинке кресла перед собой и попытался осмыслить ситуацию.

Самолет — явно «Боинг-747»; номер моего места — 2А; место у окна, в салоне первого класса; и хотя глаза у меня вроде бы открыты, мой подбородок все еще покоится у меня на груди, а голова гудит так, будто меня огрели по черепу увесистой полицейской дубинкой.

«Неужели отходняк? — подумал я. — От кваалюда? Да быть того не может!»

Все еще в замешательстве, я вытянул шею, выглянул в маленький овальный иллюминатор слева от себя и попытался врубиться, что к чему. Солнце как раз всходило над горизонтом — значит, утро! Отличная подсказка! Мое настроение тут же улучшилось. Повернув голову, я окинул взглядом панораму под крылом: волнистые зеленые холмы, небольшой белоснежный городок, огромное бирюзовое озеро в форме полумесяца и гигантская струя воды, выстреливающая в воздух на сотни футов, — загляденье, да и только!

Стоп-стоп-стоп. Какого лешего меня вообще занесло на самолет? Да еще такой обшарпанный… А где мой «Гольфстрим»? И как долго я проспал?

Видимо, многовато кваалюда… О, боже! Феназепам!

Я был на грани отчаяния. Я пренебрег предупреждениями своего врача и смешал феназепам с кваалюдом! А ведь оба препарата были снотворными, только из разных групп. Если примешь что-то одно — результат предсказуем: от шести до восьми часов глубокого сна. А вот если принимать их вместе, все могло закончиться… А чем, собственно, все закончилось?

Глубоко вздохнув, я попытался подавить дурные мысли. И тут до меня дошло — ведь мой самолет садится в Швейцарии! Значит, все хорошо! Это

дружественная территория! Нейтральная территория! Швейцарская территория! На этой территории полно всяких специальных швейцарских штучек — тающего во рту молочного шоколада, низложенных диктаторов, первоклассных часов, спрятанного нацистского золота, номерных банковских счетов, отмытых бабок, законов о банковской тайне, швейцарских франков… швейцарского кваалюда, в конце концов! Не страна, а сказка! И такая красивая с воздуха! Ни одного небоскреба в поле зрения, лишь тысячи крошечных домиков, и все на природе. А этот гейзер — невероятно! Швейцария! Ха! У них ведь даже имеется собственная разновидность кваалюда! Метаседил — так они его вроде бы зовут, если мне не изменяет память. Надо будет поговорить об этом с консьержем — я усилием воли постарался запомнить эту мысль.

Да, Швейцарию было за что любить, несмотря на то, что половина страны кишела лягушатниками, а другая половина — фрицами. Таково было последствие вековых войн и политических козней; страна буквально оказалась поделена надвое; Женева стала базой лягушатников, и там говорили по-французски, а Цюрих — питомником фрицев, и там говорили по-немецки.

Согласно моим еврейским убеждениям, делать дела можно было только с запрудившими Женеву лягушатниками, но никак не с заполонившими Цюрих фрицами, которые все свое время проводили в мерзкой лающей болтовне, наливались теплым, как моча, пивом и заглатывали шницели в таком количестве, пока их животы не отвисали, как сумки у только что разродившейся самки кенгуру. Не говоря уже о том, что среди них наверняка скрывалось немало нацистских ублюдков, до сих пор живших на золотые коронки, которые они вырвали у моих предков, прежде чем бросить их в газовые камеры!

Кроме того, делать бизнес во франкоговорящей Женеве было приятнее еще и по другой причине. Я имею в виду женщин. Да-да! В отличие от заполонивших Цюрих широкоплечих немок с такими бочками вместо сисек, что с ними впору играть в американский футбол, среднестатистическая француженка, фланирующая по улицам Женевы с пакетом из бутика в руке и пуделем на поводке, стройна и эффектна, даже невзирая на волосатые подмышки. При мысли о французских подмышках у меня вырвался невольный смешок. Ладно, моя цель — деловая Женева, и только она.

Отвернувшись от окна, я посмотрел направо. И обнаружил там спящего Дэнни Поруша. С раскрытым ртом, будто мух ловит, полным огромных белых зубов, ослепительно блистающих в лучах утреннего солнца. На

левом запястье Дэнни красовался массивный золотой «ролекс» с таким количеством бриллиантов на циферблате, что их хватило бы на промышленный лазер. Золото сияло, бриллианты сверкали, но ни то ни другое все равно не могло сравниться с его зубами, блиставшими ярче сверхновой звезды. При этом на носу — нелепые очки в роговой оправе, с очевидно простыми стеклами! Ни дать ни взять — типичный васп, этакий респектабельный англосакс в первом классе, даром что чистопородный еврей по происхождению.

Подальше, справа от Дэнни, сидел организатор нашей поездки, Гэри Камински, самозваный эксперт по швейцарским банкам, а по совместительству — финансовый директор «Доллар Тайм Груп», весьма скользкой публичной компании, крупнейшим акционером которой угораздило стать меня. Как и Дэнни, Гэри Камински спал. Его смешной парик с проседью совершенно не совпадал по цвету с его чернильно-черными баками — похоже, парикмахер, который их красил, обладал завидным чувством юмора. Из нездорового любопытства (и по привычке) я воспользовался моментом, чтобы более пристально изучить чудовищную накладку Гэри. Точно, это же типичная работа Сая Сперлинга[6] и его старого доброго «Клуба мужских волос»!

В этот самый момент мимо прошла стюардесса — да это же Франка! До чего все-таки забористая швейцарская штучка! Этакая эффектная и самоуверенная! Белокурые волосы, падающие на кремовую блузку с глухим воротничком. Настоящее кощунство — так прятать сексуальность! А эти сексапильные золотые крылышки, приколотые к блузке как раз на левой груди, — стюардесса, поди ж ты! Все-таки потрясающе породистые тут женщины, особенно эта, в своей красной юбке, туго обтянувшей бедра, и шелковых черных колготках. Что за потрясающий звук они издавали, когда она проходила мимо меня!

На самом деле последнее, что я мог припомнить, это мою попытку подкатить к Франке, когда мы еще были на земле, в аэропорту Кеннеди в Нью-Йорке. Я понравился ей. И, возможно, шанс был. Сегодня ночью! Швейцария! Я и Франка! Но разве мне откроют дверь, если я не постучусь?

С широкой улыбкой и голосом, достаточно громким для того, чтобы прорезаться сквозь мощный рев реактивных двигателей, я позвал: «Франка, любовь моя! Ну, подойди же ко мне! Поговори со мной хоть минутку!»

Франка повернулась на своих шпильках и приняла позу — руки сложенные под грудью, плечи, отведенные назад, спина изогнута легкой дугой, а бедра подняты в демонстрации презрения. Каким взглядом она

меня осадила! Эти сузившиеся глазки… этот поджатый ротик… этот наморщенный носик… сколько яда!

Ладно, согласен, перебор. Поэтому… прежде чем я успел закончить свою мысль, Франка снова крутанулась на своих шпильках и пошла прочь.

Что случилось с хваленым швейцарским гостеприимством, черт возьми? Мне же вроде говорили, что все швейцарки — шлюхи? Или речь шла о шведках? Гм… да, кажется, шлюхи — это все шведки. И все же это не давало права Франке игнорировать меня! Я был уважаемым клиентом этой швейцарской авиакомпании, и мой билет стоил… не знаю точно, но, должно быть, кучу бабок! И что я получил взамен? Более широкое кресло и более вкусную еду? Так я все равно проспал на хрен всю эту еду!

Внезапно я почувствовал неодолимое желание отлить. Я взглянул вверх, на сигнал «Пристегните ремни». Черт! Он уже светился, но терпеть я не мог. У меня от рождения был очень маленький мочевой пузырь, а проспал я, наверное, добрых семь часов. Да пошли они! Что они мне сделают, если я встану? Арестуют за то, что я пошел справить нужду? Я попытался встать — и не смог.

Я оглядел себя. Боже всевышний! На мне был не один — на мне было целых четыре ремня. Я был связан! Чьи это долбаные шутки? Я повернул голову направо.

— Поруш, — рявкнул я. — А ну просыпайся, козел, и развяжи меня, козел!

Хоть бы хны. Он только сменил позу: закинул голову назад и продолжал пускать слюни из раскрытого рта. Слюни блестели на солнце, не хуже его зубов.

Еще раз, уже громче:

— Дэнни! Да, проснись, мать твою! Поруш!!! Проснись, скотина, и развяжи меня!

Опять ноль реакции. Я сделал глубокий вдох и медленно склонил голову на левое плечо, а затем мощным толчком бросил ее вправо и боднул Дэнни в плечо.

Через секунду его глаза раскрылись, а рот захлопнулся. Он потряс своей сонной башкой и уставился на меня сквозь нелепые чистые стекла.

— Что… Что случилось? Ты чего делаешь?

— Чего я делаю? Развяжи меня быстро — ты, скотина! Чтобы я мог сорвать эти идиотские очки с твоей тупой рожи!

Дэнни неуверенно улыбнулся:

— Не могу. Они тебя тогда долбанут электрошокером!

— Что? — переспросил я в замешательстве. — Что ты несешь? Кто это

долбанет меня шокером?

Дэнни глубоко вздохнул и прошептал:

— Слушай сюда: у нас тут возникли кое-какие проблемы. Ты стал приставать к Франке, — он двинул подбородком в сторону ослепительной белокурой стюардессы, — где-то посреди Атлантического океана. И они чуть было не развернули самолет обратно. Но я уговорил их вместо этого связать тебя и пообещал, что буду стеречь тебя, чтобы ты не вылез из кресла. Швейцарская полиция, должно быть, уже поджидает нас на таможне. Думаю, они собираются арестовать тебя.

Я сделал глубокий вдох, пытаясь оживить свою кратковременную память. Не вышло. Совсем пав духом, я сказал:

— Я не понимаю, что ты говоришь, Дэнни. Я ничего не помню. Вот совсем ничегошеньки. Что я натворил?

Дэнни пожал плечами:

— Ты хватал ее за сиськи и пытался засунуть язык прямо ей в глотку. Все бы ничего, будь мы в другом месте, но здесь, в воздухе… да, здесь другие правила, не такие, как у нас в офисе. Только сдается мне — на самом-то деле ты ей нравился! Вот прикол-то! — он покачал головой и поджал губы, будто хотел сказать: «Ты упустил хорошенькую киску, Джордан!» А затем произнес:

— Но потом ты попытался задрать ее короткую красную юбку, и тут она всерьез обиделась.

Я помотал головой, не веря своим ушам:

— Почему ты не остановил меня?

— Я пытался, но ты вызверился на меня. Что на тебя нашло?

— Ох… Не знаю точно, — пробормотал я. — Может быть… может быть, три… нет, скорее четыре кваалюда… потом три этих голубеньких, как их — да, феназепам… и… не знаю — может быть, ксанакс?.. или морфин? Но морфин и феназепам мне прописал врач от болей в спине, так что сам-то я не виноват!

Я уцепился за эту спасительную мысль, стараясь не упускать ее как можно дольше. Однако реальность медленно брала верх над иллюзиями. Я откинулся назад в своем уютном кресле первого класса и попытался найти хоть какие-то плюсы в том, что произошло. Но вместо этого окончательно впал в панику:

— О, черт, Герцогиня! Что, если она узнает обо всем этом? Мне кранты, Дэнни! Что я ей скажу? Если все это попадет в газеты — о боже, да она меня на куски порвет! Никакие извинения, никакие оправдания не…

От ужаса я даже не смог закончить свою мысль и подавленно замолчал.

Но новая волна паники уже захлестнула меня:

— О, боже правый! Полиция! Мы ведь для чего полетели коммерческим рейсом — только чтобы сохранить инкогнито. А теперь… арест в чужой стране! О, господи! Убил бы сейчас доктора Эдельсона за то, что прописал мне эти таблетки! Он ведь знает, что я принимаю кваалюд, — я в отчаянии искал козла отпущения, — и все же прописал мне снотворное! Он что, и героин прописал бы мне, козел хренов, попроси я его об этом?

Что это за ужасный кошмар! Что может быть хуже? Арест в Швейцарии — прачечной для денег со всего мира! Мы ведь еще даже не отмыли свои бабки, как уже попали в переплет! Плохое предзнаменование!

Я покивал головой с самым серьезным и тревожным видом:

— Развяжи меня, Дэнни, — сказал я. — Я не буду вставать.

И тут меня осенило:

— Может, мне пойти извиниться перед Франкой, так сказать, загладить инцидент? Сколько у тебя с собой наличных?

Дэнни начал развязывать меня:

— У меня двадцать штук баксов, но я не думаю, что тебе следует пытаться поговорить с ней. Это может только осложнить дело. Я более чем уверен, что ты опять начнешь совать свои лапы ей под юбку, так что…

— Заткнись, Поруш! — не выдержал я. — Кончай базар и давай развязывай меня!

Дэнни ухмыльнулся:

— Ладно! Только советую отдать мне на хранение твой кваалюд. Я пронесу его через таможню, так и быть, сделаю это для тебя.

Я кивнул. Я молился про себя, чтобы швейцарские власти не захотели предавать огласке историю, способную подмочить репутацию их собственной авиакомпании. И цеплялся за эту мысль, как собака за кость, пока мы медленно заходили на посадку над Женевой.

Держа шляпу в руке, прилипнув потной задницей к серому, отливающему голубизной металлическому стулу, я убеждал трех недоверчивых таможенных офицеров, сидевших напротив меня:

— Говорю вам, я ничего не помню. Я очень боюсь летать и поэтому взял с собой эти таблетки, — я указал на два пузырька, стоявших на сером металлическом столе между нами.

К счастью, на ярлыках обоих пузырьков красовалось мое имя. В данных обстоятельствах это оказалось крайне важным. Что до кваалюда, он был надежно запрятан в прямой кишке Дэнни, который, как я надеялся, к тому

моменту уже благополучно прошел таможенный контроль.

Трое офицеров швейцарской таможни быстро заговорили друг с другом на странном диалекте французского языка. Это было удивительно — когда они говорили, им удавалось каким-то образом не размыкать губ, и их челюсти оставались крепко сжатыми.

Я украдкой огляделся. Что это за комната? Я в тюрьме? Спрашивать об этом у швейцарцев смысла не было. Их лица не выражали ровным счетом ничего, как будто это были бездумные автоматы, функционировавшие с точностью швейцарских часов. В комнате не было ни окон… ни картин… ни часов… ни телефонов… ни ручек или карандашей на столе… ни бумаги…. ни ламп… ни компьютеров. В ней не было ничего, кроме четырех серых, отливавших голубизной стульев, стола такого же цвета и чахлой герани, явно загибавшейся медленной и мучительной смертью.

Господи! Может, мне нужно обратиться в американское посольство? Как бы не так — надо ж быть таким дураком! Я ведь наверняка фигурирую в каком-нибудь черном списке. Я должен сохранять инкогнито. Такова была цель — инкогнито.

Я посмотрел на трех офицеров. Они продолжали тараторить на швейцарском французском. Один держал пузырек феназепама, другой — мой паспорт, а третий скреб свой безвольный швейцарский подбородок, будто именно он решал мою участь… А может, у него просто чесался подбородок?

Наконец, он перестал чесаться и сказал по-английски:

— Не могли бы вы соизволить рассказать нам вашу историю еще раз?

Не мог бы я… Что? Что за чушь он несет? С чего вдруг эти тупые лягушатники решили изъясняться в такой вычурной форме сослагательного наклонения? «Не мог бы я», да «не угодно ли мне», да «соизволить»… Почему бы просто не потребовать, чтобы я повторил рассказ? Так нет же! Они всего лишь хотят, чтобы я *соизволил* его повторить! Я глубоко вздохнул. Но прежде чем я начал говорить, дверь распахнулась и в комнату вошел четвертый таможенный офицер. И у этого лягушатника, приметил я, имелись на плечах капитанские лычки.

Не прошло и минуты, как первые три офицера вышли из комнаты с таким же отсутствующим видом, с каким и вошли. Я остался наедине с капитаном. Он улыбнулся мне тонкой лягушачьей улыбкой, потом достал пачку швейцарских сигарет и, прикурив, начал невозмутимо выпускать колечки дыма. А затем сделал прикольный трюк — выпустив такой клуб дыма, что не стало видно его рта, он втянул его в нос двумя густыми столбами. Вот это да! Даже в своем отчаянном положении я нашел это

впечатляющим. Даже мой отец никогда такого не делал, а ведь он написал целую книгу о трюках, которые умеют проделывать курильщики! Если я выйду из этой комнаты живым, непременно расспрошу капитана, как он это делает.

Наконец, выпустив еще несколько колечек дыма и втянув их носом, швейцарец сказал:

— Мистер Белфорт, я приношу вам свои извинения за беспокойство, которое мы причинили вам из-за этого досадного недоразумения. Стюардесса согласилась не выдвигать против вас обвинения. Вы свободны и можете идти. Ваши друзья встретят вас снаружи; если желаете, я вас провожу.

Что? Неужели все так просто? Швейцарские банкиры уже поручились за меня? Подумать только! Волк с Уолл-стрит — в самом деле неуязвимый, причем в который раз!

Я расслабился, паника растворилась в воздухе, и в моем мозгу вновь забродили мысли о Франке. Улыбнувшись невинной улыбкой своему новому швейцарскому другу, я сказал:

— Коли уж вы интересуетесь, чего я желаю, то признаюсь вам честно: я хотел бы, чтобы вы каким-то образом свели меня с той самой стюардессой, — и я улыбнулся ему своей фирменной улыбкой Волка с Уолл-стрит.

Лицо капитана окаменело.

О, черт! Я умоляюще поднял руки вверх, ладонями к нему, и быстро добавил:

— Разумеется, только для того, чтобы я смог принести официальные извинения этой сексуальной штучке — то есть, я хотел сказать, этой достойной молодой леди — и, возможно, попытаться как-то загладить… возместить материально… ну, вы понимаете, что я имею в виду. — Я подавил сильнейшее желание ему подмигнуть.

Лягушатник наклонил голову на бок и уставился на меня так, словно хотел сказать: «Ты чокнутый урод!» Но вслух он произнес:

— Нам бы не хотелось, чтобы вы контактировали с этой стюардессой, пока вы находитесь в Швейцарии. По всей видимости, она… как это говорится по-английски? Она слегка…

— Травмирована? — подсказал я.

— Да, именно так — она травмирована. Лучше не скажешь. Нам бы хотелось, чтобы вы воздержались от контактов с ней при любых обстоятельствах. У меня нет ни малейшего сомнения в том, что вы встретите в Швейцарии много женщин, которые вам понравятся, — если

такова цель вашего визита. У вас явно есть нужные друзья, — с этими словами Капитан Желаний лично препроводил меня через таможню, забыв даже поставить штамп в мой паспорт.

В отличие от полета, моя поездка в автомобиле из аэропорта прошла тихо и без происшествий. И я был этому очень рад. Немножко спокойствия — какое облегчение после утреннего хаоса! Мой путь лежал в достославный отель «Ричмонд», предположительно, один из лучших отелей во всей Швейцарии. На самом деле, по мнению моих друзей из местных банковских кругов, «Ричмонд» точно был самой элегантной, самой изысканной гостиницей.

Однако по прибытии на место я обнаружил, что «изысканный» и «элегантный» — это швейцарские эвфемизмы, заменявшие такие неприятные слова, как «унылый» и «тоскливый». Едва я вошел в холл, как тут же заметил, что отель нашпигован антикварной лягушачьей мебелью в стиле Людовика XIV. Швейцар горделиво поведал мне, что вся обстановка — середины XVIII века. Но, на мой проницательный взгляд, королю Людовику следовало бы отправить на гильотину своего декоратора. Цветочный принт на потертом ковролине был из того сорта узоров с завитками, которые легко нарисует даже слепая мартышка, дай ей кисть в лапы. Цветовая гамма тоже была для меня непривычной — сочетание желтоватого, как собачья моча, и розового, как отрыжка. Я был уверен, что лягушатник-управляющий потратил кучу бабла на это дерьмо, но еврей-нувориш вроде меня видел его таким, каким оно и было, — настоящим дерьмом! Я бы предпочел, чтобы ковролин был новым и при этом ярким и веселым!

Ну да ладно, с этим как раз легко смириться. Сложнее обстоит дело с тем, что я должен своим швейцарским банкирам, и этот долг куда важнее ковролина. И самое меньшее, что я мог для них сделать, так это прикинуться, будто признателен им за такой выбор гостиницы. Да и разве может она быть плохой — за шестнадцать тысяч швейцарских франков, то есть четыре штуки баксов в сутки?

Дежурный администратор, высокий гибкий лягушатник, зарегистрировал меня и горделиво перечислил мне знаменитых постояльцев отеля. Оказывается, тут останавливался сам Майкл Джексон. Ну и ну! Теперь я эту дыру уже просто возненавидел.

Через несколько минут я уже был в президентском люксе, куда меня торжественно проводил администратор. Он и так был довольно любезным малым, а еще любезней стал, получив от меня первую дозу — 2000 франков чаевых плюс моя благодарность за то, что регистрация обошлась

без поднятого по тревоге Интерпола. Прощаясь, администратор заверил меня, что от лучших швейцарских проституток меня отделяет лишь телефонный звонок.

Я вышел на террасу и распахнул створки дверей, выходящих на Женевское озеро. Какое-то время я рассматривал фонтан-гейзер с немым трепетом. Он выстреливает в воздух на три… четыре… пять сотен футов, не меньше! Что побудило их создать здесь такое? То есть он был красивый, реально, но на что этим швейцарцам самый высокий гейзер в мире?

Тут зазвонил телефон. Звонок был необычный: три коротких звонка, затем полная тишина, три коротких звонка, затем полная тишина. Гребаные лягушатники! Даже телефоны у них звонят не по-человечески! Господи, как мне не хватает Америки! Хочу чизбургер с кетчупом! Хлопьев с молоком! И жареных крылышек!

Я уже успел прийти в ужас, просмотрев меню для заказа еды в номер. Почему весь мир такой отсталый по сравнению с Америкой? И почему весь мир при этом называет нас «тупыми американцами»?

Телефон продолжал звонить. Господи Иисусе! Ну и убогий аппарат. Наверняка одна из первых моделей в мире. Вид у него был такой, как будто им вдоволь попользовались еще в семейке Флинтстоунов![7]

Я сорвал трубку с древнего устройства.

— В чем дело, Дэн?

— Дэн? — Герцогиня была крайне недовольна.

— Ой! Привет, дорогая! Как ты, любимая? Я думал, это Дэнни звонит.

— Нет, это не Дэнни, это я, твоя вторая жена. Как прошел полет?

О господи! Она уже все знает? Да не может быть… Или может? У Герцогини был настоящий нюх на скандал. Прямо шестое чувство! Но на этот раз было слишком быстро даже для нее! Или уже вышли газеты? Вряд ли — не так уж много времени прошло после моих игр со стюардессой, чтобы они могли уже оказаться в «Нью-Йорк пост». Фу, какое облегчение — но только на долю секунды! А затем ужасная мысль: кабельное телевидение! «Си-Эн-Эн»! Я же видел это во время Войны в заливе: этот паршивец Тед Тернер придумал какую-то отпадную систему, которая позволяла ему вести репортажи с места событий в реальном времени! Может, мои шалости тоже уже стали достоянием гласности?

— Ну же! — прошипела моя белокурая Кандидат в Прокуроры. — Я жду ответа.

— О, полет прошел без происшествий. Полет как полет.

Долгая пауза. Ага, Герцогиня проверяет меня, ждет, что я проболтаюсь, не выдержав груза ее молчания! Она хитрая бестия, моя жена! Может, мне

следует уже сейчас свалить все на Дэнни? Загодя, так сказать?

Но тут она произнесла:

— Что ж, хорошо, дорогой. Каков сервис в первом классе? Небось, снял какую-нибудь красотку-стюардессу прямо на борту? Ну же, признайся! Я не буду ревновать! — хихикнула она.

Невероятно! Я что, женат на экстрасенсе?

— Нет-нет, — быстро ответил я. — Они все были так себе. Немки, одно слово. Одна была такая здоровущая, что могла бы запросто порвать меня. В общем, я проспал почти весь полет. Даже пропустил ужин.

Кажется, это расстроило Герцогиню:

— Ох, это скверно, малыш. Ты, наверное, голодный? Как прошел таможню — проблем не возникло?

Господи! Надо было немедленно заканчивать этот разговор!

— В общем, довольно гладко. Несколько вопросов — все как обычно. Правда, они даже не поставили мне штамп в паспорте.

Теперь — стратегическая смена темы:

— Ты мне лучше скажи, как там наша малышка Чэнни?

— О, с ней все в порядке. А вот нянька меня просто бесит! Она вообще не расстается с телефоном. Думаю, названивает своим на Ямайку. Зато я подыскала двух биологов, которые будут работать у нас полную рабочую неделю. Они сказали, что смогут истребить водоросли в пруду, покрыв дно какими-то бактериями. Что думаешь?

— Сколько стоит? — спросил я автоматически.

— Девяносто тысяч в год… Это обоим! Семейная парочка. Мне они показались очень милыми.

— Ладно, звучит вполне разумно. Где ты нашла…

Тут в дверь постучали.

— Подожди секундочку, дорогая. Наверное, еду принесли. Я мигом.

Я положил трубку на кровать, подошел к двери, распахнул ее — вот это да! Я поднял глаза выше… еще выше… Просто обалдеть! Негритянка ростом в шесть футов на пороге моего номера! Эфиопка, судя по виду. Мой мозг начал закипать. Какая у нее гладкая кожа! Какая теплая, похотливая улыбка! Какие ноги! С милю длиной! Или это я такой коротышка? Ну что еще сказать… Она была великолепна! И на ней было маленькое черное платье размером с набедренную повязку.

— Чем могу помочь? — спросил я шутливо.

— Привет, — только и сказал она.

Мои подозрения подтвердились. Это была черная шлюха прямо из Эфиопии, умевшая говорить на остальных языках всего два слова:

«привет» и «пока»! Ах ты моя прелесть! Знаком я пригласил ее войти и подвел к кровати. Она села. Я присел рядом. Я медленно откинулся назад, протянул к ней левую руку, а правым локтем оперся на кровать — прямо на телефонную трубку… О боже мой! Там же моя жена! ГЕРЦОГИНЯ! БЛИН!

Я быстро прижал палец к губам, молясь, чтобы эта дикая эфиопка понимала интернациональный язык жестов, известный всем шлюхам. Тем более что в данном конкретном случае понять мой жест было проще простого: «Ни слова, ты, СПИД ходячий! Моя жена на проводе, и если она услышит женский голос в номере, я окажусь по уши в дерьме, а ты не получишь денег!»

К счастью, она кивнула.

Я снова взял трубку и пожаловался Герцогине, что нет в мире большей гадости, чем яйца бенедикт. Она согласилась и сказала, что меня она любит под любым соусом. Я внимал каждому ее слову, а потом сказал ей, что тоже ее люблю, что скучаю по ней и не могу жить без нее. И все это, кстати, была чистая правда.

Но стоило мне высказать эту правду, как меня тут же окатила волна уныния. Как я могу, испытывая такие чувства к своей жене, вытворять при этом то, что я вытворяю? Может, со мной что-то не в порядке? Нормальный мужчина не стал бы так себя вести. Даже успешный мужчина — и тот… Да нет, успешный мужчина тем более не стал бы! Одно дело — если ты женился опрометчиво; тогда такого поведения можно ожидать. Но всему ведь есть предел, и я… нет, лучше не заканчивать эту мысль.

Я глубоко вздохнул и попытался выбросить из головы весь негатив, но это оказалось нелегко. Я правда любил свою жену. Она была хорошей девочкой, хоть и разрушила мой первый брак. Впрочем, в том, что он распался, была и моя вина.

Я чувствовал себя так, как будто меня кто-то понуждает поступать именно таким образом, а не иначе, как будто я веду себя так не потому, что хочу, а потому что все ждут от меня именно такого поведения. Как будто моя жизнь — это какая-то сцена, и Волк с Уолл-стрит кривляется на ней к вящему удовольствию воображаемой аудитории, которая обсуждает каждый мой поступок и спрашивает с меня за каждое мое слово.

Неужели я постиг причину расстройства своей личности? Может, здесь собака зарыта? То есть, может, мне и вправду надо забить на Франку? Она ведь и в подметки не годится моей жене. А этот ее французский прононс — нет, уж лучше бруклинский акцент Герцогини! А ведь даже когда я слегка пришел в себя, я все еще пытался узнать у таможенников номер ее

телефона. На фига, спрашивается? А потому что я думал, что именно этого ждут от Волка с Уолл-стрит. Все это так ненормально. И все это так печально.

Я взглянул на телку, сидевшую рядом. А вдруг у нее и вправду СПИД? Да вроде нет — на вид совершенно здорова. Слишком здоровая, чтобы оказаться носительницей ВИЧ. Да, но она же из Африки… Ну и что с того? ВИЧ не вчера появился. И заразиться им можно через любую дырку, не только африканскую. Да к тому же я никогда еще ничего не цеплял. Почему же на этот раз должно быть иначе?

Она улыбнулась мне, и я улыбнулся в ответ. Эфиопка сидела на краешке кровати, широко раздвинув ноги. Такая бесстыжая! Такая офигенно сексуальная! А эта ее набедренная повязка… задралась почти выше бедер! Все, в последний раз, решено!

Отказаться от этой горячей шоколадной бесовки было бы просто-напросто насмешкой над здравым смыслом!

Так что я выбросил из головы весь этот негативный хлам и твердо решил: вот только разряжу в нее свою обойму — и тут же выброшу весь оставшийся кваалюд в унитаз, спущу воду и начну новую жизнь.

Так я и поступил. Причем именно в этом порядке.

Глава 12

Зловещие предзнаменования

Спустя несколько часов, в 12:30 по времени лягушатников, Дэнни уже сидел наискосок от меня, развалясь на заднем сиденье небесно-голубого «роллс-ройса». Лимузин был шире, чем рыболовецкий траулер, и длиннее катафалка, отчего меня не покидало мрачное ощущение, будто еду я на свои собственные похороны. Это было первым зловещим предзнаменованием того дня.

Мы направлялись на первую встречу с нашими потенциальными швейцарскими банкирами. Я как раз смотрел в заднее окно, не в силах отвести глаза от бьющего в небо гейзера, который вызывал во мне настоящее благоговение, когда Дэнни сказал с большой грустью в голосе:

— Я так и не понял, почему мне пришлось спустить в унитаз весь свой кваалюд. Нет, правда, какого хрена? Ведь не прошло и пары часов, как я забил его себе в задницу. Чертовски обидно, разве не так?

Я посмотрел на Дэнни и с трудом удержался, чтобы не засмеяться. Его можно было понять. В прошлом я тоже, перед тем как пройти очередную таможню, прятал наркоту в собственной прямой кишке, и тогда мне было совсем не до смеха. Кто-то посоветовал мне укладывать колеса во флакончик и затем намазывать его толстым слоем вазелина, но когда я воочию представлял себе этот процесс, то у меня возникало резкое отвращение к вазелиновой стратегии. На такое способен только законченный наркоман.

Как бы там ни было, я был благодарен Дэнни за то, что он присматривал за мной, носился со мной, как с курицей, несущей золотые яйца. Но как долго он будет возиться с курицей, если она вдруг перестанет нестись?

Это был вопрос. Интересный, конечно, но не тот, которым стоило долго заморачиваться. Мои дела шли в гору, деньги текли ко мне быстрее, чем когда-либо. И я ответил:

— Да, обидно, не отрицаю. И не думай, что я не ценю твоего поступка — особенно учитывая, что ты загоняешь его… туда без всякой смазки. Но пора кончать с кваалюдом. Мне нужно, чтобы ты был в своей лучшей форме, по крайней мере еще пару дней, и я тоже должен быть в форме. Идет?

Дэнни откинулся на спинку сиденья и беззаботно заложил ногу на ногу:

— Идет, меня это даже устраивает. В конце концов, я могу себе позволить маленький перерыв. Мне совсем не нравится, когда что-то торчит у меня в заднице.

— Надо бы нам потихоньку заканчивать и с бабами, Дэн. Это становится уже просто отвратительным. — Я замотал головой, пытаясь объяснить свою мысль. — Допустим, эта последняя деваха была реально горячей штучкой. Ты бы видел ее. Шесть футов, а может, и выше! Я чувствовал себя, как новорожденный младенец, присосавшийся к мамкиной титьке, — а это тоже возбуждает, правда-правда.

Я повернулся, высвобождая затекшую левую ногу:

— Негритянки на пробу малость иные, чем европейки, не находишь? Особенно их киски. Они как… ммм… как ямайский сахарный тростник! Э-эх, до чего ж она сладкая, киска негритянки! Она как… впрочем, не в этом дело. Послушай, Дэн, я не могу указывать тебе, куда совать свой член — это твое личное дело, — но лично я пока завязываю с телками. Серьезно.

Дэнни пожал плечами:

— Если бы моя жена выглядела так же, как твоя, я бы, может быть, тоже завязал. Но Нэнси — это же ночной кошмар наяву! Эта женщина просто пьет из меня все соки. Догоняешь, о чем я говорю?

Я подавил желание подробно обсудить наши с Дэнни семейные проблемы и сочувственно улыбнулся:

— Может, вам стоит развестись? Другие же разводятся и ничего, живут. То есть я вовсе не хочу преуменьшать важность твоих проблем с женой, но нам нужно сейчас переговорить о деле. Через пару минут мы будем в банке, но есть пара вопросов, которые мне хотелось бы перетереть с тобой до того, как мы там окажемся. Во-первых, давай разговор буду вести я, ладно?

Дэнни, кажется, обиделся:

— Ты что, меня за дурака держишь?

Я рассмеялся:

— Да вовсе нет! Твоя голова не настолько квадратная, да и серое вещество в ней водится. Но, послушай, я говорю на полном серьезе: очень важно, чтобы ты сидел сзади и внимательно наблюдал. Попробуй раскусить, что на самом деле на уме у этих лягушатников. Я совсем не могу читать их язык жестов. Я начинаю подозревать, что им нечего нам предложить. Во-вторых: что бы там ни было утром — сейчас не важно, насколько удачно мы из этого выкрутимся, — с этой встречи мы должны уйти, показав, что не заинтересованы. Так надо, Дэнни. Мы скажем, что это

не связано с нашими делами в Штатах — просто мы решили, что это не для нас. Я приведу им какую-нибудь вескую причину после того, как они меня просветят в вопросах законности, договорились?

— Нет проблем, — несколько озадаченно сказал Дэн. — Но почему?

— Из-за Каминского, — сказал я. — Он собирается тоже заявиться на встречу, а я совершенно не доверяю этому придурку. Говорю тебе — я совершенно не в восторге от этого швейцарского махинатора. Не знаю почему, но у меня дурные предчувствия. Если уж мы решим впутаться в это, Каминскому об этом знать незачем. Иначе мы можем только навредить себе. Может, мы используем другой банк, если не откажемся от нашей затеи, может, остановимся на этом. Уверен, что они тоже не заинтересованы в Каминском.

Как бы там ни было, главное — чтобы в Штатах никто об этом не пронюхал. Мне по барабану, Дэнни, насколько ты укуриваешься, сколько кваалюда ты сжираешь и сколько кокса вынюхиваешь. Но об этом деле — никому ни слова. Ни Мэддену, ни твоему отцу, ни тем более твоей жене — усек?

— Буду хранить молчание по гроб жизни, дружище, — кивнул Дэнни.

Я улыбнулся, тоже кивнул и, замолчав, выглянул в окно. Это было сигналом для Дэнни, что я больше не расположен поддерживать разговор, и Дэнни тут же это понял. Остаток пути я провел, рассматривая в окно безукоризненно чистые и аккуратные улицы Женевы — искренне удивляясь тому, почему у этих лягушатников не валялось на тротуарах ни мусора, ни даже соринки, а на стенах не красовалось ни единого граффити. Потом я задумался: а почему из всех людей на земле именно я взялся за это дело? Оно выглядело незаконным, рискованным, и браться за него было крайне опрометчиво.

Один из моих первых учителей, Эл Абрахамс, не раз внушал мне, чтобы я сторонился иностранных банков. Он говорил, что с ними запросто можно нарваться на неприятности. И особенно предостерегал меня от того, чтобы доверять швейцарцам — стоит американскому правительству нажать на них, и они сразу же сдадут тебя. Ведь все швейцарские банки имели свои филиалы в Штатах и поэтому были чувствительны к давлению властей.

Советы Абрахамса были очень ценными. И он был самым предусмотрительным человеком из всех, кого я знал. Он хранил в своем кабинете старые ручки, разменявшие второй, а то и третий десяток лет. И если требовалось подписать какой-нибудь документ задним числом, он подписывал его чернилами, почтенный возраст которых подтвердил бы

даже газовый хроматограф, не говоря уж о самых опытных криминалистах ФБР!

Как-то раз, когда я еще только начинал, мы с Абрахамсом завтракали в «Севилл-Дайнер» на Маркус-авеню, примерно в миле от тогдашнего офиса «Стрэттон» и всего в паре минут ходьбы от моей нынешней штаб-квартиры. Абрахамс угостил меня кофе с орехово-фруктовым тортом «Линцер», а заодно преподал мне краткий исторический анализ эволюции фэбээровских законов. Он доходчиво объяснил мне, откуда в них что взялось, какие промашки допускали финансовые махинаторы в прошлом и как потом по следам этих промахов были написаны законы. Я все это усвоил, не сделав ни одной заметки, тем более что на любые записи у Абрахамса был наложен строжайший запрет. Сделки с ним скреплялись не пером и печатью, а рукопожатием. Его слово было дороже любой подписи, и он никогда не нарушал его. Да, конечно, мы обменивались документами в случае крайней необходимости, но только такими, что были тщательно состряпаны лично Абрахамсом, и ручки для подписей были, конечно, подобраны с особой тщательностью. И в то же время любой из этих документов ничего не стоило оспорить, что, конечно, делало их особо надежными.

Абрахамс многому научил меня. И главное, что я зарубил себе на носу: любая сделка — любая операция с ценными бумагами, любая транзакция — оставляет письменные следы, то есть улики. И если эти письменные улики не доказывают твою невиновность или хотя бы не подкрепляют какое-то твое альтернативное объяснение транзакции, то рано или поздно федеральные власти предъявят тебе обвинение.

Так что я был очень осторожен. С самого рождения «Стрэттон-Окмонт» каждая сделка, которую я заключал, каждый перевод, который делала от моего имени Джанет, каждая сомнительная транзакция — все они оформлялись или, как говорили на Уолл-стрит, «подбивались» различными бумагами с отметками времени, а иногда даже заказными письмами. Все эти документы в совокупности обеспечивали мне прикрытие: возможность альтернативного объяснения, которое могло бы помочь мне избежать потенциально угрожавшей мне уголовной ответственности.

А теперь Абрахамс сидел в тюрьме в ожидании приговора. И представьте себе — за отмывание бабок. Как он ни осторожничал, но одним негласным законом он все же пренебрег. А закон этот был прост: не обналичивай за один раз со своего счета больше 9999 баксов, потому что начиная с десяти штук ты обязан заполнить налоговый формуляр. Эта мера была введена для того, чтобы отслеживать наркодилеров и всяких там

мафиози, но применялась, конечно, и к законопослушным гражданам США.

Абрахамс вдолбил в мою голову и еще одно правило: если тебе вдруг звонит деловой партнер, нынешний или бывший, и заводит разговор о каком-нибудь давнем дельце, то девять против одного — он сотрудничает «с ними». Так получилось и с самим Абрахамсом.

Когда он мне позвонил и каким-то странным, скрипучим голосом прокаркал зловещее «Слушай, а помнишь, как…», я сразу понял: он угодил в переплет. Вскоре после того мне позвонил один из его адвокатов и сообщил, что Абрахамсу предъявили обвинение и было бы очень здорово, если бы я выкупил его долю во всех наших общих инвестиционных паях, так как его активы заморожены. Со слов юриста я понял, что свои бабки Абрахамс уже доедал. Без всяких колебаний я выкупил все паи втридорога (точнее, в пять раз дороже рынка), переправил Абрахамсу миллионы нала и стал молиться.

Я молился, чтобы Абрахамс не сдал меня. Я молился, чтобы он выстоял на допросах. Я молился, чтобы он — даже согласившись на сотрудничество — сдал бы всех, кроме меня. Но из разговора с одним нью-йоркским авторитетом я понял, что частичного сотрудничества не бывает: либо ты закладываешь всех, либо не закладываешь никого. И у меня сердце ушло в пятки.

Что бы я делал, если бы Абрахамс сдал меня? Большая часть нала, который он выудил из банков, отошла мне. Как-то в разговоре он обмолвился о каких-то подставных из мира ювелиров, которым он впаривал новые акции за баснословные откаты наличными. Но я никогда и мысли не допускал, что он просто снимает наличные со счета через банк. Он был слишком умен и ловок, чтобы пойти на такое! Он был самым предусмотрительным человеком на планете. Одна промашка — и вот к чему она привела…

Неужели я разделю его участь? Неужели в Швейцарии и я провалюсь? Пять лет подряд я соблюдал просто исключительную предосторожность, стараясь не подставиться ФБР. Я помалкивал о прошлых делах; я постоянно проверял дом и офис на предмет жучков; я «подбивал» каждую сделку, обеспечивая себе правдоподобные версии; и я никогда не снимал крупные суммы через банки. Постепенно, однако, я снял с разных банковских счетов свыше десяти миллионов наличными, и все это только ради одного — чтобы у меня было правдоподобное объяснение, если меня застукают с огромным количеством нала. В самом деле, если бы у ФБР тогда возникли ко мне вопросы, я бы ответил им просто: «Свяжитесь с

моим банком, и вы убедитесь, что вся эта наличность законная».

Словом, я был предусмотрителен. Но таким же был и мой добрый приятель, старый Абрахамс, мой первый учитель, человек, которому я был стольким обязан! И уж если они докопались до него… да, обстоятельства явно складывались против меня.

И это было моим вторым мрачным предчувствием за день. Но в тот момент я не подозревал, что оно отнюдь не последнее.

Глава 13

Прачечная № 101

Частный банк «Юньон Банкэр Привэ» размещался в мерцающем темными стеклами офисном здании, поднимавшемся на десять этажей над полной лягушатников Женевой. Здание стояло на Рю-де-Рон, что, насколько я понимал, означало «улица Роны», в самом сердце чудовищно дорогого торгового квартала Женевы, совсем рядом с полюбившимся мне гейзером.

В отличие от американского банка, в который ты входишь через вестибюль и видишь улыбающиеся лица кассиров за пуленепробиваемыми стеклами, в фойе этого банка, в окружении сорока тонн серого итальянского мрамора, присутствовала всего одна одинокая дама. Она сидела за мощной стойкой красного дерева — такой большой, что на нее мог бы с легкостью сесть мой вертолет. На даме были светло-серый брючный костюм и белая блузка с высокой стойкой, а на лице — бессмысленное выражение. Ее светлые волосы были стянуты в тугой узел. Ее кожа была безупречной — ни морщинки, ни пятнышка. «Еще один швейцарский робот», — подумал я.

Мы с Дэнни подошли к стойке, и дама оглядела нас с явным подозрением. Неужели она знала? Да, несомненно, она знала. Это было написано на наших лицах: юные американские преступники, собирающиеся отмыть бабки, полученные преступным путем. Наркодилеры, нажившиеся на продаже смертельного зелья школьникам!

Я сделал глубокий вдох и подавил желание объяснить даме, что мы всего лишь обычные биржевые мошенники, а наркотики для нас всего лишь забава (мы и правда не торговали ими, упаси боже!).

К счастью, дама предпочла оставить свое мнение при себе и не стала выяснять, какие именно преступления мы совершили на этот раз. Вместо этого она спросила:

— Чем я могла бы вам помочь?

«Могла бы»? Господи Иисусе! Опять это условное «бы»!

— У меня назначена встреча с Жаном-Жаком Сорелем?[8] Мое имя — Джордан Белфорт?

Тьфу! Какого черта я тоже заговорил вопросительными предложениями? Вот уж точно — дурной пример заразителен.

Я ждал, что женоподобный андроид ответит мне, но она молчала. И продолжала пялиться на меня… а потом стала пялиться на Дэнни, разглядывая нас обоих с головы до ног. Затем, словно желая подчеркнуть, как плохо я выговариваю имя мсье Сореля, ответила:

— Ах, так вы имеете в виду мсье Жана-Жака *Сореля*! — как благозвучно прошелестело в ее устах это имя. — Да, разумеется, мистер Белфорт, все вас ждут на пятом этаже.

Она кивнула в сторону лифта. Мы с Дэнни зашли в отделанную красным деревом кабину, которую обслуживал молодой швейцар в одеянии, достойном какого-нибудь маршала девятнадцатого века. Я шепнул Дэнни:

— Не забудь, что я тебе сказал. Независимо от того, как все пройдет, мы встаем из-за стола со словами, что не заинтересованы. Договорились?

Дэнни кивнул.

Мы вышли из лифта и двинулись по длинному и тоже обшитому красным деревом коридору, который просто провонял богатством. В коридоре стояла такая мертвая тишина, что я почувствовал себя словно в гробу, но на сей раз я подавил в себе желание строить какие бы то ни было умозаключения на этот счет. Вместо этого я сделал еще один глубокий вдох и продолжил движение по направлению к высокой, стройной фигуре в самом конце коридора.

— Ах, мистер Белфорт! Мистер Поруш! Доброе утро! — сказал Жан-Жак Сорель елейным голосом.

Мы пожали друг другу руки. Затем Сорель одарил меня кислой улыбкой и добавил:

— Надеюсь, ваше состояние улучшилось после того неприятного инцидента в аэропорту. Вы обязательно расскажете мне за чашечкой кофе об этом приключении со стюардессой! — и он подмигнул мне.

«Каков, однако», — подумал я. Он не был типичным швейцарским лягушатником, это точно. Он, конечно же, был типичным европейским отбросом и все же казался таким… учтивым, что просто не верилось, что он швейцарец. Смуглый, с темно-каштановыми волосами, зачесанными назад и гладко прилизанными, как у настоящего коренного уолл-стритовца. Лицо вытянутое, тонкое, как и все его черты, но общий вид довольно приятный. На нем был безукоризненно сшитый и превосходно сидевший костюм из камвольной ткани в белесо-серую полоску, белая рубашка с французскими манжетами и голубой шелковый галстук, на вид очень дорогой. Одежда сидела на его фигуре складно, с той элегантной небрежностью, какая присуща только европейцам.

Из короткой беседы в коридоре я узнал, что Жан-Жак действительно не швейцарец, а француз, временно переведенный в Женеву из филиала французского банка. Это было разумно. Затем он вызвал во мне целую бурю эмоций, признавшись, что его смущает присутствие на встрече Гэри Камински, но, поскольку Гэри свел нас, его присутствия было не избежать. Сорель предложил обсудить все лишь в общих чертах, а затем встретиться и переговорить с глазу на глаз либо сегодня же вечером, либо на следующий день. Я в ответ признался, что планировал закончить встречу на негативной ноте по той же самой причине. Сорель поджал губы и одобрительно кивнул, словно хотел сказать: «Неплохо!» А я, даже не глядя на Дэнни, знал, что на него это произвело впечатление.

Жан-Жак проводил нас в зал заседаний, более всего походивший на мужской курительный клуб. За длинным стеклянным столом сидели шестеро швейцарских лягушатников — все в консервативных деловых костюмах. И каждый либо держал в руке сигарету, либо сигарета дымились перед ним в пепельнице. Дым в зале стоял — хоть топор вешай.

Был там и Камински. Он сидел среди лягушатников в своем ужасном парике, распластавшемся на его черепке, словно дохлая псина. Его полное круглое лицо расплывалось в самодовольной улыбке, и мне очень захотелось хорошенько дать ему по роже. Я даже подумал, не попросить ли его покинуть переговорную, но потом решил этого не делать. Лучше пускай он собственными ушами услышит, что я решил отказаться от этого дела в Швейцарии.

После нескольких минут разговора я сказал:

— Меня очень интересуют ваши законы об охране банковской тайны. Я слышал много противоречивых отзывов от юристов в Соединенных Штатах. При каких, например, обстоятельствах вы смогли бы начать сотрудничать с американскими властями?

Тут встрял Камински:

— Это вообще-то лучший способ вести дела в…

Я перебил его на полуслове:

— Гэри, если бы меня волновало твое мнение, то я, блин… — тут я несколько осекся, сообразив, что швейцарские роботы едва ли оценят мою манеру общения, обычную для моих сотрудников, и продолжил с подчеркнутой почтительностью: — Прошу прощения, я бы справился у тебя об этом еще в Нью-Йорке, Гэри.

Лягушатники заулыбались и закивали головами. Я отчетливо прочитал их невысказанное послание: «Да, Камински и вправду дурак, а не только им кажется». Но теперь мой мозг лихорадочно заработал. Камински явно

рассчитывал получить комиссионные посредника, если я соглашусь вести дело с этим банком. Иначе с чего бы ему так беспокоиться по поводу моих расспросов? И зачем он старается смягчить их? Раньше я думал, что Камински — просто один из тех зануд, которым нравится демонстрировать, насколько хорошо они осведомлены во всяких ничтожных вопросах. Уолл-стрит просто кишела людьми подобного сорта. Их звали «дилетантами». Но теперь я был убежден, что у Каминского есть финансовый мотив. Если я открою счет в этом банке, он получит вознаграждение. Так вот где собака зарыта!

Словно прочитав мои мысли, Жан-Жак сказал:

— Мистер Камински всегда торопится высказать свое мнение по таким вопросам, как этот. Я нахожу это довольно странным, учитывая то, что он не может ничего ни выиграть, ни потерять от вашего решения. Ему уже выплачено скромное вознаграждение за то, что он свел вас с нами. Ни ваше согласие, ни отказ вести дела с нашим банком никак не повлияют на состояние бумажника мистера Каминского.

Я понимающе кивнул. Мне показалось любопытным, что Сорель не прибегает в своей речи к сослагательному наклонению. Он свободно владел английским языком, включая идиомы и прочие фразеологизмы.

Сорель продолжил:

— Возвращаясь к вашему вопросу, должен вам сказать, что швейцарские власти могут пойти на сотрудничество с американскими властями в одном-единственном случае — если инкриминируемое преступление считается преступлением также и в Швейцарии. Например, в Швейцарии нет закона, карающего за уклонение от уплаты налогов. И если мы получим от американских властей запрос по делу такого рода, мы не пойдем на сотрудничество с ними.

— Господин Сорель совершенно прав, — вмешался вице-президент банка, тощий маленький очкастый лягушатник по имени Пьер (или в этом роде). — Мы не имеем большого пиетета перед вашим правительством, не в обиду вам будь сказано. Но факт остается фактом: мы пойдем на сотрудничество только в том случае, если инкриминируемое вам является тяжким уголовным преступлением также и по нашим законам.

Затем в разговор вступил еще один Пьер — более молодой и лысый, как бильярдный шар. Он сказал:

— Вы увидите, что швейцарский уголовный кодекс гораздо более либерален, чем законы вашей страны. Многие из ваших «тяжких» преступлений не считаются таковыми в Швейцарии.

Господи боже мой! Одного словосочетания «тяжкие преступления»

было достаточно, чтобы по моей спине пробежали мурашки. Мне уже была совершенно очевидна вся несостоятельность моей идеи использовать Швейцарию в качестве прачечной… если только, конечно… интересно, могут ли подставные быть легализованы в Швейцарии? Я прокрутил такую возможность в своем мозгу. Сомнительно, но все же следует разузнать подробнее у Сореля в предстоящем разговоре без свидетелей. Я улыбнулся и сказал:

— Хорошо. Мне, собственно, незачем беспокоиться о подобных вещах, поскольку я совершенно не собираюсь нарушать американские законы.

Это была наглая ложь. Но мне понравилось, как она прозвучала. Кого заботило, что это — откровенный гон? По какой-то необъяснимой причине я все еще чувствовал себя вполне непринужденно. Так что я продолжил гнать:

— Я говорю это и от лица Дэнни. Видите ли, наше желание держать деньги в Швейцарии диктуется исключительно одним соображением — обеспечить сохранность активов. Меня больше всего заботит то, что при моем роде деятельности велика вероятность судебного преследования — незаконного и бесперспективного, смею вас уверить. Но я бы хотел узнать — или, говоря начистоту, это для меня важнее всего, — откажетесь ли вы при каких бы то ни было обстоятельствах передать мои деньги какому-либо американскому гражданину (или вообще любому человеку на планете), который надумает возбудить против меня гражданский иск?

Сорель улыбнулся:

— Мы не только не сделаем такого, но мы даже не признаем подобных, как вы их называете, гражданских исков. Даже под угрозой вызова в суд мы не стали бы сотрудничать с вашей Комиссией по ценным бумагам и биржам — несмотря на то, что это государственный регулирующий орган.

Затем, словно ему это только что пришло в голову, добавил:

— Честно говоря, мы не пошли бы на такое, даже если бы предполагаемое преступление считалось тяжким и по швейцарским законам, — и Сорель энергично кивнул, подчеркивая свою мысль: — Даже тогда мы не стали бы сотрудничать!

И он улыбнулся заговорщицкой улыбкой.

Я одобрительно кивнул в ответ и окинул взглядом присутствующих в зале. Все, похоже, были довольны тем, как протекала встреча, — все, за исключением меня. Я был крайне разочарован. Последняя реплика Сореля крайне встревожила меня, и мой мозг работал так лихорадочно, что едва не закипел. Значит, вот как обстоит дело: если швейцарские власти откажутся сотрудничать с Комиссией, у той просто не останется иного выбора, как

обратиться с запросом к американским прокурорам. То есть полагаясь на швейцарскую банковскую тайну, я своими руками рою себе яму!

Я начал проигрывать в мозгу все возможные сценарии. Девяносто процентов всех дел Комиссии лежали в плоскости гражданского права. Лишь в тех случаях, когда Комиссия подозревала какое-либо вопиющее нарушение, она могла передать дело ФБР для уголовного расследования. Но если она не сможет проводить свои расследования в Швейцарии, то как она решит, вопиющие у меня нарушения или нет? Откуда они узнают, что многое из того, что я делал, не так уж ужасно?

Я сделал глубокий вдох и сказал:

— Что ж, все это представляется мне вполне резонным, но меня интересует вот что: как американские власти узнают, где искать? Иными словами, как они могут узнать, в *какой* швейцарский банк посылать запрос? Все счета анонимные, номерные. Значит, пока кто-нибудь не сообщит им номер (я подавил желание посмотреть на Каминского) или хотя бы название банка, в котором вы храните свои деньги, или пока вы сами не проявите беспечность и не оставите те или иные письменные следы, как они узнают, с чего начинать? Они что, просто угадывают номер счета? В Швейцарии примерно тысяча банков, и в каждом, вероятно, сотни тысяч счетов. В общей сложности миллионы счетов, и все с разными номерами. Это все равно что искать иголку в стоге сена. Это совершенно нереально, — я посмотрел прямо в темные глаза Сореля.

Помолчав несколько секунд, Сорель ответил:

— Еще один замечательный вопрос. Но чтобы на него ответить, я хотел бы преподать вам маленький урок по истории швейцарской банковской системы.

Вот это мне нравилось уже больше. Важно видеть последствия событий прошлого — именно это вдалбливал в мою голову Эл Абрахамс во время наших памятных встреч за ранними завтраками. Я кивнул и сказал:

— Да, пожалуйста. Я действительно увлекаюсь историей, особенно когда она имеет отношение к ситуации вроде этой, когда я собираюсь вести дела на незнакомой мне территории.

Сорель улыбнулся и начал:

— Само представление о номерных счетах в каком-то смысле обманчивое. И хотя все швейцарские банки на самом деле предлагают клиентам такую опцию — как способ сохранения конфиденциальности, — каждый вклад привязан к имени, которое хранится в учетном секторе банка.

При этих словах у меня просто сердце упало. Сорель кивнул:

— Много лет тому назад, еще до Второй мировой войны, все было иначе. Видите ли, тогда анонимные счета действительно были стандартной практикой для швейцарских банкиров. Все зиждилось на личных взаимоотношениях и рукопожатии. Многие из тех счетов были корпоративными. Но, в отличие от американских корпораций, это были корпорации держателей векселей на предъявителя, на которых также не указывались имена владельцев. Иными словами, кто являлся истинным держателем бумаг, тот и был полноправным владельцем корпорации.

Но затем пришел Адольф Гитлер со своими мерзкими нацистами. Это очень печальная глава в нашей истории; гордиться нам тут особо нечем. Мы прилагали все усилия, чтобы как-то помочь нашим клиентам-евреям, но должен признать, что так и не сумели оказать им достаточной помощи. Как вы знаете, мистер Белфорт, я — француз. Но думаю, что выражаю мнение любого человека, сидящего в этом зале, когда говорю, что мы бы искренне хотели оказать им максимально возможную помощь, — после этих слов Сорель сделал паузу и торжественно закивал головой.

Все присутствовавшие в зале заседаний, включая и нашего шута горохового, чистокровного еврея Каминского, тоже одобрительно закивали. Я уверен, что все они знали, что мы с Дэнни евреи, и мог только удивляться, зачем Сорель все это говорит. Или он действительно говорил то, что думал? Как бы там ни было, прежде чем он снова заговорил, я уже просчитал все на десять шагов вперед и знал, что будет происходить дальше.

Ларчик открывался просто: прежде чем Гитлер сумел накрыть всю Европу и около шести миллионов евреев оказались в газовых камерах, многие из них смогли перевести свои деньги в Швейцарию. Они разглядели зловещие предзнаменования еще в начале тридцатых, когда нацисты только пришли к власти. Но тайно переправить свои капиталы оказалось куда легче, чем спасти свои собственные жизни. Едва ли не все страны Европы, за исключением разве что Дании, отказали миллионам несчастных евреев в убежище. Большинство этих стран заключили тайные сделки с Гитлером, согласившись пожертвовать своим еврейским населением в обмен на обещание Гитлера не нападать на них. Гитлер, разумеется, тут же забыл об этих сделках, стоило ему упрятать всех евреев в концентрационные лагеря. И по мере того как страна за страной оказывалась во власти нацистов, евреи покидали свои жилища и пускались в бега в поисках спасения. Какая черная ирония заключалась в том, как быстро швейцарцы оприходовали еврейские денежки и как упорно они сопротивлялись тому, чтобы принять и спасти еврейские души!

После разгрома нацистов многие из уцелевших наследников приехали в Швейцарию, чтобы найти тайные банковские счета своих семей. Но они не могли доказать свои права на них. Ведь счета были безымянные, номерные. И если уцелевший отпрыск не знал наверняка, в каком банке его родители хранили свои деньги и с каким именно банкиром они имели дело, у них не было никакой возможности предъявить права на эти деньги. И вплоть до настоящего момента миллиарды долларов остаются недоступны для их законных владельцев.

А затем мои мысли завертелись вокруг еще более мрачной темы. Ведь многие из этих швейцарских ублюдков точно знали, кто есть кто среди этих уцелевших детей, но предпочли не помогать им в розысках. Но что еще хуже — многие из этих еврейских сирот обращались по верному адресу и разговаривали с теми самыми швейцарскими банкирами, которые хранили деньги их родителей, только для того, чтобы не получить помощи и уйти обманутыми. Боже! Какая страшная трагедия! Только самые благородные из швейцарских банкиров поступили по-честному и позволили полноправным наследникам вступить во владение тем, что оставили им родные. А в Цюрихе, который так и кишел фрицами, вообще стоило немалых трудов найти хоть кого-нибудь, кто сочувствует евреям. Пожалуй, во французской Женеве дела обстояли лучше, но лишь самую малость. Такова человеческая природа, и тут ничего не попишешь. И все те еврейские денежки были потеряны навсегда, просто растворились в недрах швейцарской банковской системы, сказочно обогатив эту крошечную страну. Иначе чем объяснялось отсутствие нищих попрошаек на ее улицах?

— …Теперь вы понимаете, — говорил тем временем Сорель, — чем объясняется нынешнее требование, чтобы каждый счет, открытый в Швейцарии, был зарегистрирован на его подлинного владельца. И исключений тут нет.

Я взглянул на Дэнни. Он почти незаметно кивнул мне. Но я уловил его невысказанное послание: «Это чудовищный ночной кошмар».

На обратном пути в отель мы с Дэнни не обменялись ни единым словом. Я глядел в окно автомобиля и не видел ничего, кроме призраков миллионов мертвых евреев, которые до сих пор искали свои деньги. К тому времени тыльная сторона моей ноги разгорелась адским огнем. Господи Иисусе! Если бы только я не страдал этой ужасной хронической болью, я бы, наверное, давно распрощался с наркотой. Боль была острая, как будто ногу буравила игла. Прошло больше двадцати четырех часов с того момента, как я принимал лекарства, и мой ум работал так остро, что я чувствовал, что могу превозмочь любую проблему, какой бы неодолимой

она ни казалась.

Но как мне преодолеть швейцарское банковское законодательство? Закон есть закон, и падение Эла Абрахамса только укрепило меня во мнении, что даже проверенный временем способ обойти закон необязательно избавляет от расплаты за его нарушение. Все было предельно ясно: если я решусь открыть счет в «Юньон Банкэр», я буду вынужден дать им свой паспорт и сведения обо мне окажутся в базе данных. И если министерство юстиции США обратится к швейцарским властям по какому-нибудь делу, связанному с биржевым мошенничеством — и это нарушение будет считаться преступлением также и в Швейцарии, — то моя песенка будет спета. Даже если агенты ФБР не сразу разнюхают, какой счет принадлежит мне или с каким банком я имел дело, они уже от меня не отстанут.

Их запрос направится прямиком в швейцарское министерство юстиции, которое затем разошлет запросы во все банки страны с требованием предоставить информацию по всем счетам, принадлежащим лицу, которым интересуется правительство США.

Все будет именно так.

Уж лучше бы я связался со своими собственными подставными в Штатах. На худой конец, получив запрос, они легко наврут с три короба под присягой! Приятного, конечно, мало, но, по крайней мере, у них нет никаких письменных улик.

Стоп-стоп-стоп! А кто сказал, что банку нужно показывать именно мой паспорт? Что мне мешает вызвать в Швейцарию одного из своих подставных и открыть счет на его имя? Каковы шансы, что ФБР вычислит моего американского подставного в швейцарской прачечной? Подставной в прачечной! Двойная степень защиты! Если Штаты пришлют запрос на человека по имени Джордан Белфорт и швейцарское министерство юстиции перешлет в банки свой запрос, то оно не получит в ответ ничего!

Так раз уж я подумал об этом, почему бы мне не использовать одного из моих нынешних подставных? В прошлом я отбирал их, полагаясь не только из их надежность, но и на их способность прокачивать большие суммы нала, не привлекая внимания налоговой инспекции. Такое сочетание качеств встречалось нечасто. Моим главным подставным был Эллиот Лавинь, который на глазах превращался в настоящий ночной кошмар. Он был не просто моим главным подставным — этот человек подсадил меня на кваалюд. Эллиот был президентом «Перри Эллис», одного из крупнейших производителей одежды в Штатах, но этот его высокий пост не мешал ему быть раз в десять отвязнее, чем Дэнни. Да-да,

как бы невероятно это ни звучало, но Дэнни выглядел просто пай-мальчиком на фоне Эллиота.

Он был не только заядлый игрок и неисправимый наркоман, но также и сексуальный маньяк и записной брачный аферист. Он снимал с «Перри Эллис» миллионы баксов в год, заключая тайные сделки с заграничными фабриками: те завышали цены на продукцию, Эллиот ее покупал, а они затем откатывали ему этот нал. Цифры получались с шестью нулями. Когда я сбрасывал Эллиоту свежую партию бумаг, он потом рассчитывался со мной той самой наличкой, которую срубал со своих заморских фабрик. Обмен получался классным — нигде никаких письменных улик! Но затем Эллиот начал вводить меня в убытки. Его пристрастие к игре и дури обходилось слишком дорого. Он перестал выполнять денежные обязательства передо мной. И уже задолжал мне почти два миллиона баксов. Но если я порву с ним окончательно — не видать мне своих бабок никогда. Поэтому я предпочел сворачивать с ним дела постепенно, продолжая поставлять ему новые бумаги, пока он не вернет мне весь свой долг.

Несмотря на все это, Эллиот сослужил мне добрую пользу. Я поимел с него больше пяти лимонов налом, и все эти бабки были надежно запрятаны в индивидуальных банковских сейфах во всех концах Штатов. Как переправить все эти бабки в Швейцарию, я еще не придумал, хотя кое-какие мыслишки на этот счет у меня в голове вертелись. Я собирался перетереть это дельце с Сорелем в предстоящем разговоре наедине. Как бы то ни было, я всегда знал, что заменить Эллиота другим подставным, который сможет прокачивать такой же объем налички, не оставляя письменных следов, будет нелегко.

Но теперь, когда я собирался отмывать свои деньги в Швейцарии, вопрос о накоплении нала как такового уже не стоял. Я мог бы просто хранить бабки на своем швейцарском счету, и пускай им капают с них проценты. Но были и еще вопросы, которые я не мог задать на сегодняшней встрече. Как я смогу пользоваться деньгами, которые я положу на свой счет в Швейцарии? Как я буду тратить их? Как мне перегнать отмытые бабки обратно в Штаты для дальнейших инвестиций? У меня оставалось еще много вопросов, на которые я хотел бы получить ответ.

Но самым главным было то, что, используя Швейцарию как прачечную, я мог теперь выбирать себе подставных, полагаясь исключительно на их надежность. Это значительно расширяло круг потенциальных подставных, и мои мысли быстро переключились на родственников моей жены. Они не

были гражданами США; они все жили в Великобритании — вдали от любопытных глаз ФБР. Существовала мало кому известная лазейка в правилах Комиссии по ценным бумагам и биржам, позволявшая лицам, не являвшимся гражданами США, становиться пайщиками публичных компаний на гораздо более выгодных условиях, чем предусматривались для граждан. Я имею в виду Правило S, которое разрешает иностранцам не только приобретать акции публичных компаний, но и продавать их раньше чем через два года после выпуска, то есть освобождает их от ограничения, установленного Правилом № 144. Это был совершенно несуразный закон, дававший иностранцам явные преимущества перед американскими инвесторами. И естественно — как и большинство подобных глюков регулятора, — он вызвал мощную волну злоупотреблений, поскольку сообразительные американские инвесторы обстряпывали незаконные сделки с иностранцами и вовсю эксплуатировали Правило S для частных инвестиций без необходимости выжидать целых два года, чтобы продать свои ценные бумаги.

Ко мне тоже не раз обращались иностранцы, которые за скромные комиссионные предлагали использовать их паспорта для сделок по Правилу S. Но я всегда отказывался. В глубине моего подсознания прочно засело предостережение Эла Абрахамса. Как я мог на этой грешной земле довериться какому-то иностранцу в совершенно незаконном деле? Ведь приобретение акций через подставное иностранное лицо было серьезным уголовным преступлением — таким, которое наверняка заинтересовало бы ФБР. Так что я всегда отклонял такие предложения.

Однако теперь, с двойной защитой… с родственниками моей жены во втором эшелоне прикрытия… что ж, подобные дела вдруг перестали казаться мне такими уж рискованными!

А затем мой распаленный ум начал примериваться к Патриции, тетке моей жены. То есть нет — моей собственной тетке. Да-да, она стала и моей теткой тоже! Уже в первую нашу встречу с тетей Патрицией нам сразу стало понятно, что мы — души родственные. Это было довольно забавно, если учесть, что пришлось увидеть Патриции при нашем первом знакомстве. Это было два года назад в лондонском отеле «Дорчестер»; она застала меня в самый разгар передоза кваалюдом. Патриция вошла в номер, когда я просто-таки тонул в унитазе. Но вместо того чтобы осудить меня, она стала со мной разговаривать и провела рядом всю ночь, бережно поддерживая мою голову, пока мое тело изрыгало наружу яд, которым я нашпиговал его. А потом она ерошила пальцами мне волосы — так, как это делала моя мать, когда я был ребенком, — когда на меня волна за волной

накатывала паранойя из-за кокса, которого я тоже перенюхал. Я был не в состоянии заглотать даже долбаный ксанакс, чтобы снять невроз от кокаина. И готов был на стену лезть, так мне было хреново.

На следующий день мы пообедали вместе. И вместо того чтобы нагрузить меня чувством вины за то, что ей пришлось лицезреть, Патриция каким-то образом сумела убедить меня завязать с наркотой. Я действительно воздерживался от кайфа целых две недели. Я проводил в Англии отпуск с Надин, и нам еще никогда не было так хорошо вместе! Я был настолько счастлив, что даже задумался о переезде в Англию! Пусть тетя Патриция станет частью моей жизни.

Но в глубине души я понимал, что все это — лишь фантазии. Моя жизнь протекала в Штатах; «Стрэттон» находился в Штатах; мои деньги и мои связи были в Штатах; и это значило, что я должен оставаться в Штатах. И когда я, наконец, вернулся в Штаты, то под «благотворным» влиянием Дэнни Поруша, Эллиота Лавиня и всей моей славной компашки брокеров ко мне вернулась и моя привычка баловаться наркотой. А поскольку адская боль в спине изводила меня хуже прежнего, эта привычка вернулась еще более сильной, чем была прежде.

Тетке Патриции стукнуло уже шестьдесят пять; она была разведенной женой, школьной учительницей на пенсии и кабинетной анархисткой. Она была классной. Она презирала любые посягательства властей на свою свободу, и на нее во всем можно было положиться. Если бы я попросил ее об услуге, она бы улыбнулась мне своей теплой улыбкой и на следующий день уже летела бы в самолете. А кроме того, у тетки Патриции совсем не было денег. Каждый раз, когда я виделся с ней, я предлагал ей больше, чем она могла бы потратить за год. И каждый раз она отказывалась. Она была слишком гордой. Но теперь я мог бы объяснить ей, что, оказывая мне такие услуги, она сможет заработать не только себе на пропитание. Я бы позволил ей тратить сколько захочется. Фактически я бы полностью изменил ее жизнь — была бедной, стала бы богатой. Идея была просто блестящая! А ко всему прочему, она вряд ли бы что-нибудь потратила! Она выросла на руинах Второй мировой войны, а сейчас жила на крошечную учительскую пенсию. Она попросту не умела бросать деньги на ветер и не смогла бы их растранжирить, даже если бы захотела! И большую часть потраченного она бы извела не на себя, а на своих двух внуков. И это было здорово. Честно, одна эта мысль согревала мне сердце.

И если бы американское правительство когда-нибудь постучалось бы в дверь Патриции, она бы посоветовала этим янки уносить свои задницы от ее дома как можно дальше, да побыстрее. Представив себе эту сцену, я

громко рассмеялся.

— Чего это ты так развеселился? — промычал Дэнни. — Вся эта встреча — пустая трата времени! А у меня нет даже кваалюда, чтобы утопить в нем свою грусть-печаль! Так расскажи мне хотя бы, что еще породил твой извращенный разум?

Я улыбнулся.

— Я встречаюсь с Сорелем через несколько часов. Я задам ему еще несколько вопросов, но я абсолютно уверен, что уже знаю ответы на них. От тебя я хочу только одного — чтобы ты позвонил Джанет, как только мы вернемся в отель, и попросил ее, чтобы она распорядилась подогнать наш «Лирджет» в аэропорт Женевы рано утром, а также забронировать президентский люкс в «Дорчестере». Мы летим в Лондон, дружище. Мы летим в Лондон.

Глава 14

Интернациональные мании

Через три часа я сидел напротив Жана-Жака Сореля в ресторане «Жардэн» в лобби отеля «Ричмонд». Стол был сервирован лучшими столовыми приборами, которые я когда-либо видел. Прекрасный набор отполированных вручную вилок и ножей из чистого серебра и безукоризненный сервиз из тонкостенного, просвечивающего фарфора расположились на накрахмаленной белоснежной скатерти. Это в самом деле впечатляло и, должно быть, стоило целую кучу денег! Но, как и весь этот старинный отель, интерьер ресторана был совершенно не в моем вкусе: стиль ар-деко примерно 1930-х годов; видимо, именно тогда ресторан последний раз ремонтировали.

Этот «изысканный» декор дико раздражал меня, а невыносимый джетлаг утомил меня почти до изнеможения. Зато компания подобралась прекрасная. Сорель оказался большим знатоком шлюх, и в этот самый момент он делился со мной изящными секретами местного искусства — как затащить в койку швейцарку. По словам Сореля, местные жительницы с точки зрения любви к сексу могли дать фору кроликам. Их так легко соблазнить, говорил Сорель, что он каждый день выглядывает из окна своего кабинета на Рю-де-Рон, смотрит, как они фланируют по улице — в своих коротких юбках и со своими крошечными собачками, и мысленно рисует на их спинках яблочко мишени.

Я похвалил Сореля за рассказ и посетовал, что с нами нет Дэнни — вот бы ему это послушать! Но вопросы, которые мы с Сорелем планировали обсудить в тот вечер, были несомненно, абсолютно и бесспорно незаконными, так что мы просто не смогли бы вести такой разговор в присутствии третьего лица — даже если это третье лицо было причастно к нашим преступлениям. Это было совершенно невозможно. Это был еще один урок, преподанный мне Абрахамсом, который частенько повторял: «Два преступника — это просто преступность, трое — это уже организованная преступность».

Так что в ресторане я был наедине с Сорелем, но мысленно все время возвращался к Дэнни, спрашивая себя, что тот, интересно, поделывает в этот самый момент. Дэнни был из той породы парней, которых не следует упускать из виду в чужой стране. Стоило предоставить его самому себе,

как можно было с большой долей уверенности ждать беды. Единственным плюсом, перевешивавшим все минусы, было то, что как раз в Швейцарии Дэнни не мог выкинуть ничего особенно чудовищного — за исключением разве что изнасилования или убийства, — а сидевший напротив меня человек в любом случае сможет уладить дело одним телефонным звонком.

— …Так что в большинстве случаев, — разглагольствовал тем временем Сорель, — я веду их в отель «Метрополь», напротив банка, и трахаю прямо там. Кстати, Джордан, должен сказать, что это ваше словечко — «трахаться» — кажется мне чрезвычайно удачным. Во французском языке просто-напросто нет слова, которое так верно передавало бы смысл. Но не будем отклоняться от темы: я просто хочу сказать, что превратил это занятие в свою вторую профессию (банковское дело, разумеется, на первом месте), так что моя цель — уложить в койку как можно больше швейцарских женщин.

Он беспечно пожал плечами, изображая жиголо, и улыбнулся типичной теплой улыбкой европейского засранца. Затем глубоко затянулся своей сигаретой.

— Если верить Камински, — сказал он, выдыхая дым, — вы разделяете мою любовь к красивым женщинам, верно?

Я улыбнулся и кивнул.

— Что ж, это очень хорошо, — продолжил банкир-женолюб, — очень хорошо. Но я также слышал, что у вас очень красивая жена. Как это странно, вы не находите? Иметь красавицу жену и при этом засматриваться на других женщин? Впрочем, я таков же, мой друг. Видите ли, моя жена тоже очень красива, и все же я не могу отказать себе в удовольствии провести время с какой-нибудь юной красоткой, готовой со мной переспать, если только она соответствует моим стандартам совершенства. А в этой стране нет недостатка в женщинах подобного сорта, — пожал он плечами. — Так устроен мир, в нем есть все, что нужно таким мужчинам, как мы, не так ли?

Господи! Как это ужасно прозвучало! А ведь сколько раз я утешал себя почти теми же словами — пытаясь объяснить свое поведение. Но, услышав такое из уст другого человека, я понял, насколько несуразным, нелепым это объяснение было на самом деле.

— Видите ли, Жан, приходит момент, когда мужчина должен признаться себе наконец, что он просто раб своего члена. Именно такой вот момент я переживаю сейчас. Я люблю свою жену, но при этом сплю с кем попало.

Сорель глубокомысленно прищурился и кивнул:

— Я переживал такое много раз. И это так здорово, когда ты это осознаешь, разве не так? Это напоминает нам, что *действительно* важно в этой жизни. Ведь если бы не было семьи, ради которой ты спешишь домой, жизнь была бы пустой. Вот почему я наслаждаюсь временем, которое провожу с моей семьей. Но затем, спустя несколько дней, я понимаю, что просто повешусь, если задержусь там дольше.

Не поймите меня превратно, Джордан. Дело вовсе не в том, что я не люблю свою жену и своего ребенка. Конечно же, я их очень люблю. Но я француз, а любому французу бывает нелегко выносить семейное бремя, и поэтому я спешу выпорхнуть из семейного гнезда прежде, чем начну срываться на близких. Я пришел к выводу, что благодаря времени, которое я провожу вне дома, я становлюсь лучшим мужем для жены и более хорошим отцом для ребенка. — Сорель взял сигарету из стеклянной пепельницы и глубоко затянулся.

Я довольно долго ждал, но он так и не выдыхал дым. Вот это да! Это становилось интересно. Я никогда не видел, чтобы мой отец выделывал такое! Сорель как будто впитал дым в себя — поглотил его, погрузил в свое нутро. Неожиданно мне пришла в голову мысль, что швейцарские мужчины курили по другой причине, нежели американцы. Видимо, швейцарцы воспринимали курение как чисто мужское удовольствие, тогда как американцы видели в нем возможность настоять на своем праве умереть от ужасного порока, пренебрегая всеми разумными предостережениями.

Однако пора было перейти к делу.

— Жан, — сказал я возможно более вкрадчивым голосом. — Отвечаю на ваш первый вопрос: о том, сколько денег я хотел бы перевести в Швейцарию. Думаю, имеет смысл начать с небольшой суммы, скажем, с пяти миллионов долларов или около того. Затем, если все пойдет нормально, я рассчитываю перевести значительно более крупную сумму — возможно, еще двадцать миллионов в течение следующих двенадцати месяцев. Что до использования курьеров вашего банка, то я ценю ваш жест, но предпочел бы использовать своих собственных. У меня есть в Штатах друзья, кое-чем мне обязанные, и я уверен, что они согласятся помочь мне в этом.

Но есть еще немало вопросов, которые меня беспокоят. И первый из них — это Камински. Мы с вами не сможем двигаться вперед, если ему будет хоть что-либо известно о моих контактах с вашим банком.

Даже если он заподозрит, что у меня в вашем банке хранится хоть один цент, сделка сорвется. Я закрою все свои счета у вас и переведу деньги

куда-нибудь еще.

Сорель не терял невозмутимости.

— Вам не придется больше поднимать этот вопрос, — сказал он хладнокровно. — Камински ничего не узнает. Более того, если ему вздумается наводить справки об этом деле, его собственный паспорт будет внесен в черные списки и Интерпол арестует его при первом же удобном случае. Мы, швейцарцы, воспринимаем наши законы об охране банковской тайны более серьезно, чем вы, похоже, думаете. Видите ли, Камински в свое время работал в нашем банке, так что с него особый спрос. Я не обманываю вас, когда говорю, что он окажется в тюрьме, если раскроет хоть одну сделку либо начнет совать свой нос куда не следует. Его просто запрут в камере, и делу конец. Так что давайте забудем о Камински, раз и навсегда. Если вы хотите оставить его у себя на службе — это исключительно ваше собственное решение. Но остерегайтесь его. Он — болтливый клоун.

Я кивнул и улыбнулся:

— У меня есть определенные причины держать Камински на его нынешнем месте. «Доллар Тайм» переживает большие трудности, и если я найму нового финансового директора, тот может начать копать слишком глубоко. Так что в данный момент лучше не будить спящую собаку. Впрочем, у нас есть более важные вопросы для обсуждения, нежели судьба «Доллар Тайм». Раз вы даете мне слово, что Камински никогда не узнает о моих счетах в вашем банке, я полагаюсь на ваше слово. И никогда больше не подниму этот вопрос.

Сорель кивнул:

— Мне по душе ваша манера вести дела, Джордан. Может быть, в прошлой жизни вы были европейцем, а? — и он улыбнулся мне своей самой обаятельной улыбкой.

— Благодарю вас, — сказал я с легкой иронией. — Для меня это большой комплимент, Жан. И все же я должен задать вам еще несколько важных вопросов, главным образом по поводу той чепухи, которой меня озадачили ваши ребята сегодня утром. Я что — действительно должен предоставить паспорт для открытия счета? По-моему, это перебор, вы не находите, Жан?

Сорель закурил очередную сигарету и сделал очередную глубокую затяжку. Выдыхая дым, он снова одарил меня заговорщицкой улыбкой и сказал:

— Друг мой, поскольку я вас уже немного знаю, то уверен, что вы уже придумали способ обойти это препятствие, не так ли?

Я кивнул, но ничего не сказал.

На какое-то время за нашим столиком повисла тишина. Осознав, что я все же жду от него правдивого ответа, Сорель пожал плечами и заговорил:

— Что ж, ладно. Многое из того, что было сказано в банке, было просто… бредом сивой кобылы? Так у вас говорят? Все это было сказано для Камински, и, кроме того, мы ведь должны хотя бы создавать видимость, что соблюдаем закон? Привязать свое имя к номерному счету для вас равносильно самоубийству. Я никогда бы вам этого не посоветовал. Но думаю, что в вашем случае тем не менее было бы разумно все же открыть счет в нашем банке — один счет, прямо на ваше имя, ни от кого не скрывая. И в этом случае, пожелай ФБР проверить ваши телефонные звонки, у вас имелось бы правдоподобное объяснение, почему вы так часто звоните в наш банк. Как вам известно, закона, запрещающего иметь счет в швейцарском банке, не существует. Все, что вам надо будет сделать, — это перевести нам небольшую сумму — скажем, двести пятьдесят тысяч долларов. Мы могли бы приобрести для вас на эти деньги акции различных европейских компаний — конечно же, только лучших компаний, и это позволило бы вам непрерывно контактировать с нами на совершенно объяснимых основаниях.

«Неплохо! — подумал я. — Похоже, непрерывные поиски правдоподобного алиби — это интернациональная мания, свойственная всем финансовым махинаторам». Я неловко повернулся на стуле, пытаясь снять напряжение с левой ноги, по которой медленно разливался огонь, и небрежно сказал:

— Я понимаю, куда вы клоните, и, возможно, кто-то другой так и поступил бы. Но коли уж вы понимаете, с каким человеком имеете дело, скажу вам откровенно, что звонить в ваш банк из своего дома я не собираюсь. Я скорее слетаю ненадолго в Бразилию, с парой штук крузейро в кармане, и позвоню из автомата в Рио, чем допущу, чтобы ваш номер фигурировал в моих телефонных счетах.

Тем не менее отвечу на ваш вопрос. Я планирую привлечь одного члена своей семьи, только носящего другую фамилию. Это родственница моей жены, и она даже не гражданка США. Она — британка. Завтра утром я вылетаю в Лондон и, думаю, уже послезавтра привезу ее сюда — с паспортом в руке, готовую открыть счет в вашем банке.

Сорель кивнул и сказал:

— Полагаю, вы всецело доверяете этой женщине; если же нет — мы можем предоставить в ваше распоряжение людей, готовых предоставить свои паспорта. Эти люди простодушны и наивны; в большинстве своем —

это фермеры или пастухи с острова Мэн или из других офшорных зон, и на них можно полностью положиться, тем более что доступа к вашему счету у них все равно не будет. Впрочем, я уверен, что вы убеждены в надежности вашей родственницы.

И тем не менее я бы все же предложил вам встретиться с одним человеком. Его зовут Роланд Фрэнкс, и он профессионал в подобных делах, особенно если речь заходит о создании документов. Он может изготовить купчую, бланк регистрации сделки, брокерское подтверждение и прочие бумаги подобного рода — в пределах разумного, конечно. Он из тех, кого мы называем доверительными собственниками. Он поможет вам создать компании, акционерный капитал которых будет оформлен в виде анонимных акций на предъявителя, что в дальнейшем оградит вас от любопытных глаз ваших спецслужб и поможет вам поделить вашу собственность в публичных компаниях на более мелкие паи, чтобы избежать заполнения документов, которые требуются, если вы владеете более чем пятью процентами акций. Он будет просто бесценным помощником для такого человека, как вы, причем во всех сферах вашего бизнеса, как у вас на родине, так и за рубежом.

Интересно. Значит, у них имеется своя собственная интегрированная структура подставных. Как после этого не любить Швейцарию! Итак, Роланд Фрэнкс может подготовить (то есть подделать) документы, обеспечивающие мне возможность правдоподобного алиби.

— Я хотел бы встретиться с этим человеком, — сказал я. — Вы сможете устроить мне эту встречу послезавтра?

Сорель кивнул:

— Я займусь этим. Месье Фрэнкс, кроме того, поможет вам разработать стратегию, которая позволит вам реинвестировать ваш зарубежный капитал, если вы захотите, таким образом, что это не станет, как у вас выражаются, красной тряпкой для быка. То есть для ваших регулирующих органов.

— Например? — я всерьез заинтересовался.

— О, таких способов много. Самый распространенный из них — выдать вам карту «Виза» или «Американ экспресс», которая будет привязана к одному из ваших счетов в банке. При совершении покупки денежные средства будут автоматически списываться с вашего счета. — Сорель улыбнулся и затем добавил: — Если верить Камински, вы активно пользуетесь кредитными картами, так что еще одна такая карта послужит для вас полезным инструментом.

— Карта будет на мое имя или на имя женщины, которую я планирую

привести в банк?

— Она будет на ваше имя. Но я бы посоветовал вам завести в нашем банке карту и для нее тоже. Разумно позволить ей тратить энную сумму каждый месяц… Вы следите за ходом моих мыслей?

Я кивнул. Было совершенно ясно, что, если Патриция станет ежемесячно снимать с карты деньги, это послужит лишним «подтверждением» того, что счет принадлежит именно ей.

Но тут же нарисовалась другая проблема. Если карта будет на мое имя, то ФБР только и останется, что проследить за мной, пока я буду делать покупки, а затем войти в магазин и снять с терминала параметры карты. И песенка моя будет спета. Мне показалось странным, что Сорель советует мне стратегию, в которой я так быстро обнаружил большой изъян. Но я предпочел пока оставить свои сомнения при себе. И вместо этого сказал:

— Несмотря на мою привычку жить на широкую ногу, я все же считаю свои личные траты довольно скромными. А мы с вами, Жан, обсуждаем миллионные сделки. Не думаю, что дебетовая карта — так мы называем эту штучку в США — нам сильно поможет. Нет ли иных способов, которые позволят оперировать с более крупными суммами?

— Конечно, есть. Еще один широко практикуемый способ — заложить дом, причем себе же самому. Другими словами, месье Фрэнкс создаст компанию, выпускающую акции на предъявителя, и затем переведет деньги с одного из ваших швейцарских счетов на счет этой компании. После этого он подготовит залоговые документы, которые вы подпишете и получите деньги. У этого способа есть два плюса. Во-первых, вы сами назначите себе процент, который будет начисляться в любой стране, которую вы выберете для создания своей иностранной компании. В настоящее время мсье Фрэнкс отдает предпочтение Британским Виргинским островам; там очень легко относятся к документам. Ну и конечно, там не придется платить подоходный налог. Второй плюс — особенности налогового законодательства Соединенных Штатов. Ведь в вашей стране платежи по закладной вычитаются из налогооблагаемой суммы.

Я прокрутил все это в голове и вынужден был признать, что придумано очень умно. Однако этот способ показался мне еще более рискованным, чем вариант с дебетовой картой. Если я заложу свой дом, то это будет документально зафиксировано в Олд-Бруквилле, и агентам ФБР останется только съездить туда и затребовать копию акта. А получив ее, они бы сразу увидели, что дом заложен иностранной компании. Вот вам и красная тряпка для быка!

Похоже, это была самая трудная часть игры. Положить деньги на счет в швейцарском банке было легко и обезопасить себя от расследования — тоже. Но перевести деньги назад в США, не оставив письменных следов, на поверку оказывалось очень трудно.

— Кстати, — спросил Жан, — а как зовут женщину, которую вы приведете в банк?

— Ее зовут Патриция; Патриция Меллор.

Сорель опять улыбнулся своей заговорщицкой улыбкой и сказал:

— Красивое имя, друг мой. Неужели женщина с таким именем способна нарушить закон?

Через час мы с Сорелем вышли из гостиничного лифта на четвертом этаже и направились по коридору к номеру Дэнни. Как и в лобби, ковролин в коридоре выглядел потертым, а его палитра угнетала таким же унылым сочетанием цвета желтой собачьей мочи и розовой отрыжки. Зато двери были шикарные и совсем новые, темно-коричневого ореха, и ослепительно сверкали. Любопытное противоречие, подумалось мне. Возможно, именно это и называется «старосветский шарм»?

Когда мы подошли к сверкающей двери номера Дэнни, я сказал:

— Послушайте, Жан, наш Дэн — весельчак и любитель выпить, поэтому не удивляйтесь, если он будет не совсем внятно разговаривать. Когда я уходил от него, он как раз примеривался к скотчу из мини-бара, хотя снотворное, которое он принимал в полете, наверняка еще не полностью улетучилось из его организма. Но что бы он ни мычал, я хочу, чтобы знали: когда он трезвый, он очень умный и сообразительный молодой человек. Его девиз: «Пусть ты отправился на вечеринку мальчишкой, но проснуться ты должен мужчиной». Вы понимаете, о чем я, Жан?

Сорель широко улыбнулся:

— Ну, конечно же, понимаю. Я могу только уважать мужчину, который придерживается подобной жизненной философии. Так поступают и многие европейцы. И я буду последним, кто осудит кого-либо за пристрастие к плотским наслаждениям.

Я повернул ключ в замочной скважине и открыл дверь. Дэнни лежал навзничь на полу, вытянувшись и совершенно без одежды — если, конечно, не считать одеждой голых швейцарских проституток. Их было по меньшей мере четыре. Одна сидела у него на лице, спиной к нам, заткнув ему нос своим упругим маленьким задком; вторая восседала у него на чреслах, двигаясь вверх-вниз и присосавшись в неистовом поцелуе к губам девицы, сидевшей на лице Дэнни. Третья шлюха, распластавшись, держала

его за лодыжки, а четвертая прижимала к полу руки Дэнни. На двоих мужчин, вошедших в номер, они не обратили никакого внимания, продолжая заниматься своим делом как ни в чем не бывало. Да и с чего бы вдруг им смущаться и прерывать свое занятие? Дело привычное.

Я повернулся к Жану, чтобы оценить его реакцию. Склонив голову набок и почесывая подбородок правой рукой, он как будто бы пытался определить по головам или попам, какую роль играла каждая девица в этой грязной сцене. Затем он вдруг прищурил глаза и медленно кивнул своим мыслям.

— Дэнни, мать твою! — прошипел я в голос. — Чем ты тут занимаешься, извращенец!

Дэнни высвободил свою правую руку и спихнул проститутку со своего лица. Приподняв голову, он попытался улыбнуться, но его лицо совершенно застыло. Судя по всему, он умудрился раздобыть где-то кокс.

— У нас сваа… сва… свалка! — промычал он сквозь стиснутые зубы.

— Чего? Черт, я ни слова не могу разобрать из твоего блеяния.

Дэнни глубоко вздохнул, словно собирая последние остатки сил, и отрывисто прохрипел:

— Я… в… с…валке!

— Что ты такое несешь? — опешил я.

На выручку пришел Сорель:

— О, мне кажется, молодой человек думает, что участвует в схватке за мяч, что он регбист, — с этими словами Жан-Жак глубокомысленно кивнул и продолжил: — Регби — очень популярный вид спорта во Франции. Похоже, ваш друг и впрямь играет в регби, правда весьма оригинальным способом. Впрочем, я бы тоже сыграл в такую игру. Идите к себе, Джордан и позвоните жене. А я позабочусь о нашем друге. Давайте проверим, насколько он джентльмен и готов ли он поделиться со своим ближним.

Однако я решил сперва обыскать номер Дэнни. Нашел и спустил в туалет двадцать таблеток кваалюда и три грамма кокса. А затем предоставил Дэнни и Сореля самим себе.

Несколько минут я без сил валялся на кровати, размышляя над безумием своей жизни, и вдруг почувствовал отчаянное желание позвонить Герцогине. Я посмотрел на часы: полдесятого вечера. Я быстро посчитал — в Нью-Йорке полпятого утра. Стоит ли звонить в такой час? Герцогиня любила поспать. Но прежде чем мой разум нашел ответ на этот вопрос, мои пальцы уже набирали номер.

После нескольких гудков я услышал голос жены:

— Алло?

Робко, извиняющимся голосом я заговорил:

— Привет, радость моя, это я. Извини, что звоню так рано, но без тебя мне правда очень тоскливо; я просто хотел сказать тебе, как сильно я тебя люблю.

В ответ я услышал слова сладкие, как мед:

— О, я тоже тебя люблю, малыш, но ты вовсе не рано. Уже середина дня. Ты, наверное, перевел часы не в ту сторону.

— Правда? — переспросил я. — Гм-м… ладно. Я действительно по тебе сильно скучаю. Ты даже не представляешь себе, как.

— Ах, как это сладко звучит, — приторным тоном протянула Герцогиня. — Мы с Ченни так хотели бы, чтобы ты был с нами дома. Когда ты вернешься, любовь моя?

— Как только смогу. Завтра я лечу в Лондон, повидаться с теткой Патрицией.

— Правда? — переспросила Герцогиня, несколько озадаченная. — А зачем тебе, собственно, видеться с теткой Патрицией?

Внезапно я подумал, что не надо бы обсуждать все это по телефону — тем более что я втягиваю любимую тетку моей жены в аферу по отмыванию денег. Но я отбросил эти тревожные мысли и сказал:

— Нет, нет, я не так выразился. У меня кое-какое дело в Лондоне, вот я и решил остановиться у тетки Патриции. Приглашу ее пообедать…

— О, передавай тетушке привет от меня, ладно, милый? — проворковала счастливая Герцогиня.

— Обязательно передам, крошка, — сказал я и добавил после короткой паузы: — Радость моя…

— Что, милый?

— Прости меня за все, — выговорил я с тяжелым вздохом.

— За что, милый? За что ты просишь у меня прощения?

— За все, родная. Ты понимаешь, о чем я говорю. Ты знаешь, я спустил в унитаз весь кваалюд и не принимал его ни разу с тех пор, как вышел из самолета.

— Правда? А как твоя спина?

— Так себе, крошка; она действительно сильно болит. Даже не знаю, как быть. Не знаю, что еще можно предпринять. После последней операции стало только хуже. Теперь она болит весь день напролет и ночью тоже. Я уже ни в чем не уверен. Когда вернусь в Штаты, съезжу к тому доктору во Флориду.

— Все пройдет, любовь моя. Вот увидишь. Ты знаешь, как сильно я

тебя люблю?

— Да, — соврал я. — Знаю. А я люблю тебя в два раза сильнее. Вот увидишь, каким примерным мужем я буду, когда вернусь домой.

— Ты и так хороший. А теперь иди спать, малыш, и возвращайся домой живым и здоровым, как только сможешь, хорошо?

— Да, милая. Я люблю тебя сильно-сильно! — я повесил трубку, снова лег на кровать и стал большим пальцем растирать внутреннюю сторону левой ноги, пытаясь определить место, из которого растекается боль. Но найти его я не смог. Боль возникала словно из ниоткуда, но она была везде. Она блуждала по всему моему телу. Я глубоко вздохнул и попытался расслабиться и не думать о боли.

Даже не сознавая этого, я начал молиться про себя: пусть ясное голубое небо внезапно разразится вспышкой молнии и убьет псину моей жены. Нога не проходила, но джетлаг в конце концов взял верх над болью, и я заснул.

Глава 15

Моя исповедь

Аэропорт Хитроу! Лондон! Это был один из любимейших моих городов во всем мире, невзирая на погоду, еду и сервис: погода была худшей в Европе, еда была худшей в Европе, и сервис тоже был худшим в Европе. Тем не менее британцев было за что любить или если уж не любить, то хотя бы уважать. Ведь не всякой стране величиной со штат Огайо и несколькими миллиардами фунтов грязного зольного угля вместо сырьевых ресурсов удается доминировать на планете больше двух столетий.

А как было не восхищаться поразительной способностью отдельных избранных британцев увековечить самое продолжительное в истории человечества мошенничество, а именно — королевскую власть! Это было самое выдающееся жульничество на все времена, и королевские особы Британии были в нем настоящие мастера. Просто уму непостижимо, как тридцать миллионов трудящихся могут поклоняться горстке посредственностей и внимать каждому их слову и жесту в благоговейном страхе и изумлении. А еще более непостижимо, что эти тридцать миллионов разъезжают по миру, гордо именуя себя «королевскими подданными».

Впрочем, на самом деле мне все это было по барабану. Для меня имело значение только то, что тетка Патриция родилась в самом сердце достославных Британских островов. И для меня она была самым ценным природным богатством Великой Британии. Совсем скоро мне предстояло увидеть ее снова, стоило только пройти таможню.

Когда только шасси шестиместного «Лирджета-55» коснулись бетона Хитроу, я сказал Дэнни — достаточно громко для того, чтобы быть услышанным в реве двух реактивных двигателей «Пратт-энд-Уитни»:

— Я — человек суеверный, Дэнни, поэтому я хочу закончить этот полет теми же словами, с которых он начался: «Ты реально — конченый недоумок!»

Дэнни пожал плечами и сказал:

— Из твоих уст это звучит как комплимент. Ты все еще злишься на меня за то, что я припрятал несколько таблеток кваалюда, так ведь?

Я отрицательно помотал головой:

— Я ожидал от тебя подобной подлянки. К тому же твой вид лишь напомнил мне, насколько я сам все же нормальный человек. Могу тебе только спасибо за это сказать.

Дэнни улыбнулся и поднял ладони вверх: мол, сдаюсь!

— Эх, а для чего же еще друзья?

Я парировал с убийственной улыбкой:

— Не увиливай. Надеюсь, сейчас у тебя нет при себе наркоты? На этот раз мне бы хотелось пройти таможню без проблем.

— Нет, я чист — ты же смыл все в туалет, — Дэнни поднял свою правую руку в скаутской клятве. А затем добавил: — Я просто надеюсь, что ты знаешь, что делаешь.

— Знаю, — ответил я как можно более уверенным тоном, хотя в глубине души вовсе не был так твердо в этом убежден. И, признаться честно, был чуток разочарован тем, что Дэнни не заныкал еще немного кваалюда. Левая нога продолжала меня изводить. И пока мой разум пытался склонить меня к воздержанию, желание заглушить боль хотя бы одной таблеткой кваалюда — всего одной! — не оставляло меня ни на минуту. Прошло больше двух суток с того момента, как я последний раз баловал себя колесами, и я мог только предполагать, как классно я бы сейчас улетел.

Глубоко вздохнув, я задвинул мысль о кваалюде на задворки сознания.

— Только помни, что ты обещал мне, — рявкнул я. — Никаких шлюх, пока мы в Англии. Ты должен вести себя как пай-мальчик в присутствии тетки моей жены. Она — дама проницательная и быстро раскусит тебя, какую бы чушь ты ни порол.

— А зачем я вообще должен встречаться с ней? Я доверяю тебе полностью. Ты только скажи ей, что если, не приведи господь, с тобой что-нибудь случится, то она должна будет получать инструкции от меня. А кроме того, я бы не отказался немного пошататься по лондонским улицам. Может, я прогуляюсь по Севил-роу, закажу пару-тройку новых костюмов или обзаведусь чем-нибудь еще в таком роде. А может, даже добреду до вокзала Кингс-Кросс и ознакомлюсь с местными достопримечательностями! — и он подмигнул мне.

Квартал вокруг вокзала Кингс-Кросс был печально известным районом красных фонарей, где за двадцать фунтов стерлингов можно было потешить себя минетом в исполнении беззубой потаскухи, одной ногой уже стоявшей в могиле, и в виде бонуса подцепить герпес.

— Очень смешно, Дэнни. Только помни, что здесь с тобой рядом не будет спасителя Сореля. А может, нанять тебе личную охрану, которая

будет сопровождать тебя по городу? — Это была потрясающая идея, и я всерьез стал ее обдумывать.

Но Дэнни отмахнулся от меня, как от умалишенного.

— Хватит этой чуши про усиленную охрану, — заявил он. — Я буду паинькой, и со мной ничегошеньки не случится. Не беспокойся о своем друге Дэнни! У него, как у кота, целых девять жизней!

Ну что я мог сделать? Он ведь взрослый человек, разве нет? И да и нет. Но париться по этому поводу я не захотел. В тот момент мне больше всего хотелось думать о тетке Патриции. Через пару часов мне предстояло ее увидеть. Она всегда оказывала на меня успокаивающее воздействие. А немного спокойствия дорогого стоило.

— Итак, любовь моя, — сказала тетка Патриция, прогуливаясь под ручку со мной по узкой, затененной деревьями аллее в лондонском Гайд-парке, — когда мы начинаем наше чудесное приключение?

Я тепло улыбнулся Патриции, затем сделал глубокий вдох и выдохнул холодный британский воздух, который в тот момент был гуще горохового супа. На мой взгляд, Гайд-парк очень похож на нью-йоркский Центральный парк — такой же крошечный уголок рая в окружении разрастающегося мегаполиса. Я чувствовал себя здесь как дома. Даже несмотря на туман, солнце к десяти утра стояло достаточно высоко в небе, чтобы придать всему ландшафту эффектную выразительность. Пять сотен акров дивных лужаек, рослых деревьев, аккуратно подстриженных кустарников и ухоженных дорожек для верховой езды — в общем, невероятно живописный вид, достойный быть запечатленным на почтовой открытке. Извилистые пешеходные дорожки сияли сказочной чистотой — ни пылинки, ни соринки! И по одной из них мы с Патрицией как раз и гуляли.

Как всегда, Патриция выглядела прекрасно. Но ее красота была совсем иного свойства, нежели красота шестидесятипятилетней кокетки из журнала «Таун энд Кантри», претендующей на роль эталона в вопросе «красивого старения». Патриция была определенно красивее. Она обладала внутренней красотой, душевной теплотой, которой лучилась каждая пора ее тела и которая резонировала с каждым словом, слетавшим с ее губ. Это была красота завораживающего тихого омута, красота холодного горного воздуха, красота всепрощающего сердца.

При этом ее внешние данные были довольно средними. Она была чуть ниже меня ростом и довольно субтильная. У нее были рыжевато-каштановые волосы до плеч, светло-голубые глаза и изумительно белые

щеки, слегка подернутые паутинкой морщинок — вполне естественная черта для женщины, которая провела большую часть своей юности в бомбоубежище под своей крошечной квартиркой, пережидая нацистский налет. Крошечная щелочка между двумя передними зубами обнажалась всякий раз, когда она улыбалась, а улыбалась тетка Патриция часто — особенно когда мы с ней встречались. В то утро на ней была длинная юбка из шотландки, кремовая блузка с золотистыми пуговицами и жакет — тоже из шотландки, отлично сочетавшийся с юбкой. Ничего кричаще дорогого на вид, но все изысканное и элегантное.

Я сказал Патриции:

— Если это возможно, я бы хотел, чтобы мы отправились в Швейцарию завтра. Но если тебе это неудобно, я задержусь в Лондоне на столько, на сколько ты пожелаешь. У меня в любом случае есть здесь дела. А в Хитроу нас ждет реактивный самолет, который доставит нас в Швейцарию меньше чем за час. Если ты захочешь, мы можем провести там денек вместе, посмотреть город или походить по магазинам. Но еще раз, Патриция, — я сделал паузу и посмотрел ей прямо в глаза. — Пообещай мне, что ты будешь снимать со счета не меньше десяти тысяч фунтов в месяц, договорились?

Патриция остановилась, вынула свою правую руку из моей и приложила ее к сердцу:

— Мальчик мой, я даже не знаю, куда девать такие большие деньги! Все, что нужно, у меня есть. Правда, дорогой мой.

Я снова взял ее руку в свою и повел дальше.

— Наверное, у тебя есть *все, что тебе нужно,* Патриция, но я готов поспорить с тобой, что у тебя есть не все, что тебе *хотелось бы* иметь. Почему бы тебе для начала не купить себе, скажем, машину и позабыть об этих трясучих двухэтажных автобусах? А потом ты могла бы переехать в квартиру большего размера, в которой Коллум и Аннушка не будут мешать тебе высыпаться. Ты только представь, как было бы чудесно заиметь еще две лишние комнаты для твоих внуков!

На мгновение я замолчал, а потом добавил:

— Через несколько недель швейцарский банк выдаст тебе карту «Американ экспресс». Ты сможешь оплачивать ею все свои расходы. И ты сможешь пользоваться ею так часто, как только захочешь, и тратить столько, сколько захочешь, и тебе никогда не выставят счет.

— А кто будет оплачивать этот счет? — спросила Патриция смущенно.

— Банк. И — как я уже говорил — карта будет безлимитной. И каждый фунт, который ты потратишь, украсит мое лицо улыбкой.

Патриция улыбнулась, и какое-то время мы шли молча. Но это молчание было мне не в тягость. Так молчат два человека, которым так хорошо рядом, что им необязательно разговаривать. На меня общество этой женщины действовало чрезвычайно умиротворяюще.

Даже моя левая нога теперь болела меньше. Но Патриция вряд ли была причастна к этому. Похоже, боль уменьшала любая активность — ходьба пешком, игра в теннис, поднимание тяжестей и даже махание клюшкой в гольф-клубе, что лично мне казалось довольно странным (ведь взмахи и наклоны напрягают спину). Но стоило мне только остановиться, как боль возобновлялась. И когда мою ногу охватывал огонь, поделать с ним уже ничего было нельзя.

А затем Патриция сказала: «Давай присядем, мой дорогой». И подвела меня к небольшой деревянной скамейке, чуть в стороне от пешеходной дорожки. Подойдя к ней, мы расцепили руки, и Патриция села рядом со мной.

— Я люблю тебя, как сына, Джордан, и я делаю это только для того, чтобы тебе помочь — а вовсе не ради денег. Когда ты станешь постарше, ты поймешь одну вещь: от денег больше проблем, чем пользы, — и Патриция пожала плечами. — Не пойми меня превратно, мой дорогой. Я вовсе не старая дура, выжившая из ума и живущая в каком-то сказочном мире, где деньги ничего не значат. Нет, я знаю им цену. Я пережила разруху Второй мировой войны, и я знаю не понаслышке, что это такое — не знать, будет ли у тебя еда. Мы, те, кто помнит то время, не уверены ни в чем. Нацистские бомбардировщики превратили тогда пол-Лондона в черепки и осколки, и мы не знали, что будет дальше. Но мы жили надеждой и чувством долга — мы должны были возродить нашу страну. Именно тогда я встретила Тедди. Он служил в ВВС, он был летчиком-испытателем. Он и вправду был очень лихой. И одним из первых сел на «Харриер» — первый самолет с вертикальным взлетом. У него даже прозвище было — Летающая Тумба, — Патриция грустно улыбнулась.

Я облокотился на спинку скамейки и с нежностью положил свою руку ей на плечо.

Более бодрым тоном Патриция продолжила:

— В общем, я хочу сказать только, что Тедди был из тех людей, кто руководствуется чувством долга. Быть может, даже сверх меры. И в конце концов это чувство одолело его. Чем выше он поднимался, тем труднее ему становилось найти свое место в жизни. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Я медленно кивнул. Сравнение было не слишком удачным, но я понял, что Патриция ведет речь о том, как опасна погоня за тем, что общественное

мнение считает успехом. Они с Тедди давно были в разводе.

Патриция продолжала:

— Иногда я спрашиваю себя, не позволишь ли ты деньгам взять верх над собой. Я знаю, мой дорогой, что ты используешь деньги для контроля над людьми, и в этом нет ничего плохого. Так устроен мир, и ты не становишься хуже от того, что пытаешься заставить вещи служить тебе на пользу. Но я боюсь, что ты позволишь деньгам контролировать и себя самого. А это уже неправильно. Деньги — это инструмент, мой мальчик, а не строительный материал. Они могут помочь тебе завести знакомства, но не приведут к тебе настоящих друзей. И ты сможешь купить за деньги праздность, но не спокойствие и мир в душе. Конечно, ты понимаешь, что я тебя не осуждаю. Это последнее, что я стала бы делать. Совершенных людей нет; каждый из нас одержим своими демонами. Богу ведомо, сколько их у меня самой.

Но вернемся к делу, которое ты завариваешь. Я хочу, чтобы ты знал: я обеими руками «за»! Все это меня ужасно интригует. Я чувствую себя персонажем Яна Флеминга. Весь этот международный финансовый бизнес просто пропитан авантюрным духом. А когда ты дорастешь до моего возраста, ты поймешь, что авантюры только молодят человека.

Я улыбнулся и позволил себе легкий смешок.

— Догадываюсь, Патриция. Что до авантюрности, то повторюсь: всегда существует пусть и малая, но вероятность того, что может возникнуть какая-нибудь проблема. И авантюра может оказаться *чуть более* авантюрной, чем мог бы вообразить себе старина Флеминг. И будет это не в романе, а в реальной жизни. Однажды Скотланд-Ярд постучится в твою дверь с ордером на обыск.

Я посмотрел ей прямо в глаза и сказал предельно серьезным тоном:

— Но я клянусь тебе, Патриция: если до этого когда-либо дойдет, я окажусь рядом в две секунды и заявлю, что ты даже понятия не имела, что за всем этим скрывается. Скажу, что упросил тебя пойти в банк и предъявить им свой паспорт и убедил тебя, что ничего дурного в этом нет.

Когда я произносил те слова, я был уверен, что это — правда. Да ни один юрист никогда бы и не поверил, что эта достойная пожилая дама могла бы принимать участие в международной афере по отмыванию денег. Это казалось просто немыслимым.

Патриция улыбнулась:

— Я знаю это, мой дорогой. Тем более, будет возможность немного побаловать моих внучат. Тогда, быть может, они даже почувствуют, что обязаны навестить бабушку, раз уж она сидит в тюрьме, куда полицейские

увезли ее. Подумать только, их бабушка — мошенница международного класса, забавно, не правда ли, мой дорогой? — и на этих словах Патриция залилась сиплым смехом.

Я засмеялся вместе с ней, но внутри у меня все похолодело. Есть вещи, с которыми шутить просто нельзя; иначе накликаешь беду. Это все равно что плевать в лицо госпоже Удаче. Если заниматься этим достаточно долго, то она в конечном итоге плюнет в ответ. И этот плевок размажет тебя по стенке.

Но откуда это было знать тетке Патриции? За всю свою жизнь она ни разу не нарушала закон — пока не повстречала Волка с Уолл-стрит! Неужели я в самом деле такой ужасный человек, что готов был развратить шестидесятипятилетнюю бабулю ради правдоподобного алиби?

Ладно, у каждой палки два конца, у любых весов две чаши. И на одной чаше покоились все очевидные минусы этой затеи: я ввожу в соблазн даму преклонного возраста; я приобщаю ее к образу жизни, который ей совершенно чужд; я заставляю ее рисковать репутацией и даже свободой; и, возможно, я подвергаю риску и ее здоровье — как бы она не заработала инсульт или какое-нибудь нервное расстройство, если дела пойдут скверно.

Но на другой чаше весов — обеспеченная жизнь! Пусть Патриция не нуждалась в богатстве и никогда не искала его — это же вовсе не значит, что богатство не пойдет ей на пользу! Пойдет, и еще как! Имея лишние средства, она смогла бы провести осень своей жизни в роскоши. И если бы она, не дай бог, заболела, то смогла бы получать лучшую медицинскую помощь и лечиться у самых дорогих врачей. Я нисколько не сомневался в том, что вся эта британская эгалитарная утопия социальной медицины была полной чушью, бредом сивой кобылы. У них наверняка есть *особое* медицинское обслуживание для тех, у кого завалялась в кармане пара лишних миллионов фунтов. Ну и кроме того, англичане, быть может, и не такие алчные засранцы, как американцы, но и коммунистами их тоже не назовешь. А социальная медицина — настоящая социальная медицина — это же, как всем известно, выдумка «красных».

Были и другие плюсы, и все они вместе явно склоняли чаши весов в пользу того, чтобы очаровательная тетушка Патриция вступила в ряды подпольной армии международных банковских мошенников. Сама же Патриция утверждала, что одно только волнительное чувство принадлежности к кругу искушенных подставных заменит ей любой эликсир молодости на несколько ближайших лет! До чего же это была приятная мысль! Да и, собственно говоря, каковы были шансы угодить в

беду? Почти нулевые, думал я. А то и меньше.

Но тут Патриция сказала:

— У тебя есть замечательный дар, мой дорогой; ты способен одновременно вести две разные беседы. Одну — с внешним миром, в данном случае со мной, твоей любимой тетушкой Патрицией. И другую — с самим собой. В этом другом разговоре ты слышишь только себя и отвечаешь самому себе.

Я засмеялся. А потом откинулся назад и уперся руками в скамейку, словно пытался передать ей все свои тревоги.

— От тебя ничего не скроешь, Патриция. С того первого дня нашего знакомства, когда я чуть не утонул в унитазе, я всегда чувствовал, что ты понимаешь меня лучше всех. Возможно, даже лучше, чем я сам… хотя вряд ли. Во всяком случае, я копаюсь в себе сколько себя помню — с самого детства, может, даже с детского сада. Помню, сижу я в классе, смотрю на всех остальных ребят и недоумеваю, почему они не понимают. Училка задала вопрос, а я уже знаю ответ еще до того, как она успела договорить.

Я сделал паузу и посмотрел Патриции прямо в глаза:

— Пожалуйста, не думай, что я такой самонадеянный. Мне совсем не хотелось бы этого. Я только пытаюсь быть искренним с тобой, чтобы ты меня до конца понимала. Хотя я правда с самого детства всегда на голову опережал всех своих сверстников. И чем старше я становился, тем сильнее от них отрывался.

И с самого детства у меня в голове идет этот странный внутренний монолог, который ни на секунду не прерывается, пока я не засну. Уверен, что каждый человек ведет про себя такой же монолог. Только мой монолог какой-то особенно громкий. И я никак не могу оставить себя в покое. Я постоянно извожу себя вопросами.

Проблема в том, что мой мозг работает, как компьютер. Ты задаешь вопрос — и он запрограммирован как-то отреагировать независимо от того, есть ответ или нет. Я постоянно все взвешиваю в уме и пытаюсь предугадать, как я своими действиями могу повлиять на ход событий. Нет, манипулировать событиями — так, наверное, будет точнее. Это похоже на игру в шахматы с самим собой. А я ведь ненавижу эти долбаные шахматы!

Я вглядывался в лицо Патриции, ища реакции. И видел я только одно — теплую улыбку. Я ждал ее ответа, а она хранила молчание. Но даже в самом ее молчании явственно звучали слова: говори дальше!

— Когда мне было семь или восемь лет, у меня начались жуткие приступы паники. Они и сейчас у меня случаются, только теперь я

принимаю ксанакс, чтобы подавить их. Даже мысли о таком приступе мне достаточно, чтобы я впал в панику. Они, эти приступы, причиняют ужасное страдание, Патриция. Они изматывают тебя, подрывают все силы. Сердце будто хочет выпрыгнуть из твоей груди; каждое мгновение твоей жизни — как будто целая вечность; полная противоположность безмятежности и умиротворенности. Думаю, что в нашу первую встречу я был примерно в таком состоянии, хотя тот приступ был вызван парой граммов кокса, так что его можно не считать. Припоминаешь?

Патриция кивнула и ласково улыбнулась. В ее глазах не было ни тени осуждения.

Я продолжил:

— Ладно, это отдельный разговор. Так вот, мне никогда не удавалось остановить лихорадочную работу моего мозга. В юности я страдал бессонницей. Я и сейчас плохо сплю. Сейчас даже хуже. Но тогда я то и дело вставал ночью, прислушивался к дыханию брата и смотрел, как он спит сном младенца. Я рос в крошечной квартирке, у нас с братом была одна комнатка на двоих. Я любил его больше, чем ты себе можешь представить. Я храню много добрых воспоминаний о нем. Но сейчас мы даже не разговариваем. Еще одна жертва моего так называемого успеха. Но это тоже отдельная история.

Так вот, я стал бояться ночи… на самом деле, испытывал настоящий ужас. Потому что знал, что не смогу заснуть. Я всю ночь ворочался, смотрел на будильник, стоявший у моей кровати, умножал минуты на часы — и мне казалось, будто мой мозг сам заставляет меня решать бесконечные повторяющиеся задачи. В шесть лет я мог перемножить в уме четырехзначные числа быстрее, чем обычный взрослый делает это на калькуляторе.

Я не шучу, Патриция. Я и сейчас такое могу. А мои приятели еще даже не умели читать! Впрочем, это было слабым утешением. Я рыдал, как младенец, когда подходило время ложиться спать. Вот до чего я боялся своих панических приступов. Отец даже приходил в детскую, ложился со мной и пытался успокоить меня. И мать тоже. Но обоим надо было утром на работу, и они не могли находиться рядом со мною всю ночь. Так что в конце концов я оставался один, наедине со своими мыслями.

С годами панический страх, связанный с нарушениями сна, поутих, но так до конца и не прошел. Он все равно накатывает на меня каждый раз, когда голова опускается на подушку — в виде упорной бессонницы, ужасной, ужасной бессонницы.

Всю жизнь, Патриция, я пытаюсь заполнить яму, которую, похоже,

заполнить не могу. И чем настойчивей я пытаюсь, тем больше она становится. Я трачу больше времени, чем…

Слова сыпались с моего языка, словно я сплевывал яд, разъедавший на части мои органы. Быть может, я пытался в тот день спасти свою жизнь — или хотя бы свой рассудок. Оглядываясь назад, я понимаю, что сами обстоятельства располагали к тому, чтобы излить душу, особенно душу такого человека, как я. Ведь на крошечном острове под названием Великобритания не было ни Волка с Уолл-стрит, ни «Стрэттон Окмонт» — они остались за океаном. А здесь был только Джордан Белфорт — напуганный маленький мальчик, который однажды прыгнул выше головы, и теперь его личный успех быстро превращался в орудие саморазрушения. Единственный вопрос, который меня по-настоящему интересовал, был следующим: что случится раньше — я загоню себя в гроб моим образом жизни или ФБР схватит меня, прежде чем я использую этот шанс?

Стоило Патриции вызвать меня на разговор, и остановиться я уже не мог. Каждый человек, наверное, испытывает неодолимое желание исповедаться в своих грехах. На этом желании основаны все религии. И многие царства были завоеваны ради обещанного отпущения грехов.

Вот и я исповедовался два часа кряду. Я отчаянно пытался избавиться от горькой желчи, которая разрушала мое тело и мой дух и побуждала меня совершать неправильные поступки и предпринимать действия, которые — я это знал — должны были неминуемо привести меня к самоуничтожению.

Я рассказал Патриции всю историю своей жизни — начиная с неудовлетворенности, которую я испытывал, когда рос в бедности. Я рассказал ей об умопомешательстве отца и о том, как я обижался и негодовал на свою мать за то, что она не могла защитить меня от его неистовой вспыльчивости. Я признался Патриции, что на самом деле понимал: мать делает все, что может. Но почему-то продолжал смотреть на все эти эпизоды глазами ребенка, а значит, так до конца и не простил ее. Я рассказал Патриции о сэре Максе и о том, что он все время был рядом со мной во время панических атак и что это тоже усугубило мою обиду на мать за то, что, в отличие от него, она не всегда была рядом.

И я признался Патриции в том, что до сих пор, невзирая на все это, любил свою мать и очень уважал ее, хотя она год за годом выносила мне мозг на предмет того, что единственный способ разбогатеть — это стать врачом. Я рассказал Патриции, как взбунтовался против этого, начав из чувства протеста курить травку уже в шестом классе.

Я рассказал ей, как проспал экзамен, потому что накануне перебрал наркоты, и в результате оказался не в медицинском институте, а на курсах

зубных техников. Я рассказал Патриции о своем первом дне на этих курсах и о выступлении их директора перед новичками. В приветственной речи он объяснил нам, что золотой век протезирования давно позади и что если мы хотим стать дантистами только ради денег, то нам лучше не тратить время и силы, а сразу уйти. И я так и сделал — прямо у всех на глазах встал и вышел и больше туда не возвращался.

А потом я рассказал Патриции, как этот уход в конце концов привел к тому, что я начал заниматься торговлей мясом и морепродуктами, а это, в свою очередь, привело к знакомству с Дениз. Когда я дошел до этого момента, мои глаза наполнились слезами, но я продолжал:

— …И когда я потерял все свои деньги, то я думал, что Дениз меня бросит. Она так молода и так красива, а я оказался неудачником. Я никогда не доверял женщинам, Патриция, что бы ни думала ты или кто другой. Начав зарабатывать бабки на мясе, я думал, что это все изменит. Потом, когда я встретил Дениз, я стал думать, что она полюбила меня за мою тачку. У меня тогда был маленький красный «порш» — реально круто для двадцатилетнего юнца из бедной семьи.

Говорю тебе — впервые увидев Дениз, я совершенно потерял голову. Она была словно волшебное видение. Просто великолепна! Мое сердце буквально замерло, Патриция. Я приехал в тот день на своем грузовичке, чтобы попытаться продать что-нибудь владельцу парикмахерской, в которой работала Дениз. Я ходил за ней по пятам по всему салону и раз сто попросил у нее номер телефона, но она не дала. Тогда я помчался домой, влез в свой «порш», снова подъехал к парикмахерской и стал поджидать Дениз на улице, чтобы она увидела мою тачку, когда выйдет!

На этих словах я смущенно улыбнулся Патриции:

— Можешь себе такое представить? Какой уверенный в себе мужчина будет так чудить? Каким идиотом я все же был тогда! А самое смешное то, что с той поры, как я основал «Стрэттон», каждый юнец в Америке думает, что уже по праву рождения может претендовать на «феррари» в двадцать один год! — я укоризненно покачал головой и закатил глаза.

Патриция улыбнулась и сказала:

— Я подозреваю, мой дорогой, что ты — не первый мужчина на свете, который, увидев красивую девушку, тут же решает, что надо непременно показать ей свою красную машинку. Подозреваю, что и не последний. Посмотри, вот эта разбитая копытами дорожка называется Роттен-роу. Тут молодые люди меряются своими породистыми лошадьми в надежде, что какая-нибудь прелестная молодая леди однажды клюнет на эту наживку. Так что не ты придумал эту игру, мой дорогой!

Я засмеялся:

— Ладно, согласен. И все же я до сих пор чувствую себя немного дураком. Ну, а продолжение той истории ты знаешь. Ужасно было, что, когда я бросил Дениз ради Надин, газеты устроили невероятную шумиху. Какой кошмар, должно быть, пришлось пережить Дениз! Двадцатипятилетняя жена брошена ради юной горячей модели. А газеты еще выставили ее стареющей светской львицей, растерявшей всю свою сексуальную привлекательность!

Ужасно, правда? Но такое случается сплошь да рядом на Уолл-стрит: большинство разбогатевших мужей норовят избавиться от своих первых жен. Так устроена Уолл-стрит, и не я, как ты выражаешься, «придумал эту игру». Но с тех пор все в моей жизни начало ускоряться. Я словно проскочил свой третий и четвертый десяток и оказался сразу в пятом.

Ведь именно к этому возрасту в жизни мужчины уже произошли все события, в которых был выкован его характер, правда? Всякие там трудности, Патриция, через которые каждый мужчина вроде бы должен пройти, чтобы понять, что это значит — быть настоящим мужчиной… А я никогда и не сталкивался ни с какими трудностями. Я просто подросток в теле взрослого мужчины. Бог наградил меня способностями, я с ними родился, но мне всегда недоставало эмоциональной зрелости, чтобы правильно ими пользоваться.

Бог дал мне половину дара — способность управлять людьми и понимать некоторые вещи так, как другие люди их понимать не в состоянии. Но Он не наградил второй половиной — скромностью и терпением, чтобы правильно распоряжаться своими талантами.

И вот, люди тыкали пальцем в Дениз и шептались за ее спиной: «Смотри, это старая жена Джордана Белфорта, которую он бросил ради девчонки из рекламы „Миллер Лайт“». Я знаю, Патриция, меня бы следовало выдрать ремнем за то, что я сделал с Дениз. И не важно, что «на Уолл-стрит все так делают». Я — мерзавец, я сделал непростительную вещь. Я бросил добрую, красивую женщину, которая была со мной и в радости, и в печали, она ни разу не предала меня, невзирая ни на какие трудности, она крепко связала со мной свое будущее. А когда я, наконец, разбогател, я предал ее. За одно это мне вечно гореть в аду, Патриция. Ничего другого я не заслужил.

Я глубоко вздохнул:

— Ты себе представить не можешь, как усердно я искал оправдания тому, что я сделал, как пытался свалить часть вины на саму Дениз. Но у меня не выходило. Некоторые вещи неверны, неправильны по самой своей

сути, и ты можешь рассматривать их под каким угодно углом, но они от этого не станут правильными. И я неизменно выносил себе один и тот же приговор: я — мерзкий негодяй, который бросил свою первую, свою верную жену ради более длинных ножек и чуть более смазливой мордашки.

Послушай, Патриция, я понимаю, тебе, быть может, нелегко сохранять в данном случае беспристрастность, но я подозреваю, что женщина с таким характером, как у тебя, сможет судить о вещах так, как о них и следует судить. Все дело в том, что я никогда не смогу доверять Надин так, как доверял Дениз. Да и никто вообще никогда больше не сможет завоевать мое доверие. Возможно, лет через сорок, когда мы постареем и поседеем, тогда, быть может, я начну доверять ей. А сейчас не рискну.

— Я полностью согласна с тобой, — сказала на это Патриция. — Слепо доверять женщине, которую ты встретил при подобных обстоятельствах, не стоит. Но и смысла мучить себя тоже нет. Так ты можешь провести всю жизнь, изучая Надин прищуренным глазом и изводя себя вопросом «А что если…?» И в конце концов сам накликаешь беду. Когда все сказано и сделано, то бумеранг, который мы бросили в пространство, частенько возвращается к нам. Это закон Вселенной, мой дорогой.

А с другой стороны, знаешь, как говорят: чтобы доверять кому-то, нужно доверять себе. Ты себе-то доверяешь, мой мальчик?

Ох, вот это вопрос! Я загрузил его в свой ментальный компьютер, и ответ, который он выдал, мне совершенно не понравился. Чтобы немного продлить паузу, я поднялся со скамейки и сказал:

— Я должен встать, Патриция. Моя левая нога просто в гроб меня загонит, если я так долго буду сидеть. Может, прогуляемся еще немного? Давай двинемся в сторону отеля. И еще я хочу увидеть Уголок ораторов. Может быть, там кто-нибудь как раз стоит и громко критикует премьер-министра!

— Давай пойдем, мой дорогой, — согласилась Патриция.

Она тоже поднялась со скамейки и взяла меня под руку. Мы пошли по дорожке в направлении отеля. Деловитым тоном Патриция сказала:

— Прежде чем мы станем слушать, что там вещают ораторы, ты должен ответить мне на последний вопрос, хорошо, мой дорогой?

— Ладно, Патриция, ладно! Я знаю, на какой вопрос ты хочешь услышать ответ! Так вот, изволь, отвечаю: я — гнусный лгун и мошенник, и мне переспать с проституткой — раз плюнуть, особенно если я под кайфом, а под кайфом я почти все время. Но даже когда я не торчу, я все равно обманщик и плут. Вот так! Теперь ты все знаешь! Ты довольна?

Патриция только рассмеялась в ответ на мою маленькую вспышку, а потом не на шутку напугала меня, сказав:

— Ах, мой дорогой, да все знают о проститутках, даже твоя теща — моя сестра. Об этом уже легенды ходят. Но, думаю, Надин решила жить по принципу «нет добра без худа». На самом же деле я хотела спросить тебя совершенно о другом: была ли у тебя когда-нибудь *серьезная* связь с другой женщиной? С женщиной, к которой ты испытывал *настоящее* чувство?

— Нет, конечно же, нет! — выпалил я с облегчением. А затем, уже с меньшей уверенностью, начал копаться в памяти, чтобы убедиться, что говорю правду. Неужели я никогда не изменял Надин? Да нет, вроде бы действительно не изменял. Во всяком случае, в том смысле слова, какой вкладывает в него Патриция. Ай да тетушка! Какой же все-таки она славный человек!

И все же эту тему я бы предпочел побыстрее замять. Поэтому я снова стал жаловаться на свою спину… на то, как эта хроническая боль доводит меня до безумия. Я рассказал Патриции об операциях, после которых мне стало только хуже… и объяснил ей, почему я принимал болеутоляющие, любые болеутоляющие — от викодина до морфина, и как все они вызывали у меня тошноту и вгоняли в депрессию… А чтобы избавиться от тошноты и депрессии, я принимал прозак… А от него у меня дико начинает болеть голова, поэтому я принимал еще и адвил, а от него, в свою очередь, страшно болит желудок, и поэтому приходилось принимать еще и зантак, но он плохо влияет на печень… Так что я вынужден был глотать еще и салаген, не говоря уже об экстракте коры йохимбе… Но в конце концов я отказался от всего этого, потому что, объяснял я Патриции, единственное средство, которое мне помогает, — это кваалюд. Так, по крайней мере, мне кажется.

Мы как раз подходили к Уголку ораторов, когда я сказал с печалью в голосе:

— Боюсь, я уже крепко подсел на наркотики, Патриция, и даже если бы моя спина не болела, я все равно продолжал бы их принимать. У меня уже случаются провалы в памяти, и я совершаю поступки, которых потом не помню. Это ужасно, Патриция. Как будто бы часть твоей жизни просто куда-то улетучивается — фьюить! — и навсегда исчезла. Я только что спустил все свои запасы кваалюда в унитаз, но сейчас мне до смерти хочется принять хоть еще одну таблеточку. И я собираюсь попросить свою помощницу в Нью-Йорке, чтобы она купила моему водителю билет на «Конкорд», чтобы он срочно доставил сюда хотя бы несколько таблеток

кваалюда. Билет на «Конкорд» туда и обратно обойдется мне примерно в двадцать штук баксов. Двадцать штук за двадцать колес! И все-таки я подумываю об этом.

Что мне сказать тебе, Патриция? Я — наркоман. Я никогда и никому не признавался в этом раньше. Но я знаю, что это так. И все в моем окружении, включая мою жену, знают, но боятся сказать мне. Так или иначе все они зависят от меня. И потому они молчат и не перечат мне.

Вот такая история. Не слишком-то радужная картина, правда? Я проживаю самую бессмысленную жизнь на планете. Я — успешный неудачник. Мне тридцать один, а чувствую я себя, как будто мне все шестьдесят. И сколько еще я протяну на этой грешной земле, одному богу ведомо. Но я люблю свою жену. А к своей маленькой дочке испытываю такие чувства, на которые вообще не думал что способен. И она удерживает меня в мире. Только Чэндлер. Она для меня — все. Но я поклялся, что завяжу с наркотой, когда она родилась, — и что? Я не могу обходиться без кайфа, во всяком случае более или менее продолжительное время.

Интересно, что Чэндлер подумает, когда узнает, что ее папочка — наркоман? Интересно, что она подумает, когда вырастет и прочитает все эти статейки о похождениях ее папочки со шлюхами? Я страшусь этого дня, Патриция, честно, страшусь. А в том, что такой день придет, я не сомневаюсь. Все это очень печально, Патриция. Очень, очень печально…

На этой ноте я закончил. Я рассказал о себе все, вывернул себя наизнанку, как никогда раньше не выворачивал. Стало ли мне легче от этого? Увы, нет. Я чувствовал себя так же, как раньше. И моя левая нога все так же гудела, несмотря на то, что я уже давно не сидел.

Я ждал в ответ каких-нибудь мудрых слов, но Патриция молчала. Похоже, духовникам и правда иногда лучше помолчать. Все, что она сделала, это крепче сжала мой локоть и чуть сильнее прижала меня к себе, давая понять, что она все равно любит меня и всегда будет любить.

В Уголке ораторов никто не выступал. Большинство выступлений, пояснила Патриция, проходят по выходным. Но это было даже к лучшему. В ту среду и без того много слов было сказано в Гайд-парке. И на короткое время Волк с Уолл-стрит вновь стал простым Джорданом Белфортом.

Но лишь на короткое. Впереди уже виднелся отель «Дорчестер», возносивший свои девять этажей над оживленными лондонскими улицами.

И единственное, о чем я мог думать, так это о том, как скоро «Конкорд» вылетит из Штатов и как быстро он доберется до Британии.

Глава 16

Рецидив

Я делаю лимон баксов в неделю. Среднестатистический американец получает штуку баксов в неделю. Значит, если я потрачу на что-нибудь двадцать штук, то это будет то же самое, как если бы простой американец потратил двадцать баксов, верно?

Эта чудесная мысль пришла мне в голову час спустя, когда я уже сидел в президентском люксе отеля «Дорчестер». И она была настолько убедительной, что я тут же набрал номер Джанет и, как только она сняла трубку, выпалил:

— Я хочу, чтобы ты немедленно отправила Джорджа к Алану Химику; пусть возьмет для меня двадцать колес кваалюда. А затем посади его вместе с колесами на ближайший «Конкорд», лады?

Только после этих слов до меня дошло, что Восточное побережье на пять часов отстает от Лондона, то есть у Джанет только четыре утра.

Но мое чувство вины скоро улетучилось. Ведь я позволил себе такое в первый раз (хоть и подозревал, что не в последний). Ну и фиг с ней; я же плачу ей в пять раз больше средней по рынку ставки личного помощника. И разве я не купил этим право разбудить ее пораньше — причем со всей любовью и нежностью, словно я ее отец, которого у нее никогда не было? (Еще одна чудесная мысль!)

По-видимому, купил: не выказав ни малейшего недовольства, Джанет была готова выполнить любую мою просьбу:

— Нет проблем! Я почти уверена, что следующий «Конкорд» вылетает завтра рано утром. Джордж полетит на нем. Но мне не нужно посылать его к Алану. У меня тут, дома, есть заначка для вас, на всякий пожарный. — Джанет на секунду замолчала, а потом поинтересовалась: — А вы откуда мне звоните, из гостиничного номера?

Прежде чем ответить «да», я успел подумать: этот тип звонит ей среди ночи и просит при помощи сверхзвукового самолета удовлетворить его тягу к наркотикам и явную склонность к саморазрушению, а она и бровью не ведет! Что же она обо мне думает? Мысль была тревожная, но я решил не зацикливаться на ней и ответил Джанет:

— Да, я в номере. А откуда я еще могу тебе звонить, дура ты этакая? Из красной телефонной будки на Пикадилли-серкус?!

— Да пошли бы вы! — огрызнулась наконец Джанет. — Я просто поинтересовалась!

Затем она несколько сбавила обороты и с надеждой в голосе спросила:

— Вам этот номер нравится больше, чем тот, в Швейцарии?

— Да уж, он намного уютней, радость моя. Не совсем в моем вкусе, но зато новый и красивый. Ты не ошиблась с выбором!

Я сделал паузу в ожидании ответа, но не услышал его. Господи! Она явно ждала, что я подробно опишу номер, — вот уж нашла интересное! Какая же она все-таки зануда! Я улыбнулся в трубку и сказал:

— Говорю тебе, номер действительно хороший. По словам портье, это «традиционный британский стиль» — вот только что под этим подразумевается? Но спальня и в самом деле прекрасная, особенно кровать. У нее огромный полог и повсюду голубые драпировки. Похоже, англичане неравнодушны к голубому. Как и к подушкам, кстати, — кажется, их здесь примерно тысяча.

Ну и вообще номер напичкан всякой английской дребеденью. Один громоздкий обеденный стол чего стоит — с люстрой чистого серебра, которая над ним болтается. Да, а номер Дэнни прямо напротив моих апартаментов, но Дэнни там нет — он сейчас шляется где-то по городу.

Ну вот вроде бы и все. Больше мне тебе сообщить нечего. Разве что подробно описать мое точное местонахождение. Уверен, тебе это тоже чрезвычайно интересно. Так вот, рассказываю, не дожидаясь наводящих вопросов. Стою на балконе своего номера, смотрю на Гайд-парк и разговариваю с тобой. Детали не видны, слишком сильный туман. Теперь достаточно?

— Угу, — только и ответила Джанет.

— Кстати, какова стоимость номера? Я не посмотрел, когда регистрировался.

— Девять тысяч фунтов за сутки, то есть около тринадцати тысяч долларов. Надеюсь, он того стоит, да?

Я задумался. Для меня самого оставалось загадкой, почему я всегда непременно бронировал президентский люкс, невзирая на абсурдную цену. Тут явно усматривалось влияние Ричарда Гира и моего любимого фильма «Красотка». Но не только. Еще это восхитительное чувство, с которым подходишь к стойке шикарного отеля и небрежно произносишь эти волшебные слова: «Я Джордан Белфорт, для меня тут забронирован президентский люкс…»

Ладно, признаю: это я просто пытаюсь компенсировать неуверенность в себе. Ну и что с того?

Не без сарказма я ответил:

— Спасибо, что напомнила мне, какие сегодня курсы валют, о Мисс

Мировой Банк. Я чуть было не позабыл их. Но как бы там ни было, номер определенно тянет на тринадцать штук. Хотя за такие бабки к нему должны бы прилагаться пара-тройка рабынь, как считаешь?

— Я постараюсь подыскать для вас парочку, — Джанет была просто воплощением сарказма. — Но вы в любом случае выписываетесь из отеля завтра в полдень, поскольку мы заплатили всего за сутки. Видите, как я всегда берегу ваши денежки? Кстати, как там тетушка Надин?

Неожиданно меня охватил приступ паранойи — а вдруг наш разговор прослушивается? Вдруг ФБР обнаглело до того, что подключилось к телефону Джанет? Нет, это немыслимо! Прослушка стоит недешево, а по телефону я никогда не обсуждал ничего особо важного, если только, конечно, агенты ФБР не собирались обвинить меня в том, что я сексуальный маньяк или конченый наркоман.

Да, но ведь есть же еще и англичане! Возможно ли, что Ми-6 преследует меня за преступление, которого я еще даже не совершил? Нет, это тоже немыслимо! У них и без того хватает забот с террористами из Ирландской республиканской армии, разве не так? Неужели им есть дело до Волка с Уолл-стрит и его дьявольских козней, цель которых — развращение учительницы на пенсии? Плевать они на это хотели! Успокоившись, я ответил:

— О, с тетушкой все отлично. Я только что отвез ее в ее домик, милый домик. Так они здесь в Англии говорят.

— Да не может быть? Неужели прямо так и говорят? — сарказм Джанет просто сочился из трубки.

— Ой, прости меня, дурака, я забыл, что ты все на свете знаешь и без меня, убогого. Послушай-ка, мне нужно задержаться в Лондоне еще на денек. У меня тут кое-какие дела. Продли-ка мне номер еще на сутки и проследи за тем, чтобы мой самолет ждал меня в Хитроу утром в пятницу. И не забудь сказать пилоту, что ему придется лететь обратно из Женевы в Лондон в тот же день. Патриции нужно будет вернуться домой уже вечером, договорились?

Джанет бодро ответила:

— Я выполню все, что прикажете, босс (почему я всегда слышу какую-то невыносимую иронию, когда она произносит слово «босс»?). Только вот не понимаю, зачем вы мне рассказываете про какие-то «дела», которые якобы велят вам задержаться в Лондоне еще на день?

Как она догадалась? Неужели так очевидно, что я просто хочу нажраться кваалюда в спокойной обстановке — вдали от любопытных глаз швейцарских банкиров? Да нет, просто Джанет знает меня как

облупленного. Она не уступала в этом отношении Герцогине. А поскольку я врал Джанет гораздо меньше, чем своей жене, она гораздо лучше чувствовала, когда я замышлял что-нибудь этакое.

И я соврал и на этот раз:

— Я не понимаю, на что ты намекаешь. Но, коли уж ты завела об этом разговор, так уж и быть, объясню. Видишь ли, оказалось, что в Лондоне есть один дико клевый ночной клуб, называется «Аннабель». Туда так просто не попадешь. Зарезервируй мне лучший столик в этом заведении на завтрашнюю ночь и скажи им, чтобы приготовили для меня три бутылки шампанского «Кристаль» во льду. Но если это сложно…

— А вот этого не надо! — взвилась Джанет. — Нет ничего сложного! Ваш столик будет вас ждать, *мистер Белфорт*. Не нужно ли мне позаботиться еще о каких-нибудь деталях завтрашнего вечера?

— Ох, какая же ты язва, Джанет! Ты ведь знаешь, что я действительно… О`кей, раз уж ты подала мне такую идею — почему бы тебе не заказать еще двух первоклассных курочек? Одну для меня, а другую для Дэнни. Знаешь, давай лучше трех — вдруг с одной из них выйдет облом. В этой Европе никогда не знаешь…

Ладно, давай заканчивать! Хочу спуститься вниз, немного размяться, а затем отправлюсь на Бонд-стрит, прошвырнусь по магазинам. Отец будет счастлив, получив очередной счет! А теперь, прежде чем я повесил трубку, напомни мне, пожалуйста, как сильно ты меня любишь и как сильно скучаешь по мне!

В трубке прозвучало без всякого выражения:

— Вы лучший босс во всем мире, и я люблю вас, и скучаю по вам, и не могу без вас жить.

— Так я и думал, — ответил я благосклонно и положил трубку, не попрощавшись.

Глава 17

Директор подделок

Ровно через тридцать шесть часов мой «Лирджет», загудев и взревев, как истребитель, оторвался от бетона Хитроу и взмыл в утреннее пятничное небо. Тетка Патриция сидела по левую руку от меня — на ее лице застыло выражение смертельного страха. Она вцепилась в подлокотники своего кресла так сильно, что костяшки пальцев побелели. Я не сводил с нее взгляда секунд тридцать, и за это время она моргнула один только раз. Я чувствовал себя виноватым, но что я мог поделать? Когда тобой заряжают полый снаряд длиной пятнадцать футов и выстреливают в воздух со скоростью пятьсот миль в час — такое мало кому доставляет удовольствие.

Дэнни сидел лицом ко мне, спиной к кабине экипажа. Он возвращался в Швейцарию спиной вперед; меня бы лично это малость выбило из колеи. Но, как и на многое в жизни, Дэнни, похоже, было на это совершенно наплевать. На самом деле, несмотря на шум и вибрацию, он уже крепко спал в своей обычной позе — с запрокинутой назад головой и широко открытым ртом, полным огромных сверкающих зубов. Не стану отрицать, что эта его невероятная способность — моментально засыпать в любых условиях — просто сводила меня с ума от зависти. Как можно разом выключить все мысли, роящиеся в твоей голове? Ну да ладно. Сон был его даром и моим проклятием.

Я наклонился к крошечному овальному окошку и нечаянно стукнулся о стекло головой, но несильно. Прижавшись носом к стеклу, я смотрел на Лондон, становившийся подо мной все меньше и меньше. В этот ранний час — в семь утра — густой слой тумана все еще накрывал город плотным одеялом, и все, что я мог разглядеть сквозь него, — это стержень Биг-Бена, выпиравший из тумана, как огромный эрегированный член, отчаянно жаждущий секса. После тридцати шести последних часов одной мысли об эрекции и сексе было достаточно, чтобы окончательно скрутить мои измученные нервы в запутанный клубок.

Внезапно я осознал, что сильно скучаю по жене. Надин! Моя любимая Герцогиня! Где она сейчас, когда я так в ней нуждаюсь? Как было бы здорово положить голову на ее теплую, нежную грудь и зарядиться силой! Но нет, это было невозможно. В этот самый момент она находилась за

океаном — возможно, терзалась мрачными догадками насчет моих недавних похождений и вынашивала коварный план мести.

Я продолжал пялиться в окно, одновременно пытаясь разобраться в том, что же все-таки произошло в прошедшие тридцать шесть часов. Я искренне любил свою жену. Так почему же я вытворял все эти ужасные вещи? Наркотики ли тому виной? Или наоборот — мои проступки толкали меня к тому, чтобы принимать наркотики в надежде на то, что они притупят чувство вины? Вот уж вечный вопрос — что было раньше, курица или яйцо, — и такие вопросы могут свести с ума.

А затем пилот заложил резкий левый вираж, и ослепительные лучи утреннего солнца полыхнули над правым крылом и вонзились в салон самолета, чуть не вытряхнув меня из кресла. Я уклонился от слепящего света и бросил взгляд на тетку Патрицию. Э-эх, бедняжка Патриция! Она все еще сидела, застыв как статуя, вцепившись в свои подлокотники, не подавая признаков жизни. Я почувствовал, что должен подбодрить ее хоть как-то. И голосом достаточно громким, чтобы прорваться сквозь рев двигателей, я прокричал:

— Ну как тебе, тетя Патриция? Это тебе не пассажирский лайнер. Чувствуешь драйв?

Я повернулся к Дэнни — он все еще дрых! Невероятно! Вот гад!

Я сосредоточился на плане действий на предстоящий день и на тех задачах, которые мне нужно было выполнить. Что касалось Патриции, тут все было просто. Всего-то и дел — привести ее в банк, а потом увести ее оттуда как можно скорее. Она улыбнется скрытым камерам, подпишет несколько бумаг, позволит им снять копию со своего паспорта, и на этом все.

В четыре часа пополудни тетя уже снова будет в Лондоне. Через неделю она получит свою кредитку и начнет пожинать плоды нашей договоренности. Я буду только рад за нее!

А я, как только закончу с Патрицией, увижусь с Сорелем, чтобы обговорить оставшиеся мелочи и разработать примерный график перекачки нала. Начну, пожалуй, с пяти миллионов… или, может, с шести, а там видно будет. Я знал в Штатах несколько человек, которые проворачивали подобные делишки. Но я подумаю об этом, когда вернусь домой.

При некотором везении я мог бы управиться со всеми своими делами за один день и уже на следующий день вылететь из Швейцарии в Нью-Йорк с первым утренним рейсом. Как это было бы здорово! Я любил свою жену! И я наконец увидел бы Чэндлер и взял бы ее на ручки! Она была просто

чудом, несмотря на то, что умела только спать, какать да есть питательные детские смеси. Я был уверен, что однажды она проявит свои таланты! И она была настоящей красавицей! С каждым днем она становилась все больше похожа на Надин. Это было здорово, и я так этого хотел!

Но все же надо сосредоточиться на текущем дне, особенно на предстоящей встрече с Роландом Фрэнксом. Я много размышлял над тем, что сказал мне Сорель, и нисколько не сомневался, что такой человек, как Фрэнкс, будет для меня нежданной удачей. Трудно даже представить, что я смогу совершить, когда в моем распоряжении будет человек, искушенный в изготовлении документов, способных обеспечить правдоподобное алиби. Прежде всего появлялась возможность использовать мои заокеанские счета для проворачивания делишек по Правилу S, в обход Правила № 144 с его двухлетним запретом на перепродажу акций.

Если бы Роланд смог создать подставные компании под видом законных предприятий с иностранным капиталом, это позволило бы мне использовать Правило S для финансирования моих собственных компаний, прежде всего «Доллар Тайм». Эта компания крайне нуждалась в срочном вливании двух миллионов баксов. И если бы Роланд справил нужные бумаги, я мог бы вложить в «Доллар Тайм» свои собственные бабки, незаконно переведенные в Штаты. Этот вопрос следовало бы обсудить в числе первых на встрече.

Как странно все-таки: я так презирал Камински, а ведь именно он свел меня с Жан-Жаком Сорелем. Вот уж точно говорят: никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь. С этой мыслью я закрыл глаза и попытался уснуть. Уже скоро я снова окажусь в Швейцарии.

Офис Роланда Фрэнкса занимал первый этаж трехэтажного здания из красного кирпича на тихой, мощенной булыжником улочке. По обеим сторонам улицы теснились маленькие лавочки, торговля в которых, несмотря на разгар дня, явно текла вяло.

Я решил встретиться с Фрэнксом с глазу на глаз; это казалось мне благоразумной предосторожностью — учитывая, что дела, которые нам предстояло обсудить, могли засадить меня в тюрьму на пару тысяч лет.

Но я не позволил столь ужасным соображениям бросить тень на предстоящую встречу с моим Директором Подделок. Да — именно так! По какой-то необъяснимой причине я не мог выбросить эти два слова из своей головы. Директор Подделок! Возможности с ним открывались… буквально безграничные! Как много дьявольских уловок можно было использовать! Сколько законов можно было обойти под непробиваемой броней правдоподобного алиби!

Кстати, с теткой Патрицией все прошло без сучка без задоринки. Это показалось мне хорошим предзнаменованием. Она уже летела обратно в Лондон (и я надеялся, что на этот раз чувствовала себя в «Лирджете» гораздо лучше — после пяти-то рюмок ирландского виски, пропущенных за обедом!). А Дэнни… ну, это отдельная история. В последний раз я видел его в кабинете Сореля: он увлеченно слушал лекцию банкира о шаловливых повадках женских особей Швейцарии.

Так или иначе, коридор, ведущий в кабинет моего Директора Подделок, был мрачным и затхлым. Такая обстановка слегка разочаровала меня. Конечно, официальная должность Роланда называлась вовсе не Директор Подделок, ничего похожего! И я мог бы побиться об заклад, что я был первым, который употребил эти слова вместе для характеристики почтенного швейцарского доверительного собственника.

Выражение «доверительный собственник» было совершенно безвредным и не имело никакого негативного привкуса. С юридической точки зрения, оно служило лишь привлекательным обозначением лица, уполномоченного законом вести дела другого лица — доверителя. В Штатах услугами доверительных собственников пользовались состоятельные васпы; они поручали доверительным собственникам управление своей собственностью или капиталами, предназначенными для их тупоголовых сынков или дочек. Большинство доверителей действовали в строгом соответствии с указаниями, которые дали им родители-васпы.

Если все шло по плану, тупоголовым отпрыскам не удавалось прибрать к рукам часть наследства до тех пор, пока они не повзрослеют настолько, чтобы хотя бы суметь признать тот факт, что на самом деле они полные тупицы в бизнесе. Но и тогда у них оставалось достаточно бабок, чтобы вести образ жизни, достойный состоятельного васпа.

Но Роланд Фрэнкс был не из этой породы законопослушных доверительных собственников. И давать ему указания буду лично я, к собственной пользе и выгоде. Он будет отвечать за все мои бумаги, за заполнение любых официальных формуляров, необходимых для представления в самые различные официальные инстанции. Он будет стряпать самые правдоподобные на вид документы, объясняющие перемещение по миру огромных денег и покупку акций компаний, тайным владельцем которых буду становиться я сам. А затем он будет переводить мои деньги, следуя моим указаниям, в те страны, которые я выберу.

Я открыл дверь в кабинет Роланда и сразу увидел моего ненаглядного Директора Подделок. У него не было приемной, только просторный, прекрасно оборудованный кабинет с обшитыми красным деревом стенами

и густым темно-бордовым ковром на полу. Роланд сидел за большим дубовым столом, покрытым ворохом бумаг… О, оказывается, это настоящий швейцарский жирдяй! Роланд был примерно с меня ростом, но брюхо у него было огромное, а на лоснящемся лице сияла хитрющая улыбка, которая, казалось, говорила: «Я провел большую часть жизни, придумывая способы, как половчей обвести всех вокруг пальца… И преуспел в этом!»

За спиной Роланда высился большой книжный шкаф из орехового дерева высотой добрых двадцать футов, он упирался прямо в потолок. В шкафу красовались сотни томов в кожаных переплетах — все одинаковой величины, одинаковой толщины и одинакового темно-коричневого цвета. Отличались лишь названия, тисненные по корешку переплета золотыми буквами. Я видел похожие шкафы в Штатах. Это были переплетенные уставные документы компаний, которые выдаются доверительному собственнику после регистрации. В каждой папке хранился устав корпорации, паевые сертификаты, оттиски печати компании и тому подобное. К книжному шкафу была приставлена старомодная библиотечная лесенка на колесиках.

Роланд Фрэнкс встал навстречу мне и схватил мою руку, прежде чем я успел ее поднять. Улыбаясь до ушей, он сказал:

— Ах, Джордан, Джордан — мы должны с вами стать настоящими друзьями! Я столько о вас слышал от Жан-Жака. Он рассказал мне о ваших замечательных предприятиях, о вашем прошлом и посвятил меня в ваши планы на будущее. Нам столько всего надо обсудить, а времени так мало, не правда ли?

Я с готовностью кивнул, немного ошарашенный его напором и его габаритами, но я уже любил его. Он казался очень искренним, очень открытым. Он казался человеком, которому можно доверять.

Роланд подвел меня к черной кожаной кушетке и жестом пригласил присесть. А потом и сам уселся в стоявшее рядом черное кожаное кресло с невысокой спинкой. Достав из серебряного портсигара сигарету без фильтра, он вытянул из кармана брюк серебряную зажигалку под стать портсигару, зажег ее и склонил голову набок, чтобы не обжечься о пламя высотой дюймов в десять. И, наконец, глубоко затянулся.

Я молча наблюдал за ним. Наконец, секунд через десять, Фрэнкс выдохнул дым, но лишь самую каплю. Невероятно! Куда же девался остальной?

Я хотел уже задать этот вопрос вслух, но Роланд опередил меня:

— Вы обязательно должны мне рассказать подробности вашего полета

из Штатов. Эта история уже стала притчей во языцех, — он подмигнул. Затем воздел руки ладонями вверх, пожал плечами и добавил: — Что до меня, то я… эх, я обычный человек, и для меня во всем мире существует только одна женщина: моя любимая жена! — Роланд закатил глаза. — Но как бы там ни было, я наслышан о вашей брокерской фирме и о других компаниях, которыми вы владеете. Немало для человека вашего возраста! Вы ведь, в общем-то, еще совсем молодой, а уже…

Директор Подделок говорил и говорил о том, какой я был молодой и замечательный, но мне было сложно следить за его речью: я был полностью поглощен зрелищем его огромного двойного подбородка и толстых щек, которые колыхались взад-вперед, словно парусная шлюпка в бушующем океане. У Фрэнкса были умные карие глаза, низкий лоб и толстый нос. Кожа у него была очень белая, а голова казалась посаженной прямо на плечи, безо всяких признаков шеи. Волосы темно-каштановые, почти черные, зачесанные назад по его круглому черепу. И мое первое впечатление было верным: он источал какую-то внутреннюю сердечность, радость жизни довольного собой и миром человека, которому вполне комфортно в собственной шкуре, хотя ее хватило бы на то, чтобы выстлать всю Швейцарию.

— …Так что, друг мой, все дело в деталях. Вещи различаются по внешним признакам. И главное, как говорят у вас, расставить точки над «i», уточнить все детали, не так ли? — спросил с улыбкой Директор Подделок.

Я ухватил лишь конец его монолога, но суть была ясна: главный вопрос — письменные улики. Более скованно, чем обычно, я ответил:

— Я совершенно с вами согласен, Роланд. Я всегда считал себя человеком осторожным и аккуратным, человеком, трезво воспринимающим мир, в котором он живет и работает. Люди вроде нас с вами не могут позволить себе быть неосторожными и беззаботными. Это привилегия женщин и детей. — Мой тон так и дышал благоразумием, но в глубине души я надеялся, что Роланд никогда не смотрел «Крестного отца». Я чувствовал некоторую неловкость из-за того, что так нагло подражал дону Корлеоне, но сдержать себя уже не мог. Фильм был просто напичкан значительными сценами, и воспроизвести одну из них казалось вполне естественным. Да и, собственно говоря, в известном смысле я жил жизнью, довольно похожей на жизнь дона Корлеоне, разве не так?

Я никогда не вел деловых разговоров по телефону; я сократил свой круг доверенных лиц до горстки старых и надежных друзей; я прикармливал политиков и офицеров полиции; брокерские компании «Билтмор», и

«Монро Паркер» платили мне ежемесячную дань… Правда, в отличие от меня дон Корлеоне не зависел от разрушительного пристрастия к наркотикам и не позволял белокурым красоткам так легко манипулировать собой. Ну да, такие уж у меня недостатки, никто не совершенен.

Явно не думая о «Крестном отце», Роланд ответил:

— Невероятная проницательность для человека ваших лет! И я совершенно с вами согласен. Беззаботность — увы, этой роскоши ни один серьезный человек себе позволить не может. И сегодня нам предстоит уделить большое внимание некоторым вопросам. Вы убедитесь, *mon ami,* что я смогу сослужить вам большую службу и оказать много разных услуг. Не сомневаюсь, что вам уже известны мои, так сказать, обычные функции — надзор над оформлением документов и организация корпоративных форм. Так что это мы опустим. Вопрос: с чего мы начнем? Как вы сами думаете, мой юный друг? Начните, и я вам помогу.

Я улыбнулся и сказал:

— Жан-Жак сказал мне, что вы — человек, заслуживающий полного доверия, и лучший специалист в тех вопросах, которыми занимаетесь. Так что не будем ходить вокруг да около. Я буду говорить, исходя из предположения, что нам с вами предстоит вести дела сообща в течение многих лет.

Я сделал короткую паузу, ожидая обязательного кивка Роланда и улыбки в ответ на мой покровительственный тон. Я никогда не был большим любителем покровительственного тона… но раз уж мне довелось впервые столкнуться лицом к лицу с Директором Подделок… мне показалось вполне уместным вести себя именно так.

Как я и ожидал, Роланд приподнял уголки губ и почтительно кивнул. Затем он снова глубоко затянулся и начал выпускать абсолютно круглые колечки дыма. «Как красиво!» — подумал я. Безупречные круги сероватого дыма, примерно полдюйма в диаметре каждый, казалось, сами по себе рождались в воздухе.

Я тоже улыбнулся и продолжил:

— У вас получаются очень красивые колечки, Роланд. Быть может, вы прольете немного света на то, почему швейцарцы так любят курить? Не поймите меня превратно — я только за курение, если оно вас «заводит». Мой отец был одним из самых заядлых курильщиков. Но швейцарцы, мне кажется, воспринимают курение несколько иначе. Почему так?

Роланд пожал плечами и сказал:

— Тридцать лет назад так же было и в Америке. Но ваши власти любят совать свой нос куда не следует — даже пытаются ограничить право

человека на простые мужские удовольствия. Они развязали пропагандистскую войну против курения, которая, к счастью, не имела успеха по эту сторону Атлантики. Как нелепо, когда правительства пытаются решать, что человеку можно, а что нельзя вводить в свой организм. Интересно, что же теперь на очереди — вкусная еда?

Фрэнкс широко улыбнулся, а затем с большим удовольствием похлопал свой толстый живот.

— Если такой день наступит, *mon ami*, я вставлю себе в рот пистолет и спущу курок!

Я позволил себе легкий смешок, покачал головой и развел руки в стороны, как бы говоря: «Да ты вовсе не такой уж и толстый!»

А вслух сказал:

— Что ж, вы ответили на мой вопрос, и то, что вы сказали, по-моему, вполне логично. Правительство Соединенных Штатов слишком назойливо вторгается во все сферы жизни, и именно по этой причине я сижу сегодня здесь. Но у меня есть еще много вопросов, связанных с бизнесом в Швейцарии; большинство из них проистекают из моего недостаточно ясного представления о вашем мире — то есть о банковском деле Швейцарии. И это сильно нервирует меня. Я твердо убежден: знание — сила. И в такой ситуации, как эта, когда ставки чрезвычайно высоки, недостаток знаний — верный путь к беде.

Так что мне нужно стать более осведомленным. Любой человек в какой-то момент нуждается в наставнике. И я обращаюсь за этим к вам. Я не имею никакого представления насчет того, какие дела в вашей компетенции. На что, к примеру, наложено табу? Где предел трезвому расчету и здравомыслию? Что считается неосторожным и безрассудным? Все эти вещи мне очень важно знать, Роланд; я должен их знать, если хочу избежать неприятностей. Мне нужно понимать все ваши банковские законы, от буквы до буквы.

Если это возможно, я бы хотел взглянуть на судебные обвинительные акты из прошлого, чтобы составить представление о том, из-за чего у других людей возникали проблемы, какие ошибки они допускали и как обезопасить себя от их повторения. Я — любитель истории, Роланд. И я твердо убежден в том, что человек, который не учится на прошлых ошибках, обречен повторять их. Именно так я поступил, когда основывал «Стрэттон», и тот опыт оказался бесценным.

На это Роланд сказал:

— Еще одно доказательство вашей невероятной проницательности, мой юный друг! И я с большим удовольствием соберу для вас нужную

информацию. Но, возможно, я смогу ответить на кое-какие вопросы прямо сейчас. Видите ли, по большому счету все проблемы, с которыми сталкиваются американцы, никак не связаны с тем, что происходит по эту сторону Атлантики. Как только ваши деньги окажутся здесь, я размещу их в десятке различных финансовых учреждений, не размахивая никакими красными тряпками перед глазами ваших бдительных быков. Со слов Жан-Жака я понял, что сегодня утром банк посетила миссис Меллор, не так ли?

Я кивнул:

— Да, и она уже летит обратно в Англию. Но у меня есть копия ее паспорта на тот случай, если он вам понадобится, — я похлопал рукой по левому карману пиджака, показывая Роланду, что эта копия при мне.

— Чудесно, — сказал Роланд. — Просто чудесно. Если вы соблаговолите предоставить ее мне, я подошью ее к остальным документам нашей корпорации. К слову сказать, хочу заверить вас, что Жан-Жак делится со мной сведениями только с вашего согласия. В противном случае он никогда бы не упомянул о появлении миссис Меллор в его банке. И я бы хотел добавить, что в этом случае наши отношения с Жан-Жаком, так сказать, односторонние. И не скажу ему ничего о наших с вами делах, если вы сами меня на это не уполномочите.

Да, вот еще что: я бы настоятельно рекомендовал вам не рисковать всем сразу, то есть не помещать все деньги в один банк. Только не поймите меня превратно: «Юньон Банкэр» — замечательный банк, и я советую вам поместить туда большую часть своих капиталов. Но банки есть и в других странах — скажем, в Люксембурге или Лихтенштейне. И они тоже могут сослужить вам добрую службу. Проводя операции во многих странах одновременно, можно свить такую запутанную паутину, что распутать ее службам одной страны будет просто не по силам.

В каждой стране действуют свои законы. И то, что наказуемо, к примеру, в Швейцарии, может быть совершенно законным в Лихтенштейне. В зависимости от характера сделок мы смогли бы создать отдельные юридические лица для каждого типа операций с тем, чтобы совершать в каждой конкретной стране только законные на ее территории сделки. Но я описываю все это сейчас лишь в общих чертах. Возможностей на самом деле гораздо больше.

«Невероятно! — подумал я. — Настоящий Директор Подделок!» Помолчав несколько секунд, я сказал:

— Быть может, вы вкратце обрисуете мне все ходы и выходы? Вы даже не представляете, какое облегчение я бы ощутил. Я имею в виду, что есть очевидные выгоды в том, чтобы вести дела от имени юридического лица —

будь то в Штатах или в Швейцарии. Но меня интересуют как раз менее очевидные выгоды. — Я улыбнулся, откинулся глубже на спинку кушетки и положил ногу на ногу. Эта поза должна была сказать Роланду: «Давай, выкладывай все по порядку; я никуда не тороплюсь».

— Конечно, *mon ami*; сейчас мы подходим к самой сути нашего дела. Каждая из этих корпораций выпускает акции на предъявителя; это значит, что имена владельцев акций не регистрируются ни в документах компании, ни в каких-либо реестрах. Теоретически тот, кто в действительности владеет бумагами — так называемый предъявитель, — и должен быть признан их правомочным владельцем. Есть два способа подтвердить ваше владение какой-либо долей той или иной публичной компании. Первый — это сертификат на владение обыкновенными акциями, то есть подтверждение того, что вы лично являетесь владельцем этих ценных бумаг. В этом случае вы берете на себя ответственность за их хранение в надежном месте, возможно в банковской ячейке на территории Соединенных Штатов или в каком-то другом депозитарии. Второй способ — арендовать номерную депозитную ячейку в Швейцарии и хранить сертификаты акций в ней. Доступ к этой ячейке будете иметь только вы. И, в отличие от счета в швейцарском банке, такая ячейка действительно имеет только номер. То есть она анонимная.

Если вы выберете этот путь, я бы посоветовал вам тогда арендовать ячейку сроком на пятьдесят лет и внести всю плату за пользование ею вперед. В этом случае никакие власти не смогут получить к ней доступ ни при каких обстоятельствах. О ее существовании будете знать только вы и, возможно, ваша жена, если вы того захотите. Но если вам интересно мое мнение, я бы не советовал вам сообщать вашей жене. Будет разумнее дать мне указания, как с ней связаться — если, не дай бог, с вами что-нибудь случится. Я гарантирую вам, что ваша супруга будет оповещена незамедлительно.

Только, пожалуйста, друг мой, не усматривайте в моих словах намека на то, что я сомневаюсь в надежности вашей жены. Я уверен, что она — достойнейшая молодая леди, и я уже наслышан о том, какая она красавица. Просто мне известны случаи, когда обиженная или рассерженная супруга приводила агента Внутренней налоговой службы туда, куда его приводить не следовало.

Этот совет Роланда вдруг отозвался в моем мозгу зловещим напоминанием о призраках шести миллионов убиенных евреев — призраках, бродящих по улицам Цюриха и Женевы в поисках своих

швейцарских банкиров. Хотя, должен признать, Роланд производил впечатление человека, который в аналогичном случае поступил бы по совести. Впрочем, откуда взялась у меня такая уверенность? Мне ли — Волку в овечьей шкуре — было не знать, насколько обманчивой бывает внешность? Пожалуй, я мог бы рассказать о ячейке своему отцу — или, еще лучше, отдать ему запечатанный конверт с условием открыть его только в случае моей безвременной кончины (вероятность таковой, учитывая мое пристрастие к дайвингу и пилотированию вертолетов под кайфом, совершенно не исключалась).

Я решил оставить все эти тревожные мысли при себе.

— Я предпочел бы второй вариант — по целому ряду причин. И несмотря на тот факт, что я никогда не получал повестки из министерства юстиции, думаю, все же резонней хранить все мои документы за пределами его юрисдикции. Как вы, возможно, догадываетесь, все мои проблемы связаны с нарушением гражданского законодательства, но никак не с уголовщиной. Я — законопослушный бизнесмен, Роланд. Я хочу, чтобы вы это сознавали. Я всегда стремлюсь поступать правильно. Но дело в том, что многие американские законы о ценных бумагах неоднозначны, допускают двоякое толкование; они не являются ни абсолютно логичными, ни совершенно бессмысленными. Скажу вам честно, Роланд: во многих случаях (а на самом деле в большинстве) это спорный вопрос — нарушен закон или не нарушен.

Что за бред я несу! Но как же красиво все это звучит! И я продолжил:

— Иногда я получал пинки за то, что считал совершенно законным. Справедливо или несправедливо, но это — данность. Я могу сказать, что большинство моих проблем напрямую связаны с плохо проработанными законами — законами, предназначенными для выборочного применения к тем лицам, которых власти надумают преследовать.

Роланд рассмеялся:

— О, *mon ami*, вы неподражаемы! Какой замечательный взгляд на вещи! Пожалуй, мне никогда прежде не доводилось слышать, чтобы кто-либо выражал свою точку зрения в такой захватывающей, увлекательной манере! Великолепно! Просто великолепно!

Я хмыкнул в ответ и сказал:

— Что ж, от такого человека, как вы, я воспринимаю эти слова как комплимент. Не буду отрицать, что время от времени — как и любой предприниматель — я несколько перехожу за черту и иду на риск. Но все риски я, как правило, просчитываю. Добавлю — тщательно просчитываю. И каждый риск у меня всегда уравновешивается документами, под которые

не подкопаешься. Они обеспечивают мне правдоподобное алиби. Полагаю, вам знаком этот термин?

Роланд медленно кивнул головой, явно зачарованный моим талантом сходу придумывать оправдания любым нарушениям любых когда-либо изобретенных законов. Только невдомек ему было, что Комиссия по ценным бумагам и биржам уже разрабатывала новые законы в попытке меня остановить.

Меня несло:

— Я вычислил, что вы появитесь. Знаете, когда я открывал свою брокерскую фирму пять лет тому назад, один очень умный человек дал мне очень умный совет. Он сказал: «Если хочешь уцелеть в нашем сумасшедшем бизнесе, ты должен действовать, допуская, что каждая твоя сделка будет в конечном итоге тщательно проанализирована агентами бюро из трех букв. И ты должен быть уверен, что в один прекрасный день сможешь объяснить, почему эта сделка не нарушает законов о ценных бумагах, а значит, и никаких других законов.

Сейчас, Роланд, могу вас заверить, девяносто девять процентов того, что я делаю, я делаю абсолютно по закону. И вся проблема в том, что оставшийся один процент все время портит мне жизнь. Возможно, было бы разумно как можно дальше дистанцироваться от этого одного процента, насколько это в человеческих силах. Я полагаю, вы могли бы стать доверительным собственником всех этих корпораций, не так ли?

— Да, друг мой. Согласно швейцарским законам, я буду уполномочен подписывать документы от имени корпорации и заключать контракты, которые сочту наиболее выгодными для корпорации и ее бенефициаров. Конечно, те операции, которые я сочту приемлемыми, будут рекомендованы вами. К примеру, если вы скажете мне, что полагаете целесообразным вложить деньги в новое издание, участок земли или что-либо в таком духе, я буду обязан последовать вашему совету.

И именно в этой части мои услуги будут наиболее полезными для вас. Видите ли, каждая сделка, совершенная нами, будет сопровождаться папкой с документами и корреспонденцией от различных аналитиков рынка ценных бумаг, экспертов по недвижимости или иных специалистов. Так что у меня будет основание для инвестирования. Иногда я мог бы привлекать внешнего аудитора, в обязанности которого входило бы снабжать меня заключением о надежности вложения. Конечно, такой аудитор всегда бы выдавал нужное нам заключение, а не затейливый непонятный отчет с гистограммами и цветными таблицами. Ведь именно подобные вещи поддерживают правдоподобное алиби. Если у кого-нибудь

и возникнет вопрос о том или ином вложении, я просто продемонстрирую толстое досье и пожму плечами.

Но, повторюсь, *mon ami*, пока что мы обсуждаем все в самых общих чертах. Есть много иных способов, которыми я поделюсь с вами и которые позволят вам вести свои дела словно под шапкой-невидимкой. А кроме того, если когда-нибудь вы решите перекачать часть ваших денег обратно — вернуть их в Соединенные Штаты — то есть вообще без документов, то и тут я смогу быть вам полезен.

«Интересно», — подумал я. Этот момент больше всего тревожил меня. Я подвинулся вперед, на самый краешек кушетки, сократив дистанцию между нами до трех футов. А затем сказал, слегка повысив голос:

— Это как раз то, что меня очень сильно интересует, Роланд. Скажу вам правду — меня не слишком впечатлил сценарий, обрисованный Жан-Жаком; он предложил два разных варианта, но, на мой взгляд, оба они весьма дилетантские в лучшем случае и совершенно самоубийственные в худшем.

— Что ж, — ответил Роланд. — Это меня не удивляет. Жан-Жак — банкир; его компетенция — размещение активов, а не манипуляции с ними. Добавлю, что он — прекрасный банкир, и он будет хорошо управлять вашими деньгами, с величайшей осмотрительностью. Но он не очень сведущ в создании документов, способных обеспечивать перемещение денежных средств из страны в страну, не вызывая вопросов. Это функция доверительного собственника — такого человека, как я, например («ах ты, мой ненаглядный Директор Подделок!»).

На самом деле вы столкнетесь с тем, что «Юньон Банкэр» будет препятствовать переводу денег с вашего счета. Конечно, вы всегда сможете делать с вашими деньгами все, что вам заблагорассудится; они не будут пытаться остановить вас в буквальном смысле слова. Но не удивляйтесь, если Жан-Жак попытается отговорить вас снимать деньги со счета — возможно, даже под предлогом того, что перевод денег может «раздразнить быков». Но не стоит из-за этого настраивать себя против Жан-Жака. Так действуют все швейцарские банкиры — они пекутся о своих интересах.

Все дело в том, друг мой, что в контексте трех триллионов долларов, которые перемещаются по швейцарской банковской системе ежедневно, любой объем операций на вашем счету вряд ли сможет привлечь чужое внимание. Такому умному человеку, как вы, не нужно объяснять, чем мотивируется желание банков поддерживать максимально высокий уровень остатков средств на своих счетах.

А скажите, пожалуйста — хочу это услышать из чистого любопытства, — какие именно схемы предложил вам Жан-Жак? Было бы интересно, что за ахинею принято сегодня нести у банкиров, — и с этими словами Роланд откинулся назад и скрестил пальцы на животе.

Повторяя его движение, я слегка сдвинулся назад с края кушетки и начал рассказывать:

— Первый вариант, который он рекомендовал мне, — воспользоваться дебетовой картой. Этот вариант показался мне совсем каким-то… хреновым? (Прошу извинить мой… хреновый французский.) За человеком, который расхаживает по городу с дебетовой картой, привязанной к счету в иностранном банке, тянется след письменных улик в милю шириной! — я покачал головой и закатил глаза, пытаясь донести до Роланда всю нелепость этого варианта. — Второй совет был не менее несуразным: использовать мой заокеанский капитал, чтобы заложить собственный дом в Штатах. Надеюсь, вы не передадите это Сорелю, но должен признать, что эта часть его выступления меня очень разочаровала. Скажите мне, Роланд, — может, я чего-то недопонимаю?

Роланд самонадеянно улыбнулся:

— Есть множество способов сделать это, и все они не оставляют никаких письменных следов. Точнее, они оставляют очень широкий след, но это такой след, который вам как раз хотелось бы оставлять — подтверждающий вашу полную невиновность и способный выдержать самую тщательную проверку по обе стороны Атлантики. Вы знакомы с практикой трансфертного ценообразования?

Трансфертное ценообразование? Да, я знал, что это такое, но причем… Внезапно в моем мозгу, словно молнии, заблистали сразу тысячи схем. Возможности были… безграничными! Я широко улыбнулся своему Директору Подделок и сказал:

— Да, конечно, знаком, Дире… — то есть, я хотел сказать, Роланд. Это блестящая идея.

Похоже, Роланд был потрясен тем, что я в курсе малоизвестной практики трансфертного ценообразования. Честно говоря, схема эта почти мошенническая: вы заключаете сделку по некоей фиктивной цене — недоплачивая или переплачивая за какой-то товар, в зависимости от того, в какую сторону вам надо перевести деньги. Разумеется, это возможно только в том случае, если вы на самом деле выступаете и как продавец, и как покупатель. Эта схема применяется главным образом для минимизации налогов, и к этому способу постоянно прибегали миллиардные транснациональные корпорации, один из их филиалов продавал некий

товар другому филиалу, также находящемуся в их полной собственности. Это позволяло переводить прибыль из стран с высокими корпоративными налогами туда, где эти налоги были низкими. Я читал об этом в каком-то левом экономическом журнале; статья была о корпорации «Хонда Моторс», которая завышала цены для своих же американских заводов по производству комплектующих, сокращая таким образом до минимума свою прибыль в Штатах. Что, понятно, совершенно не нравилось налоговой службе.

Роланд сказал:

— Я удивлен, что вы знаете о трансфертном ценообразовании. Эта практика не получила широкой известности, особенно в Соединенных Штатах.

Я пожал плечами:

— Я знаю тысячу способов применения этой схемы в целях перевода денег без привлечения ненужного внимания. Все, что нам нужно будет сделать, — это создать компанию с акциями на предъявителя и связать ее с одной из моих американских компаний. Навскидку могу предложить компанию под названием «Доллар Тайм». У них накопилось на пару миллионов долларов никчемных шмоток, которые не продать даже за доллар.

Мы могли бы создать иностранную компанию с акциями на предъявителя и с подходящим названием — какую-нибудь «Одежду оптом» или что-нибудь в этом духе. Затем «Доллар Тайм» заключит сделку с этой моей иностранной компанией, которая купит никчемное барахло, обеспечив перемещение моих денег из Швейцарии обратно в Штаты. И единственными документальными следами окажутся заказ на покупку и счет-фактура.

Роланд кивнул и сказал:

— Да, *mon ami*. И у меня есть возможность напечатать любые накладные, любые чеки на проданные товары и другие бумаги, которые могли бы понадобиться. Я могу напечатать даже брокерские подтверждения и датировать их задним числом. Другими словами, мы можем взять газету за прошлый год, и найти акции, которые значительно подскочили в цене, и затем создать документы, подтверждающие, что та или иная сделка имела место быть. Но я слишком забегаю вперед. Мне потребуются многие месяцы, чтобы обучить вас всем тонкостям и премудростям.

Кстати, я могу устроить и так, чтобы вы могли получать крупные суммы налом во многих зарубежных странах — просто создав корпорации

с предъявительскими акциями и подкрепив их документами на покупку и продажу несуществующих товаров. В итоге прибыль будет стекаться в ту страну, которую вы выберете, и там вы сможете вернуть себе свою наличность. И все, что после этого останется, — безупречные документы, подтверждающие законность сделок. Честно говоря, я уже создал две компании в ваших интересах. Подойдите сюда, мой мальчик, я покажу вам, — и с этими словами мой Директор Подделок вытащил свою огромную тушу из черного кожаного кресла, подвел меня к шкафу с переплетенными папками и вынул две из них:

— Вот, смотрите, — сказал он. — Первая компания называется «Юнайтед Оверсиз Инвестментс», вторая — «Фар Ист Венчерс». Обе они зарегистрированы на Британских Виргинских островах, где не нужно платить налоги. Все, что мне требуется сейчас, — это копия паспорта Патриции; и тогда я доделаю все остальное.

— Нет проблем, — ответил я, улыбаясь. Затем сунул руку во внутренний карман пиджака, достал ксерокопию паспорта Патриции и вручил ее Директору Подделок.

Я научусь у этого человека всему, чему он сможет меня научить. Я узнаю все тайные ходы и выходы в банковском мире Швейцарии. Я научусь скрывать все свои сделки в запутанной паутине зарубежных корпораций с предъявительскими акциями. И если где-то случится осечка, документы, которые я сам же и создам, послужат мне надежным средством спасения.

Да, теперь все обретало смысл. Какими бы разными людьми ни были Жан-Жак Сорель и Роланд Фрэнкс, оба они были влиятельны и им обоим можно было доверять. К тому же оба они жили в Швейцарии, этой славной стране тайн и секретов, и ни одному, ни другому не было причин меня предавать.

Увы, в одном из этих двоих я ошибался.

Глава 18

Фу Манчу и швейцарская бомба

На День труда мы с Герцогиней отправились в Вестхэмптон-бич. Прекрасный субботний вечер мы провели в постели, занимаясь любовью, как полагается мужу и жене. Герцогиня лежала на спине, закинув руки за голову на белой шелковой подушке; совершенный контур ее лица обрамляла роскошная грива белокурых, отливавших золотом волос. Она была похожа на ангела, посланного мне с небес. Я был сверху; наши пальцы сплетались, и разделяла нас только тонкая пленка испарины.

Я придавил Герцогиню всей массой своего тощего тела, не давая ей даже шевельнуться. Мы были примерно одинаковыми по росту и комплекции, так что подходили друг другу отлично. Когда я вдыхал ее чудесный аромат, я чувствовал, как ее соски упираются в мои, чувствовал тепло ее восхитительных, сладких бедер и шелковистую гладкость ее лодыжек, касающихся моих щиколоток.

Но несмотря на то, что она была такой стройной и нежной и такой горячей — на десять градусов горячее любого огня! — Герцогиня была еще и сильной, как бык! Как бы я ни пытался, я не мог удержать ее в одной позе.

— Перестань дергаться! — пробормотал я со страстью, но немного сердито. — Я уже кончаю, Най! Сожми, пожалуйста, ножки!

Но в голосе Герцогини зазвучал тон капризного, раздраженного ребенка:

— Ой, ну мне так неудобно! Дай мне чуть приподняться!

Я попытался поцеловать ее в губы, но она увернулась, и я ткнулся носом в ее высокую скулу. Вытянув шею, я снова попытался поймать ее губы, но она быстро отвернулась в другую сторону, и я ткнулся ей в другую скулу. Она была такой точеной, что я чуть не рассек свою нижнюю губу.

Я знал, что должен отпустить Надин, — это было бы правильно, но я не был готов сменить позу в тот самый момент, когда уже почти достиг райских кущ. Поэтому я попытался сменить тактику. Тоном попрошайки я пролепетал:

— Ну же, Най! Пожалуйста, не отворачивайся! — я сделал несчастное лицо. — Я был примерным мужем целых две недели, так перестань

вредничать и дай мне тебя поцеловать!

Стоило этим словам сорваться с моих губ, как меня обуяла невероятная гордость: все это было чистой правдой! Я действительно был *почти* примерным мужем с того самого дня, как вернулся домой из Швейцарии. С тех пор я не переспал ни с одной проституткой — ни с одной! — и не зависал нигде допоздна. И наркотиков я принимал меньше — почти наполовину, — и даже несколько дней вообще воздерживался. Я даже не мог припомнить, когда меня в последний раз конкретно вставляло.

Я переживал одну из тех коротких интерлюдий, когда мне казалось, что я, наконец, контролирую свою ужасную зависимость от наркотиков. У меня и раньше бывали периоды, когда мои неконтролируемые позывы улететь выше «Конкорда» заметно ослабевали. В такие периоды даже боль в спине казалась мне менее острой, да и спал я лучше. Но, увы, все это быстро кончалось. Что-то вдруг провоцировало у меня сильную, неистовую тягу — и потом становилось еще хуже, чем было.

Не сдержавшись, я сказал:

— Ну же, черт побери! Не верти головой! Я почти готов кончить, и я хочу целовать тебя, когда буду кончать!

Похоже, Герцогиня не оценила моего эгоизма. Прежде чем до меня дошло, что происходит, она уперлась руками мне в плечи и одним быстрым движением своих тонких кистей оттолкнула меня. Мой член внезапно был выброшен на волю, а сам я полетел с высокой кровати на деревянный пол.

В полете я успел скользнуть взглядом по темно-синему Атлантическому океану, плескавшемуся за стеной из зеркального стекла, протянувшейся во всю длину заднего фасада нашего дома. До океана было около сотни ярдов, но мне он показался гораздо ближе.

Перед самым приземлением я услышал голос Герцогини:

— Ой, милый! Осторожно! Я не хотела…

ТРАХ!

Я глубоко вздохнул, моргнул пару раз… слава богу, кажется, все кости целы…

— О-ох… за что? — простонал я. Я лежал навзничь на твердом полу, и мой торчащий, словно флагшток, член поблескивал в лучах вечернего солнца. Приподняв голову, я оценил эрекцию… Падение на ней, кажется, не сказалось. Это меня малость приободрило. Но не сломал ли я себе спину?.. Вроде бы нет, я был совершенно уверен в этом. Но я был слишком ошеломлен, чтобы пошевелить хотя бы одним мускулом.

Герцогиня свесила свою белокурую головку с кровати и вопросительно

смотрела на меня. Затем наморщила свои сладкие губки и тоном, которым обычно матери говорят с ребятишками, шлепнувшимися на игровой площадке, сказала:

— Ох, мой бедненький маленький! Возвращайся ко мне в кроватку, и я сделаю так, что бо-бо сразу пройдет!

Не стоит смотреть дареному коню в зубы! Я сделал вид, что не заметил этого «маленького», перевалился на живот, встал на четвереньки, а затем и на ноги. И уже готов был снова оседлать Герцогиню, как вдруг меня загипнотизировало невероятное зрелище: не только сама Герцогиня, но еще и три миллиона баксов наличными, на которых она лежала.

Да — три миллиона баксов перед носом. Целых три!

Мы недавно закончили их пересчитывать. Они были в пачках по десять штук; каждая пачка — толщиной с дюйм. Пачек было три сотни, и они были разбросаны по всей большущей кровати — одна поверх другой, на полтора фута в высоту. А по углам кровати дыбились огромные слоновьи бивни, задававшие мотив оформления комнаты — африканское сафари на Лонг-Айленде!

Надин устроилась поудобнее, нечаянно смахнув на пол штук семьдесят или восемьдесят баксов. Они составили компанию той четверти миллиона, что слетела с кровати вместе со мной. Но простыню все равно не было видно. На кровати было столько «зелени», что она напоминала подстилку дождевого леса Амазонки в самый разгар сезона дождей.

Герцогиня одарила меня нежной улыбкой:

— Прости меня, дорогой! Я не хотела, чтобы ты упал… Клянусь! — Она невинно повела плечиками. — Просто у меня плечо свела судорога, и я не учла, как мало ты весишь. Пойдем-ка в нашу маленькую спаленку, займемся любовью там. Хорошо, моя любовная заноза?

Ослепив меня еще одной чувственной улыбкой, обнаженная Герцогиня выпрыгнула из постели и встала передо мной. Затем она скривила свой очаровательный ротик и прикусила внутреннюю сторону щеки. Она делала это всякий раз, когда напряженно обдумывала что-либо.

Через несколько секунд она перестала жевать губу и спросила:

— Ты уверен, что оно законное, это дело? Есть в нем что-то такое, что… очень меня смущает.

В тот момент мне совсем не хотелось обсуждать с женой свои делишки, связанные с отмыванием денег. На самом деле у меня было всего одно желание: привязать ее к кровати и затрахать ее до полусмерти. Но она была моей женой и, значит, заслужила право быть обманутой. Самым что ни на есть убедительным тоном я сказал:

— Я же объяснял тебе, Най: я просто выгреб из банка весь нал. Ты сама видела. Ну, не буду скрывать, Эллиот подогнал мне еще немного, так сказать, пару-тройку баксов («пару-тройку»? Ха-ха! А пять лимонов не хочешь?!). Но это никак не связано вот с этими бабками. Вся эта «зелень», что здесь рассыпана, — она совершенно легальная. И если сюда прямо сейчас вдруг нагрянут копы, я просто покажу им квитанции на снятие денег с депозита. И вопрос сразу будет закрыт. — Я обнял Герцогиню за талию, прижался к ней всем телом и поцеловал.

Но Герцогиня снова отстранилась:

— Да знаю я, что ты забрал наличные из банка. Но все равно у меня ощущение, что все это незаконно. Я не знаю, почему… но столько налички… Ну, я просто не знаю. Это так странно… — Надин снова закусила щеку. — Ты точно уверен, что знаешь, что делаешь?

Моя эрекция на глазах слабела, и это сильно расстраивало меня. Требовалось срочно оживить обстановку.

— Поверь мне, дорогая, у меня все под контролем. Давай отправимся в нашу маленькую спальню и займемся любовью. Тодд и Кэролайн будут здесь уже меньше чем через час, а я хочу трахать тебя безо всякой спешки. Ну, давай?

Она прищурилась… а затем резко сорвалась с места, бросив мне через плечо: «Давай догоняй!» И, забыв обо всем на свете, мы отдались друг другу.

Нельзя отрицать, что в начале 1970-х годов из квартала Ле-Фрак-сити в Квинсе вышло немало чудаковатых евреев. Но ни один из них не был чуднее Тодда Гаррета.

Тодд был на три года старше меня, и я все еще отлично помнил нашу первую встречу. Мне только исполнилось десять, и Тодд стоял в одноместном гараже садового домика, куда он приехал со своими чудными родителями — Лестером и Тельмой. Его старший брат Фредди недавно помер от передозировки героином; ржавая игла все еще торчала из вены парня, когда его нашли сидящим на унитазе, через двое суток после смерти.

Но Тодд вроде был нормальным парнем.

Правда, он постоянно колошматил кулаками и ногами тяжелую белую боксерскую грушу и носил черные штаны и черные тапки бойца кунг-фу. Тогда, в начале семидесятых, школ восточных единоборств было совсем немного — не то что сейчас, когда они есть в любом торговом центре любого маленького городка. И Тодд Гаррет быстро стяжал себе репутацию

чудака-оригинала. Но, по крайней мере, он отличался завидным постоянством: он проводил в своем маленьком гараже по двенадцать часов в сутки, семь дней в неделю — долбая ногами, пиная коленями и молотя кулаками свою брезентовую грушу.

Никто не воспринимал Тодда всерьез, пока ему не стукнуло семнадцать. Именно тогда Тодд зачастил в один непонятный бар где-то в квартале Джексон-Хейтс в Квинсе. Это всего в нескольких милях от Бэй-Сайда, но выглядел квартал так, словно находился на другой планете. Официальным языком там был ломаный английский; основной профессией местных жителей была безработность, и даже старухи здесь всегда имели при себе ножи-выкидушки.

Не знаю, что там у них было, но однажды Тодд в этом баре чего-то не поделил с четырьмя колумбийскими наркоторговцами, и они попытались на него наехать. Через две минуты двое из них валялись на полу со сломанными конечностями, у всех четверых были изувечены лица, а один был заколот собственным ножом, который Тодд вырвал у него, а затем хладнокровно всадил ему в грудь. С той поры к Тодду все относились всерьез.

А сам Тодд с той же поры всерьез занялся наркотой. Сочетая запугивание со смекалкой и расчетом, идя напролом в опасных ситуациях, он быстро поднялся. Тодд только-только разменял третий десяток, а он уже делал сотни тысяч баксов в год. Лето он проводил теперь на юге Франции и на итальянской Ривьере, а зиму — на самых роскошных пляжах Рио-де-Жанейро.

Лет пять все шло хорошо. Но в один злосчастный день, когда Тодд жарился на солнышке на пляже Ипанема, его цапнула какая-то микроскопическая тропическая тварь. Какая — так и не смогли установить, но через четыре месяца фамилия Тодда была внесена в лист ожидания на операцию по пересадке сердца. Меньше чем за год он усох до девяноста пяти фунтов и при росте в пять футов десять дюймов стал похож на обтянутый кожей скелет.

В этом виде Тодд провел два долгих года в ожидании операции, пока некий лесоруб ростом в шесть футов и шесть дюймов (и, по-видимому, на редкость неуклюжий) не свалился с калифорнийской секвойи и не нашел свою смерть. Но, как говорится, что одному смерть, другому польза. Сердце лесоруба идеально подошло Тодду.

Через три месяца после пересадки Тодд вернулся в спортзал; еще через три месяца он полностью восстановился; еще через три стал крупнейшим подпольным поставщиком кваалюда в Америке; и очень скоро он узнал,

что я, Джордан Белфорт, владелец легендарной инвестиционной компании «Стрэттон-Окмонт», страдаю сильнейшим пристрастием к кваалюду. И тогда он вышел на меня.

Это было больше двух лет назад, и с тех пор Тодд продал мне примерно пять тысяч колес и передал еще столько же в обмен на новехонькие акции «Стрэттон». А так как стоимость этих акций с тех пор взлетела до небес, Тодд быстро смекнул, что в дальнейшем не сможет рассчитываться за них со мной одним кваалюдом. И он начал выспрашивать у меня, что бы столь же глобальное он мог для меня сделать.

Я с трудом удержался от желания попросить Тодда замочить всех наших одноклассников, которые в свое время не так смотрели на меня — хотя бы начиная со второго класса. Но, услышав от него в трехтысячный раз «если я что-нибудь могу для тебя сделать — даже типа кого грохнуть, — ты типа только намекни», я, наконец, сообразил: ведь его новая жена Кэролайн — гражданка Швейцарии! Как это кстати!

В этот самый момент Тодд и Кэролайн стояли в нашей большой спальне и занимались тем, чем они занимались всегда: ссорились. Я настоял, чтобы Герцогиня уехала в город, занялась шопингом. Я совсем не хотел, чтобы она лицезрела то сумасшествие, что разыгрывалось сейчас передо мной.

А выглядело это так: Кэролайн Гаррет, на которой, кроме белых шелковых трусиков и белых теннисных кедов, не было больше ничего, стояла не дальше пяти футов от меня, заложив руки за голову и отставив локти, как будто копы только что прокричали ей: «Замри! Или я стреляю!» Ее огромные швейцарские сиськи болтались словно два наполненных водой воздушных шарика. Плотная грива обесцвеченных светлых волос ниспадала аж до самой ложбинки на ее попке. У нее были ярко-голубые глаза, высокий лоб и довольно красивое лицо. Она была настоящей Бомбой, такой типичной швейцарской коровой.

— Тотт, ты — тюпой дюрак! — говорила Швейцарская Бомба с акцентом, сильным, как запах швейцарского сыра. — Ты делаешь мне больну!

— Заткнись, ты, французская шлюха! — ответствовал любящий муж. — И стой смирно, черт тебя возьми, а не то надеру тебе задницу!

Тодд кружил вокруг жены, держа в руке моток скотча. С каждым оборотом триста тысяч долларов наличными все крепче впивались в живот Кэролайн, а ее бедра становились все более упругими.

— Это кто тут «шлюха», идьотт?! За такие слова я могу тебе мордб

бить, так, Джордан?

Я кивнул:

— Так-так, Кэролайн, — давай, не тормози, смажь ему по морде. Только сдается мне, что твоему юродивому муженьку это только понравится! Если ты и впрямь хочешь его уесть, тогда лучше начни всем подряд рассказывать, какой он у тебя добрый да распрекрасный и как он любит лежать в постельке с тобой по воскресеньям и читать «Таймс»!

Тодд злобно покосился на меня, и мне стало интересно, как все же еврею из Квинса удалось сделаться настолько похожим на Фу Манчу.[9] Даже глаза у него стали слегка косоватыми, кожа чуть пожелтела, а борода и усы делали его просто копией Фу Манчу. Тодд всегда одевался в черное, и тот день не был исключением. На нем была черная тенниска от «Версаче» с огромной черной кожаной буквой «V» на груди и черные велосипедные шорты из лайкры. И тенниска, и шорты обтягивали его мускулистое натренированное тело, как вторая кожа, а чуть ниже поясницы из-под его велосипедных шорт отчетливо выпирали контуры короткоствольной пушки 38-го калибра, которую Тодд всегда имел при себе. Предплечья Тодда были покрыты жесткими черными волосами, густыми, как у оборотня.

— Не понимаю, зачем ты подзуживаешь ее, — пробормотал Тодд, продолжая обматывать жену скотчем. — Не надо обращать на нее внимания, так всем будет проще.

Бомба заскрежетала ослепительно белыми зубами:

— О, на себя не обращай вниманье, тебилль!

— Не «тебилль», а «дебил»! — придрался Тодд. — Кретинка швейцарская! А ну заткнись и не двигайся! Я почти закончил.

Тодд протянул руку к кровати и взял переносной металлодетектор — такие применяют при досмотре в аэропорту. Он начал водить детектором вверх-вниз по всему телу Бомбы. Добравшись до ее огромного бюста, Тодд на секунду притормозил… я тоже на секунду отвлекся… да уж, у Бомбы была просто отменная пара буферов.

— Я тебе говориль, идьотт! — с торжеством заявила Бомба. — Нет и нет звук! Это же бумажные деньги, не серебро. Зачем детектур обнаружит их, так? Зачем ты деньги тратил, тюпой предмет купиль? Я же говориль «не надо!», и я говориль «косёль»!

Тодд потряс головой и рявкнул:

— Еще раз скажешь «козел» — пеняй на себя. Думаешь, я шучу? Ну так давай, повтори еще раз! Но я все же тебе отвечу. На каждой стодолларовой банкноте есть тонкая металлическая полоска, и я просто хотел убедиться,

что детектор не среагирует на такое количество баксов сразу. Вот, смотри, — Тодд вытащил стодолларовую бумажку из одной пачки и поднес ее к свету. На просвет хорошо была видна металлическая полоса толщиной с миллиметр, пересекающая банкноту от верхнего края до нижнего.

Довольный собой, Тодд сказал:

— Ну что, швейцарская гениальность, поняла? И больше во мне не сомневайся!

— Ладно, Тотт, но больше ты от меня ничего не получишь. Тебе надо беречь меня; я — красивая девушка! Я найду себе другого. Ты тут выделываешься перед своим приятелем, но главная в нашей семье все равно я, и ты, Тотт…

Швейцарская Бомба долго распространялась о том, как ее «Тотт» плохо с ней обращается, но я уже не слушал. Мне стало до горечи очевидно: в одиночку она не сможет провезти контрабандой достаточно налички, чтобы я мог провернуть действительно стоящее дельце. И хотя она порывалась набить баксами еще и свой чемодан, я лично считал это слишком рискованным: ей пришлось бы съездить туда и обратно десять раз, чтобы провезти все три миллиона. А значит, таможню придется проходить двадцать раз, по десять на каждой стороне Атлантики. Ее швейцарское гражданство гарантировало ей въезд в Швейцарию без проблем, да и шансы, что ее задержат на *выезде из* Штатов были практически нулевые. В принципе, пока кто-нибудь не предупредил американскую таможню, таких шансов вообще не было.

И все же — вновь и вновь играть с огнем, рискуя быть пойманным с поличным, казалось безрассудным. Рано или поздно что-нибудь пойдет не так. А три миллиона были лишь стартовой суммой. Если дело пойдет, я планировал переправить контрабандой в пять раз больше.

Я сказал Тодду и Швейцарской Бомбе:

— Мне очень неловко, ребята, что я тут встрял и мешаю вам убивать друг друга, но, если ты не против, Кэролайн, я бы хотел прогуляться наедине с Тоддом по пляжу. Не думаю, что ты одна сможешь провезти достаточно бабок, поэтому нам нужно еще покумекать, а я предпочитаю не говорить о таких вещах в доме.

Я протянул руку к кровати, взял портновские ножницы и сунул их Тодду:

— На, разрежь ее путы, и пойдем прошвырнемся на пляж.

— Да ну ее, — сказал Тодд, отдавая ножницы Бомбе. — Пускай сама разрезает. Будет чем заняться. А то разговаривает больно много. По

магазинам шляется да разговаривает — только этим и занимается.

— О, просто смешной человек, ты, Тотт! Какой великий любофнк! Смех, да и только. Ступай, Джордан, гуляй его дольше. А я в тишине и спокойствии сама себя разрежу.

С некоторым сомнением я уточнил:

— Ты уверена, Кэролайн?

— Да, она уверена, — ответил за Бомбу Тодд. Потом посмотрел ей прямо в глаза и медленно сказал: — Когда мы вернемся, я пересчитаю все до единой бумажки, и если хотя бы одного бакса не хватит, я перережу тебе горло и буду смотреть, как ты истечешь кровью до смерти.

Швейцарская Бомба сорвалась на крик:

— О-о, это последний раз ты мне угрожал! Я… я сыпать ятт во все твои *narcotique*! Ты… ты… косёль паршивый! *Merde*… — и она еще долго осыпала Тодда ругательствами, английскими и французскими вперемежку, умудряясь время от времени вворачивать какие-то совершенно непроизносимые немецкие словечки.

Мы с Тоддом вышли из спальни через стеклянную раздвижную дверь, открывавшуюся на Атлантический океан. И хотя эта дверь была достаточно прочной, чтобы выдержать ураган пятой категории, я мог расслышать крики Кэролайн, даже когда мы вышли на набережную.

В дальнем конце набережной длинный деревянный настил спускался к песку. Пока мы шли вдоль кромки воды, мне было тепло и спокойно, несмотря на голос, так и кричавший в моей голове: «Ты на полпути к одной из величайших ошибок в своей жизни!» Но я не обращал внимания на этот голос, наслаждаясь томной теплотой солнца.

Мы брели на запад, и темно-синие волны Атлантического океана плескались слева от нас. Примерно в двух сотнях ярдов от берега шел рыболовецкий траулер, и я видел, как белые чайки сновали по его следу, пытаясь своровать остатки дневного улова. Несмотря на очевидную безобидность судна, мне все равно мерещилось, что на мостике стоит агент ФБР и наводит на нас микрофон в попытке подслушать разговор.

Глубоко вздохнув, я подавил приступ паранойи и сказал:

— Одной Кэролайн мало. Слишком много поездок ей придется совершить, а если она будет сновать туда-сюда, таможенники в конце концов запомнят ее паспорт. И я не могу себе позволить растянуть переправку на шесть месяцев. У меня есть дела в Штатах, которые зависят от перевода средств за рубеж.

Тодд кивнул, но ничего не сказал. Он был достаточно умен, чтобы не расспрашивать о том, какого рода дела у меня были и почему все надо

было провернуть так срочно. Но факт оставался фактом: я должен переправить свои бабки за океан как можно быстрее. Как я и подозревал, компания «Доллар Тайм» находилась в гораздо более печальном положении, чем это пытался преподнести Камински, и нуждалась в немедленном вливании трех миллионов баксов.

Если я попытаюсь получить эти деньги путем превращения компании в публичную и вывода ее акций на рынок, на это уйдет по меньшей мере три месяца и мне придется провести полный аудит «Доллар Тайм». Какая ужасная вскроется картина! Боже! Учитывая темпы, с которыми компания прожигала наличность, я был уверен, что аудиторы выразят серьезнейшие сомнения в том, что компания сможет продолжить свою деятельность в следующем году. Если такое случится, то Национальная ассоциация дилеров по ценным бумагам перестанет котировать акции компании на бирже и перед компанией замаячит смерть. Вычеркнутые с биржи акции превратятся просто в бумажки, и все будет потеряно.

Так что моим единственным вариантом было выручить средства путем размещения акций по закрытой подписке. Но это было легче решить, чем сделать. Насколько «Стрэттон» была хороша в размещениях на открытом рынке, настолько же она была слаба в вопросе индивидуальных размещений (это совершенно иной род деятельности, и «Стрэттон» просто не была заточена под него). К тому же я всегда вел по десять-пятнадцать сделок одновременно, и каждая из них требовала определенного количества оборотных средств. То есть я и так уже разбрасываюсь. Если я сейчас вбухаю три миллиона баксов в «Доллар Тайм», другие мои инвестиционные сделки грозят заглохнуть.

Тем не менее решение имелось: Правило S. Благодаря этой лазейке в законе я мог использовать «счет Патриции Меллор» для того, чтобы приобрести акции «Доллар Тайм», а через сорок дней продать их обратно в Соединенные Штаты с огромной прибылью.

Это сильно отличалось от правил обращения акций в самих Соединенных Штатах, где, согласно Правилу № 144, продать купленные бумаги можно было не раньше чем через два года.

Я уже изложил этот сценарий Роланду Фрэнксу, и он заверил меня, что вполне может изготовить все необходимые бумаги, так что к сделке будет не подкопаться. Все, что мне нужно было сделать, — это перевести мои деньги в Швейцарию; после этого Роланд все брал на себя.

Я сказал Тодду:

— А что еще делать, сплавить бабки по Гольфстриму? Вообще в последний раз, когда я проходил швейцарскую таможню, они даже не

проставили штамп в моем паспорте. Может, и на этот раз пронесет?

Тодд покачал головой:

— Ни в коем случае. Заклинаю тебя, не подставляйся! Ты столько сделал для меня и моей семьи. А возить бабки могут, например, еще и мои родители. И отец, и мать уже разменяли восьмой десяток, так что у таможенников они не вызовут никаких подозрений. Они проскользнут и туда, и обратно, как мыши, без всяких проблем. Я запрягу также Рича и Дину. Получается уже пятеро — по триста штук на каждого. В два захода все будет сделано. А через несколько недель повторим еще раз.

Тодд замолчал на несколько секунд, а затем добавил:

— Знаешь, я бы сам съездил, но боюсь, что я в списке наблюдения. Но мои родители совершенно чисты; Рич и Дина — тоже.

Мы продолжили путь молча; я обдумывал слова Тодда. По правде говоря, его родители действительно как нельзя лучше годились в перевозчики. В силу их преклонного возраста их никогда бы не остановили. А вот с Ричем и Диной дела обстояли иначе. Они оба выглядели как хиппи, особенно Рич: волосы ниже задницы и отсутствующий взгляд — типичный героиновый наркоман! У Дины был такой же взгляд, но, поскольку она была женщиной, таможенники могли принять ее просто за запущенную кикимору, остро нуждавшуюся в хорошем визажисте.

— Ладно, — сказал я Тодду. — Твои родители, без всякого сомнения, беспроигрышный вариант; возможно, и Дина тоже. Но вот Рич — уж больно он похож на наркодилера; давай не будем его втягивать в эту затею.

Тодд остановился, повернулся ко мне и сказал:

— Я прошу только об одном, дружище: если, не приведи господь, с кем-нибудь из них что-нибудь случится, ты оплачиваешь адвокатов и все судебные издержки. Я знаю, ты и так обязательно сделаешь это. Я просто хотел сказать это тебе раз и больше уж к этому не возвращаться. Но доверься мне, я уверен — ничего не случится. Я тебе обещаю.

Я положил руку на плечо приятелю и сказал:

— Само собой разумеется. Если что-нибудь случится, я не только возьму на себя все судебные издержки, но и выдам — если будут держать язык за зубами — семизначную премию по окончании всех заморочек. Но я полностью тебе доверяю, Тодд. Я собираюсь доверить тебе три миллиона баксов, и я не сомневаюсь, что через неделю бабки будут в Швейцарии. Немного найдется на этом свете людей, кому я настолько доверяю.

Тодд торжественно кивнул, а я добавил:

— Кстати, Дэнни привезет тебе еще лимон, но бабки будут у него

только в середине следующей недели. Я буду с Надин в Новой Англии, на яхте; поэтому позвони Дэнни сам и договорись с ним, ладно?

Тодд помрачнел:

— Для тебя я сделаю все, что ни попросишь, но терпеть не могу иметь дело с Дэнни. Этот неуправляемый придурок совершенно непредсказуем; он жрет слишком много кваалюда. Если он привезет лимон баксов и при этом будет под кайфом, то богом клянусь — я набью ему морду. Дело серьезное, и мне совершенно не хочется связываться с невменяемым идиотом.

Я рассмеялся:

— Принято. Я скажу ему. Но мне пора домой. Тетка Надин приехала из Англии, и у нас сегодня семейный ужин в ресторане. Надо успеть одеться.

Тодд кивнул:

— Нет проблем. Так не забудь сказать Дэнни, чтобы он не являлся ко мне обдолбанным, ладно?

Я улыбнулся и кивнул:

— Не забуду, Тодд. Обещаю.

Удовлетворенный, я повернулся к океану и вгляделся в горизонт. Синий кобальт неба с пурпурной полосой в том месте, где свод небесный сливался с бескрайней гладью океана. Я глубоко вздохнул… и выкинул все из головы.

Глава 19

Неподходящий перевозчик

Выход на ужин! В Вестхэмптоне! Точнее, в Жидохэмптоне, как называли его все эти васпы, что жили вдоль дороги на Саутхэмптон. Ни для кого не было секретом, что васпы с презрением относились к жителям Вестхэмптона, словно мы были теми самыми несчастными европейскими евреями, чьи паспорта штамповали на Эллис-айленд,[10] и словно мы по-прежнему носили длинные черные лапсердаки и остроконечные шляпы.

Впрочем, несмотря на это, я продолжал считать Вестхэмптон прекрасным местом для летнего домика на пляже. Это местечко просто создано для молодых и отвязных, но самое главное, здесь было полно стрэттонцев, разбрасывавших всюду баснословные деньги, а местные в ответ ублажали стрэттонцев, следуя главному принципу компании «Стрэттон» — услуга за услугу.

В тот вечер я сидел за столиком на четверых в ресторане «Старр-Боггз», прямо у дюн океанского пляжа, и центр удовольствий моего мозга удовлетворенно мурлыкал от двух таблеток кваалюда. Для такого парня, как я, это была довольно маленькая доза, и я полностью себя контролировал. Передо мной открывался потрясающий вид на Атлантический океан, до него было подать рукой. В самом деле, океан был совсем рядом — я отчетливо слышал шум волн, разбивавшихся о берег. В половине девятого вечера было довольно светло; и этот небесный свет причудливо окрашивал горизонт вихрями пурпурного, розового и темно-синего цвета. Немыслимо огромная полная луна висела над океаном.

Это был один из тех величественных видов, что служат неоспоримым свидетельством чуда Матери Природы, и этот вид резко контрастировал с видом самого ресторана, который представлял собой полный отстой. Белые металлические столики были разбросаны по серому деревянному настилу, отчаянно нуждавшемуся в свежей покраске и серьезной шлифовке. Вздумай вы пройтись по этому настилу босым, вы бы точно угодили в отделение экстренной помощи саутхэмптонской больницы — единственного заведения Саутхэмптона, где готовы были разговаривать с евреями, пусть и неохотно. Еще больше портили зрелище десятки красных, оранжевых и фиолетовых лампочек, свисавших с тонких серых проводов, сеть которых красовалась прямо над открытым рестораном. Впечатление

складывалось такое, будто кто-то, у кого явно были проблемы с алкоголем, просто позабыл снять рождественские гирлянды. А помимо этих лампочек были еще бамбуковые факелы, стратегически размещенные в разных точках и мерцавшие слабым оранжевым светом, придававшим месту уж совсем невообразимое уныние.

Впрочем, ко всем этим декоративным прибамбасам — за исключением факелов — старина Старр, высокий и пузатый хозяин ресторана, отношения не имел. Старр был первоклассным шеф-поваром. Но цены его при этом были несколько выше средних. Как-то раз я затащил сюда Безумного Макса — чтобы наглядно объяснить ему, почему мой средний счет за обед в «Стар-Боггз» в среднем тянул на десять штук баксов. Эти счета не давали Максу покоя, пока Старр не рассказал ему об особом способе хранения красного вина, которое специально держали для меня, — по три штуки баксов за бутылку.

В тот вечер я, Герцогиня, ее мать Сьюзен и очаровательная тетушка Патриция уже уговорили две бутылки «Шато Марго» 1985 года и допивали третью — несмотря на то, что еще даже не заказали закуски. Впрочем, поскольку Сьюзен и тетка Патриция были наполовину ирландками, их склонность к алкоголю была совершенно естественна.

Пока что разговор за ужином протекал совершенно безобидно, так как я тщательно уводил его от темы международного отмывания денег. И хотя я признался Надин, что за дело у меня было к тетке Патриции, но все же предпочитал представлять все в таком свете, что дело выглядело абсолютно законным, — поменьше о том, как мы пытаемся обойти тысячу и один закон, и побольше о том, как тетушка Патриция получит свою кредитную карту и проживет остаток жизни в заслуженной роскоши. Так что через несколько минут задумчивого жевания собственной щеки Надин, наконец, поверила в мою ложь.

В этот самый момент Сьюзен объясняла нам, что вирус СПИДа — результат заговора американского правительства, ровно так же, как и покушения на Рузвельта или Кеннеди. Я пытался слушать, но меня сильно отвлекали до смешного нелепые соломенные шляпки, которые она и тетка Патриция решили почему-то напялить. Диаметром они были больше, чем мексиканские сомбреро, а из их полей торчали несуразные розовые цветы. С первого взгляда было ясно, что эти две дамы родом не из Жидохэмптона. Скорее всего, они с какой-то другой планеты.

Как только моя теща начала поносить последними словами правительство, моя восхитительная Герцогиня тут же толкнула меня коленкой под столом, словно желая сказать: «Опять она за свое!» Я искоса

поглядел на жену. Никак не могу понять, как умудрилась моя Герцогиня так быстро прийти в норму после рождения Чэндлер. Всего шесть недель тому назад она выглядела так, словно проглотила баскетбольный мяч! А сейчас она уже вернулась к своему боевому весу — сто двадцать фунтов твердой стали — и была готова навешать мне при малейшей провокации с моей стороны.

Я сжал руку Надин в своей руке и положил наши руки на стол, как бы показывая, что говорю от имени нас обоих:

— Что касается ваших слов о прессе, которая вся — одна сплошная ложь, то тут я с вами всецело согласен, Сьюзен. Проблема в том, что большинство людей не столь проницательны, как вы, — и я с самым серьезным видом покачал головой.

Патриция подняла свой бокал с вином, сделала немаленький глоток, после чего сказала:

— Как это удобно — так думать о прессе, особенно когда ты один из тех, на кого она непрестанно нападает! Ты не находишь, мой дорогой?

Я улыбнулся Патриции:

— Напрашивается тост! — я поднял свой бокал, подождал, пока все последуют моему примеру, и произнес:

— За нашу обожаемую тетушку Патрицию, которую Бог благословил поистине замечательным талантом — называть дураков дураками! — с этими словами мы чокнулись и выпили, проглотив менее чем за секунду пять сотен баксов.

Надин прижалась ко мне, погладила меня по щеке и сказала:

— Ах, мой дорогой, нам всем хорошо известно, что все, что они болтают о тебе, — это сплошная ложь. Так что не беспокойся, любимый!

— Да, — добавила Сьюзен, — конечно, все это ложь. Их послушать — выходит, что ты один-единственный нечестный человек в Америке. Ну разве это не смешно? Началось-то все еще с Ротшильдов, а потом Джей-Пи Морган и вся эта его свора… Фондовая биржа — это просто еще одно прикрытие правительства, только и всего. Видишь ли…

И Сьюзен снова взобралась на своего конька. Ну да, она была немножко с приветом — а кто из нас без греха? Зато она была очень умна и много читала. И она в одиночку вырастила Надин и ее младшего брата — а это адски тяжелый труд (по крайней мере, в случае Надин). Бывший муженек Сьюзен совсем не оказывал ей поддержки, ни финансовой, ни какой другой. Но она справилась, и справилась блестяще. А ко всему прочему Сьюзен была красивой женщиной — рыжеватая блондинка с ярко-голубыми глазами. Одним словом, молодец!

К нашему столику подошел Старр в белой поварской куртке и высоком белом поварском колпаке. В целом получилось похоже на большой пельмень.

— Добрый вечер, — тепло приветствовал нас Старр. — Поздравляю всех с Днем труда!

Моя жена, Великий Обольститель, стремительно вскочила со стула, словно чирлидерша, и наградила Старра легким поцелуем в щеку. А затем начала представлять ему своих родственниц. Через несколько приятных минут бессмысленного светского трепа Старр сменил тему и принялся расписывать свои фирменные блюда, начав с известных на весь мир жареных крабов с мягким панцирем. Не прошло и доли секунды, как я отключился, предавшись размышлениям о Тодде с Кэролайн и о моих трех миллионах. Как они собираются провезти их, не попавшись? А что будет с остальными моими бабками? Может быть, стоило все-таки прибегнуть к услугам курьеров Сореля? Но мне все еще казалось это рискованным — отдать такие деньги в руки совершенно незнакомого человека.

Я посмотрел на мать Надин, а та — случайно — перехватила мой взгляд. Она одарила меня самой теплой улыбкой, улыбкой, полной искренней любви, и я без колебаний ответил ей тем же. Сьюзен очень повезло с зятем. Действительно, с того самого дня, как я влюбился в Надин, ее мать ни в чем не нуждалась. Мы с Надин купили ей машину, сняли для нее красивый дом у воды и давали ей каждый месяц на карманные расходы по восемь штук баксов. И Сьюзен всегда поддерживала наш брак и…

…И тут мне в голову пришла поистине дьявольская идея. А почему, собственно, Сьюзен и Патриция не могли бы провезти часть денег в Швейцарию? Кто их заподозрит — двух дамочек в нелепых шляпах? Какие были шансы на то, что таможенники задержат их? Нулевые, вот именно! Две достойные пожилые дамы — и контрабанда? Да это просто идеальное преступление!

Однако я всегда испытывал раскаяние, когда меня осеняли подобные идеи. Господи! Да и случись что со Сьюзен — Надин просто четвертовала бы меня! Кто знает, может, она даже бросила бы меня, забрав с собой Чэндлер. А я не вынес бы этого! Я не мог без них жить! Ни…

Надин окликнула меня:

— Вернись на землю, Джордан! Эй, привет, Джордан!

Я повернулся к ней и рассеянно улыбнулся.

— Ты ведь хочешь меч-рыбу, малыш, не так ли?

Я кивнул, продолжая улыбаться. А Надин победоносно добавила:

— И еще он хочет «Цезарь» без гренок! — и Надин склонилась ко мне, чмокнула в щеку и снова уселась.

Старр поблагодарил нас, сделал комплимент Надин и ушел колдовать на кухне. Тетка Патриция подняла бокал и заявила:

— Я бы хотела произнести еще один тост.

Мы дружно подняли бокалы. Серьезным тоном Патриция продолжила:

— Этот тост за тебя, Джордан. Без тебя мы бы не собрались здесь сегодня вечером. И благодаря тебе я скоро переезжаю в новую, большую квартиру, поближе к внукам (я покосился на Герцогиню, пытаясь оценить ее реакцию. Надин закусила щеку! Вот черт!). В этой квартире у каждого из них будет своя спальня. Ты — великодушный человек, мой дорогой Джордан. И ты можешь этим гордиться. За тебя, мой дорогой!

Мы чокнулись, а потом Надин снова склонилась ко мне и нежно поцеловала в губы, отчего к моим чреслам прилило добрых пять пинт крови.

Здорово! До чего же классная у меня жена! И наш брак становился все крепче с каждым днем! Надин, я и Чэндлер — мы были настоящей семьей. Чего же еще может желать человек?

Через два часа я ломился в дверь собственного дома, словно Фред Флинстоун, изгнанный из дома своим домашним любимцем динозавриком:

— Надин, любимая! Ну отопри же дверь, впусти меня! Я же попросил прощения!

Голос моей жены за дверью сочился презрением:

— Прощения? Ты — маленький недоделанный идиот? Только попробуй войти — огребешь по морде!

Я сделал глубокий вдох и… медленно выдохнул. Господи, до чего же я ненавижу, когда она называет меня «маленьким»! Почему она так называет меня? Я вовсе не такой уж лилипут…

— Най, я просто пошутил! Пожалуйста! Я не собираюсь *заставлять* твою мать возить бабки в Швейцарию! Ну же, открой дверь, впусти меня!

Никакой реакции. Никакого ответа, только шаги. Черт бы ее побрал! С чего она так взбесилась? И вовсе не я предложил ее мамаше перевезти пару лимонов через границу. Она сама же и предложила! Может, я и подтолкнул ее к этому, но официальное предложение поступило от Надин!

Я решил проявить настойчивость:

— Надин! А ну-ка открой эту чертову дверь и впусти меня! Ты слишком уж остро на все реагируешь!

Я снова услышал шаги за дверью, а затем крышка почтового ящика на

уровне моего пояса приоткрылась, и из него раздался голос Надин:

— Если хочешь поговорить со мной, говори в эту щель.

Что мне оставалось делать? Я наклонился и…

ПЛЮХ!

— А-а-а! — заорал я, вытирая глаза подолом белой тенниски от Ральфа Лорена. — Это же кипяток, Надин! Ты совсем свихнулась? Ты же могла серьезно ошпарить меня!

Презрительный голос Герцогини в ответ:

— Ошпарить тебя? Я собиралась и не такое сделать! Как ты смеешь, паразит, втягивать в это дело мою мать? Ты что, не понимаешь, что я прекрасно вижу, как ты ею манипулируешь? Конечно, она готова на все после того, что ты сделал для нее! А ты убедил ее, что все так легко и просто, чертов маленький манипулятор! И все эти твои дурацкие «технологии продаж» и «правдоподобные алиби» — или как ты там еще всю эту гадость называешь! Ты подлец!

Несмотря на все эти оскорбления, только одно слово — «маленький» — задело меня по-настоящему:

— Это кого ты все время называешь маленьким? Берегись, а то как двину тебе…

— Только попробуй! Если ты поднимешь на меня руку, я отрежу тебе яйца, пока ты будешь спать, и тебе же их и скормлю!

Боже! Как мог такой красивый ротик изрыгать такой гнусный яд — причем прямо в лицо собственному мужу! Еще недавно Герцогиня казалась мне сущим ангелом, не говоря о том, что прошлой ночью она чуть не зацеловала меня насмерть! Но после того как Патриция подняла свой тост, я поймал их взгляды — ее и Сьюзен, — брошенные на меня из-под их нелепых соломенных шляп. Тетка и теща напомнили мне сестер Пиджин из кинофильма «Странная парочка». И я подумал: «Какой же таможенник в здравом уме задержит сестер Пиджин?»

А то обстоятельство, что у обеих были британские паспорта, делало всю затею еще более осуществимой. И потому я пустил пробный шар — проверю-ка, не согласится ли одна из них провезти для меня контрабандные бабки.

Из щели почтового ящика снова раздался голос жены:

— Наклонись сюда, посмотри мне в глаза и поклянись, что ты не хочешь, чтобы она это делала!

— Наклониться к тебе? Ага, сейчас! — сказал я насмешливо. — Хочешь, чтобы я посмотрел тебе в глаза? А зачем? Чтобы ты снова плеснула мне в лицо кипятком? Ты меня за полного кретина держишь или

как?

Лишенным всяких эмоций голосом Герцогини ответила:

— Я не собираюсь больше лить на тебя воду. Клянусь глазками Чэндлер.

Я все равно не стал наклоняться. Надин снова заговорила:

— Моя мать и тетя Патриция думают, что все это просто игра. Они обе ненавидят любые правительства и считают, что обманывать их — хорошо и правильно. И теперь, когда эта идея засела в голове у матери, она не успокоится, пока ты не разрешишь ей сделать это. Я очень хорошо ее знаю. Она думает, что это так возбуждает — пройти через таможню с кучей контрабандного бабла.

— Я не подбивал ее на это, Най. Я никогда и не думал ни о чем таком всерьез. Просто я малость перебрал этого «Шато Марго»… Я поговорю с ней завтра.

— Ты вовсе не перебрал, вот это и печально. Даже когда ты трезвый, ты — маленький дьявол. Это я сумасшедшая, а не ты! Мне действительно надо провериться у психиатра! Наш ужин стоил двадцать тысяч долларов! Какой нормальный человек потратит двадцать штук на ужин, если это не свадьба или какое-нибудь другое торжество? Ни один, я уверена! С чего это ты так разошелся? А те три миллиона, что до сих пор валяются у нас в спальне! Это вообще бред нереальный!

Что бы ты ни думал, Джордан, мне всего этого не нужно. Я хочу жить тихо и мирно, вдали от «Стрэттон», вдали от всего этого безумия. Думаю, нам нужно уехать, пока не случилась беда! — Герцогиня сделала паузу. — Но ты никогда не пойдешь на это. Ты привык к власти и ко всем этим идиотам, что величают тебя «Королем» и «Волком». Господи, «Волк», подумать только! Что за идиотское прозвище!

Я просто физически чуял отвращение, сочившееся сквозь щель почтового ящика:

— Мой муж — Волк с Уолл-стрит! До чего же глупо звучит! Но ты-то этого не замечаешь. Потому что ты маленький эгоистичный засранец.

— Прекрати называть меня «маленький»! Блин, да что такое на тебя нашло?

— Ах какие мы, маленькие, чувствительные, — просюсюкала насмешливо Герцогиня. — Что ж, зарубите себе на носу, мистер Чувствительный: сегодня ночью вы спите в гостевой спальне! И завтра ночью тоже! Возможно, если исправитесь, я займусь с вами сексом… в будущем году! Но до него еще дожить надо!

Мгновением спустя я услышал, как дверь открывается… а затем цокот

ее высоких шпилек вверх по лестнице.

Что ж, наверное, я заслужил все это. И все же — каковы шансы на то, что ее мать прихватят на таможне? Почти нулевые! Эти их несуразные соломенные шляпки — именно они навели меня на эту злосчастную мысль. И положа руку на сердце — поддерживая Сьюзен материально, разве в глубине души я не рассчитывал однажды получить что-нибудь взамен? Чего уж греха таить! И она тоже это понимает, вот почему и предложила это первая! Сьюзен была умной, порядочной женщиной, и она тоже в глубине души прекрасно сознавала, что нас связывает нечто вроде негласной долговой расписки, которую я могу однажды предъявить в случае нужды.

Никто никогда ничего не делал и не делает ближнему по одной только доброте душевной — вот что я имею в виду. Всегда находится какой-нибудь скрытый мотив — пускай даже банальное чувство довольства собой, которое испытывает человек, оказывая другому помощь. Да и как еще на эту помощь посмотреть — ведь она вообще может проистекать лишь из заботы о своих собственных интересах.

Ладно, по крайней мере, сегодня у меня был секс с Герцогиней. Так что день-два без секса я как-нибудь проживу.

Глава 20

Слабое звено

Расстроенная Герцогиня была наполовину права, но наполовину нет. Да, она была права, когда настаивала, чтобы ее мать не играла значительной роли в «чудесном приключении», как Сьюзен и Патриция окрестили касавшуюся их часть моей международной отмывочной схемы. И права в том, что наши мотивы (Сьюзен и мои) имели сильный эмоциональный привкус. Положить баснословное количество бабла — 900 тысяч баксов! — в объемистую дамскую сумку и с этой сумкой на плече пройти через таможню и не попасться? Да, такое действительно очень возбуждает!

Но Герцогиня была не права, принимая все так близко к сердцу и мучая себя. Сьюзен преодолела таможенный барьер по обе стороны Атлантики, глазом не поведя, и вручила деньги Жан-Жаку Сорелю с улыбкой, да еще и подмигнув ему. И вот она уже благополучно добралась до Англии, где намеревалась провести остаток сентября с теткой Патрицией, наслаждаясь своим геройством и тем, что нарушение доброго десятка законов так просто сошло им с рук.

В конце концов Герцогиня простила меня, и между нами снова воцарились мир да любовь; мы решили продлить себе летний отдых в Ньюпорте, штат Род-Айленд, и там к нам присоединился мой старый друг Алан Липски со своей (уже почти бывшей) женой Дорин.

И вот в один прекрасный день мы с Аланом шли по деревянному причалу к яхте «Надин». Мы, можно сказать, шли плечом к плечу, если не считать того, что плечо Алана было на целых шесть дюймов выше моего. Он был высоким и крупным, с грудной клеткой, как бочонок, и толстенной шеей. Лицо у Алана было такое, какие в кино обычно бывают у мафиози-киллеров: крупные, резкие черты и большие, густые брови. Даже в светло-голубых шортах-бермудах, желтой футболке с V-образным вырезом и бежевых мокасинах он выглядел грозно.

«Надин» была выше всех яхт в гавани, а благодаря своей необычной желтовато-коричневой раскраске она еще сильнее выделялась на общем фоне. Любуясь величавым зрелищем, я все же не мог не задаться вопросом — а за каким вообще хреном я купил эту посудину? Мой пройдоха-бухгалтер Деннис Гайто просто умолял меня этого не делать, назойливо

повторяя старую бородатую присказку: «Владелец яхты бывает счастлив дважды — в момент, когда купил ее, и в момент, когда продал!» Деннис был малый головастый и рассудительный, так что я долго колебался. Но когда Герцогиня заявила, что покупка яхты — идиотская затея, мне, понятно, не осталось ничего иного, как тут же взять и выписать чек.

Так что теперь я был владельцем яхты «Надин», 167-футовой плавучей головной боли. Проблема была в том, что корыто было старое, построенное еще в начале 1960-х годов (хотя и для Коко Шанель). Дряхлый движок чудовищно грохотал и постоянно ломался. Как и у большинства яхт той эпохи, все три ее просторные палубы были отделаны красным деревом, что ежедневно ставило на колени команду из двенадцати человек. Вооружившись полиролью и щетками, они ползали по этим палубам на четвереньках с утра до ночи.

По иронии судьбы, когда лодка была построена, она имела в длину всего 120 футов. Но затем один из ее владельцев по имени Берни Литтл (у него я и купил яхту) решил удлинить судно ради вертолетной площадки. Берни был на редкость хитрющим дельцом, опознававшим простака с первого взгляда. И после того как я несколько раз брал у него эту яхту напрокат, он уговорил меня купить ее, сыграв на моей любви к капитану Марку (Марк прилагался к яхте в качестве бонуса).

Вскоре после покупки капитан Марк убедил меня построить самодельный гидроплан. По его словам, раз уж мы с ним заядлые дайверы, то с гидроплана мы могли бы легко заметить косяк каких-нибудь глупых рыб, на которых прежде никто еще не охотился. Марк сказал: «Рыбы будут такие непуганые, что мы сможем просто с рук их кормить, прежде чем насадим на гарпун». Идея показалась мне увлекательной, и я дал Марку зеленый свет. Смета мгновенно выросла с начальных пятисот штук до лимона баксов.

Но когда мы попытались затащить гидроплан на верхнюю палубу, мы поняли, что она для этого недостаточно просторна. На ней уже красовались вертолет «Белл Джет», шесть водных мотоциклов «Кавасаки», два мотоцикла «Хонда», трамплин для прыжков в воду и водная горка, так что вертолет не смог бы ни взлететь, ни сесть, не врезавшись в гидроплан. Но я уже настолько увлекся этой бредовой идеей с гидропланом, что не придумал ничего лучше, как вернуть судно на верфь, чтобы еще раз удлинить его… примерно на семьсот тысяч долларов.

В результате нос «Надин» вытянулся вперед, а корма — назад. И яхта стала похожа на какую-то водяную змею в 167 футов длиной.

Я сказал Алану:

— Признаюсь тебе, я люблю эту яхту. Я доволен, что ее купил.

Алан кивнул в знак согласия:

— Она — красавица.

Капитан Марк ждал меня на причале — такой же квадратный, как один из тех роботов-боксеров, с которыми мы с Аланом играли мальчишками. На нем была белая матроска с воротником и белые шорты; и на матроске, и на шортах красовалась эмблема «Надин» — ярко-синяя большая буква «Н», обрамленная двумя золотистыми орлиными перьями.

Капитан Марк сказал:

— Тут была туча телефонных звонков, босс. Один раз звонил Дэнни, и похоже, что он был… в общем, он, кажется, в полном улете. А потом еще три от дамы по имени Кэролайн, у нее еще такой сильный французский акцент. Она просила, чтобы вы позвонили сразу же, как только вернетесь на лодку.

Сердце мое бешено заколотилось. Боже правый! Дэнни ведь должен был встретиться сегодня утром с Тоддом и передать ему пять миллионов баксов! Блин! Тысячи панических мыслей пронеслись в моем мозгу. Вдруг что-то случилось? А вдруг копы их приняли? Они оба в тюрьме? Нет, это совершенно невозможно, если только за ними не следили. Но с чего бы ФБР за ними следить?

А вдруг Дэнни явился на встречу обдолбанным? Тогда Тодд, наверное, хорошенько врезал ему… и Кэролайн звонила извиниться? Нет, это — явный бред. В этом случае Тодд сам бы позвонил, разве не так? О, черт, я же забыл сказать Дэнни, чтобы он не смел являться на встречу под кайфом!

Я глубоко вздохнул и попытался успокоиться. Возможно, это простое совпадение. Я улыбнулся капитану Марку и спросил:

— Дэнни что-нибудь сказал?

Капитан Марк пожал плечами:

— Его было трудно понять, но, кажется, он просил передать вам, что «все в ажуре».

— Все в порядке? Моя помощь не нужна? — вмешался Алан.

— Нет-нет, — ответил я, переводя дух. Алан, тоже выросший в Бэй-Сайде, конечно же, тоже знал Тодда. Но я ничего не сказал Алану. Не потому что не доверял ему; просто не было смысла ему это рассказывать. Ему было известно только то, что я собирался прибегнуть к услугам его брокерской фирмы «Монро Паркер» для покупки нескольких миллионов акций «Доллар Тайм» у некоего независимого иностранного продавца. И я спокойно сказал:

— Да нет, все в порядке. Я как раз собирался сделать пару телефонных звонков. Буду внизу, в своей спальне.

С этими словами я перепрыгнул с края деревянного причала прямо на палубу. Спустился вниз, в кают-компанию, схватил телефон и набрал номер сотового Дэнни.

После трех гудков Дэнни ответил с интонациями мультяшного героя:

— Хэллоу?..

Я посмотрел на часы — 11:30. Немыслимо! В половине двенадцатого дня, в среду, в рабочий день, он уже был совершенно обдолбанный!

— Дэнни, что с тобой происходит, мать твою? Ты что, под кайфом в офисе?

— Не-не-не! У мня седни аггул («у него сегодня отгул?») — ну я был у Тодда… ты не парься! Все путем! Все чисто, без следов!

Что ж, по крайней мере, мои худшие опасения пока не подтвердились.

— А кто за старшего в офисе, Дэнни?

— Там Дуболом и Вигвам. Все путем, Волк! И Безумный Макс тоже там.

— Тодд не сердился на тебя, Дэнни?

— Ну… — замялся Дэнни. — Он бешеный, этот лесоруб! Вытащил пушку, и наставил на меня, и сказал, что мне повезло, что я твой друг. А че он пушку-то носит? Это разве законно?

Тодд вытащил пушку? В публичном месте? Быть такого не может! Тодд, может, и бешеный, но уж точно не идиот!

— Я не пойму, Дэнни. Он что — вытащил пушку прямо на улице?!

— Нет-нет! Я отдал ему портфель на заднем сиденье лимузина. Мы встречались в торговом центре «Бэй-Террас» — на парковке. Все путем! Я на секунду заехал, потом уехал.

Боже всемогущий! Вот так картина! Тодд — в черном «линкольне», Дэнни — в черном «роллс-ройсе», стоящих бок-о-бок в торговом центре «Бэй-Террас»… Они бы еще черный «феррари» туда подогнали!

Я еще раз уточнил:

— Ты уверен, что все прошло гладко?

— Да, я уверен! — ответил Дэнни неразборчиво, но возмущенно, и я швырнул трубку. Не столько потому, что он меня взбесил, сколько потому, что для меня было невыносимо разговаривать с обдолбанным кретином, когда сам я трезв как стеклышко.

Я уже собирался снова взять телефон и набрать Кэролайн, когда он вдруг сам зазвонил. Я попытался угадать, кто это, чувствуя себя, как Безумный Макс моего детства; мой пульс учащался с каждым новым

звонком. Вместо того чтобы ответить, я набычился и тупо пялился на аппарат.

После четвертого звонка кто-то снял трубку на совмещенном аппарате. Я ждал… и молился. Через несколько секунд я услышал короткий зуммер спикерфона и затем голос Тани, сексапильной подружки капитана Марка:

— Мистер Джордан, вам звонит Кэролайн Гаррет, вторая линия…

Я выдержал короткую паузу, пытаясь собраться с мыслями, и снял трубку:

— Привет, Кэролайн, что такое? Все в порядке?

— Ох, слава богу, я наконец-то нашла тебя! Джордан, Тодд в тюрьме и…

Я тут же перебил ее:

— Кэролайн, больше ни слова. Я перезвоню тебе из автомата. Ты дома?

— Да, я дома. Жду твоего звонка.

— Понятно, никуда не выходи. Все будет хорошо, Кэролайн. Я обещаю тебе.

Я повесил трубку и сел на краешек кровати, не веря собственным ушам. Мой мозг прокручивал тысячи различных вариантов, а мной овладело какое-то странное чувство, которого я раньше никогда не испытывал. Тодд угодил в тюрьму. В тюрьму! Как такое могло случиться? Заговорит ли он?.. Нет, конечно же, нет! Если кто и соблюдал закон молчания, так это Тодд. А кроме того, сколько лет ему вообще остается жить? В его груди билось чужое сердце, сердце какого-то чертова лесоруба. И он сам не раз говорил, что живет взаймы. Возможно, суд будет откладываться до тех пор, пока он действительно не умрет. Я тут же устыдился, что такая мысль пришла мне в голову, хотя и вынужден был признать, что доля правды в ней все же имелась.

Я глубоко вздохнул и попытался взять себя в руки. Потом встал с кровати и пошел искать телефон-автомат.

Пока я шел по пристани, я вдруг вспомнил, что у меня осталось всего пять таблеток кваалюда — при подобных обстоятельствах сущий мизер. Я не предполагал, что мне придется вернуться на Лонг-Айленд еще на три дня, и боль в спине изводила меня… А кроме того, я уже пробыл ангелом больше месяца — вполне достаточно.

Сняв трубку, я набрал номер Джанет. Когда я вводил номер своей телефонной карты, мне в голову вдруг пришел вопрос: а можно ли как-нибудь проследить этот звонок? По секундном размышлении я отбросил эту мысль как нелепую. Телефонная карта никак не могла облегчить фэбээровцам прослушивание моего разговора; это было все равно что

пытаться отследить 25-центовики. И все же это была мысль осторожного, предусмотрительного человека, и я не преминул похвалить себя за нее.

— Джанет, — сказал предусмотрительный человек. — Я хочу, чтобы ты выдвинула правый ящик моего рабочего стола, достала оттуда сорок таблеток кваалюда, выдала их Вигваму и немедленно отправила его сюда на вертолете. В нескольких милях от гавани есть частный аэропорт. Он сможет сесть там. У меня нет времени его встречать, так что пусть лимузин…

Джанет перебила меня:

— Он будет там через два часа; не волнуйтесь насчет этого. Как дела? Вы чем-то расстроены?

— Все хорошо. Я просто немного не рассчитал, когда собирался сюда, и таблетки закончились. А спина сильно болит; мне нужно как-то снять боль.

Не попрощавшись с Джанет, я повесил трубку, потом набрал домашний номер Кэролайн. Она взяла трубку и затараторила:

— Господи, Джордан, я сейчас расскажу тебе, что…

— Кэролайн, не…

— …Что случилось с Тоттом! Он…

— Кэролайн, послушай…

— …Он в тюрьме, и он сказал, что…

Я рявкнул:

— Кэр-р-ролайн!

Это подействовало.

— Слушай меня, Кэролайн, и ничего не говори. Извини, что прикрикнул на тебя, но я не хочу, чтобы ты разговаривала из дома. Ты понимаешь?

— *Oui*, — ответила она. В такой напряженный момент ей было проще говорить на родном языке, это ее вроде бы успокаивало.

— Отлично, — сказал я невозмутимо. — Иди к ближайшему автомату и набери номер 401-555-1665. Это номер телефона-автомата, у которого я нахожусь. Записала?

— Да, — ответила она уже спокойнее и вновь перейдя на английский. — Я записала номер. Перезвоню тебе через несколько минут. Мне еще нужно поменять деньги.

— Не нужно. Позвони за счет вызываемого абонента, — и я продиктовал ей номер моей телефонной карты.

Через пять минут мой телефон зазвонил. Я снял трубку и попросил Кэролайн продиктовать мне номер автомата, из которого она звонила.

Затем я повесил трубку, перешел к соседнему автомату и набрал номер Кэролайн.

Она сразу вылила на меня поток подробностей:

— …Тотт ждал на парковке Дэнни, и он, наконец, подкатил на своем огромном «роллс-ройсе»; он был совершенно невменяемый и нарезал круги на подземной парковке, чудом ни в кого не въехал. И охранники вызвали полицию, потому что подумали, что Дэнни пьяный. Он отдал портфель Тодду и сразу уехал, потому что Тодд пригрозил убить его за то, что он под дурью. А потом Тодд увидел две полицейские машины с мигалками и понял, что произошло. Он побежал в торговый центр, в магазин видео, и спрятал пушку в коробку из-под видика. Но копы все-таки надели ему наручники. А потом просмотрели запись камеры слежения и узнали, где он спрятал пушку. Они ее забрали и арестовали Тодда. А потом копы пошли к его лимузину, нашли бабки и забрали их.

«Ах ты, черт!» — подумал я. Но деньги сейчас волновали меня в последнюю очередь.

Главная проблема заключалась в другом: Дэнни конец! Ему надо бежать из города и никогда не возвращаться сюда. Ну или выложить Тодду астрономическую компенсацию.

И тут мне в голову пришел вопрос — а *как* Тодд рассказал все это Кэролайн? По телефону? Но если он все еще в тюрьме, то, значит, он звонил из… ах ты, господи! Ну нет, Тодд не такой дурак! Он бы не стал рисковать и звонить по телефону, который почти наверняка прослушивают, — а тем более звонить себе домой!

— Когда ты в последний раз разговаривала с Тоддом? — спросил я медленно, молясь, чтобы разумное объяснение нашлось.

— Я не разговаривала с ним. Мне позвонил его адвокат; это он мне все рассказал. Тодд позвонил ему и попросил внести за него залог. А потом Тодд сказал, что я должна сегодня ночью улететь в Швейцарию, пока чего не вышло. И я забронировала билеты для его родителей, для Дины и для себя. Рич возьмет Тодда на поруки, а я дам ему деньги на залог.

Боже всемилостивый! Вот оно как! Как я и думал, у Тодда хватило ума не говорить по телефону. Он действовал через адвоката. Но самое потрясающее заключалось в том, что, даже угодив в такой переплет и сидя в камере, Тодд все еще пытался переправить мои бабки за океан. Я не знал, как реагировать: быть признательным ему за такую непоколебимую верность или злиться на него за подобное безрассудство. Я еще раз прокрутил в мозгу всю историю, пытаясь предугадать последствия. Копы, скорее всего, решили, что взяли наркоторговца. Только что продал товар

— вот почему при нем был портфель, набитый баблом. А за рулем «роллс-ройса», наверное, был покупатель. Интересно, они засекли номерной знак Дэнни? А если даже да — на каком основании они могли бы его арестовать? Судя по всему, им нечего предъявить Дэнни. Все, что у них есть, — это портфель с бабками. Больше ничего. Главная проблема — пушка, но и эту проблему можно разрулить. Хороший адвокат, пожалуй, смог бы добиться освобождения под залог. Ну, может быть, залог назначат весьма крупный, но я бы заплатил — или пусть Дэнни заплатит. Тем дело и кончится.

Я сказал Бомбе:

— Ладно, поезжай. Тодд дал тебе все указания? Ты знаешь, с кем нужно встретиться?

— Да, с Жан-Жаком Сорелем. У меня есть его номер телефона, и я прекрасно знаю эту улицу. Это самый центр.

— Хорошо, Кэролайн. Будь осторожна. Скажи это и родителям Тодда, и Дине. И позвони адвокату Тодда — пусть он ему передаст, что ты говорила со мной и что ему не о чем беспокоиться. Скажи ему, что я обо всем позабочусь. И подчеркни слова — «обо всем». Кэролайн, ты понимаешь, что я говорю?

— Да-да, понимаю. Не беспокойся, Джордан. Тотт любит тебя. Он не скажет ни единого слова, ни при каких обстоятельствах. Я обещаю тебе это совершенно искренне. Он скорее убьет себя, чем навредит тебе чем-нибудь.

Эти слова заставили меня внутренне улыбнуться, хотя я отлично знал, что Тодд не способен любить ни одной живой души на земле, в том числе и меня. И все же сам характер Тодда и «понятия» еврейского гангстера делали крайне маловероятной возможность того, что он заложит меня. Разве что ему будет светить большой тюремный срок.

Обдумав все это, я пожелал Бомбе приятного путешествия и повесил трубку. И пока я шел обратно к яхте, я задавался только одним вопросом — нужно ли мне звонить Дэнни и сообщать ему эти неприятные новости? Или было бы умнее подождать, пока он придет в себя? Впрочем, теперь, когда первая волна паники спала, эти новости больше не казались *такими уж* неприятными. Конечно, радоваться особо нечему, но в целом ситуация стала видеться мне просто досадным осложнением.

Что ж, следует признать: кваалюд явно ведет Дэнни к погибели. Он серьезно подсел, и, возможно, ему необходима срочная помощь.

Часть III

Глава 21

Форма важнее содержания

Январь 1994 года

В течение нескольких недель после инцидента на парковке стало понятно, что камеры наблюдения торгового центра не зафиксировали ясное изображение номерного знака автомобиля Дэнни. Но, по словам Тодда, полицейские предлагали ему сделку, если он расскажет им, кто был за рулем «роллс-ройса». В ответ Тодд, разумеется, разразился грубой бранью и послал их куда подальше. Впрочем, у меня появились смутные подозрения, что тут он сильно преувеличивал, рассчитывая вытянуть из меня как можно больше денег. Как бы то ни было, я заверил его, что о нем позаботятся. Взамен он согласился пощадить Дэнни.

В остальном 1993 год закончился без неприятных происшествий — мое реалити-шоу «Богатые и никчемные» продолжалось как ни в чем не бывало, и год щедро завершился открытым размещением акций компании «Стив Мэдден Шуз» по цене чуть больше восьми долларов за штуку. Вместе с доходами, полученными через моих подставных, с облигациями промежуточных займов и комиссионными от собственных сделок с ценными бумагами я сделал за год больше двадцати миллионов долларов.

На рождественские каникулы мы отправились в двухнедельный отпуск на Карибы на борту яхты «Надин». Мы с Герцогиней отрывались по полной программе и зажигали словно рок-звезды. От острова Сен-Мартен до острова Сен-Барт я не пропустил ни одного пятизвездочного ресторана и почти в каждом умудрился заснуть. Наглотавшись в очередной раз таблеток, я отправился нырять с аквалангом и умудрился наткнуться на собственный гарпун, но рана оказалась нестрашной — острие пронзило лишь мягкие ткани. Если не считать этого происшествия, я вернулся из круиза практически невредимым.

Отпуск, однако, закончился, и нужно было возвращаться к делам. Был вторник первой недели января. Я сидел в кабинете Айры Ли Соркина, главного внешнего аудитора моей «Стрэттон-Окмонт», почтенного юриста с копной седых волос на голове. Как все известные успешные адвокаты, он работал и на «плохих парней», и на «хороших», в зависимости от того, кого об этом спросить. Дело в том, что когда-то Айк был начальником отдела Нью-Йоркского регионального офиса независимого федерального агентства-регулятора — Комиссии по ценным бумагам и биржам.

Откинувшись на спинку великолепного черного кожаного трона, он воздел руки ладонями кверху и произнес:

— Ты должен прыгать от радости, Джордан! Два года назад Комиссия возбудила против тебя иск на двадцать два миллиона баксов и попыталась прикрыть твою лавочку. Теперь они готовы уладить дело, хотят всего три миллиона баксов и готовы лишь слегка пожурить твою фирму. Что это, если не полная победа?

Я учтиво улыбнулся моему хвастуну-адвокату, хотя в глубине души меня раздирали противоречивые чувства. Нелегко было осмыслить такую новость в первый рабочий день после рождественских каникул. Почему это я должен радоваться уступке Комиссии, если та не нашла против меня ни одной явной улики? Комиссия подала иск больше двух лет назад, обвиняя меня в манипуляциях на фондовой бирже и агрессивной тактике продаж под давлением. Но в поддержку выдвинутым обвинениям они нашли совсем мало доказательств, особенно в том, что касалось манипуляций, то есть более серьезного из двух предъявленных обвинений.

Комиссия вызывала в суд для дачи свидетельских показаний четырнадцать сотрудников моей фирмы, двенадцать из которых, положив правую руку на Библию, солгали. Только двое запаниковали и сказали правду, признавшись в применении агрессивной тактики давления на клиентов и все такое. И Комиссия, надо думать, в качестве благодарности за честность, выкинула их обоих из индустрии ценных бумаг (в конце концов, они же сами признались в совершении правонарушения под присягой). А какая же страшная участь постигла двенадцать лгунов? Ох уж эта идеальная справедливость! Они, все до единого, не понесли никакого наказания и продолжали работать в моей брокерской фирме, все так же улыбаясь, названивая клиентам и настырно добиваясь от них своего.

И вот теперь, несмотря на серию замечательных успехов в отражении нападок всяких засранцев и придурков, Айра Ли Соркин, сам бывший засранец и придурок, рекомендовал мне уладить этот иск и навсегда забыть о нем. Однако мне такая логика не нравилась, поскольку «навсегда забыть о нем» означало не просто заплатить три миллиона долларов штрафа и пообещать никогда впредь не нарушать биржевые правила; для меня это означало также пожизненный запрет на работу в индустрии ценных бумаг и отстранение от дел в собственной брокерской фирме, да еще наверняка с какой-нибудь оговоркой вроде того, что даже если я вдруг умру и каким-то чудесным образом воскресну, мне все равно будет запрещено заниматься ценными бумагами.

Я уже был готов высказать вслух свои соображения, когда Великий

Соркин, не выдержав, заговорил первым:

— Одним словом, Джордан, мы с тобой отлично поработали и переиграли Комиссию в ее же собственной игре, — кивнул он, словно подчеркивая мудрость сказанных им слов. — Мы вытянули все жилы из этих ублюдков. Эти паршивые три миллиона ты вернешь себе через месяц, к тому же они даже не подлежат налогообложению. Пора менять жизнь. Пора уйти в тень и наслаждаться семейной жизнью с прелестной женой и дочкой.

С этими словами Великий Соркин одарил меня ослепительной улыбкой и еще раз кивнул.

— Адвокаты Дэнни или Кенни уже знают об этом? — поинтересовался я, также улыбаясь.

На его лице появилась заговорщическая улыбка.

— Это строго между нами, Джордан. Ни один из этих адвокатов ничего не знает. Разумеется, я легально представляю интересы фирмы «Стрэттон», поэтому лоялен ей. Но твоя фирма — это ты, поэтому моя лояльность принадлежит тебе. Как бы то ни было, я подумал, что в таких обстоятельствах тебе не помешают несколько дней на обдумывание предложения. Но это все, что мы можем себе позволить, дружище, всего несколько дней. Самое большее — неделю.

Когда против нас был выдвинут первый иск, каждый из нас нанял отдельного адвоката, чтобы избежать возможных противоречий. В то время я считал это пустой тратой денег, теперь же радовался этому. Пожав плечами, я сказал:

— Я уверен, что предложение Комиссии еще долго останется в силе, Айк. Ты верно подметил, мы взяли их измором. Собственно говоря, я даже думаю, что в Комиссии уже не осталось никого, кто знает это дело в подробностях.

Мне не терпелось объяснить ему, откуда у меня такая уверенность (жучок в зале заседаний), но все же я предпочел не делать этого.

Подобно ярому приверженцу какой-то секты, Айк снова воздел руки и закатил глаза.

— Ну зачем смотреть дареному коню в зубы, а? За последние полгода нью-йоркский офис Комиссии пережил серьезную реорганизацию, их моральный дух слаб и неустойчив, но это всего лишь совпадение. Такое положение вещей продлится недолго. Джордан, сейчас я говорю с тобой не как твой адвокат, а как твой друг. Ты должен раз и навсегда уладить это дело, прежде чем в бой вступит новый отряд следователей и снова попытается пробить брешь в твоей обороне. В конце концов кто-нибудь из

них и впрямь найдет серьезную зацепку, и тогда последствия окажутся непредсказуемыми.

Медленно кивнув, я сказал:

— Ты молодец, что сохранил эту новость между нами. Если бы произошла утечка до того, как я успел бы поговорить со своими людьми, они могли бы запаниковать. Но должен тебе сказать, что у меня не вызывает восторга мысль о пожизненном запрете на профессию. Подумать только — никогда больше не входить в брокерский зал! Я даже не знаю, что на это сказать. Брокерский зал — это источник моих жизненных сил. Это мое здравомыслие и безумие одновременно. Это для меня все — и хорошее, и плохое, и всякое! Ну да ладно, главная проблема не во мне. Проблема в Кенни. Хотел бы я знать, как мне убедить его согласиться на пожизненный запрет заниматься ценными бумагами, если Дэнни останется при деле? Кенни прислушивается ко мне, но я не уверен, что он послушается, если я велю ему уйти, а Денни разрешу остаться. Кенни делает десять миллионов долларов в год. Может, он не самый шустрый в команде, но ему хватит мозгов, чтобы смекнуть, что ему уже никогда не удастся зашибать столько денег.

Пожав плечами, Айк сказал:

— Так пусть Кенни остается, а Дэнни возьмет удар на себя. Комиссии наплевать, кто из них останется, а кто уйдет. Для них главное, чтобы *ты* навсегда исчез из этого бизнеса. Все, что им нужно, это кинуть жирный кусок прессе, заявив, что они разделались, наконец, с Волком с Уолл-стрит. А потом они успокоятся. Может, будет проще уговорить Дэнни уйти?

— Это не выход из положения, Айк. Кенни дебил! Пойми меня правильно, я люблю этого парня и всякое такое, но это не отменяет того факта, что он неспособен управлять фирмой. Ладно, расскажи мне, что будет, если мы согласимся на условия Комиссии.

Он помолчал несколько секунд, словно собираясь с мыслями, потом заговорил:

— Предположим, тебе удастся уговорить Кенни отойти от дел, тогда вы оба продадите свои акции Дэнни и подпишете постановление суда о пожизненном запрете на брокерскую деятельность. Заплатить штраф может непосредственно фирма, так что вам обоим не придется выложить из собственного кармана ни цента. Потом на фирме появится независимый аудитор, проведет проверку и даст какие-то рекомендации. В этом нет ничего страшного, я сам могу заняться твоим контрольным отделом. Вот и все, дружище. Все очень просто.

И все же мне кажется, ты слишком хорошего мнения о Дэнни. Он,

конечно, более смышленый, чем Кенни, но он же почти все время под кайфом. Я знаю, тебе тоже нравится поторчать, но в рабочее время ты этого себе не позволяешь. Кроме того, хорошо это или плохо, на свете есть только один Джордан Белфорт. Членам Комиссии это хорошо известно, особенно Марти Купербергу, который сейчас возглавляет нью-йоркский офис. Вот почему он так упорно хочет вытолкнуть именно тебя из бизнеса. Он может с презрением относиться ко всему тому, что ты собой символизируешь, и все же он воздает тебе должное. Я был на конференции Комиссии во Флориде, и там Ричард Уокер — теперь он второй человек в Вашингтоне — говорил, что нужен целый новый свод законов об операциях с ценными бумагами, чтобы справиться с такими, как Джордан Белфорт. По залу пробежал смешок, да и сказал он это вовсе не в уничижительном тоне, если ты меня правильно понимаешь.

— О да, Айк, — закатил я глаза, — я горжусь этим, по-настоящему горжусь, что уж там! Почему бы тебе не позвонить моей мамочке и не рассказать ей, что говорил обо мне сам Ричард Уокер? Уверен, она будет потрясена, узнав о том, какое трепетное уважение ее сын внушает высшим федеральным копам, контролирующим индустрию ценных бумаг. Веришь ли, Айк, было время, и не так уж давно, когда я был хорошим еврейским мальчиком из хорошей еврейской семьи. Я серьезно. Я был ребенком, который после снегопадов лопатой расчищал от снега подъездные дорожки, чтобы заработать немного денег. Трудно себе представить, но всего пять лет назад я мог войти в ресторан, не притягивая любопытных взглядов.

Я покачал головой, чувствуя себя совершенно растерянным:

— Бог ты мой! Как же, черт подери, я позволил всему этому выйти из-под контроля? Я совсем не этого хотел, когда основывал свою фирму «Стрэттон». Клянусь богом, Айк!

С этими словами я встал с кресла и уставился на Эмпайр-Стейт-билдинг за зеркальным стеклом окна. Не так уж много времени прошло с тех пор, как я впервые попал на Уолл-стрит в качестве ученика биржевого маклера. Я приехал на автобусе — на *автобусе!* — и в моем кармане оставалось всего-навсего семь долларов. Семь несчастных долларов! Я и теперь помнил то чувство, с которым смотрел на всех остальных пассажиров и думал о том, так ли им горько, как мне, от того, что приходится ехать на автобусе на Манхэттен, чтобы в поте лица зарабатывать на жизнь. Я с жалостью смотрел на старшее поколение, потому что им приходилось сидеть на жестких пластиковых сидениях и вдыхать дым дизельного мотора. Помню, я тогда мысленно поклялся, что

никогда не закончу свою жизнь так, как они, что непременно разбогатею и буду жить так, как мне нравится.

Помню, я сошел с автобуса и, глядя на все эти небоскребы, ощутил некоторую робость перед мощью делового центра, хотя вырос всего в нескольких милях от Манхэттена.

Обернувшись, я посмотрел на Айка и с ностальгией в голосе произнес:

— Знаешь, Айк, я никогда не хотел, чтобы все закончилось именно так. Это правда. Когда я открывал свой бизнес, у меня были самые благие намерения. Знаю, теперь это уже не имеет значения, и все же… именно так обстояло дело пять лет назад, — я еще раз покачал головой. — Похоже, правы те, кто говорят, что благими намерениями вымощена дорога в ад. Впрочем, хочу рассказать тебе забавную историю. Помнишь мою первую жену Дениз?

— Она была доброй и красивой женщиной, как и Надин, — кивнул Айк.

— Да, она и сейчас такая. В самом начале, когда я только открывал свою фирму, она вела себя как классическая жена. «Джордан, почему бы тебе не найти нормальную работу с годовым доходом в миллион долларов?» — говорила она. Тогда ее слова казались мне смешными, но теперь я понимаю, что она имела в виду. Понимаешь, Айк, «Стрэттон» — это что-то вроде капища, места поклонения и обожествления. В этом кроется вся его сила. Все эти мальчики смотрят мне в рот. Это и бесило Дениз. Мои ребята боготворили меня, пытаясь превратить меня в того, кем я не был.

Сейчас я это хорошо понимаю, но тогда все было не так ясно. Власть опьяняла меня, от нее невозможно было отказаться. Во всяком случае, я всегда говорил себе, что готов упасть на свой собственный меч и пожертвовать собой ради моих воинов, если до этого дойдет дело, — я пожал плечами и слабо улыбнулся.

— Разумеется, я всегда понимал некоторую излишнюю романтичность подобных мыслей, но именно так я всегда представлял себе, что произойдет, если дела пойдут не так. Если сейчас я выкину белый флаг, возьму деньги и уйду, это будет означать, что я, черт побери, спрятался за их спины, бросил их в беде. Я хочу сказать, что для меня проще всего было бы поступить именно так, как ты говоришь, — подписаться под пожизненным запретом на профессию и наслаждаться жизнью вместе с женой и дочерью. Бог свидетель, у меня хватит денег на десять жизней. Но тогда я, черт возьми, предам моих парней. А я ведь клятвенно обещал каждому из них драться до последнего. Как же я теперь соберу манатки и

со свистом улечу из города? И все только потому, что Комиссия позволила мне улизнуть? Айк, я капитан этого корабля, а капитану положено последним покидать мостик, разве не так?

— Совершенно не так, — решительно возразил Айк, качая головой. — Нельзя даже сравнивать кораблекрушение и это твое дело с Комиссией. Посуди сам — подписывая запрет на профессию, ты спасаешь свою фирму. Как бы ловко мы ни мешали расследованию, это не может длиться вечно. Сколько веревочке ни виться… Меньше чем через полгода состоится суд, и жюри присяжных, твоих завистников, не станет с тобой церемониться. А ведь на карту поставлены тысячи рабочих мест и бесчисленное количество семей, финансовое благополучие которых зависит от «Стрэттон». Уйдя из бизнеса, ты спасешь всех, вовсе не только себя самого.

Некоторое время я раздумывал над мудрыми словами Айка, которые лишь отчасти были правдой. На самом деле предложение Комиссии не было для меня большим сюрпризом. В конце концов, Эл Абрахамс предвидел подобное. За одним из наших бесчисленных совместных завтраков в ресторанчике «Севилья» он как-то сказал мне: «Если ты будешь правильно вести свою игру, то сможешь тянуть волынку до тех пор, пока в Комиссии не останется ни одного человека, который в подробностях помнил бы твой случай. Кадровые перетасовки там постоянные, особенно когда в расследованиях что-то идет не так. Но всегда помни — если они предлагают сделку, это вовсе не значит, что этим все кончится. Ничто не мешает им начать против тебя новое расследование уже на следующий день после заключения сделки. Поэтому нужно потребовать от них письменный документ о том, что против тебя не имеется незаконченных или готовых к возбуждению новых дел. И даже тогда останется еще с кем бороться — Национальная ассоциация фондовых дилеров, ассоциации отдельных штатов… упаси боже, федеральная прокуратура, ФБР… Впрочем, если бы они хотели вмешаться в твое дело, то, скорее всего, давно бы уже это сделали».

Вспомнив эти мудрые слова Абрахамса, я спросил Айка:

— Откуда нам знать, не планирует ли Комиссия снова начать против нас другой судебный процесс сразу после заключения сделки?

— Я постарался вставить в соглашение кое-что на этот счет, — ответил Айк. — Условия сделки распространяются на все дела вплоть до настоящего момента. Но имей в виду, если Дэнни снова сорвется, ничто не удержит их от нового иска.

Я медленно кивнул, все еще не вполне убежденный.

— А как насчет Национальной ассоциации фондовых дилеров? А,

упаси боже, ФБР?

Великий Соркин откинулся на спинку кожаного трона и, скрестив на груди руки, сказал:

— Не стану вводить тебя в заблуждение, тут нет никаких гарантий. Было бы, конечно, неплохо заручиться каким-то письменным документом, но это вряд ли получится. Однако, если хочешь знать мое мнение, вряд ли какой-нибудь другой член Комиссии захочет возобновить против тебя дело. Не забывай, никто из них не станет ввязываться в бесперспективный иск. Это же может поставить крест на карьере. Ты сам видел, что случилось с теми юристами, которых Комиссия назначила заниматься делом твоей фирмы. Они все с позором были уволены со своих должностей и, смею тебя заверить, не получили хороших предложений в частном секторе. Большинство юристов Комиссии работает в ней, чтобы получить практический опыт, который можно будет вписать в резюме. Сделав себе имя, они уходят в частный сектор, где можно заработать хорошие деньги.

Что касается Федеральной прокуратуры США, там ситуация совсем иная. Ей гораздо больше повезло в расследовании дела твоей фирмы, чем Комиссии. Странные вещи начинают происходить, когда на горизонте появляется уголовный суд. Все те маклеры, которых вызвали в Комиссию для дачи свидетельских показаний по гражданскому делу и которые так блестяще поддерживали твою версию событий… вполне вероятно, они бы не стали этого делать, если бы получили повестки от большого жюри.

Но несмотря на все мною сказанное, я все же не думаю, чтобы федеральный прокурор заинтересовался твоим делом. «Стрэттон» находится на Лонг-Айленде, а это Восточный район, где деятельность с ценными бумагами ведется не слишком активно — в отличие от Южного, в который входит Манхэттен. Вот все, что я могу тебе сказать, дружище. Если ты пойдешь на сделку с Комиссией и исчезнешь из бизнеса, будешь жить долго и счастливо.

Сделав глубокий вдох, я медленно выдохнул.

— Что ж, пусть будет так. Пора с честью уйти на покой. А что будет, если я все-таки подойду к брокерскому залу? У дверей вырастут агенты ФБР и арестуют меня за нарушение постановления суда?

— Нет-нет! — замахал рукой Айк. — Мне кажется, ты слишком серьезно к этому относишься. Теоретически ты мог бы разместить свой офис на том же этаже и в том же здании, где находится «Стрэттон». Раз уж на то пошло, ты мог бы даже целыми днями стоять в коридоре с Дэнни и консультировать его по вопросам управления фирмой. Нет, я вовсе не хочу подстрекать тебя к этому и вообще ни к чему не хочу подстрекать, но это

не противоречило бы закону. Ты не сможешь заставить Дэнни прислушаться к твоим советам и не сможешь проводить полдня или больше в брокерском зале, вот и все. Но если тебе иногда захочется зайти туда на минутку, чтобы с кем-то повидаться, в этом не будет ничего противозаконного.

Я был ошеломлен его словами. Неужели все так просто? Если Комиссия отстранит меня от дел, неужели я смогу остаться в столь тесных отношениях со своей фирмой? Если это правда и я смогу как-то сообщить об этом моим ребятам, они не будут чувствовать себя брошенными в беде. Словно увидев свет в конце тоннеля, я спросил:

— А за сколько я мог бы продать Дэнни свои акции?

— За сколько хочешь, — ответил святая наивность Айк, даже не подозревая о моей дьявольской задумке. — Это касается только тебя и Дэнни. Комиссии на это наплевать.

Гмм! Это интересно. В моем мозгу возникла вполне справедливая цифра — двести миллионов долларов.

— Я думаю, мы с Дэнни найдем компромисс. Он всегда здраво мыслит, когда дело касается денег. Что касается офиса, вряд ли я стану располагать его на одном этаже со «Стрэттон». Скорее всего, я устрою его в одном из зданий по соседству. Как тебе такая идея, Айк?

— Звучит превосходно, — ответил тот.

Я улыбнулся своему замечательному юрисконсульту и пошел ва-банк:

— Но у меня есть еще один вопрос, хотя, мне кажется, я уже знаю ответ на него. Если мне будет запрещена профессиональная маклерская деятельность, тогда, по идее, я ничем не отличаюсь от любого инвестора. Значит, мне не запретят делать инвестиции из моих собственных средств и покупать паи в компаниях, ставших публичными. Я правильно понимаю?

— Разумеется! — широко улыбнулся Айк. — Ты можешь покупать и продавать акции как физическое лицо, можешь владеть паями в публичных компаниях, можешь делать все, что захочешь. Ты не можешь только одного — владеть брокерской фирмой.

— Значит, я могу даже купить акции «Стрэттон» новых эмиссий, так? Раз я не являюсь зарегистрированным биржевым маклером, то ограничение на приобретение акций на меня уже не распространяется, верно?

В этот момент я мысленно возносил благодарственные молитвы Всевышнему.

— Хочешь верь, хочешь не верь, — ответил Айк, — но ты абсолютно прав. Ты сможешь купить столько акций новых эмиссий твоей бывшей фирмы, сколько предложит тебе Дэнни, вот и все.

Гмм… возможно, все получится как нельзя лучше. В сущности, я мог бы стать собственным подставным, и не только в «Стрэттон», но и в компаниях «Билтмор» и «Монро Паркер» тоже!

— Ладно, Айк. Думаю, мне удастся убедить Кенни подписать постановление о пожизненном запрете на профессию. Последнее время он все уговаривал меня помочь его другу Виктору войти в брокерский бизнес. Если я соглашусь, он, возможно, подпишет сделку. Но мне нужно, чтобы ты несколько дней подержал в тайне наш разговор. Если кто-то пронюхает об этом, пиши пропало. Все сорвется.

Великий Соркин еще раз пожал мощными плечами и, снова вскинув руки ладонями кверху, подмигнул. Слова были не нужны.

Я вырос в Куинсе, и мне доставляло откровенное удовольствие ехать по скоростной федеральной автостраде, проходившей по Лонг-Айленду, хотя я проделывал это добрых пару десятков тысяч раз. По какой-то необъяснимой причине эта богом забытая автострада, казалось, вечно находилась в состоянии ремонта и строительства. В частности, тот отрезок, по которому сейчас двигался мой лимузин и который соединяет восточную часть района Куинс с западной частью острова, бесконечно строился и перестраивался с тех пор, как мне исполнилось пять лет, но конца работ, кажется, так и не было видно. Компания, которая получила подряд на ремонт автострады, была либо самой некомпетентной в истории человечества, либо самой находчивой в смысле извлечения прибыли.

Как бы там ни было, тот факт, что я находился почти в трех морских милях от фирмы «Стрэттон-Окмонт», не имел ни малейшего значения, раз я мог приехать туда в любую минуту. Поэтому я устроился на сиденье поглубже и, как обычно, сосредоточил взгляд на замечательной лысине Джорджа — это меня успокаивало. Интересно, что стал бы Джордж делать, потеряй он работу в качестве моего личного водителя? Фактически, если у меня ничего не получится, это затронет не только Джорджа, но и весь мой зверинец. Если Дэнни не сумеет как следует вести бизнес, то я буду вынужден сократить свои расходы, а это повлияет на многих людей.

Что станет с сотрудниками фирмы «Стрэттон»? Бог ты мой, каждому придется либо существенно сократить расходы на жизнь, либо вообще оказаться на грани финансового краха. Им придется привыкать жить так, как все остальные в этом мире, считая деньги. Теперь уже им не удастся зайти в магазин и купить все, что понравится и захочется, не глядя на ценник. Эта мысль была совершенно невыносима!

С точки зрения моего собственного будущего, было бы самым умным

уйти от всего этого. Да, благоразумный человек не стал бы продавать свою фирму Дэнни за непомерные деньги… и устраивать собственный офис на другой стороне улицы… и всем управлять из-за кулис. А так получился еще один Волк с Уолл-стрит, но с повадками Винни-Пуха, слишком часто сующего голову в горшок с медом. Стоит только вспомнить, что случилось с Дениз и Надин. Я обманывал Дениз десятки раз, пока… К черту! Зачем мучить себя одной и той же мыслью?

Так или иначе, у меня не было сомнений в том, что я ничем не рискую, если уйду из бизнеса. Я бы не чувствовал себя обязанным давать советы, подсказки и даже заходить в брокерский зал, чтобы морально поддержать своих бойцов. Я бы не стал устраивать тайные встречи с Дэнни или, раз уж на то пошло, с владельцами «Билтмор» и «Монро Паркер». Я бы просто исчез вместе с Надин и Чэндлер, как мне советовал Айк.

Но как бы я ходил по Лонг-Айленду, зная, что бросил свой корабль и всю команду в трудный час? И это не считая того, что мой план насчет Кенни базировался на согласии финансировать Виктора Вонга и помочь ему открыть фирму «Дьюк Секьюритиз». Если бы Виктор узнал, что я больше не имею никакого отношения к фирме «Стрэттон», он бы мигом набросился на Дэнни.

Честно говоря, был единственный способ избежать этого — дать им всем понять, что я все еще заинтересован в «Стрэттон» и поэтому любой наезд на Дэнни будет расценен как наезд на меня самого. Тогда все сохранят лояльность за исключением Виктора, конечно же, но с ним я разберусь отдельно и тогда, когда сочту нужным, но в любом случае задолго до того, как он соберется с достаточными силами, чтобы развязать войну. Испорченного Китайца можно было держать под контролем до тех пор, пока «Билтмор» и «Монро Паркер» хранят лояльность, а Дэнни не пытается расправить собственные крылья.

Разумеется, рано или поздно Дэнни захочет их расправить. Такой вариант развития событий нельзя было не брать в расчет. В конце концов ему, несомненно, захочется управлять фирмой, руководствуясь собственными желаниями и соображениями. Для него будет оскорблением, если я стану держаться за власть дольше, чем нужно. Возможно, мы устно договоримся о некоем переходном периоде на шесть или девять месяцев, в течение которого он будет беспрекословно выполнять мои указания. А потом я постепенно передам ему всю полноту власти над компанией.

Точно так же следовало поступить и с фирмами «Билтмор» и «Монро Паркер». Они тоже будут следовать моим указаниям, но недолго. Потом они будут существовать совершенно самостоятельно. Их лояльность была

настолько велика, что они, вероятно, могли бы приносить мне прежний доход, даже если бы я и пальцем не шевельнул. Несомненно, то же самое будет и с Аланом. Его верность, основанная на долгой дружбе, не подвергалась никаким сомнениям. Его партнер Брайан владел лишь сорока девятью процентами акций фирмы «Монро Паркер». Это было моим предварительным условием, когда они обратились ко мне за помощью в создании уставного капитала. Так что в той фирме всем заправлял Алан. А в «Билтморе» большей долей капитала владел Эллиот. Хоть он и не был столь же лоялен, как Алан, все же этого было достаточно для меня.

В любом случае мои авуары были столь велики, что «Стрэттон» представлял собой лишь один аспект моей финансовой деятельности. Кроме того, компании «Стив Мэдден Шуз», «Роланд Фрэнкс и Сорель» и еще с десяток других бизнесов, в которых я имел долю, собирались стать публичными. Конечно, «Доллар Тайм» пока что числилась в убыточных, но худшее все же было позади.

Прервав свои размышления, я сказал Джорджу:

— Давай-ка разворачивайся и поедем назад. Мне нужно вернуться в офис.

Мой гипермолчаливый шофер дважды кивнул, явно ненавидя меня.

Игнорируя его оскорбительное высокомерие, я добавил:

— Когда высадишь меня, далеко не уезжай. Я сегодня обедаю в ресторане «Тенджин». Договорились?

Великий немой снова кивнул, так и не сказав ни слова.

Вот и поди разберись! Этот проклятый малый даже не хочет разговаривать со мной, а я еще волнуюсь за него и думаю, что с ним будет, если «Стрэттон» не станет. Возможно, я сильно ошибался. Возможно, я ничего не был должен тем тысячам людей, чьи средства к существованию зависели от «Стрэттон-Окмонт». Возможно, все они мгновенно отвернутся от меня и пошлют ко всем чертям, когда поймут, что я им уже ничем не помогу. Возможно… возможно… возможно…

Вот ведь ирония судьбы! За всеми этими внутренними размышлениями я упустил одну очень важную вещь — если мне уже не нужно будет думать о том, чтобы не появляться в клиентском зале под кайфом, ничто не помешает мне накачиваться таблетками весь день. Сам того не понимая, я готовил почву для грядущих мрачных времен. Ведь теперь меня могло остановить только одно — мое здравомыслие, которое, впрочем, странным образом внезапно покидало меня, особенно когда дело касалось блондинок и наркотиков.

Глава 22

Обед в параллельном мире

Всякий раз, когда двери ресторана распахивались и в них появлялась группа брокеров «Стрэттон», три японских мастера суши и полдюжины миниатюрных официанток бросали все свои дела и начинали наперебой выкрикивать высокими голосами приветствия по-японски, церемонно кланяясь гостям.

Повара подбегали к посетителям, чтобы приветствовать их, хватали их за запястья и разглядывали блестящие золотые часы. Потом на ломаном английском принимались задавать вопросы: *Сколько часы стоить? Где ты их покупать? Какая машина ты приехать в ресторана? «Феррари»? «Мерседес»? «Порше»? Какая гольф-клуб ходишь?* И прочее в том же духе.

Тем временем официантки, одетые в оранжево-розовые кимоно со светло-зелеными поясами и рюкзачками за спиной, гладили тыльной стороной ладошек тонкую итальянскую шерстяную материю сшитых на заказ пиджаков и костюмов от Джильберто, одобрительно кивали и ворковали: *О-о-о-о… а-а-а-а… хорошая материя… такая мягкая…*

Потом, словно по команде, все одновременно возвращались к прерванным делам. Мастера суши продолжали лепить и заворачивать, резать и раскладывать. Молодым и жаждущим подавались большие чаши саке высшего качества, перед богатыми и голодными ставились огромные деревянные блюда в форме лодки, наполненные неоправданно дорогими суши и сашими.

Чуть только все приходили в себя после столь радушного приема, как дверь ресторана снова открывалась, и все безумие повторялось сначала. Гипервозбужденные сотрудники ресторана кидались на новую группу стрэттонцев, купая их в преувеличенном японском гостеприимстве и сопровождая все действия чистейшим вздором на своем языке.

Добро пожаловать на обед в стиле «Стрэттон»!

На этом крошечном клочке планеты Земля во всем своем великолепии бурлил и волновался параллельный мир. Десятки спортивных автомобилей и длинных лимузинов, припаркованных перед рестораном, перегораживали улицу. Внутри же молодые стрэттонцы продолжали давнюю традицию вести себя как стая неприрученных волков. Из сорока столиков только два были заняты не нашими, а «гражданскими», как мы их называли. Возможно, они случайно забрели в ресторан в поисках места, где можно

спокойно и вкусно пообедать. Как бы там ни было, они даже не подозревали о том, какой причудливый жребий им выпал.

По мере продолжения обеда начинали действовать наркотики. Часы едва пробили час пополудни, а некоторые из брокеров уже начинали приходить в состояние наркотического возбуждения. Было нетрудно определить заторчавших — они забрались на столы и заплетающимися языками бессвязно рассказывали в пространство о своих мнимых подвигах. К счастью, в брокерском зале всегда оставались агенты, отвечавшие на телефонные звонки и заполнявшие необходимые бумаги, поэтому пока что никто не сбрасывал с себя одежду и не начинал заниматься сексом прямо под столом или в туалетной комнате.

Я сидел в отдельной кабинке в глубине ресторана, наблюдая, как в обеденном зале разворачивается картина всеобщего безумия, и притворяясь, что слушаю сбивчивую болтовню Кенни «Дуболома» Грина, который нес какой-то вздор насчет своего друга. Виктор Вонг, Испорченный Китаец, кивал своей огромной, как у панды, головой в такт словам Кенни, хотя я был уверен — он тоже знал, что Кенни дебил, и лишь притворялся, что соглашается с ним.

Дуболом тем временем говорил:

— …Та самая причина, по которой ты заработаешь здесь так много денег, Джей Би. Я хочу сказать, Виктор самый смышленый парень из всех, кого я знаю. — Он протянул руку и похлопал Испорченного Китайца по огромной спине. — Не считая тебя, конечно, но это само собой разумеется.

— Вот это сюрприз! — расплылся я в фальшивой улыбке. — Кенни, я так благодарен тебе за такой вотум доверия!

Виктор усмехнулся глупости друга и продемонстрировал мне одну из своих отвратительных ухмылок, от которых его глаза превращались в узенькие щелочки, а то и вовсе исчезали. Кенни, однако, так и не удалось усвоить, что такое ирония, поэтому он принял мои слова за чистую монету, и на его лице появилась гордая улыбка:

— Ну, я думаю, понадобится всего четыреста тысяч долларов начального капитала или около того, чтобы поднять эту птичку в воздух. Если хочешь, можешь дать их мне наличными, а я их сцежу Виктору через мою мать…

Его мать?

— …и тебе даже не придется беспокоиться о том, как бы не оставить ненужных письменных свидетельств…

Ненужных письменных свидетельств?

— …потому что моя мать и Виктор совместно владеют кое-какой

недвижимостью и смогут этим объяснить появление денег. Еще нам понадобится несколько ключевых биржевых маклеров, которые помогут привести всю систему в действие, и, самое главное, приличный кусок следующей эмиссии акций. Я думаю, поступим так…

Я быстро отключился и перестал его слушать. Кенни просто лопался по швам от переполнявшего его радостного возбуждения, и каждое слетавшее с его губ слово было полнейшей чушью.

Ни Виктор, ни Кенни еще не знали о предложенной Комиссией сделке. Я собирался держать их в неведении еще несколько дней, пока они не описаются окончательно от восторга по поводу сказочного будущего «Дьюк Секьюритиз», а «Стрэттон-Окмонт» не покажется им давно пройденным этапом. Вот тогда-то я и скажу им.

Я мельком взглянул на Виктора. Созерцание Испорченного Китайца натощак неожиданно вызвало у меня желание съесть его! Почему этот огромный китаец казался таким сочным и мясистым, оставалось для меня загадкой. Впрочем, возможно, во всем была виновата его кожа, нежная, как у младенца. Под этой бархатистой нежной кожей скрывалась щедрая прослойка китайского сала, а под ней — толстые слои упругой китайской плоти, такой, должно быть, приятной на вкус! И все это было покрыто кожей превосходного оттенка свежего меда.

В результате всякий раз, когда я смотрел на Виктора Вонга, он представлялся мне молочным поросенком, и мне нестерпимо хотелось сунуть ему в рот яблоко, нанизать на вертел и зажарить. Потом поставить на стол, полить кисло-сладким соусом и устроить для друзей пир в гавайском стиле — с музыкой, танцами и пением!

— …Виктор человек верный, надежный и всегда таким останется, — продолжал бубнить Дуболом, — и ты больше получишь денег с «Дьюк Секьюритиз», чем с «Билтмор» и «Монро Паркер» вместе взятых.

— Может, и так, Кенни, — пожал я плечами, — но это сейчас для меня не на первом месте. Ты только пойми меня правильно — разумеется, я хочу сделать много денег. Собственно говоря, почему бы всем нам не срубить побольше бабла? Но сейчас для меня важнее обеспечить будущее, твое и Виктора. Это я и пытаюсь сделать, и если у меня все получится, да в придачу выйдет несколько лишних миллионов годового дохода, это будет просто грандиозный успех.

Тут я сделал паузу, чтобы мои собеседники осознали мои слова, и попытался понять по их лицам реакцию на столь неожиданное изменение моей точки зрения. Решив, что пока все идет нормально, я продолжил:

— Ведь меньше чем через полгода нам предстоит суд по иску

Комиссии по ценным бумагам и биржам, и кто знает, чем он закончится? Возможно, получится так, что разумнее будет пойти на сделку с Комиссией. И если этот день действительно настанет, я хочу быть уверенным в том, что все получили выездные визы и собрали багаж. Хотите верьте, хотите нет, но я действительно собирался поставить «Дьюк Секьюритиз» на ноги и какое-то время управлять ею, но акции компании «Джудикейт» продолжают висеть на мне. Я не смогу продать их еще две недели, поэтому все, что мы делаем, пока должно остаться между нами. Это крайне важно! Понятно?

Виктор кивнул своей огромной головой в знак понимания:

— Я никому не скажу об этом ни слова. Что касается моих акций «Джудикейт», я и думать о них забыл. Мы все сделаем столько денег на «Дьюк Секьюритиз», что даже если я никогда не продам свою долю, мне на это наплевать.

Тут в разговор встрял Кенни:

— Вот видишь, Джей Би! Я же тебе говорил, у Виктора голова на месте, он делает все как надо, — он еще раз протянул руку и похлопал китайца по огромной спине. — И еще я хочу поклясться тебе в абсолютной верности. Только скажи, какие бумаги ты хочешь, чтобы я купил, и я скуплю их на корню! Ты не увидишь ни одной акции, пока сам не попросишь.

— Вот почему я иду на это, Виктор, — улыбнулся я. — Потому что я верю тебе и знаю, ты все сделаешь правильно. Ты смышленый парень и многого добьешься.

Грош цена его словам. Я был готов поспорить на что угодно, что на самом деле рвение Виктора было липовым, показным. Китаец был неспособен хранить верность кому-либо или чему-либо, даже себе самому. Если что, он вполне мог бы сам себя трахнуть в угоду своему извращенному наркотиками эго.

В соответствии с нашим планом Дэнни появился в ресторане через пятнадцать минут после того, как мы сели за стол. По моим расчетам именно столько времени нужно было Кенни, чтобы насладиться минутой славы в отсутствие Дэнни, на которого он был сильно обижен за то, что тот, по его мнению, несправедливо занял место моего первого помощника. Мне было не по себе от того, что я пренебрег Кенни, но я был вынужден это сделать. И все-таки жаль, что ему придется стать козлом отпущения вместе с Виктором, о котором — и в этом я был абсолютно уверен — он совершенно искренне говорил, какой тот преданный и прочее в том же духе. Ошибка Кенни была в том, что он все еще смотрел на Виктора

глазами подростка. Он все еще боготворил его — ведь тот был успешным кокаиновым дилером, в то время как сам Кенни торговал марихуаной, что считалось ступенькой ниже в пищевой цепи наркоторговли.

Так или иначе, я успел обо всем договориться с Дэнни, когда вернулся в офис после встречи с Айком. Я объяснил ему свой план в мельчайших подробностях, утаив совсем немного. Когда я закончил, реакция Дэнни была вполне ожидаемой.

— Для меня, — сказал он, — ты навсегда останешься хозяином «Стрэттон», и шестьдесят центов с каждого доллара всегда будут твоими. Так будет в любом случае — откроешь ли ты офис по соседству или отправишься на своей яхте в кругосветное путешествие.

Спустя час после этого разговора он приехал в ресторан «Тенджин». Сев за столик, он сразу налил себе большую чашку саке, потом наполнил наши три чашки и поднял свою, собираясь произнести тост.

— За дружбу и верность! — сказал он. — И за то, чтобы мы сегодня же вечером были завалены «голубыми фишками»!

— За нас! — воскликнул я, и все четверо сдвинули свои белые фарфоровые чашки и залпом выпили теплую, обжигающую глотку жидкость.

— Послушайте, — обратился я к Кенни и Виктору, — я еще не говорил Дэнни о том, как обстоят дела с «Дьюк Секьюритиз»…

Ложь!

— …так что дайте мне все ему объяснить хотя бы вкратце, чтобы он вошел в курс дела, ладно?

Виктор и Кенни кивнули, и я принялся излагать дело во всех подробностях. Дойдя до вопроса о том, где должна располагаться штаб-квартира компании, я повернулся к Виктору и сказал:

— Могу предложить два варианта. Первый — отправиться в штат Нью-Джерси, он начинается сразу за мостом Джорджа Вашингтона, и открыть фирму там. Лучшим выбором будет район Форт-Ли или, может быть, город Хакенсак. В обоих случаях там у тебя не будет проблем с набором персонала. Ты сможешь нанимать парней со всего Нью-Джерси, к тебе поедут и ребята с Манхэттена, которым надоело тут работать.

Второй вариант — открыть фирму прямо на Манхэттене, но это палка о двух концах. С одной стороны, здесь мгновенно найдется миллион парней, готовых работать на твою фирму, но, с другой стороны, тут будет трудно сделать так, чтобы они были тебе верны. «Стрэттон» — вот оптимальный вариант внутренней организации брокерской фирмы. Именно это и есть один из факторов его успешной деятельности. Взгляни, к примеру, на этот

ресторан, — я кивнул головой в сторону обеденного зала. — Все, кого ты тут видишь, это бойцы «Стрэттон», замкнутое самодостаточное сообщество, — я подавил в себе желание назвать это *культом*, что было гораздо точнее, — в котором им не нужно выслушивать альтернативные точки зрения.

Тебе, Виктор, нужна такая же фирма. Если ты откроешь офис на Манхэттене, твои бойцы будут обедать с биржевыми маклерами из тысяч других фирм. Возможно, сейчас это кажется неважным, но в будущем, поверь мне, это будет иметь огромное значение, особенно если в прессе появятся критические отзывы о твоей фирме или если твои акции начнут стремительно падать. Тогда ты поймешь, как это здорово, когда никто не дует в уши твоим маклерам. Ну, я все сказал. Решать тебе.

Виктор медленно кивнул огромной, как у панды, головой, словно взвешивая все «за» и «против». Это показалось мне комичным, поскольку шансы на то, что он согласится уехать в Нью-Джерси, были ничтожно малы. Раздутое эго Виктора никогда бы не позволило ему уехать в Нью-Джерси. Ведь этот штат не ассоциировался для него с богатством и успехом, и, что самое важное, это было не самое подходящее место для торговли наркотиками. Нет, имеет это смысл или нет, Виктор захочет открыть свою фирму в самом сердце Уолл-стрит. И мне это было на руку. Будет гораздо проще уничтожить его, когда придет время.

То же самое я сказал владельцам «Билтмора» и «Монро Паркер», которые сначала тоже хотели открыть свои офисы на Манхэттене. Именно поэтому «Монро Паркер» была запрятана в северной части штата Нью-Йорк, а расположенная в штате Флорида фирма «Билтмор» предпочла открыть свой офис подальше от «Мили Личинок» в городе-курорте Бока-Ратон — так пресса окрестила часть Южной Флориды, где было расположено огромное множество мелких брокерских фирм.

В конечном счете все сводилось к промыванию мозгов, причем в двух аспектах. Первый — необходимо много раз повторить одно и то же твоей целевой аудитории. Второй — нужно сделать так, чтобы говорить мог только ты и никто другой. Инакомыслие недопустимо. Разумеется, все гораздо проще, если ты говоришь то, что хотят услышать твои подчиненные. Именно так обстояло дело в «Стрэттон-Окмонт». Дважды в день я выступал перед своими брокерами и внушал им, что, если они будут слушаться меня и делать то, что я им говорю, они зашибут столько денег, сколько им и не снилось, и молодые красотки будут падать к их ногам. Собственно, так все и происходило.

После добрых десяти секунд молчания Виктор заговорил:

— Я понимаю, что ты хочешь сказать, но думаю, будет все же лучше открыть офис на Манхэттене. Здесь столько маклеров, что стоит мне лишь свистнуть, и все вакансии будут заполнены.

— Держу пари, — добавил Дуболом, — что Виктор сумеет мотивировать их ленивые задницы. Всем понравится работать на него. Да ведь и я, в случае чего, смогу ему в этом помочь. Я тут кое-что записывал на твоих собраниях, так что мы с Виктором сможем полистать записи и…

О боже! Я быстро отключился, перестал слушать и стал разглядывать гигантскую панду, пытаясь представить, что могло сейчас происходить в ее извращенном мозгу. Вообще-то Виктор был неглупым малым с неплохими способностями. От него мог быть толк. Собственно говоря, тремя годами раньше он оказал мне довольно значительную услугу…

Это случилось сразу после того, как я бросил Дениз. Надин еще не переехала ко мне жить, и за неимением хозяйки дома я решил нанять экономку. Только я хотел, чтобы это был он и чтобы он был геем. Я видел такого в сериале «Династия» — или это был сериал «Даллас»? В любом случае, мне хотелось иметь такого же «голубого» домоправителя, к тому же мое состояние вполне позволяло подобный каприз.

Джанет, разумеется, довольно быстро нашла мне такого, его звали Патрик. Он был таким настоящим геем, что, казалось, из задницы у него просто языки пламени вылетают. Патрик показался мне вполне нормальным парнем, хоть иногда и закладывал за воротник. Впрочем, дома я проводил не так много времени, чтобы по-настоящему понять, что он за человек.

Когда ко мне переехала Герцогиня, она тут же взяла управление хозяйством в свои руки и начала замечать кое-какие вещи — например, что Патрик — настоящий алкаш и к тому же сменяет сексуальных партнеров со скоростью револьверного барабана. Да он сам и похвастался Герцогине, когда его лживый язык развязался под действием алкоголя, таблеток и еще бог знает какой дряни.

Скандальные неприятности не заставили себя ждать. Патрик почему-то решил, что Герцогиня отправится вместе со мной на праздничный пасхальный обед к моим родителям, и вздумал устроить в это время оргию для двух десятков своих дружков, которые сначала все вместе трахались «паровозиком» в моей гостиной, а потом в обнаженном виде играли в моей спальне в твистер.[11] Когда Герцогиня, которой в то время было двадцать три года, вернулась домой, ее глазам предстало то еще зрелище: толпа лихорадочно совокупляющихся геев, прижавшихся чреслами к задницам

друг друга. Словно на скотном дворе — и все это в нашем маленьком любовном гнездышке на пятьдесят третьем этаже небоскреба «Олимпик-тауэр» на Манхэттене.

Именно за окном этой квартиры на пятьдесят третьем этаже Виктор держал за ноги Патрика, когда открылось, что Патрик и его дружки стянули пятьдесят тысяч долларов наличными из ящика моего комода. Впрочем, надо сказать в защиту Виктора, что он вывесил Патрика за окно только после того, как много раз и очень настойчиво просил его вернуть украденное. Понятное дело, эти просьбы сопровождались короткими ударами то слева, то справа, в результате чего у Патрика был сломан нос, три или четыре ребра, а оба глаза залились кровью из-за разрыва капилляров. Но вы же не думаете, будто Патрик сразу во всем признался и просто так отдал украденные деньги?

Вот именно. Он и не отдал. Собственно, свидетелями свирепой жестокости Виктора были я и Дэнни, который тоже пытался говорить с Патриком до тех пор, пока Виктор не нанес тому первый сильный удар кулаком, от которого лицо воришки мгновенно превратилось в сырой фарш. Тут Дэнни побежал в туалет, и его стало рвать.

Когда Виктор уж слишком увлекся и был готов отпустить ноги Патрика, я вежливо попросил его втянуть моего эконома обратно. Эта просьба, казалось, опечалила Виктора, и все же он ее покорно выполнил. Когда Дэнни, испуганный и бледно-зеленый, вернулся из туалета, я сказал ему, что вызвал полицейских, чтобы они арестовали Патрика. Дэнни был ошеломлен тем, что у меня хватило наглости вызвать полицию после того, как я сам инициировал избиение подозреваемого. Но тут я объяснил, что, когда полицейские явятся, я во всех подробностях расскажу им, что именно произошло в моей квартире. Что я и сделал. И чтобы быть до конца уверенным в том, что двое молоденьких полицейских хорошо меня поняли, я дал каждому по тысяче долларов наличными, после чего они энергично кивнули, сняли с пояса дубинки и принялись снова дубасить Патрика.

В этот момент к нашему столику подошел мой любимый официант Масса, чтобы принять у нас заказ.

— Скажи-ка, Масса, — улыбнулся я ему, — что сегодня хорошего…

— Почему вы сегодня приехал в лимузине? — перебил он меня. — А где «феррари»? Дон Джонсон, да? Тебе нравится Дон Джонсон?

При этих словах две официантки за его спиной восторженно заахали:

— О, Дон Джонсон… он Дон Джонсон…

Я улыбнулся японцам, восхищавшимся моей белой «феррари-

тестаросса». Именно такую машину водил Дон Джонсон в телесериале «Полиция Майами, отдел нравов». Это был еще один пример того, как я воплощал в реальность свои подростковые фантазии. Когда я взрослел, сериал «Полиция Майами, отдел нравов» был моим любимым, поэтому как только я сделал свой первый миллион, так сразу купил белую «тестароссу». Я был слегка смущен сравнением с Доном Джонсоном, поэтому, махнув рукой и отрицательно покачав головой, спросил:

— Так что у нас там сегодня в меню?

Но Масса снова перебил меня:

— Ты еще и Джеймс Бонд! У тебя «астон мартин», как у Бонда. У него в машине всякая ерунда… масло… гвозди…

Официантки снова громко запричитали:

— О! Он Джеймс Бонд! Он чмок-чмок, бац-бац! Чмок-чмок, бац-бац!

Мы все страшно развеселились, услышав это. Масса имел в виду одну из самых глупых ошибок, какие я только совершал в своей жизни. Это случилось годом раньше, после того как я положил в карман 20 миллионов долларов, заработанных на новой эмиссии. Я сидел у себя в кабинете вместе с Дэнни, таблетки уже начинали действовать, и тут мне вдруг ударило в голову острое желание тратить деньги. Я позвонил моему дилеру, занимавшемуся экзотическими авто, и купил для Дэнни черный «роллс-ройс корниш» с откидным верхом за двести тысяч долларов, а для себя — темно-зеленый «астон мартин вираж» за двести пятьдесят штук. Однако этим дело не кончилось, желание швырять деньги не утихало. Тогда мой дилер предложил превратить мой «астон мартин» в настоящий автомобиль Джеймса Бонда, то есть оснастить его соплом для разбрызгивания на дорожное полотно машинного масла, антирадаром, номерными знаками, которые поворачивались, чтобы открыть спрятанный за ними мощный стробоскоп для ослепления преследователей, и специальным устройством для разбрасывания по всей дороге острых гвоздей, шипов или миниатюрных бомбочек (если я найду торговца оружием, который мне их продаст). Этот тюнинг стоил еще сто тысяч долларов. Но я таки согласился на все навороты, которые в конечном итоге высасывали столько энергии из аккумулятора, что машина едва могла тронуться с места. И всякий раз, когда я выезжал на ней покататься, она глохла в самый неподходящий момент. Теперь она просто красовалась в моем гараже.

— Спасибо за комплимент, — сказал я Массе, — но мы сейчас по уши заняты делом, дружище.

Масса учтиво поклонился, перечислил блюда дня и принял у нас заказ.

Затем он снова поклонился и исчез.

— Давай вернемся к вопросу финансирования, — сказал я Виктору. — Что-то мне не хочется, чтобы чек тебе выписывала матушка Кенни. И для меня не имеет значения, есть у вас общий бизнес или нет. Просто это опасно, так что не надо этого делать. Я дам тебе четыреста штук наличными, но только не через Глэдис. Как насчет твоих собственных родителей? Можешь ты дать им деньги, а они выпишут тебе чек?

— Мои родители не такие, — смиренно, что бывало с ним нечасто, ответил Виктор. — Они простые люди и не понимают этого. Но я могу что-нибудь придумать с кое-какими зарубежными счетами на Дальнем Востоке, к которым у меня есть доступ.

Мы с Дэнни украдкой переглянулись. Чертов Китаец уже говорил о зарубежных счетах, хотя брокерской фирмы у него еще не было и в помине. Каков извращенец! В преступлениях тоже есть своя логика, своя последовательность. То, что предлагал сделать Виктор, стояло в самом конце логической цепочки, после провернутой обманным путем сделки, а не до нее.

— Этот способ, — сказал я Виктору, — тоже опасен, хоть и по-другому. Ладно, дай мне день-другой, и я что-нибудь придумаю. Может, велю кому-нибудь из моих подставных одолжить тебе эту сумму. Через третьих лиц, разумеется. Я сам все устрою, не беспокойся об этом.

— Как скажешь, — кивнул Виктор, — но если тебе понадобится доступ к моим зарубежным счетам, только моргни, договорились?

— Хорошо, так и сделаю, — улыбнулся я, продолжая хладнокровно расставлять капкан, — но обычно я такими делами не занимаюсь. Ну и последнее, о чем я хочу сказать, это как тебе управлять брокерским счетом «Дьюк Секьюритиз». Для этого есть два способа: играть на повышение или на понижение. Оба способа имеют свои плюсы и минусы. Не вдаваясь в подробности, скажу тебе вот что — играя на повышение, ты сделаешь гораздо больше денег, чем наоборот. Когда я говорю «играть на повышение», это значит, ты должен держать крупные пакеты акций на торговом счете «Дьюк Секьюритиз». Тогда ты сможешь поднимать цены и делать деньги на тех акциях, которыми ты владеешь. И наоборот, если ты играешь на понижение, а цены на акции растут, ты теряешь деньги.

В течение первого года все твои акции должны расти в цене, так что тебе придется долго играть на повышение, если ты хочешь срубить много денег. Я имею в виду, по-настоящему много. Не стану отрицать, тут надо быть неробкого десятка. Я хочу сказать, порой придется потрепать нервы, потому что твои брокеры не всегда смогут скупать все твои акции. Так что

твои наличные придется вкладывать в оборотные средства. Но если тебе хватит духу и, раз уж на то пошло, уверенности в себе, чтобы довести дело до конца, тогда после спада ты сможешь заработать кучу бабла на коррекции вверх. Понимаешь, что я хочу сказать, Виктор? Это стратегия не на одну неделю. Она для сильных и дальновидных.

И я посмотрел на него в упор, словно говоря: «Мы же понимаем друг друга?» Потом взглянул на Дуболома. Интересно, дошло до него, что я только что дал Виктору худший совет во всей истории Уолл-стрит? Правда была в том, что игра на повышение — это верный путь к катастрофе. Держать акции на торговом счете фирмы означало рисковать всем. Наличные — вот что главное на Уолл-стрит, и если на торговом счету только акции, фирма крайне уязвима. Собственно, это справедливо для любого бизнеса. Даже водопроводчик, чрезмерно вложившийся в инструменты, будет страдать от нехватки наличных. Когда придет время оплачивать счета — за аренду, телефон и прочее, — он не сможет сделать это, не предлагать же вместо денег разводные ключи. Нет, в любом бизнесе главное — это наличность, и особенно в том, где все твои фонды могут полностью обесцениться за одну ночь.

В брокерском бизнесе правильнее вести игру на понижение, что дает возможность иметь наличность в изобилии. Разумеется, будут потери, когда цены станут расти, но это что-то вроде оплаты страховки. Управляя торговым счетом «Стрэттон», я позволял фирме нести постоянные потери в ежедневных сделках, что обеспечивало ей сохранение большого объема наличных средств и готовность обогатиться в день новой эмиссии. Короче говоря, я терял по миллиону долларов в месяц, играя на понижение, но это давало возможность получать десять миллионов в месяц, работая в секторе первичного размещения акций. Для меня это было столь очевидным, что я и представить себе не мог, чтобы кто-то работал по-другому.

Вопрос заключался в том, клюнут ли на мою приманку Дуболом с Китайцем, или Виктор раскусит всю опасную нелепость игры на повышение? Даже Дэнни, которому ума было не занимать, так и не понял до конца эту идею — или понял, но был таким прирожденным авантюристом, что охотно подверг бы благополучие фирмы серьезному риску ради нескольких лишних миллионов. Сказать наверняка было невозможно.

— По правде говоря, — вступил в разговор Дэнни, обращаясь ко мне, — поначалу я всегда сильно нервничал, когда ты долго держался на длинной позиции,[12] но со временем… когда я увидел, какова дополнительная прибыль, — он покачал головой, словно подчеркивая

значимость сказанной чепухи, — ну… это что-то невероятное. Но тут и впрямь нужно иметь немалую выдержку.

— Да, — подтвердил дебил Кенни, — именно так мы сколотили целое состояние. Так и надо делать, Вик.

Какая ирония судьбы! Прошло столько лет, но Кенни так и не разобрался, как мне удается удерживать «Стрэттон» на пике финансового процветания, несмотря на все новые проблемы. Я никогда не играл на повышение — ни разу! За исключением, разумеется, дня новой эмиссии, когда игра на повышение велась в течение нескольких тщательно выбранных минут, когда цены на акции стремительно взлетали. При этом я всегда знал, что вот-вот и все остальные бросятся покупать эти бумаги, и цена тут же упадет.

— Рисковать по жизни для меня не проблема, — важно сказал Виктор, — именно умение рисковать отличает мужчину от мальчика. Если я буду уверен, что акции растут, вложу в них последний цент. Кто не рискует, тот не пьет шампанского, так ведь?

С этими словами морда панды улыбнулась, и глаза снова исчезли в складках жира.

— Вот именно, Вик, — кивнул я. — И еще, если когда-нибудь у тебя возникнут проблемы, я всегда готов поддержать тебя и помочь встать на ноги. Считай меня своим страховым полисом.

Мы снова подняли бокалы и выпили под очередной тост.

Спустя час я шел через брокерский зал, испытывая смешанные чувства. Пока все шло по плану, но что будет дальше со мной, Волком с Уолл-стрит? В конце концов все это безумие брокерской жизни станет далеким воспоминанием, которым я буду иногда делиться с Чэндлер. Я расскажу ей, как когда-то, давным-давно, ее папочка был настоящим игроком на Уолл-стрит и владел одной из крупнейших брокерских фирм в истории; как молодые пацаны, называвшие себя стрэттонцами, носились по Лонг-Айленду, швыряя неимоверные деньги на всякую ерунду.

Да, Чэнни, стрэттонцы смотрели на твоего папочку снизу вверх и называли его Королем, и в этот короткий период времени, приблизительно в те дни, когда ты появилась на свет, твой папочка и впрямь был как король. Он и твоя мамочка жили как король и королева, и куда бы они ни пошли, с ними везде обращались по-королевски. А теперь твой папочка… Черт возьми, кто же он теперь? Может, папочка покажет тебе вырезки из газет и журналов, которые, так сказать, прольют свет… или не прольют. Все равно — то, что пишут о твоем папочке, Чэнни, это ложь. Сплошная ложь! Пресса всегда лжет, и ты сама это знаешь, Чэндлер, правда же?

Лучше спроси у своей бабушки Сюзанны, она тебе это подтвердит! Нет, постой, я совсем забыл, твоя бабушка вместе с твоей двоюродной бабушкой Патрисией сидят в тюрьме за отмывание денег. Вот так-то!

Мной овладело дурное предчувствие. О боже! Сделав глубокий вдох, я отодвинул прочь неприятные мысли. Мне всего тридцать один, а я уже почти вышел в тираж. Какая поучительная история! Разве это вообще возможно — стать *бывшим* в таком молодом возрасте? Наверное, в этом смысле я ничем не отличался от тех детей-актеров, которые, вырастая, превращались в уродливых и неуклюжих взрослых. Как звали того рыжего из телесериала «Семья Партридж»? Дэнни Бонадуче, кажется, или как там? Но разве не лучше быть *бывшим*, чем *никогда не жившим по-настоящему*? Трудно сказать, поскольку у этой медали была и обратная сторона — ведь если к чему-нибудь привыкаешь, потом без этого очень трудно обойтись. Первые двадцать шесть лет своей жизни я вполне мог обойтись без возбужденного гула брокеров в клиентском зале, так ведь? Но теперь… как я теперь буду жить без него, если он стал частью моей жизни?

Сделав еще один глубокий вдох, я попытался успокоиться. Мне нужно было сосредоточиться на стрэттонцах. Они были моим пропуском в будущее. У меня был план, и я намеревался придерживаться его. Постепенно отходя от дел, я буду держаться за кулисами, сохраняя мир и спокойствие в рядах своих бойцов и брокерских фирм, удерживая Испорченного Китайца на расстоянии.

Подходя к столу Джанет, я заметил на ее лице мрачное выражение, не предвещавшее ничего хорошего. Ее глаза были распахнуты чуть шире обычного, губы слегка приоткрылись. Она сидела на краешке стула и, как только наши взгляды встретились, вскочила и направилась ко мне. Я подумал, уж не пронюхала ли она каким-то образом о предложении Комиссии по ценным бумагам и биржам. Об этом знали только Дэнни, Айк и я, но Уолл-стрит — это место, где новости распространяются удивительно быстро. Здесь была в ходу поговорка: «Хорошие новости распространяются быстро, а плохие — мгновенно».

— Звонили из «Вижуал Имидж», — поджав губы, сказала Джанет. — Им нужно немедленно поговорить с вами. Сказали, это срочно. Они хотят поговорить обязательно сегодня.

— Что еще за «Вижуал Имидж», черт их дери? Никогда о таких не слышал.

— Это те самые люди, которые снимали твою свадьбу на видео, помнишь? Их доставили самолетом на карибский остров Ангилья. Их было двое — мужчина с темными волосами и женщина-блондинка. Она была

одета…

— Да-да, припоминаю, — прервал я Джанет, — не нужно подробного описания. — Я покачал головой, в который раз удивляясь ее памяти на детали. Если бы я не остановил Джанет, она бы вспомнила, какого цвета были колготки на той блондинке. — Так кто звонил? Мужчина или женщина?

— Мужчина. Очень нервничал. Сказал, если не поговорит с тобой в ближайшие несколько часов, будут большие проблемы.

Проблемы? Что за черт? Чушь какая-то! Зачем это снимавшему мою свадьбу оператору так срочно понадобилось поговорить со мной? Может, на свадьбе было что-то не так? Я попытался вспомнить то время… Нет, вряд ли это было связано со свадьбой, хотя я и получил тогда предупреждение от властей крошечного карибского острова Ангильи, на который самолетом доставили три сотни моих близких друзей (друзей ли?). Их поселили в одном из прекраснейших отелей мира — «Маллиоухана». Недельный отдых для всех по системе «все включено» был оплачен мной заранее и обошелся мне больше чем в миллион долларов.

В конце недели губернатор острова лично сообщил мне, что всех нас не арестовали за хранение, потребление и распространение наркотиков только потому, что я дал острову возможность заработать, и что власти в знак благодарности согласны закрыть на все глаза. Однако президент предупредил меня, что все уличенные в хранении и употреблении наркотиков теперь будут внесены в список подозрительных лиц, и если кто-то из них в будущем решит снова посетить Ангилью, пусть лучше оставит наркотики дома. Но все это было три года назад, так что вряд ли сегодня могло быть причиной для волнений видеооператора. Или все-таки могло?

— Ладно, соедини меня с этим парнем, — сказал я Джанет. — Я возьму трубку у себя в кабинете. Кстати, как его зовут? — бросил я через плечо, уже уходя.

— Стив. Стив Бурштейн.

Спустя несколько секунд телефон на моем столе зазвонил. Я обменялся короткими приветствиями со Стивом Бурштейном, президентом «Вижуал Имидж», маленькой семейной фирмы, располагавшейся где-то на южном берегу Лонг-Айленда.

Голос Стива звучал обеспокоенно:

— Мм… итак… не знаю даже, как вам об этом сказать… то есть я хочу сказать… вы были так добры ко мне и моей жене. Вы… вы обращались с нами как с гостями на вашей свадьбе. Надин и вы были так любезны… Это

была самая замечательная свадьба, на какой мне только доводилось бывать и…

— Послушай, Стив, — перебил я его, — я очень рад, что тебе понравилась моя свадьба, но сейчас у меня нет времени на пустые разговоры. Говори, наконец, в чем дело.

— Хорошо, — ответил он. — Сегодня ко мне приходили два агента ФБР. Просили у меня копию видео вашей свадьбы.

Вот так я узнал, что моя жизнь уже никогда не будет прежней.

Глава 23

По лезвию ножа

Спустя девять дней после тревожного звонка из «Вижуал Имидж» я сидел во всемирно известном ресторане «Рао» в Восточном Гарлеме и горячо спорил с легендарным частным сыщиком по имени Ричард Бо Дитль (для друзей просто Бо).

Хоть мы и сидели в тот вечер за столом на восемь персон, к нам должен был присоединиться еще только один человек, а именно специальный агент ФБР Джим Барсини,[13] приятель Бо, с которым я надеялся тоже завязать приятельские отношения. Встречу организовал Бо. Барсини должен был явиться через четверть часа.

Пока мы его ждали, Бо говорил, а я слушал. Вернее, Бо читал мне нотацию, а я слушал и гримасничал. Дело в том, что после звонка Бурштейна я решил, что надо бы установить в ФБР подслушивающие устройства, а это, по мнению Бо, было самой нелепой затеей на свете.

— Понимаешь, так дела не делаются, дружище, — укоризненно выговаривал мне Бо.

В тот вечер я был трезв как стеклышко, поскольку считал, что именно в таком состоянии и следует знакомиться с агентами ФБР, особенно если надеешься завязать с ними дружеские отношения, чтобы впоследствии получать нужную информацию.

И все же в кармане моих серых слаксов лежали, прямо-таки прожигая в нем дыру, четыре колеса, а во внутреннем кармане темно-синего блейзера призывно нашептывали мое имя несколько доз кокса. Но я был решительно настроен ничего не употреблять, по крайней мере до тех пор, пока агент Барсини не отправится туда, куда отправляются все агенты ФБР после обеда, — наверное, домой. Сначала я не собирался плотно обедать, чтобы это не помешало предстоявшему после трапезы кайфу, но теперь аппетитный запах поджаренного чеснока и домашнего томатного соуса приятно щекотал мои ноздри.

— Послушай, друг, — продолжал говорить Бо, — в твоем случае получить информацию из ФБР не так уж трудно. Собственно говоря, у меня уже есть кое-что для тебя. Но прежде чем что-то говорить, я хочу, чтобы ты понял: существуют определенные правила поведения, которым ты должен следовать, если не хочешь, чтобы тебе прищемили яйца. И первое правило — не ставить жучки в их чертовы кабинеты.

Он энергично потряс головой, подкрепляя этим жестом категоричность сказанных слов. За те пятнадцать минут, что мы сидели за столом, он уже много раз тряс головой.

— Второе правило, — продолжал Бо, — это не пытаться подкупить их секретарей и вообще кого-нибудь из младшего персонала, раз уж на то пошло. — Он снова энергично покачал головой. — И не надо следить за агентами с целью накопать на них компромат — что-нибудь из личной жизни и так далее.

Он снова потряс головой и закатил глаза, словно только что услышал что-то настолько противоречащее здравому смыслу, что это нужно немедленно стряхнуть с себя.

Я стал смотреть в окно ресторана, чтобы не встречаться взглядом со сверкающими глазами Бо. Я всматривался в мрачное чрево Восточного Гарлема и думал о том, как, черт возьми, лучший итальянский ресторан Нью-Йорка оказался в таком ужасном месте, настоящей помойной яме. Но потом я вспомнил, что ресторан «Рао» существует уже более ста лет, с конца девятнадцатого века. Когда все начиналось, Гарлем был совсем другим.

Тот факт, что мы с Бо сидели вдвоем за столиком на восемь персон, имел куда большее значение, чем это казалось на первый взгляд. Чтобы пообедать в ресторане «Рао», надо было заказывать столик за пять лет. По правде говоря, сделать предварительный заказ в этом причудливом маленьком пережитке старины было практически невозможно. Ресторан был, по сути, кондоминиумом: все двенадцать столиков ресторана принадлежали горстке избранных ньюйоркцев, не столько богатых, сколько имеющих обширные связи и вес в обществе.

Внешне ресторан не представлял собой ничего особенного. В тот вечер он был украшен к Рождеству, и неважно, что на календаре было уже 14 января. В августе он так и останется в рождественском оформлении. Так было заведено в «Рао», где все напоминало о гораздо более простых временах, когда кушанья готовились и подавались по-домашнему, а из стоявшего в углу музыкального автомата в стиле пятидесятых годов неслась итальянская музыка. Каждый вечер владелец ресторана Фрэнк Пеллегрино пел для своих гостей. Авторитетные люди собирались в баре, курили сигары, и по их приветствиям можно было сразу опознать в них мафиози. Женщины смотрели на мужчин с обожанием, совсем как в старые добрые времена. А мужчина, поднимаясь с места и направляясь в туалет, каждый раз церемонно кланялся дамам за своим столиком, тоже как в старые добрые времена.

Каждый вечер ресторан был наполовину полон всемирно известными спортсменами, киноактерами и бизнесменами, а на другую половину — настоящими гангстерами.

Как бы то ни было, не я, а Бо Дитль был, так сказать, владельцем этого столика с большими связями в обществе. Звезда этого человека была на крутом подъеме. В свои сорок лет Бо был живой легендой. В свое время, в середине восьмидесятых, он стал одним из полицейских, имевших наибольшее количество наград за всю историю полицейского управления Нью-Йорка. На его счету было более семисот задержаний в самых неблагополучных районах Нью-Йорка, включая Гарлем. Он сделал себе имя, раскрывая преступления, которые не мог раскрыть никто другой. В конце концов он оказался в центре внимания всей страны, когда раскрыл одно из самых гнусных преступлений в Гарлеме — изнасилование белой монахини двумя наркоманами.

Впрочем, на первый взгляд Бо, с его мальчишеским лицом, аккуратно подстриженной бородкой и слегка редеющими, зачесанными назад светло-каштановыми волосами, не выглядел таким уж крутым. Он не был крупным мужчиной — приблизительно пять футов и десять дюймов ростом и двести фунтов весом, — но у него была широкая грудь и бычья шея, что делало его несколько похожим на гориллу. Он любил хорошо одеваться, отдавая предпочтение дорогим шелковым костюмам за две тысячи долларов и туго накрахмаленным белоснежным сорочкам с двойными французскими манжетами и маленьким жестким отложным воротничком. Он носил золотые часы — такие тяжелые, что с ними можно было бы заниматься силовыми упражнениями на развитие мышц запястья, — и перстень с розоватым бриллиантом размером с кубик льда.

Не было никакого секрета в том, что успех Бо в расследовании преступлений во многом был обусловлен его происхождением. Он родился и воспитывался в Куинсе, в квартале Озон-Парк, где было полно и гангстеров, и полицейских. Именно там он приобрел уникальную способность ходить по тонкой грани между двумя мирами, пользуясь уважением местных авторитетов, которые помогали ему в раскрытии преступлений, которые было бы невозможно раскрыть обычными полицейскими методами. Со временем он приобрел репутацию человека, соблюдающего строгую конфиденциальность и использующего доверенную ему информацию исключительно в целях искоренения уличной преступности, которая, казалось, раздражала его как ничто другое. Его любили и уважали друзья, ненавидели и боялись враги.

Так и не сумев привыкнуть к бюрократической волоките, Бо уволился

из полицейского управления Нью-Йорка, едва ему стукнуло тридцать пять, и умело воспользовался своей легендарной репутацией (и еще более легендарными связями) для создания одной из самых успешных и пользующихся доверием частных охранных фирм Америки. По этой самой причине два года назад я разыскал Бо и нанял его для создания первоклассной службы безопасности внутри «Стрэттон-Окмонт».

Не один раз мне приходилось прибегать к помощи Бо, чтобы отвадить какого-нибудь случайного бандита, по неведению пытавшегося наехать на «Стрэттон-Окмонт». Что уж там Бо говорил этим людям, я не знаю. Одно могу сказать определенно — стоило мне только позвонить Бо, и он тут же «ставил человека на место», после чего я никогда больше не слышал о нем (впрочем, однажды я получил от одного из них довольно красивый букет цветов).

Впрочем, среди боссов мафии, вне зависимости от присутствия Бо, существовало общее понимание того, что вместо попыток силового вмешательства в дела «Стрэттон» куда эффективнее отдавать мне в обучение своих пацанов. Приблизительно через год с небольшим молодые мафиози незаметно — почти по-джентльменски — покидали «Стрэттон» и открывали брокерские фирмы, подконтрольные «крестным отцам».

Последние два года Бо занимался всеми аспектами безопасности «Стрэттон» — даже собирал информацию о компаниях, собиравшихся выйти на рынок, чтобы нас не надули при размещении. В отличие от большинства служб безопасности, «Бо Дитль и партнеры» никогда не ограничивалась сбором общей информации, которую может нарыть по базам данных любой пользователь компьютера. Нет, люди Бо не боялись запачкать руки, раскапывая совершенно невероятные вещи. Разумеется, услуги Бо ценились ой как недешево, но игра стоила свеч. Бо Дитль был лучшим в своем деле, в этом не было никаких сомнений.

Я все еще смотрел в окно, когда Бо сказал:

— О чем задумался, друг? Ты пялишься в это чертово окно так, словно надеешься найти там ответы на свои вопросы.

Я чуть помедлил с ответом: стоит ли говорить Бо, что единственная причина, по которой я хочу поставить подслушивающие устройства в кабинеты ФБР, — это невероятный успех моих жучков в офисе Комиссии по ценным бумагам и биржам. Кстати, этому успеху невольно поспособствовал именно Бо, сведя меня с бывшими агентами ЦРУ, которые за его спиной продали мне устройства для прослушки. Одно из них выглядело как штепсельная вилка и простояло в стенной розетке конференц-зала Комиссии больше года, питаясь от этой же розетки и

потому не нуждаясь в замене батарей. Замечательно хитроумное приспособление!

В конце концов я решил, что время для раскрытия этой маленькой тайны еще не наступило, и сказал только:

— Просто я в самом деле встревожен всем этим. Я не собираюсь падать на спину, складывать лапки и притворяться мертвым только потому, что какой-то там агент ФБР наводит обо мне справки. Слишком много поставлено на карту и слишком много людей причастны к этому, чтобы я мог просто уйти в тень. Ну, теперь, когда ты успокоился, может, расскажешь мне, что тебе удалось узнать?

Бо кивнул, но прежде чем ответить, взял большой стакан скотча (там было три, а то и четыре обычные порции) и опрокинул его залпом, словно это был не крепкий алкоголь, а обычная вода.

— Чччерт побери, вот это да! — выдохнул он, даже не поморщившись. — Для начала скажу тебе, — Бо приступил, наконец, к делу, — что следствие пока что на ранней стадии, ведет его специальный агент Грегори Коулмэн. Никому другому до этого нет никакого дела, потому что, по их мнению, это чистый «глухарь».

Федеральной прокуратуре твое дело тоже не слишком интересно. Помощника федерального прокурора, в ведении которого оно находится, зовут Шон О'Ши. Насколько мне известно, это порядочный парень, не дерьмо. Есть у меня друг, Грег О'Коннел. Он юрист, когда-то работал вместе с Шоном. По моей просьбе он переговорил с Шоном, и, судя по его словам, тому совершенно наплевать на твое дело. Ты был прав, они мало занимаются делами, связанными с ценными бумагами. Гораздо больше их интересуют дела мафии и организованной преступности в Бруклине. Так что в этом смысле тебе повезло. Но ходят слухи, что этот Коулмэн очень уж упертый парень. Он говорит о тебе как о какой-то знаменитости. Он очень высоко тебя ставит, но не в том смысле, в каком бы тебе хотелось. Похоже, он просто *одержим* тобой.

— Как приятно это слышать! — мрачно покачал я головой. — Одержимый агент ФБР! И откуда он только взялся? И почему именно теперь? Должно быть, это как-то связано с предложением Комиссии насчет сделки. Эти ублюдки ведут со мной двойную игру.

— Успокойся, друг. Все не так плохо, как кажется. Комиссия тут ни при чем. Просто Коулмэн заинтригован. Возможно, виновата пресса, которая слишком часто пишет о тебе — мол, Волк с Уолл-стрит и все такое. И все эти истории о наркотиках, шлюхах, бешеных бабках… Весьма возбуждающее чтиво для молодого агента ФБР, который зарабатывает

сорок штук баксов в год.

Этот Коулмэн молод, ему лет тридцать с небольшим, как мне кажется. Он ненамного старше тебя. Ты только представь себе, как этот парень смотрит на твою налоговую декларацию и понимает, что ты в час зарабатываешь больше, чем он за целый год. А потом он видит по телеку, как твоя красавица жена гарцует в разных там передачах, — Бо пожал плечами. — Ладно, я все это к тому, что тебе надо бы на какое-то время залечь на дно и не привлекать к себе лишнего внимания. Может, взять продолжительный отпуск или что-то в этом роде. Это было бы очень неплохо, принимая во внимание твою сделку с Комиссией. Когда об этом будет объявлено?

— Не могу сказать наверняка, — ответил я, — возможно, через неделю-другую.

Бо кивнул:

— Есть и хорошая новость. У этого Коулмэна репутация честного и прямого человека. Он совсем не такой, как агент, с которым ты сегодня познакомишься. Вот уж действительно бешеный пес! Если бы тебе на хвост сел Джим Барсини, это было бы очень плохой новостью. Он уже застрелил двоих или троих, причем одного из них из штурмовой винтовки — уже после того, как парень поднял руки. То есть последовательность у него такая: «ФБР! — бац! — стоять, руки вверх!» Понимаешь, кто такой Джим Барсини?

Бог ты мой! Мое единственное спасение — свихнувшийся агент ФБР, у которого руки чешутся выстрелить в человека?

— Так что все не так уж плохо, друг, — продолжал тем временем Бо. — Этот Коулмэн не из тех, кто станет фабриковать против тебя доказательства и грозить твоим стрэттонцам пожизненным заключением. Он не станет также терроризировать твою жену, но…

— Терроризировать мою жену? — перебил я. — Что ты хочешь этим сказать? Как они могут втянуть в это Надин? Она не сделала ничего плохого, если не считать того, что тратит много денег. — Одна только мысль о том, что Надин может оказаться под колпаком ФБР, привела меня в небывалое отчаяние.

В голосе Бо появились нотки психиатра, уговаривающего своего пациента не прыгать с крыши:

— Успокойся, друг. Коулмэн не из тех, кто развязывает тотальную травлю. Я только хотел сказать, что нередко агенты давят на мужей, преследуя их жен. Но это невозможно в твоей ситуации, потому что Надин никаким боком не причастна к твоему бизнесу, правда?

— Разумеется, непричастна! — возмущенно подтвердил я, быстро припоминая все основные сделки, чтобы еще раз убедиться в том, что сказал правду. Увы, я, кажется, ошибся. — Ну, честно говоря… я провел пару сделок на ее имя, но там не было ничего серьезного. Я бы так сказал: за ней, *в общем и целом,* ничего нет. И я ни за что не допущу, чтобы ее втягивали в это дело, Бо. Скорее я признаю себя виновным, и пусть меня упрячут на двадцать лет, чем позволю им предъявлять обвинения моей жене.

— Как и любой настоящий мужчина, — медленно кивнул Бо. — Я к тому, что им это отлично известно, и они могут расценивать это как твое слабое место. Опять же, мы тут опережаем события. Следствие пока что в самом начале и пока больше похоже на поиск хоть каких-нибудь «жареных» фактов. Если тебе повезет, Коулмэн наткнется на что-нибудь еще, не связанное с тобой, и тогда у него пропадет к тебе всякий интерес. Просто будь осторожен, друг, и все будет в порядке.

— Можешь на это рассчитывать, — кивнул я.

— Вот и хорошо. Ну, Барсини будет здесь с минуты на минуту, так что давай повторим несколько основных правил. Во-первых, ничего не говори о своем деле. Об этом не сейчас. Сегодня встречаются друзья, чтобы весело поболтать о том о сем. Ни слова о следствии или о чем-нибудь в этом роде. Сегодня твоя задача завязать с ним приятельские отношения. И помни, мы здесь не за тем, чтобы попытаться заставить этого парня дать тебе информацию, которую он не имеет права разглашать, — Бо в очередной раз энергично потряс головой. — Правда состоит в том, что, если Коулмэну и впрямь втемяшится в башку засадить тебя, Барсини ничего не сможет сделать. И только в том случае, если у Коулмэна нет на тебя ничего серьезного и он лишь валяет дурака, Барсини может сказать: «Послушай, я знаю этого парня. Он не так уж плох, почему бы тебе не оставить его в покое?»

И помни, друг, меньше всего сейчас нужно, чтобы тебя обвинили в попытке подкупа агента ФБР. За это тебя надолго засадят. — Тут Бо поднял брови и добавил: — Но, с другой стороны, мы все-таки можем получить от Барсини кое-какую информацию. Видишь ли, дело в том, что этот Коулмэн, возможно, захочет, чтобы ты узнал кое-что, и тогда он использует Барсини, чтобы передать тебе информацию. Как знать? Может, ты и впрямь подружишься с Барсини. На самом деле, он отличный парень. Да, он псих ненормальный, но кто из нас не бывает таким?

— Я не из тех, кто любит осуждать ближнего, Бо, — кивнул я. — Терпеть не могу таких критиканов. Мне кажется, это худший сорт людей.

Ты согласен?

— А то! — подмигнул Бо. — Я знал, что ты правильно меня поймешь. Поверь мне, этот Барсини вовсе не типичный агент ФБР. Он бывший спецназовец из морской пехоты или из военно-морской разведки, не могу сказать наверняка. Но одну вещь ты должен знать о нем непременно — он заядлый дайвер, и это ваше общее увлечение. Можешь пригласить его на твою яхту или что-нибудь в этом роде, особенно если вся эта история с Коулмэном окажется ерундой. Иметь друга в ФБР никогда не помешает.

Я улыбнулся Бо и едва удержался, чтобы не поцеловать его, перегнувшись через стол. Вот это боец! Это качество в нем было поистине бесценным! Сколько я платил ему от «Стрэттон» и от себя лично? Около полумиллиона долларов в год, а может, и больше. Но он того стоил.

— Что этому парню известно обо мне? — спросил я. — Он знает, что я под следствием?

— Нет, — покачал головой Бо. — Я вообще очень мало говорил ему о тебе. Мол, ты мой хороший клиент и хороший друг. Кстати, это чистая правда. Именно поэтому я и пригласил сюда Барсини.

— Не думай, что я этого не ценю, Бо, — в тон ему ответил я. — Я никогда не забуду…

— Вот он, — оборвал меня Бо, показывая в окно на подходившего к ресторану мужчину лет сорока. Он был ростом около шести футов и двух дюймов, весом где-то двести двадцать фунтов. Когда он вошел, я разглядел его лучше: очень короткая стрижка «ежиком», грубоватые черты лица, пронзительные карие глаза и неправдоподобно квадратная нижняя челюсть. Казалось, он сошел с вербовочного плаката самого ультраправого толка.

— Большой Бо! — воскликнул человек, меньше всего на свете похожий на агента ФБР. — Дружище! Что это ты задумал? Где ты откопал этот чертов ресторан? Бог ты мой! Бо, да в этом захолустье так и кажется, что сейчас начнется стрельба! — он склонил голову набок и многозначительно поднял брови: — Впрочем, меня это не касается, я стреляю только в грабителей банков, так ведь?

Это безумное замечание, сопровождаемое теплой улыбкой, было явно предназначено лично мне.

— Должно быть, ты и есть тот самый Джордан, — сказал Барсини. — Что ж, приятно познакомиться, старина. Бо говорил мне, у тебя есть классная яхта. А еще он сказал, что ты любишь нырять. Дай пожать тебе руку.

Он протянул мне руку, я с готовностью протянул свою, немало

подивившись тому, что его лапа оказалась раза в два больше моей. Пожимая мне руку, он едва не выдернул ее из плечевого сустава, потом выпустил ее из своих клещей, и мы все снова уселись.

Я хотел было продолжить тему дайвинга, но специальный агент «Псих» не дал мне такой возможности.

— Ну, скажу я вам, — громко и напористо заговорил он, — вот так квартальчик! Самая настоящая помойка.

С отвращением покачав головой, он откинулся на спинку стула и закинул ногу на ногу, отчего стала сразу заметна громадная пушка на поясе.

— Тут я с тобой согласен, дружище, — согласился Бо. — Знаешь, сколько народу я арестовал, когда работал в этом районе? Если я скажу тебе, не поверишь. И половину из них уже не в первый раз. Помню, один парень размером с громадную гориллу подкрался ко мне сзади и ударил по башке крышкой от мусорного бака. Я чуть не отключился, а он набросился на моего напарника и одним ударом вырубил его.

— И что потом случилось с тем парнем? — спросил я, подняв брови. — Ты его поймал?

— Само собой, — почти обиженно фыркнул Бо. — Меня-то он не вырубил, только оглушил. Но я быстро пришел в чувство и, схватив ту же крышку от бака, стал изо всех сил лупить его по башке. Черепушка у него оказалась крепкой, словно кокосовый орех, — Бо пожал плечами и закончил: — Выжил-таки.

— А вот это ты зря! — неодобрительно заметил агент Барсини. — Ты слишком мягок, Бо. На твоем месте я бы глотку ему вырвал и засунул ему же в рот! Знаешь, это делается одним движением руки, не успеваешь даже кровью запачкаться. И звук при этом такой, словно пробка от шампанского выскочила!

Федеральный агент прижал кончик языка к небу и издал цокающий звук.

К счастью, в этот момент подошел владелец ресторана, Фрэнк Пеллегрино. Его еще называли Фрэнки «Нет», потому что он все время отказывал тем, кто пытался заказать столик. Он подошел к нам, чтобы представиться агенту Барсини. Одетый крайне элегантно и со вкусом, Фрэнк выглядел таким свежевыглаженным, что я готов был поклясться, что он только что из химчистки. На нем была темно-синяя в светло-серую полоску тройка, из левого нагрудного кармана выглядывал белоснежный платок — так изящно и безупречно сложенный, как это умел делать только Фрэнки. На вид ему можно было дать лет шестьдесят. Он выглядел

богатым, ухоженным и красивым. К тому же он обладал уникальным даром делать так, чтобы каждый гость его ресторана чувствовал себя дорогим гостем в гостеприимном доме.

— Вы, должно быть, Джим Барсини, — радушно проговорил Фрэнк Пеллегрино, протягивая гостю руку. — Бо рассказывал мне о вас. Добро пожаловать в «Рао», Джим.

Барсини тут же вскочил с места и принялся выдергивать руку Фрэнка из плеча. Я как зачарованный смотрел на Фрэнка — его превосходно уложенные седеющие волосы оставались совершенно неподвижными, в то время как сам Фрэнк дергался, словно тряпичная кукла.

— Боже! У этого парня рукопожатие как у медведя гризли, — сказал Фрэнк, обращаясь к Бо. — Он напоминает мне…

И Фрэнк Пеллегрино пустился рассказывать одну из своих многочисленных баек про авторитетных посетителей.

Я тут же отключился и, периодически улыбаясь, стал быстро соображать, как решить стоявшую передо мной задачу. Что мне сделать, или сказать, или, раз уж на то пошло, что мне надо дать специальному агенту Барсини, чтобы уговорить его передать агенту Коулмэну — пусть тот, черт его дери, оставит меня в покое? Проще всего, конечно, было бы дать ему взятку. А что? Он не производил впечатления человека с чрезмерно высокими моральными критериями. Впрочем, весь этот его антураж «солдата удачи», возможно, подразумевает неподкупность. Как будто получение взятки может обесчестить его! Интересно, сколько платят агентам ФБР? Пятьдесят штук в год? На такие деньги не особо поныряешь с аквалангом. Кроме того, дайвинг дайвингу рознь. А я был готов заплатить большие деньги за то, чтобы иметь ангела-хранителя среди сотрудников ФБР.

Кстати, а сколько я готов заплатить агенту Коулмэну, чтобы он навсегда забыл обо мне? Миллион? Конечно! Два миллиона? Разумеется! Что такое каких-то два миллиона в сравнении с федеральным обвинением и перспективой финансового краха? Это же смешные деньги!

Стоп! Кого я хочу обмануть? Это все пустое, журавль в небе, так сказать. На самом деле, сам ресторан «Рао» служил недвусмысленным напоминанием о том, что правительству никогда нельзя верить надолго. Всего три-четыре десятилетия назад бандиты делали что хотели — они давали взятки полиции, политикам, судьям, даже школьным учителям! Но потом к власти пришел клан Кеннеди, а они сами были гангстерами и рассматривали прочих бандитов как конкурентов. Поэтому они нарушили свои обещания — все эти «услуга за услугу» и все такое прочее, — и…

дальнейшее принадлежит истории.

— …Вот так он и вышел тогда сухим из воды, — сказал Фрэнк, заканчивая свою очередную фирменную байку. — Впрочем, на самом деле он не *похищал* шеф-повара, он просто на какое-то время *взял его в заложники*.

На этих словах все принялись истерически хохотать, включая и меня, хотя я пропустил мимо ушей девяносто процентов сказанного. В том не было большой беды, потому что в «Рао» один и тот же набор забавных историй рассказывался гостям из раза в раз.

Глава 24

Передача эстафеты

Джордж Кемпбелл, мой гипермолчаливый шофер, плавно остановил лимузин у бокового входа в «Стрэттон-Окмонт», и я чуть не упал с сиденья, когда он, нарушив возложенный им на самого себя обет молчания, вдруг спросил:

— Что же теперь будет, мистер Белфорт?

Вот это да! Наконец-то старый черт раскрыл рот! Хотя его вопрос мог показаться слишком общим, на самом деле он попал не в бровь, а в глаз. Ведь всего через семь с небольшим часов, в четыре часа пополудни, я буду стоять посередине брокерского зала, произнося прощальную речь перед армией встревоженных стрэттонцев. Всем им, подобно Джорджу, придется задуматься о том, что их ждет в будущем, как в финансовом, так и в других отношениях.

У меня не было никаких сомнений в том, что в ближайшие дни в умах моих бойцов будет вертеться множество вопросов: что будет теперь, когда у руля встанет Дэнни? Не останутся ли они без работы уже через полгода его руководства? Будет ли он справедлив по отношению к ним? Не станет ли он откровенно покровительствовать своим старым друзьям и нескольким ключевым маклерам, вместе с которыми он баловался наркотой? Какая судьба уготована тем брокерам, которые отдавали предпочтение Кенни, а не Дэнни? Будут ли они как-то наказаны за недостаток лояльности? Может, с ними станут обращаться, как с людьми второго сорта? Наступит ли конец брокерскому раю «Стрэттон»? Не превратится ли компания постепенно в заурядную брокерскую фирму, не хуже и не лучше любой другой?

Я предпочел ничего этого не говорить Джорджу и лишь сказал:

— Тебе не о чем беспокоиться, Джордж. Что бы ни случилось, о тебе позаботятся. Мы с Джанет откроем неподалеку офис, к тому же у нас с Надин найдется тысяча дел, в которых понадобится твоя помощь. — Я широко улыбнулся и как можно оптимистичнее добавил: — Ты только представь себе, как в один прекрасный день ты повезешь нас с Надин на свадьбу Чэндлер. Представляешь?

Джордж кивнул и показал в широкой улыбке свои первоклассные зубы. Потом смиренно произнес:

— Я очень люблю свою работу, мистер Белфорт. Вы лучший босс,

каких я только видел. И миссис Белфорт лучше всех. Все любят вас обоих. Плохо, что вы уходите из фирмы. Без вас уже никогда не будет так, как прежде. Дэнни не такой, как вы. Он неправильно относится к людям, они станут уходить.

Первая половина сказанного Джорджем настолько озадачила меня, что я даже не вполне вник во все остальное. Неужели он только что сказал, что любит свою работу? И что он любит меня? Ну, понятное дело, эти слова были лишь фигурой речи, но Джордж действительно сказал, что любит свою работу и уважает меня как босса. И это после всего того, что он видел: шлюхи, наркотики, ночные катания по Центральному парку со стриптизершами… Эллиот Лавинь, к которому Джордж ездил за спортивными сумками, набитыми наличностью…

Но, с другой стороны, я никогда не выказывал к нему неуважения. Даже в самые мрачные и тяжелые времена я всегда старался уважительно относиться к Джорджу. Да, у меня бывали очень странные мысли на его счет, но я никогда никому о них не говорил, кроме Герцогини, а она моя жена, так что это не считается. Я никогда не имел расовых предрассудков. Да и какой еврей в здравом уме и трезвой памяти мог бы их иметь? Даром, что ли, евреи всегда были самым преследуемым народом на земле!

Неожиданно мне стало стыдно, что я подвергал преданность Джорджа сомнению. Он был хорошим, порядочным человеком. Кто я такой, чтобы вкладывать в его молчание тот или иной угодный мне смысл?

Тепло улыбнувшись шоферу, я сказал:

— Правда в том, Джордж, что никто не в силах предсказать будущее, во всяком случае, я не могу этого сделать. Кто сейчас может сказать, что станет со «Стрэттон-Окмонт»? Ответ на этот вопрос может дать только время… А я ведь помню, как ты старался открыть вместо меня дверь лимузина, когда только начал работать у меня. Ты почти бежал к пассажирской двери, пытаясь опередить меня. — Я усмехнулся этому воспоминанию. — Это просто сводило тебя с ума. Но понимаешь, я никогда не позволял тебе открывать вместо меня дверь, потому что слишком уважал тебя, чтобы просто сидеть на заднем сидении, как будто у меня сломана рука или что-нибудь в этом роде. Мне всегда казалось, что это оскорбительно по отношению к водителю.

Но, поскольку сегодня мой последний день, почему бы тебе не открыть эту самую дверь, как подобает настоящему, черт его дери, шоферу лимузина? Представь себе, что твой хозяин — толстозадый янки-васп. Можешь проводить меня в брокерский зал. Как знать, вдруг тебе понравится утренняя летучка, которую проводит сегодня Дэнни? Должно

быть, она уже идет…

— …Это исследование проводилось среди десяти с лишним тысяч мужчин, — говорил Дэнни в мегафон, — и оно касалось их сексуальных привычек за последние пять лет. Думаю, вы будете абсолютно шокированы некоторыми результатами этого исследования.

Он поджал губы, покачал головой и принялся расхаживать взад-вперед, словно всем своим видом говоря: «Приготовьтесь узнать, насколько на самом деле извращена природа этих самцов».

Бог ты мой! Не успел я уйти из компании, а он уже бесчинствует! Покосившись на Джорджа, я отметил, что он несильно удивлен. Голова его была наклонена набок, а на лице читалось: «Интересно, и как вся эта чушь связана с акциями?»

— Итак, исследование показало, — продолжал тем временем Дэнни; на нем был серый в полоску костюм, на носу красовались фальшивые очки в стиле янки, — что десять процентов всего мужского населения — это законченные педики!

Тут он сделал паузу, чтобы оценить произведенный эффект.

Жди еще одного судебного иска! Я посмотрел вокруг… и увидел множество смущенных взглядов, словно все пытались понять, что хотел сказать Дэнни. То тут, то там раздавались одиночные смешки, но общим хохотом и не пахло.

Судя по всему, Дэнни остался недоволен ответной реакцией публики — вернее, ее отсутствием, — поэтому решил углубиться в тему:

— Повторяю, — продолжил человек, которого Комиссия сочла меньшим из двух зол, — исследование показало, что десять процентов всего мужского населения трахаются в задницу! Это огромное количество! Огромное! Они сосут члены друг у друга! Они…

Тут Дэнни пришлось остановиться, потому что в клиентском зале началось что-то невообразимое — стрэттонцы принялись улюлюкать, ржать, неистово аплодировать и свистеть. Половина сотрудников повскакала с мест, многие хлопали друг друга по ладоням. Однако в передней части зала, там, где сидели консультанты и люди из отдела продаж, не встал ни один человек. Я видел лишь скопление склоненных друг к другу женских головок с длинными светлыми волосами. Молодые ассистентки шептались между собой, в явном изумлении качая головами.

И тут Джордж смущенно вымолвил:

— Что-то я не совсем понимаю. Какое отношение все это имеет к фондовой бирже? Зачем он говорит о геях?

— Это сложно объяснить, Джордж, — пожал я плечами, — впрочем, мне кажется, единственное объяснение — он пытается создать образ общего врага. Что-то похожее делал Гитлер в тридцатых годах.

Я вдруг подумал, что лишь по чистой случайности Дэнни на этот раз выступал с пламенными обвинениями в адрес геев, а не чернокожих. Это заставило меня поспешно прибавить:

— Ты вовсе не обязан выслушивать всю эту ерунду. Возвращайся к концу дня, скажем, к половине пятого, договорились?

Джордж кивнул и ушел, еще более встревоженный, чем прежде.

Я стоял, глядя на всеобщий утренний разгул, и не мог не думать о том, почему Дэнни всегда приплетал на своих утренних летучках тему секса. Очевидно, он пытался сорвать дешевые аплодисменты, но это можно было сделать иными способами, не мешая скрытой основной идее, которая заключалась в том, что «Стрэттон-Окмонт», несмотря ни на что, является законной брокерской фирмой, стремящейся заработать денег для своих клиентов, и если этого почему-то не происходило, то этому могла быть одна-единственная причина — злой сговор дельцов, заполонивших, подобно саранче, все рынки. Они играли на понижение и распространяли гнусные слухи о «Стрэттон-Окмонт» и о любой другой честной брокерской фирме, стоявшей у них на пути.

Разумеется, в этот подтекст была заложена уверенность в том, что в один прекрасный день в не столь уж далеком будущем честность и профессионализм этих компаний будут оценены по достоинству, справедливость восторжествует, акции хлынут к ним бурным потоком и мы возродимся, подобно фениксу из пепла. Вот тогда-то все клиенты «Стрэттон» и сделают себе состояния!

Я много раз объяснял Дэнни всю важность этой мотивации, потому что в глубине души каждого человека (за исключением горстки социопатов) живет подсознательное желание совершать правильные поступки. Именно поэтому на каждой летучке в головы стрэттонцев на подсознательном уровне должна вбиваться эта идея — когда они улыбаются, названивают клиентам и настырно добиваются своего, они не просто потворствуют своему гедонистическому желанию быть богатыми и завоевать признание себе подобных, но также подсознательному желанию совершать правильные поступки.

Тут Дэнни поднял руки в успокаивающем жесте, и зал стал понемногу затихать.

— А теперь самая интересная, — произнес он, — я бы даже сказал, самая тревожная часть. Судите сами, если десять процентов всех мужчин

— скрытые гомосексуалисты, значит, среди тысячи мужиков, сидящих в этом зале, затесалась сотня голубых, которые так и норовят трахнуть нас в задницу, как только мы повернемся к ним спиной.

И сразу все головы стали с подозрением поворачиваться по сторонам. Даже блондинки в передней части зала стали оглядываться, бросая подозрительные взгляды из-под сильно накрашенных ресниц. В зале поднялся ропот. Слов я разобрать не мог, но общий смысл был ясен: «Найти их и линчевать!»

С замиранием сердца я смотрел, как тысяча затылков клонились то в одну, то в другую сторону, по залу перелетали сотни подозрительных взглядов; в разные стороны тянулись молодые загорелые руки с указующими перстами. Потом один за другим стали раздаваться крики:

— Тескович — типичный гомосек!

— О'Райли тоже педик! Покажись, О'Райли!

— А как насчет Ирва и Скотта? — разом воскликнули два голоса.

Уже через минуту тыканья пальцами друг в друга и выкрикивания обвинений (в случае Ирва и Скотта не таких уж необоснованных) в зале не осталось ни одного человека вне подозрений. Дэнни еще раз воздел руки, прося тишины.

— Послушайте, — укоризненно проговорил он, — мне известно, кто есть кто, и у нас есть два способа к этому отнестись — мягко или сурово. А теперь слушайте: все знают, что Скотт трахается с Ирвом, но ведь Скотт не потерял из-за этого работу, так?

Откуда-то из зала донесся обиженный голос Скотта:

— Я не трахался с Ирвом! Это просто…

— Хватит, Скотт! Прекрати! — рявкнул Дэнни в мегафон. — Чем больше ты отрицаешь это, тем более виноватым кажешься. Так что перестань! Мне жаль твою жену и детей, ты так их опозорил. — Дэнни с отвращением покачал головой и отвернулся от Скотта.

— И все же, — добавил новый руководитель «Стрэттон», — этот гнусный акт есть скорее проявление власти, нежели сексуальных предпочтений. Теперь, когда я продемонстрировал вам свою толерантность, неужели среди вас не найдется таких, у кого хватит храбрости и, раз уж на то пошло, порядочности, чтобы встать и признаться?

Из рядов поднялся молодой стрэттонец с безвольным подбородком и явным недостатком мозгов.

— Я гей и горжусь этим, — громко сказал он.

И тут зал взорвался. Через считаные секунды в сторону

недальновидного храбреца по опасной траектории полетели разные предметы, потом раздался свист, неодобрительный гул и крики:

— Эй, ты, педик! Вали отсюда!

— В смолу и перья этого извращенца!

— Ребята, поосторожнее выпивайте с ним! Как бы этот пед не подсыпал вам чего-нибудь, а потом не изнасиловал вас — чисто по-дружески!

В то утро летучка закончилась раньше обычного из-за временного всеобщего помешательства. И чего же Дэнни этим добился, если он вообще хотел чего-нибудь добиться? Перед моим мысленным взором предстала по-настоящему мрачная картина грядущего. Причем это грядущее наступит для «Стрэттон-Окмонт» уже завтра.

С чего бы мне удивляться?

Час спустя я сидел за своим столом, мысленно повторяя для собственного успокоения эти пять слов, в то время как Безумный Макс бушевал, разнося в пух и прах меня, Дэнни и соглашение о выкупе моей доли в компании, составленное Деннисом Гаито, моим бухгалтером по прозвищу Шеф-повар — настолько он любил стряпать (иными словами, фабриковать) финансовую отчетность. Если в двух словах, то соглашение обязывало «Стрэттон» выплачивать мне по одному миллиону долларов ежемесячно в течение пятнадцати лет, при этом большая часть этих денег подлежала выплате лишь на условиях отказа от конкуренции. То есть я обещал не конкурировать со «Стрэттон-Окмонт» в брокерском бизнесе.

Несмотря на то, что это соглашение заставило кое-кого вопросительно поднять брови, оно не было противозаконным (во всяком случае, на первый взгляд), и мне удалось убедить юристов фирмы одобрить его, хотя коллективный разум твердил, что, несмотря на всю легальность, от него все же дурно пахнет.

Еще один присутствующий в моем кабинете, Кенни Вигвам, пока помалкивал. И неудивительно — в конце концов, добрую половину молодости Вигвам приходил обедать к нам домой, так что отлично знал, на что способен Безумный Макс.

Тем временем Макс орал:

— …И уж тогда вам, двум идиотам, яйца-то и прищемят! Выкуп доли за сто восемьдесят миллионов долларов? Да это все равно что плюнуть в лицо Комиссии! Господи Иисусе! Черт бы вас побрал! И когда вы только поумнеете?

— Успокойся, пап, — пожал я плечами. — Все не так плохо, как

кажется. Меня заставляют проглотить горькую пилюлю, и эти сто восемьдесят миллионов подсластят ее.

— Макс, — преувеличенно весело сказал Дэнни, — нам с тобой предстоит долго работать вместе, так почему бы нам не вынести положительный опыт из неудачи? В конце концов, эти деньги получит твой сын! Что тут плохого?

Безумный Макс резко развернулся и смерил Дэнни взглядом. Потом картинно затянулся сигаретой, сложил губы в круглое маленькое «о» и сильным выдохом сфокусировал табачный дым в узкий лазерный луч полдюйма в диаметре, который направил прямо в улыбающееся лицо Дэнни с силой пушки времен гражданской войны. Дэнни исчез в облаке дыма, а Макс сказал:

— Позволь мне объяснить тебе кое-что, Поруш. То, что мой сын завтра покидает свой пост, вовсе не означает, что я вдруг зауважаю тебя. Уважение нужно заслужить, и если сегодняшнюю утреннюю летучку считать показательной в смысле будущего, не пора ли мне пойти зарегистрироваться на бирже труда? Да ты хоть знаешь, сколько законов сразу ты нарушил своей болтовней о геях? Я уже жду звонка от этого жирного ублюдка, Доминика Барбары. Именно к нему побежит этот юный перец с жалобой на тебя.

Повернувшись ко мне, он продолжил:

— Какого хрена ты приплел к соглашению о выкупе отказ от конкуренции? Какая к черту конкуренция, если тебе и без того уже запретили заниматься этим бизнесом? — Он еще раз затянулся сигаретой. — Ты и твой ублюдок Гаито — вы состряпали плутовскую схему! Это же фарс! И я не собираюсь в нем участвовать!

С этими словами Безумный Макс направился к двери.

— Пап, всего два слова, прежде чем ты уйдешь! — сказал я, поднимая руку.

— Что еще? — прошипел он, оборачиваясь.

— Во-первых, все юристы фирмы одобрили это соглашение. Откуда взялась цифра сто восемьдесят миллионов? По единственной причине — необходимо списывать деньги со счета в течение пятнадцати лет, чтобы не потерять налоговые льготы. Фирма платит мне миллион долларов в месяц, и за пятнадцать лет набегает как раз сто восемьдесят миллионов долларов.

— Не надо мне твоей арифметики, — огрызнулся он. — Меня это не впечатляет. А что касается налогового кодекса, так я его отлично знаю, равно как и твое с Гаито наглое пренебрежение этим кодексом. Так что не надо пудрить мне мозги, мистер. Еще что-нибудь?

— Надо бы перенести сегодняшний обед на шесть часов, — невинно добавил я, — Надин хочет взять с собой Чэндлер, чтобы вы с мамой могли повидаться с ней.

Скрестив пальцы, я ждал, когда имя Чэндлер произведет на Безумного Макса свое обычное волшебно-радостное воздействие. Лицо деда сразу смягчилось при упоминании имени его единственной внучки.

С широкой улыбкой и легким британским акцентом сэр Макс произнес:

— Ах, какой замечательный сюрприз! Твоя мать будет просто счастлива увидеть Чэндлер. Ну что же, хорошо! Я позвоню матери и сообщу ей хорошую новость.

Сэр Макс покинул кабинет с улыбкой на лице и чуть ли не пританцовывая на ходу.

Посмотрев на восхищенных Дэнни и Вигвама, я пожал плечами:

— Есть кое-какие кодовые слова, способные его утихомирить. Слово «Чэндлер» из них самое надежное. Придется и вам выучить пару подобных словечек, если не хотите, чтобы у него случился сердечный приступ прямо тут, в кабинете.

— Твой отец хороший человек, — сказал Дэнни, — и для него тут ничего не изменится. Я отношусь к нему, как к своему собственному отцу, и он может говорить и делать все, что захочет, пока не уйдет на пенсию.

Я улыбнулся, благодарный ему за верность.

— Однако куда больше твоего отца меня волнуют проблемы с «Дьюк Секьюритиз», — продолжал Дэнни. — Виктор в бизнесе всего три дня, а уже вовсю распространяет слухи о скором уходе «Стрэттон» с рынка и о том, что его место займет «Дьюк». Пока что он не пытался переманивать наших брокеров, но я уверен, что это всего лишь вопрос времени. Этот жирный боров слишком ленив, чтобы воспитывать собственных маклеров.

Я посмотрел на Вигвама:

— Ну, что скажешь на это?

— Не думаю, что Виктор такая уж большая угроза, — ответил он. — Фирма «Дьюк» маленькая, им пока что нечего предложить кому бы то ни было. У них нет ни капитала, ни собственных сделок, о которых стоило бы говорить. И у них нет стажа на рынке. Мне кажется, Виктор просто не может удержаться от пустой болтовни и выдает желаемое за действительное.

Я улыбнулся Вигваму, который еще раз подтвердил то, что мне и так было хорошо известно, — он плохой советник для военного времени и мало чем сможет помочь Дэнни в делах.

— Ошибаешься, дружище, — стараясь говорить как можно теплее,

сказал я. — Ты все неправильно понимаешь. Если у Виктора есть мозги, он быстро поймет, что может предложить своим новобранцам очень много, и самый большой плюс — это размер фирмы. Дело в том, что в «Стрэттоне» способному человеку трудно пробиться наверх — слишком много людей стоит на его пути. То есть можно быть семи пядей во лбу и все же не продвигаться по карьерной лестнице или продвигаться слишком медленно, если у тебя нет приятелей в руководстве.

А вот в «Дьюке» все по-другому. Любой сообразительный парень быстро сделает отличную карьеру. Такова реальность. И это одно из преимуществ маленькой компании перед большой, и не только в этом бизнесе, а в любом другом. С другой стороны, наш плюс — стабильность и опыт работы на рынке. Наши люди не живут от зарплаты до зарплаты и знают, что не останутся без заработка. Виктор пытается подорвать их уверенность и дестабилизировать ситуацию, поэтому и распускает все эти слухи. — Я пожал плечами. — Об этом я буду говорить на сегодняшнем собрании, и *тебе*, Дэнни, придется подкреплять веру в успех фирмы на всех твоих собраниях, если ты, конечно, сможешь не зацикливаться на выявлении геев. Это будет по большей части пропагандистская война, и через три месяца Виктор будет зализывать раны! — Я как можно лучше изобразил уверенность. — Что еще?

— Некоторые отпочковавшиеся от нас фирмы пытаются укусить нас, перетягивая на себя несколько сделок или переманивая какого-нибудь брокера, — сказал Вигвам своим обычным мрачным тоном. — Уверен, это временное явление и скоро прекратится.

— Это прекратится только если *ты* сделаешь так, чтобы оно прекратилось, — резко сказал я. — Надо пустить слух, что мы наедем на любую отпочковавшуюся от «Стрэттон» фирму, если она станет переманивать к себе брокеров. Нашей новой политикой станет не «око за око», а «жизнь за око», если можно так сказать.

Потом я повернулся к Дэнни и спросил:

— Кто-нибудь еще получил повестку в суд?

— Нет, насколько мне известно, — отрицательно покачал он головой, — из рядовых маклеров, во всяком случае, никто. Пока что в суд вызвали меня, тебя и Кенни. Не думаю, что кто-нибудь в брокерском зале вообще знает, что ведется следствие.

— Вообще-то все еще остается шанс того, что следователи толком ничего не знают и просто пытаются нарыть какой-нибудь серьезный компромат, — сказал я, сам не веря в это. — Скоро я буду знать точнее, в этом поможет Бо.

— Кстати, — сказал Вигвам после некоторой паузы, — Мэдден подписал договор условного депонирования и отдал мне акционерный сертификат, так что можешь об этом не волноваться.

— Я же говорил тебе, что у Стива голова на месте, — сказал Дэнни.

Я едва удержался, чтобы не рассказать ему, как Стив в последнее время нес Дэнни последними словами: мол, Дэнни неспособен управлять «Стрэттон», и я должен приложить собственные усилия к тому, чтобы помочь Стиву развивать «Стив Мэдден Шуз», имеющую сегодня как никогда большой потенциал. Продажи росли на пятьдесят процентов в месяц — в *месяц!* — и этот рост все ускорялся. Но с оперативной точки зрения Стив не справлялся — производство и поставки сильно отставали от темпов роста продаж. В результате его компания имела плохую репутацию у магазинов, поскольку задерживала поставки обуви. По настоянию Стива я даже всерьез подумывал о том, чтобы переместить свой офис в Вудсайд, Квинс, где находилась штаб-квартира «Стив Мэдден Шуз». Оказавшись там, я делил бы офис со Стивом. Он занимался бы творческой стороной бизнеса, а я — деловой.

Но я не стал говорить об этом Дэнни.

— Так я и не говорю, что у него голова не на месте, — парировал я, — но теперь, когда акции у нас, ему будет гораздо проще принимать правильные решения. Деньги заставляют людей делать странные вещи, Дэнни. Потерпи немного, сам все скоро поймешь.

В час пополудни я позвал к себе Джанет для ободряющей беседы. В последние дни она выглядела очень расстроенной, а сегодня, казалось, и вовсе была на грани слез.

— Послушай, — сказал я ей тоном отца, разговаривающего с дочерью, — тебе есть за что благодарить судьбу, детка. Я не говорю, что у тебя нет причин для огорчения, но ты должна смотреть на это как на новое начало, а вовсе не конец. Мы все еще молоды. Может быть, на несколько месяцев мы сильно сбавим обороты, но потом двинемся вперед под полными парами. — Я ласково улыбнулся. — А пока будем работать у меня дома, и это замечательно, потому что я считаю тебя членом своей семьи.

— Я знаю, — всхлипнула Джанет, — просто… я здесь с самого начала, и на моих глазах вы создали эту фирму из ничего. На моих глазах совершалось это чудо. В первый раз я почувствовала себя… («*любимой?*» — пронеслось у меня в голове)… не знаю… Когда вы вместо моего отца вели меня к алтарю… я…

И тут она, не выдержав, истерически разрыдалась.

Господи Иисусе! Что я опять сделал не так? Я хотел утешить ее, и вот теперь она плачет. Нужно позвонить Герцогине! Она знает, что надо делать в таких ситуациях. Может, она примчится сюда и отвезет Джанет домой, пусть это и займет много времени.

Не зная, как поступить, я подошел к Джанет и бережно обнял ее. Потом сказал с бесконечной нежностью в голосе:

— Нет ничего плохого в том, что ты плачешь, но не надо забывать, что впереди еще очень много хорошего. Рано или поздно «Стрэттон» прекратит свое существование, это лишь вопрос времени. Но поскольку мы уходим из фирмы *сейчас*, нас всегда будут помнить на вершине успеха. — Я улыбнулся и добавил в голос радостного оптимизма. — Сегодня вечером мы с Надин обедаем у моих родителей, и мы возьмем с собой Чэндлер. Я хочу, чтобы ты тоже поехала с нами. Договорились?

Джанет улыбнулась — улыбнулась, подумав о том, что увидит Чэндлер, — и я не мог не задуматься о том, как же мы живем, если покой и умиротворение нам может принести только чистота и невинность ребенка.

Я уже добрых пятнадцать минут произносил свою прощальную речь, когда мне вдруг стало ясно, что это речь на моих собственных похоронах. В этом был свой плюс — у меня была уникальная возможность своими глазами увидеть реакцию всех пришедших на мои похороны.

Вы только посмотрите, как они слушают, ловя каждое мое слово! Как много восторженных лиц, горящих глаз… мускулистых торсов, подавшихся вперед. Каким бешеным восторгом горят глаза девушек-консультантов с пышными светлыми волосами, восхитительными глубокими вырезами и, конечно же, роскошно вылепленными чреслами. Наверное, мне следовало бы внедрить в их подсознание мысль о том, что каждая из них должна до конца своих дней изнывать от неутолимого желания сделать мне минет и до последней капли проглотить самую суть моего мужского естества — мое семя.

Боже, какой же я извращенец! Даже сейчас, посередине прощальной речи, мой мозг бешено работал в параллельном режиме. Мои губы двигались, произнося слова благодарности стрэттонцам за пять лет неослабевающей преданности и обожания, а мозг задавался вопросом, не маловато ли я трахнул девиц, работавших в моей фирме. Что значили эти мысли? Это какой-то личностный порок? Или же вполне естественно хотеть трахнуть всех? В конце концов, какой смысл в обладании властью, если не пользоваться ею для совокупления? Честно говоря, я пользовался этим аспектом власти не так часто, как мог бы; во всяком случае, тут мне

было далеко до Дэнни. Стану ли я жалеть об этом когда-нибудь? Или же я прав и поступал правильно, как взрослый ответственный человек?

Все эти странные мысли носились в моей голове со свирепостью пятибалльного торнадо, в то время как изо рта без всякого сознательного усилия с моей стороны потоками лились своекорыстные, но мудрые слова. И тут я почувствовал, что мой мозг катится не по двум дорожкам, как всегда, а даже по трем! И это было чертовски удивительно.

На третьей дорожке шел внутренний монолог, анализирующий извращенную природу второй дорожки, где рассматривались все «за» и «против» орального секса с девушками из «Стрэттон». Тем временем по первой дорожке непрерывным потоком лились умные слова прощальной речи, обращенной к стрэттонцам. Откуда брались эти слова? Возможно, из той части мозга, которая работала независимо от сознательных усилий, а может, просто по давней привычке. Ведь за последние пять лет я провел… сколько же я провел собраний?.. Дважды в день в течение пяти лет… триста рабочих дней в году… Итого три тысячи собраний за вычетом тех, которые проводил Дэнни, то есть около десяти процентов от общего числа. Значит, я произнес приблизительно две тысячи семьсот речей, так-то. Пока я был занят этими подсчетами, губы продолжали произносить нужные слова прощального спича…

…Когда я снова осознанно включился в процесс, выяснилось, что я говорю следующее: инвестиционно-банковская фирма «Стрэттон-Окмонт» непременно выживет — *непременно выживет!* — потому что она больше, чем отдельно взятый человек, отдельно взятая вещь. Потом мне захотелось украсть фразу у Франклина Делано Рузвельта, который хоть и был членом Демократической партии, все же казался вполне здравомыслящим человеком (впрочем, недавно мне рассказали, что его жена была лесбиянкой), — и я принялся объяснять присутствующим, что им «нечего бояться, кроме самого страха».

Именно в этот момент я почувствовал, что должен еще раз подчеркнуть, что Дэнни более чем способен управлять фирмой, тем более что у него есть такой сообразительный помощник, как Вигвам. Увы, я видел перед собой все те же недоверчивые глаза и мрачные лица тысячи стрэттонцев.

Я понял, что нужно выйти за рамки здравого смысла.

— Послушайте меня все! Мне запрещено работать в индустрии ценных бумаг, но это не значит, что я не могу давать Дэнни советы. Я серьезно! Не только нет ничего противозаконного в том, чтобы я давал Дэнни советы, но больше того — я могу давать советы Энди Грину, Стиву Сандерсу,

владельцам «Билтмора» и «Монро Паркер» и вообще кому угодно в этом зале, кто захочет их выслушать. Вам хорошо известно, что мы с Дэнни по давней традиции завтракаем и обедаем вместе, и мы не собираемся нарушать эту традицию из-за какого-то навязанного мне смехотворного соглашения с Комиссией по ценным бумагам и биржам. Соглашения, которое я подписал только потому, что знаю: это обеспечит существование «Стрэттон» на ближайшую сотню лет!

Наконец-то раздались оглушительные аплодисменты. Я оглядел зал. Ах, какое обожание! Какая любовь к Волку с Уолл-стрит! И тут я встретился взглядом с Безумным Максом, у которого, казалось, шел пар из его чертовых ушей. Что же его так взбесило? Все остальные с готовностью проглотили сказанную мной белиберду. Почему бы и ему не присоединиться к общему хору? Я едва удержался, чтобы не сделать очевидный вывод о том, что мой отец отреагировал совершенно иначе, потому что был единственным человеком в этом зале, кто не ставил меня ни в грош и теперь не без тревоги наблюдал, как его сын уходит с высшего руководящего поста.

Ради Безумного Макса я добавил:

— Однако, разумеется, это будут всего лишь советы, и это по определению означает, что следовать им необязательно.

На это Дэнни выкрикнул откуда-то сбоку из зала:

— Да, это правда, но, черт возьми, какой здравомыслящий человек не станет следовать советам Джей Би?

И снова раздались оглушительные аплодисменты! Они распространились по залу, словно вирус лихорадки Эбола, и вскоре все встали с мест, устроив раненому Волку третью овацию за день. Я поднял руку, прося тишины, и тут не без удовольствия заметил Кэрри Ходош, одну из немногих женщин-брокеров «Стрэттон», которых я по-настоящему ценил.

Кэрри было уже хорошо за тридцать, что делало ее чуть ли не антиквариатом с точки зрения «Стрэттон». Тем не менее она продолжала работать. Она была одним из первых наших брокеров, приползла ко мне на коленях, умоляя взять на работу. В то время у нее не было ни цента за душой, она уже три месяца не платила за квартиру, купленный в рассрочку «мерседес» грозили отобрать за неуплату. Дело в том, что Кэрри была одной из тысяч красивых женщин, которые совершили ужасную ошибку, выйдя замуж не за того, кого надо. После десяти лет брака ее бывший муж отказался давать ей деньги на воспитание ребенка.

Я подумал: вот он, отличный плавный переход к «Дьюк Секьюритиз», а

потом и к предположению о расследовании со стороны ФБР. Да, лучше прямо сейчас упомянуть ФБР и якобы *предсказать* инициированное им расследование, словно Волк давно это предвидел и уже давно готов отразить нападение.

Я снова поднял руку, прося тишины.

— Послушайте меня все! Я не стану вам лгать. Сделка с Комиссией по ценным бумагам и биржам была одним из самых трудных решений в моей жизни. Но я знал, что «Стрэттон» выстоит в любом случае. Что делает «Стрэттон» таким особенным, таким неодолимым? Дело в том, что это не просто место, куда люди приходят работать. Это не просто бизнес, стремящийся к прибыли. «Стрэттон» — это целая идеология, и по самой своей природе его нельзя ни остановить, ни сокрушить двухлетним следствием, которое ведет кучка тупых чиновников регулятора, потерявших дар речи в нашем конференц-зале и переставших думать о том, чтобы потратить миллионы долларов налогоплательщиков на самую большую охоту за ведьмами в истории.

Идеология «Стрэттон» такова — не имеет значения, в какой семье ты родился, в какую школу ты ходил, какую характеристику дали тебе учителя. Попав в «Стрэттон» и впервые вступив в брокерский зал, ты начинаешь свою жизнь заново. В тот самый момент, когда ты входишь в эту дверь и клянешься в верности фирме, ты становишься частью семьи, ты становишься *стрэттонцем*.

Сделав глубокий вдох, я протянул руку в сторону Кэрри:

— Все здесь знают Кэрри Ходош, так?

Зал ответил одобрительным свистом, криками и улюлюканьем.

Я поднял руку и улыбнулся:

— Отлично! Если кто не знает, Кэрри была одним из первых восьми брокеров «Стрэттон». Когда мы думаем о Кэрри, мы представляем ее такой, какая она есть сегодня, — красивая женщина за рулем новенького «мерседеса», которая живет в самом прекрасном кондоминиуме Лонг-Айленда, носит костюмы от Шанель за три штуки баксов и платья от Дольче и Габбана за шесть штук; которая проводит зимний отпуск на Багамах, а летний — в Вестхэмптоне. Вы знаете ее как человека, у которого на банковском счету бог знает сколько денег…

…возможно, сейчас на нем как раз нет ни цента, как это водится у стрэттонцев…

— …и, разумеется, все знают Кэрри как одну из самых высокооплачиваемых женщин-менеджеров Лонг-Айленда, которая заработает в этом году больше полутора миллионов долларов.

Потом я рассказал им о жизненных обстоятельствах Кэрри, когда она пришла работать в «Стрэттон», и прелестная Кэрри, точно в нужное время, громко выкрикнула из зала:

— Я всегда буду любить тебя, Джордан!

И тут все снова вскочили с мест и разразились аплодисментами, устроив мне четвертую овацию.

Я благодарно склонил голову и лишь через добрых тридцать секунд жестом попросил тишины. Как только все снова уселись, я сказал:

— Вы же понимаете, что Кэрри была приперта к стенке, ей нужно было заботиться о маленьком ребенке, на нее сыпались кучи счетов. Она просто не могла позволить себе потерпеть неудачу! Ее сын, Скотт, потрясающий мальчик, скоро поступит в один из лучших колледжей страны. И благодаря своей мамочке ему не придется брать студенческий кредит на образование — тысяч этак на двести, чтобы потом он висел на его шее…

Черт возьми! Кэрри плакала! Я снова заставил женщину плакать, уже во второй раз за один день. Где же Герцогиня?

Кэрри так рыдала, что ее окружили три девушки-консультантки. Нужно было поскорее завершать прощальную речь, пока не заревел кто-нибудь еще.

— Мы все любим Кэрри, — сказал я, — и мы не хотим, чтобы она плакала.

Кэрри подняла руку и, всхлипывая, пробормотала:

— Я… со мной все в порядке… прошу прощения.

— Вот и хорошо, — ответил я, думая о том, что полагается говорить рыдающим во время прощальной речи сотрудницам. Предусмотрено ли вообще такое протоколом?

— Я хотел сказать, что если вы думаете, будто возможности быстрого продвижения больше не существует, потому что «Стрэттон», дескать, это большая и иерархическая компания, а значит, дорога наверх практически блокирована, то я скажу вам: в истории «Стрэттон» еще не было более подходящего времени, чтобы подняться вверх по карьерной лестнице. И это факт, друзья мои! Теперь, когда я ухожу, образуется огромная пустота, которую Дэнни придется заполнить.

И кем он станет ее заполнять? Посторонними людьми? Или людьми с Уолл-стрит? Конечно же, нет! «Стрэттон» всегда продвигал своих собственных сотрудников. Если вы только начали работать в фирме, или уже проработали несколько месяцев и только что сдали экзамен на получение лицензии брокера, или же отработали здесь год и только что заработали свой первый миллион — для всех вас сегодня счастливый день.

По мере роста у «Стрэттон» будут еще проблемы с регулированием бизнеса, например со стороны Комиссии по ценным бумагам и биржам. Но мы все преодолеем. Как знать? Может, в следующий раз это будет Национальная ассоциация фондовых дилеров… или даже федеральная прокуратура. Кто может сказать это наверняка? Ведь фактически каждая крупная фирма на Уолл-стрит когда-нибудь проходит через это. Но вы должны твердо знать, что в конечном счете «Стрэттон» выстоит и что любые неприятности открывают новые перспективы. Может быть, в следующий раз прощальную речь будет говорить Дэнни, передавая эстафету кому-то из вас.

Я сделал паузу, чтобы аудитория успела осмыслить сказанное, и перешел к заключению:

— Итак, я желаю каждому из вас удачи и постоянных успехов и прошу вас только об одном — слушайтесь Дэнни так, как слушались меня. Будьте верны ему так, как были верны мне. С этого самого момента я передаю бразды правления Дэнни. Удачи тебе, Дэнни, Бог в помощь! Я знаю, ты поднимешь «Стрэттон» на новый уровень.

С этими словами я поднял в воздух мегафон, приветствуя Дэнни, и зал, в который уже раз, устроил мне грандиозную овацию.

Когда эмоции понемногу улеглись, мне вручили прощальную открытку размером три на шесть футов. На одной стороне большими красными заглавными буквами было написано «ЛУЧШЕМУ В МИРЕ БОССУ». На другой каждый из моих стрэттонцев от руки написал слова благодарности за то, что я так изменил их жизнь.

Потом я ушел в свой кабинет и закрыл за собой дверь. И задал себе вопрос — а будут ли они так же благодарны мне через пять лет?

Глава 25

Дважды настоящие

Сколько эпизодов сериала «Остров Гиллигана» может посмотреть человек подряд, прежде чем решит сунуть в рот дуло пистолета и нажать на курок?

Холодное утро среды. Несмотря на то, что было уже одиннадцать, я все еще валялся в постели и смотрел телевизор. Вынужденная отставка — это совсем не сахар, думал я. Последние четыре недели я много смотрел телевизор, слишком много, если верить Герцогине. А в последние дни я был просто одержим «Островом».

И тому была своя причина. Когда я смотрел этот сериал впервые, я сделал для себя шокирующее открытие — Волк с Уолл-стрит, оказывается, такой не единственный! К моему немалому огорчению, существовал еще кто-то, обладавший такими же не совсем достойными уважения чертами характера, как и я. Это был неуклюжий старый американец, настоящий васп, которому не повезло: в результате кораблекрушения он оказался на острове Гиллигана. Его звали Терстон Хауэлл III, и, увы, он был типичным васповским идиотом и при этом миллионером. Как типичный васп, он и женился на женщине такой же породы — отвратительной блондинке по имени Лави, почти такой же идиотке, как и он сам. Лави считала необходимым носить шерстяные брючные костюмы, бальные платья с блестками и постоянно красилась, хотя остров Гиллигана находился где-то в южной части Тихого океана, минимум в пятистах милях от ближайшего морского пути, и ее вряд ли хоть кто-нибудь мог увидеть. Но ведь васпы известны своей манерой наряжаться либо слишком нарядно, либо слишком официально.

Я стал размышлять о том, по чистой ли случайности тот второй Волк оказался таким неуклюжим болваном? Или мое прозвище изначально подразумевало некое оскорбительное сравнение Джордана Белфорта со старым англосаксонским придурком с крайне низким уровнем интеллекта? Может, так оно и есть, мрачно думал я.

Все это безделье навевало страшную тоску. Впрочем, если посмотреть с более оптимистической точки зрения, я проводил много времени с Чэндлер, которая только начала говорить. Теперь было совершенно очевидно, что мои ранние предположения подтвердились — моя дочь была гениальным ребенком, и это можно было засвидетельствовать в

письменном виде. Мне все время хотелось любоваться ею, и я хорошо понимал, что как бы она ни выглядела, мне будет нравиться в ней все до последней молекулы. Факт оставался фактом — она была прекрасна и с каждым днем становилась все более похожей на свою мать. Точно так же и я любил ее все больше, наблюдая, как развивается ее личность. Она была настоящей папиной дочкой, и редкий день проходил без того, чтобы я не провел с ней по крайней мере три-четыре часа, обучая ее новым словам.

Во мне расцвели сильные чувства, с которыми я не был ранее знаком. Хорошо это или плохо, но я пришел к пониманию, что я никогда не любил другого человека без оговорок — ни моих жен, ни родителей. Только теперь, с появлением Чэндлер, я, наконец, осознал подлинное значение слова «любовь». Впервые в жизни я понял, почему мои родители чувствовали мою боль — буквально страдали вместе со мной, особенно в период подросткового возраста, когда я, казалось, был полон решимости зарыть в землю все свои способности. Наконец-то я понял, почему плакала моя мать. Теперь я знал, что тоже буду проливать слезы, если моя дочь станет делать то, что делал я. Я чувствовал себя виноватым за всю ту боль, которую причинил своим родителям, понимая, что они чувствовали себя уязвленными до глубины души. С их стороны это была безоговорочная любовь, самая чистая любовь в мире, и до недавнего времени я только получал ее, но никому не отдавал.

Все это никак не уменьшало моих чувств к Герцогине. Напротив, я стал думать о том, смогу ли я когда-нибудь в отношениях с ней достичь такого уровня душевного покоя и доверия, чтобы забыть об осторожности и любить ее безоговорочно. Может, это случится, если у нас появится второй ребенок. Или если мы вместе состаримся — по-настоящему состаримся — и для нас окончится тот период, когда физическое тело требует для себя так много. Может, тогда я, наконец, доверюсь ей.

Шли дни, и я стал искать ощущения покоя и стабильности, смысла самой жизни в общении с Чэндлер. Где-то в глубине мозга острой занозой сидела мысль о том, что я могу попасть в тюрьму, и тогда меня разлучат с ней. Эту занозу нельзя было выдернуть до тех пор, пока (и если) агент Коулмэн не закончит свое расследование с нулевым результатом. Только тогда я обрету, наконец, спокойствие. Я с нетерпением ждал новостей от Бо, который должен был передать мне информацию, добытую специальным агентом Барсини, но у него были какие-то трудности.

Была еще и Герцогиня. Мы с ней замечательно ладили. Теперь, когда у меня было много свободного времени, оказалось гораздо проще скрывать от нее мое усиливающееся пристрастие к наркотикам. Я выработал

замечательный режим дня. Я просыпался в пять утра, за два часа до нее, и спокойно съедал свою утреннюю таблетку. Потом я проходил все четыре фазы кайфа — звон в ушах и покалывание, потеря отчетливого восприятия и онемение, бессвязная речь и слюнотечение, окончательная потеря сознания. И все это до того, как проснется Герцогиня.

Очнувшись от забытья, я обычно смотрел несколько серий «Острова Галлигана» или «Мне снится Джинни», потом час-другой играл с Чэндлер. В полдень я обедал с Дэнни в ресторане «Тенджин», где нас видели все стрэттонцы.

После закрытия рынка мы с Дэнни снова встречались, чтобы вместе поторчать. Это был мой второй кайф за день. Обычно я приезжал домой около семи, когда фаза слюнотечения давно закончилась, и ужинал вместе с Герцогиней и Чэндлер. Я был уверен, что Герцогиня знала о моих шалостях, но закрывала на это глаза, возможно, из благодарности за то, что я, по крайней мере, старался не пускать слюни в ее присутствии (это всегда бесило ее больше, чем все остальное).

И тут я услышал сигнал телефона внутренней связи.

— Вы уже проснулись? — раздался в трубке голос Джанет.

— Уже одиннадцать, Джанет. Разумеется, я уже не сплю!

— Откуда мне знать? Вы же еще не выходили из спальни!

Нет, это просто неслыханно! Она и не думала говорить со мной уважительно даже теперь, когда работала в моем доме. Они с Герцогиней словно сговорились постоянно подкалывать и высмеивать меня. Разумеется, они делали это в шутку, из любви ко мне, но иногда мне было по-настоящему больно.

И на каких основаниях, собственно, эти две бабы высмеивают меня? Нет, я серьезно! Хоть мне и запретили вести бизнес с ценными бумагами, я все же сумел сделать четыре миллиона в феврале. Да и в марте — хотя сегодня еще только третье марта! — я уже сделал миллион. Так что меня нельзя было считать каким-то никчемным морским слизнем, валяющимся весь день в постели и ничего не делающим.

Интересно, а что сами эти две дамочки, черт возьми, делают целыми днями? Джанет проводила большую часть дня с обожаемой ею Чэндлер и в болтовне с Гвинни. Надин часами ездила на своих дурацких лошадях, потом ходила по дому в английском костюме для верховой езды: светло-зеленые обтягивающие рейтузы, такой же хлопковый свитер с высоким воротом и блестящие черные кожаные сапоги до колен. При этом трудно поддающаяся лечению аллергия на лошадей заставляла ее все время чихать, кашлять и хлюпать носом. Единственным человеком в доме,

который действительно понимал меня, была Чэндлер и, наверное, Джинни, которая подавала мне завтрак в постель и предлагала кваалюд от боли в спине.

— Я уже проснулся, Джанет, — огрызнулся я, — так что остынь, черт возьми. Смотрю финансовые новости.

— Да? Правда? — невинно поинтересовалась Джанет. — Я тоже смотрю. Что же сейчас говорит этот парень?

— Отвяжись, Джанет. Какого… что тебе от меня надо?

— Тебя спрашивает Алан Химтоуб. Говорит, это важно.

Алан Химтоуб, а попросту Алан-Химик, мой доверенный дилер, поставлявший мне кваалюд, был тот еще зануда. Ему было мало получить пятьдесят баксов за таблетку и катиться ко всем чертям. О нет! Этому наркодилеру хотелось нравиться окружающим, хотелось, чтобы его любили, или что там еще хотелось этому хрену! Этот жирный ублюдок вдохнул новую жизнь в девиз «Ваш местный наркодилер, всегда готов помочь!» Однако у него действительно был лучший в городе кваалюд, лучший в мире фирменный кваалюд, произведенный фармацевтическими компаниями в тех странах, где закон все еще разрешал его производство.

Да, печальная история. Когда-то кваалюд наряду с другими «легкими» (они же рекреационные) наркотиками был вполне легальным в США, но когда Управление по борьбе с наркотиками обратило внимание на то, что на каждый легальный рецепт приходилась сотня фальшивых, все подобные средства были один за другим изъяты из легального оборота. Теперь в мире осталось всего две страны, где кваалюд производился легально, — Испания и Германия. И в обеих странах контроль был настолько строгим, что было практически невозможно заполучить сколько-нибудь значимое количество.

Вот почему мое сердце забилось словно кроличье, когда я снял трубку и услышал голос Алана-Химика:

— Ты не поверишь, Джордан, но я нашел фармацевта на пенсии, у которого есть двадцать таблеток настоящего «леммона»,[14] пролежавшие в его сейфе под замком почти пятнадцать лет. Пять лет я ходил вокруг него, упрашивая продать мне леммон, но он ни в какую не соглашался. А теперь пришло время платить за колледж сына, и он готов продать их по пятьсот баксов за одну таблетку. Я подумал, может, тебе это будет интересно…

— Разумеется, мне это интересно! — перебил я его, чуть не обозвав Алана долбаным дебилом за то, что он сомневался в моей заинтересованности. Ведь кваалюд кваалюду рознь. У каждой компании-производителя формула была слегка иной, и, следовательно, таблетки с

разными торговыми названиями оказывали чуть разное воздействие на организм. И никому не удалось сделать более *правильный* вариант, чем это получилось у гениев из компании «Леммон Фармасьютикалз», которая выпустила препарат на рынок под торговым названием «леммон-714». Колеса получились великолепные — не только по силе действия, но и из-за своей легендарной способности превратить любую девственницу из католической школы в ненасытную похотливую суку. Поэтому они получили второе название — *расширитель ножек*.

— Я возьму все! — выпалил я. — И вообще, скажи ему, если он продаст мне сорок колес, я куплю их по тысяче баксов за штуку, а если сто — по полторы тысячи! Это же сто пятьдесят тысяч долларов, Алан!

Слава богу, Волк — человек богатый, подумал я. Надо же, настоящий леммон! «Палладин»,[15] например, тоже считался *настоящим* кваалюдом, потому что легально производился крупной испанской фармацевтической компанией. Но если уж палладин настоящий, то леммон — дважды настоящий!

— Но у него есть только двадцать, — отозвался Алан.

— Черт! Ты уверен? Ты случайно не собираешься припрятать часть для себя?

— Нет, конечно. Я считаю тебя другом и ни за что не стал бы так поступать с другом.

Чертов болван, подумал я, но вслух сказал:

— Согласен, с друзьями так не поступают. Когда ты сможешь приехать?

— Он будет дома не раньше четырех, значит, я смогу приехать в Олд-Бруквилл около пяти. Но ты смотри, не ешь пока ничего.

— Это и вовсе ни к чему! Мне неприятна даже мысль о еде!

На этом мы распрощались. Повесив трубку, я стал радостно кувыркаться на белом шелковом одеяле за двенадцать тысяч долларов словно пацан, только что выигравший покупательскую лотерею в самом большом и дорогом магазине классных игрушек.

Отправившись в ванную, я открыл аптечку и достал оттуда коробку с одноразовыми клизмами слабительного. Вскрыв одну упаковку, я стянул трусы до колен и с силой засунул кончик клизмы в задницу так глубоко, что достал до сигмовидной кишки. Спустя три минуты все содержимое нижнего отдела кишечника фонтаном вылетело наружу. В глубине души я был уверен, что это не добавит мне кайфа, и тем не менее это казалось разумной мерой. Потом я сунул два пальца в глотку, и остатки завтрака также покинули желудок.

Да, я сделал то, что сделал бы любой здравомыслящий человек в подобных обстоятельствах, разве что в другом порядке — сначала два пальца в рот, а уж потом клизму. Но я тщательно вымыл руки горячей водой, так что эта небольшое нарушение правильной последовательности не должно было иметь последствий.

Потом я позвонил Дэнни и велел ему проделать то же самое, что он, конечно же, с радостью и выполнил.

В пять часов вечера мы с Дэнни гоняли шары в бильярдной, расположенной в цокольном этаже моего дома, в нетерпении поджидая Алана-химика. У меня игра не шла, и Дэнни вот уже тридцать минут гонял меня вокруг стола. Пока шары звучно стукались о борта и друг о друга, Дэнни последними словами нес Виктора Вонга:

— Я на сто процентов уверен в том, что акции идут от Китайца. Такого количества нет ни у кого другого.

Акции, о которых говорил Дэнни, были из новой эмиссии инвестиционной компании «Эм-Эйч Мейерсон». Проблема заключалась в том, что я, исполняя часть моей договоренности с Кенни, обещал отдать Виктору крупные пакеты этих акций. Разумеется, были даны недвусмысленные инструкции пока не продавать их, и, разумеется, Виктор полностью игнорировал эти инструкции и уже продал их почти все до последней. Самое досадное заключалось в том, что по самой природе биржи NASDAQ было невозможно доказать, что продает именно он. Все это были лишь предположения.

Тем не менее методом исключения было нетрудно понять, откуда растут ноги: Китаец поимел нас.

— Чему ты так удивляешься? — устало поинтересовался я. — Этот Виктор — извращенный маньяк. Он бы организовал продажу бумаг, даже если в этом не было бы никакой выгоды, просто назло нам. Теперь ты понимаешь, почему я предлагал тебе продать лишнюю сотню тысяч акций без покрытия? Он продаст все, что у него есть, а ты никак не пострадаешь.

Дэнни мрачно кивнул.

— Не волнуйся, дружище, — ободрил я его. — Сколько ты ему уже продал?

— Около миллиона акций.

— Ну и ладно. Когда дойдет до полутора миллионов, я уже вырублю этого китайца и…

В дверь позвонили. Мы с Дэнни переглянулись и замерли на месте, приоткрыв рты. Спустя несколько мгновений в бильярдную, громко топая

по ступенькам лестницы, спустился Алан-Химик.

— Как дела? Как Чэндлер? — поинтересовался он, решив для начала поговорить о личном.

Господи Иисусе! Ну почему он не может, как любой нормальный пушер, просто стоять на углу у школы и толкать наркоту ребятишкам? Почему он так хочет *нравиться* своим клиентам?

— Отлично! — тепло откликнулся я, думая: «Давай же сюда таблетки!» — Как поживает Марша? Как детки?

— Ну, Марша есть Марша, — неопределенно ответил дилер, скрипнув зубами, как типичный кокаинист, каковым он, собственно говоря, и был. — А у детей все в порядке. — Он сделал несколько судорожных жевательных движений. — Знаешь, мне бы очень хотелось открыть для них счет, если это возможно. Может, фонд колледжа или что-то в этом роде?

— Да, конечно! — *Отдай же, наконец, таблетки, жирный ублюдок!* — Позвони помощнице Дэнни, и она этим займется. Так, Дэнни?

— Да, — процедил тот сквозь зубы. На его лице было написано: «Давай таблетки, а то пожалеешь!»

Спустя пятнадцать минут Алан, наконец, отдал таблетки. Я взял одну и тщательно осмотрел ее. Она была идеально круглой, диаметром чуть больше монеты в десять центов, тонкая и белоснежная. По внешнему виду она напоминала таблетку растворимого аспирина, но ее поверхность блестела, намекая, что это вовсе не безобидный аспирин. На одной стороне колеса было вытиснено торговое название — «леммон 714». На другой стороне тонкая бороздка делила таблетку ровно пополам. Ободок был правильный, со скошенной кромкой — еще один отличительный признак этой торговой марки.

— Да настоящие они, Джордан, — нетерпеливо сказал Алан-Химик. — В любом случае не принимай больше одной. Это тебе не палладин, эта штука гораздо сильнее.

Я заверил его, что не буду принимать больше одной.

Спустя еще десять минут мы с Дэнни уже были на пути в рай. Каждый из нас проглотил по колесу, и мы перешли в тренажерный зал с зеркальными от пола до потолка стенами, находившийся там же, в цокольном этаже. Зал был битком набит новейшими тренажерами фирмы «Сайбекс». Там было столько гантелей, штанг, скамей для силовых тренировок и прочего оборудования самых последних моделей, что сам Арнольд Шварценеггер обзавидовался бы. Дэнни быстро шагал по беговой дорожке, а я изо всех сил бежал вверх по тренажеру-эскалатору, словно за мной гнался агент Коулмэн.

— Ничто так не вставляет под квааЛюдом, как физическая нагрузка, правда? — сказал я Дэнни.

— Это, блин, точно! — воскликнул он. — Все дело в обмене веществ. Чем быстрее, тем лучше. — Он протянул руку и взял чашку саке. — Кстати, это гениальная придумка. Чашка теплого саке после таблетки леммона — это что-то! Все равно что лить бензин в пылающий костер.

Я схватил свою чашку саке и потянулся к Дэнни, чтобы чокнуться с ним. Он тоже потянулся ко мне, но наши тренажеры стояли в шести футах один от другого, и мы не смогли дотянуться друг до друга.

— Неплохая попытка! — хихикнул Дэнни.

— Засчитано! — хихикнул я в ответ.

И два хихикающих идиота подняли чашки, словно чокаясь в воздухе, и осушили их.

Тут дверь распахнулась — и пожалуйста! На пороге стояла Герцогиня в своем светло-зеленом костюме для верховой езды. Сделав решительный шаг вперед, она остановилась, склонила голову набок, скрестила ноги, сложила на груди руки и выпрямила спину. А затем, подозрительно сощурив глаза, спросила:

— А что это вы тут делаете?

Боже мой! Вот неожиданный облом!

— Я думал, ты сегодня вечером объезжаешь свою Надежду, — я постарался изобразить упрек.

— А-а-а-а-пчхи! — чихнула наездница, переступив с ноги на ногу. — Меня сегодня так прихватила аллергия, что я…я… а-а-а-а-пчхи! — она снова чихнула. — Пришлось отменить тренировку.

— Здорово, Герцогиня! — Дэнни, потеряв осторожность, обратился к моей жене так, как ее имели право называть только домашние.

— Еще раз назовешь меня Герцогиней, Дэнни, и я вылью твое чертово саке тебе на голову! — огрызнулась Герцогиня и повернулась ко мне: — Пойдем, мне надо с тобой кое о чем поговорить.

С этими словами она развернулась и направилась к длинной изогнутой полукругом кушетке напротив теннисного мини-корта, недавно превращенного в демонстрационный зал ее последнего увлечения — дизайн одежды для беременных.

Мы с Дэнни покорно слезли с тренажеров.

— Ты уже что-нибудь чувствуешь? — шепотом спросил его я.

— Пока ничего, — так же шепотом ответил он.

— Сегодня я разговаривала с Хизер Голд, — сказала Герцогиня. — Она считает, пора сажать Чэндлер в седло. Так что я хочу купить ей пони, —

она энергично кивнула, подчеркивая свои слова. — Тут есть один очень милый пони и к тому же не слишком дорогой.

— Сколько? — спросил я, усаживаясь рядом с Герцогиней и размышляя о том, как это Чэндлер будет учиться ездить верхом, если она и ходить-то как следует еще не научилась.

— Всего семьдесят тысяч долларов! — с победной улыбкой ответила герцогиня. — Здорово, правда?

Ну, подумал я, если ты согласишься заняться со мной сексом, пока я под кайфом, я с радостью куплю для тебя этого невменяемо дорогого пони, но вслух сказал, закатив глаза:

— Вот это да! Я и не знал, что пони нынче такие дорогие.

Герцогиня заверила меня, что в наши дни это более чем приемлемая цена для пони, и ласково прижалась ко мне, стараясь, чтобы я почувствовал запах ее духов.

— Ну пожалуйста, — обезоруживающе промурлыкала она. — А я за это всегда буду твоим лучшим другом.

В этот момент на верху лестницы появилась Джанет с широкой улыбкой на лице.

— Всем привет! Что это вы тут делаете?

Взглянув на Джанет, я ответил:

— Спускайся к нам и присоединяйся, черт побери, к нашей вечеринке!

Судя по всему, она не расслышала в моих словах сарказма, и спустя пару мгновений герцогиня уже завербовала ее на свою сторону, и они вдвоем начали рассуждать о том, как чудесно будет выглядеть Чэндлер верхом на пони в прелестном маленьком английском костюме для верховой езды, который герцогиня могла бы заказать… не будем говорить, за какие деньги.

Почувствовав благоприятный момент, я прошептал герцогине, что если она пройдет вместе со мной в ванную комнату и позволит мне трахнуть ее сзади, то я с превеликим удовольствием специально поеду завтра — как только кончится одиннадцатичасовой показ «Острова Гиллигана» — в конюшню и куплю этого пони. В ответ она прошептала:

— Прямо сейчас?

Я утвердительно кивнул и трижды быстро-быстро повторил:

— Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!

Герцогиня улыбнулась и кивнула. Мы вдвоем удалились ненадолго в ванную комнату.

Без особых церемоний я нагнул ее над раковиной и грубо вошел в нее без единой капли смазки.

— Ай! — вскрикнула она, снова чихнула и закашлялась.

— Будь здорова, любовь моя, — сказал я, быстро двигая бедрами взад-вперед. Через несколько секунд пришел бешеный оргазм. От начала до конца все заняло не больше минуты.

Герцогиня повернула свою хорошенькую головку и спросила:

— Это что — все? Ты кончил?

— Угу, — ответил я, потирая кончики пальцев. Покалывания все еще не было. — А ты нет? Почему бы тебе не подняться к себе и не попробовать кончить с помощью вибратора?

Все еще опираясь руками на раковину, она спросила:

— Почему тебе так не терпится избавиться от меня? Я знаю, вы с Дэнни что-то затеяли. Что?

— Ничего. У нас просто деловой разговор, милая, вот и все.

— Пошел ты к черту! — сердито воскликнула Герцогиня. — Ты врешь, я знаю!

Одним быстрым движением она резко выпрямилась, и я отлетел к двери, с силой стукнувшись о нее. Потом Герцогиня натянула свои рейтузы, сердито чихнула, посмотрела в зеркало, поправила волосы и, оттолкнув меня в сторону, вышла.

Спустя десять минут мы с Дэнни остались одни, все еще не словив и тени кайфа. Печально покачав головой, я сказал:

— Они такие старые, что, должно быть, потеряли свою силу. Думаю, надо съесть по второй.

Так мы и сделали, но спустя еще полчаса нас так и не вставило. Совсем не вставило!

— Нет, что за херня? — возмутился Дэнни. — Пятьсот баксов за пилюлю, а они ни фига не действуют! Да это преступление! Дай я посмотрю срок годности на флаконе!

Я сунул ему флакон.

— До декабря 1981 года! — заорал он, взглянув на этикетку. — Они просрочены! — Он отвинтил крышку и вынул еще две таблетки. — Должно быть, они потеряли силу. Давай еще по одной.

Прошло еще полчаса. Мы были в отчаянии. Каждый из нас проглотил по три таблетки — и никакого эффекта! Не было даже покалывания.

— Все! — процедил я. — Они не действуют.

— Ага, — согласился Дэнни. — Такова жизнь, мой друг.

И тут по интеркому раздался голос Гвинн:

— Мистер Белфорт, вас спрашивает по телефону Бо Дитль.

Я тут же схватил трубку:

— Привет, Бо! Что скажешь?

Его ответ испугал меня.

— Мне нужно немедленно поговорить с тобой, — напряженно проговорил он, — но не по этому телефону. Найди таксофон и позвони мне по этому номеру. Есть чем записать?

— Да что происходит? — встревожился я. — Ты говорил с Бар…

— Не по этому телефону, дружище, — оборвал он меня. — В двух словах могу ответить — да, мне есть что тебе сказать. Бери ручку.

Спустя минуту я уже сидел за рулем моего маленького белого «мерседеса», отмораживая себе зад. В спешке я забыл надеть пальто. Было ужасно холодно, не больше пяти градусов, и совсем темно — семь… *семь?..* семь вечера, как-никак. Я завел машину и выехал из ворот, потом повернул налево и с удивлением увидел длинный ряд машин, припаркованных по обе стороны улицы. Очевидно, кто-то в моем квартале устраивает вечеринку. «Замечательно!» — подумал я. Я только что выкинул десять тысяч баксов на самые бесполезные таблетки в мире, а кто-то устраивает праздники!

Мне нужно было добраться до бруквильского загородного клуба, где были таксофоны. Клуб был рядом, в нескольких сотнях ярдов от дома, и уже через тридцать секунд я подъезжал ко входу. Припарковавшись перед клубом, я поднялся по ступеням из красного кирпича между белыми коринфскими колоннами.

В вестибюле вдоль стены стояли таксофоны. Подойдя к одному из них, я снял трубку, набрал номер, который дал мне Бо, и вбил номер моей кредитки. После нескольких гудков я услышал ужасную новость.

— Послушай, дружище, — сказал Бо, — мне только что звонил Барсини. Он сказал, что ты главный фигурант дела по отмыванию денег, и оно в самом разгаре. Видимо, этот парень, Коулмэн, считает, что у тебя в Швейцарии припрятано двадцать миллионов баксов. У него там есть осведомитель. Барсини не стал вдаваться в подробности, но по его словам выходит, что ты замешан в еще каком-то деле и поначалу не был главным подозреваемым, но теперь Коулмэн сделал именно тебя центральной фигурой. Вероятно, твой домашний телефон, да и телефон пляжного домика прослушиваются. Так скажи мне, друг, в чем тут дело?

Я сделал глубокий вдох, стараясь сохранять спокойствие и придумать, что мне ответить Бо… *но что я мог ему сказать?* Что у меня миллионы долларов на счету на имя Патриции Меллор и что моя собственная теща контрабандой возила для меня наличку? Или что Тодда Гаррета арестовали, потому что дебил Дэнни сел за руль под кайфом? Что из этого

я мог ему рассказать? Ничего. Поэтому я лишь сказал:

— У меня нет никаких денег в Швейцарии. Должно быть, это какая-то ошибка.

— Что? Я не понял, что ты сказал. Повтори, пожалуйста!

— Я грю, у мня и нет хахих теньк фсвисали.

— А, так ты под кайфом! — догадался Бо. — Не могу разобрать ни слова, черт побери! Послушай меня, Джордан, — сказал он неожиданно встревоженным голосом, — не садись-ка ты за руль. Скажи, где ты находишься, и я пришлю за тобой Рокко. Где ты, дружище? Говори, не молчи!

Меня неожиданно захлестнула теплая волна, по всему телу началось приятное покалывание. Телефонная трубка все еще была у моего уха, и я хотел сказать Бо, чтобы он прислал Рокко в клуб, но губы меня не слушались. Мозг посылал сигналы, но они не доходили до нужного места. Я чувствовал себя парализованным. И это ощущение было превосходным. Мне было так хорошо! Я смотрел на блестящую металлическую поверхность таксофона, наклонив набок голову и пытаясь увидеть собственное отражение… *Таксофон был такой красивый!..* Такой блестящий, сияющий!.. Неожиданно таксофон начал удаляться… Что такое?.. Куда он удалялся?.. О *черт!..* Я рухнул на спину, словно подрубленное дерево… ДЕРЕВО!.. БУМ!.. Я лежал на спине в полубессознательном состоянии, уставившись на потолок, отделанный белыми панелями, словно в офисе. Дешевка, а еще загородный клуб, подумал я. Эти чертовы васпы экономят даже на собственных клубах!

Я снова сделал глубокий вдох и ощупал себя, нет ли переломов. Однако все части тела оказались в полном порядке. Кайф в очередной раз уберег меня от повреждений. Ничего себе, понадобилось почти полтора часа, чтобы меня, наконец, вставило… ОГО! От фазы покалывания дело сразу перешло к слюнотечению. Впрочем, я открыл новую фазу — между слюнотечением и потерей сознания. Это была… как же ее назвать? Мозговой паралич! Да! Мой мозг был уже не в состоянии посылать ясные сигналы нервам и мускулам. Какая чудесная новая фаза кайфа! Мой мозг работал четко как никогда, но совершенно не мог управлять телом. Как хорошо! Как хорошо!

С невероятным усилием я повернул голову и увидел, как упавшая трубка таксофона висит, раскачиваясь, на блестящем металлическом шнуре. Мне показалось, что я слышу, как Бо кричит:

— Скажи мне, где ты, и я пришлю за тобой Рокко!

Впрочем, это могло быть лишь игрой воображения. *Провались все*

пропадом! Поймать трубку не стоило и пытаться, тем более что я все равно потерял дар речи.

Пролежав минут пять на полу, я вдруг сообразил, что Дэнни, должно быть, сейчас в таком же состоянии. Господи Иисусе! Герцогиня, наверное, сходит с ума, не зная, где меня искать. Мне нужно было вернуться домой. До моего дома всего пара сотен ярдов по прямой. Разве я не смогу проехать такое расстояние? Или лучше пойти домой пешком? Нет, для этого слишком холодно. Еще замерзну насмерть!

Перекатившись на живот, я встал на четвереньки и попытался подняться на ноги, но ничего не получилось. Как только я отрывал руку от ковра, сразу заваливался набок. Придется *ползти* к машине. Ну и что тут такого? Чэндлер вот тоже ползает, и ничего!

Добравшись до входной двери, я с трудом приподнялся на колени и ухватился за дверную ручку. Потом я открыл дверь и выполз на крыльцо. До машины было… десять ступенек. Как я ни старался, мой мозг отказывался позволить мне ползти вниз по лестнице, рисуя страшные перспективы того, что может в таком случае произойти. Поэтому я просто лег на живот, подсунул руки под грудь и, подобно бревну, стал перекатываться со ступеньки на ступеньку. Сначала медленно… потом… о черт! Быстрее… и быстрее… *бум… бу-бум… бу-бум… бу-бум!..* с сильным глухим стуком я шлепнулся на асфальт парковки.

И снова мои Дважды Настоящие Колеса защитили меня от повреждений. Тридцать секунд спустя я уже сидел за рулем. Положив подбородок на руль, я включил зажигание, и машина тронулась. Я не мог поднять голову, и мои глаза едва видели дорогу из-за приборной доски. Я был похож на одну из тех старушек с голубыми волосами, что катят по левой полосе автострады со скоростью двадцать миль в час.

Я *очень медленно* выехал с парковки, мысленно молясь богу. Судя по всему, он оказался добрым и любящим, совсем как в книгах, потому что спустя минуту я целым и невредимым затормозил у дверей своего дома. *Победа!* Я возблагодарил бога за то, что он вел себя как настоящий бог, и с огромными усилиями вполз в кухню, где надо мной тут же склонилось красивое лицо Герцогини… *О-хо-хо! Что сейчас будет!..* Я никак не мог разобрать, насколько она сердита.

И вдруг мне стало ясно, что она совсем не сердится. Наоборот, она плакала, истерически рыдала. Потом она наклонилась ко мне и принялась осыпать нежными поцелуями мое лицо и голову, с трудом бормоча сквозь слезы:

— Слава богу, ты вернулся, милый! Я уже думала, что никогда тебя не

увижу… я… я… Я так тебя люблю. Я думала, ты разбился на машине. Мне позвонил Бо и сказал, что разговаривал с тобой по телефону, а потом ты отрубился. Тогда я спустилась вниз — а там Дэнни ползает на четвереньках и тычется в стены. Дай я тебе помогу, милый.

Она помогла мне встать, довела до стола и усадила на стул. В следующую секунду моя голова со стуком упала на стол.

— Не надо так, ты убьешь себя, милый, — взмолилась она. — Я… я не могу потерять тебя. Взгляни на свою дочь, прошу тебя. Она так тебя любит. Ты умрешь, если не прекратишь принимать наркотики.

Я взглянул на Чэндлер. Мы с дочерью встретились взглядами, и малышка улыбнулась.

— Папа! — сказала она. — Папа!

Я улыбнулся ей в ответ и хотел было сказать, что люблю ее, когда неожиданно две пары могучих рук подхватили меня под мышки и потащили вверх по лестнице.

Голос ночного Рокко сказал:

— Мистер Белфорт, вы должны немедленно лечь в постель и проспаться. Все будет хорошо.

— Не беспокойтесь, мистер Би, — добавил Дневной Рокко. — Мы обо всем позаботимся.

Черт побери, о чем это они? Я уже хотел задать им этот вопрос, но язык мне не повиновался. Через минуту я уже лежал один в постели, все еще одетый, но накрытый с головой одеялом. Свет в спальне был выключен. Я сделал глубокий вдох, пытаясь осмыслить произошедшее. Герцогиня была так добра со мной и все же вызвала телохранителей, чтобы увести меня, словно непослушного ребенка, в спальню. Ну и ладно! Пошло все к чертям собачьим! Спальня в высшей степени комфортна, я с удовольствием проведу здесь остаток фазы мозгового паралича, окутанный китайским шелком.

И тут в спальне зажегся свет. В следующее мгновение кто-то стянул с меня мое роскошное белое шелковое одеяло и в глаза ударил яркий свет фонарика.

— Мистер Белфорт, — произнес незнакомый голос, — вы не спите, сэр?

Сэр?.. Что за хрен называет меня сэром?.. Через несколько секунд мои глаза привыкли к свету, и я увидел, кто это. Полицейский. Собственно, их было двое, оба из местного отделения полиции. Они были при всем параде — пушки, наручники, сияющие бляхи и все такое. Один из них был крупный толстяк с висячими усами, другой — невысокий и жилистый, с

румяным, как у подростка, лицом.

Я сразу почувствовал беду. Случилось что-то ужасное. Агент Коулмэн работает на удивление быстро! Меня уже арестуют? Но ведь расследование только-только началось! Что вдруг случилось с медлительными колесами машины правосудия? И зачем агенту Коулмэну понадобилось использовать местную полицию для моего ареста? Бога ради! Они же выглядят как игрушечные, да и местное отделение полиции было похоже на почту из сериала «Мейберри». Неужели именно так арестуют злодеев, обвиняемых в отмывании денег?

— Мистер Белфорт, — спросил первый полицейский, — это вы были за рулем вашей машины?

Ах, вот оно что! Я все еще был под сильным кайфом, и мой мозг стал посылать отчаянные сигналы речевому аппарату, чтобы тот заговорил.

— Низня… ни зня, о сём фы («не знаю, о чем вы»), — пролепетал я.

Очевидно, мой ответ им чем-то не понравился, поскольку в следующую секунду меня уже вели в наручниках вниз по лестнице. Когда мы дошли до двери, толстяк сказал:

— Вы совершили семь столкновений с семью разными автомобилями, мистер Белфорт. Шесть из них — здесь же, на вашей улице. Седьмое — лобовое столкновение на Чикен-Вэлли-роуд. Женщину, сидевшую за рулем той машины, сейчас везут в больницу со сломанной рукой. Вы арестованы, мистер Белфорт, за вождение в нетрезвом виде, создание аварийной ситуации и бегство с места дорожно-транспортного происшествия.

Потом он зачитал мне права, и когда он дошел до того места, где говорится о бесплатном адвокате, которого они предоставят мне, если я не в состоянии самостоятельно оплатить услуги защитника, оба полицейских хмыкнули.

Постойте, какие еще столкновения? Не было никаких столкновений, и уж тем более целых семи! Бог же услышал мои молитвы и спас меня от них. Это какая-то ошибка! Они арестовали не того человека!

Так я думал, пока не увидел свой маленький «мерседес». Вот тут-то у меня и отвалилась челюсть. Машина была разбита в хлам. Пассажирская дверь, обращенная ко мне, была вдавлена в салон, заднее колесо подогнуто под днище, передок смят в гармошку, а оторванный задний бампер свисал до земли. У меня вдруг сильно закружилась голова, колени подогнулись, и я снова рухнул на землю, уставившись в ночное небо.

Оба полицейских склонились надо мной.

— Мистер Белфорт, что именно вы принимали? — озабоченно спросил толстяк. — Скажите нам, что вы принимали, чтобы мы могли вам помочь.

Помочь? Если бы вы были так добры подняться наверх и открыть аптечку, то вы нашли бы там пластиковый пакетик с двумя граммами кокаина. Пожалуйста, принесите его сюда и дайте мне сделать несколько вдохов, чтобы я пришел в себя, или вам придется тащить меня в отделение на руках, как ребенка. Так я думал. Но здравый рассудок все же взял верх, и вслух я сказал:

— Зы азестозази зе зозо!

Что означало: «Вы арестовали не того!»

Полицейские переглянулись и пожали плечами, потом подхватили меня под руки и потащили к полицейской машине.

В этот момент из дома выбежала Герцогиня, крича со своим бруклинским акцентом:

— Какого хрена? Куда вы тащите моего мужа? Он был со мной дома весь вечер! Если вы сейчас же не отпустите его, завтра оба будете работать в магазине игрушек!

Я обернулся и посмотрел на Герцогиню. По обе ее стороны стояло по Рокко. Полицейские остановились.

— Мы знаем, что он ваш муж, миссис Белфорт, — сказал толстяк, — но у нас есть несколько свидетелей, которые утверждают, что за рулем машины был именно он. Лучше позвоните одному из его адвокатов. Уверен, их у него много.

И полицейские снова потащили меня к машине.

— Не волнуйся! — кричала Герцогиня, когда меня запихивали на заднее сидение. — Бо сказал, он обо всем позаботится! Милый, я люблю тебя!

Пока полицейская машина выезжала на улицу, я думал только о том, как сильно я люблю Герцогиню и как сильно она меня любит. Я думал о том, как она рыдала, когда думала, что потеряла меня, как заступалась за меня, когда полицейские тащили меня в машину в наручниках. Может быть, именно теперь, раз и навсегда, она, наконец, доказала свою любовь и преданность. Может быть, именно теперь, раз и навсегда, я смогу быть спокойным, зная, что она всегда будет рядом — и в счастье, и в горе. Да, подумал я, Герцогиня по-настоящему любит меня.

Ехать до участка было недолго. Здание больше походило на затейливый частный особняк, чем на официальное учреждение: белое с зелеными ставнями. Выглядело весьма успокаивающе. Я подумал, что это замечательное место для того, чтобы отоспаться после кайфа.

Внутри были две зарешеченные камеры, и я скоро оказался в одной из

них. Сидеть я не мог, поэтому лежал на полу, прижавшись щекой к холодному бетону. Я плохо помню, как меня фотографировали, снимали отпечатки пальцев и записывали на видеопленку — это чтобы иметь доказательства моего состояния крайнего опьянения.

— Мистер Белфорт, — сказал полицейский, у которого толстый живот нависал над поясным ремнем, словно батон колбасы, — нам нужно сделать анализ вашей мочи.

Я сел — и сразу почувствовал, что с меня слетел весь кайф. Последняя волна прелести Дважды Настоящих с шумом откатила обратно в океан, и снова я был трезв как стеклышко. Сделав глубокий вдох, я сказал:

— Я не знаю, что вы там себе думаете, но если мне сейчас же не дадут позвонить по телефону, вы оба будете в глубокой заднице.

Моя неожиданно четкая дикция, похоже, поразила копа, и он ответил:

— Так-так, я вижу, действие того, под чем вы там были, закончилось, наконец. Охотно выпущу вас из камеры и даже сниму наручники, если вы пообещаете, что не сбежите.

Я молча кивнул. Он открыл камеру и жестом показал на телефонный аппарат на маленьком деревянном столике. Я набрал номер домашнего телефона моего адвоката. Интересно, почему я помнил его наизусть?

Спустя пять минут я помочился в стаканчик, думая о том, почему Джо Фамегетти, мой адвокат, сказал, что мне не следует волноваться, даже если тест на наркотики даст положительный результат.

Я сидел на полу своей камеры, когда полицейский вернулся и сказал:

— Итак, мистер Белфорт, могу вам сообщить — если вам это, конечно, интересно, — что тест дал положительную реакцию на кокаин, метаквалон, бензодиазепин, амфетамины, а также на экстази, опиаты и марихуану. Единственное, чего у вас в крови не обнаружено, так это галлюциногены. А в чем проблема, собственно? Вам что — не нравятся галлюциногены?

Одарив его убийственной улыбкой, я ответил:

— Позвольте мне кое-что сказать вам, офицер. Что касается всей этой истории с ДТП, вы арестовали не того человека. Что же касается теста на наркотики, мне плевать на его результаты. У меня болит спина, и все, что я принимаю, прописано мне врачом. Так что отвали от меня!

Коп в изумлении уставился на меня. Потом взглянул на часы и, пожав плечами, сказал:

— Ну, в любом случае, для ночного суда уже поздно, так что придется везти вас в центральный приемник в округ Нассо. Вряд ли вам раньше приходилось там бывать.

Мне очень хотелось послать этого жирного ублюдка подальше, но я

лишь отвернулся и закрыл глаза. Приемник округа Нассо был настоящим адом, но что я мог поделать? Я взглянул на настенные часы — было почти одиннадцать. Боже! Мне придется провести ночь в тюрьме! Какой ужас!

Я снова закрыл глаза и попытался заснуть, но вдруг услышал свое имя. Я встал и увидел странное зрелище — за прутьями решетки стоял лысый старик в полосатой пижаме и смотрел на меня.

— Вы Джордан Белфорт? — раздраженно спросил он.

— Да, а вы кто?

— Я судья Стивенс, друг вашего друга. Считайте это формальным предъявлением обвинения. Полагаю, вы бы хотели отказаться от права на адвоката, так? — и он многозначительно подмигнул мне.

— Да, — с готовностью ответил я.

— Хорошо, я принимаю это как ваше заявление о невиновности, в чем бы вас ни обвиняли, и отпускаю вас под обязательство явиться по вызову в суд. Позвоните Джо, чтобы узнать дату судебного заседания.

Сказав это, он улыбнулся, повернулся и ушел.

Спустя несколько минут у дверей полицейского участка меня ждал Джо Фамегетти. Даже ночью он был одет как первоклассный денди: безупречный темно-синий костюм и галстук в полоску. Волосы с сильной проседью были тщательно уложены. Я улыбнулся и жестом попросил подождать одну минуту. Потом вернулся в участок и обратился к толстяку полицейскому:

— Прошу прощения!

— Да? — повернулся он ко мне.

Я показал ему средний палец и сказал:

— Видел?

Уже в машине по пути домой я сказал своему адвокату:

— Джо, тест показал положительную реакцию на все мыслимые наркотики. Я по уши в дерьме!

— Зачем так волноваться? — пожал тот плечами. — Ты думаешь, я дал тебе неправильный совет? Тебя ведь не схватили прямо за рулем машины? Так как же они докажут, что эти наркотики уже были у тебя в крови, когда ты вел машину? А может, ты пришел домой и только тогда принял буквально пару таблеток и нюхнул кокаина — совсем чуть-чуть? Нет ничего противозаконного в том, что в твоей крови нашли наркотики. Хранить наркотики — вот что противозаконно. Могу поспорить, что твой арест будет признан неправомерным уже на том основании, что Надин не давала полицейским разрешения войти на территорию частной собственности. Тебе придется всего лишь возместить ущерб, причиненный

другой машине, — тебя обвинят только в одном ДТП, поскольку в остальных шести случаях им не удалось найти свидетелей. И еще откупиться от женщины, которой ты сломал руку. Все это обойдется тебе не больше чем в сотню тысяч долларов.

И он пожал плечами, словно говоря: «Сущие пустяки!»

Я кивнул, потом спросил:

— А где ты нашел этого странного старика-судью? Он явился как настоящий спаситель!

— Тебе не нужно об этом знать, — ответил мой адвокат, утомленно прикрыв глаза. — Скажем так, он друг твоего друга.

Весь оставшийся путь прошел в молчании. Когда мы подъехали к дому, Джо сказал:

— Твоя жена в постели, она пережила сильное потрясение. Так что будь с ней поласковее. Она проплакала несколько часов, но, думаю, сейчас уже успокоилась. Приезжал Бо, он очень помог. Он уехал минут пятнадцать назад.

Я молча кивнул.

— И помни, Джордан: сломанная рука срастется, а вот воскресить мертвого никому не под силу. Понимаешь, о чем я?

— Да, Джо, понимаю, но это такой вопрос… Все равно, в любом случае я сыт всем этим по горло и теперь уж завязал навсегда.

Мы пожали друг другу руки и на этом расстались.

В спальне наверху я нашел Надин. Склонившись над ней, я поцеловал ее в щеку, потом быстро разделся и юркнул под одеяло. Мы молча смотрели на белый шелковый балдахин над кроватью. Наши голые тела соприкасались плечами и бедрами. Я взял ее руку и сжал в своих ладонях.

— Я ничего не помню, Надин, — тихо сказал я, — сразу потерял сознание. Я думаю, что…

— Ш-ш-ш-ш… ничего не говори, милый, — перебила она меня. — Просто лежи и отдыхай.

Она сильнее сжала мою руку. Так мы молча лежали, как мне показалось, довольно долгое время.

— Я больше не буду, Надин, клянусь. На этот раз я говорю совершенно серьезно. Если это не божий знак, то что же? — Я снова нежно поцеловал ее в щеку. — Но нужно что-то делать с моей спиной. Я не могу больше жить с этой болью. Это невыносимо. Это мешает мне жить. — Сделав глубокий вдох, я попытался успокоиться. — Я хочу поехать во Флориду, проконсультироваться с доктором Грином. У него там клиника болезней позвоночника, и процент излечившихся весьма высок. Но что бы ни

случилось, я обещаю тебе, что навсегда покончил с наркотиками. Я знаю, что кваалюд — это не панацея, я знаю, что все кончится катастрофой.

Герцогиня повернулась на бок, чтобы посмотреть мне в лицо, положила руку мне на грудь и нежно обняла. Потом сказала, что любит меня. Я поцеловал ее светловолосую головку и с наслаждением ощутил ее запах. Потом я сказал, что тоже люблю ее и чувствую себя очень виноватым перед ней. Я обещал ей, что такое больше никогда не повторится.

И так оно и было бы. Зато случилось нечто гораздо худшее.

Глава 26

Мертвые ничего не расскажут

Два дня спустя я проснулся от телефонного звонка Кэти Грин, флоридского лицензированного риэлтора, жены всемирно известного нейрохирурга доктора Барта Грина. Я просил Кэти подобрать нам с Герцогиней местечко, где мы могли бы жить, пока я буду проходить четырехнедельный амбулаторный курс лечения в Мемориальном госпитале Джексона.

— Вам с Надин очень понравится Индиан-Крик-Айленд, — сказала добрая Кэти. — Это один из самых укромных жилых поселков во всем Майами. Там так спокойно и так тихо! Там есть даже своя собственная полиция… что можно считать плюсом, принимая во внимание ваши с Надин повышенные требования к безопасности.

Тихо и спокойно? Я действительно хотел скрыться от всех и вся. Что такого я могу натворить за четыре недели, особенно в столь скучном и столь тихом месте, как Индиан-Крик-Айленд? Там я буду изолирован от холодного жестокого мира и его невзгод, а именно от кваалюда, кокаина, крэка, марихуаны, валиума, морфина и, конечно же, от специального агента ФБР Грегори Коулмэна.

— Да, Кэти, похоже, это то, что доктор прописал, — сказал я, — особенно насчет тишины и спокойствия. Что за дом?

— Дом просто умопомрачительный! Белый особняк в средиземноморском стиле с красной черепичной крышей. Есть причал для восьмидесятифутовой яхты… — Кэти запнулась, — …это, конечно же, не вполне те же габариты, что у «Надин», но, может быть, ты купишь другую яхту по приезде? Я уверена, Барт тебе в этом поможет.

Логика прямо-таки сочилась из каждого сказанного ею слова.

— Участок просто сказочный, — продолжала Кэти. — Там есть большой плавательный бассейн, кабинка для переодевания, барная стойка со встроенной раковиной и водопроводным краном, газовый мангал для барбекю и джакузи на шесть персон с видом на залив. Лучше не придумаешь для приятного времяпрепровождения с гостями или без. Но самая хорошая новость заключается в том, что владелец готов продать дом со всей обстановкой всего за пять с половиной миллионов долларов. Отличная сделка!

Секундочку! Кто сказал, что я хочу *купить* дом? Я собирался провести

во Флориде всего четыре недели. И зачем мне покупать другую яхту, если мне не нужна даже та, которая у меня уже есть?

— По правде говоря, Кэти, — промямлил я, — я не собираюсь покупать дом прямо сейчас… и, во всяком случае, не собираюсь покупать дом во Флориде. Как ты думаешь, может быть, хозяин *сдаст* нам этот дом на месяц?

— Нет, — помрачнела Кэти Грин, чья надежда на шесть процентов комиссионных только что растаяла в воздухе. — Этот дом выставлен только на продажу.

— Гм, — недоверчиво хмыкнул я. — Почему бы тебе не предложить хозяину сто штук за месяц и посмотреть, что он на это скажет?

Первого апреля мы въезжали в арендованный дом, а его владелец, наверняка вне себя от радости и напевая под нос, вселялся на месяц в пятизвездочный отель. День дурака оказался идеальным днем для переезда, поскольку я обнаружил, что этот поселок — заповедник для малоизвестной разновидности человека, находящейся под угрозой исчезновения, а именно для старых янки с голубыми волосами. Как справедливо заметила Кэти, они были «активны, как морские слизни».

Однако будем смотреть на вещи более оптимистически: между моим ДТП и прибытием в клинику болезней позвоночника я успел смотаться в Швейцарию и встретиться там с Сорелем и Директором Подделок. Целью той поездки было выяснить, как ФБР пронюхало о моих швейцарских счетах. К моему удивлению, все было в полном порядке. Правительство США не делало никаких запросов. И Сорель, и Директор Подделок заверили меня, что они первыми узнали бы об этом.

Индиан-Крик-Айленд находился всего в пятнадцати минутах езды на машине от клиники. Машин нам хватало — об этом позаботилась Герцогиня. Она организовала доставку новенького «мерседеса» для меня и «рейнджровера» для себя. Гвинни тоже приехала в Майами, чтобы обслуживать меня, и ей тоже нужна была машина, так что я купил ей новый «лексус» у местного дилера.

Разумеется, обоим Рокко тоже пришлось приехать в Майами. Ведь они уже стали как бы частью нашей семьи. Рокко тоже нуждались в машине, и Ричард Бронсон, один из владельцев фирмы «Билтмор», избавил меня от этой головной боли, одолжив мне на месяц свой красный «феррари» с откидным верхом.

Теперь у нашей семьи было достаточно автомобилей, и мое решение арендовать шестидесятифутовую четырехмоторную яхту, чтобы плавать на

ней в клинику и обратно, оказалось совершенно нелепым. Каждую неделю приходилось платить двадцать тысяч долларов за четыре вонючих дизельных двигателя, «хорошо оборудованный салон», в который я никогда не заходил, и мостик без тента, из-за чего моя шея и плечи покрылись солнечными ожогами третьей степени. Яхта сдавалась в аренду в комплекте со старым седовласым капитаном, который доставлял меня в клинику и обратно с максимальной скоростью пять узлов.[16]

Однажды мы возвращались из клиники домой, в Индиан-Крик-Айленд. Был субботний полдень, и мы болтались в море уже около часа. Я сидел на верхнем мостике вместе с Гэри Делукой, операционным директором «Доллар Тайм», поразительно похожим на президента Гровера Кливленда. Делука был лысым, широкоплечим, с мрачным лицом и квадратной нижней челюстью. Все его тело было покрыто волосами, особенно на груди и спине. Сняв рубашки, мы оба грелись на солнышке. Я ничего не принимал уже почти месяц, и это само по себе было чудом.

Тем утром Делука сопровождал меня и в клинику. Для него это был способ личного живого общения без вмешательства посторонних, и наша беседа быстро свелась к обсуждению безнадежного, по нашему общему мнению, будущего «Доллар Тайм».

Ни в одной из проблем компании не было вины Делуки, который пришел туда работать совсем недавно и за последние полгода показал себя первоклассным управляющим. Я уже уговорил его перебраться в Нью-Йорк и стать операционным директором «Стив Мэдден Шуз», где отчаянно нуждались в человеке с его знаниями и опытом работы в сфере производства.

Все это мы обсудили еще утром, по пути в клинику. Теперь же, возвращаясь домой, мы говорили о том, что тревожило меня гораздо больше, — что он думает о Гэри Камински, финансовом директоре «Доллар Тайм», том самом типе, что познакомил меня с Жан-Жаком Сорелем и Директором Подделок почти год назад.

— Все-таки есть в нем что-то странное, — говорил Делука, чьи глаза были скрыты за круглыми солнечными очками, — только вот я никак не могу понять, что именно. Такое впечатление, что он преследует какие-то свои цели и задачи, не имеющие никакого отношения к «Доллар Тайм», словно компания для него лишь ширма. Я бы на его месте сходил с ума от того, что фирма летит ко всем чертям, а он ведет себя совершенно безмятежно, но постоянно пытается объяснить мне, как мы могли бы перенаправить прибыль в Швейцарию. Мне так и хочется содрать с него фальшивые волосы — какую такую прибыль? У нас давно нет никакой

прибыли, не говоря уж о том чтобы перенаправлять ее куда бы то ни было. — Он пожал плечами. — Ну, рано или поздно я узнаю, что затеял этот ублюдок.

Я медленно кивнул, понимая, что мое первое впечатление о Каминском оказалось абсолютно верным. Волк оказался достаточно проницательным, чтобы не позволить этому уроду в уродливом паричке вмешаться в заграничные сделки. И все же я не был абсолютно уверен, что Камински не почуял недоброе, поэтому решил покатить пробный шар.

— Согласен с тобой, — сказал я Делуке, — он просто одержим швейцарскими банками. Он даже ко мне приставал с этой идеей, — я сделал маленькую паузу, словно припоминая что-то. — Ну да, где-то с год назад. Я тогда поехал вместе с ним, чтобы посмотреть, что к чему, но мне показалось, что овчинка не стоит выделки, поэтому я отказался. Он ничего тебе об этом не говорил?

— Нет, но я знаю, что у него там куча клиентов. Сам он об этом не рассказывает, но целыми днями болтает по телефону со Швейцарией. Я всегда проверяю телефонные счета, и, если судить по ним, он делает не меньше полудюжины звонков в Швейцарию каждый день. — Делука неодобрительно покачал головой. — Чем бы он там ни занимался, лучше бы это было на законных основаниях, потому что, если это не так и если его телефон прослушивают, ему не миновать серьезных проблем.

Я изобразил на лице кислую улыбку и пожал плечами: дескать, это его проблема, не моя. Однако на самом деле то, что я услышал, встревожило меня: а что, если он в постоянном контакте с Сорелем и Директором Подделок?

— Просто ради любопытства, почему бы тебе не посмотреть в телефонных счетах, по каким номерам он звонит, — сказал я небрежным тоном, — а потом перезвонить и выяснить, с кем он говорит? Было бы любопытно узнать.

— Нет проблем. Как только вернемся, я прыгну в машину и быстренько съезжу в офис.

— Не будь смешным, телефонные счета никуда не денутся до понедельника, — улыбнулся я, чтобы усилить впечатление беспечности. — К тому же сейчас должен приехать Эллиот Лавинь, я хочу познакомить тебя с ним. Он здорово поможет тебе со «Стив Мэдден Шуз».

— Какой-то он немного чокнутый.

— *Немного*? Да он абсолютный псих, Гэри! И все-таки он один из умнейших людей в индустрии одежды, если не самый умный. Только тебе придется застать его в нужное время, когда он не хрюкает, не бормочет, не

галлюцинирует или не платит проститутке десять штук, чтобы она села на корточки на стеклянном столе и покакала, пока он дрочит под столом.

Впервые Эллиот Лавинь попался мне на глаза четыре года назад, когда я проводил отпуск на Багамах вместе с Кенни Грином. Я лежал у бассейна отеля «Кристал Палас», когда ко мне подбежал Кенни. Помнится, он кричал что-то вроде:

— Скорее! Ты должен прямо сейчас пойти в казино и посмотреть на этого парня! Он выиграл уже больше миллиона! И он ненамного старше тебя!

Несмотря на скептическое отношение к любому слову Кенни, я выбрался из шезлонга и направился в казино.

— Чем этот парень зарабатывает на жизнь? — спросил я у Кенни по пути.

— Я спрашивал… ну, этих людей из казино, — ответил Дуболом, чей мозг не мог усвоить таких слов, как *дилер, крупье* или даже *администратор*, — и они сказали, что он президент какой-то крупной компании по производству одежды.

Спустя две минуты я смотрел на этого молодого бизнесмена, не веря своим глазам. Теперь уже трудно сказать, что поразило меня больше — вид ослепительно молодого Эллиота, который не только делал ставки по десять тысяч долларов, но и занимал весь стол для игры в очко и играл за семерых, а значит, в каждой игре рисковал семьюдесятью тысячами долларов, — или вид его жены Эллен, которой на вид было не больше тридцати пяти, но она выглядела как чрезвычайно богатая и одновременно чрезвычайно изможденная женщина, и я таких раньше никогда не видел.

Я был сражен наповал. Я смотрел на этих двух необыкновенных людей добрых пятнадцать минут. Они казались крайне странной парой.

Эллиот прекрасно выглядел. У него были густые каштановые волосы до плеч. Он обладал невероятным чувством стиля. Он мог бы расхаживать в подгузнике и галстуке-бабочке, и каждый счел бы это последним криком моды.

Она была совсем другой — маленького роста, с худым лицом, тонким носом, ввалившимися щеками, обесцвеченными волосами, загорелой жесткой кожей, слишком близко посаженными глазами и донельзя худым телом. Я подумал, что она, должно быть, очень интересная личность — любящая супруга высочайшей пробы, во всем поддерживающая своего мужа. Иначе почему этот красивый молодой мужчина, игравший с хладнокровием и щегольством агента 007, женился на ней?

Я слегка ошибался.

На следующий день мы с Эллиотом случайно встретились у бассейна. Коротко обменявшись обычными любезностями, мы стали обсуждать, чем каждый из нас зарабатывает на жизнь, сколько именно зарабатывает и как достиг сегодняшнего положения.

Эллиот, как выяснилось, был президентом «Перри Эллис», одной из компаний Швейного квартала,[17] специализировавшейся на дорогой мужской одежде. Он не был владельцем этой компании, которая, в свою очередь, сама являлась филиалом открытого акционерного общества «Салант», акции которого торговались на Нью-Йоркской фондовой бирже. По сути Эллиот был наемным служащим на жалованье. Когда он сказал, какая у него зарплата, я чуть не упал с кресла — всего миллион долларов в год плюс небольшая премия в несколько сотен штук в зависимости от прибыли. Это была пустяковая сумма — и это с его-то любовью к высоким ставкам в азартных играх. Собственно говоря, каждый раз, когда он садился играть в блэк-джек, на кону была его зарплата за два года. Я не знал, как к этому отнестись — с восхищением или с презрением. Потом все же выбрал восхищение.

Да, он намекал на дополнительный источник дохода в «Перри Эллис» — своего рода дополнительные премиальные, как-то связанные с производством белых мужских рубашек для вечернего костюма где-то в восточных странах. Он не вдавался в подробности, но я быстро прочитал между строк, что он как-то снимает кэш с фабрик. Но даже если он получал от них три-четыре миллиона долларов в год, это все равно были крохи по сравнению с моими доходами.

Прежде чем расстаться, мы обменялись номерами телефонов и обещали созвониться, вернувшись в Штаты. О наркотиках мы ни разу не говорили.

Неделю спустя мы встретились за ланчем в модном тусовочном заведении Швейного квартала. Через пять минут после того, как мы сели за столик, Эллиот сунул руку во внутренний карман и достал оттуда маленький пластиковый пакетик с кокаином. Незаметно зачерпнув из него жестким вкладышем для воротничка фирменной рубашки «Перри Эллис», он мгновенно поднес порошок к носу и сделал сильный вдох. Потом повторил эту процедуру еще раз… и еще… и еще. Он проделывал это так быстро и с таким хладнокровием, что ни одна душа в ресторане ничего не заметила.

Потом он предложил пакетик мне.

— Ты спятил? — отказался я. — Средь бела дня?

— Заткнись и просто сделай это, — настаивал он.

— А вот и сделаю, — сдался я.

Через минуту я чувствовал себя на вершине блаженства, но уже через четыре минуты мне было очень плохо. Я неудержимо скрипел зубами. Мне нужен был валиум. Сжалившись надо мной, Эллиот сунул руку в карман брюк и вытащил оттуда таблетки кваалюда, покрытые коричневыми крапинками.

— Держи, они контрабандные, в них есть валиум.

— Закинуться колесом прямо сейчас, в середине рабочего дня?

— Ну да, почему бы нет? Ты же босс. Кто посмеет тебе что-нибудь сказать?

Он вытащил еще пару таблеток и с улыбкой проглотил их. Потом встал и принялся подпрыгивать, хлопая в ладоши над головой прямо посреди ресторана, чтобы ускорить наступление кайфа. Я тоже проглотил таблетки, решив, что Эллиот знает, что делает.

Спустя несколько минут в ресторан вошел, привлекая всеобщее внимание, мужчина очень крупного сложения лет шестидесяти. От него просто разило богатством.

— Этот мужик стоит полмиллиарда, — шепнул мне Эллиот, — но ты только посмотри, какой у него уродливый галстук!

С этими словами он взял столовый нож, подошел к мужику, обнял его и… отрезал его галстук на глазах у всего ресторана. Потом он снял свой (действительно великолепный) галстук, отвернул воротничок на рубашке крутого мужика и за пять секунд повязал ему свой галстук безупречным виндзорским узлом. И тут «мужик на пол-ярда» обнял его и поблагодарил.

Спустя час мы развлекались с проститутками. С подачи Эллиота я впервые узнал, что такое дорогая шлюха высшего разряда. Несмотря на то, что от кокаина у меня совсем не стояло, она искусно поработала язычком и губами, и я кончил, как из брандспойта, заплатив ей за это пять тысяч долларов. Она сказала, что я очень милый и что пусть она и шлюха, но на ней вполне еще можно жениться, если мне, конечно, это интересно.

Вскоре в комнату вошел Эллиот и заявил:

— Давай одевайся! Мы отправляемся в Атлантик-Сити! Казино прислало за нами вертолет и обещало подарить каждому золотые часы.

— Но у меня с собой только пять штук.

— Я поговорил с администрацией казино, они готовы открыть для тебя кредитную линию на полмиллиона долларов.

Интересно, с чего бы это они готовы одолжить мне так много денег, если я за всю жизнь не сделал ни одной ставки больше тысячи долларов? Однако уже через час я сидел в казино «Трамп-Касл» и играл в блэк-джек,

ставя на каждой сдаче, как ни в чем ни бывало, по десять тысяч баксов. К концу вечера я ушел из казино на четверть миллиона долларов богаче и совершенно обдолбанный.

Мы с Эллиотом стали вместе путешествовать по миру — иногда с женами, иногда без них. Со временем я сделал его своим главным подставным, и он отдавал мне миллионы долларов наличными, которые получал от фабрик «Перри Эллис» и выигрывал в казино. Он был первоклассным игроком, и это приносило ему дополнительно не меньше двух миллионов долларов в год.

Потом мы с Дениз развелись, и я устроил мальчишник в честь моей предстоящей свадьбы с Надин. Он стал поворотным пунктом в жизни Эллиота Лавиня. Мальчишник проходил в Лас-Вегасе в только что открывшемся отеле «Мираж», куда слетелась сотня стрэттонцев в сопровождении пятидесяти проституток и такого количества наркоты, что можно было обдолбить всю Неваду. Кроме того, на улицах Вегаса были завербованы еще три десятка проституток, да еще из Калифорнии прилетели несколько ночных бабочек. Прибыли также полдюжины нью-йоркских полицейских, тех самых, с которыми я расплачивался акциями первого выпуска. Оказавшись в Лас-Вегасе, нью-йоркские копы быстро снюхались с местными, и мы наняли для охраны еще несколько человек из их рядов.

Мальчишник проходил в субботу вечером. Мы с Эллиотом были внизу, играли в блэк-джек. Нас окружала толпа незнакомых людей и несколько телохранителей. Эллиот играл за пятерых, я — за оставшихся двоих. Каждая ставка равнялась десяти тысячам. Мы оба были разгорячены игрой, да еще и под кайфом. Я проглотил пять таблеток и вынюхал огромное количество кокаина. Эллиот тоже сожрал пять колес, а кокаина употребил столько, что удивительно, что он не улетел в космос.

Когда мой выигрыш достиг семисот тысяч, а его выигрыш превысил два миллиона, я сказал сквозь зубы, едва ворочая языком:

— Давай закончим на этом и поднимемся наверх.

Разумеется, Эллиот отлично понимал мою дикцию под кайфом, поэтому он кивнул, и мы направились к лестнице. К этому времени я был настолько накачан наркотой, что решил, что мне больше играть не надо, поэтому остановился у кассы и обменял фишки на лимон наличными. Сунув деньги в голубой фирменный рюкзачок казино, я перебросил его через плечо. Эллиот, однако, собирался продолжить игру, поэтому оставил свои фишки на столе под присмотром вооруженной охраны.

Поднявшись наверх, мы пошли по длинному коридору, который

упирался в огромную двустворчатую дверь; по обеим ее сторонам стояли на страже полицейские в форме. Они распахнули перед нами двери, и мы попали в огромную комнату, где бушевал мальчишник. Мы с Эллиотом замерли на месте — перед нами предстала живая картина из жизни Содома и Гоморры. Задняя стена была сделана от пола до потолка из зеркального стекла. Комната была полна людей — они танцевали и занимались любовью. Казалось, пол и потолок двигались навстречу друг другу, стремясь поменяться местами. Запах секса и пота смешивался с резким запахом высокосортной марихуаны. Музыка играла так громко, что, казалось, резонировала моя собственная глотка. Полдюжины нью-йоркских копов наблюдали за порядком.

В дальнем углу комнаты омерзительного вида проститутка — голая, покрытая татуировками, с оранжевыми волосами и лицом бульдога — сидела на высоком барном стуле, широко раздвинув ноги. Перед ней выстроились двадцать обнаженных стрэттонцев, ожидающих своей очереди трахнуть ее.

В этот момент мне стало омерзительно все, вся моя жизнь. Так низко «Стрэттон» еще не опускался. Единственным выходом было пойти в свой номер и вмазать себе пять миллиграммов занакса, двадцать золпидема и тридцать морфина. Что я и сделал. Потом закурил было косячок и тут же провалился в глубокий сон без сновидений.

Я проснулся от того, что Эллиот Лавинь тряс меня за плечи. Было уже раннее утро, и он спокойно объяснил мне, что нам нужно немедленно уезжать из Лас-Вегаса. Обрадовавшись, что весь этот ад кончился, я быстро собрал вещи, но, когда открыл сейф, обнаружил, что там пусто.

— Вчера мне пришлось занять у тебя денег, — крикнул мне Эллиот из соседней комнаты. — Мне немного не повезло.

Выяснилось, что он проиграл два миллиона.

Спустя неделю Эллиот, Дэнни и я отправились в Атлантик-Сити, чтобы Эллиот попробовал частично компенсировать свои потери, но там он проиграл еще миллион. Следующие несколько лет он продолжал проигрывать, пока не проиграл все, что у него было. Сколько именно он проиграл, так и осталось предметом досужих размышлений, хотя по самым приблизительным подсчетам выходило что-то от двадцати до сорока лимонов. Так или иначе, но Эллиот полностью разорился. Он задолжал по налогам, задолжал мне с наличными, да и физически превратился в развалину. Он теперь весил не более ста тридцати фунтов, его кожа приобрела такой же коричневатый оттенок, как его контрабандный кваалюд, и я был искренне рад, что сам принимаю только настоящее

дерьмо, изготовленное на фармацевтической фабрике (всегда и во всем надо найти положительные моменты — даже в самом отрицательном).

И вот теперь я сидел на заднем дворе дома в Индиан-Крик-Айленд, любуясь далекими очертаниями Майами. Вместе со мной за столом сидели Эллиот Лавинь, Гэри Делука и близкий друг Эллиота Артур Винер, лысеющий богатый кокаинист лет пятидесяти. У бассейна расположились дамы: прелестная Герцогиня, изможденная Эллен, а также Сонни Винер, жена Артура. К часу дня стало жарко, на небе не было ни облачка.

Я спросил Эллиота, какую цель ставит перед собой компания «Стив Мэдден Шуз» в отношениях с сетью универмагов «Мейси», которая, похоже, недовольна появлением в универмагах корнеров компании «Стив Мэдден Шуз».

Улыбающийся Эллиот Лавинь, успевший съесть пять таблеток кваалюда, произнес нечто весьма бессвязное, посасывая из бутылки холодное пиво «Хайнекен».

— Похоже, он сказал, что мы должны говорить с сетью «Мейси» с позиции силы и заявить им, что не можем открывать наши отделы по одному, — перевел я для Гэри. — Нам нужно делать это сразу во всем регионе, а затем в следующем, чтобы в конечном счете иметь свой корнер в каждом универмаге «Мейси» в любом уголке страны.

— Хорошо сказано, Джордан, — одобрил Артур, — отличный перевод.

И окунув крошечную ложечку во флакон с кокаином, который он держал в руке, с силой втянул порошок левой ноздрей.

Эллиот посмотрел на Делуку, кивнул и приподнял брови, как бы говоря: «Вот видишь, меня не так уж трудно понять».

Тут к нам подошел скелет жены Эллиота и обратился к своему мужу:

— Эллиот, дай мне таблеточку, мои все кончились.

Эллиот отрицательно покачал головой и показал ей средний палец.

— Какая же ты сволочь! — жалобно сказал скелет. — Ну, погоди! В следующий раз, когда ты скажешь, что у тебя кончились таблетки, я тоже пошлю тебя!

Я взглянул на Эллиота — его голова безвольно качалась из стороны в сторону. Это был верный признак того, что сейчас он впадет в полубессознательное состояние.

— Послушай, Эл, — сказал я, — хочешь, я принесу тебе что-нибудь поесть, чтобы ты немного пришел в себя?

Эллиот широко улыбнулся и пробормотал:

— Сделай мне первоклассный чизбургер!

— Нет проблем! — ответил я, поднялся и пошел на кухню, чтобы

сделать ему первоклассный чизбургер. В гостиной меня перехватила Герцогиня, на которой был совсем узенький небесно-голубой бразильский купальник-бикини.

— Я больше не могу выносить эту Эллен! — процедила она сквозь зубы. — Она больная на всю голову, я не хочу больше видеть ее в своем доме. Она все время нюхает кокаин, а потом бессвязно бормочет что-то. Все это отвратительно! Просто невыносимо! Ты не торчишь вот уже почти месяц, и я не хочу, чтобы тебя окружали торчки. В этом нет ничего хорошего для тебя.

Я пропустил мимо ушей половину того, что сказала Герцогиня. То есть я все слышал, но куда больше меня волновала ее прелестная грудь (которую она недавно увеличила до третьего размера).

— Успокойся, милая, Эллен не такая уж плохая. Кроме того, Эллиот — один из моих самых близких друзей, так что этот вопрос не подлежит обсуждению.

Не успели эти слова слететь с моих губ, как я понял, что совершил ошибку. В следующую секунду правая рука Герцогиня мелькнула в воздухе в молниеносном хуке, однако за тот месяц, что я не употреблял наркоту, ко мне вернулись мои кошачьи рефлексы, и я с легкостью увернулся.

— Остынь, Надин, — сказал я и засмеялся. — Не так-то легко ударить меня, когда я трезв.

Надин тоже широко улыбнулась, закинула руки мне на шею и сказала:

— Я так горжусь тобой. Ты сейчас совсем другой человек. Даже спина у тебя меньше болит, правда?

— Да, немного меньше, — ответил я, — терпеть можно. Но еще далеко до полного излечения. Как бы то ни было, мне кажется, что я справился с зависимостью от кваалюда. И я люблю тебя еще больше, чем прежде.

— Я тоже люблю тебя, — промурлыкала она, округлив губки. — Я сержусь только потому, что Эллиот и Эллен — это зло. Он очень плохо влияет на тебя, и, если он останется здесь надолго… ну, ты знаешь, о чем я.

Она подарила мне влажный поцелуй в губы и прижалась ко мне всем телом.

Вся кровь хлынула куда-то в самый низ живота, в самый пах. Я подумал, что в словах Герцогини есть зерно истины.

— Знаешь что, — сказал я, — если ты согласишься быть моей сексуальной рабыней до конца недели, я переселю Эллиота с женой в отель. Идет?

Герцогиня широко улыбнулась и ласково погладила именно там, где

надо.

— Договорились, милый. Твое желание для меня закон. Убери их отсюда, и я вся твоя.

Пятнадцать минут спустя Эллиот мусолил свой чизбургер, а я говорил по телефону с Джанет, прося ее заказать Эллиоту и Эллен номер в шикарном отеле в тридцати минутах от моего дома.

Неожиданно Эллиот с полным ртом недожеванного чизбургера вскочил с места и нырнул в бассейн. Через несколько секунд он вынырнул и жестом предложил присоединиться к нему для подводного соревнования. Мы с ним всегда так делали — спорили, кто дальше проплывет под водой. Эллиот был сильным пловцом, поскольку вырос на берегу океана, так что он имел некоторое преимущество. Но, принимая во внимание его нынешнее состояние, я подумал, что смогу обыграть его. Кроме того, в юности я подрабатывал спасателем, так что тоже неплохо плавал.

Когда я вынырнул, к краю бассейна подошла Герцогиня:

— Не пора ли вам, двум придуркам, повзрослеть? Мне не нравится ваша тупая игра. Один из вас когда-нибудь за это поплатится. А где Эллиот?

Я посмотрел на дно бассейна и прищурился. Какого черта он там делает? Почему лежит на боку? *О черт!* Неожиданно весь ужас происходящего ударил мне по мозгам, словно тяжелый молот. Не теряя времени, я нырнул за несчастным на дно бассейна. Он не двигался. Я схватил его за волосы и сильным рывком правой руки потащил к поверхности, бешено работая ногами. Его тело в воде было почти невесомым. Как только мы оказались на поверхности, я рывком вытащил Эллиота на бортик. Его тело безжизненно развалилось на бетоне. Он был мертв. *Мертв!*

— О боже! — вскрикнула Надин, и по ее щекам потекли слезы. — Эллиот мертв! Спаси его!

— Вызывай скорую! — закричал я. — Быстрее!

Я приложил два пальца к сонной артерии — пульса нет. Я схватил его запястье — ничего. Мой друг умер, подумал я.

И тут я услышал душераздирающий вопль Эллен Лавинь:

— О боже! Нет! Прошу тебя, Господи, не отнимай у меня мужа! Пожалуйста! Спаси его, Джордан! Спаси его! Не дай ему умереть! Я не могу потерять мужа! У меня двое детей! О нет! Не сейчас! Пожалуйста!

Она начала неудержимо рыдать.

Вокруг меня собралась целая толпа — Гэри Делука, Артур и Сонни, Гвинни и Рокко, даже нянька с Чэндлер на руках, прибежавшая на шум. Я

видел, как ко мне бежит Надин, позвонившая в службу 911. У меня в ушах звучало: «Спаси его! Спаси его!» Я решил сделать Эллиоту искусственное дыхание и непрямой массаж сердца, как меня учили в спасательной службе много лет назад.

И вдруг я подумал — а зачем? Со дня на день агент Коулмэн начнет проверку его банковских счетов. Сейчас, когда Эллиот лежал передо мной без признаков жизни, я не мог не подумать, насколько кстати была бы его смерть. *Мертвые ничего не расскажут…* Эти четыре слова зазвучали в моем мозгу, мой разум умолял меня не возвращать Эллиота к жизни. Пусть вместе с ним умрут все тайны наших сделок.

Этот человек был настоящим воплощением зла в моей жизни. Он снова подсадил меня на колеса после многих лет чистой жизни, подсадил меня и на кокаин, а потом еще и подвел меня как подставной, а это было равносильно тому, чтобы просто украсть мои деньги. И все ради азартных игр. Плюс проблемы с наркотиками, с налоговой службой… Агент Коулмэн не дурак, он тут же нащупает эти слабые места, особенно те, что связаны с налогами, и припугнет Эллиота тюрьмой. И тогда Эллиот начнет давать показания против меня, вывалит все, что ему обо мне известно. Нужно просто дать ему умереть, потому что… *мертвые ничего не расскажут…*

Но все вокруг кричали:

— Не останавливайся! Продолжай! Продолжай!

И неожиданно до меня дошло, что *я уже пытаюсь оживить его!* Пока мой рассудок взвешивал все «за» и «против», что-то гораздо более сильное щелкнуло во мне и перевесило все мои рассуждения.

Я прижался ртом к губам Эллиота и с силой вдохнул воздух в его легкие, потом стал ритмично нажимать на его грудную клетку. На секунду остановился, чтобы оценить результат.

Ничего! Черт возьми! Он все так же не подавал признаков жизни! Как же так? Я все делаю правильно! Почему он не дышит?

Неожиданно я вспомнил о приеме Геймлиха:[18] я недавно читал в новостях, как с его помощью спасли утонувшего ребенка. Я перевернул Эллиота на живот, обхватил его обеими руками и резко сжал изо всех сил. *Щелк!* Раздался хруст, треск… Я понял, что сломал ему ребра. Снова перевернув его на спину, я проверил, не дышит ли он. Нет, Эллиот не дышал.

Все было кончено. Он умер. Я взглянул на Надин и со слезами на глазах сказал:

— Я не знаю, что еще сделать. Он не возвращается.

И тут я снова услышал пронзительный крик Эллен:

— Господи! Мои дети! О боже! Прошу тебя, не останавливайся, Джордан! Продолжай! Ты должен спасти моего мужа!

Эллиот совсем посинел, последние проблески жизни уходили из его глаз. Мысленно произнеся короткую молитву, я сделал глубокий вдох и снова вдохнул в него воздух со всей силой, на которую был только способен, и вдруг почувствовал, как его живот раздулся, словно воздушный шарик… и его желудок изверг съеденный чизбургер. Эллиота вырвало прямо мне в рот. Я отшатнулся и стал судорожно отплевываться и кашлять.

А он уже сделал слабый вдох. Сунув голову в бассейн, я наскоро прополоскал рот и снова посмотрел на Эллиота. Его лицо, кажется, снова порозовело. Но тут же он снова перестал дышать. Я посмотрел на Гэри и сказал:

— Замени меня!

Но тот в ужасе показал мне ладони, будто отталкивая меня, замотал головой, словно говоря: «Нет, ни за что на свете!» — и отступил назад. Я повернулся к Артуру, «лучшему другу» Эллиота, но тот отреагировал точно так же, как Гэри. Мне не оставалось ничего другого, кроме как… отвратительно! Но тут на помощь пришла Герцогиня. Я лил воду на лицо Эллиота, а она вымывала остатки блевотины у него изо рта. Потом я засунул руку ему в глотку и извлек оттуда полупереваренный кусок мяса. Нажав на его язык Эллиота, я освободил его трахею и снова стал делать искусственное дыхание. Все замерли на месте, парализованные ужасом.

Наконец, я услышал вой сирены, и через несколько секунд рядом со мной появились реаниматоры. Меньше чем за три секунды они вставили дыхательную трубку в горло Эллиота и стали качать кислород в его легкие. Потом его осторожно переложили на носилки, отнесли ближе к дому, под тенистое дерево, и поставили капельницу.

Я прыгнул в бассейн и стал полоскать рот, все еще неудержимо откашливаясь. Ко мне подбежала Герцогиня с зубной пастой и щеткой в руках, и я стал чистить зубы прямо в бассейне. Потом выбрался из воды и направился туда, где лежал на носилках Эллиот. Рядом с врачами скорой уже стояло с полдюжины полицейских. Парамедики отчаянно пытались заставить сердце Эллиота нормально работать, но у них это плохо получалось. Один из них протянул мне руку и сказал:

— Вы герой, сэр. Вы спасли жизнь вашему другу.

До меня не сразу дошло: герой? Я? Волк с Уолл-стрит!? *Герой!* Как восхитительно звучало это слово! Мне отчаянно захотелось снова его

услышать, поэтому я сказал:

— Простите, я не расслышал. Что вы сказали?

Парамедик улыбнулся и повторил:

— Вы герой в самом настоящем смысле этого слова. Немногие сделали бы то, что сделали вы. Вас никто не учил, но вы все сделали правильно. Отличная работа, сэр. Вы настоящий герой.

О боже! Это было так приятно! Но я хотел услышать это еще и от Герцогини, с ее пышными бедрами и новой грудью, которые будут полностью принадлежать мне по крайней мере до конца недели, потому что я, ее муж, — настоящий герой, и ни одна женщина не может отказать герою в сексе.

Я нашел Герцогиню сидящей в полном одиночестве на краешке большого кресла. Она все еще была в состоянии шока. Я попытался найти нужные слова, которые заставили бы ее назвать меня героем. Я решил, что будет лучше действовать издалека — похвалить ее за самообладание и за то, что так быстро вызвала скорую помощь. Тогда она почувствует необходимость похвалить меня тоже.

Я присел рядом и обнял ее одной рукой.

— Слава богу, что ты вызвала скорую, Надин. Я хочу сказать, всех словно парализовало, но только не тебя. Ты сильная женщина.

Сказав это, я стал терпеливо ждать.

Она придвинулась ко мне ближе и печально улыбнулась:

— Не знаю. Думаю, это сработал инстинкт. Знаешь, когда видишь такое в фильмах, тебе даже в голову не приходит, что это может случиться с тобой в реальной жизни. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

Черт возьми, это просто невероятно! Она так и не назвала меня героем! Надо быть более конкретным.

— Да, понимаю. Никогда не думаешь, что может случиться что-нибудь в таком роде, но когда это случается, инстинкт берет верх. Наверное, именно поэтому я сделал то, что сделал.

Очнись, Герцогиня! Ради бога, сообрази, чего я от тебя хочу!

Похоже, она вняла моим молчаливым мольбам, потому что обняла меня и сказала:

— Боже мой! Ты был неподражаем! Я никогда такого не видела. Я хочу сказать… нельзя описать словами, каким ты был великолепным. Никто не сдвинулся с места, и только ты…

Бог ты мой! Она изливала свое восхищение, но так и не сказала волшебного слова!

— …и ты… я хочу сказать… ты просто герой, милый!

Ну наконец!

— Я так горжусь тобой! Мой муж — герой!

Она горячо поцеловала меня.

В этот самый момент я понял, почему каждый ребенок хочет стать пожарным. Потом я увидел, как Эллиота уносят на носилках.

— Пойдем, — сказал я. — Давай поедем в больницу и проследим, чтобы они там ничего не испортили после того, как я приложил столько усилий, чтобы спасти жизнь Эллиоту.

Двадцать минут спустя мы уже были в приемном отделении больницы Маунт-Синай, и первый прогноз выглядел ужасным: у Эллиота, видимо, пострадал мозг, он может всю оставшуюся жизнь провести в состоянии овоща.

По пути в госпиталь Герцогиня позвонила Барту, и вот теперь я шел следом за ним в реанимацию, где стоял безошибочно опознаваемый запах смерти. Там были четыре врача и две медсестры. Эллиот лежал на спине на операционном столе.

Барт не работал в больнице Маунт-Синай, но его слава, по-видимому, бежала впереди него, потому что все собравшиеся в реанимации врачи знали, кто он такой. Один из них, высокий мужчина в белом лабораторном халате, сказал:

— Он в коме, доктор Грин, и не может дышать самостоятельно. Функции мозга угнетены, сломаны семь ребер. Мы ввели ему адреналин, но никакой реакции не последовало.

Врач посмотрел Барту в глаза и медленно покачал головой, словно говоря: «Он не выживет».

И тогда Барт Грин сделал самую странную вещь на свете. С неколебимой уверенностью он подошел к Эллиоту, схватил его за плечи, прижался губами к его уху и строгим голосом прокричал:

— Эллиот! Немедленно очнитесь! — и стал немилосердно трясти его за плечи. — Эллиот, я доктор Барт Грин, и я приказываю вам перестать валять дурака и немедленно открыть глаза! Вас ждет жена! Она хочет видеть вас!

И после этих простых слов — и несмотря на то, что большинство мужчин предпочли бы умереть, чем вновь увидеться с Эллен, — Эллиот послушно выполнил команду Барта и открыл глаза. В следующую секунду работа его мозга возобновилась в нормальном режиме. Я огляделся — все врачи и медсестры разинули рты от изумления.

И я тоже. Это было чудо, сотворенное чудотворцем! От удивления я

стал качать головой и краем глаза заметил большой шприц, наполненный прозрачной жидкостью. Прищурившись, я прочитал этикетку: *морфий*. Очень интересно. Зачем морфий умирающему человеку?

Неожиданно меня охватило острое желание схватить шприц с морфином и тут же вмазаться. Я даже не успел понять, почему возникло это желание. Я был чист уже почти месяц, но теперь это не имело никакого значения. Украдкой оглядевшись, я увидел, что все медики склонились над Эллиотом, все еще ошеломленные таким замечательным поворотом событий. Бочком подкравшись к металлическому поддону, я схватил шприц и сунул в карман шортов. Кажется, никто этого не заметил.

Уже в следующее мгновение я почувствовал, как карман становится горячим… очень горячим… Господи Иисусе! Морфин буквально прожигал мне дыру в кармане! Я должен был немедленно вмазаться!

— Это самое невероятное из того, что я видел в своей жизни, — сказал я Барту. — Пойду сообщу всем эту радостную новость!

Когда я рассказал собравшимся в приемном покое, как Эллиот чудесным образом вернулся к жизни, Эллен стала плакать от радости и обнимать меня. Я с трудом избавился от нее, сказав, что мне срочно надо в туалет. Когда я уже уходил, Герцогиня схватила меня за руку и спросила:

— С тобой все в порядке, милый? Что-то ты неважно выглядишь.

Улыбнувшись жене, я ответил:

— Со мной все в порядке. Просто мне нужно в туалет.

Завернув за угол, я рванул к туалету не хуже спринтера. Распахнув дверь, влетел в одну из кабинок и заперся. Потом вынул шприц, спустил шорты и отклячил зад, чтобы вмазаться. И тут — о ужас!

У «шприца» не было поршня!

На самом деле это была одна из тех новомодных безопасных упаковок, которыми можно уколоться, только вставив их в специальное приспособление. У меня в руках был бесполезный флакончик морфия с иголкой… но без поршня! Какой облом! Я с тоской смотрел на флакон… и тут меня осенило!

Натянув шорты, я помчался в магазин подарков на другой стороне улицы, купил там леденец «чупа-чупс» и снова заперся в туалете. Стянув шорты, я воткнул иглу в ягодицу, потом взял палочку от леденца и, пользуясь ею, словно поршнем, выдавил в мышцу все содержимое флакона до последней капельки. И сразу внутри меня словно взорвался пороховой бочонок!

О боже! Должно быть, я попал прямо в вену, потому что вставило меня невероятно быстро. Я упал на колени, во рту резко пересохло,

внутренности обожгло словно кипятком, глаза горели огнем, в ушах гудел колокол Свободы, анальный сфинктер напрягся, словно кожа барабана, а это всегда было для меня верхом блаженства!

Так я и сидел на полу туалета — герой со спущенными шортами, и в заднице у меня торчал шприц. Через некоторое время я сообразил, что Герцогиня, должно быть, волнуется, раз меня так долго нет.

Через пару минут я уже шел по коридору в сторону приемного покоя, где ждала меня Герцогиня, и тут меня неожиданно окликнула какая-то пожилая еврейка:

— Сэр?

Я повернулся к ней. Она, нервно улыбаясь, ткнула пальцем в мои шорты и сказала:

— Там у вас сзади… посмотрите на свой зад!

Оказалось, я так и шел по коридору с торчавшей в заднице иглой — словно раненый бык, в которого матадор только что воткнул бандерилью. Я улыбнулся доброй старушке, поблагодарил ее, выдернул шприц, бросил его в урну и снова направился к приемному покою.

Увидев меня, Герцогиня улыбнулась. Но тут у меня потемнело в глазах и… *Черт побери!*

Когда я очнулся, я сидел на пластиковом стуле. Надо мной склонился средних лет доктор в зеленом хирургическом облачении. В правой руке он держал флакон с нюхательной солью. Рядом с ним стояла Герцогиня. Она больше не улыбалась.

— Вам трудно дышать, мистер Белфорт? — спросил врач. — Вы принимали какие-нибудь наркотики?

— Нет, — проговорил я, с трудом улыбнувшись Герцогине. — Наверное, это стресс. Быть героем не так легко. Верно, милая?

И я снова потерял сознание.

В следующий раз я пришел в себя на заднем сидении лимузина «линкольн», въезжавшего в Индиан-Крик-Айленд, *где никогда ничего не происходит*. Моей первой мыслью было, что мне нужно бы нюхнуть кокса, чтобы прийти в себя. Это вечная моя беда. Двигаться морфием, не имея при себе для баланса какого-нибудь стимулятора, было глупейшей ошибкой. Нет, я больше никогда не буду так делать. Слава богу, Эллиот привез с собой кокаин! Я возьму его у него в комнате, а потом вычту из тех двух миллионов, что он мне должен.

Спустя пять минут гостевая комната выглядела так, словно десяток агентов ЦРУ в течение трех часов искали в ней украденную микропленку. Повсюду была разбросана одежда, вся мебель была перевернута. И

никакого намека на кокаин! Проклятье! Где же он? Я продолжал рыться в комнате еще больше часа, пока до меня, наконец, не дошло: это все тот жирный гад Артур Винер! Это он украл кокаин своего лучшего друга!

Чувствуя себя одиноким и опустошенным, я, продолжая на все лады проклинать Артура Винера, поднялся в спальню и вырубился.

Глава 27

Только хорошие умирают молодыми

Казалось совершенно естественным, что помещения в штаб-квартире «Стив Мэдден Шуз» были похожи на обувные коробки. Этих «коробок» было две. Мастерская размером тридцать на шестьдесят футов представляла собой крошечную фабрику, оборудованную старинными швейными обувными машинами, которыми управляла дюжина латиноамериканцев. У них была одна грин-карта на всех, и ни один из них не платил налогов.

Офис компании был приблизительно таких же размеров, что и мастерская. Большую часть административного персонала составляли девушки не старше двадцати с небольшим, с разноцветными волосами и пирсингом на всех открытых частях тела, который словно говорил: «Да-да, и клитор у меня тоже проколот. И соски, разумеется!»

Эти молодые глупышки гарцевали по офису, с трудом удерживая равновесие на своих шестидюймовых платформах, — все от Стива Мэддена, разумеется, — а кругом грохотал хип-хоп, в воздухе плавал дым марихуаны, одновременно звонили все телефоны, а облаченные в странные одежды подозрительные религиозные лидеры проводили странные обряды. Единственное, чего здесь не хватало, так это настоящего шамана вуду, но я был уверен, что и за ним дело не станет.

И в этом хаосе непрерывно рождались все новые модели обуви Стива.

В передней части упомянутой административной коробки была еще одна маленькая коробочка — десять на двадцать футов, не больше, — где Стив (все в офисе называли его просто Сапожник) устроил свой кабинет. Здесь же в течение четырех недель, с середины мая, был и мой кабинет тоже. Мы с Сапожником сидели по разные стороны черного рабочего стола со столешницей из огнеупорного пластика. Стол, как и все вокруг, был завален обувью.

Интересно, почему каждая девочка-подросток в Америке сходила с ума по этим туфлям, которые лично мне казались безобразными? Какой бы ни была причина, было ясно одно — это компания, которую определяет ее продукт. Обувь была повсюду, особенно много ее было в кабинете Стива: она была разбросана по полу, свисала с потолка и громоздилась на дешевых складных столах и покрытых белым пластиком полках, что делало ее еще уродливее.

На подоконнике позади Стива тоже лежала обувь. Она была сложена в такие высокие стопки, что сквозь заложенное ею окно едва можно было разглядеть неприветливого вида парковку, которая очень соответствовала этой угрюмой части Квинса.

Однако деньги есть деньги, и по какой-то необъяснимой причине эта крошечная компания вплотную приблизилась к тому, чтобы начать получать огромную прибыль. Именно здесь мы с Джанет собирались работать в обозримом будущем. Она сидела в небольшом кабинетике по соседству, дверь которого выходила в этот же коридор. И она тоже была завалена со всех сторон обувью.

В понедельник утром мы с Сапожником сидели в нашем загроможденном обувью кабинете и пили кофе. С нами был Гэри Делука, это был его первый рабочий день в качестве нового операционного директора. Он никого не заменил на этом посту, поскольку до этого момента компания работала как бы на автопилоте. В офисе был также Джон Базиле, давно работавший у Стива в должности начальника производства, совмещая ее с функциями начальника отдела реализации.

По тому, как мы были одеты, ни за что нельзя было догадаться, что мы создаем крупнейшую в мире компанию по производству женской обуви. Я выглядел как профессиональный игрок в гольф, Стив был одет как настоящий бомж, Гэри — как консервативный бизнесмен, а Джон Базиле, здоровяк тридцати с лишним лет, с носом картошкой, лысой головой и мясистым лицом, выглядел как разносчик пиццы — вытертые джинсы и мешковатая футболка. Джон мне очень нравился. Это был по-настоящему талантливый человек и, несмотря на то, что был католиком, являлся также воплощением протестантской этики, отлично умел видеть картину в целом и прогнозировать дальнейшие события.

Однако, увы, он брызгал слюной, когда говорил, да еще как! Если он был взволнован или же просто хотел доказать свою правоту, нужно было надевать дождевик или держаться подальше от его рта. Как правило, все это разбрызгивание слюны сопровождалось преувеличенной жестикуляцией, вызванной по большей части тем обстоятельством, что Сапожник вел себя как трусливый заяц и не хотел размещать на фабриках достаточно большие заказы.

Вот и теперь Джон вовсю старался отстоять свою точку зрения.

— Стив, как, черт побери, мы будем развивать эту компанию, если ты не разрешаешь мне размещать заказы на эту проклятую обувь? Джордан, скажи ему, ты же понимаешь, о чем я говорю! Как, черт возьми, я могу строить…

Проклятье! Согласный звук «Т» был самым смертоносным в смысле разбрызгивания слюны, и она попала мне прямо в лоб!

— …отношения с универмагами, когда мне нечего им поставлять?

Джон сделал паузу и вопросительно посмотрел на меня, потому что я закрыл лицо руками.

Поднявшись с места, я предусмотрительно зашел за спину Стиву в поисках защиты от брызг и сказал:

— Дело в том, что я могу понять обе точки зрения. Тут то же самое, что и в брокерском деле. Стив хочет вести дело консервативно и не держать на складах много обуви. Ты же хочешь воспользоваться случаем, чтобы действовать решительно и вырваться в мировые лидеры, но для этого нужен товар, которым можно торговать. Я все понял. И мой ответ такой: вы оба правы и одновременно неправы — в зависимости от того, насколько успешно продается обувь. Если успешно, значит, ты гений, и мы заработаем тонны баксов, но, если ты ошибся и ее мало кто покупает, мы все окажемся в заднице и будем сидеть на куче бесполезного дерьма, которое невозможно продать.

— А вот и неправда! — возразил Джон. — Мы всегда можем скинуть остатки в «Маршалз», «Ти-Джей Макс» или любую другую сеть дискаунтеров.

Стив резко крутанулся ко мне в своем вращающемся кресле и сказал:

— Джон не договаривает. Да, мы можем отдать хоть всю нашу обувь магазинам вроде «Маршалз» и «Ти-Джей Макс», но этим мы одновременно уничтожим наш бизнес с универмагами и специализированными магазинами. — Стив посмотрел в глаза Джону и добавил: — Мы должны защищать нашу торговую марку, Джон. Как ты этого не понимаешь!

— Очень даже понимаю, — возразил тот. — Но мы должны еще и развивать эту самую торговую марку! А как мы будем это делать, если наши клиенты приходят в магазин и не могут там найти нашу обувь? — Он прищурился и с легким презрением смерил Сапожника взглядом. — И если я оставлю решение на твое усмотрение, мы так и останемся навсегда мелким семейным бизнесом. Жалкие трэсы!

Он повернулся ко мне, и я поспешно прикрылся руками.

— Слушай, Джордан, — брызги слюны просвистели в опасной близости, — слава богу, хоть ты здесь, потому что этот парень труслив как заяц, и я уже сыт по горло его осторожничаньем. Мы делаем самую клевую женскую обувь в стране, а я не могу разместить достаточное количество заказов, потому что этот чертов трус не дает мне производить товар в нужном количестве! Прямо ни дать ни взять, греческая трагедия какая-то,

черт бы ее побрал!

— Джон, ты знаешь, сколько компаний погорело, потому что они вели бизнес именно так, как ты предлагаешь? — спросил Стив. — Лучше перестраховаться, пока мы не откроем еще несколько собственных магазинов. Тогда мы сможем продавать уцененную обувь у себя, не подрывая репутации бренда. И тебе не убедить меня в обратном.

Джон недовольно сел на свое место. Надо признать, на меня произвело большое впечатление поведение Стива. И не только в тот день, но и в последние четыре недели. Да, Стив тоже был Волком в овечьей шкуре. Несмотря на свою внешность, он был прирожденным лидером, обладающим всеми природными способностями, и в особенности даром внушать чувство уважения и преданности своим сотрудникам. Как и в «Стрэттон», все сотрудники «Стив Мэдден Шуз» гордились тем, что они часть культа. Однако самой большой проблемой Сапожника было его упорное нежелание передавать кому-либо хоть часть своих полномочий. Его прозвали Сапожником, потому что в нем было что-то от старомодного ремесленника, и это было его самым большим плюсом и одновременно самым большим минусом. На тот момент компания делала всего пять миллионов долларов в год, и пока ему удавалось удерживать всю власть в своих руках. Но это должно было измениться. Всего год назад компания заработала лишь один миллион долларов, а уже в следующем году мы собирались сделать двадцать лимонов!

Именно на этом я сосредоточил свое внимание в последние четыре недели. Взять на работу Гэри Делуку — это был только первый шаг. Моей целью было надежно поставить компанию на ноги, так, чтобы дальше она работала и без нашего вмешательства. Нам со Стивом нужно было собрать первоклассную команду дизайнеров и управленцев. И чрезмерная спешка тут привела бы только к катастрофе. Кроме того, сначала нужно было организовать операционный контроль, которого, по сути, вообще не было.

Повернувшись к Гэри, я сказал:

— Я знаю, что сегодня твой первый рабочий день, но мне все же интересно было бы послушать, что ты об этом думаешь. Скажи честно — ты согласен со Стивом или нет?

Сапожник и Джон разом повернулись к новому операционному директору компании.

— Итак, я хочу сказать, что тоже понимаю точку зрения каждого из вас…

Ах, молодец! Весьма дипломатично.

— …но я смотрю на это в большей степени с операционной точки

зрения. Я бы сказал, это вопрос валовой прибыли, — с учетом уценки, разумеется, — и ее соотношения с планом по обороту, — Гэри кивнул головой, кажется находясь под большим впечатлением от собственного здравомыслия. — Тут есть сложные вопросы по условиям и способам логистики, то есть о том, как и куда мы планируем поставлять наши товары. Так сказать, сколько у нас будет осей и спиц. Разумеется, мне потребуется провести всесторонний анализ себестоимости нашего товара, включая налоги и стоимость доставки, которые тоже надо учесть. Я намереваюсь приступить к этому немедленно, а затем построить подробный динамический график, который мы сможем посмотреть на следующем совещании, которое нужно будет провести в…

Боже мой! Какая белиберда! Мне всегда не хватало терпения с этими операционными ребятами и всей этой бессмысленной лабудой, которую они несли с самым серьезным видом. *Подробности! Подробности!* Я посмотрел на Стива. У него в таких вопросах было еще меньше терпения, и теперь он чуть не засыпал от скуки. Подбородок опустился на грудь, рот приоткрылся…

— …что более, чем что-либо другое, — разглагольствовал тем временем Гэри, — является функцией эффективности подготовительных и транспортных операций. Ключевой момент здесь…

Тут Джон не выдержал:

— Что за ахинею ты несешь? Я просто хочу торговать обувью! И мне плевать, как ты ее доставишь в магазины. И мне не нужно никаких там динамических графиков, чтобы понимать, что если шитье обуви обходится мне в двенадцать баксов пара, а продаю я ее за тридцать, то, значит, я делаю деньги, черт возьми!

Сделав два огромных шага, Джон приблизился ко мне. Краем глаза я видел, что Стив ухмыляется.

— Джордан, придется тебе принимать решение, — сказал Джон. — Стив послушает только тебя, — он остановился и вытер капли слюны с круглого подбородка. — Я хочу развивать эту компанию для вас, но у меня руки связаны за…

— Хорошо! — сказал я, обрывая Джона.

Потом повернулся к Гэри и сказал:

— Ступай скажи Джанет, пусть она дозвонится Эллиоту Лавиню. Он сейчас в Хэмптонз.

Потом повернулся к Стиву и сказал:

— Прежде чем принимать решение, я хочу выслушать мнение Эллиота на этот счет. Я знаю, из этой ситуации есть разумный выход, и если кто-то

может его найти, то это Эллиот. Кроме того, пока мы будем ждать, когда Джанет дозвонится до Эллиота, у меня будет возможность еще раз рассказать мою героическую историю.

Увы, такой возможности мне не представилось. Гэри вернулся меньше чем через двадцать секунд, и еще через несколько секунд зазвонил телефон.

— Привет, дружище, как дела? — спросил Эллиот по громкой связи.

— Отлично, — ответил его Герой-Спаситель. — Сейчас важнее, как дела у *тебя*. Как твои ребра?

— Потихоньку выздоравливаю, — ответил Эллиот, не употреблявший наркотики уже шесть недель, что для него было равносильно мировому рекорду. — Надеюсь вернуться к работе через несколько недель. Что там у тебя?

Я быстро ознакомил его с ситуацией, намеренно не сказав, кто какого мнения придерживается, чтобы не создавать у него предвзятого мнения и не влиять на его решение. Впрочем, это было излишне. К тому времени, когда я закончил свою речь, он уже знал, что делать.

— Штука вот в чем, — сказал совершенно трезвый Элиот. — Все эти истории о том, что магазины распродаж убивают марку, — это выдумки. Все крупные бренды сливают свой «мертвый» товар через сеть дисконтных магазинов. Это неизбежно. Зайдите в любой «Ти-Джей Макс» или «Маршалз» и вы увидите там все известные имена — и Ральфа Лорена, и Кэлвина Кляйна, и Донну Каран, и Перри Эллис тоже… Невозможно обойтись без дисконта, если у вас нет собственных магазинов для продажи уцененных товаров. А у вас, парни, их пока еще не имеется.

Однако с дисконтными сетями надо вести себя осторожно. Это должны быть разовые продажи, на временной основе, потому что, если универмаги узнают, что вы постоянно сдаете товар в дискаунтер, у вас будут проблемы. В любом случае, Джон по большей части прав. Невозможно развиваться, если нечем торговать. Универмаги никогда не будут воспринимать вас всерьез, пока не убедятся в том, что вы можете стабильно поставлять товар. Каким бы модным ни был ваш продукт — а я знаю, что вы сейчас на пике моды, — закупщики не станут иметь с вами дело, пока не убедятся в том, что вы можете обеспечить поставки. Сейчас у вас противоположная репутация — вы не можете этого. С этим надо что-то делать, и как можно быстрее. Я знаю, это и есть одна из причин, по которым вы наняли Гэри, и это определенно шаг в нужном направлении.

Я посмотрел на Гэри, ожидая увидеть на его лице сияющую улыбку, но улыбки не было. Его лицо хранило неподвижное и бесстрастное

выражение. Странные люди эти спецы по операционному управлению — всегда невозмутимы, действуют только по правилам и никогда не рискуют. Будь я таким, предпочел бы броситься на свой собственный меч.

Тем временем Эллиот продолжал:

— Предположим, вам удастся наладить поставки, но Джон все равно прав только наполовину. Стив должен заботиться о защите бренда. Не обманывайте себя, парни. В конечном счете бренд — это все. Если вы не примете это во внимание, вам конец. Могу привести дюжину примеров с известными брендами, которые когда-то были супермодными, а потом скомпрометировали себя постоянными продажами через дисконтные магазины. И теперь эти марки можно найти только на блошиных рынках.

Эллиот сделал паузу, чтобы сказанное дошло до сознания слушателей.

Я посмотрел на Стива — тот весь как-то осел в своем кресле. Одна только мысль о том, что марка «Стив Мэдден» — его собственное имя! — может ассоциироваться со словосочетанием «блошиный рынок», буквально вышибла из него дух. Я перевел взгляд на Джона. Тот сидел в кресле, подавшись вперед, словно изготовившись прыгнуть на Эллиота и задушить его. Потом я посмотрел на Гэри. Его лицо оставалось безучастным.

— Вашей конечной целью, — продолжал Эллиот, — должна стать патентная защита и лицензирование марки «Стив Мэдден». Тогда вы сможете вообще ничего не делать, а только получать роялти. В первую очередь вы должны лицензировать аксессуары — ремни и сумочки, потом спортивную одежду, джинсы и солнечные очки, потом все остальное… и наконец — духи. Вот уж где можно получить хорошую прибыль!

Но вы никогда этого не добьетесь, если Джон всегда все будет делать по-своему. Не обижайся, Джон, такова реальность. Ты мыслишь с позиций сегодняшнего дня, когда вы сверхпопулярны. Но популярность не вечна. В один прекрасный день продажи упадут, и окажется, что твои склады забиты никому не нужной обувью, которая вышла из моды и которую никто не хочет носить — разве что нищеброды, живущие в трейлерах.

Тут вмешался Стив:

— Именно об этом я и говорю, Эллиот. Если я позволю Джону сделать так, как он хочет, мы в конечном счете окажемся с забитыми складами и без единого цента на банковских счетах. Я не хочу стать банкротом.

— Все очень просто, — засмеялся Эллиот. — Даже не зная много о твоем бизнесе, я готов держать пари, что основную прибыль приносят три-четыре твоих модели. И это вовсе не те нелепые туфли на девятидюймовых каблуках, с металлическими шипами и застежками-молниями. Такая обувь

разработана специально ради имиджа — дескать, ты молодой, классный и прочая ерунда. Но в реальности мало кто покупает такую (тут он употребил крепкое еврейское словечко) обувку, кроме, может быть, каких-то фриков из Гринвич-виллидж… ну, или из вашего собственного офиса. На чем вы реально делаете деньги, так это на нескольких основных моделях, таких как «Мэри Лу» и «Мэрилин», разве не так?

Я взглянул на Стива и Джона. Оба наклонили головы набок, поджали губы и широко раскрыли глаза. Спустя несколько секунд молчания Эллиот сказал:

— Я принимаю ваше молчание как знак согласия.

— Ты прав, Эллиот, — сказал наконец Стив. — Не так уж много мы продаем этой фриковой обуви, но именно ею мы славимся.

— Так и должно быть, — быстро отозвался Эллиот, который шесть недель назад не мог членораздельно произнести даже двух слов. — Это та же самая история, что и с одеждой. В Милане на подиумах можно увидеть самые безумные дизайнерские наряды, но их никто не покупает. Зато они создают нужный имидж.

Короче, мой ответ таков: начинайте увеличивать производство с консервативных моделей и только самых модных цветов. Я говорю о той обуви, которую вы наверняка быстро продадите, потому что уже успешно продаете ее сезон за сезоном. Но ни при каких обстоятельствах не следует делать серьезные вложения в экстравагантные модели, даже если вы, парни, сами без ума от них и даже если они дают хорошие результаты на пробных рынках. Если не уверен в стопроцентном успехе, лучше перестраховаться. Если вдруг взлетит спрос на какую-то модель, и вам не хватит товарных запасов на складе, это лишь подстегнет спрос. Поскольку вы шьете обувь в Мексике, вам не составит труда сделать повторный заказ и обойти конкурентов. В тех редких случаях, когда вы начнете расширенное производство какой-то модели, но ошибетесь, и обувь не будет успешно продаваться, вы отдадите ее в дисконтные магазины и компенсируете потери.

В этом бизнесе самая лучшая потеря — первая. Меньше всего вам нужно, чтобы ваш склад был забит «мертвым» товаром. Вам нужно также развивать партнерские отношения с универмагами. Пусть они знают, что, если ваша обувь не будет успешно продаваться, вы готовы снизить на нее цену. Тогда они выставят вашу обувь на распродажу и сохранят свою маржу. Сделайте так, и вы увидите, как универмаги станут вместо вас распродавать ваши остатки.

Отдельным пунктом хочу дать еще один совет: как можно скорее

открывайте собственные фирменные магазины «Стив Мэдден». Сейчас вы только производители, а так в ваших руках окажется не только оптовая торговая наценка, но и розничная. К тому же лучший способ избавиться от ненужных остатков — выставить их на продажу в собственных магазинах. В этом случае вы не рискуете уронить бренд.

— Вот это и есть мой ответ, — заключил Эллиот. — Парни, вас ждет огромный успех. Следуйте моим советам, и вы не сможете не выиграть.

Я огляделся — все согласно кивали головами.

Собственно, почему бы им не согласиться? Кто мог бы поспорить с такой логикой? Печально, подумал я, что такой умный парень, как Элиот, портит свою жизнь наркотиками. Серьезно! Нет ничего печальнее, чем зарытый в землю талант, разве не так? Ну да, теперь-то Эллиот был трезв как огурчик, но я ничуть не сомневался в том, что, как только его ребра заживут, он вернется в прежнюю колею и подсядет на наркоту с новой силой. У таких, как Эллиот, всегда проблема с тем, чтобы признаться самому себе: наркотики взяли надо мной верх.

Но так или иначе, а у меня и без него хлопот хватало. Я все еще боролся с Виктором Вонгом, мне все еще приходилось следить за Дэнни, который так и норовил выйти из-под контроля; у меня были большие вопросы к Гэри Камински, который, как выяснилось недавно, зачем-то по полдня болтал по телефону с Сорелем. И был еще специальный агент Грегори Коулмэн, ходивший вокруг меня кругами и подбиравшийся все ближе. Поэтому заморачиваться с наркоманией Эллиота мне было просто некогда.

Вместо этого следовало срочно обсудить за ланчем несколько вопросов со Стивом, а потом успеть на вертолет, чтобы улететь в Хэмптонз, повидаться с Герцогиней и Чэндлер. В таких условиях самое время принять дозу кваалюда — как раз одну таблеточку. Если проглотить ее прямо сейчас, за тридцать минут до ланча, то кайфа будет в самый раз, чтобы усилить наслаждение от итальянской пасты, а Сапожник, вот уже пять лет не употреблявший, ничего и не заметит. Вот ведь зануда!

А потом, перед самым взлетом, я вынюхаю пару дорожек кокса. В конце концов, я всегда летал лучше как раз тогда, когда действие кваалюда уже сходило на нет, а вызванная кокаином параноидальная осторожность была в самом разгаре.

Ланч на одной таблетке! Слабый и безопасный кайф. Мы обедали в районе Корона на севере Куинса. Как в большинстве бывших итальянских кварталов, здесь имелся по крайней мере один мафиозный итальянский

ресторан, владельцем которого был местный авторитет. В таких ресторанах неизменно подавали лучшие итальянские блюда на много миль вокруг. В Гарлеме это был ресторан «Рао», а здесь в Короне — «Парк-Сайд».

В отличие от «Рао», «Парк-Сайд» был просторным заведением со стенами, превосходно отделанными ореховым деревом, его украшали дымчатые зеркала, резное стекло и идеально ухоженные цветущие растения. У барной стойки сидели самые настоящие бандиты, а еда была такая, что за нее легко можно было отдать жизнь (в самом буквальном смысле).

Владельцем ресторана был Тони Федеричи — воистину человек авторитетный. О нем ходили разные слухи, но для меня это был всего лишь лучший хозяин ресторана во всех пяти округах Нью-Йорка. Как правило, Тони ходил по ресторану в фартуке шеф-повара, держа в одной руке кувшин домашнего кьянти, а в другой — поднос с жареными перцами.

Мы с Сапожником сидели за столиком среди сказочных зеленых растений и говорили о том, как ему стать моим главным *подставным* вместо Эллиота.

— В принципе, у меня нет возражений, — говорил я алчному Сапожнику, который был просто одержим разными махинациями, — но у меня есть два вопроса. Первый: как, черт возьми, ты собираешься скидывать мне наличные, не оставляя следов в документах? Ведь это очень большие деньги, Сапожник.

И второй вопрос: ты ведь работаешь подставным для «Монро Паркер», а я вовсе не хочу наступать им на хвост, — я энергично покачал головой для большей убедительности. — Общий подставной на двоих — это очень тонкая штука, здесь крайне много личного, поэтому я хочу сначала прояснить этот вопрос с Аланом и Брайаном.

— Я понимаю, — кивнул Сапожник. — Но что касается передачи наличных, это не будет проблемой. Я могу сделать это через акции «Стив Мэдден Шуз». Всякий раз, продавая от твоего имени акции, я буду переплачивать тебе. По бумагам я должен тебе больше четырех миллионов долларов, поэтому у меня есть законная причина выписывать тебе чеки. И в конечном счете цифры будут такими большими, что никто не сможет их отследить, правильно?

Я подумал, что это неплохая идея, особенно если мы составим какое-нибудь соглашение об оказании консалтинговых услуг, согласно которому Стив будет ежегодно платить мне якобы за помощь в управлении компанией «Стив Мэдден Шуз». Однако тот факт, что Стив только формально владел полутора миллионами акций компании (на самом деле

они принадлежали мне), порождал еще более тревожный вопрос — значит, у Стива практически нет акций его собственной фирмы? Этот вопрос нужно было обсудить как можно скорее: как только Стив сообразит, что я заколачиваю на его компании десятки миллионов, а он сам — жалкий лимон, неизбежны серьезные проблемы. Поэтому я улыбнулся и сказал:

— Ну, тут мы что-нибудь придумаем. Думаю, использовать твои акции — весьма неплохая идея, по крайней мере для начала. Но тут возникает более важная тема — у тебя слишком маленькая доля собственности в компании. Мы должны сделать так, чтобы у тебя было больше акций, пока все не затрещало по швам. Сейчас у тебя всего-навсего три сотни тысяч акций, так ведь?

Стив кивнул:

— И несколько тысяч опционов. Это все.

— Как твой главный партнер по махинациям настоятельно советую тебе подарить самому себе миллион опционов с пятидесятипроцентным дисконтом от текущего рынка. Это будет справедливо, особенно если принять во внимание, что мы с тобой разделим их пополам. Все они будут зарегистрированы на твое имя, так что Комиссия не наложит на сделку запрета. А когда придет время продавать, ты просто скинешь их мне вместе со всем остальным.

Сапожник улыбнулся и протянул мне руку:

— Крайне благодарен тебе, Джей Би. Я никогда ничего не говорил тебе, но меня эта тема определенно беспокоила. Но я знал, когда настанет время, мы что-нибудь придумаем.

Мы оба поднялись с мест и крепко обнялись — настоящие мафиози! Понятно, что в *этом* ресторане наши объятия не вызвали ни одного косого или хотя бы любопытного взгляда.

Потом мы снова сели, и Стив сказал:

— Почему бы нам вместо миллиона не сделать полтора? Каждому по семьсот пятьдесят штук?

— Нет, — сказал я, ощущая приятное покалывание в кончиках пальцев. — Не люблю работать с нечетными числами, это к неудаче. Лучше округлим до двух лимонов. Так даже проще делить — по миллиону опционов у каждого.

— Идет! — согласился Сапожник. — И поскольку ты самый крупный акционер компании, нам даже не нужно созывать для этого заседание совета директоров! Все строго по закону, так?

— Ну, — я задумчиво почесал подбородок, — как твой главный партнер по махинациям настоятельно рекомендую тебе воздержаться от

упоминания всуе понятия «закон». Ну, за исключением разве что уж самых запущенных случаев. Но, поскольку ты уже выпустил джинна из бутылки, я, пожалуй, рискну от всего сердца одобрить эту сделку. Кроме того, мы просто *вынуждены* все это провернуть, так что нашей вины в этом нет. Запишем это как типичный пример честной игры.

— Согласен, — сказал довольный Сапожник, — это нам неподвластно. Здесь действуют странные силы — куда более мощные, чем скромный Сапожник и не такой уж скромный Волк с Уолл-стрит.

— Мне нравится ход твоих мыслей, Сапожник. Когда вернешься в офис, позвони своим юристам и вели им подписать задним числом протокол прошлого заседания совета директоров. Если они станут упираться, скажи, чтобы позвонили мне.

— Нет проблем, — кивнул Сапожник, только что разом увеличивший свою долю на сорок процентов. Потом он понизил голос и произнес заговорщическим тоном: — Послушай, если хочешь, можешь не говорить об этом Дэнни. — Он хитро улыбнулся. — А если он спросит меня, я скажу, что все они мои.

Боже! Он был готов интриговать за спиной друга и нанести ему удар в эту самую спину! Неужели он думал, что этим вызовет во мне уважение? Но вслух я говорить ничего не стал.

— По правде говоря, — сказал я, — я недоволен тем, как Дэнни ведет сейчас дела. Он становится словно Джон, едва речь заходит о товарных запасах. Когда я уходил из «Стрэттон», акций оставалось еще на пару миллионов долларов. Теперь практически ничего нет. Какой позор! — Я мрачно покачал головой. — *Сейчас* «Стрэттон» делает как никогда много денег, и так всегда бывает, если играешь на повышение. Зато теперь Дэнни уязвим, — я пожал плечами. — Ну, как бы там ни было, меня это больше не волнует. И все же я еще не могу порвать с ним окончательно.

— Не пойми меня неправильно, — осторожно начал Стив.

Ах, вот как? А как еще прикажешь понимать тебя, подлец ты эдакий?

— Просто мы с тобой вдвоем проведем ближайшие пять лет, развивая эту компанию. Ты же знаешь, Алана и Брайана тоже не слишком волнует Дэнни. Точно так же к нему относятся Левенштерн и Бронсон. Во всяком случае, именно так они мне рассказывали. Постепенно тебе придется отпустить своих парней, пусть идут своей дорогой. Они навсегда останутся верны тебе, но они хотят строить собственный бизнес, отдельно от Дэнни.

Тут я увидел, что к нам направляется Тони Федеричи в своем белом наряде шеф-повара и с кувшином кьянти в руке. Я поднялся, чтобы поприветствовать его.

— Привет, Тони! Как поживаешь?

Кого замочил в последнее время?

Потом сказал:

— Тони, хочу познакомить тебя с моим близким другом. Это Стив Мэдден. Мы партнеры по обувной компании в Вудсайде.

Стив тут же встал с места и с широкой улыбкой сказал:

— Привет, Крутой Тони! Тони Корона! Я много слышал о тебе. Я вырос на Лонг-Айленде, но даже там все знали о Крутом Тони. Приятно познакомиться!

С этими словами Стив протянул руку вновь обретенному другу, Крутому Тони Короне, которому очень не нравились оба этих прозвища.

Я подумал, что теперь можно ждать чего угодно. Может, на этот раз Тони проявит милость и не станет прямо сейчас отрывать Стиву яйца? Чтобы Сапожника могли хотя бы похоронить в целости.

Я смотрел на костлявую бледную руку Стива, повисшую в воздухе в ожидании рукопожатия, но Тони не торопился протягивать свою. Я взглянул на его лицо. Казалось, он улыбался, но это была улыбка садиста-тюремщика, адресованная заключенному из камеры смертников — словно он спрашивал его, что бы хотел приговоренный получить на последнюю трапезу перед казнью.

Наконец, Тони хоть и нехотя, но все-таки протянул руку.

— Приятно познакомиться, — бесстрастным тоном произнес он. Его темные брови были похожи на два смертоносных луча.

— И мне ужасно приятно познакомиться с тобой, Крутой Тони, — продолжал вести себя неправильно Сапожник. — Я слышал только самые лучшие отзывы об этом ресторане и собираюсь стать тут частым гостем. Если я позвоню, чтобы заказать столик, я так и скажу, что я друг Крутого Тони Короны! Можно?

— Да ладно тебе, — нервно улыбнулся я. — Давай лучше вернемся к делу, Стив.

Потом я повернулся к Тони и сказал:

— Спасибо, что подошел к нам поздороваться. Как всегда, приятно было поговорить с тобой.

При этом я закатил глаза и покачал головой, словно говоря: «Не обращай внимания на моего друга, он дурачок».

Тони закивал и отошел от нас. Возможно, отправился к стойке бара, чтобы «заказать» Стива.

Я сел на место и тоже покачал головой.

— Да что это с тобой, Сапожник, черт побери? Никто не смеет

называть его Крутым Тони. Никто! Теперь тебе конец.

— О чем это ты? — спросил ни о чем не подозревавший Стив. — Разве я ему не понравился? — Он явно занервничал. — Или я ошибаюсь?

Тут к нам подошел Альфредо — здоровенный метрдотель.

— Вас просят к телефону, — сказала эта гора мышц. — Вы можете взять трубку на стойке. Там спокойно, никто вам не помешает.

И он улыбнулся.

О-хо-хо! Они возложили на меня вину за поведение моего друга. Я совершил серьезный проступок в глазах итальянских мафиози, хотя мне, еврею, недоступны были все тонкости. Суть в том, что, приведя Сапожника в этот ресторан, я как бы поручился за него, и вот теперь мне придется нести наказание за его дерзкое поведение. Я улыбнулся Альфредо и поблагодарил его. Потом вышел из-за стола и направился к бару — а может, и прямиком в морозильник, к мясным тушам.

Взяв трубку, я украдкой огляделся и сказал:

— Алло! — ожидая услышать в трубке гудок, а на горле почувствовать удавку.

— Привет, это я, — сказала Джанет. — У вас какой-то странный голос. Что случилось?

— Ничего, Джанет. Зачем ты звонишь?

Мой голос действительно звучал немного резче обычного. Наверное, действие кваалюда подходило к концу.

— Извините, что я до сих пор жива! — обиделась чувствительная Джанет.

— Ну что такое, Джанет? — вздохнул я. — У меня тут и без тебя проблемы.

— Вам звонит Виктор Вонг. Говорит, что у него срочное дело. Я сказала, что вы уехали обедать, но он заявил, что подождет, пока вы не вернетесь. Если хотите знать мое мнение, он полный идиот.

Черт побери, кому нужно знать твое мнение, Джанет?

— Ладно, соедини меня с ним, — сказал я, улыбаясь собственному отражению в дымчатом зеркале за стойкой. Я совсем не был похож на наркомана под кайфом. Впрочем, возможно, потому, что кайф уже закончился. Сунув руку в карман, я достал таблетку испанского кваалюда, посмотрел на нее и проглотил, не запивая.

Я ожидал услышать панический голос Испорченного Китайца. Вот уже почти неделю я планомерно шортил его, и теперь его «Дьюк-Секьюритиз» была просто по уши завалена акциями. Да, бумаги проливным дождем сыпались на голову Виктора, и он искал моей помощи. И я готов был

предоставить ему… что-то вроде помощи.

В трубке раздался голос Китайца. Он тепло со мной поздоровался и стал объяснять, что у него уже больше акций одной компании, чем их вообще есть на рынке. Всего, насколько ему было известно, обращались полтора миллиона акций, но у него их уже был миллион шестьсот тысяч.

— И они продолжают поступать, — сказала Говорящая Панда, — но я не понимаю, как это может быть. Я понимаю, Дэнни меня трахнул, но даже у него уже не должно оставаться этих бумаг.

В голосе Китайца звучало подлинное смятение. Он не знал, что я открыл специальный счет в «Беа Штернз», который позволял мне продавать столько акций, сколько захочет моя левая нога, вне зависимости от того, владею я ими или нет, могу ли их позаимствовать где-нибудь или нет. Это был особый вид счета, так называемый первичный брокерский счет, который позволял мне проводить сделки через любую брокерскую фирму в мире. Китаец ни за что на свете не догадается, кто продает ему акции.

— Успокойся, — сказал я. — Если у тебя проблемы с деньгами, Вик, я готов тебе помочь. Если тебе нужно продать мне три-четыре сотни тысяч акций, только скажи.

Именно такое количество акций я мог у него купить — и продать потом ему же по более высокой цене. Если Виктор настолько глуп, что продаст мне эти бумаги, они скоро снова окажутся у него. И так снова и снова. Вскоре эти акции будут стоить гроши, а китаец пойдет лепить пельмени в Чайнатауне.

— Да, — сказала Говорящая Панда, — это было бы здорово. — Денег мне не хватает, а бумаги опустились уже ниже пяти долларов. Я не могу допустить, чтобы они опустились еще ниже.

— Нет проблем, Вик. Позвони Кенни Коку из «Мейерсона», он будет каждые несколько часов покупать у тебя пакет по пятьдесят тысяч акций.

Виктор поблагодарил меня, и я повесил трубку, но тут же набрал номер Кенни Кока. Его жена Филлис была подружкой невесты на моей свадьбе, и я сказал ему:

— Испорченный Китаец будет звонить тебе каждые несколько часов, чтобы продать тебе пакет в пятьдесят тысяч акций. Ты знаешь, каких, — я уже успел поделиться своими планами с Кенни, и он знал, что я веду тайную игру против китайца. — Так что продавай еще пятьдесят тысяч прямо сейчас, пока мы ничего у него не купили. Потом продолжай продавать пакеты акций по пятьдесят тысяч каждые полтора часа или около того. Веди продажи через анонимные счета, чтобы Виктор не понял,

откуда ноги растут.

— Нет проблем, — ответил Кенни Кок, старший трейдер в «Эм-Эйч Мейерсон». Я только что поднял для него десять миллионов на IPO одной компании, так что у меня с ним право неограниченной торговли. — Что-нибудь еще?

— Нет, это все, — ответил я. — Продавай понемногу, пакетами по пять или десять тысяч. Я хочу, чтобы он думал, что это случайные продавцы. Кроме того, можешь сильно играть на понижение, потому что цена акций стремится, черт возьми, к нулю!

Повесив трубку, я направился вниз по лестнице в туалет, чтобы нюхнуть немного кокса. Несомненно, я заслужил эту награду, мою премию «Оскар» за исполнение роли Победителя Виктора. У меня не было ни малейшего чувства вины за взлет и падение «Дьюк Секьюритиз». В последние несколько месяцев Виктор полностью оправдал свою репутацию Испорченного Китайца. Он переманивал брокеров «Стрэттон» под предлогом, что те якобы не хотят больше работать на Лонг-Айленде; продал все принадлежавшие ему акции первичного размещения «Стрэттон» и, разумеется, отрицал это; открыто поливал грязью Дэнни, называя его «нелепым фигляром, неспособным управлять “Стрэттон”».

Так что он получил по заслугам.

В туалете я пробыл меньше минуты, успев за это время в четыре приема вынюхать четверть грамма кокса. Когда я поднимался по лестнице в обеденный зал, мое сердце колотилось как у кролика, давление подскочило как у гипертоника, но мне было так хорошо! Мозг лихорадочно работал, и все у меня было под контролем.

На верхней ступеньке лестницы я чуть не уткнулся головой в широченную грудь Альфредо.

— Вас снова к телефону.

— Да? — я изо всех сил старался не скрипеть зубами.

— Думаю, это ваша жена.

О боже! Герцогиня! Как это ей удается? Кажется, она всегда знает, когда я замышляю что-то нехорошее!

Впрочем, поскольку нехорошее я замышлял постоянно, закон больших чисел говорил: когда бы она ни позвонила, это всегда будет неподходящее время.

Понурившись, я снова подошел к стойке и снова взял трубку. Придется притворяться.

— Алло? — сказал я.

— Привет, милый! У тебя все в порядке?

В порядке? Какой точный вопрос! Какая хитрая у меня Герцогиня…

— Да, все хорошо, моя сладкая. Мы со Стивом обедаем. Что-нибудь случилось?

Глубоко вздохнув, Герцогиня сказала:

— У меня плохие новости. Только что умерла тетя Патриция.

Глава 28

Бессмертная усопшая

Спустя пять дней после смерти тетушки Патриции я снова вернулся в Швейцарию.

Я сидел в отделанной деревянными панелями гостиной моего Директора Подделок, в очень уютном местечке в двадцати минутах езды от Женевы, где-то в сельской местности. Было воскресенье, мы только что закончили обедать, и жена Директора Подделок, которую я мысленно называл фрау Директор, уставила стеклянный кофейный столик всевозможными десертами, от которых быстро толстеешь. Это было сказочное разнообразие швейцарских шоколадных конфет, французской кондитерской выпечки, жирных пудингов и вонючих сыров.

Я приехал уже два часа назад и хотел сразу приступить к делу, но Директор Подделок и его жена настояли на том, чтобы впихнуть в меня такое количество швейцарских деликатесов, которым можно было накормить до отвала целую свору швейцарских овчарок.

И вот теперь супружеская чета сидела напротив меня в кожаных откидывающихся креслах. На обоих были одинаковые тренировочные костюмы серого цвета, что, по моему мнению, делало их похожими на два дирижабля, но они были чрезвычайно радушными хозяевами и добросердечными людьми.

Со времени инсульта тетушки Патриции и последовавшей за ним смерти мы с Роландом всего один раз разговаривали по телефону — из таксофона в Конноспортивном центре Золотого берега (бруквильский Загородный клуб с некоторых пор казался мне проклятым местом). Тогда Роланд сказал, чтобы я не волновался и что он сам обо всем позаботится, однако в подробности по телефону вдаваться не стал, что было вполне понятно, если вспомнить характер наших с ним сделок.

Именно по этой причине накануне вечером я прилетел в Швейцарию — чтобы встретиться с ним тет-а-тет и все подробно обсудить.

В этот раз я был умнее. Вместо того чтобы лететь коммерческим

рейсом и рисковать новым арестом за сексуальное домогательство по отношению к стюардессам, я прилетел на частном самолете, роскошном «Гольстрим III». Вместе со мной прилетел Дэнни, который теперь ждал меня в отеле. Я был на девяносто процентов уверен, что в данный момент его развлекают сразу несколько швейцарских шлюх.

Я же сидел за кофейным столиком, с улыбкой на лице и холодным отчаянием в сердце, наблюдая, как Роланд и его жена поглощают десерт.

Наконец, терпение у меня лопнуло, и я сказал со всей возможной любезностью:

— Вы замечательные хозяева, я даже не знаю, как вас благодарить за гостеприимство, но, к сожалению, я должен вернуться обратным рейсом в Штаты, поэтому, Роланд, не могли мы обсудить кое-какие дела прямо сейчас?

С этими словами я с деланой робостью улыбнулся.

— Разумеется, друг мой, — широко улыбнулся в ответ Директор Подделок и повернулся к жене: — Почему бы тебе не начинать потихоньку готовить ужин, дорогая?

Как «ужин»? *Уже?* О боже…

Фрау Директор с достоинством кивнула и удалилась. Роланд протянул руку к кофейному столику и взял еще две клубники в шоколаде — двадцать первую и двадцать вторую, если я не сбился со счета.

Сделав глубокий вдох, я приступил к делу:

— Роланд, в свете смерти Патриции меня больше всего волнует вопрос — как теперь получить деньги с ее счетов в «Юньон-Банкэр»? И еще один вопрос — каким именем мне следует воспользоваться дальше? Знаете, одним из удобных для меня моментов было то, что я мог пользоваться помощью Патриции. Я по-настоящему доверял ей и любил ее. Кто бы мог подумать, что она так скоропостижно уйдет из жизни?

Я сокрушенно покачал головой и печально вздохнул.

— Разумеется, смерть Патриции весьма прискорбный факт, — пожал плечами Директор Подделок, — но нет нужды так волноваться. Деньги уже переведены в два других банка, и ни в одном из них Патрицию Меллор никто в глаза не видел. Уже изготовлены все необходимые документы. На каждом стоит настоящая подпись Патриции… ну, или такая, которая легко сойдет за настоящую. На них также проставлены задним числом нужные даты — разумеется, предшествующие ее смерти. Ваши деньги в полной сохранности, друг мой. Ничего не изменилось.

— Но на чье же имя?

— Разумеется, на имя Патриции Меллор. Друг мой, нет для нашей цели

лучшей кандидатуры, чем уже умерший человек. Ни одна живая душа из этих двух банков никогда не видела Патрицию Меллор, и деньги размещены на ваших предъявительских счетах, на которые у вас имеются сертификаты.

Директор Подделок пожал плечами («в мире высококлассных подделок нет ничего невозможного») и продолжил:

— Единственная причина, по которой я изъял деньги из «Юньон-Банкэр», заключается в том, что у Сореля там неприятности, и я подумал, что береженого Бог бережет.

Ай да мой Директор Подделок! Он оправдал все мои надежды. Да, Директор и правда стоил столько золота, сколько весил он сам (а весил он немало), или близко к тому. Он сумел превратить смерть в… жизнь! Тетушке Патриции это пришлось бы по душе. Ее имя будет жить вечно в теневой части швейцарской банковской системы. По сути дела Директор Подделок обессмертил ее. Она так неожиданно скончалась, что у нее не было даже возможности попрощаться с родными. Мне хотелось верить, что одной из ее последних мыслей была тревога о том, что ее неожиданный уход из жизни причинит немало проблем любимому мужу ее племянницы.

Директор Подделок наклонился вперед и взял еще две клубничины в шоколаде, двадцать третью и двадцать четвертую по счету, и снова зачавкал.

— Знаете, Роланд, Сорель мне очень понравился, когда я впервые с ним познакомился, но теперь у меня появились сомнения на его счет. Он все время ведет какие-то переговоры с Камински, и это меня тревожит. Я бы предпочел не иметь больше никаких дел с «Юньон-Банкэр», если вы не возражаете.

— Я всегда буду выполнять ваши указания, — ответил Директор Подделок. — В данном случае ваше решение кажется мне весьма мудрым. Но, так или иначе, вам не стоит волноваться по поводу Жан-Жака Сореля. Несмотря на то, что он француз, живет он в Швейцарии, и правительство США не имеет над ним никакой власти. Он не выдаст вас.

— В этом я не сомневаюсь, — ответил я. — Но это не вопрос доверия. Просто я не люблю, когда люди знают о моих делах… особенно такие люди, как Камински, — я улыбнулся, чтобы не слишком сгущать краски. — Вот уже больше недели я пытаюсь дозвониться до Сореля, но мне все время отвечают, что он уехал по делам.

Директор Подделок кивнул:

— Думаю, он сейчас в Штатах, встречается со своими клиентами.

— Да? Я и не знал об этом.

Эта новость по какой-то причине показалась мне тревожной, хоть я и не мог объяснить, почему.

— Ну да, у него там много клиентов, — невозмутимо подтвердил Роланд. — Некоторых я знаю, но далеко не всех.

Я кивнул, стараясь убедить себя в том, что мои дурные предчувствия не что иное, как жалкая паранойя. Пятнадцать минут спустя я стоял у входной двери, держа пакет швейцарских деликатесов. Мы с Мастером крепко обнялись.

— До встречи! — сказал я по-французски.

Теперь, когда я вспоминаю об этом, то понимаю, что слово «прощайте!» было бы гораздо более уместным.

В пятницу утром, в одиннадцатом часу вечера, я, наконец, добрался до нашего дачного домика в Вестхэмптон-бич. Я хотел немногого — подняться наверх, взять на ручки Чэндлер и расцеловать ее, потом заняться любовью с Герцогиней и уснуть. Но не прошло и тридцати секунд после моего прихода, как зазвонил телефон.

Это был Гэри Делука.

— Извини, что беспокою тебя, но я уже сутки пытаюсь дозвониться. Я подумал, тебе будет интересно узнать, что вчера утром арестовали Гэри Камински. Сейчас он сидит в тюрьме в Майами без права выхода под залог.

— Арестован? — довольно безразлично переспросил я, будучи в том состоянии крайней усталости, когда невозможно до конца осознать смысл услышанного, во всяком случае сразу. — За что?

— За отмывание денег, — сказал Делука непроницаемым тоном. — Имя Жан-Жак Сорель тебе о чем-нибудь говорит?

Тут до меня дошло! Словно молотком по башке шарахнуло!

— Не знаю… кажется, видел его как-то раз, когда был в Швейцарии. А что?

— Его тоже арестовали, — сказал вестник, приносящий плохие вести. — Он в тюрьме вместе с Камински. И тоже без права на залог.

Глава 29

Чрезвычайные меры

Сидя на кухне, я размышлял об аресте Камински и Сореля. Все это было уму непостижимо. Сколько в Швейцарии банкиров? В одной только Женеве их, должно быть, тысяч десять, не меньше. И надо же мне было выбрать такого идиота, который даст себя арестовать на территории США! И самое смешное (или ужасное?) заключалось в том, что его арестовали по делу, совершенно не касающемуся наших с ним комбинаций, — за отмывание через офшор денег какого-то наркобарона.

Герцогине не понадобилось много времени, чтобы понять, что случилось что-то ужасное, — хотя бы потому, что я не набросился на нее, едва переступив порог дома. Но я не мог ничего сделать — у меня не стояло. Мне не хотелось даже в мыслях употреблять слово «импотент», потому что в нем было слишком много негативного подтекста для человека, наделенного настоящего властью, каковым я продолжал себя считать несмотря на то, что пал жертвой опрометчивого поведения своего швейцарского банкира. Поэтому я предпочитал отозваться о своем члене как о «вялом» или даже «висящим, словно лапша», что было куда приятнее, чем это отвратительное слово на букву «и».

Так или иначе, мой пенис спрятался где-то внизу живота, съежившись до размеров чертежного ластика, и поэтому я соврал герцогине, что просто крайне устал из-за полета и джетлага.

Вечером того же дня я пошел в свою гардеробную и достал мою «одежду для тюрьмы». Это была пара потрепанных джинсов, простая серая футболка с длинными рукавами (на случай, если в камере станет холодно) и поношенные кроссовки «Рибок» — такие старые, что даже какой-нибудь черный амбал ростом семь футов и с именем вроде Бубба или Джамал не захотел их бы отнять. В кино я видел, как это происходит — сначала у тебя отнимают кроссовки, а потом насилуют.

В понедельник утром я решил не ходить в офис. Я подумал, что будет выглядеть гораздо достойнее, если меня арестуют в моем собственном доме, а не в мрачном Вудсайде. Нет, я не дам арестовать себя в «Стив Мэдден Шуз», где Сапожник тут же сообразит, что это идеальный шанс кинуть меня на опционы на акции. Пусть сотрудники «Стив Мэдден Шуз» прочтут о моем аресте на первой полосе «Нью-Йорк таймс», как и весь остальной свободный мир. Я не доставлю им удовольствия видеть, как

меня уводят в наручниках. Это удовольствие я приберегу для Герцогини.

Но потом произошло что-то странное. Вернее, *ничего* не произошло. Не было никаких обысков, неожиданных визитов агента Коулмэна или налетов ФБР на «Стрэттон-Окмонт». К полудню среды я совсем перестал понимать, что, черт возьми, происходит. С самой пятницы я прятался в Вестхэмптоне, притворяясь, что у меня серьезное расстройство желудка, что, впрочем, было очень близко к истине. Что же это получается? Я прятался зря? Никто и не собирался меня арестовывать, что ли?

К четвергу вся эта тишина начала действовать мне на нервы, и я решил рискнуть и позвонить Грегори О'Коннеллу — тому самому адвокату, которого рекомендовал мне Бо. Кажется, он тот самый человек, у которого я могу получить нужную мне информацию, поскольку, по словам Бо, именно он полгода назад был в Восточном районе и общался там с Шоном О'Ши, помощником федерального прокурора.

Разумеется, я не мог быть полностью откровенным с Грегом. Ведь он адвокат, а адвокатам нельзя полностью доверять, особенно в уголовных делах, ведь они не имеют права представлять интересы клиента, если сами думают, что он действительно виновен. Разумеется, это была нелепая концепция, и всем было хорошо известно, что адвокаты зарабатывают на жизнь, защищая заведомо виновных. Но частью этой игры было неписаное правило, по умолчанию соблюдавшееся подзащитным и его адвокатом: преступник должен был настаивать, что он невиновен, и тогда адвокат помогал преступнику слепить из сбивчивых и противоречивых пояснений стройную стратегию защиты.

Поэтому, разговаривая с Грегом, я бесстыдно врал, объясняя, что просто оказался втянутым в чужие проблемы. Я наплел ему, что семья моей жены в Британии по чистому совпадению пользовалась услугами того же банкира, что и какие-то махинаторы из офшора. Излагая эту версию событий своему будущему адвокату и особо упирая на то, насколько прелестное, живое и здоровое существо эта моя тетушка Патриция (так мне в тот момент казалось правильнее), — я начал различать слабый свет надежды в конце тоннеля.

Мой рассказ был весьма правдоподобным. Во всяком случае, именно так я думал, пока Грегори О'Коннелл не спросил чрезвычайно скептическим тоном:

— Интересно, где это шестидесятипятилетние учительницы на пенсии берут три миллиона наличными, чтобы открывать счета в банке?

Гм… ну… хорошо, признаю, тут есть небольшая неувязка. Оставалось только включить дурачка.

— Откуда же мне это знать? — ответил я как можно более невозмутимо.

Да, я правильно выбрал интонацию. Волк умел быть спокойным и невозмутимым даже в самых тяжелых обстоятельствах.

— Послушайте, Грег, Патриция — да будет ей земля пухом — часто рассказывала, что ее бывший муж в свое время был первым летчиком-испытателем истребителей с вертикальным взлетом. Держу пари, КГБ заплатил бы громадные деньги за информацию об этом самолете. Так может, он и получил эти деньги от КГБ? Помнится, тогда это было очень актуально. Весьма засекреченный проект. — Боже правый! Какую чушь я несу!

— Ну хорошо, я сделаю несколько звонков и тогда уже выскажу свои предварительные соображения, — сказал мой любезный адвокат. — Одно мне непонятно, Джордан. Не могли бы вы все же уточнить, жива ли ваша тетушка Патриция или ее уже нет на этом свете? Вы только что пожелали ей земли пухом, но пару минут назад утверждали, что она мирно живет в Лондоне. Было бы неплохо, если бы я знал, что именно из этого правда.

Вот так прокололся! В будущем надо быть осторожнее насчет нынешнего положения тетушки Патриции. Теперь же придется блефовать.

— Ну, это зависит от того, что для меня лучше в данной ситуации. Что выгоднее — ее жизнь или ее смерть?

— Гм… Было бы хорошо, если бы она могла выступить в суде с заявлением, что эти деньги принадлежат ей, или, по крайней мере, подписать показания под присягой в присутствии нотариуса, удостоверяющие сей факт. Так что лучше, если бы она оказалась жива.

— Тогда считайте, что она очень даже жива, — уверенно сказал я, думая о Директоре Подделок и его умении подделывать самые сложные документы. — Но она очень дорожит своим уединением, так что придется удовольствоваться письменными показаниями.

В трубке наступило молчание. Спустя добрых десять секунд мой адвокат, наконец, сказал:

— Ну хорошо. Я думаю, картина достаточно ясная. Я перезвоню вам через несколько часов.

Он перезвонил через час.

— По вашему делу не происходит ничего нового, — сказал он. — Шон О’Ши через две недели уходит со своего поста, чтобы пополнить ряды скромных адвокатов, поэтому он был непривычно откровенен со мной. Он сказал, что ваше дело до сих пор ведет Коулмэн. Никто из федеральной прокуратуры в нем не заинтересован. Что же касается этого швейцарского

банкира, в его деле не видно ничего, что бы имело хоть какое-то отношение к вам. Во всяком случае, на данный момент.

Следующие несколько минут он потратил на то, чтобы заверить меня в том, что я *практически* вне подозрений.

Повесив трубку, я постарался выкинуть из головы слово «практически» и сосредоточиться на словах «вне подозрений». Мне нужно было срочно поговорить с моим Директором Подделок, чтобы оценить весь масштаб ущерба. Если окажется, что и он, как Сорель, сидит в американской тюрьме — или в швейцарской в ожидании экстрадиции в США, — тогда я в глубокой заднице. Если же нет, если он тоже *практически вне подозрений* и может по-прежнему заниматься своим искусством, тогда, возможно, все еще выправится.

Я позвонил ему из таксофона в ресторане «Старр Богзз» и услышал страшный рассказ о том, как швейцарская полиция нагрянула в его офис и изъяла несколько коробок документов. Да, американцы хотят, чтобы он приехал на допрос в США, но официальных обвинений не предъявляли. Нет, швейцарское правительство ни при каких обстоятельствах не выдаст его Соединенным Штатам, но ему теперь небезопасно выезжать за пределы Швейцарии, поскольку Интерпол может его арестовать по международному ордеру.

Наконец разговор зашел о счетах Патриции Меллор.

— Полиция унесла с собой некоторые документы, — сказал Директор Подделок, — но не потому, что хотела унести именно их. Просто они попались им под руку вместе с остальными. Но не пугайтесь, *mon ami*, в этих документах нет ничего, что указывало бы на вашу связь с Патрицией Меллор. И все же, поскольку ее нет в живых, я бы рекомендовал вам прекратить операции по этим счетам, пока все не уляжется.

— Ну, это само собой, — ответил я, с надеждой цепляясь за последние слова, — но меня волнует не столько доступ к деньгам, сколько Сорель. Как бы он не стал сотрудничать со следствием и правительством США. Тогда он может сказать, что эти счета на самом деле принадлежат мне. И у меня будут очень серьезные проблемы, Роланд. Вот если бы существовали какие-то документы, доказывающие, что деньги принадлежат именно Патриции, это совсем другое дело.

— Такие документы уже практически существуют, друг мой, — ответил Директор Подделок. — Если вы дадите мне список документов, которые могут вам помочь, и даты их подписания Патрицией, то я, возможно… гм… смогу найти их в своей картотеке.

Ай да Директор Подделок! Он все еще был на моей стороне.

— Понятно. Я дам вам знать, если мне что-то понадобится. Но в данный момент, я думаю, разумнее всего отойти в сторону, ждать и надеяться на лучшее.

— Как всегда, мы с вами мыслим одинаково, — сказал Директор. — Но пока идет следствие, вам лучше держаться подальше от Швейцарии. И не забывайте, я всегда с вами, *mon ami*, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы защитить вас и вашу семью.

Когда я повесил трубку, я знал, что отныне моя судьба зависит от Сореля. Но еще я понимал, что надо продолжать жить своей жизнью. Надо было возвращаться к работе, к любви с Герцогиней. Надо было перестать вздрагивать при каждом телефонном звонке или неожиданном стуке в дверь.

Именно так я и сделал. Я снова погрузился в безумие мира. Я с головой ушел в развитие «Стив Мэдден Шуз» и продолжал негласно консультировать мои брокерские фирмы. Я изо всех сил старался быть верным мужем для Герцогини и хорошим отцом для Чэндлер, несмотря на мое пристрастие к наркотикам.

Месяц шел за месяцем, моя зависимость от наркоты продолжала усиливаться.

Как всегда, я быстро нашел этому рациональное объяснение — напомнил себе, что я молод и богат, у меня шикарная жена и совершенно прелестная маленькая дочка. Каждый хотел бы оказаться на моем месте, разве нет? Что может быть лучше, чем жизнь в шоу «Богатые и никчемные»?

Так или иначе, к середине октября никаких последствий от ареста Сореля так и не последовало, и я, наконец, вздохнул с облегчением. Очевидно, Сорель все же предпочел не сотрудничать со следствием, и Волк с Уолл-стрит снова увернулся от пули.

Чэндлер начала делать свои первые шаги и ходила теперь как маленький франкенштейн — выставив перед собой ручки, держа колени вместе и быстро-быстро передвигая ножки. И, конечно же, моя гениальная малышка непрерывно болтала. Когда ей исполнился год, она уже говорила связными предложениями — поразительное достижение для столь маленького ребенка, — и я не сомневался, что она непременно получит Нобелевскую премию или хотя бы медаль Филдса, присуждаемую за успехи в математике.

Тем временем фирмы «Стив Мэдден Шуз» и «Стрэттон-Окмонт» находились совсем в разном положении — «Стив Мэдден» быстро росла, а «Стрэттон» все чаще становилась жертвой необдуманных стратегических

решений, не говоря уже о новой волне давления со стороны регулирующих органов. И обе эти беды были целиком делом рук самого Дэнни. Проблемы с властями были результатом его отказа выполнить до конца одно из условий соглашения с Комиссией — нанять независимого аудитора, назначенного Комиссией, который бы провел полный аудит деловой практики «Стрэттон» и предложил свои рекомендации. Одной из предложенных мер была установка систем для записи всех телефонных переговоров брокеров «Стрэттон» со своими клиентами. Дэнни отказался выполнить эту рекомендацию, и тогда Комиссия обратилась в федеральный суд, и суд вынес решение, предписывающее все же установить записывающие системы.

В итоге Дэнни все равно капитулировал, иначе его бы посадили бы за невыполнение судебного решения, но теперь на репутации «Стрэттон» было пятно в виде судебного предписания, что означало, что все пятьдесят штатов имели право приостановить лицензию фирмы. Собственно, это они и начали потихоньку делать. Трудно было себе представить, что после всего пережитого конец «Стрэттон» наступит из-за глупого отказа установить записывающую систему, которая, в конце концов, все равно ничему и никому не мешала. В считаные дни стрэттонцы придумали, как обойти эту систему. Разговаривая из офиса, они были с клиентами покладисты и уступчивы, но когда нужно было взять кого-то за горло, они брали свои сотовые телефоны. Однако репутация фирмы была непоправимо испорчена, и дни «Стрэттон» были сочтены.

Владельцы компаний «Билтмор» и «Монро Паркер» выразили свое общее желание идти дальше каждая своим путем и не отказываться от бизнеса со «Стрэттон». Разумеется, заявление об этом сопровождалось заверениями в глубочайшем уважении. Каждая из компаний предложила платить мне в знак благодарности и признательности по миллиону долларов с каждого нового выпуска акций очередной компании, выходившей на биржу. В год набегало около двенадцати лимонов, и я с радостью принял их предложение. Я получал также ежемесячно один миллион долларов от «Стрэттон» во исполнение условий моего соглашения об отказе от конкуренции и еще четыре-пять миллионов каждые несколько месяцев, когда я продавал за наличные большие пакеты собственных акций компаний, которые «Стрэттон» выводил на рынок.

И все же я считал все это каплей в море по сравнению с тем, что я мог бы получать в «Стив Мэдден Шуз», которая стремительно двигалась к небывалому успеху. Это напоминало мне ранние годы существования «Стрэттон»… те давние славные дни головокружительного успеха в конце

восьмидесятых — начале девяностых годов. Дни, когда первый призыв стрэттонцев уже сел на телефоны, но то безумие, которое стало определяющим фактором моей жизни в дальнейшем, еще не началось по-настоящему. «Стрэттон» был моим прошлым, а «Стив Мэдден Шуз» — будущим.

И вот я сидел напротив Стива, откинувшегося на спинку кресла в оборонительно-обиженной позе, а Джон обильно обрызгивал его слюной. Время от времени Стив поглядывал на меня, словно хотел сказать: «Его просто не удержать, когда речь заходит о заказах на сапоги, особенно когда сезон сапог уже почти закончился!»

Гэри Делука тоже был здесь и не упускал случая вынести нам мозг. Но сейчас на трибуне был Джон.

— Что за проблема, черт побери, с заказом на эти сапоги? — орал он, плюясь больше обычного. Произнося звук «т», он испускал особенно обильные фонтаны слюны, и каждый раз при этом звуке Сапожник особенно заметно морщился.

— Послушай, Джей Би! — Джон повернулся ко мне. О *боже!* — Эта модель сапог, черт бы ее побрал, сейчас идет нарасхват, и мы никак не сможем проиграть! Ты должен верить мне. Говорю тебе, ни одна пара не будет уценена!

Я покачал головой в знак несогласия:

— Никаких сапог, Джон. Мы закончили с этими чертовыми сапогами. И не имеет значения, будут они уцениваться или нет. Суть в том, что бизнес нужно вести упорядоченно. Мы одновременно работаем в полутора десятках разных направлений, так тем более мы должны строго придерживаться нашего бизнес-плана. Мы открываем три новых обувных отдела, десяток собственных фирменных магазинов, мы вот-вот запустим новые линии продуктов. На все это нужно много наличных денег. Именно теперь мы должны экономить каждый цент. Под конец сезона мы не можем позволить себе риски — особенно ради каких-то дурацких леопардовых сапог.

— Совершенно согласен, — перехватил инициативу Гэри Делука. — Именно поэтому имеет смысл перевести наш транспортный отдел во Фло…

— Да это же абсурд, твою мать! — грубо оборвал его Джон. — Идиотская затея! У меня нет времени на эту чушь! Нужно производить товар, иначе все мы вылетим из этого бизнеса!

И с этими словами Джон выскочил из кабинета, громко хлопнув дверью.

Тут же заговорил интерком:

— Тодд Гаррет на первой линии, — прозвучал голос Джанет.

Я посмотрел на Стива, закатил глаза и сказал:

— Джанет, скажи ему, я на совещании. Перезвоню потом.

— Разумеется, я *уже* сказала, что вы на совещании, — слегка обиделась Джанет, — но он говорит, это очень срочно.

Я вздохнул и недовольно покачал головой. Что такого уж важного могло случиться у Тодда Гаррета? Разве что он где-то раздобыл *дважды настоящие* колеса! Взяв телефонную трубку, я сказал приветливым, но чуть недовольным тоном:

— Привет, Тодд! Что стряслось, дружище?

— Не люблю приносить дурные вести, — проворчал дилер, — но у меня в гостях только что был некий агент Коулмэн. Он сказал, что Кэролайн грозит тюрьма.

У меня сердце ушло в пятки.

— За что? Что такого сделала Кэролайн?

— А ты знаешь, что твой швейцарский банкир в тюрьме и дает показания против тебя?

Просто гром среди ясного неба!

— Буду через час, — коротко сказал я, сжав зубы.

Двухкомнатная квартира Тодда выглядела так же убого, как и ее хозяин. Все вокруг, сверху донизу, было черным, нигде ни капли другого цвета. Мы сидели в гостиной, начисто лишенной не только комнатных растений, но и прочих признаков жизни. Повсюду только хром и черная кожа.

Тодд сидел напротив меня, а швейцарская секс-бомба Кэролайн ходила взад-вперед по черному жесткому ковру, спотыкаясь на очень высоких каблуках.

— Само собой, мы с Кэролайн не будем давать против тебя никаких показаний, — сказал мне Тодд, — так что ты об этом даже не думай. — Он взглянул на мелькавшую перед глазами жену. — Так ведь, Кэролайн?

Та нервно кивнула и продолжала ходить взад-вперед. Тодда это явно раздражало.

— Прекрати суетиться, прошу тебя! — рявкнул он. — Ты действуешь мне на нервы. Сядь! Не то заработаешь…

— Да пошель ты! — с сильным акцентом хрипло сказала Бомба. — Шутка в сторону! У меня двое детей, ти забыль! И все это из-за твой пистолэ!

Даже теперь, когда для меня настал день Страшного суда, эти два маньяка были готовы убить друг друга.

— Прекратите оба! — сказал я и попытался улыбнуться. — Я не понимаю, какое отношение имеет пистолет Тодда к аресту Сореля.

— Да не слушай ты ее, — пробормотал Тодд. — Она же полная идиотка. Она хочет сказать, что этот Коулмэн узнал о том, что произошло на парковке торгового центра, и теперь просит окружного прокурора, чтобы тот не соглашался на сделку, даже если я признаю вину. Несколько месяцев назад они обещали мне максимум условное, если я все расскажу, а теперь говорят, что мне грозит минимум три года тюрьмы, если я не стану сотрудничать с ФБР. Лично мне на это наплевать — в тюрьму так в тюрьму. Вся проблема в моей идиотке-жене, которая решила завязать дружбу с твоим швейцарским банкиром, вместо того чтобы просто возить деньги и не болтать языком, как мы и договаривались. Так нет же, она не могла отказаться от соблазна пообедать с этим хреном, а потом еще и обменялась с ним телефонами. Не удивлюсь, если она еще и трахнула его.

— Ты, сам кобёль какой! — гневно сказала секс-бомба, топнув белой кожаной лодочкой на каблуке, но вид у нее при этом был несколько виноватый. — Кто ты, чтоб камень в огоротт бросать? Ты думаль, я не знаю про девка-танцорка из «Рио»?

С этими словами швейцарская секс-бомба посмотрела мне в глаза и спросила:

— Ты тоже верить ревнивец? Скажи ему, Жан-Жак совсем не такой! Он банкье респектабль, *solide,* не бонвиван. И он старый! Так, Жордбн?

И она уставилась на меня сверлящим взглядом ледяных синих глаз, сжав зубы.

Старый? Жан-Жак? Боже мой! Какой ужас! Неужели эта швейцарская секс-бомба правда трахнула моего швейцарского банкира? Невероятно! Если бы она просто доставила деньги, как мы договаривались, то Сорель даже не знал бы, кто она такая! Так нет же! И в результате Коулмэн теперь начинает догадываться, что арест Тодда в торговом центре не имел никакого отношения к торговле наркотиками — но зато связан с контрабандой миллионов долларов в Швейцарию!

— Ну, я бы не стал говорить, что Сорель совсем уж старик, — примирительным тоном сказал я, — но он не из тех, кто станет завязывать интрижку с чужой женой. Я хочу сказать, он сам женатый человек и никогда не производил на меня впечатления искателя приключений.

Они оба явно остались довольны моим ответом, и каждый воспринял его как свою победу.

— Вот видишь, больван, — заорала Кэролайн, — он не такой! Он…

Тодд не дал ей договорить:

— Почему же ты, лживая тварь, сказала, что он старый? Зачем врать, если нечего скрывать, а? Почему, я тебя спрашиваю…

И пока Тодд и Кэролайн снова орали друг на друга, я отключился и стал размышлять, как из всего этого выбраться. Настало время чрезвычайных мер. Настало время позвать на помощь моего верного бухгалтера Денниса Гаито по прозвищу Шеф. Я принесу ему нижайшие извинения за то, что провернул все это за его спиной. Собственно, я никогда не говорил Шефу о том, что у меня есть счета в Швейцарии. Теперь не оставалось иного выхода, кроме как во всем признаться и просить его совета.

— …Как мы теперь будем жить? — сокрушенно говорила тем временем Кэролайн. — Этот агент Коулмэн смотреть на тебя, как… как птица теперь…

Она хотела сказать, «как коршун»?

— …и ты не сможешь продавать свой *narcotique*. О, мы будем голодать!

С этими словами Бомба, будущая голодающая в шмотках на пять штук баксов, с «Патек Филипп» за сорок штук на запястье и с бриллиантово-рубиновым ожерельем еще за двадцать пять на шее, рухнула в черное кожаное кресло, обхватила голову руками и залилась слезами.

Какая ирония судьбы! Именно эта глупая швейцарская секс-бомба, с ее ужасным английским и восхитительными сиськами, в этот момент высветила самую суть проблемы — нужно купить их молчание, ее и Тодда. Я не имел ничего против, равно как и они не будут против. Теперь они оба окажутся в самом выгодном положении, им гарантирована спокойная, обеспеченная жизнь на много лет вперед. А если когда-нибудь что-нибудь пойдет не так, они всегда смогут обратиться в нью-йоркский офис ФБР, где агент Коулмэн будет ожидать их с распростертыми объятиями и широкой улыбкой на лице.

В тот же вечер мы с Шефом сидели на длинной кушетке в подвале моего дома в Бруксвилле и играли в известную игру под названием «Кто соврет правдоподобнее». Правила простые: один из участников рассказывает завиральную историю, которая выглядит как стопроцентная правда. Другой участник пытается найти в ней слабые места. Чтобы победить, рассказчик должен выдумывать настолько правдоподобно, чтобы слушатель не мог найти в ней ни одного уязвимого места.

Поскольку мы с Шефом были, так сказать, настоящими джедаями вранья, было совершенно ясно, что если один из нас сможет обмануть другого, то он и агента Коулмэна тоже обведет вокруг пальца.

Шеф был откровенно красив, эдакая улучшенная версия мистера Клина из рекламы чистящих средств. Ему было пятьдесят с небольшим. Он начал фабриковать бухгалтерскую отчетность, когда я еще учился в школе. Я смотрел на него как на своего рода старого и опытного политического деятеля, голос здравого смысла. Он был настоящим мужчиной с заразительной улыбкой и потрясающей харизмой общения. Шеф жил ради своего первоклассного гольф-клуба, своих кубинских сигар, тонких вин и просвещенных бесед, особенно если речь в них шла о том, как обвести вокруг пальца Внутреннюю налоговую службу или Комиссию по ценным бумагам и биржам. Казалось, это составляло главный интерес в его жизни.

В тот вечер я во всем ему признался, обнажив душу и многократно извинившись за то, что сделал это за его спиной. А потом стал врать дальше, не дожидаясь официального начала игры. Я объяснил ему, что не стал втягивать его в свои швейцарские аферы, потому что не хотел им рисковать. Слава богу, он не стал придираться к моему вранью, а, напротив, дружески улыбнулся и лишь пожал плечами.

Пока я рассказывал ему свою печальную повесть, настроение у меня становилось все хуже и хуже. Но Шеф оставался невозмутимым. Когда я закончил, он лишь равнодушно повел плечами и сказал:

— Ну, я знаю случаи похуже.

— Да? Неужели бывает *еще* хуже?

Он пренебрежительно махнул рукой и добавил:

— Я и не из таких передряг выбирался.

Эти слова принесли мне значительное облегчение, хотя я почти был уверен в том, что так он просто пытается успокоить мои вскипающие мозги. Так или иначе, мы начали игру и спустя полчаса сделали по три раунда чистейшего вранья. Победитель пока что не определился, но с каждым раундом наши истории становились все более изощренными, все более правдоподобными и неуязвимыми. Оставалось придумать ответы всего на два основных вопроса: во-первых, откуда тетушка Патриция нашла три миллиона долларов, чтобы открыть счет? И во-вторых, если деньги действительно принадлежали Патриции, почему банк до сих пор не связался с ее наследниками? У Патриции остались две дочери, обеим было уже за тридцать. Они были ее законными наследницами, если завещание не предусматривало иного.

— Я думаю, реальная проблема — в исходных нарушениях валютного

законодательства, — сказал Шеф. — Предположим, этот самый Сорель выложил все, что знал. Тогда федералы думают, что деньги поступали в Швейцарию в несколько приемов в разные дни. Значит, нам нужен документ, который опровергает это. Документ, который подтверждает, что ты отдал все деньги Патриции, когда она была еще в Штатах. Нам нужны письменные показания под присягой от кого-нибудь, кто своими глазами видел, как ты передавал деньги Патриции на территории США. Тогда, если правительство захочет доказать, что все было иначе, мы достанем нашу бумажку и скажем: «Вот! Полюбуйтесь! У нас тоже есть свидетели!»

Немного подумав, он добавил:

— И все-таки мне не нравится этот вопрос с завещанием. От него дурно пахнет. Как все-таки жаль, что Патриции нет в живых. Было бы просто отлично, если бы мы могли привезти ее в суд и она сказала несколько нужных слов этим федералам.

— Ну, я не могу воскресить Патрицию из мертвых, — пожал я плечами. — Но, держу пари: я смогу уговорить мать Надин поставить свою подпись на показаниях, в которых она подтвердит, что она своими глазами видела, как я передавал деньги Патриции на территории Соединенных Штатов. Сьюзен ненавидит правительство, к тому же я всегда был к ней очень добр. Да и терять ей нечего, так ведь?

Шеф согласно кивнул:

— Да, было бы очень хорошо, если бы она согласилась на это.

— Согласится, — уверенно сказал я, стараясь не думать о том, как отреагирует на все это Герцогиня. — Завтра же поговорю с ней. Мне сначала нужно все обсудить с Герцогиней. Но даже если у меня тут все получится, остается вопрос с завещанием. Было бы странно, если бы она не захотела оставить деньги своим дочерям…

Неожиданно меня осенило.

— А что, если мы сами свяжемся с ними и расскажем о наследстве? Что, если мы отправим за ними самолет и привезем их в Швейцарию, чтобы они заявили права на наследство? Для них это будет все равно что сорвать джекпот в лотерее. Я могу попросить Роланда составить новое завещание, в котором будет сказано, что деньги, которые одолжил Патриции я, должны ко мне и вернуться, но все проценты по вкладам принадлежат ее детям. Если они, вернувшись домой, задекларируют деньги в Британии, то каким образом правительство США сможет обвинить меня в том, что эти деньги мои?

— Вот теперь твоя башка снова начала варить! — одобрительно улыбнулся Шеф. — Считай, ты уже выиграл. Если нам удастся все

провернуть как надо, ты будешь чист. У меня в Лондоне есть дочерняя фирма, через которую мы сможем вернуть деньги, так что все будет под нашим контролем. Ты получишь обратно свои первоначальные вложения, на детей Патриции прольется неожиданный золотой дождь в пять миллионов долларов, и мы сможем спокойно жить дальше.

Я улыбнулся и сказал:

— Этому Коулмэну придется утереться, когда он узнает, что дети Патриции заявили права на наследство. А то, держу пари, он уже чувствует вкус нашей крови на губах.

— Вот тут ты прав, — кивнул Шеф.

Пятнадцать минут спустя я поднялся в спальню и увидел там Герцогиню. Она сидела возле столика, листая каталог, но по ней было видно, что одежда ее сейчас не интересует. Она выглядела роскошно. Идеально уложенные волосы, коротенькая белая шелковая сорочка, такая тонкая, что окутывала ее тело, словно утренний туман. На ней были белые туфли-лодочки с открытым мыском на высоком тонком каблуке и с сексуальным тонким ремешком вокруг щиколотки. И больше ничего. Свет в спальне был приглушен, лишь дюжина горящих свечей отбрасывала мягкий оранжевый отсвет.

Увидев меня, Герцогиня подбежала ко мне и осыпала горячими поцелуями.

— Ты сейчас такая красивая, — сказал я, долго целуя Герцогиню и вдыхая ее запах. — Нет, ты всегда красивая, но сегодня вечером просто невероятно хороша. Сказочно хороша!

— Ну, спасибо! — игриво промурлыкала Герцогиня. — Я рада, что ты так думаешь, потому что я только что измеряла температуру… в общем, у меня овуляция. Надеюсь, ты готов, потому что сегодня тебе предстоит поработать, мой господин…

Гм… но у этой медали, в общем-то, две стороны. С одной стороны, насколько может рассердиться на своего мужа женщина, готовая зачать от него ребенка? Я хочу сказать, Герцогиня действительно хотела второго ребенка, поэтому могла отложить свой гнев ради продолжения рода. Но, с другой стороны, может и взбеситься, наденет халат и уйдет в свою спальню. И что мне тогда делать? После наших бурных и страстных поцелуев в моих чреслах бушевало настоящее цунами.

Упав на колени, я прижался к ее бедрам, обнюхивая их, словно кобель суку во время течки.

— Мне нужно кое-что тебе рассказать, — пробормотал я.

— Так идем в постель, — хихикнула она. — Там и поговорим.

Секунду я размышлял над ее словами, и постель показалась мне вполне подходящим местом. По правде говоря, Герцогиня была не сильнее меня, просто она умело пользовалась разными рычагами давления, но в постели это не имело большого значения.

В постели я лег прямо на Герцогиню, завел руки под ее шею и стал страстно целовать в губы, жадно вбирая в себя всю ее, без остатка. В этот момент я любил ее так сильно, как просто не бывает.

А она, запустив пальцы в мои волосы, нежно перебирала их, ласково оттягивая назад.

— Что случилось, малыш? — тихо спросила она. — Зачем к нам приходил Дэннис?

Как же она отреагирует? Спокойно или гневно? И тут меня осенило: зачем ей вообще говорить об этом? Ну конечно, я просто подкуплю ее мать! Какая замечательная идея! Волк снова атакует! Сьюзен давно намекала, что ей нужна новая машина. Значит, завтра мы с ней поедем покупать новую машину, а потом я незаметно заведу речь о фальшивых показаниях за ее подписью:

«Послушай, Сюзанна, ты замечательно выглядишь в этом новом кабриолете. Кстати, не могла бы ты поставить вот на этой бумажке свою подпись? Да-да, вот тут, внизу. И еще здесь.

Что значит фраза *«осведомлена о наказании за лжесвидетельство»?* Ну, это просто такая юридическая формальность, не стоит даже обращать внимания. Просто поставь свою подпись… Хорошо-хорошо, если тебе вдруг все же предъявят обвинение, вот тогда все и обсудим… Ага, спасибо тебе большое!»

Потом я заставлю Сьюзен поклясться, что она сохранит все в тайне, и тогда мне останется только молиться, чтобы она не проболталась дочери.

Улыбнувшись своей прелестной Герцогине, я ответил:

— Ничего особенного. Дэннис будет аудитором у Стива Мэддена, вот мы и обсуждали кое-какие дела. Да бог с ним! Я хочу сказать тебе, что я так же сильно хочу еще одного ребенка, как и ты. Ты лучшая мать на свете, Надин, и лучшая жена. Я так счастлив быть твоим мужем!

— Ах, как это хорошо, как приятно, — сладким голосом пропела она. — Я тоже люблю тебя. Давай же скорей займемся любовью, милый!

Так мы и сделали.

Часть IV

Глава 30

Прибавление в семействе

15 августа 1995
(9 месяцами ранее)

— Ах ты, ублюдок! — вопила Герцогиня, распростертая на родильном столе Еврейской больницы Лонг-Айленда. — Твоих ведь рук дело! Наш сын вот-вот появится на свет, а ты стоишь, точно столб бесчувственный! Ну, я из тебя душу вытрясу, дай только со стола слезть!

Во сколько это случилось, в десять? Или в одиннадцать? Кто знает?

Как бы там ни было, именно в этот момент я вырубился — потерял сознание в самый разгар родов. Забавно, но я остался стоять, правда, согнулся практически вдвое, уронив голову между ее ляжками, которые в настоящий момент покоились на специальных подставках. Очнулся я, когда кто-то грубо потряс меня за плечо.

— С вами все в порядке? — Голос доктора Бруно донесся до меня как будто с другого конца света.

«Господи», — хотел прошептать я, но не смог. На меня вдруг навалилась свинцовая усталость. Из-за кваалюда я с утра чувствовал себя как выжатый лимон, хотя, сказать по правде, я бы и без него вырубился. В конце концов, роды — чертовски изматывающая процедура, и не только для жены, но и для *мужа* — но женщины как-то умудряются справляться с такими делами гораздо лучше нас, мужчин.

С того памятного вечера при свечах прошло три триместра — жизнь Богатых и Никчемных шла своим чередом, Сьюзен все так же пользовалась полным моим доверием, а дети тетушки Патриции перебрались в Швейцарию и продолжали требовать свое наследство. Как я сильно подозревал, за всем этим стоял агент Коулмэн — последнее, что я о нем слышал, это как он в одно прекрасное утро заявился к Кэрри Чодош и стал грозить, что подаст на нее в суд и отберет у нее сынишку, если она не согласится сотрудничать. Но сказать подобное мог только человек, дошедший до последней степени отчаяния. Кэрри, как и следовало ожидать, оказалась на высоте — велела агенту Коулмэну поцеловать себя… ну, вы поняли куда.

К тому времени, как первый триместр плавно перешел во второй, «Стрэттон» уже шла ко дну — отстегивать мне по миллиону в месяц им было уже не под силу. Правда, я этого ожидал, поэтому отреагировал

довольно спокойно. Кроме того, оставались ведь еще «Билтмор» и «Монро Паркер», а они обе выложили мне по миллиону за сделку. К тому же «Стив Мэдден Шуз» должна была смягчить удар. Мы со Стивом едва-едва справлялись с заказами от крупных универмагов, а разработанная Эллиотом программа работала как зверь. В нашем распоряжении уже было пять магазинов, и мы рассчитывали в течение следующего года открыть еще пять. Помимо этого мы зарегистрировали название в качестве торговой марки — сначала на ремнях и сумках, а скоро она должна была появиться и на спортивной одежде. И, что самое главное, Стив постепенно научился делегировать полномочия, и мы с ним были уже на полпути к тому, чтобы создать команду первоклассных менеджеров. Полгода назад Гэри Делука уговорил нас перенести склад в Южную Флориду и оказался прав. Идея себя оправдала. Джон Базиле был занят по уши, разгребая поступавшие к нам от универмагов заказы, так что приступы ругани, которым он и был обязан своему прозвищу, больше напоминали добродушное ворчание.

Дела у Сапожника шли в гору — хоть и без помощи «Стив Мэдден Шуз». Он крутился как белка в колесе, и в этой бешеной погоне за богатством «Стив Мэдден Шуз» была символом его будущего. Меня это не особо волновало. Мы со Стивом давно уже стали не разлей вода, даже тусовались вместе. Зато Эллиот все крепче подсаживался на наркоту — скатывался все ниже и ниже в бездну долгов и отчаяния.

В самом начале третьего триместра Герцогини мне прооперировали позвоночник, но снова неудачно — в результате стало даже хуже, чем было. Может, я это заслужил, поскольку, проигнорировав советы доктора Грина, предпочел довериться местному костоправу с весьма сомнительной репутацией, который убедил меня ограничиться «минимально инвазивной» процедурой под названием «чрескожное удаление межпозвонкового диска». В конце концов боль в левой ноге стала не просто мучительной, но еще и непрерывной. Единственным моим спасением, как и следовало ожидать, стал кваалюд — беда только в том, что от него у меня заплетался язык, и я то и дело отключался, что все сильнее раздражало Герцогиню.

Однако к этому времени она уже настолько привыкла к положению жены, которая полностью зависит от мужа, что не знала, как из этого положения выбраться. А со всеми этими деньгами, которые сыпались на нас со всех сторон, особняками, яхтой, со всеобщим заискиванием и безудержной лестью, которыми сопровождалось любое наше появление в универмаге, ресторане да и вообще везде, было совсем несложно убедить себя, что все отлично.

И вдруг… ужасное жжение у меня под носом. *Нюхательные соли!*

Вздрогнув, я резко дернулся, вскинул голову и… прямо у меня перед глазами снова была рожающая Герцогиня — ощущение было такое, словно ее гигантская «киска» с презрением взирает на меня.

— С вами все в порядке? — осведомился доктор Бруно.

— Да, доктор Бруно, все нормально, — я сделал глубокий вдох. — Просто при виде крови слегка закружилась голова. Сейчас плесну в лицо водой и приду в себя, — кое-как ворочая языком, невнятно пробормотал я. Извинившись, я кинулся в ванную, поспешно нюхнул кокса и бегом вернулся в родильную палату, чувствуя себя заново родившимся.

— Ну, все в порядке, — объявил я, радуясь, что язык у меня больше не заплетается. — Давай, Надин! Не сдавайся!

— Я с тобой после поговорю! — прорычала она.

И она начала тужиться — закричала, потом еще поднатужилась, скрипя зубами, и вдруг произошло чудо: ее влагалище расширилось до таких размеров, что туда смог бы протиснуться средних размеров «фольксваген», и *хлоп!* — появилась головка, к моему изумлению покрытая легким пушком влажных темных волос. Вслед за нею потоком хлынули воды, и через мгновение я увидел крошечное плечико. Доктор Бруно, отпихнув меня в сторону, ухватил тельце моего сына, легонько повернул его, и малыш выскользнул наружу.

— Уаааааааааа! — услышал я.

— Десять пальчиков на ногах, десять на руках! — улыбаясь до ушей, объявил доктор Бруно, положив новорожденного на живот Герцогини. — Имя ему уже придумали?

— Да, — с сияющим видом объявила Герцогиня. — Картер. Картер Джеймс Белфорт.

— Замечательное имя, — закивал доктор Бруно.

Доктор Бруно был настолько любезен, что великодушно забыл о моей позорной слабости и позволил мне перерезать пуповину. Смею надеяться, я неплохо справился. Видимо, этим я снова завоевал его доверие, потому что доктор, кашлянув, объявил:

— Ладно, а теперь самое время папаше подержать на ручках своего сыночка, пока я займусь его мамочкой, — и с этими словами он протянул мне моего новорожденного сына.

К глазам подступили слезы. У меня сын. *Мальчик!* Волчонок с Уолл-стрит! Чэндлер была очаровательной крошкой, и вот теперь судьба подарила мне шанс полюбоваться очаровательным личиком моего сына. Затаив дыхание, я опустил глаза и… *какого дьявола?!* Он выглядел ужасно!

Крошечный, весь какой-то сморщенный, с заплывшими глазками. Ну, вылитый цыпленок, только какой-то тощий, словно недокормленный.

Должно быть, Герцогиня заметила выражение ужаса у меня на лице, потому что кинулась меня успокаивать.

— Не волнуйся, дорогой. Не все дети появляются на свет такими же ангелочками, как Чэндлер. Наш сынок просто немного недоношенный. Ты глазом не успеешь моргнуть, как он станет таким же красавчиком, как его папочка.

— Ну, надеюсь, что со временем он станет похож на свою мамочку, — хмыкнул я, ничуть не покривив при этом душой. — Если честно, меня не волнует, на кого он будет похож. Знаешь я уже сейчас люблю его так сильно, что мне плевать, если у него будет нос размером с банан. — Любуясь сморщенным, но от этого ничуть не менее совершенным личиком моего сына, я вдруг поймал себя на мысли, что Бог, наверное, все-таки есть, потому что подобное чудо не могло произойти случайно. А то, что плодом нашей любви стало появление на свет этого совершенного крошечного живого существа, было настоящим чудом.

Наверное, я таращился на него довольно долго, потому что очнулся я только услышав, как доктор Бруно охнул.

— Господи, помилуй, у нее кровотечение! Быстро готовьте операционную! Анестезиолога сюда! — медсестру после этих слов будто ветром сдуло.

Взяв себя в руки, доктор Бруно уже более спокойным тоном продолжал, обращаясь к Герцогине:

— Ладно, Надин, у нас небольшая проблема. У вас, по-видимому, не отделилась плацента. Что означает, дорогая, что ваша плацента, скорее всего, вросла в стенки матки. Если немедленно ее не извлечь, вы можете потерять много крови. Ну, а теперь, не волнуйтесь, я собираюсь вас почистить. Не бойтесь, я осторожно… — доктор умолк, словно стараясь подобрать подходящее слово, — но если ничего не получится, у меня не останется другого выхода, кроме как прибегнуть к гистероэктомии.

Я открыл было рот, чтобы сказать жене, что люблю ее, но не успел — в родильную палату ворвались две медсестры, переложили ее на каталку и куда-то покатили. Доктор Бруно рысцой бросился за ними. Уже взявшись за ручку двери, он, видимо, вспомнил обо мне.

— Не волнуйтесь, я сделаю все возможное, чтобы сохранить вашей жене матку, — торопливо сказал он. И пулей вылетел за дверь, оставив нас с Картером вдвоем.

Опустив глаза, я посмотрел на своего новорожденного сына и заплакал.

Что с нами будет, если я потеряю Герцогиню? Как я смогу без ее помощи поднять двух детей? Ведь она для меня все. Даже хаос, который я называл жизнью, целиком и полностью зависел от нее, поскольку у Герцогини был дар все улаживать. Я глубоко вздохнул и попытался взять себя в руки. Нужно было держаться — ради сына, ради Картера Джеймса Белфорта. Я вдруг поймал себя на том, что расхаживаю по комнате, машинально укачивая на руках малыша и умоляя Всевышнего спасти Герцогиню, вернуть ее мне живой и здоровой.

Не прошло и десяти минут, как вошел доктор Бруно. Улыбаясь во весь рот, он прямо с порога объявил:

— Ну, нам удалось удалить плаценту. Держу пари, вы никогда не догадаетесь, как.

— И как же? — спросил я, ухмыляясь, как последний дурак.

— Позвали одну из наших девушек-интернов, у которой ручки как у десятилетней девочки. Ей удалось ввести руку в матку вашей жены и аккуратно извлечь плаценту по частям. Настоящее чудо, Джордан. Благополучно извлечь плаценту удается крайне редко, и эта процедура очень опасна для роженицы. Но сейчас уже все позади. Поздравляю вас — скоро получите совершенно здоровую жену и совершенно здорового сына.

Так сказал мне на прощанье доктор Бруно, Король Сглаза.

Глава 31

Радости отцовства

На следующее утро мы с Чэндлер, уединившись в спальне, погрузились в жаркие дебаты. Говорил в основном я, а она сидела на полу, играя с разноцветными кубиками. Я пытался убедить ее, что прибавление, случившееся в нашем семействе, пойдет ей на пользу, что наша жизнь станет еще лучше, чем раньше.

Глядя на своего маленького ангела, я улыбнулся.

— Послушай, тыковка, у тебя такой очаровательный маленький братик, ты сразу его полюбишь. Только подумай, как тебе будет весело играть с ним, когда он немного подрастет. Ты ведь старшая, так что станешь им командовать. Здорово, верно?

Чэнни, оторвавшись от возведения какой-то сложной конструкции, снисходительно глянула на меня большими голубыми глазами, унаследованными ею от матери. От нее пахло чистотой и свежестью, словом, так, как и должно пахнуть от ребенка. Нашей дочери только-только стукнуло два — ее пышные волосы к этому времени приобрели густой оттенок каштана и стали мягкими, точно шелк. Теперь они спадали ниже плеч, слегка завиваясь на концах. Мне было достаточно увидеть ее, как на глаза наворачивались слезы.

— Послушай, тыковка, мы не можем оставить его в больнице: он ведь теперь часть нашей семьи. Картер — твой братик, и со временем вы станете лучшими друзьями.

— Это вряд ли, — она равнодушно пожала плечами.

— Ну, мне пора в больницу, тыковка. Помни, что мы с твоей мамой по-прежнему очень тебя любим. И у нас хватит любви для вас обоих.

— Знаю, — беспечно бросила она. — Ладно, привозите его домой. Все в порядке.

Впечатляет, подумал я. Этим «все в порядке» она дала понять, что не возражает против нового члена нашей семьи.

Перед тем как ехать в больницу, пришлось ненадолго заскочить в одно место. В ресторане «У Милли», в аристократическом пригороде Грейт-Нек, у меня была назначена деловая встреча, впрочем, оттуда до еврейского квартала Лонг-Айленда было не более пяти минут езды. Я рассчитывал покончить с делом как можно быстрее, а потом забрать Картера с

Герцогиней и отправиться в Вестхэмптон. Я слегка опаздывал — едва лимузин бесшумно остановился у ресторана, я увидел в окне белозубую улыбку Дэнни. Он сидел за круглым столом в компании Шефа, Вигвама и одного нечистого на руку адвоката по имени Хартли Бернштейн, который мне всегда нравился. Хартли прозвали Хорьком — возможно, потому, что вытянутая мордочка придавала ему сходство с этим хищником. Про себя я всегда думал, что с такой физиономией Хартли мог бы дублировать Би Би Айса — одного из персонажей комиксов про Дика Трейси.

Хотя завтрак в этом заведении не подавали, хозяйка ресторана Милли согласилась открыться пораньше, чтобы нам с Дэнни было где поговорить. Это устраивало нас обоих, учитывая, что именно сюда служащие «Стрэттон» приезжали обмыть очередную успешную сделку, чтобы выпить, поесть, потрахаться, надраться, проблеваться. Иначе говоря, тут было позволено все, что в таких случаях привыкли делать «стрэттонцы», и при этом за счет компании, которой впоследствии приходилось оплачивать счета на 25 000 или даже на 100 000 баксов — в зависимости от размеров причиненного ущерба.

Уже в двух шагах от столика я заметил, что за столом сидел еще и пятый — Джордан Шамах, новый вице-президент «Стрэттон», только что назначенный на эту должность. В детстве, когда они с Дэнни были закадычными дружками, Джордана прозвали Гробовщик — вероятно, потому, что своим стремительным взлетом к вершинам власти он был обязан отнюдь не своим талантам, а твердой решимости уничтожить каждого, кто попробует встать у него на пути. Гробовщик был низенький и толстый, и из всех способов закопать кого-нибудь предпочитал старое доброе предательство, при этом он свято верил в действенность сплетен, а при случае, как я слышал, не брезговал и убийством.

Как это принято среди мафиози, я по очереди обнял своих прежних дружков и соучастников, после чего опустился в кресло и налил себе кофе. Повод для встречи был достаточно печальный: предстояло уговорить Дэнни ликвидировать «Стрэттон-Окмонт» методом «борьбы с тараканами», что означало, что он должен сначала открыть несколько маленьких брокерских фирм и поставить во главе каждой из них подставного, после чего раскидать «стрэттонцев» по этим новым фирмам. Как только с этим будет покончено, он ликвидирует «Стрэттон», а сам перейдет в одну из новых компаний, которой сможет управлять, оставаясь в тени и заняв какую-нибудь скромную должность, к примеру консультанта.

Когда речь шла о брокерских фирмах, это был обычный способ

выживания в тех случаях, когда владельцы чувствовали, что запахло жареным: они поспешно закрывались, чтобы тут же вырасти из ниоткуда, словно грибы после дождя, но уже под другим именем. Денежки снова текли рекой, и вдобавок подобный способ помогал опережать на шаг налоговиков и оставлять их с носом. Все равно что гоняться за тараканами: раздавишь одного и видишь, как десять других кинутся в разные стороны и попрячутся по углам.

Как бы там ни было, учитывая нынешние проблемы «Стрэттон», другого способа не существовало, беда лишь в том, что Дэнни был ярым противником метода «борьбы с тараканами». В противовес ему он даже разработал собственную теорию, которую назвал «Двадцать Лет Безоблачного Неба». В соответствии с *его* теорией, от «Стрэттон» требовалось лишь стиснуть зубы и как-то пережить наезды органов контроля, в случае успеха он мог бы еще лет двадцать оставаться в этом бизнесе. Какая нелепость! В запасе у «Стрэттон» был от силы год. Кольцо вокруг нее медленно, но верно сжималось: к этому времени власти всех пятидесяти штатов шли по ее следу — неумолимо, как волки по следу истекающего кровью оленя, а недавно к их кровожадной стае присоединилась и Национальная ассоциация биржевых дилеров.

Но Дэнни ничего не желал слушать. К тому времени он превратился в уолл-стритовскую версию Элвиса в его последние дни — когда те, кто манипулировал им, втискивали его разжиревшую тушу в комбинезон из белой кожи и выпихивали на сцену спеть парочку песен, после чего поспешно уволакивали за кулисы, прежде чем бедняга отключится, окончательно окосев от жары, света юпитеров и секонала. Если верить Вигваму, то во время совещаний отдела продаж Дэнни иногда забирался на стол и швырял на пол мониторы, проклиная чиновников на чем свет стоит. Судя по всему, служащим «Стрэттон» это было словно бальзам на душу, и в результате Дэнни совсем закусил удила — спускал штаны и под гром аплодисментов мочился на брошенные на пол судебные повестки.

Мы с Вигвамом обменялись взглядами, я чуть заметно кивнул, словно желая сказать: «Твой выход, старик».

Вигвам понимающе кивнул в ответ.

— Послушай, Дэнни, — начал он, — штука в том, что я не знаю, долго ли еще мне удастся получать эти контракты. Парни из Комиссия по ценным бумагам и биржам совсем озверели — тянут по полгода, прежде чем что-то одобрить. А вот если мы откроем новую фирму, то уже к концу года я снова окажусь в деле — начну проворачивать сделки для *всех* нас.

Дэнни ответил именно так, как и рассчитывал Вигвам:

— Позволь, я скажу тебе кое-что, Вигвам. У тебя до такой степени все на лице написано, что аж блевать тянет. У нас в запасе чертова пропасть времени, так почему бы тебе в этом случае не заткнуться хоть на время? Иными словами, пошел ты на хрен!

— Знаешь, что, Дэнни? Сам иди на хрен! — рявкнул Вигвам, запустив руку в волосы и принимаясь их ерошить так, словно хотел вырвать. — Ты до такой степени отстал от жизни, что не понимаешь, что нужно *срочно* что-то делать. Но я не собираюсь пускать свою жизнь псу под хвост, пока ты скачешь по офису, словно обкурившийся павиан!

Гробовщик решил воспользоваться удобным моментом, чтобы вонзить Вигваму кинжал в спину.

— Ну, положим, это не совсем так, — вкрадчиво возразил он. — Не помню случая, чтобы Дэнни вытворял что-то подобное в офисе. Может, он пару раз кого-то обидел, но при этом всегда держал себя в руках. — Гробовщик немного помедлил, словно скорпион в поисках подходящего места, куда можно вонзить свое смертоносное жало. — Кстати, чья бы корова мычала, Вигвам. Можно подумать, это не ты весь день напролет нарезаешь круги вокруг этой смазливой шлюшки Донны, обнюхивая ее подмышки, хоть от них несет, как от помойки.

Лично мне Гробовщик всегда нравился. На редкость компанейский парень — может, слегка туповатый для того, чтобы самостоятельно ворочать делами, но я всегда подозревал, что на то есть причина. Видимо, все его умственные силы уходили на то, чтобы распускать чудовищные сплетни о тех, кого он намеревался закопать. Однако сейчас его намерения были ясны как божий день: к этому времени на него уже поступило не меньше сотни жалоб от покупателей, а если «Стрэттон» пойдет ко дну, то потянет с собой Гробовщика, поскольку без «Стрэттон» не видать ему лицензии как своих ушей.

Я решил, что пора вмешаться.

— Ладно, парни, пора заканчивать с этим дерьмом — прошу вас! — Я покачал головой, словно не веря собственным ушам; «Стрэттон» окончательно потерял контроль над ситуацией. — Сейчас мне нужно съездить в больницу. Я заскочил сюда только потому, что хотел, чтобы все было как лучше. Для всех нас. Лично мне глубоко плевать, даже если мне от «Стрэттон» не перепадет больше ни цента. Однако у меня есть и другие интересы — довольно корыстные, признаю, — и все они завязаны на том, чтобы разбирательство в арбитражном суде прошло как надо. Ведь во многих эпизодах фигурирую я — несмотря на то, что я уже не числюсь в компании.

Я посмотрел на Дэнни в упор:

— Ты ведь точно в таком же положении, Дэн. А я сильно подозреваю, что даже если нас ждут впереди твои Двадцать Лет Безоблачного Неба, это никак не помешает арбитражному суду копать под нас.

Но в разговор снова влез Хорек:

— Ну, положим, об этом мы можем позаботиться — через продажу активов. Организуем все так, как будто «Стрэттон» *продал* брокеров новым фирмам, а взамен они согласятся оплатить любой арбитраж, который может быть назначен в течение, скажем, трех лет. А после этого срок исковой давности истечет, и вы, парни, выйдете сухими из воды.

Я покосился на Шефа — он кивнул в знак того, что его эта идея устраивает. А это уже интересно, промелькнуло у меня в голове. Сказать по правде, я никогда не пытался понять, что движет Хорьком. В сущности, в юридическом отношении он был точной копией Шефа, однако в отличие от Шефа, которого можно было смело назвать Личностью с большой буквы и который еще вдобавок обладал мощной харизмой, Хорек был напрочь лишен этих качеств. Нет, я никогда не считал его тупым; просто всякий раз, как мне случалось смотреть на него, мне почему-то представлялось, как он жадно уплетает кусок швейцарского сыра. Тем не менее я был вынужден признать, что пришедшая ему в голову идея была гениальной. Иски покупателей не давали мне покоя, особенно учитывая общую сумму, до которой выросли эти иски, — более 70 миллионов долларов. До сих пор «Стрэттон» исправно возмещал ущерб, однако если компании конец, то для нас это может обернуться подлинным кошмаром.

— Джей Би, — вдруг ожил Дэнни, — можно перемолвиться с тобой словечком наедине? Хотя бы в баре, если ты не против.

Я молча кивнул. Мы направились в бар, и Дэнни, не спрашивая меня, щедро плеснул в два бокала виски.

— За Двадцать Лет Безоблачного Неба, дружище! — Он выжидательно глядел на меня и ждал, когда я выпью.

Вместо этого я скосил глаза на часы. Было половина одиннадцатого.

— Брось, Дэнни! Ты же знаешь, я сейчас капли в рот не возьму, ведь мне еще нужно в больницу, забрать Надин с Картером.

Дэнни с мрачным видом покачал головой.

— Отказаться от тоста, да еще с утра пораньше — дурная примета. Готов этим рискнуть?

— Да, — рявкнул я. — Готов!

— Ну, дело твое, — Дэнни пожал плечами и одним махом опрокинул в горло полный до краев бокал. Я мысленно охнул, там было не меньше пяти

порций. — За малыша! — пробормотал он. Потом потряс головой, сунул руку в карман, пошарил там и вытащил четыре таблетки кваалюда.

— Что ж, может, тогда чокнешься со мной *этим* — прежде чем попросить меня отправить фирму на свалку?

— Вот это другое дело! — с улыбкой бросил я.

Дэнни, ухмыльнувшись, протянул мне две таблетки. Подойдя к раковине, я повернул кран и подставил рот под струю воды, одновременно словно бы невзначай опустив руку в карман и незаметно сбросив туда таблетки.

— Ладно, — я отряхнул пальцы. — Теперь я как бомба с часовым механизмом, так что давай обсудим все по-быстрому.

Бросив взгляд на Дэнни, я внутренне грустно улыбнулся. И впервые задумался, сколькими из моих нынешних проблем я обязан ему? Не то чтобы я уже дошел до того, чтобы пытаться свалить всю вину на Дэнни, но трудно было отрицать, что если бы не он, «Стрэттон» никогда бы до такой степени не утратила контроль над ситуацией. Да, верно, мозгом был я, зато Дэнни был мышцами, если можно так сказать, — он взял на себя всю грязную работу, на что я никогда бы не пошел. Или пошел бы, но потом мне вряд ли хватило бы духу каждое утро смотреть на себя в зеркало. А Дэнни был воином — и я до сих пор не знал, должен ли я уважать его или презирать. Но сейчас я не ощущал ничего, кроме грусти.

— Послушай, Дэнни, я не могу указывать тебе, как поступить со «Стрэттон». В конце концов, теперь это твоя фирма, а я слишком тебя уважаю, чтобы говорить тебе, что делать. Но если хочешь знать мое мнение, ликвидируй ее как можно скорее и делай ноги, пока тебе яйца не оторвали. Послушай Хартли: пусть новые фирмы тянут на себе все арбитражи, а ты оформишься туда консультантом, будешь сидеть тихо и получать денежки. Это будет не просто правильно — это будет по-умному. Именно так поступил бы я сам, будь это мое шоу.

— Что ж, идет, — кивнул Дэнни. — Просто я собирался сделать это через пару недель, посмотреть, как будет меняться ситуация.

Я снова грустно улыбнулся, отлично понимая, что ему страшно не хочется ликвидировать фирму.

— Конечно, Дэн, — кивнул я. А что я мог еще сказать? — Это резонно.

Минут через пять, когда я уже открыл дверцу, чтобы сесть в лимузин, я вдруг увидел выходившего из ресторана Шефа. Завидев меня, он направился ко мне.

— Неважно, что тебе наболтал Дэнни, ты ведь понимаешь, что он ни за что не согласится ликвидировать фирму. Будет упираться, пока его оттуда

в наручниках не выведут.

Я согласно кивнул.

— Думаешь, я этого не понимаю, Деннис? — мы с Шефом обнялись, я забрался в лимузин и поехал в больницу.

По чистому совпадению Еврейская больница Лонг-Айленда располагалась в городке Лейк-Саксесс, менее чем в миле от «Стрэттон-Окмонт». Может, поэтому никто особо не удивился, когда я, проходя через родильное отделение, направо-налево раздавал врачам, медсестрам и нянечкам золотые часы. Я уже проделывал это, когда родилась Чэндлер, и в тот раз это произвело эффект разорвавшейся бомбы. Сам не знаю почему, но возможность просадить 50 штук на подарки людям, которых я никогда больше не увижу, доставила мне какую-то идиотскую радость.

К тому времени, когда я закончил изображать из себя Санта Клауса, стрелки часов приблизились к одиннадцати. Войдя в палату Герцогини, я сначала решил, что ее там нет. И только потом понял, почему не вижу ее: Герцогиня была погребена под целой горой цветов. *Бог ты мой*… их там были тысячи! Самые фантастические оттенки алого, желтого, розового, пурпурного, оранжевого, ярко выделяясь на фоне зелени, превратили больничную палату в цветочную клумбу. От всего этого буйства красок у меня заслезились глаза.

Наконец среди всего этого великолепия мне удалось разглядеть Герцогиню — она сидела в кресле, держа на коленях Картера. Выглядела она изумительно — за те тридцать шесть часов, что прошли после родов, ей каким-то образом удалось похудеть, и теперь передо мной сидела прежняя Герцогиня, роскошная и соблазнительная. *И слава богу!* На ней были потертые джинсы «ливайс», простая белая блузка и балетки, тоже когда-то белые. Картер был завернут в небесно-голубое одеяльце, из которого наружу торчал только крохотный нос.

— Выглядишь потрясающе, милая, — я улыбнулся жене. — Не могу поверить, что твое лицо вновь стало прежним. Просто цветешь!

— Он не хочет брать бутылочку, — погруженной в материнские заботы Герцогине явно было не до комплиментов. — Чэнни сразу с удовольствием сосала. А Картер не хочет.

Я не успел ответить — в комнату вошла сестра. Забрав малыша, она развернула его, чтобы осмотреть перед выпиской. Я как раз собирал сумку, когда вдруг услышал:

— Бог ты мой, какие ресницы! Ни у одного малыша таких не видела! А уж когда он откроет глазки… Держу пари, будет настоящий красавчик, когда подрастет!

— Знаю, — Герцогиня надулась от гордости. — Он вообще особенный.

— Странно… — протянула медсестра.

Повернувшись на каблуках, я уставился на нее. Медсестра замерла, прижав фонендоскоп к левой стороне груди Картера.

— Что-то не так? — спросил я.

— Пока не знаю, — протянула медсестра. — Но с его сердцем явно что-то не так. — Вид у нее был встревоженный. Поджав губы, она снова приложила фонендоскоп к груди Картера.

Я бросил быстрый взгляд на Герцогиню — у нее было такое лицо, словно в ее собственное сердце внезапно всадили нож. Она схватилась за спинку кровати, чтобы не упасть. Подойдя к ней, я обнял ее за плечи. Мы оба молчали.

— Понять не могу, как никто до сих пор этого не заметил, — расстроенно пробормотала медсестра. — У вашего сына, похоже, врожденный порок сердца. Да, теперь я совершенно уверена. Либо это, либо дефект одного из клапанов. Мне очень жаль, но вы пока не можете забрать его домой. Его нужно срочно показать детскому кардиологу.

Я с тяжелым вздохом кивнул. Потом покосился на Герцогиню — она молча плакала. Думаю, именно в этот момент мы с ней поняли, что наша жизнь никогда уже не станет прежней.

Через четверть часа мы уже были несколькими этажами ниже, в небольшой палате, заполненной самой современной медицинской аппаратурой — процессорами, мониторами самых разных форм и размеров и капельницами, среди которых примостился крошечный стол для осмотра, на котором лежал голенький Картер. Свет в палате был неярким. Долговязый, худощавый доктор охотно отвечал на наши вопросы.

— Вот тут, видите? — доктор ткнул пальцем в темный экран, посреди которого виднелись четыре неровных мазка, смахивающих на гигантских амеб, два синих, два красных, каждый размером с серебряный доллар. Все четыре соединялись между собой — ощущение создавалось такое, будто бы они медленно и ритмично перетекают один в другой. В правой руке у доктора был небольшой приборчик, смахивающий на микрофон, которым он медленно водил по груди Картера, описывая небольшие круги. Красный и голубой мазки показывали, как кровь Картера циркулирует по четырем камерам его сердца.

— И тут, — добавил он. — Вот и второе, поменьше, но оно вот тут, между предсердиями.

Убрав эхокардиограф, доктор повернулся к нам.

— Странно, что у вашего сына отсутствует сердечная недостаточность,

потому что дефект межжелудочковой перегородки довольно значительный. Существует большая вероятность, что понадобится срочная операция. Кстати, как дела с кормлением? Он берет бутылочку?

— Неохотно, — с грустью пробормотала Герцогиня. — Не так, как в свое время наша дочь.

— Вы не заметили, он не потеет, когда ест?

— Нет, вроде бы, — покачала головой Герцогиня. — Но ощущение такое, словно он вообще не голодный.

Доктор кивнул, как будто именно это он и ожидал услышать.

— Проблема в том, что кровь, насыщенная кислородом, смешивается в его сердечке с кровью венозной, бедной кислородом. Он устает, даже когда просто ест. Когда новорожденный потеет во время еды, это первый признак сердечной недостаточности. Однако отчаиваться еще рано — есть большая вероятность, что с ним все будет в порядке. Да, дефекты значительные, но они в какой-то степени компенсируют друг друга. Благодаря этому возникает градиент давления, который минимизирует ретроградный кровоток. Если бы не это, малыш бы уже испытывал все симптомы сердечной недостаточности. Впрочем, время покажет, прав я или нет. Если в следующие десять дней не произойдет ухудшения, думаю, все будет хорошо.

— А каковы шансы, что ухудшения не произойдет? — спросил я.

— Пятьдесят на пятьдесят, — пожал плечами доктор.

— А если все-таки это случится? — вмешалась Герцогиня. — Тогда что?

— Начнем давать ему мочегонные, чтобы жидкость в легких не скапливалась. Ну, и другие лекарства — но давайте не будем ставить телегу впереди лошади. Если ни одно из этих средств не сработает, потребуется операция на сердце.

Доктор сочувственно улыбнулся:

— Мне очень жаль, что приходится вас расстраивать, но сейчас нам ничего не остается, кроме как ждать и надеяться на лучшее. Вы можете забрать малыша домой, но не спускайте с него глаз. При первых же признаках потливости или затруднения дыхания — и даже если он просто будет отказываться брать бутылочку — немедленно звоните мне. Если этого не случится, жду вас через неделю (*вот уж дудки, парень! Прямиком отсюда мы поедем в Пресвитерианскую больницу при Колумбийском университете, где работают выпускники Гарварда!),* сделаем повторную кардиограмму. Будем надеяться, что к тому времени дефекты перегородки начнут понемногу затягиваться.

Нас захлестнуло облегчение. Чувствуя, как в груди проснулась надежда, я спросил:

— Вы думаете, что они заживут сами собой? Такое возможно?

— О да. Простите, я, кажется, это упустил… — *Еще один повод, чтобы побыстрее свалить отсюда, тощий засранец!* — Но если в первые десять дней не появляются симптомы ухудшения, это говорит о том, что все произошло, как я говорил. Видите ли, по мере того как ваш сын будет расти, будет расти и его сердце, и отверстие будет постепенно затягиваться… возможно, к пяти годам от него не останется и следа. Но даже если оно закроется не полностью, то станет настолько незначительным, что проблем со здоровьем у мальчика не будет. Но, повторяю, это станет ясно только через десять дней. Еще раз хочу подчеркнуть — следите за его состоянием! На вашем месте я бы старался не оставлять его одного — максимум на пару минут.

— Можете не беспокоиться, — решительно объявила Герцогиня. — С этой минуты за ним будут приглядывать как минимум трое, и одна из них — дипломированная медсестра.

Вместо того чтобы вернуться в Вестхэмптон, находившийся в добрых семидесяти милях к востоку, мы отправились прямиком в Олд-Бруквилл, до которого было всего минут пятнадцать езды. Там нас уже поджидали обе наших семьи. Даже Тони Кэриди, отец Герцогини, всеобщий баловень и безнадежный неудачник, соизволил явиться. «Все такой же красавчик, — подумал я, когда первое волнение понемногу улеглось. — Точная копия Уоррена Битти, и все так же озабочен только одним — у кого бы стрельнуть денег».

Руководить процессом взялся Безумный Макс — прямо на глазах превратившись в сэра Макса, он первым делом уверил нас с Герцогиней, что все будет в порядке, после чего принялся названивать в разные больницы, расспрашивать врачей одного за другим — и все это с олимпийским спокойствием. Пока все было в норме, о Безумном Максе не было ни слуху ни духу, но стоило случиться беде, как он появлялся словно из-под земли — наверстывал упущенное время, при этом отчаянно и беспрерывно дымил и произносил бесконечные монологи.

Моя мать была в своем репертуаре — святая женщина, она суетилась возле нас с Герцогиней, а в промежутках возносила за здоровье Картера еврейские молитвы. Сьюзен, анархистка в душе, предположила, что причиной порока сердца у Картера вполне мог стать правительственный заговор и доктора в больнице наверняка приложили к этому руку. На вопрос, зачем им это, она затруднилась ответить.

Мы объяснили Чэндлер, что ее братишка очень болен, — на что она ответила, что уже успела его полюбить и что она рада, что мы решили забрать его из больницы. После чего принялась невозмутимо играть в свои кубики. Гвинн и Джанет также выразили готовность заступить на дежурство — правда, перед этим обе чуть ли не шесть часов подряд бились в истерике. Да что там они — даже Салли, моя нежно любимая шоколадная лабрадорша, добровольно взяла на себя обязанности сиделки — устроилась у изголовья кроватки Картера и покидала его только чтобы выбежать в сад или поесть, да и то ненадолго. В отличие от нее, Рокки, псу Герцогини, зловредному маленькому ублюдку, явно было наплевать на Картера. С безмятежным видом он продолжал отравлять существование всех и каждого в доме — беспрестанно и без всякой причины лаял, таскал у Салли еду из миски, пока та дежурила возле Картера, молясь за его здоровье вместе со всеми, как и положено хорошей собаке.

Однако больше всех меня разочаровала Руби, детская медсестра, которую нам так расхваливали в агентстве по найму, одном из тех, что подыскивают ямайских сиделок для богатых семей. Проблемы начались в тот самый день, когда Ночной Рокко привез ее сюда, — ему вдруг показалось, что от нее пахнет спиртным. Дождавшись, когда она распакует чемодан, он счел нужным обыскать ее комнату. Через пятнадцать минут, затолкав ее обратно в машину, он отвез ее обратно, и с тех пор мы ничего о ней не слышали. Единственный плюс всей этой истории заключался в том, что мы в результате оказались обладателями пяти бутылок виски «Джек Дэниелс». Конфискованные Рокко, они перекочевали в мой бар.

Присланная на замену медсестра приехала часа через два — и тоже, похоже, прямо с Ямайки. Звали ее Эрика, и она оказалась настоящим сокровищем, поскольку тут же нашла общий язык и с Гвинн, и с остальной компанией. Эрика быстро влилась в команду добровольцев, заступивших на вахту возле кроватки Картера.

Прошло четыре дня — у Картера по-прежнему не замечалось ни малейших признаков сердечной недостаточности. Между тем мы с отцом навели справки, выясняя, кто считается лучшим детским кардиологом. Все в один голос называли имя доктора Эдварда Голенко. Он был главой хирургического отделения манхэттенской больницы «Маунт-Синай».

Увы, записаться к нему на прием можно было только через три месяца, однако эти три месяца чудесным образом сократились до одного дня — как только доктору Голенко сообщили, что некий мистер Белфорт собирается пожертвовать отделению детской кардиологии кругленькую сумму в 50 тысяч. Итак, на пятый день своей жизни Картер снова оказался на

смотровом столе, только в этот раз его окружала толпа докторов и сестер, наперебой восхищавшимися его ресницами, — слава всевышнему, минут через пятнадцать медики все же занялись наконец делом.

Мы с Герцогиней молча стояли в сторонке, глядя, как команда докторов готовит к работе какой-то суперсовременный и супернавороченный медицинский агрегат — чтобы, как я понял, поглубже заглянуть Картеру прямо в сердце и рассмотреть его гораздо лучше, чем это можно было сделать с помощью обычного эхокардиографа. Доктор Голенко оказался высоким, худощавым, слегка лысеющим человеком с очень добрым лицом. Я рассеянно оглядел комнату… и с удивлением обнаружил, что в палату набилось как минимум девять взрослых в белых халатах. Они взирали на моего сына с таким восторженным благоговением, словно на бесценное сокровище (ну да, так оно и было). Потом я скосил глаза на Герцогиню, по привычке кусавшую губы. Она вытянула шею, явно стараясь ничего не пропустить, и я вдруг подумал, неужели она сейчас думает о том же, о чем и я, а именно: *Какое же счастье, что мы богаты!* Потому что если кто и мог спасти нашего сына, то только эти люди.

Обменявшись несколькими фразами на том суахили, на котором обычно разговаривают между собой врачи, доктор Голенко с улыбкой обернулся к нам.

— У меня для вас хорошая новость. С вашим сыном все будет в порядке. Дефект перегородки почти устранен, поскольку градиент давления минимизировал ретроградный кровоток между…

Закончить ему не удалось, поскольку в этот момент Герцогиня налетела на него, словно смерч. Все, кто присутствовал при этой сцене, разразились хохотом, глядя, как моя жена, подпрыгнув, повисла на шее почтенного доктора и принялась бурно его тискать.

— Вот бы все мамочки моих пациентов радовались, как она! — окружающие снова захохотали. Пунцовый доктор Голенко беспомощно оглянулся на меня.

Какой же это был счастливый миг! Господь в неизреченной милости своей оставил в сердце моего сына еще одну дыру, чтобы компенсировать первую, но к тому времени, как Картеру стукнет пять, уверил нас доктор Голенко, от них обеих не останется и следа.

На обратном пути, сидя в лимузине, мы с Герцогиней сияли, как новенькие доллары. Картер в своей переноске лежал между нами, а Рокко сидел впереди рядом с Джорджем.

— Проблема в том, что я теперь превращусь в параноика, — вздохнула вдруг Герцогиня. — Даже не знаю, смогу ли я обращаться с ним так, как в

свое время с Чэндлер. Она была такой крепкой, здоровенькой… мне и в голову не приходило о чем-то волноваться.

Я поцеловал ее в щеку.

— Не беспокойся, дорогая. Через пару дней все придет в норму. Вот увидишь.

— Не знаю, — протянула Герцогиня. — Боюсь даже думать о том, как все могло бы повернуться.

— Ничего не случится, поверь. Все уже позади!

Но пока мы не доехали домой, я суеверно держал скрещенными пальцы, руки и даже ноги. Просто на всякий случай.

Глава 32

Еще одна радость

Сентябрь 1995
(Пять недель спустя)

Неудивительно, что Сапожник сидит за столом и пыжится, словно человек, которому весь мир лижет яйца, думал я. По нашим расчетам, 1996 год должен был принести нам около 50 миллионов чистоганом, прибыльность компаний росла день ото дня. Выручка в универмагах била рекорды, торговля товарами с нашей торговой маркой шла в гору, вопрос с лицензированием имени Стива Мэддена в качестве бренда продвигался даже быстрее, чем мы надеялись, а магазины розничной торговли, которых у нас к тому времени было уже девять, процветали. Деньги текли рекой. По выходным у дверей магазинов выстраивались очереди, а Стив стал своего рода знаменитостью, самым известным дизайнером обуви, которого девочки-подростки просто боготворили.

Единственной ложкой дегтя в этой бочке меда стало то, что я услышал от него потом.

— Думаю, пришло время распрощаться с Делукой. Если избавимся от него сейчас, сможем заодно выкупить его пакет акций компании, который мы ему продали по фиксированной цене, — Стив равнодушно пожал плечами. — Как бы там ни было, если он задержится у нас, то может продать его кому-то еще, и мы окажемся в заднице.

Я удивился. Дело в том, что количество акций, которое принадлежало Делуке, было настолько мизерным, что не играло никакой роли. И никого не интересовало — кроме самого Делуки, конечно, потому что если бы эти акции обратились в дым, ему бы пришел конец и Делука стал бы еще одной жертвой хитроумно составленного контракта, который подписывали наши сотрудники при приеме на работу.

— Ты не можешь так поступить с Гэри, — запротестовал я. — Бедняга вкалывал на нас, как вол, весь этот год, с тех пор как пришел сюда. Я не хуже тебя знаю, что иногда он настоящая заноза в заднице, и все равно, ты не можешь поступить так с одним из тех, кто работает на тебя, особенно с таким человеком, как Гэри, который предан тебе, как пес. Это чертовски несправедливо, Стив. И в корне неправильно. Только представь себе, что после этого подумают остальные. Вот такие подлости и подрывают дух компании. Все наши служащие гордятся своими пакетами акций; благодаря

им они тоже чувствуют себя немножко хозяевами компании; и еще это дает им уверенность в своем будущем. Хочешь уволить его? — я перевел дух. — Ладно. Только нужно дать ему столько, сколько он стоит, может, даже чуточку больше, если на то пошло. Это единственный вариант. Все остальное — глупость. Так дела не делаются.

— Не понимаю я тебя, — Сапожник пожал плечами. — Ты же первый высмеивал Делуку. Так какого хрена ты так переживаешь, что я отберу у него его акции?

— Во-первых, я беззлобно подтрунивал над ним, а не издевался, и в конце концов у людей поднималось настроение. Я над всеми подшучиваю, Стив, в том числе и над собой. Да и над тобой тоже. Но мне действительно симпатичен Гэри; он хороший парень и чертовски преданный.

Я тяжело вздохнул.

— Послушай, возможно, ты прав и Гэри уже бесполезен для компании… может, действительно пришло время заменить его кем-то с техническим образованием, человеком с длинным послужным списком, который сможет говорить с воротилами Уолл-стрит на их языке. Но нельзя отбирать у Гэри его акции. Вспомни, он пришел к нам работать, когда мы еще шили обувь на заднем дворе фабрики. Может, он и туго соображает, но выставить его пинком под зад — значит, накликать на себя беду.

— Боюсь, ты защищаешь не того, кого нужно, — Сапожник вздохнул. — Держу пари, будь у него возможность, Делука тут же послал бы нас подальше. Я бы…

— Нет, Стив, он бы так не поступил, — оборвал я Сапожника. — Гэри честен и верен своим принципам. Он не такой, как мы. Он привык держать слово и никогда его не нарушит. Хочешь его уволить — ладно. Но не отбирай у него акции, — я понимал, что последняя фраза подразумевает гораздо большую степень власти, чем заслуживает Стив. Но штука в том, что он все еще считался основным владельцем компании — по крайней мере официально; то, что фактически ею владел я, было частью нашего тайного соглашения.

— Позволь мне поговорить с ним, — с дьявольским огоньком в глазах предложил Сапожник. — Если мне удастся уговорить его уйти по-хорошему, тебе не о чем будет беспокоиться. — Он пожал плечами. — То есть я хочу сказать, что, если мне удастся вернуть акции, мы сможем поделить их пополам.

Я сдался. Была еще только половина двенадцатого, а я уже чувствовал себя как выжатый лимон. Слишком много таблеток, подумал я. А моя семейная жизнь… в последнее время она была далеко не мед. Герцогиня с

утра до ночи суетилась вокруг Картера, а я едва мог стоять на ногах от непрекращающейся боли в спине. Пятнадцатого октября мне предстояла новая операция на позвоночнике. До этого дня оставалось еще три недели, но я не мог думать об этом без содрогания. Мне предстояло пережить общий наркоз — а потом семь часов под ножом хирурга. А что, если я не очнусь после наркоза? А если и очнусь, какая гарантия, что я не останусь парализованным? Такой риск существует всегда, если имеешь дело с позвоночником, хотя доктор Грин уверял, что я попаду в хорошие руки. Как бы там ни было, я на полгода буду вынужден отойти от дел, зато потом я, возможно, навсегда забуду о боли в спине и смогу жить обычной жизнью. Да, лето 1996-го обещало стать насыщенным.

Конечно, я решил воспользоваться этим, чтобы завязать с наркотой, — даже поклялся Мэддену и Герцогине, что, как только с болями будет покончено, я тут же выкину все таблетки и стану «прежним Джорданом». Вообще говоря, если бы мне не нужно было заехать за Герцогиней, я бы так и остался сидеть в офисе, до такой степени у меня ни на что не было сил. Я снял номер в отеле «Плаза» — мы собирались провести романтический вечер вдвоем. Это была идея ее матушки — теща твердила, что нам нужно встряхнуться, поскольку в последнее время нам обоим здорово досталось. У нас появился бы шанс заново сблизиться.

— Послушай, — вымученно улыбнулся я, — у меня и без того хватает акций, да и у тебя, по-моему, тоже. А если понадобится больше, всегда можем выпустить еще, — я с хрустом зевнул. — Впрочем, какого черта, поступай как знаешь! Я слишком устал, чтобы спорить.

— Выглядишь ты и впрямь хреново, — понимающе кивнул Стив. — Не сердись, это я любя. Видишь ли, я беспокоюсь, и твоя жена тоже. Ты должен завязать с коксом. И с таблетками тоже, иначе ты просто убьешь себя — кого хочешь спроси, если не веришь. Со мной было то же самое, только… — он замялся, подыскивая подходящее слово, — только я был не так богат, как ты, иначе увяз бы еще глубже. — Он снова помолчал. — А может, и увяз, просто все произошло быстрее. Но благодаря твоим деньгам у тебя это может затянуться надолго. Поэтому остановись, иначе добром это не кончится. Тут уж без вариантов.

— По рукам, — поклялся я. — Как только решу проблему со спиной, тут же завяжу.

Стив одобрительно кивнул, правда, особого доверия в его глазах я не заметил.

— Поверю, когда увижу собственными глазами, — проворчал он.

Новехонький, перламутрово-белый, двенадцатицилиндровый «феррари», под капотом которого бесновался целый табун лошадей, взревел, словно истребитель F-15 на форсаже, когда я, вдавив педаль сцепления до отказа, рывком переключился на четвертую передачу. Я пулей промчался через северо-западную часть Квинса, влился в поток машин на Кросс-Айленд-Парквэй, выжимая на моей красавице сто двадцать миль в час и небрежно попыхивая зажатой в зубах сигареткой с марихуаной высочайшего качества. Направлялись мы прямиком в «Гранд-отель». Придерживая руль одним пальцем, я повернулся к перепуганной Герцогине.

— Держу пари, ты уже влюбилась в эту машинку!

— Черта с два! — рявкнула она. — Если ты сейчас же не сбросишь скорость и не вытащишь изо рта эту гадость, клянусь, я придушу тебя собственными руками! И никакого секса вечером, слышишь? Даже не мечтай!

Через пять секунд «феррари» покорно тащился со скоростью шестьдесят миль в час. Сигарету я тоже выкинул. В последний раз я занимался любовью с Герцогиней недели за две до рождения Картера, стало быть, добрых два месяца назад. Вообще-то, если уж совсем откровенно, после того как я увидел ее на родильном столе с бесстыдно расставленными ногами и зияющей между ними щелью, в которую смог бы протиснуться Джимми Хоффа, я вдруг поймал себя на том, что у меня напрочь отпало желание даже думать о сексе с женой. Я надеялся, что это пройдет, но учитывая, что моя дневная норма составляла дюжину таблеток кваалюда (это помимо кокса в количестве, способном заставить целый полк солдат не останавливаясь промаршировать из Квинса в Китай), неудивительно, что чуда не произошло.

А тут еще Герцогиня. Надо признать, слово она сдержала — хотя с Картером все было в порядке, Герцогиня была постоянно на взводе. Возможно, две ночи в «Плазе» поправят дело. Я оторвал взгляд от дороги.

— Знаешь, я согласен тащиться, как улитка, если ты пообещаешь, что нынешней ночью затрахаешь меня до смерти. Ну, по рукам?

— Идет, — по губам Герцогини скользнула улыбка. — Но сначала ты отвезешь меня в «Барнис», а потом — в «Бергдорф». После этого я в твоем распоряжении.

Да уж, хмыкнул я про себя, ночка будет еще та! Все, что от меня требуется, это пройти через две самые дорогие в городе камеры пыток, после чего, получив свободу, я смогу наконец отправиться домой. Разумеется, если не стану превышать скорость.

Служащие «Барнис» были настолько любезны, что ради нас временно закрыли для посетителей весь первый этаж. Я развалился в кресле, потягивая «Дом Периньон», пока Герцогиня занималась примеркой — с наслаждением крутилась перед зеркалом, видимо вообразив, что вновь вернулась на подиум. Где-то после шестого пируэта моему взгляду на миг представились стройные бедра, а через тридцать секунд я уже присоединился к Герцогине в примерочной. И, едва задернув шторку, тут же пошел в атаку. Еще через десять секунд я прижал ее спиной к стене — Герцогиня и глазом не успела моргнуть, как я задрал ей юбки до талии и одним рывком вонзился в нее. Забыв обо всем, мы стонали от наслаждения.

Два часа спустя, толкнув вращающуюся дверь, мы входили в отель «Плаза». Было около семи. Из всех отелей в Нью-Йорке я больше всего любил «Плазу» — даже несмотря на то, что владельцем отеля был Дональд Трамп. Вообще-то я очень уважаю Дональда; в конце концов, миллиардер, который способен пройтись по городу с гребаным вороньим гнездом на голове, которое он называет своей прической, и подцепить самую сногсшибательную женщину в мире, заслуживает уважения — глядя на таких, как он, начинаешь понимать, что такое по-настоящему влиятельный человек. Ну, как бы там ни было, по пятам за нами следовали двое посыльных, едва не падая под тяжестью дюжины фирменных пакетов, в которых было женских тряпок на добрых полторы сотни тысяч долларов. На левом запястье Герцогини поблескивали усыпанные бриллиантами часики от Картье, которые обошлись мне еще в 40 штук баксов. И вдобавок мы трижды занимались любовью в трех разных примерочных, а вечер еще только начался.

Но увы, стоило нам переступить порог «Плазы», как все тут же пошло наперекосяк. Стоявшая за стойкой довольно миловидная блондинка слегка за тридцать, завидев нас, приветливо заулыбалась.

— Добро пожаловать, мистер Белфорт! Не ожидала увидеть вас так скоро. Как замечательно, что вы решили снова навестить нас! — Она просто светилась счастьем.

Тем временем Герцогиня, отойдя чуть в сторонку, залюбовалась часиками — благодаря таблетке кваалюда, которую я уговорил ее проглотить, ее обычная зоркость слегка притупилась. Я перегнулся через стойку к блондинке и стал делать страшные гримасы: «Умолкни, женщина! Ты что, не видишь, я тут с женой! Так что заткни фонтан, иначе мне конец!»

— Мы оставили для вас ваш любимый номер на… — улыбаясь во весь

рот, щебетала блондинка, явно не замечая моих знаков.

— Отлично, — перебил я ее. — Где тут нужно расписаться… вот тут, кажется? Большое спасибо! — Схватив со стойки ключ от номера, я подтолкнул Герцогиню к лифту. — Пойдем, дорогая. Я уже соскучился по тебе.

— Хочешь снова? — хихикнула она. — Неужели ты уже готов?

Я мысленно похвалил себя, что додумался вовремя скормить ей таблетку — на трезвую голову Герцогиня мигом сообразила бы, что дело тут нечисто. Зато сейчас — просто красота: стоит себе, покачиваясь, и пытается собрать глаза в кучку.

— Шутишь? — промурлыкал я. — Для тебя я всегда готов!

И тут, как на грех, к нам кинулся портье-лилипут, достопримечательность отеля, в своей зеленой курточке с золотыми пуговицами и такой же шапочке смахивающий на веселого гнома.

— Добро пожаловать! — прокаркал он.

Я с вымученной улыбкой кивнул ему в знак приветствия, продолжая незаметно, но энергично подталкивать Герцогиню к лифту. Двое посыльных, нагруженные пакетами, следовали за нами, как тени, — я потребовал, чтобы все покупки доставили в номер, заявив, что желаю увидеть ее во всем новом.

Окинув взглядом номер, я забрал у посыльных пакеты, вручил каждому по стодолларовой купюре и велел держать язык за зубами. Не успела дверь за ними захлопнуться, как мы с Герцогиней, запрыгнув на огромную, королевских размеров кровать, принялись кататься по ней, смеясь и радуясь, как дети. И вдруг зазвонил телефон.

Оцепенев, мы испуганно уставились на него. У меня сжалось сердце — ни одна живая душа не знала, что мы здесь, за исключением Джанет и матери Надин, которая пообещала присматривать за Картером, пока нас не будет. *Господи!* Я нутром чувствовал, что случилась беда. После третьего звонка я с трудом разлепил внезапно пересохшие губы.

— Возможно, это с ресепшн, — просипел я. И снял трубку.

— Алло?

— Джордан, это Сьюзен. Вам с Надин нужно вернуться домой. Срочно. У Картера высокая температура… и он вообще не шевелится.

Я покосился на Герцогиню. Она впилась в меня глазами, пытаясь понять, что произошло. А я не знал, что сказать. В последние шесть недель она была на грани нервного срыва. Смерть нашего сына станет для нее страшным ударом.

— Мы должны немедленно вернуться домой, дорогая. У Картера

подскочила температура. Твоя мама сказала, что он даже пошевелиться не может.

Моя жена не заплакала — просто закрыла глаза, крепко сжала губы и пару раз молча кивнула. Это был конец… и мы оба это знали. По какой-то неведомой нам причине Господь не хотел оставить с нами это невинное дитя. Почему? На этот вопрос у меня не было ответа. Но сейчас на слезы просто не было времени. Нужно было поскорее вернуться домой, чтобы успеть попрощаться с нашим мальчиком.

У нас еще будет время поплакать. У нас будет целая вечность.

На обратном пути я выжимал из «феррари» сто двадцать миль в час. Правда, на этот раз Герцогиня реагировала совершенно иначе.

— Быстрее! Ну, пожалуйста! Нужно отвезти его в больницу, пока еще не поздно!

Молча кивнув, я вдавил в пол педаль газа, и «феррари» полетел стрелой. Через три секунды стрелка спидометра добралась до отметки 140 миль, переползла ее и продолжала двигаться дальше — остальные машины, ехавшие со скоростью жалких семьдесят миль в час, казалось, застыли на месте. Вцепившись в руль, я понять не мог, почему не сказал Сьюзен, чтобы она как можно скорее отвезла Картера в больницу… вероятно, это было как-то связано с подсознательным желанием в последний раз увидеть его дома.

Я и глазом не успел моргнуть, как «феррари» уже свернул на подъездную дорожку. Хлопнула дверца — не дожидаясь, когда я остановлю машину, Герцогиня бегом бросилась к дому. Я в оцепенении смотрел на часы — на них было 7:45 вечера. Обычно дорога из отеля занимала сорок пять минут — сегодня я уложился в семнадцать.

Пока мы, сломя голову, мчались домой, Герцогиня успела позвонить врачу Картера — прогноз оказался настолько мрачным, что у меня сжалось сердце. В возрасте Картера высокая температура, сопровождаемая такой сильной слабостью, когда малыш не в силах пошевелиться, может означать только одно — цереброспинальный менингит, воспаление оболочки спинного мозга. По словам доктора, он бывает двух типов, бактериальный и вирусный. И тот и другой грозили смертью, разница была лишь в том, что если менингит вирусный и если удастся захватить болезнь в самом начале, то у Картера еще остается пусть и крохотный, но шанс поправиться полностью. А вот если речь идет о бактериальном менингите, тогда дело плохо. Даже если Картер выживет, то на всю жизнь останется слепым, глухим и, что ужаснее всего, слабоумным. Мне было страшно даже думать

об этом.

Я всегда гадал, как родителям удается любить таких детей. Мне случалось видеть детей с задержками развития. Зрелище было душераздирающее — невозможно смотреть, как несчастные родители стараются хоть как-то скрасить жизнь бедного малыша, у меня просто сжималось сердце. А та беспредельная любовь и терпение, с которым они относились к детям, несмотря ни на что — ни на обращенные в их сторону взгляды, ни на чувство вины, которое наверняка не давало им покоя! Непосильная ноша, которую бедняги вынуждены были нести до конца своих дней, — это неизменно вызывало у меня благоговение и уважение.

Способен ли я на нечто подобное? Хватит ли у меня сил терпеливо и достойно нести этот крест? Проще простого сказать: «Да, конечно!»… но так ли это на самом деле? Полюбить ребенка, которого ты толком даже не сможешь узнать, с которым вас, по сути, ничто не будет связывать… Оставалось только молиться, что Господь пошлет мне силы стать человеком, который на это способен, — *хорошим* человеком и по-настоящему сильным. В то, что Герцогине это по силам, у меня не было ни малейших сомнений. С самого первого дня между моей женой и Картером возникла тесная связь. Как у меня с Чэндлер — с того самого времени, как она подросла настолько, чтобы я мог воспринимать ее как личность. И сейчас, когда у нее было какое-то горе, она неизменно звала на помощь папу.

Зато Картера, хотя ему не было еще и двух месяцев, связывали какие-то мистические узы с Надин. Одно ее присутствие, казалось, действует на него успокаивающе — оказавшись у нее на руках, малыш тут же начинал улыбаться, словно чувствуя, что теперь, когда мама рядом, все будет хорошо. Когда-нибудь, мечтал я, наблюдая за ними, я тоже постараюсь сблизиться со своим сыном… если Господь даст мне такую возможность.

К тому времени, как я ворвался в дом, Герцогиня уже держала на руках завернутого в голубое одеяльце Картера. Ночной Рокко подогнал «роллс-ройс» ко входу и был готов мчаться в больницу. Пока мы с Герцогиней бежали к машине, я украдкой дотронулся до макушки Картера и с испугом отдернул руку. Он буквально горел. Правда, он все еще дышал, хоть и с трудом. Но не двигался — возможно, впал в беспамятство.

Мы с Герцогиней уселись сзади, Сьюзен поспешно юркнула на переднее сиденье рядом с водителем. Рокко, в прошлом детектив полиции Нью-Йорка, гнал машину, не обращая внимания ни на светофоры, ни на стрелку спидометра. И в данных обстоятельствах мне и в голову не пришло бы сделать ему замечание. По дороге в больницу я попытался дозвониться

с мобильного доктору Грину во Флориду — к несчастью, его не оказалось дома. Тогда я позвонил родителям — попросил их ждать нас в больнице Норт-Шор в Манхессете, до которой мы могли бы добраться на пять минут раньше, чем до Еврейской больницы Лонг-Айленда. Все остальное время мы сидели в молчании… слез по-прежнему не было.

Едва «роллс-ройс», взвизгнув тормозами, остановился у входа в приемный покой, мы бегом бросились внутрь. Впереди, держа Картера на руках, мчалась Герцогиня. Лечащий врач Картера уже позвонил туда, так что нас ждали. Мы вихрем промчались через приемный покой, забитый людьми с усталыми, ничего не выражающими лицами. Через минуту Картер уже лежал на столе — чья-то рука поспешно протерла его тельце ваткой с какой-то жидкостью, от которой несло спиртом.

— Похоже, спинальный менингит, — бросил нам моложавый доктор с кустистыми бровями. — Нужно сделать малышу спинномозговую пункцию, но для этого требуется ваше согласие. Риск невелик, но всегда существует возможность инфекции или…

— Делайте же эту чертову пункцию! — рявкнула Герцогиня.

Доктор невозмутимо кивнул, по-видимому нисколько не обиженный тоном моей жены. Впрочем, она имела на это полное право.

А потом оставалось только ждать. Сколько времени прошло, десять минут или два часа, трудно было сказать. Потом температура у Картера вдруг упала, после чего он принялся плакать. Точнее, это был даже не плач, а крик — высокий, пронзительный крик, который невозможно описать и от которого мурашки ползли по спине. Ежась, я гадал, неужели все дети кричат так, когда чувствуют, что у них отбирают жизнь… кричат, как будто в смертной тоске, догадываясь об участи, которая их ждет, и не в силах смириться с ней.

Мы с Герцогиней сидели в приемной, прижавшись друг к другу, отчаянно надеясь на чудо. Рядом, так же молча, сидели мои родители и Сьюзен. Сэр Макс метался взад и вперед по приемному покою, отчаянно дымя сигаретой и не обращая внимания на табличку «Не курить» на стене, — я мысленно пожалел того, кому хватит смелости сделать ему замечание. Моя мать, сидевшая рядом со мной, тихо плакала. Я украдкой покосился на нее и вздохнул — она в жизни своей не выглядела так ужасно. Сьюзен, на время забыв свои теории заговоров, жалась к дочери. Ничего удивительного: одно дело, когда ребенок рождается с дыркой в сердце — ведь дырку можно заштопать. И совсем другое, когда впереди маячит перспектива, что этот самый ребенок до конца жизни останется слепым, глухим и умственно отсталым.

Не успел я подумать об этом, как двери раздвинулись и на пороге приемной появился одетый в зеленую больничную робу доктор. Выражение лица у него было непроницаемое. Мы с Герцогиней, сорвавшись с места, ринулись к нему.

— Мне очень жаль, мистер и миссис Белфорт, — вздохнул врач, — спинномозговая пункция дала положительный результат. Так что у вашего сына менингит. И…

— Бактериальный или вирусный? — перебил я его. Схватив жену за руку, я мысленно взмолился, чтобы он ответил: «Вирусный».

Доктор немного помолчал. Потом вздохнул и посмотрел нам в глаза.

— Бактериальный, — печально сказал он. — Мы все молились, чтобы он оказался вирусным, но тест подтвердил наши наихудшие подозрения, — доктор сделал еще один глубокий вздох. — Правда, нам удалось сбить Картеру температуру, так что, похоже, он справится. Увы, при бактериальном менингите центральной нервной системе часто наносится непоправимый урон. Пока еще слишком рано говорить, насколько сильный ущерб нанесен в данном случае и что именно пострадало, но обычно менингит влечет за собой потерю слуха и зрения и… — доктор замялся, как будто подыскивая подходящее слово, — …и некоторую задержку в развитии. Мне очень жаль. Как только пройдет острый период, мы подключим специалистов, чтобы определить, насколько велик ущерб. А сейчас все, что мы можем, — это давать ему большие дозы антибиотиков, чтобы убить инфекцию. На данном этапе мы даже не можем определить, о какой бактерии идет речь; пока можно сказать только, что речь идет о каком-то чрезвычайно редком, нетипичном для менингита возбудителе. Мы связались с заведующим инфекционным отделением — он уже едет в больницу.

— Как он сейчас? — оглушенный всем этим, спросил я.

— Пока трудно сказать, — пожал плечами доктор. — Мы перевели его в бокс на пятом этаже. И будем держать там, пока не сможем определить, о какой именно инфекции идет речь. Пустить к нему мы можем только вас и вашу жену.

Я покосился на Герцогиню — она стояла, приоткрыв рот и уставившись невидящим взглядом куда-то в угол. А потом, потеряв сознание, тяжело осела на пол.

Мы отправились наверх, на пятый этаж, и там началось какое-то безумие. Картер размахивал руками, извивался всем телом и пронзительно вопил — ему вторила метавшаяся из угла в угол Герцогиня. Лицо ее

посерело, из глаз ручьем лились слезы.

— Мы пытаемся поставить вашему сыну капельницу, — объяснил один из докторов, — но он слишком беспокоен. В этом возрасте и так трудно отыскать вену, так что у нас нет другого выхода, кроме как ввести иглу прямо в череп. Другого способа нет. — Это было сказано чрезвычайно авторитетным тоном, и в голосе доктора мне почудилось некоторое раздражение.

Герцогиня бросилась на него, как разъяренная тигрица.

— Ты, сукин сын! Ты хоть знаешь, кто мой муж, ублюдок? А ну, живо, найди эту чертову вену, или я прикончу тебя собственными руками — еще до того, как мой муж заплатит кому-нибудь, кто сделает это за меня!

Доктор, приоткрыв от ужаса рот, словно примерз к полу. Неудивительно, он же еще не имел чести быть представленным Герцогине Бэй-Риджской.

— Какого черта вы ждете?! Идите! — рявкнула она.

Доктор, машинально кивнув, ринулся к кроватке, на которой лежал Картер, схватил крохотную ручонку и принялся лихорадочно искать вену.

И вдруг у меня зазвонил мобильник.

— Да, — безжизненным голосом сказал я в трубку.

— Джордан, это Барри Грин. Только что получил твое сообщение. Мне очень жаль. Послушай, они уверены, что речь идет о бактериальной инфекции?

— Да, — ответил я. — Уверены. Сейчас как раз пытаются поставить ему капельницу, сказали, что станут накачивать его антибиотиками. Но Картер как будто с ума сошел — извивается, визжит, размахивает руками, брыкается…

— Так-так-так, — перебил меня Барри Грин. — Руками, говоришь, размахивает?

— Ну да. Говорю же, он словно бешеный — с той самой минуты, как им удалось сбить температуру. Как будто малыш одержим дьяволом, честное слово!

— Спокойно, Джордан. Успокойся. Нет у твоего сына никакого менингита — ни вирусного, ни бактериального. Потому что если бы он был, то черта с два им удалось бы сбить ему температуру. И сейчас он бы не брыкался, а лежал, как бревно. Скорее всего, парнишка просто сильно простудился. У малышей в этом возрасте частенько вот так вдруг подскакивает температура. Не переживай, думаю, к утру он уже оклемается.

Я пришел в бешенство. Как у него язык поворачивается с такой

непостижимой легкостью дарить нам надежду, которая может не сбыться? Он ведь даже не видел Картера! Да и пункция дала положительный результат — врачи сказали, что трижды все проверили. Я сделал глубокий вдох, пытаясь взять себя в руки.

— Послушай, Барт, я понимаю, что ты стараешься поддержать меня, и поверь, я очень тебе благодарен. Но результаты спинномозговой пункции подтверждают, что у него…

Но Барт снова не дал мне договорить.

— Плевать мне на то, что там говорят эти уродские анализы! Голову даю на отсечение, что они там опять что-то напутали с образцами! Вечно одна и та же история — привыкли иметь дело с переломами да огнестрельными ранениями, а чуть что посложнее, так мигом садятся в лужу. То, что они тебе рассказывают, просто ни в какие ворота не лезет! Вопиющая некомпетентность!

Я услышал в трубке тяжелый вздох.

— Послушай, Джордан, ты ведь знаешь, что я каждый день имею дело со спинальным параличом, так что мне не впервой сообщать дурные новости. Но то, что я услышал от тебя… у меня просто слов нет! Мать вашу, твой малыш всего лишь простудился! Поверь мне!

Я был потрясен. Сказать по правде, я в жизни своей не слышал, чтобы Барт Грин употреблял подобные выражения — вплоть до этого дня. Возможно ли, чтобы он оказался прав? Мог ли он, сидя у себя во Флориде, поставить более точный диагноз, чем целая команда врачей, в распоряжении которых было самое современное оборудование? Я молчал.

— Передай трубку Надин! — непререкаемым тоном потребовал Барт.

Я сунул телефон Герцогине:

— Это Барт. Утверждает, что с Картером все в порядке и что здешние доктора просто спятили, если поставили ему такой диагноз.

Она выхватила у меня телефон. Пока они разговаривали, я подошел к кроватке и принялся разглядывать мальчика. Доктора все-таки умудрились поставить ему капельницу, и он наконец успокоился — перестал вопить и только жалобно похныкивал и ерзал, как будто ему было неудобно лежать. Какой же он очаровательный, с горечью думал я. И эти ресницы… Густые, длинные.

Подойдя к кроватке, Герцогиня нагнулась и пощупала лобик Картера.

— Холодный, — немного смущенно пробормотала она, словно не веря собственным глазам. — Неужели они все ошиблись? А как же результаты пункции?

— Почему бы нам не поспать немного? — обняв Герцогиню, я крепко

прижал ее к себе. — Будем дежурить возле него по очереди, а? Чтобы Чэнни не оставалась одна.

— Нет, — отрезала Герцогиня. — Я не уйду отсюда без сына. И плевать, даже если мне придется торчать тут целый месяц! Больше я никогда его не оставлю, слышишь?

Моя жена сдержала слово — целых три дня она безотлучно просидела у кроватки Картера, ни на минуту не покидая комнату. Вечером третьего дня мы сидели в лимузине, который вез нас обратно в Олд-Бруквилл — с Картером Джеймсом Белфортом на руках. В ушах у нас музыкой звучала прощальная фраза извиняющегося врача: «Результаты анализов случайно оказались загрязненными». Я вдруг поймал себя на том, что хочу пасть перед доктором Бартом Грином на колени.

Я своими глазами видел, как он вывел Эллиота Лавиня из комы — именно тогда судьба свела нас в первый раз. И вот теперь, спустя восемнадцать месяцев, он совершил еще одно чудо. Приятно было знать, что, когда я лягу на операционный стол, именно он будет стоять возле меня со скальпелем в руке. Теперь я верил, что с моей спиной все будет в порядке. Что моя жизнь снова станет прежней.

И тогда я наконец смогу сказать наркотикам «нет».

Глава 33

Отсрочка приговора

(Тремя неделями позже)

Не могу точно сказать, во сколько я очнулся после наркоза. Но это было 15 октября, и время уже явно перевалило за полдень. Помню, как открыл глаза, как с трудом пробормотал что-то вроде: «Ох, мать твою! Ну и паршиво же мне!» — и вдруг меня неожиданно стало рвать кровью, и всякий раз стреляющая боль, разрывая мое тело, эхом отдавалась в спине. Я лежал в палате реанимации манхэттенской больницы клинической хирургии, подключенный к капельнице, из которой, стоило мне только нажать на кнопку, в мою кровь поступал чистый морфин. Помню, как расстроился, поймав себя на мысли, что впервые словил кайф, не нарушая закон, — и все, что для этого нужно было, это лечь под нож.

Надо мной склонилась Герцогиня.

— Ты чудесно справился, дорогой! — воскликнула она. — Барт сказал, что с тобой все будет в порядке! — Я кивнул и вновь погрузился в навеянное морфином забытье.

А потом я вдруг непонятно как оказался дома. Думаю, это случилось где-то через неделю, хотя в голове у меня по-прежнему стоял туман и дни были похожи один на другой. Алан-Химик не подкачал — в первый же день моего пребывания дома завез мне пятьсот таблеток кваалюда. Ко Дню благодарения от них осталось одно воспоминание. Это был своего рода рекорд, и я был немало горд им — ну еще бы, лопать в среднем по 18 таблеток в день, и это при том, что хватило бы одной, чтобы вырубить часов на восемь какого-нибудь морского пехотинца в добрых двести фунтов весом!

Заехал Сапожник — проведать меня, а заодно сообщить, что вопрос с Делукой можно считать улаженным. Они поговорили, и Делука согласился уйти по-тихому при условии, что за ним останется небольшой пакет акций. Следом появился и сам Гэри Делука — и поклялся, что в один прекрасный день подстережет Сапожника в темном переулке и замочит гаденыша. Заскочил Дэнни — сказал, что отказался от сделки с властями, так что впереди нас точно ждут Двадцать Лет Безоблачного Неба. Потом прибыл Вигвам — сообщил, что Дэнни утратил всякую связь с реальностью, мол, никакой сделки с властями не было и в помине, а он, Вигвам, бегает с высунутым языком в поисках новой брокерской фирмы, в которой он бы

мог пристроиться, как только «Стрэттон» накроется медным тазом.

Пока «Стрэттон» катилась вниз по наклонной плоскости, дела у «Билтмор» и «Монро Паркер» стремительно шли в гору. К Рождеству они оборвали все связи со «Стрэттон», хотя по-прежнему продолжали регулярно выплачивать мне «авторские» — по миллиону каждый месяц. Каждые две недели заезжал Шеф — сообщить, как продвигается дело Патриции Меллор, — правда, до конца истории было еще далеко. Наследники тети Патриции, Тиффани и Джули, теперь были вынуждены иметь дело с налоговой службой, британским аналогом службы внутренних доходов. Поговаривали, что этим делом заинтересовалось ФБР, однако никаких обвинений пока не было выдвинуто и повесток они не получали. Шеф уверял, что все в конце концов утрясется. Он, мол, находится в тесном контакте с Директором Подделок, которого поочередно допрашивали сначала швейцарские власти, а потом и американские — и он скормил им историю, которую мы состряпали специально для этого случая, и все прошло гладко. В результате агент Коулмэн окончательно зашел в тупик.

Помимо все этого оставалась еще семья: Картер после весьма бурного начала жизни решил дать родителям передышку и быстро превратился в здоровенького крепыша. Это был очаровательный малыш — густая шевелюра светлых, словно лен, волос, огромные голубые глаза и потрясающие ресницы, длиннее которых я в жизни своей не видел. Чэндлер, нашей гениальной дочери, стукнуло два с половиной года, и она просто обожала младшего братишку. Она полностью вошла в роль любящей мамочки — кормила Картера из бутылочки и давала советы и наставления Гвинн и Эрике, пока те меняли ему памперсы. И пока я курсировал между королевских размеров кроватью в нашей спальне и кушеткой в гостиной, пока предавался приятному безделью, пялился в телевизор и глотал кваалюд, компанию мне составляла Чэндлер. Под конец дочка превратилась в настоящего эксперта по части распознавания, что это я там бормочу заплетающимся языком, — это наверняка здорово поможет ей, если когда-нибудь придется выхаживать больных после инсульта. Как бы там ни было, большую часть дня она изводила меня вопросами, требуя точно сказать, когда же я наконец поправлюсь, чтобы снова играть с ней в «лошадки». Я поклялся, что ждать этого осталось недолго, хотя сильно сомневался, что смогу когда-нибудь снова носить ее на плечах.

Герцогиня была изумительна — вначале. Но когда День благодарения плавно сменился Рождеством, а Рождество — Новым годом, она стала терять терпение. Я до сих пор был вынужден носить жесткий корсет — из-

за него меня то и дело заносило и швыряло о стену; в конце концов я пришел к выводу, что, как муж, имею полное право время от времени прижимать к стене и жену. К счастью, необходимость носить корсет была наименьшей из проблем — хуже было то, что боль стала еще острее, чем до операции. Но теперь меня мучила не только старая боль, к которой я успел понемногу привыкнуть, — к ней добавилась еще и новая, мучительнее прежней, вгрызавшаяся, казалось, в каждый позвонок. Любое резкое движение причиняло такие мучения, что у меня глаза лезли на лоб. Доктор Грин твердил, что со временем это пройдет, но мне с каждым днем становилось все хуже.

К началу января я окончательно скис — и тут Герцогиня, потеряв терпение, решила, что пора вмешаться. Моя жена заявила, что самое время снизить дозу и хотя бы попытаться вернуться к нормальной жизни. В ответ я принялся ныть, что промозглый нью-йоркский январь, дескать, весьма вреден в моем преклонном возрасте (целых 33 года!). В конце концов, напомнил я, в старости кости становятся чрезвычайно хрупкими. Жена предложила перебраться на зиму во Флориду — фыркнув в ответ, я заявил, что во Флориду ездят только дряхлые старики и что несмотря на дряхлое тело в душе я все еще юн и полон сил.

В конце концов Герцогиня взяла все в свои руки — опомнившись, я с удивлением обнаружил себя в Беверли-Хиллс, откуда открывался великолепный вид на Лос-Анджелес. Не успел я и глазом моргнуть, как оказался — за ничтожную сумму в 25 тысяч в год — временным обладателем роскошного особняка Питера Мортона, местной рок-звезды, и принялся устраиваться на зиму. Разумеется, амбиции тут же напомнили о себе, был нанят модный дизайнер — события развивались стремительно, и к тому времени, как мы въехали в новый дом, вбухав не меньше миллиона в новую обстановку, все было устроено по нашему вкусу. Единственная проблема — особняк был чудовищно огромный, добрых 30 000 квадратных футов, так что я начал серьезно подумывать, не обзавестись ли мне скутером на случай, если вдруг понадобиться добраться из одного конца дома в другой.

И еще одно: уже пару дней спустя я убедился в очевидном: Лос-Анджелес — всего лишь тень Голливуда, его скромный пригород, так сказать. Так что дело кончилось тем, что я наскреб пару миллионов и занялся производством фильмов. Потребовалось целых три недели, чтобы понять, что все в Голливуде (включая и меня самого) слегка тронутые — излюбленным занятием тут был *ланч.* Моими партнерами в киноиндустрии стала семейка узколобых евреев родом из Южной Африки, в свое время

вложивших немало денег в фирму «Стрэттон». Все они были любопытными персонажами, с пухлыми, как у пингвинов, телами и острыми, словно шило, носами.

На третьей неделе мая я наконец избавился от корсета. Фантастика! Боль оставалась все еще острой, зато теперь мне на помощь пришла физиотерапия. Может, хоть это поможет, с надеждой думал я. Но скоро такая жизнь меня задолбала — через неделю я уже ковылял с палочкой по Нью-Йорку. Еще неделю я кочевал по больницам, проходил тест за тестом, уже смирившись, что прогноз каждый раз будет неутешительным. По словам Барта, я страдал от дисфункции той системы, которая отвечала за купирование болевого синдрома в моем теле; с точки зрения механики с моим позвоночником все было в порядке — во всяком случае, не было ничего такого, что можно было бы исправить с помощью операции.

Что ж, справедливо, думал я. Итак, выбор у меня невелик — только заползти на свою чудовищных размеров кровать и тихо сдохнуть. Проще всего было бы устроить себе передоз — во всяком случае, таблеток для этого у меня было более чем достаточно. Правда, тут тоже были варианты. Моя обычная дневная доза включала: 90 миллиграммов морфина (от боли), 40 миллиграммов оксикодона (до кучи), дюжину таблеток сомы (для снятия мышечного спазма), 8 миллиграммов ксанакса (для снятия тревоги и беспокойства), 20 миллиграммов клонопина (очень солидно звучит название), 30 миллиграммов амбиена (от бессонницы), 20 таблеток кваалюда (мне просто нравится кваалюд), грамм или даже два кокаина (просто чтобы поставить мозги на место), 20 миллиграммов прозака (от депрессии), 10 миллиграммов паксила (для подавления приступов паники), восемь миллиграммов зофрана (от тошноты), 200 миллиграммов фиоринала (от головной боли), восемь миллиграммов валиума (чтобы привести в порядок нервы), две столовые ложки сенокота (от запоров), 20 миллиграммов салагена (от сухости во рту) и напоследок пинта односолодового виски, чтобы пропихнуть все это в желудок.

Спустя месяц я в полубессознательном состоянии валялся на кровати, и вернул меня к реальности голос Джанет, пытавшейся дозвониться до меня по внутреннему телефону.

— Вас спрашивает Барт Грин, — сообщила она. — Он на первой линии.

— Спросите, что ему нужно, — пробормотал я. — Я на совещании.

— Очень смешно, — дерзко фыркнула Джанет. — Доктор Грин говорит, что у него к вам срочное дело. Так что либо вы возьмете трубку, либо я сама приду к вам и сделаю это за вас. Но предварительно спущу весь ваш кокс в унитаз.

На мгновение я онемел. Откуда ей все известно? Я обшарил комнату взглядом в поисках скрытой камеры и, естественно, ничего не обнаружил. Неужели Герцогиня и Джанет шпионят за мной? С ума сойти. Тяжело вздохнув, я сунул флакон с порошком в карман, обреченно снял трубку и угасающим голосом прошептал в нее:

— Привет!

— Привет, Джордан, — в голосе Барта слышалось сочувствие. — Как ты там?

— Как нельзя лучше, — прокаркал я. — А ты как?

— О, я отлично, — успокоил меня добрый доктор. — Послушай, я не звонил тебе в последние дни, зато мы постоянно общались с Надин. Так вот, она беспокоится о тебе. Говорит, что ты неделями не выходишь из комнаты.

— Нет, нет, — пробормотал я. — Со мной все прекрасно. У меня просто открылось второе дыхание.

На минуту в трубке повисло молчание. Потом я снова услышал голос Барта:

— Как ты себя чувствуешь, Джордан? Я имею в виду, *на самом деле?*

— Хочешь услышать правду, Барт? — Я тяжело вздохнул. — Так вот, я сдаюсь. Мне конец. Я больше не в состоянии терпеть эту боль… Знаю, это не твоя вина, и не думай, я не держу на тебя зла. Я понимаю, ты сделал все, что в твоих силах, — возможно, это просто расплата за мои прошлые грехи. Как бы там ни было, сейчас это уже неважно.

Но Барт не стал меня слушать.

— Возможно, ты просто *хочешь* сдаться, Джордан, но я — *я* сдаваться не собираюсь! И не сдамся, пока ты не поправишься полностью. А ты *поправишься*! И поэтому ты прямо сейчас стащишь свою задницу с кровати, пойдешь в детскую и хорошенько посмотришь на своего сына и дочку! Может, у тебя и нет сил бороться ради себя самого — тогда как насчет того, чтобы сделать это ради них? Иначе твоим детям суждена безотцовщина — это я так, на тот случай, если ты об этом забыл. Кстати, когда ты в последний раз с ними играл?

Глаза у меня защипало. Я попытался справиться с собой, но тщетно.

— Я больше не могу, — шмыгая носом, пробормотал я. — Боль просто адская, Барт. Она вгрызается в мои кости. Я не хочу больше так жить. Эх, знал бы ты, как я скучаю по Чэндлер… а Картера я ведь даже не успел толком узнать! Но эта боль… она не отпускает меня ни на минуту. Разве что когда я только открою глаза. А потом она снова наваливается на меня и терзает так, что хочется выть. Я уже все перепробовал, только все без

толку.

— Именно поэтому я и звоню, — перебил меня Барт. — Появилось новое средство, которое я и собираюсь попробовать на тебе. Это не наркотик, к нему не возникает привыкания, и у него нет побочных эффектов. Результаты просто ошеломляющие — я хочу сказать, в случаях, подобных твоему, когда затронута нервная система.

Он немного помолчал, потом глубоко вздохнул:

— Слушай меня внимательно, Джордан. Фактически с твоей спиной все в порядке. Сращение прошло отлично. Проблема в том, что где-то был задет нерв и он отказал — или, точнее, дает о себе знать без всякой на то причины. У здорового человека боль служит своего рода предупреждением, давая телу понять, что что-то не в порядке. Но иногда, обычно после серьезной травмы, случается нечто вроде короткого замыкания. В этом случае нервные окончания продолжают подавать сигнал даже после того, как процесс выздоровления завершен. Сильно подозреваю, что это как раз твой случай.

— И о каком лекарстве речь? — с изрядной долей скепсиса в голосе поинтересовался я.

— Обычно его назначают при эпилепсии для предотвращения припадков, но иногда оно помогает и при хронической боли. Не хочу тебе врать, Джордан, — на быстрый эффект не стоит рассчитывать. Препарат еще не получил одобрения Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения в качестве обезболивающего средства, так что тебе предстоит стать одним из первопроходцев. Я уже заказал его — через час оно будет у тебя.

— Как оно называется?

— Ламиктал, — ответил Барт. — Как я уже сказал, побочных эффектов нет, поэтому ты вряд ли даже заметишь разницу. Прими две пилюли перед сном, и посмотрим, что будет.

На следующее утро я проснулся около половины девятого — как обычно, один в своей огромной постели. Герцогиня, скорее всего разъяренная, как ведьма, уже отправилась в конюшню. К полудню она вернется, все еще возмущенно фыркая и ворча себе под нос, после чего спустится вниз и займется тем, что станет придумывать себе новые наряды. Их у нее уже столько, что в один прекрасный день она сможет открыть небольшой магазин.

Итак, я лежал, тупо разглядывая немыслимо дорогой балдахин из белого шелка над кроватью, и покорно ждал, когда же вернется боль. И

думал, что вот уже шесть лет, как я терплю эту пытку. Странно, лениво подумал я, в левой ноге все еще не стреляет… и жжения в нижней части тела тоже как будто нет. Я осторожно спустил ноги с постели и медленно встал, подняв руки над головой. И *ничего* не почувствовал. Сделал несколько наклонов — по-прежнему *ничего*. Нет, боль не стала меньше — ее просто не было!. Ощущение было такое, словно кто-то повернул выключатель и отключил ее. Боль просто-напросто *исчезла.*

И вот я просто стоял там в одних трусах и ждал. Сколько прошло времени, не знаю. А потом я опустился на пол, уронил голову на край матраса и заплакал. Эта боль украла у меня шесть лет жизни, три из которых были настолько мучительны, что я буквально чувствовал, как она высасывает из меня все силы. Из-за нее я стал наркоманом. Погрузился в депрессию. Делал такое, на что никогда не решился бы в нормальном состоянии. Если бы не мое пристрастие к наркотикам, я бы никогда не утратил контроль над «Стрэттон».

Разве не они стали причиной многих моих дурных поступков? Не будь я под кайфом, стал бы я спать с проститутками? Могло ли мне прийти в голову прятать деньги в швейцарском банке? И уж конечно, я бы никогда не допустил, чтобы продажи у «Стрэттон» стремительно пошли вниз. Спохватившись, я мысленно одернул себя. Конечно, было бы заманчиво свалить все на наркотики, но, как это ни печально, пришлось признать, что во многом виноват я сам. Оставалось утешаться тем, что с этой минуты я постараюсь жить честно — и начну с того, что займусь «Стив Мэдден Шуз».

Не успел я принять это решение, как дверь распахнулась. На пороге стояла Чэндлер.

— Доброе утро, папочка! Пришла поцеловать, где у тебя бо-бо, — нагнувшись, она чмокнула меня пониже спины, сначала с одной стороны, потом с другой, после чего прижалась губами к моей пояснице, чуть повыше того места, где красовался шрам.

Я уставился на свою дочь. Когда же она успела вырасти? Пока я пребывал в наркотическом забытьи, Чэндлер успела распроститься с памперсами. Личико ее утратило младенческую пухлость, и хотя ей не было еще и трех, разговаривала она совсем не так, как обычно разговаривают дети в ее возрасте. Сморгнув слезы, я улыбнулся.

— А знаешь, малышка, вот ты поцеловала, где у папы было бо-бо, и все прошло!

— Правда? — спросила Чэндлер, недоверчиво округлив глаза.

— Да, малышка. Чистая правда, — подхватив дочку под мышки, я

поднялся на ноги и со смехом подбросил ее вверх. — Видишь? У папы больше ничего не болит. Ну, разве не здорово?

— И ты снова будешь играть со мной во дворе? — все еще не веря, спросила она.

— Ну, конечно, а как же? — Я закружил ее по воздуху. — С этого самого дня я буду играть с тобой каждый день, обещаю! Но сначала давай найдем мамочку и порадуем ее новостями!

— А ее нет, папочка, — уверенным тоном заявила Чэндлер. — Она катается на Липеаре.

— Да? Ну что ж, в следующий раз составлю ей компанию. А сейчас пойдем отыщем Картера, идет? — Чэндлер радостно согласилась, и мы отправились на поиски Картера.

Увидев меня, Герцогиня буквально рухнула с лошади. В полном смысле этого слова. Лошадь дернулась в одну сторону, она — в другую, и вот она уже лежит на земле, кашляя и отплевываясь. Я поведал ей о своем чудесном исцелении, и мы радостно поцеловались. Это был чудесный, блаженный миг. А потом у меня вдруг вырвалось:

— Давай возьмем отпуск и проведем его на яхте. Отдохнем немного, расслабимся…

Но почему в этих словах прозвучала такая ирония?

Глава 34

Испорченный отпуск

О*, яхта «Надин»!* Несмотря на все мое презрение к этой чертовой посудине и тайное желание полюбоваться, как она пойдет ко дну, я был вынужден, хоть и неохотно, признать, что есть нечто весьма сексуальное в том, что можно беззаботно качаться на голубых волнах Средиземного моря, чувствуя под ногами палубу 170-футовой яхты. А если уж честно, то вся наша компания: мы с Герцогиней и шестеро наших самых близких друзей — уже предвкушала, как станет наслаждаться жизнью в нашем плавучем дворце.

Естественно, никто не отправится в подобное путешествие, не позаботившись о провианте, поэтому вечером накануне отъезда я попросил Роба Лоруссо, одного из моих ближайших друзей, пополнить мой запас наркоты. Роб идеально подходил для подобного задания — и не только потому, что он собирался отправиться на яхте вместе с нами, но, главное, нам с ним в этом смысле было что вспомнить. Например, как мы добрых три часа, как безумные, гонялись за грузовичком экспресс-почты «Федерал Экспресс», отчаянно пытаясь найти потерянную посылку с кваалюдом.

Я знал Роба почти пятнадцать лет и, не боюсь этого слова, боготворил его. Мой ровесник, Роб был владельцем небольшой семейной ипотечной фирмы, в которой служащие «Стрэттон» брали кредиты. Подобно мне, Роб успел прочно подсесть на наркоту и к тому же обладал непревзойденным чувством юмора. Он не был красив — лет сорока пяти, полноватый, с мясистым, как у большинства итальянцев, носом и вялым подбородком, — но несмотря на это, женщины его обожали. Роб принадлежал к той редкой породе людей, которые непринужденно подсаживаются к компании красоток, которых они до этого дня в глаза не видели, пьют, рыгают, громко портят воздух, а те лишь восторженно закатывают глаза и лепечут:

— О, Роб, ты такой забавный!

Единственным, зато серьезным недостатком Роба было то, что он был самым страшным скупердяем из всех, кого я знал. Скупость стоила Робу его первого брака. Лиза, темноволосая красотка, на которой он женился, после двух лет семейной жизни решила, что с нее хватит: последней каплей стало требование Роба, чтобы она оплатила половину счета за телефон, — разъярившись, Лиза завела роман с местным плейбоем. Роб застукал их в постели и вскоре развелся с женой.

После развода Роб принялся бегать за юбками, но у каждой из его девушек, по его же словам, непременно был серьезный недостаток. У одной, мол, руки, как у гориллы, другой нравилось заниматься любовью, предварительно замотавшись в простыни, чтобы вообразить себя мумией, третья предпочитала исключительно анальный секс, а последняя (эту я сам знал и тоже питал слабость) обожала на завтрак соленые кренделька, щедро политые «Будвайзером». Его очередная подружка по имени Шелли должна была тоже присоединиться к нашей компании на яхте. Она была довольно миленькая, хотя и немного шумная, словно расшалившийся щенок. И у нее была немного странная привычка к месту и не к месту цитировать Библию. Я был уверен, что их роман протянет от силы месяц.

Пока мы с Робом складывали «припасы» в дорогу, Герцогиня бродила по двору, собирая камешки. Ей предстояла первая разлука с детьми, и по какой-то причине как раз в это время моя жена решила, что она Подающий Надежды Мастер Декоративного Искусства. Так что она решила подарить им «волшебную шкатулку» — на эту роль подошла коробка из-под туфель от Маноло Бланика, которые обошлись мне в тысячу баксов. В коробку она складывала крохотные камешки, которые позже собиралась завернуть в серебряную фольгу. На крышку изобретательная Герцогиня приклеила две карты — на одной красовалась французская Ривьера, на другой — итальянская, а помимо этого еще добрая дюжина разных картинок, которые она вырезала из журналов.

Перед тем как отправиться в аэропорт, мы зашли в детскую попрощаться с Чэндлер и Картером. Нашему сыну было уже около года, и он просто обожал старшую сестру, хотя и не до такой степени, как свою мамочку, — он мог разрыдаться, если Герцогиня выходила из душа, забыв предварительно высушить феном волосы. Да, малышу Картеру безумно нравились светлые волосы матери, а мокрыми они казались намного темнее, чем на самом деле. Стоило ему только увидеть Герцогиню с мокрыми волосами, как он тут же начинал тыкать пальчиком в собственные волосы и пронзительно вопил:

— Неет! Неет!

Я часто ломал себе голову, пытаясь представить, как отреагирует Картер, когда узнает, что этим цветом его мамочка обязана исключительно краске для волос, но успокаивал себя тем, что тогда он, вероятно, будет старше — пусть об этом болит голова уже у его психотерапевта. Как бы там ни было, сейчас он пребывал в отличном настроении, точнее, просто сиял. Он не сводил глаз с Чэндлер, которая с головой ушла в свое занятие — составляла себе свиту из сотни с лишним куколок Барби, которых она

аккуратно разложила вокруг себя.

Мы с Герцогиней уселись на ковер и вручили нашим необыкновенно замечательным детям волшебную шкатулочку, которую изготовила моя жена.

— Как только соскучитесь по маме с папой, — объяснила Герцогиня, — вам достаточно будет только встряхнуть шкатулку, и мы сразу узнаем, что вы думаете о нас.

После чего, к моему величайшему изумлению, она жестом фокусника достала вторую шкатулку, точную копию первой, и добавила:

— А у мамы с папой тоже будет такая же шкатулка! И всякий раз, как соскучимся, мы встряхнем ее, и вы будете знать, что мы тоже думаем о вас!

Чэндлер, прищурившись, немного подумала.

— А я точно узнаю? — недоверчиво протянула она, кажется совершенно не поверив Герцогине.

Я подмигнул дочери:

— Все очень просто, малышка. Мы ведь с утра до вечера будем думать о вас! Поэтому, когда бы ты ни спросила себя, думаем ли мы о тебе — мы как раз и будем думать!

Наступило молчание. Я покосился на Герцогиню — она таращилась на меня с таким видом, словно хотела сказать: «Что это за чушь ты несешь, ничего не понимаю!» Я осторожно скосил глаза на Чэндлер — моя дочь сидела с точно таким же выражением лица, что и у ее мамочки. «Караул… эти две девчонки сговорились! Заговор против меня!» — в панике подумал я.

Зато Картера «волшебные шкатулочки» оставили совершенно равнодушным. Широко улыбнувшись мне, он довольно загукал. Похоже, сын был на моей стороне.

Расцеловав детей на прощанье, мы раз двадцать повторили им, что любим их больше всего на свете, после чего отправились в аэропорт. И всю дорогу думали о том, что всего через десять дней снова увидим их улыбающиеся мордочки.

Проблемы начались в тот самый день, как наш самолет приземлился в Риме. Вся наша компания: мы с Герцогиней, Роб с Шелли, Бонни и Росс Портной (мои друзья детства) и Офелия с Дэйвом Черадини (тоже друзья детства, только Герцогини) — стояла в аэропорту Леонардо да Винчи у ленты транспортера в зале выдачи багажа. И тут вдруг Герцогиня внезапно всплеснула руками.

— Боже милостивый! Джордж забыл сдать мои чемоданы в багаж! Они так и остались в аэропорту Кеннеди! Я вообще осталась без вещей! — Последняя фраза сопровождалась сдавленным стоном.

Я с трудом спрятал улыбку.

— Успокойся, дорогая. Мы с тобой — как та супружеская пара, чьи чемоданы потерялись в аэропорту, разве что мы можем потратить на тряпки в десять раз больше, чем они.

Офелия с Дэйвом бросились утешать расстроенную Герцогиню. Офелия была темноглазая красавица-испанка — гадкий утенок, который превратился в великолепного лебедя. Родившись уродливой, как смертный грех, Офелия поняла, что у нее нет другого выхода, кроме как стать сильной личностью.

Дэйв был довольно симпатичным — заядлый курильщик, он не выпускал изо рта сигареты и вливал в себя примерно восемь тысяч чашек кофе в день. Всегда невозмутимый и даже флегматичный, он, однако, охотно смеялся даже над нашими с Робом шуточками — весьма плоскими, надо признать. Дэйв и Офелия любили все привычное, даже слегка приевшееся — в отличие от нас с Робом, которые, как это бывает у наркоманов, вечно искали приключений себе на задницу.

Тут уж и Бонни с Россом, заинтересовавшись, присоединились к нам. Лицо Бонни походило на маску — перед перелетом она наглоталась валиума. В юности Бонни была пышной, цветущей блондинкой, которую каждый мальчишка-подросток (и я первый) был бы счастлив «употребить». К несчастью, я ее не интересовал. Бонни предпочитала плохих мальчиков, особенно постарше. К тому времени, когда ей стукнуло шестнадцать, она жила с торчком, уже успевшим отсидеть пару лет, а сейчас толкавшим травку на улице. Спустя десять лет, когда ей было двадцать шесть, она вышла замуж за Росса, который тоже только что вышел из тюрьмы, где он мотал срок за торговлю коксом. Вообще-то Росс не был профессиональным пушером — он был всего лишь незадачливым болваном, который решил оказать услугу приятелю. И тем не менее ему выпало счастье подцепить роскошную блондинку Бонни, которая в данный момент, увы, выглядела далеко не роскошно.

Так или иначе, в качестве гостя на борту нашей яхты Росс меня вполне устраивал. Смуглый коротышка с шапкой курчавых волос и густыми черными усами, он время от времени баловался наркотиками, был довольно посредственным дайвером, но зато вполне умелым рыбаком и к тому же ничего не имел против роли мальчика на побегушках, если в этом случалось нужда. Кроме того, Росс обладал острым языком — правда,

подшучивал он почти исключительно над Бонни, пользуясь любым удобным случаем, чтобы выставить ее идиоткой. Себя самого Росс, видимо, считал настоящим мужиком, которому все по плечу, в том числе и капризы природы.

Надеясь развеселить помрачневшую Герцогиню, я улыбнулся.

— Брось, Надин! Сейчас схаваем кваалюда и прошвырнемся по магазинам. И все будет как в старые добрые времена, помнишь? Шопинг и допинг, допинг и шопинг! — Я повторял это до тех пор, пока не стало похоже на детскую считалочку.

— Джордан, на два слова! — еще больше помрачнев, Герцогиня потянула меня в сторону.

— Что такое? — с невинным видом спросил я, хотя уже прекрасно понял, в чем дело. Мы с Робом слегка перебрали в самолете, и терпение Герцогини было на пределе.

— Послушай, мне не нравится, что ты по-прежнему глушишь таблетки. Твоей спине уже намного лучше, так что завязывай с этим, понял? — Она покачала головой, давая понять, что очень разочарована. — Раньше я закрывала на это глаза, поскольку знала, как ты страдаешь от болей. Но сейчас… сейчас это… это неправильно, дорогой!

Надо отдать ей должное, держалась она превосходно — спокойно и при этом рассуждала на удивление здраво. Наверное, поэтому я решил, что самое время скормить ей очередную наглую ложь.

— Послушай, Надин, как только мы вернемся домой, я тут же завяжу. Видит бог, завяжу, провалиться мне на этом месте! — Я с торжественным видом прижал руку к сердцу.

Какое-то время она молчала, сверля меня недоверчивым взглядом.

— Ладно, — с изрядной долей скепсиса в голосе протянула она. — Но помни, ты обещал.

— Конечно, о чем речь! А теперь идем по магазинам!

— Вот, держи, — пошарив в кармане, я выудил оттуда три колеса кваалюда. Разломив одно пополам, я сунул половинку Герцогине. — Половинку тебе, а две с половиной — мне.

Герцогиня, скривившись, сунула колесо в рот и направилась к фонтанчику, чтобы запить его. Я послушно потрусил следом. Убедившись, что она на меня не смотрит, я воровато сунул руку в карман и выудил оттуда еще пару таблеток. Какого черта, подумал я… если уж что-то делаешь, стоит ли мелочиться?

Через три часа, развалившись на заднем сиденье лимузина, мы

спускались с пологого холма по дороге, ведущей в порт Чивитавеккья. Герцогиня уже успела обзавестись новым гардеробом, а я так осовел от кваалюда, что с трудом держал глаза открытыми. Мне требовалось хорошенько размяться, а потом слегка вздремнуть. Я пребывал в том редком состоянии, когда под кваалюдом находишься на пике активности и просто не в состоянии усидеть на месте. Ощущение такое, будто у тебя в штанах полно муравьев.

Дэйв Черадини заметил это первым.

— Интересно, что это там за белые барашки на взморье? — Он ткнул пальцем в окно. Мы все, как по команде, повернули головы.

И правда, серо-голубая поверхность моря выглядела какой-то *взъерошенной* — там и сям появлялись и пропадали крохотные белые лоскуты.

— Мы с Дэйвом не любим волны. У нас тут же начинается морская болезнь, — буркнула Офелия.

— У меня тоже, — кивнула Бонни. — Может, подождем, пока море успокоится? — Обе вопросительно уставились на меня.

— Ты просто дура, Бонни, — опередил меня Росс. — Яхта Джордана сто семьдесят футов в длину; эти, с позволения сказать, волны она точно выдержит. И к тому же морская болезнь — это не болезнь, а состояние души.

Я решил, что просто обязан всех успокоить.

— У нас на борту полным-полно гигиенических пакетов, — доверительным тоном сказал я. — Как только взойдем на борт, можете все их надеть себе на голову.

Стоило нам оказаться у подножия холма, как я мигом убедился, что мы все недооценили проблему. Это были вовсе не барашки… а настоящие волны! *Господи помилуй!* Никогда не видел ничего подобного! Не меньше четырех футов в высоту, они беспорядочно накатывали одна на другую, будто толком не решив, куда должны двигаться. Ощущение было такое, будто ветер дует во всех направлениях сразу.

Лимузин свернул направо, и вот она, яхта «Надин», горделиво поглядывает сверху вниз на своих соседок. Боже… как я ненавидел эту посудину! Какого хрена я вообще ее купил?! Я украдкой покосился на своих гостей.

— Это только мне кажется, или она и впрямь великолепна?

Все дружно закивали. Однако Офелия тут же вернула разговор в прежнее русло.

— А почему у самого берега такие большие волны?

— Не волнуйся, О, — бросила Герцогиня. — Если мы решим, что море слишком бурное, просто подождем немного, вот и все.

«Какого черта… еще чего!» — промелькнуло у меня в голове. *Двигаться, двигаться*… мне позарез нужно двигаться.

Лимузин остановился у дальнего конца причала. Капитан Марк уже поджидал нас. Рядом с ним стоял Джон, первый помощник. Оба были в форме команды «Надин» — рубашки-поло с белыми воротниками, синие шорты для гребли и серые мокасины с белой каймой. На каждом предмете одежды красовался логотип «Надин», который по моей просьбе создал Дэйв Черадини за скромный гонорар в восемь штук баксов.

— Откуда взялись волны? — поинтересовалась Герцогиня, с улыбкой обняв капитана Марка.

— Неожиданно налетел шторм, которого никто не ждал, — буркнул капитан. — Придется подождать, пока волнение не уляжется. После этого снимемся с якоря и возьмем курс на Сардинию.

— Черта с два! — прорычал я. — Не собираюсь ждать ни минуты, слышите, кэп?

— *Естественно*, мы не тронемся с места, пока капитан Марк не скажет, что это *совершенно* безопасно, — Герцогиня была начеку и мигом положила конец нашему спору.

Самоуверенность моей жены заставила меня улыбнуться.

— Почему бы тебе не подняться на борт, дорогая, чтобы срезать бирки с новых платьев? Мы ведь почти что в море, а в открытом море мне нет равных, ты же знаешь!

Герцогиня выразительно округлила глаза.

— Ты, болван… что ты вообще знаешь о море?! — фыркнув, она повернулась к подружкам. — Пошли, девочки, богиня морей сказала свое решающее слово!

Дамы, покосившись на меня, дружно расхохотались. После чего, повернувшись, одна за другой взобрались по трапу на яхту — во главе со своей предводительницей, Герцогиней Бэй-Риджской.

— Послушайте, Марк, я просто не в состоянии торчать на берегу. Торчу как свеча, понимаете? Далеко ли до Сардинии?

— Около сотни миль, но если мы сейчас поднимем якорь, то одному богу известно, когда мы доберемся. В этой части Средиземного моря от такого шторма можно ждать чего угодно. Придется задраить все люки, снести все вниз в салон и хорошенько закрепить, — капитан повел широченными плечами. — Но даже в этом случае мебель наверняка пострадает — не говоря уже о тарелках, бокалах и вазах. Мы, конечно,

справимся, но я бы очень советовал вам еще раз хорошенько подумать.

Я повернулся к Робу — тот в ответ сжал губы и чуть заметно кивнул, словно желая сказать: «Будь что будет!» То же самое, слово в слово, я повторил капитану.

— Поднимаем якорь, и будь что будет, кэп, — я вскинул сжатый кулак. — Держу пари, плавание будет что надо, прямо для книги рекордов!

Капитан Марк с кислой улыбкой покачал квадратной головой. А мы поднялись на борт и стали готовиться к отплытию.

Через четверть часа я развалился на удобном матрасе на самом верху ходового мостика и с удовольствием смотрел, как темноволосая стюардесса готовит мне «Кровавую Мэри». Она тоже была одета в форму «Надин».

— Ваш коктейль, мистер Белфорт, — с улыбкой сказала Мишель. — Что-нибудь еще?

— Да, Мишель. Я сейчас в том редком состоянии, когда могу наслаждаться каждой минутой. Кстати, именно это мне посоветовал мой доктор. Так что включи таймер, который ты используешь, когда варишь яйца, Мишель, иначе я могу снова загреметь в больницу.

— Как скажете, мистер Белфорт, — хихикнув, Мишель повернулась, чтобы уйти.

— Мишель! — завопил я достаточно громко, чтобы перекрыть и вой ветра, и рев двигателя.

Мишель обернулась.

— Если я усну, не буди меня. Просто смешивай мне по одной «Кровавой Мэри» каждые четверть часа, приноси сюда и ставь возле меня. Я выпью их все, когда проснусь. Договорились?

Вместо ответа она подняла вверх большой палец и стала спускаться с мостика по узкому трапу на верхнюю палубу, где стоял небольшой вертолет.

Я бросил взгляд на часы. Был уже час дня. По римскому времени. Я мог бы поклясться, что чувствую, как мой желудок как раз в этот момент всасывает четыре таблетки кваалюда. Еще четверть часа, и я почувствую, как начинаю уплывать, а еще через четверть часа буду спать мертвым сном. Эта мысль подействовала на меня успокаивающе. Блаженно улыбаясь, я опрокинул в себя «Кровавую Мэри». Потом пару раз глубоко вздохнул и закрыл глаза. Господи… какая расслабуха!

Разбудили меня капли, упавшие на лицо. Дождь? Открыв глаза, я увидел над собой синий купол неба. Это было непонятно. Я скосил глаза

вправо — восемь бокалов с «Кровавой Мэри», полные до краев, выстроились в ряд, словно солдаты на параде. Закрыв глаза, я сделал глубокий вдох. Ветер выл над головой, словно голодный зверь. Я снова почувствовал на лице брызги. *Какого хрена?* Я открыл глаза. Может, это очередная шуточка Герцогини? Но ее не было видно — на мостике, кроме меня, не было ни души.

Внезапно я ощутил, как яхта стремительно летит куда-то вниз под углом в сорок пять градусов. У меня замерло сердце, а потом вдруг непонятно откуда послышался оглушительный треск. Мгновением позже сбоку от яхты вздыбилась колоссальная стена мутной серой воды — зашипев, она с грохотом обрушилась на палубу, перекатилась через мостик и ухнула вниз, оставив меня мокрым с головы до ног.

Что за хрень?! Ведь мостик на добрых тридцать футов выше уровня воды и… *черт, черт!* — яхта снова заскользила вниз. На этот раз меня швырнуло вбок. Я и так вымок до нитки, а теперь на меня вдобавок опрокинулись все эти бокалы с «Кровавой Мэри».

Отряхнувшись, я кое-как встал на ноги и глянул вокруг. *Матерь Божья!* Вокруг яхты вздымались волны добрых двадцать футов высотой, громадные, словно нью-йоркские небоскребы. А потом я вдруг потерял равновесие и грохнулся прямо на тиковые доски палубы, и бокалы, естественно, последовали за мной, брызнув в разные стороны дождем осколков.

Перекатившись на бок, я вцепился в стальные поручни и подтянулся, пытаясь снова встать на ноги. Наконец это мне удалось, и я свесился за борт — *Господи, спаси и помилуй!* — «Чэндлер»! «Чэндлер», сорокадвухфутовая шлюпка, названная в честь нашей дочери, которую мы тащили на буксире, то взлетала на гребень волны, то вновь скрывалась под водой, проваливаясь в расщелины между огромными валами.

Встав на четвереньки, я попытался добраться до трапа. Яхта тряслась так, что я боялся, что она развалится у меня под ногами. К тому времени, как я кое-как сполз на палубу, я пропитался водой, словно губка, и был весь покрыт синяками. Задыхаясь и отплевываясь, я ввалился в салон. Вся наша компания, сбившись в кружок, сидела на полу. Нацепив на себя спасательные жилеты, они взялись за руки и ждали, что будет дальше. Увидев меня, Герцогиня вскочила и ринулась ко мне. И тут яхта угрожающе накренилась.

— Берегись! — закричал я, но было уже поздно — Герцогиня с размаху врезалась в стену, свалив по дороге огромную вазу. Раздался грохот — осколки старинного китайского фарфора, просвистев, словно шрапнель,

через весь салон, врезались в иллюминатор прямо над головой моей жены.

Затем яхта кое-как выпрямилась. Я благоразумно встал на четвереньки и пополз к Герцогине.

— Как ты, детка?

Лицо Герцогини перекосилось от злости.

— Ты… — она скрипнула зубами. — Хренов морской волк! Ну, погоди, дай только сойти на землю! Останусь жива — убью на хрен собственными руками! Что вообще происходит? Мы тонем, да? Почему эти волны такие большие? — Глаза у нее стали размером с блюдца.

— Откуда мне знать? — вяло возмутился я. — Я же спал.

— Ты спал?! — рассвирепела Герцогиня. — Как, черт возьми, можно спать, когда творится такое? Мы вот-вот пойдем ко дну! Офелию с Дэйвом выворачивает наизнанку. И Росса с Бонни… и Шелли тоже!

Возле нас вдруг появился Роб — на лице его сияла широкая улыбка.

— Так мы тонем или нет? Всегда мечтал погибнуть в море!

— Заткнись, идиот! — завизжала разъяренная Герцогиня. — Это вы — ты и мой чертов муженек — виноваты во всем! Проклятые идиоты!

— Не знаешь случайно, где кваалюд? — поинтересовался Роб. — Если уж помирать, так весело!

Я одобрительно кивнул.

— Кажется, где-то в кармане. Вот, держи, — сунув руку в карман шортов, я вытащил пригоршню таблеток и выдал ему четыре штуки.

— И мне! И мне одну! — взвизгнула Герцогиня. — Мне нужно успокоиться.

— Держи, дорогая! — одобрительно улыбнулся я и протянул ей таблетку. Да, моя жена — та еще штучка.

Росс, наш храбрец, скуля от страха, пополз к нам.

— О Господи, — прохныкал он. — Я должен выбраться отсюда! У меня дочь. Я… я… меня все время тянет блевать! Прошу тебя, давай вернемся в порт!

— Давай лучше проберемся на мостик и выясним, что происходит, — предложил Роб.

— Оставайся здесь, дорогая, — прокричал я Герцогине. — Я скоро вернусь.

— Вот еще! — крикнула моя жена. — Я иду с тобой!

— Ладно, — кивнул я. — Пошли.

— Ну, вы как хотите, а я остаюсь, — заявил наш храбрый Росс и, поджав хвост, на карачках пополз туда, где, сбившись в кучку, сидели остальные. Переглянувшись с Робом, мы дружно захохотали.

Отсмеявшись, наша троица принялась пробираться к трапу. По пути нам попался забитый бутылками бар. Роб тут же замер, словно налетев на невидимую стену.

— Думаю, было бы неплохо пропустить по глотку текилы, — предложил он.

Я вопросительно глянул на Герцогиню — она одобрительно кивнула в ответ.

— Сходи за бутылкой, — предложил я Робу. Минутой позже он вернулся, держа под мышкой бутылку, отвинтил крышку и сунул ее Герцогине. Та сделала внушительный глоток. «*Вот это женщина*», — восхищенно подумал я. Мы с Робом тоже пропустили по глотку.

Завинтив крышку, Роб швырнул бутылку об стену. Она разлетелась вдребезги, а Роб с улыбкой повернулся ко мне.

— Всегда хотелось сделать нечто в этом роде.

Мы с Герцогиней переглянулись.

С палубы на мостик можно было подняться по короткому трапу. Пока мы прикидывали, как это сделать, один из матросов по имени Билл, с грохотом скатившись по нему, в буквальном смысле свалился нам на голову. За ним последовал второй.

— Что происходит? — заорал я, пытаясь перекричать вой ветра.

— Трамплин для ныряния только что смыло! — проорал в ответ Билл. — Если не закрепить задний люк, то вода зальет салон! — и оба матроса мгновенно исчезли.

На капитанском мостике было не протолкнуться. Тесное, с низким потолком, помещение, было забито людьми. Капитан Марк двумя руками вцепился в деревянный штурвал, который мы в свое время откопали в одном антикварном магазине. Каждые две секунды, оторвав одну руку от штурвала, он хватался за рычаги управления машиной, пытаясь удержать яхту носом к приближающейся волне. Джон, первый помощник, стоял рядом. Левой рукой он ухватился на металлическую скобу, стараясь удержать равновесие, а другой держал у глаз бинокль. Три стюардессы, прижавшись друг другу и дружно хлюпая носами, сидели на деревянной скамье. Из радиоприемника неслись вопли, слышные даже сквозь вой ветра.

— Штормовое предупреждение! Это штормовое предупреждение!

— Какого дьявола… что происходит? — набросился я на капитана Марка.

— Похоже, нам конец, — капитан мрачно покачал головой. — С каждой минутой становится все хуже! Волны уже высотой почти двадцать

футов, а волнение все увеличивается.

— Ничего не понимаю! — возмутился я. — Небо-то чистое!

Тут уже не выдержала Герцогиня.

— Какое кому дело до этого гребаного неба?! Поворачивайте назад, Марк!

— Уже не получится! Если мы попытаемся развернуть яхту, она тут же опрокинется и мы пойдем ко дну.

— Вы сможете удержаться на плаву? — вмешался я. — Или пора уже посылать SOS?

— Мы справимся, — буркнул он. — Однако нам здорово достанется. От этого вашего голубого неба скоро не останется и следа, потому что нас несет в самый эпицентр шторма.

Прошло минут двадцать, когда я почувствовал, что кваалюд начинает действовать.

— Отсоси у меня, — крикнул я Робу. И покосился на Герцогиню узнать, услышала ли она.

Судя по всему, услышала.

— Вы просто пара чокнутых рокеров, — покачала она головой.

А потом началось настоящее веселье — высота волн превышала уже тридцать футов.

— О дьявол, только не говорите мне… — обреченно простонал капитан Марк. И вдруг я услышал его крик: — Девятый вал! Боже милостивый… волна-убийца! Держитесь!

Девятый вал? Волна-убийца? Что это еще за хрень? Я понял, о чем он, когда глянул в иллюминатор. Из груди всех, кто столпился на мостике, вырвался дружный вопль:

— Волна-убийца! Господи!

Эта волна имела добрых шестьдесят футов в высоту… и она неслась к нам со скоростью курьерского поезда.

— Держитесь! — заорал капитан. Правой рукой я обхватил Герцогиню и крепко прижал ее к себе. От нее хорошо пахло — даже в такую минуту.

В следующий миг яхта, накренившись под немыслимым углом, стремительно полетела вниз. Капитан всем телом навалился на рычаг, дав полный вперед, — двигатели взревели, яхта содрогнулась и ринулась вперед, встав носом к исполинской волне. На мгновение перед нами, закрыв собой небо, вздыбилась громадная стена воды, а потом она обрушилась на яхту с таким грохотом, словно взорвалась целая тонна динамита. БА-БАХ!

Наступил непроглядный мрак.

Ощущение было такое, будто яхта идет ко дну… но потом море неохотно выпустило нас из своих объятий, раздался треск, и мы медленно двинулись вперед под углом шестьдесят градусов.

— Все живы? — крикнул капитан Марк.

Я покосился на Герцогиню. Она молча кивнула.

— С нами все в порядке, — буркнул я. — Как ты там, Роб?

— Лучше не бывает, — пробормотал он. — Только бы до гальюна добежать. Спущусь в салон, посмотрю, как там остальные.

Пока Роб карабкался по трапу, один из матросов, которых я про себя привык называть «Билл», кубарем скатился вниз с криком:

— Передний люк сорвало! Нас заливает с носа!

— Проклятье, это уже слишком, — тряся головой, пробормотала Герцогиня. — А все твой чертов отпуск, мать твою!

Капитан Марк бросился к радиопередатчику.

— SOS, SOS, — торопливо проговорил он. — Говорит капитан Марк Эллиот, яхта «Надин»! Терпим бедствие. Мы в пятидесяти милях от побережья, яхта погружается носом, идем ко дну. Срочно нужна помощь! На борту девятнадцать человек, — нагнувшись, он торопливо сообщил береговой охране координаты яхты.

— Ступай, принести волшебную шкатулку! — прошипела мне Герцогиня. — Она внизу, в нашей каюте.

— Какого черта? — я посмотрел на нее, как на сумасшедшую. Договорить мне не дали.

— Живо принеси шкатулку! — заорала Герцогиня. — И пошевеливайся!

— Ладно, уже иду, — я тяжело вздохнул. — Черт, я просто умираю с голоду! — Я обернулся к капитану:

— Послушайте, может, кто-нибудь сделает мне сэндвич?

Капитан Марк вдруг принялся хохотать.

— Ну, знаете, вы и впрямь чокнутый! — Он покачал головой. — Сейчас попрошу кока сделать для всех сэндвичи. Похоже, ночка будет долгой.

— Вам просто цены нет, капитан, — я кошкой вскарабкался по трапу. Вся наша компания по-прежнему сидела на полу в салоне, все обвязались веревкой и клацали зубами. В отличие от них я не испытывал ни малейшего страха. Я был уверен, что очень скоро на помощь к нам подоспеет береговая охрана — через пару часов мы все, живые и здоровые, будем на берегу, а заодно я навсегда избавлюсь от этой проклятой посудины.

— Ну, как вам наше путешествие, ребята? — жизнерадостно спросил я. — Весело, правда?

Почему-то никто не засмеялся.

— Нас кто-нибудь собирается спасать? — поинтересовалась Офелия.

— Капитан Марк уже сообщил береговой охране, — кивнул я. — Все будет о`кей, ребята. Мне нужно ненадолго спуститься вниз. Скоро вернусь. — Я двинулся было к трапу — и тут удар еще одной исполинской волны едва не отправил меня в нокаут. Отлетев в сторону, я врезался в стену. Потом с трудом встал на четвереньки и полез по трапу обратно наверх.

Меня чуть не сбил с ног один из матросов.

— «Чэндлер» оторвалась! Мы потеряли шлюпку!

Вскарабкавшись наверх, я уцепился за поручень, с трудом открыл дверь нашей каюты — вода здесь доходила уже до колена — и увидел стоявшую посреди койки чертову шкатулку. Проклиная все на свете, я сунул ее под мышку, кое-как пробрался вниз и отдал ее Герцогине. Зажмурившись, она принялась трясти ее, как безумная, камушки гремели.

— Может, мне попробовать поднять вертолет? — предложил я капитану Марку. — Я бы мог брать на борт как минимум четырех человек за один раз.

— Выкиньте это из головы, — буркнул капитан. — При таком ветре будет чудом, если вам вообще удастся взлететь! Но даже если вам повезет, снова посадить его на яхту вы точно не сможете.

Прошло три часа. Двигатели яхты пока еще не вышли из строя, однако двигаться мы не могли и дрейфовали на месте. Со всех четырех сторон от яхты были видны огромные контейнеровозы. Услышав сигнал бедствия, эти великаны поспешили нам на помощь и сейчас пытались загородить нас от волн. Наступила ночь, вокруг было темно, как в могиле, а спасения все не было. Нос яхты уже ушел под воду, и корпус накренился вперед под острым углом. В иллюминаторы хлестал дождь, волны были уже больше тридцати футов высотой, а ветер увеличился до пятидесяти узлов. Однако нас уже больше не кидало из стороны в сторону — ощущение было такое, словно у яхты выросли ноги, которыми она уперлась в морское дно.

Капитан Марк не отходил от передатчика, переговариваясь с береговой охраной, — мне казалось, что это продолжается целую вечность. Наконец он обернулся ко мне.

— Все в порядке, они выслали вертолет, он уже где-то над нами. Сейчас спустят спасательную корзину, так что соберите всех на мостике. Сначала поднимем женщин, потом остальных гостей. После этого

поднимутся члены команды, а после них я. И передайте всем — никаких вещей! С собой берете только то, что поместится в карманах.

— Конец твоим новым шмоткам, — хмыкнул я, вопросительно глянув на Герцогиню.

— Ну, всегда ведь можно купить другие, — пожав плечами, Надин жизнерадостно улыбалась. Потом схватила меня за руку, и мы спустились вниз. Передав слова капитана остальным, я украдкой отвел Роба в сторону.

— Кваалюд у тебя с собой? — шепотом осведомился я.

— Нет, конечно, — мрачно буркнул он. — Остался у тебя в каюте. А там уже больше трех футов воды, так что колеса наверняка пропали.

Я сделал глубокий вдох.

— Знаешь, Роб, — медленно проговорил я, — у меня тут при себе четверть миллиона налом, которые скоро пойдут ко дну, но мне на это начхать! Но эти чертовы таблетки я не брошу. Там же две сотни — дать им утонуть было бы глупо.

— Согласен, — кивнул Роб. — Ладно, я за ними схожу.

Через полминуты он вернулся.

— Меня ударило током, — объявил он. — Должно быть, короткое замыкание. Что будем делать?

Я не ответил. Просто посмотрел ему в глаза: «Ты это сделаешь, солдат!»

Роб, поняв меня без слов, покорно кивнул.

— Если меня убьет током, вот моя последняя воля — дай Шелли семьсот баксов на новые сиськи. Она мне всю плешь уже проела.

— Будет сделано, — твердо пообещал я.

И трех минут не прошло, как Роб вернулся с кваалюдом.

— Черт, ох, и грохнуло же меня! Держу пари, спалил себе пятки на хрен! — пожаловался он. И тут же с улыбкой добавил: — А кто, если не я? Никто другой с этим не справился бы, верно?

— Никто! — торжественно подтвердил я. — Лоруссо, ты — герой!

Спустя пять минут вся компания уже сгрудилась на вертолетной площадке — задрав головы, мы в ужасе разглядывали раскачивающуюся над нами корзину, которую мотало ветром из стороны в сторону. Мы торчали там добрых полчаса — просто стояли и молча ждали с замиранием сердца. И тут вдруг на палубу выбрался Джон. На лице у него была написана паника.

— Вы все должны спуститься вниз, сэр, — объявил он. — С вертолета передали, что у них заканчивается горючее. Им придется вернуться. Но нам, скорее всего, все равно предстоит покинуть судно — яхта вот-вот

затонет.

Я непонимающе уставился на него.

— Таков приказ капитана, — добавил Джон. — Плот уже надувают, он ждет нас на корме. Пошли, — и он махнул рукой.

Надувной плот? — растерянно подумал я. Спуститься на нем прямо в эти сорокафутовые волны?! Какого черта… это выглядело полным безумием! Но капитан отдал приказ, поэтому я молча повиновался, а вслед за мной и остальные. Мы пробрались на корму, где двое матросов с трудом удерживали ярко-оранжевый спасательный плот. И едва они спустили его за борт, как плот моментально унесло в море.

— Отлично! — с саркастической улыбкой бросил я. — Кажется, это была плохая идея! — Я повернулся к Герцогине. — Давай-ка потолкуем с капитаном.

Вернувшись на мостик, я спросил капитана, что произошло.

— Будь все проклято! — прорычал он. — Я же приказал этим недоумкам не спускать плот на воду, прежде чем… — Марк помолчал, стараясь взять себя в руки.

— Ладно, — пробормотал он. — Слушайте меня внимательно. Из двух двигателей работает только один. Если и он выйдет из строя, яхту попросту опрокинет. Оставайтесь здесь. Если яхта перевернется, прыгайте за борт и попытайтесь отплыть как можно дальше, иначе она потянет вас за собой вниз. Постарайтесь удержаться на поверхности. Вода теплая, во всяком случае, достаточно теплая для того, чтобы продержаться довольно долго. В пятидесяти милях от нас итальянский эскадренный миноносец, он идет к нам на максимальной скорости. Скоро вернется вертолет с группой спасателей. На катера береговой охраны не стоит рассчитывать — слишком сильное волнение.

— Наверное, нужно спуститься вниз, — предложил я, — рассказать все это остальным?

— Нет уж, — покачал головой капитан. — Вы двое останетесь здесь. Мы можем пойти ко дну в любой момент, поэтому я хочу, чтобы вы были вместе. — Он повернулся к помощнику. — Спуститесь вниз и объясните все гостям.

Полчаса спустя, когда яхта сидела в воде уже почти по самый фальшборт, прилетел другой вертолет — только теперь это была уже не береговая охрана, а спецназ итальянского военно-морского флота.

— Итак, — со слабой улыбкой проговорил капитан Марк, — действуем следующим образом. Они с помощью лебедки спустят на палубу одного из своих бойцов, но велели, чтобы мы предварительно сбросили за борт наш

вертолет, чтобы освободить место для спасателя.

— О господи! — охнула Герцогиня.

— Шутите, да? — с недоверчивой усмешкой переспросил я.

— Нет, — вздохнул капитан. — К сожалению, я серьезно. Хочу снять это на видео — для потомков.

Джон остался на мостике, а мы с капитаном Марком в сопровождении двоих матросов и Роба поднялись на вертолетную площадку. Там капитан передал видеокамеру одному из матросов, а сам быстро отцепил тросы, удерживавшие вертолет на месте. После чего, заставив меня встать перед вертолетом, положил руку мне на плечо.

— Все готово, — прокричал он матросу. А потом обернулся ко мне:

— Будьте добры, пару слов на камеру!

— Привет, — покорно сказал я, глядя в объектив. — Смотрите, как мы сейчас столкнем наш вертолет в Средиземное море. Здорово, правда?

— Да уж! — с энтузиазмом подтвердил капитан. — Первый случай за всю историю яхтенного судоходства. И этим достижением мы целиком и полностью обязаны владельцу яхты «Надин».

— Точно, — перебил я. — И если нам всем суждено погибнуть, хочу, чтобы все знали: это я несу ответственность за то, что мы вышли в море. Капитан Марк действовал согласно моему преступному приказу, так что он заслуживает, чтобы его похоронили с почестями.

На этом шоу закончилось. Капитан Марк повернулся ко мне.

— Ладно, теперь ждем, когда очередная волна ударит яхту в борт. Она накренится, и тут мы все разом навалимся и столкнем вертолет за борт…

Не успел он договорить, как яхта резко накренилась вправо. Мы с криками стали толкать вертолет — он пополз по площадке и со скрежетом рухнул в воду. Громкий плеск — и через десять секунд от него не осталось и следа.

Через пару минут на том месте, где стоял вертолет, собралась толпа из семнадцати человек. Капитан с помощником оставались на мостике, пытаясь удержать яхту на плаву. А в сотне футов над нашими головами, ревя двигателем, завис «Чинук». Выкрашенный в цвет хаки военный вертолет поражал своими чудовищными размерами. Даже на таком расстоянии из-за рева его двигателей мы на какое-то время оглохли.

Один из спасателей выбрался наружу и заскользил по металлическому тросу вниз. На нем был прорезиненный костюм для подводного плавания с плотно прилегающим к голове капюшоном, за спиной болтался рюкзак, а к ноге, как мне показалось, было пристегнуто что-то вроде ружья для подводной охоты. Ветром его мотало из стороны в сторону так, что у меня

закружилась голова. Оказавшись в тридцати футах над нами, он отстегнул ружье — раздался слабый щелчок, и в палубу возле наших ног вонзился гарпун. А секунд через десять он уже был на палубе — стоял и широко улыбался, подняв большие пальцы вверх. Похоже, парню было весело.

Вскоре нас одного за другим подняли на борт вертолета. Суеты, конечно, хватало — как и положено, решено было сначала поднять женщин, но тут вдруг Росс, этот храбрец, ошалев от страха, попытался отпихнуть Офелию и матросов и ринулся к спецназовцу. Он повис у парня на шее, обхватив его руками и ногами, словно обезьяна на пальме, и потребовал, чтобы его подняли первым. Мы с Робом возликовали — этого было вполне достаточно для того, чтобы мы могли теперь травить Росса до конца его никчемной жизни.

Зато капитан Марк предпочел остаться со своей яхтой. Последнее, что я успел увидеть прежде, чем вертолет, сделав последний круг, набрал высоту, была макушка капитана, прыгающая, словно поплавок, между исполинских волн.

В том, чтобы быть спасенным итальянцами, есть свои преимущества. Первым делом в таких случаях они кормят вас до отвала и поят красным вином, а потом тащат танцевать. На борту итальянского эсминца нас всех приняли, словно рок-звезд, решивших оказать честь итальянскому военному флоту. Моряки оказались ребята что надо — очень скоро мы с Робом, перемигнувшись, перестали стесняться и вытащили кваалюд. Слава богу, капитану Марку не дали утонуть — его вытащил из воды подоспевший катер береговой охраны.

Последнее, что я помню, — это как капитан эсминца и Герцогиня волоком тащат меня в лазарет. Уложив меня и заботливо подоткнув одеяло, капитан попытался втолковать мне, что итальянское правительство подняло страшный шум вокруг экспедиции по нашему спасению — хороший пиар, надо признать, — и теперь он к нашим услугам и готов доставить нас в любой пункт средиземноморского побережья, так что выбор за нами. Что касается его самого, то он рекомендовал бы нам отель «Кала-ди-Вольпе». Лучше, по мнению капитана, трудно что-то найти. Подняв оба больших пальца вверх, я охотно согласился.

— Везите… вези мня на Сс…сардинию, — заплетающимся языком попросил я.

Проснулся я уже на Сардинии, эсминец стоял на рейде Порто-Черво. Мы все, восемнадцать человек, столпились на верхней палубе,

благоговейно глядя, как толпы сардинцев приветливо машут нам руками с берега. Не меньше дюжины репортеров, операторы, не выпускающие из рук свои тяжеленные камеры, отчаянно толкались, чтобы заснять, как полоумные американцы, вышедшие в море в восьмибалльный шторм, один за другим сходят на берег.

Перед тем как распрощаться с командой эсминца, мы тепло поблагодарили своих спасителей и даже обменялись с ними телефонами. И попросили непременно заезжать в гости, если они когда-нибудь окажутся в Штатах. Я со своей стороны предложил им денег — за их мужество и героизм; к их чести следует сказать, что все как один отказались наотрез. Потрясающие люди, самые настоящие герои — в полном смысле этого слова!

Проталкиваясь через густую толпу сардинцев, я вдруг сообразил, что мы остались без одежды. Причем Герцогиня второй раз подряд. Это нестрашно, утешал я себя, ведь мне в скором времени предстоит получить солидный чек от страхового общества Ллойда, где были застрахованы и яхта, и вертолет. Зарегистрировавшись в отеле, я повел всех по магазинам — не только наших гостей, но и всю команду. Однако все, что нам удалось обнаружить на прилавках, были шорты и купальники — розовые, голубые, желтые, сплошь расшитые серебряными и золотыми блестками. Похоже, нам предстоит расхаживать по Сардинии, сверкая и переливаясь, словно стая попугаев, мрачно подумал я.

Дней через десять таблетки закончились — пора было возвращаться домой. Вот тогда-то мне и пришла в голову безумная идея сложить всю нашу одежду в одну большую коробку и отправить ее в Штаты, чтобы не терять время на таможне. Герцогиня не возражала.

На следующее утро, незадолго до шести, я спустился вниз, чтобы расплатиться по счету. И увидел сумму в 700 000 долларов. Все оказалось даже гораздо лучше, чем я думал, поскольку туда включили и кругленькую сумму в 300 с лишним тысяч за золотой браслет, украшенный изумрудами и рубинами. Кажется, я купил его Герцогине где-то на пятый день нашего пребывания в отеле — после того как уснул, уронив голову в тарелку с шоколадным суфле. Это было самое меньшее, что я мог сделать, чтобы загладить свою вину.

В аэропорту мы битых два часа ждали зафрахтованный нами частный самолет. В конце концов появился щупленький человечек в форме авиакомпании и с сильным акцентом объявил:

— *Синьор Бельфор*, мне очень жаль, но с вашим самолетом произошла неприятность. В двигатель попала чайка, и самолет был вынужден

совершить вынужденную посадку во Франции. Так что ждать бесполезно.

Я онемел. Скажите, с кем-нибудь еще такое могло бы произойти? Вряд ли, решил я. Когда я сообщил об этом Герцогине, она не сказала ни слова. Просто покачала головой и отошла в сторону.

Я попытался позвонить Джанет — договориться, чтобы за нами прислали другой самолет, — но связи не было. В конце концов я решил, что лучше всего попытаться добраться до Англии — по крайней мере, там мы хоть будем понимать, о чем говорят люди вокруг. Оказавшись в Лондоне, я решил, что теперь уж с нами точно ничего не произойдет — до той минуты, как мы уселись на заднее сиденье черного лондонского такси и я вдруг заметил нечто очень странное: улицы были запружены толпой. Собственно говоря, чем ближе мы подъезжали к Гайд-парку, тем плотнее становилась толпа. Я нагнулся к уху нашего водителя — типичного англичанина с типичным для англичанина невыразительным лицом.

— Почему столько народу? Я раз десять был в Лондоне, но такое вижу в первый раз.

— У нас же тут свой собственный Вудсток, губернатор, — ухмыльнулся таксист. — В Гайд-парке будет концерт, не меньше полумиллиона зрителей. Будут Эрик Клэптон, «Зе Ху», Аланис Морисетт, такого рода ребята. Шоу будет что надо, губернатор. Надеюсь, вы заранее позаботились об отеле, потому что во всем Лондоне в эти дни вряд ли найдется хоть один свободный номер.

Из всей этой беседы я вынес три вещи. Во-первых, какого черта этот чертов таксист величает меня «губернатор»? Во-вторых, у меня возникло ощущение, что я оказался в Лондоне в первый уикенд после окончания Второй мировой и в городе, разумеется, нет и не может быть свободных номеров. А в-третьих, нам, судя по всему, вскоре предстоит во второй раз отправиться по магазинам — а Герцогине вообще в третий, и это в течение каких-то двух недель!

— Поверить не могу… нам снова придется покупать новый гардероб! — прошептал мне на ухо Роб. — Платишь опять ты?

— Иди ты, Роб!

Управляющий отеля «Дорчестер», увидев нас, сокрушенно покачал головой.

— Мне очень жаль, мистер Белфорт, но на выходные нет ни одного свободного номера. Вообще говоря, уверен, что такая же ситуация во всех лондонских отелях. А пока что пройдите, пожалуйста в бар. И ваши гости тоже. Уже почти пять, поэтому я буду счастлив предложить вам чай и бутерброды — за счет заведения, разумеется.

— Не могли бы вы позвонить в какой-нибудь другой отель — узнать, имеются ли у них свободные номера? — я потер лоб, пытаясь осмыслить услышанное.

— Разумеется, — поклонился управляющий. — С удовольствием.

Три часа спустя, когда мы все еще торчали в баре, напирая на чай с печеньем, управляющий появился снова.

— В отеле «Четыре сезона» кто-то в последнюю минуту отказался от номера. Превосходный отель, как раз в вашем вкусе. К сожалению, стоимость…

— Мы согласны! — перебил я.

— Очень хорошо, — кивнул управляющий. — У ворот отеля вас ожидает «роллс-ройс». Насколько я слышал, в «Четырех сезонах» отличный спа-клуб; возможно, после всего, через что вам пришлось пройти, массаж придется как нельзя кстати.

Я кивнул — и через два часа я уже лежал ничком на массажном столе в президентском номере отеля «Четыре сезона». С балкона открывался великолепный вид на Гайд-парк, где как раз начался концерт.

Мои гости в это время носились по Лондону, охапками скупая одежду; Джанет пыталась забронировать нам перелет на «Конкорде», а моя невероятная Герцогиня, стоя под душем, распевала в полный голос, пытаясь составить конкуренцию Эрику Клэптону.

Я любил свою невероятную Герцогиню. Уже в который раз она доказала, что во всех ситуациях остается верна себе — даже в самых критических. Она была настоящим бойцом — равной мне во всем. Она могла бестрепетно смотреть в лицо смерти, и не просто смотреть, а с улыбкой на красивых губах, которые я так любил.

Наверное, по этой причине мне было сложно справиться с эрекцией — а попробовали бы вы, да еще когда вас месит, как тесто, здоровенный эфиоп-массажист. Конечно, я понимал, что это неправильно — до такой степени возбуждаться от массажа, да еще в тот момент, когда моя жена беззаботно распевает в душе в двух шагах от меня. И тем не менее… в сущности, какая разница, от чего возбуждаться — от прикосновения чужих рук или своей собственной?

Хмм… Эта мысль подействовала на меня успокаивающе и помогла продержаться до конца массажа. А на следующий день я уже был у себя в Олд-Бруквилле, готовый вновь окунуться в привычную жизнь Богатых и Никчемных.

Глава 35

Буря перед бурей

Апрель 1997

Трудно поверить, но спустя девять месяцев после того, как моя яхта пошла ко дну, я медленно, но верно продолжал жить как жил. В своем стремлении разрушить свою жизнь мне удалось придумать хитроумный способ — и довольно *логичный*, нужно сказать, — подняться на новый уровень саморазрушения. Я просто перешел с таблеток на кокаин. Настало время перемен, думал я, — и сказать по правде, я был уже сыт всем этим по горло. Мне осточертело, что я либо несу какой-то бред, либо засыпаю в самой неподходящей обстановке.

Поэтому, изменив привычке начинать свой день с кваалюда и кофе со льдом, я взбадривал себя щепоткой боливийского белого порошка, тщательно следя за тем, чтобы разделить дозу точно поровну: половина — в одну ноздрю, половина — в другую. Я словно боялся, что одна часть моего мозга пострадает больше, чем другая. О да, это был поистине Завтрак для Чемпионов! Завершали этот завтрак три миллиграмма ксанакса — просто для того, чтобы справиться с паранойей, неизбежным следствием подобной диеты. А на десерт — и это при том, что я уже полностью избавился от болей в спине, — я обычно вмазывал сорок пять миллиграммов морфина, исключительно потому, что кокс и опиаты удивительно удачно дополняют друг друга. И потом, если масса докторов прописывали мне морфин, значит, ничего дурного в нем нет. И почему тогда я должен отказывать себе в этом удовольствии?

Как бы там ни было, за час до ланча я заглатывал первую дозу кваалюда — четыре таблетки, за которыми следовал еще грамм кокса, чтобы справиться с навалившейся усталостью. Правда, я по-прежнему не мог отказаться от привычки глотать по двадцать таблеток кваалюда в день, зато теперь я, по крайней мере, использовал их, так сказать, более здоровым и продуктивным способом — исключительно как противовес коксу.

Это была гениальная система, и она идеально работала… до поры до времени. Но, как и всегда, в бочке меда нашлась и ложка дегтя: теперь я спал не более трех часов в неделю, и к середине апреля благодаря этому превратился в законченного параноика. Дело дошло до того, что я под кайфом пару раз пальнул в сторону нашего молочника из дробовика.

Конечно же, думал я в тот момент, молочник раззвонит на всю округу, что Волк с Уолл-стрит не из тех, кто любит шутить, он храбрец, и он вооружен и готов ко всему — Волк даст отпор любому, у кого хватит наглости вторгнуться на его территорию, — даже если его охранники хлопают ушами.

Вот так все и шло — до середины сентября, когда брокерская фирма «Стрэттон» внезапно была закрыта. По странной иронии судьбы, виноваты в этом были не федералы, которые давно точили зуб на «Стрэттон», а самодовольные тупицы из Национальной ассоциации биржевых дилеров. Они исключили «Стрэттон» из реестра, обвинив компанию в махинациях с ценными бумагами и многочисленных нарушениях торговой практики. В конце концов от «Стрэттон» все стали шарахаться, как от чумы, а с точки зрения юридической это был последний гвоздь в гроб компании. Членство в Ассоциации было необходимым условием для продажи ценных бумаг за пределы штата — вылетев из Ассоциации, можно было ставить крест на любом бизнесе. Поэтому Дэнни, скрепя сердце, был вынужден закрыть фирму и распустить служащих. Эра процветания, длившаяся целых восемь лет, подошла к концу. Как вы, наверное, помните, я хотя и не был до конца в этом уверен, но подозревал, что нечто подобное однажды произойдет.

«Билтмор» и «Монро Паркер» по-прежнему крепко стояли на ногах — и все так же отстегивали мне по миллиону за каждую сделку, — хотя приходилось учитывать возможность того, что владельцы (за исключением Алана Липски) в один прекрасный день сговорятся выступить против меня. Как и когда это произойдет, я, конечно, не знал, но такова уж природа заговоров, особенно когда заговорщики — твои ближайшие друзья.

В отличие от них, Стив Мэдден *уже* плел против меня заговор. Отношения между нами окончательно испортились — по словам Стива, исключительно по моей вине, поскольку, мол, я являлся в офис обдолбанный, а его это бесило. На что я неизменно посылал его на хрен, напоминая, что, не будь меня, этот самодовольный засранец до сих пор торговал бы башмаками из багажника своей развалюхи. Так это или нет, но акции его нынче продавались по тринадцать баксов, и недалек был тот день, когда они будут стоить двадцать.

Число фирменных магазинов выросло до восемнадцати, а поставки в наши корнеры в универмагах были предоплачены на два года вперед. Оставалось гадать, что Стив думает обо мне — человеке, которому принадлежит восемьдесят пять процентов акций его компании и который вот уже четыре года контролировал их стоимость. Теперь, когда «Стрэттон» ушел с рынка, удерживать цену его акций я больше не мог.

Стоимость «Стив Мэдден Шуз» определялась спросом и предложением — росла и падала в соответствии с финансовым положением самой компании, а не в результате деятельности той брокерской фирмы, которая ее представляла. Что же до Сапожника, то он был просто *обязан* строить против меня козни. Да, это правда: я действительно приходил в офис под кайфом, и это было нехорошо, однако вряд ли это можно считать достаточным основанием, чтобы выдавить меня из фирмы, а заодно и прикарманить принадлежавший мне пакет акций. Но мог ли я что-то предпринять, чтобы ему помешать?

Да, между нами существовало тайное соглашение, но оно касалось лишь моего первоначального пая в 1,2 миллиона долларов. Что же до пакета акций, то они были куплены на имя Стива, и никаких бумаг, подтверждающих, что они принадлежат мне, не существовало. Попытается ли Стив прибрать к рукам акции? Или попробует отобрать у меня сразу все — не только акции, но и опционы? Возможно, этот ублюдок рассчитывает, что у меня не хватит духу обнародовать условия нашей тайной сделки, поскольку, стань она достоянием гласности, пострадаем в равной степени мы оба.

Что ж, если так, его ждало жестокое разочарование. Шансы на то, что ему удастся безнаказанно ограбить меня, были равны нулю. Я бы сделал все, чтобы помешать этому, — даже если бы в результате за решетку отправились мы оба.

Будучи человеком здравомыслящим, я так или иначе учитывал подобную возможность, однако при моем нынешнем параноидальном состоянии эти подозрения пустили самые ядовитые и разветвленные корни в моей душе. Но собирается Стив обобрать меня или нет — не имело большого значения; в любом случае я не позволю ему этого. В моих глазах он стоил не больше, чем Виктор Вонг, Испорченный Китаец. Да, Виктор в свое время тоже попытался меня трахнуть — и я пинком под зад отправил его назад в Чайнатаун.

Наступила вторая неделя апреля — последний раз я показывался в офисе «Стив Мэдден Шуз» чуть ли не месяц назад. Был вечер пятницы, я был дома, сидел у себя в кабинете за письменным столом красного дерева. Герцогиня уже перебралась в Вестхэмптон, а детей на выходные отправили к ее матери. Я остался наедине со своими мыслями — и начал готовиться к войне.

Прежде всего я набрал Вигвама:

— Позвони Мэддену и скажи ему, что в качестве эскроу-агента[19] ты хочешь уведомить его о своем решении обналичить сто тысяч акций,

причем немедленно. Их стоимость составляет примерно 1,3 миллиона, плюс-минус несколько баксов. Напомни ему, что, согласно нашей договоренности, у него есть право продать и свою долю акций одновременно со мной, что означает, что он может продать не более 17 000 акций. Будет он их на самом деле продавать или нет, мне плевать.

— Чтобы избавиться от них быстро, мне понадобится его подпись, — возразил Вигвам. — А что, если он откажется?

Я сделал глубокий вдох, чувствуя, что начинаю закипать.

— Если он *откажется*, скажи ему, что по условиям эскроу-соглашения ты имеешь право отказать ему в праве выкупа и продать акции в частном порядке. Скажи, что я уже согласился их купить. И передай этому лысому сукиному сыну, что в этом случае у меня будет на пятнадцать процентов акций компании больше, что означает, что мне придется подать в Комиссию по ценным бумагам и биржам финансовую отчетность по форме 13-Д, и тогда каждая собака на Уолл-стрит узнает, как этот гад пытался обвести меня вокруг пальца.

Передай этому сукиному сыну, что я позабочусь, чтобы об этом узнали все, и что каждую гребаную неделю я стану скупать на рынке все имеющиеся акции, что означает, что мне раз за разом придется заполнять форму 13-Д.

Скажи этому сукиному сыну, что буду скупать их до тех пор, пока не получу пятьдесят один процент акций его компании, и тогда я дам ему пинка под зад, — я с трудом перевел дыхание. Сердце мое колотилось как бешеное. — А еще скажи ему, пусть не думает, что я блефую, потому что даже если он зароется в какой-нибудь чертов бункер, я все равно отыщу и уничтожу его, — пошарив в ящике стола, я нащупал портфель, в котором лежал пакет с кокаином, и было в этом пакете не меньше фунта.

— Послушай, я сделаю все, что ты скажешь, — ответил Вигвам Слабак. — Только хорошенько подумай. Ты самый умный парень из всех, кого я знаю, но сейчас ты явно действуешь… не вполне рационально. Как твой адвокат, я не советую тебе предавать ваше соглашение оглас…

Но я не дал ему договорить.

— Мать твою, Энди, позволь мне сказать тебе кое-что: ты, мать твою, не имеешь понятия, до какой степени мне наплевать на комиссию, чтоб ее и все такое прочее.

На этих словах я открыл портфель, вытащил из стола игральную карту и подцепил краешком порцию кокса, достаточную для того, чтобы оглушить синего кита. Затем высыпал его на поверхность стола, нагнулся, окунул нос в порошок, глубоко втянул его носом и продолжил:

— Мне, мать твою, наплевать и на этого ублюдка Коулмэна, — я говорил, а мое лицо было облеплено белым порошком. — Он копал под меня четыре года, мать его, да так ни хрена и не накопал! — Я пару раз встряхнул головой, пытаясь избавиться от тумана, который уже заволакивал мне мозги. — У него нет никакой возможности взять меня за задницу с помощью этого соглашения. Для Коулмэна такое немыслимо. Он человек чести, поэтому захочет прихватить меня на чем-то *реальном*. Ну типа как Аль Капоне взяли за неуплату налогов. Так что хрен с ним, с Коулмэном!

— Ясно, — буркнул Вигвам. — Но я хотел попросить у тебя кое-что.

— Что именно?

— У меня в последнее время напряг с деньгами, — выдержав эффектную паузу, произнес мой личный адвокат. — Знаешь ведь, Дэнни перекрыл мне кислород, когда запретил пустить в ход «тараканью» стратегию. В конце концов, я до сих пор жду оформления брокерской лицензии. Не мог бы ты пока что выручить меня?

Невероятно! Я ушам своим не верил. Мой собственный эскроу-агент разводит меня на бабки! Вот сукин сын!

— Сколько тебе нужно?

— Не знаю, — едва слышно пискнул Вигвам. — Может, пару сотен тысяч?

— Идет! — рявкнул я. — Дам тебе четверть миллиона, если прямо сейчас позвонишь этому сукиному сыну Мэддену, а после мне и сообщишь, что он скажет. — Злой, как черт, я швырнул трубку, не попрощавшись. Потом снова окунул лицо в кокаин. Телефонный звонок раздался минут через десять.

— Ну, что сказал этот сукин сын? — прорычал я.

— Тебе это не понравится, — предупредил Вигвам. — Он отрицает, что подобное соглашение вообще существует. Говорит, что это было бы незаконно, и он уверен, что ты ни за что не пошел бы на то, чтобы предать подобное гласности.

Я глубоко вздохнул, пытаясь сдержаться.

— Стало быть, он решил, что я блефую, так?

— Скорее всего, — ответил Вигвам. — Но он сказал, что предпочитает договориться по-дружески. И предлагает тебе *выкупить* у него акции по два бакса за штуку.

Разминая затекшую шею, я быстро сосчитал в уме, сколько это будет. Если я заплачу ему по два доллара за акцию, значит, он ограбит меня почти на 13 лимонов, и это только акции; но у него оставался еще миллион моих

опционов по цене использования около семи долларов за штуку.

Сегодняшняя стоимость опционов — тринадцать долларов — означала, что их можно прямо сегодня продать за шесть. Вот вам и еще шесть миллионов. То есть он рассчитывает кинуть меня на 19 лимонов! Странно, но я даже не очень злился. В конце концов, я знал это с самого начала, с того самого дня, когда сам же предупреждал Дэнни, что Стиву нельзя верить ни на грош. Собственно говоря, по этой самой причине я и заставил Стива подписать это эскроу-соглашение и передать мне акционерный сертификат.

Да и с чего бы мне злиться? В конце концов, это недоумки из Национальной ассоциации дилеров по ценным бумагам толкнули меня на кривую дорожку. У меня не оставалось выбора, кроме как вывести свои активы, якобы передав их Стиву, но я принял все меры предосторожности — подготовился к любой неожиданности. Мысленно перебирая в памяти историю наших отношений, я не нашел ни единой ошибки. И хотя трудно было отрицать, что являться в офис под кайфом — не самый разумный поступок, но все же это был лишь повод, а не причина. Стив так или иначе постарался бы избавиться от меня; мое пристрастие к коксу лишь дало ему удобный предлог.

— Ладно, — уже спокойнее проговорил я. — Я скоро уезжаю в Саутхэмптон, так что давай вернемся к этому в понедельник утром. Можешь больше не звонить Стиву. Просто подготовь все нужные документы для покупки акций. Пора перейти к военным действиям.

Саутхэмптон! Здесь обитают только сливки общества! Да, да, именно здесь теперь располагался мой новый загородный дом — прямо на взморье! Пришло время двигаться дальше, а Вестхэптон на придирчивый вкус Герцогини был слишком уж *плебейским*. Кроме всего прочего, там было полным-полно евреев, и я был уже по горло сыт ими, хотя и был одним из них. Донна Каран (еврейка, но высший сорт) купила себе дом к западу от Вестхэмптона, Генри Крейвис (тот же случай) — к востоку. Выложив 5,5 миллиона (и это еще недорого), я стал обладателем очаровательного серо-белого особняка в постмодернистском стиле площадью десять тысяч квадратных футов на Мидоу-Лейн, самой фешенебельной улице на планете. Фасад дома выходил на залив Шайнкок; из окон в задней части дома был виден Атлантический океан; закаты и восходы каждый день окрашивали его в немыслимые оттенки алого, желтого, оранжевого и голубого. Словом, дом был поистине великолепен — настоящее логово Дикого Волка.

Проезжая кованые ажурные ворота моего поместья, я чуть не лопался от самодовольства. Еще бы, я сижу за рулем новехонького ярко-синего «бентли» стоимостью 300 000 баксов! А в бардачке достаточно кокса, чтобы поставить на уши весь Саутхэмптон!

Я был тут только однажды, месяц назад, когда дом еще стоял без мебели, — заехал вместе с Дэвидом Дэвидсоном, одним из своих деловых партнеров. Конечно, именовать его «партнером» было жестокой шуткой, учитывая, что я при каждой встрече с трудом мог припомнить, как его зовут. Но как бы там ни было, этот Дэвидсон был владельцем брокерской фирмы под названием «Ди Эл Кромвелл», куда перебежала часть бывших стрэттонцев; но главное, что мне в нем нравилось, — это то, что он тоже подсел на кокаин. В тот вечер, когда я показывал ему мой новый дом, мы с ним первым делом завернули в «Гранд Юнион» и прикупили пятьдесят баллончиков взбитых сливок «Редди Вип». После чего приехали ко мне, уселись прямо на пол и оттянулись по полной — пшикали из баллончиков прямо в ноздрю и вдыхали закись азота — веселящий газ, который входил в состав этой дряни в качестве пропеллента. Просто чума — особенно если чередовать это с понюшками кокаина.

Да, вечерок выдался прекрасный — но это было ничто по сравнению с тем, что намечалось на сегодняшний вечер. Герцогиня уже обставила дом — потратив почти два миллиона из денег, которые я зарабатывал потом и кровью. Она с таким упоением предавалась этому занятию, так прессовала беднягу-декоратора, что едва не довела его до нервного срыва, но при этом находила время, чтобы постоянно шпынять меня из-за кокса.

Да пошла она на хрен! Кто она такая, чтобы указывать мне, что я должен делать, особенно если я пристрастился к коксу ради ее же собственной пользы? Это ведь она постоянно твердила, что бросит меня, поскольку в ресторане я засыпаю прямо за столом. Поэтому я и перешел на кокс. А теперь она то и дело твердит мне: «Ты болен. Ты уже целый месяц не спал. Ты больше не занимаешься со мной любовью. И похудел так, что весишь всего сто тридцать фунтов. Не ешь ничего, кроме хлопьев. И цвет лица у тебя совершенно зеленый».

Да подумаешь! Это ведь я дал ей возможность вести Настоящую Жизнь, а в ответ она же воротит от меня нос! Ну и хрен с ней! Легко ей было любить меня, когда я был болен. Все эти ночи, когда я мучился от боли, она возилась со мной, поправляла мне подушки и твердила при этом, как она любит меня несмотря ни на что. И вот теперь выясняется, что это был просто хитроумный план. Что ж, отлично. Просто здорово! Пусть катится на все четыре стороны. Она мне больше не нужна. Собственно

говоря, мне вообще никто не нужен.

Все эти мысли кружились у меня в голове, пока я поднимался по ступенькам красного дерева и открывал парадную дверь своего нового дома.

— Привет! — громогласно объявил я, переступив порог. Задняя часть дома была сплошь стеклянной, и уже стоя на пороге, я мог любоваться Атлантическим океаном. В семь часов вечера в это время года солнце садилось прямо у меня за спиной, словно пытаясь утопиться в заливе, и окрашивало воду в королевский пурпур. Пришлось признать, что дом выглядит потрясающе. Трудно было отрицать, что Герцогиня — хотя временами она становится настоящей занудой — обладает прекрасным вкусом. Из холла вы попадали прямо в гостиную — просторную, с высокими потолками. Правда, мебели там было столько, что легко было заблудиться. Заваленные подушками диваны, козетки, стулья, кресла, оттоманки постоянно попадались под ноги. И вся эта гребаная мебель была либо белой, либо темно-серой, очень загородной на вид и слегка потертой, что было признаком особого шика.

И тут появился Комитет по Встрече Хозяина Дома — толстуха-кухарка Мария и ее муж Игнасио, коротышка-дворецкий ростом лишь чуть повыше жены и с чрезвычайно вредным характером. Уроженцы Португалии, они неизменно подчеркивали, что ведут хозяйство в стиле, основанном на вековых традициях. Я слегка презирал их — потому что их презирала Гвинн, а Гвинн была одной из немногих, кто по-настоящему понимал меня, — она да еще мои детки. Кто их знает, эту парочку, — можно ли им вообще доверять? Придется за ними следить… а если понадобится, то и нейтрализовать, решил я.

— Добрый вечер, мистер Белфорт, — приветствовал меня дуэт. При этом Игнасио чопорно поклонился, а Мария сделала книксен. — Как поживаете, сэр? — добавил Игнасио.

— Лучше не бывает, — буркнул я. — Где моя любящая жена?

— В городе. Отправилась по магазинам, — ответила кухарка.

— Какой сюрприз! — прорычал я, протискиваясь мимо них в дом. Под мышкой у меня был саквояж от Луи Вюиттона, битком набитый наркотой.

— Обед подадут в восемь, — чинно объявил Игнасио. — Миссис Белфорт просила передать, что гости будут к семи тридцати и что она хочет, чтобы вы были готовы к этому времени.

«Ах, мать твою!» — мысленно выругался я.

— Ладно, — пробормотал я. — Я буду в телевизионной комнате. Прошу меня не беспокоить. У меня много дел. — Я захлопнул перед их

носом дверь, врубил «Роллинг Стоунз» на полную катушку и стал разбираться с наркотой в саквояже. Значит, Герцогиня велела, чтобы я был готов к половине восьмого? И что это, мать ее, значит? Что я должен напялить на себя гребаный смокинг… или, может, фрак с цилиндром? Что я ей — дрессированная обезьяна, твою мать? На мне были отличные серые свободные брюки спортивного покроя и белая футболка, и я, мать ее, не собираюсь переодеваться! В конце концов, кто тут за все платит? Я? Или, может, кто другой? Как у нее вообще хватает наглости мне приказывать!

Восемь вечера, *кушать подано*! А кому он вообще нужен, этот обед? По мне, так хлопья с обезжиренным молоком куда лучше, чем все эти гребаные разносолы, которые готовит Мария и от которых так тащится Герцогиня!

Обеденный стол имел форму лошадиной подковы. Приглашенных к обеду гостей еще можно было как-то терпеть — в отличие от Герцогини. Моя жена сидела напротив меня на другом конце стола — настолько далеко от меня, что проще было бы разговаривать по телефону, чем перекрикиваться через стол. Надо было признать, выглядела она офигительно. Однако таким бабам, на которых женятся лишь для того, чтобы соседи завидовали, — а Герцогиня была именно такой женой, — так вот, таким бабам, думал я, грош цена в базарный день. Хорошая жена не будет грызть своего мужа без всякого повода. Практически без всякого повода.

Справа от меня сидели Дэйв и Лори Билл, притащившиеся на наш обед аж из Флориды. Лори была хорошенькая блондиночка, знавшая свое место, — у нас с ней было полное понимание. Одна беда — она вечно смотрела в рот Герцогине, которая, пользуясь этим, не упускала случая рассказать ей про меня очередную гадость. Так что полностью доверять Лори я не мог.

Иное дело ее муж, Дэйв. Ему можно было доверять — ну, более или менее. С виду типичный здоровенный деревенский бугай — шесть с лишним футов ростом, двести пятьдесят фунтов литых мышц. Учась в колледже, он подрабатывал вышибалой. Как-то раз один из посетителей полез в драку, и Дэйв крепко приложил его по черепу — так крепко, что вышиб бедолаге глаз. Говорят, глаз буквально висел на ниточке. В недавнем прошлом Дэйв служил охранником в «Стрэттон», а теперь работал на «Ди Эл Кромвелл». Попроси я его вышвырнуть за ворота кого-нибудь из гостей, Дэйв был бы только рад оказать мне эту маленькую услугу. Я знал, что могу смело на него рассчитывать.

Слева от меня устроилась еще одна супружеская чета — Скотт и Андреа Шнейдерман. Скотт был типичным «мальчиком с Залива», хотя друзьями детства мы с ним не были. При этом Скотт был убежденным гомосексуалистом — и одному богу известно, ради чего ему понадобилась жена. Возможно, чтобы завести детей? Один ребенок у них действительно был — дочка. Кстати, Скотт раньше тоже работал на «Стрэттон», хотя инстинкты убийцы у него напрочь отсутствовали. В настоящее время он был не у дел и присутствовал здесь по одной-единственной причине — Скотт был моим пушером. У него были связи во всех аэропортах, и он умудрялся поставлять мне чистейший кокс прямо из Колумбии. Жена его — пухлая молчаливая брюнетка — если и открывала рот, то лишь для того, чтобы ляпнуть очередную банальность.

После четырех перемен блюд и двух с половиной часов мучительной беседы часы наконец пробили одиннадцать.

— Пошли, парни, — кивнул я Дэйву и Скотту, — пойдем, какое-нибудь кино посмотрим.

Встав из-за стола, я направился в домашний кинозал с Дэйвом и Скоттом в арьергарде. Почему-то я был уверен, что Герцогиня так же мало горит желанием пообщаться со мной, как и я с ней. И это не могло не радовать. Наш брак практически распался. Развод — лишь вопрос времени.

То, что последовало потом, началось с осенившей меня гениальной идеи: поделить имеющийся у меня запас кокса на две отдельные вечеринки. Первая состоится прямо сейчас — на нее я выделил восемь граммов, этого должно хватить на два часа, которые мы проведем в кино.

После этого поднимаемся в игровую — сыграем в дартс или перекинемся в картишки. А в два часа ночи вернемся в кинозал и продолжим. Для этого этапа у меня было припасено еще двадцать граммов чистейшего, 98-процентного кокаина. Вынюхать такое за один вечер по плечу лишь Волку с его верными друзьями.

В соответствии с этим планом мы трое и действовали: следующие два часа торчали в кинозале, таращась на экран и то и дело втягивая через золотую трубочку кокс. Звук мы выключили, вместо этого врубили на полную «Симпатию к дьяволу» «Роллинг Стоунз» и стали гонять песню в повторе раз за разом. Потом поднялись в игровую. Как только часы пробили два, я сказал:

— Ну, парни, настало время улететь по-настоящему. За мной, и да здравствует рок-н-ролл!

Мы снова спустились вниз и молча уселись на диван. Я потянулся за

коксом… но он пропал. Его не было! Какого дьявола?.. Что вообще происходит?!

Я покосился на Дэйва со Скоттом:

— Ладно, парни, хорош шутить. У кого из вас кокс?

Оба с недоумением уставились на меня. Первым опомнился Дэйв.

— Ты что, шутишь? Лично я его не брал! Богом клянусь!

— Не смотри на меня так! — с оскорбленным видом добавил Скотт. — Я бы никогда такого не сделал! Это ж смертный грех — стащить у кого-нибудь кокс!

После этого мы все трое встали на четвереньки и принялись обшаривать ковер. Спустя две минуты мы столкнулись лбами под экраном и ошеломленно уставились друг на друга. Ничего! Может, он завалился за подушки на диване? Мы кинулись переворачивать подушки. Ничего!

— Бред какой-то, — пробормотал я. — Этого просто не может быть.

И тут меня осенило: а что, если кокс каким-то непостижимым образом оказался *внутри* одной из подушек? Да, на первый взгляд невозможно, но ведь порой случаются и более странные вещи, разве нет?

— Сейчас вернусь, — пробормотал я сквозь сведенные судорогой зубы и рысью понесся на кухню. Вытащив из ящика нож для разделки мяса, я бегом вернулся в кинозал, вооруженный до зубов и готовый к любому повороту событий. В конце концов, это был *мой* кокс!

— Что это ты задумал? — испуганно спросил Дэйв.

— А то ты не знаешь! — упав на колени перед диваном, я с размаху всадил нож в одну из подушек. Перья — или чем она там была набита — полетели на ковер. Сиденье дивана состояло из трех подушек — еще три играли роль спинки. И минуты не прошло, как от всех них остались одни клочья.

— Мать твою! — скрежетал я зубами, принимаясь с остервенением кромсать стоявший рядом изящный диванчик для двоих. Опять ничего! У меня упало сердце. Что за… просто глазам своим не верю! Куда мог подеваться этот гребаный кокс?

Я уставился на Дэйва:

— Не помнишь, мы не заходили в гостиную?

— Не помню, — Дэйву явно было не по себе. — Слушай, может, просто забудем об этом?

— Спятил, мать твою?! Ну уж нет, я отыщу этот чертов кокс, даже если это будет последнее, что мне суждено сделать в этой жизни!

Повернувшись к Скотту, я угрожающе прищурился:

— Только не лги мне, Скотт! Были мы в этой гребаной гостиной или

нет?

— Не помню, — Скотт отчаянно замотал головой. — Прости, но я правда не помню.

— Знаете, что, парни? — заорал я. — Вы двое — просто никчемные куски дерьма! Вам обоим не хуже моего известно, что этот чертов кокс просто завалился между подушками! Он где-то здесь и есть, и будь я проклят, если не отыщу его!

Поднявшись на ноги, я сбросил на ковер растерзанные останки подушек и, пинками расшвыривая клочья обивки и кучи перьев, направился в гостиную. В правой руке у меня все еще был мясницкий нож. Я скрипел зубами от ярости.

Нет, вы только на нее поглядите! Неужели она думает, что ей сойдет с рук то, что она накупила всю это долбаную мебель! Почувствовав, что я уже на грани, я сделал глубокий вдох. Нужно успокоиться, отчаянно взывал мой рассудок.

Но ведь какая это была гениальная идея — приберечь кокс до двух часов утра! Вечеринка бы вышла что надо… а тут эта долбаная мебель! Ну, мать твою, держитесь! Опустившись на колени, я принялся за дело. Забыв обо всем на свете, я методично продвигался вперед, кромсая в клочья все, что попадалось мне под руку, вплоть до обивки кресел и стульев. Скотт с Дэйвом замерли на месте, в ужасе глядя на меня во все глаза.

И тут меня точно обухом по лбу ударило — ну, конечно, как же я сразу не сообразил! Кокс же наверняка спрятан в ковре! Я уставился на темно-серый ковер. Интересно, сколько стоит эта штука? Сто тысяч? Может, двести? Мать твою, с какой же непостижимой легкостью она тратит *мои* деньги! Я принялся, словно одержимый, полосовать ковер ножом.

Прошла минута… ничего! Усевшись на корточки, я окинул взглядом гостиную. От нее практически ничего не осталось. И тут на глаза мне попался бронзовый торшер — огромный, в человеческий рост. Бросившись к нему, я схватил торшер обеими руками и принялся со свистом вращать его над головой, словно скандинавский бог Тор, замахивающийся своим боевым молотом. А потом запустил его в камин. БАБАХ! Снова схватив нож, я победно поднял его над головой.

И тут в гостиную вбежала Герцогиня, одетая лишь в коротенькую ночную сорочку. Она была в ванной и, конечно, услышала этот дикий грохот. Я мимоходом отметил, что прическа у нее, как всегда, безупречна — впрочем, и ножки тоже. Итак, значит, снова пытаемся манипулировать мною? Снова пытаемся заставить меня плясать под свою дудку? Раньше это работало, но только не сейчас. Теперь я начеку. Теперь я гораздо,

гораздо умнее!

— О боже! — закричала Герцогиня. — Прекрати сейчас же! Зачем ты все это устроил?

— Зачем? — прорычал я сквозь сведенные судорогой челюсти. — Хочешь знать, *зачем*, мать твою? Затем, что я гребаный Джеймс Бонд, мать твою! И я ищу секретную микропленку! *Вот зачем*!

У Герцогини отвалилась челюсть. Она в ужасе смотрела на меня.

— Ты болен, — беззвучно прошептала она наконец. — Тебе нужна помощь.

От этих слов я пришел в ярость.

— А не пошла бы ты, Надин? Кто ты такая, мать твою, чтобы решать, болен я или не болен? Хочешь дать мне по морде? Валяй, попробуй!

И тут… вдруг… жуткая боль в спине! Кто-то с размаху толкнул меня на ковер. Жуткая боль в руке!

— О, черт! — завопил я, извернулся, взглянул назад — и увидел, что Дэйв Билл сидит на мне верхом и выворачивает мне руку. Мясницкий нож со звоном упал на остатки ковра. Билл повернулся к Надин.

— Идите к себе, — хладнокровно сказал он. — Я о нем позабочусь. Все будет хорошо.

Надин унеслась в спальню и с грохотом захлопнула дверь. Через минуту я услышал, как в замке повернулся ключ.

Дэйв по-прежнему сидел на мне верхом. Я кое-как повернулся, наши глаза встретились, и я попытался улыбнуться.

— Все в порядке, — пробормотал я. — Можешь слезть с меня. Я просто пошутил. Честно, я бы и пальцем ее не тронул. Просто хотел показать, кто тут хозяин.

Но Дэйв, не обращая на мои слова никакого внимания и по-прежнему заломив мне руку за спину своей здоровенной лапищей, потащил меня к единственному уцелевшему стулу. Усадил меня, а потом бросил Скотту:

— Живо за ксанаксом.

Последнее, что я помню, это как Дэйв засовывает мне в рот две таблетки ксанакса.

Проснулся я среди ночи — следующей ночи. Почему-то я вновь был у себя в кабинете в Олд-Бруквилле — снова сидел за своим письменным столом красного дерева. Как я туда попал, не знаю, помню только, как поблагодарил Дневного Рокко. Это ведь Дневной Рокко извлек меня тогда из машины — ну в тот раз, когда я врезался в каменный столб собственного забора. Или это был Ночной Рокко?.. Да какая, мать твою,

разница? Они оба подчиняются Бо, а Бо подчиняется мне… но Герцогиня не удостаивает вниманием ни того ни другого — стало быть, они не могут быть участниками заговора, который она тут задумала… Но мне все равно следует быть начеку.

«Ну, и где эта Скорбная Герцогиня?» — подумал я. После сцены с ножом я ее еще не видел. Она была дома — но при этом явно старалась не попадаться мне на глаза… она пряталась от меня! Может, отсиживается в спальне? Впрочем, неважно. Главное — это дети; ведь я хороший отец. Именно таким меня и запомнят: *Он был хорошим отцом, превосходным семьянином и надежным кормильцем!*

Выдвинув ящик, я вытащил портфель, в котором по-прежнему был фунт чистого кокса, снова рассыпал порошок по столу, зарылся в него лицом и блаженно втянул его обеими ноздрями.

— Господи ты боже мой! — пробормотал я через пару минут, поднял голову, откинулся на спинку кресла и тяжело задышал.

И тут произошло нечто странное — экран телевизора внезапно увеличился в несколько раз, и я услышал грубый голос, который обвиняющим тоном произнес:

— А тебе известно, который сейчас час? А где твоя семья? По-твоему, это забавно — в одиночку пялиться в телевизор среди ночи в таком состоянии? Посмотри на себя — пьяный, да еще под кайфом! Да ты хоть на часы взгляни — если они у тебя вообще есть!

Какого хрена?! Я машинально бросил взгляд на запястье. Естественно, у меня есть часы — массивные золотые «булгари» за 22 штуки баксов! Я попытался сфокусировать взгляд на экране телевизора. *Господи…* ну и рожа у этого ведущего! Мужик слегка за пятьдесят с массивной головой и толстой, как у борца, шеей — лицо его было довольно красивым, но слегка хищным, а седые волосы идеально уложены волосок к волоску. И тут вдруг в мозгу у меня всплыло его имя — *Фред Флинтстоун*!

А Фред между тем продолжал гнуть свое:

— Хочешь избавиться от меня прямо сейчас? А как насчет того, чтобы прямо сейчас покончить со своими вредными привычками? Алкоголь и наркотики убивают тебя! Но у нас найдутся ответы на все твои вопросы. Звони прямо сейчас, мы тебе поможем!

«Невероятно! — подумал я. — Это же наглое вторжение в частную жизнь!»

— Ах ты, сукин сын! — уставившись на экран, злобно забормотал я. — Дать бы тебе пинка под твой первобытный зад — да так, чтоб ты летел до самого Тимбукту!

Но Фред Флинтстоун как будто не слышал.

— Помни: признаться, что ты алкоголик и наркоман, не стыдно; стыдно не сделать попытку побороть это. Поэтому позвони нам прямо сейчас, и мы…

Я окинул взглядом комнату… вот что мне нужно — настольная статуэтка на подставке из зеленого мрамора. Целых два фута в высоту и при этом бронзовая — ковбой верхом на раскорячившейся лошади. Ухватив скульптуру одной рукой, я подошел к телевизору, прицелился хорошенько и с размаху швырнул ее прямо в ненавистную физиономию Флинтстоуна. БАБАХ! Конец придурку!

— Получил?! — глядя на потухший экран, я злобно оскалился. — Предупреждал же — не фига лезть ко мне со своими гребаными советами!

Я снова уселся за стол и со вздохом сунул нос (из него почему-то шла кровь) в рассыпанный по столу порошок. Но вдыхать не стал — просто уткнулся в него лицом, словно в подушку, и замер.

Мне было слегка стыдно — ведь дети в детской могли слышать. Но я ведь прекрасный отец и отличный семьянин, успокоил я себя, а двери у меня в доме все из красного дерева, так что сквозь них не долетает ни звука. Вернее, я так думал — пока не услышал на лестнице шаги. А секундой позже до меня долетел возглас Герцогини:

— Боже ты мой! Что ты опять натворил?!

Я поднял голову — я знал, что мое лицо сплошь облеплено коксом, но мне было наплевать. Я уставился на совершенно голую Герцогиню — вот, значит, как… снова пускаем в ход наши маленькие женские уловки!

— Фред Флинтстоун пытался пролезть в дом через телевизор, — объяснил я спокойно. — Но ты не волнуйся — я его пристукнул. Иди к себе и спокойно спи. Опасность миновала.

Герцогиня уставилась на меня, разинув рот. Руки она скрестила под грудью — я машинально таращился на ее соски. *Проклятье... эта женщина до сих пор волнует меня!* Трудно будет ее заменить… но придется… Но трудно, конечно.

— У тебя из носа кровь идет, — тихо сказала она.

Я помотал головой.

— Не преувеличивай. Совсем чуть-чуть. Сейчас ведь такое время года… аллергия…

Герцогиня вдруг заплакала.

— Или ты немедленно ложишься в больницу, или я ухожу! Прямо сейчас! Не могу я сидеть и смотреть, как ты убиваешь себя! Я слишком люблю тебя для этого… и всегда любила. Помни об этом всегда! — она

выбежала из комнаты, тихо закрыв за собой дверь. Почему-то совсем не хлопнула.

— Иди ты! — заорал я ей вслед. — Никого я не убиваю, мать твою! Могу бросить в любую секунду, когда захочу! — Я подолом футболки вытер текущую из носа кровь. Решила отправить меня в больницу… ха! Шиш тебе! Я снова вытер нос. *Да пошла она!* Будь у меня эфир, можно было бы превратить кокаин в крэк. Тогда я мог бы его курить, и не было бы проблем с носом. *Момент!* Но ведь крэк можно, кажется, приготовить и без всякого эфира… кажется, с помощью обычной пищевой соды. Точно, в интернете наверняка есть рецепты!

Рецепт нашелся через пять минут. Спотыкаясь, я ринулся на кухню, трясущимися руками собрал нужные ингредиенты и вывалил их на кухонный стол. Потом налил в кофейник воды, засыпал туда кокаин, добавил пищевой соды, включил плиту и поставил кофейник на огонь. А вместо крышки водрузил поверх керамическую плошку с печеньем.

Затем взял стул и уселся возле плиты, уронив голову на стойку. Перед глазами все поплыло — закрыв глаза, я попытался слегка успокоиться. На меня навалилась ужасная сонливость, и вдруг… БАБАХ! Прогремел оглушительный взрыв! Мое варево разлетелось по кухне. Крэк был везде — на потолке, на полу, на стенах.

Через секунду на кухню ворвалась Герцогиня.

— Боже милостивый! Что опять произошло? Это что — был взрыв?! — перепуганная насмерть, она хватала воздух ртом.

— Ничего страшного, — пробормотал я. — Просто хотел испечь пирог… и нечаянно уснул.

Последнее, что я помню, были ее слова:

— Завтра рано с утра я переезжаю к маме.

Последней моей мыслью было — чем раньше, тем лучше!

Глава 36

Тюрьма, психушка, смерть

На следующее утро — точнее, через пару часов — я проснулся у себя в кабинете. Что-то теплое мягко касалось моего носа и щек. *Аааххх… как приятно… Значит, Герцогиня снова со мной… она умывает меня — ласково, словно моя мама.*

Я открыл глаза — увы, это была Гвинн. В руках у нее было белое банное полотенце (чудовищно дорогое, насколько я помню); смочив его теплой водой, она осторожно смывала с моего лица корку из крови и кокаина.

Я улыбнулся ей — Гвинн была одной из немногих, кто остался верен мне. Но могу ли я безоговорочно ей доверять? — напряженно размышлял я, снова закрыв глаза. Да, могу. Без сомнения. Для Гвинн моя душа была как открытая книга. Даже если Герцогиня бросит меня, Гвинн по-прежнему будет здесь — станет заботиться обо мне, поможет растить детей.

— С вами все в порядке? — озабоченно спросила моя красавица-южанка.

— Да, — прокаркал я. — А что вы тут забыли в воскресенье? По-моему, вы сейчас должны быть в церкви.

По губам Гвинн скользнула грустная улыбка.

— Миссис Белфорт позвонила — попросила приехать и присмотреть за детьми. Ну-ка, поднимите руки — я принесла вам чистую футболку.

— Спасибо, Гвинн. Что-то я проголодался. Не могла бы ты?..

— Вот они, ваши хлопья, ждут вас, — Гвинн кивнула на подставку из зеленого мрамора, на которой совсем недавно красовалась статуэтка. — Именно такие, как вы любите.

Вот это обслуживание! Жалко, Герцогиня этого не видит!

— А где Надин? — осторожно поинтересовался я.

— Наверху, собирает вещи, — Гвинн поджала губы. — Сказала, уезжает к матери.

От этих слов у меня вдруг мучительно засосало под ложечкой. Ощущение было такое, словно чья-то рука скрутила в тугой узел желудок с кишками и безжалостно тянет наружу. К горлу подкатила тошнота — я даже испугался, что меня сейчас вырвет.

— Я сейчас, — отшвырнув стул, я ринулся вверх по лестнице. Ярость разгоралась во мне с быстротой лесного пожара.

Спальня была на самом верху. Дернув за ручку, я обнаружил, что дверь заперта, и забарабанил в нее кулаками.

— Впусти меня, Надин! — нет ответа. — Это и моя спальня тоже! Впусти меня, я сказал!

Наконец в замке повернулся ключ. Однако дверь так и оставалась закрытой. Распахнув ее, я ворвался в спальню. Первое, что я увидел, был стоявший на постели саквояж с аккуратно уложенными вещами. Герцогини нигде не было. Саквояж был шоколадно-коричневый, весь покрытый логотипами Луи Вюиттон. Стоил чертову пропасть денег… *моих денег!*

Именно в этот момент Герцогиня вынырнула из огромной, размером примерно со штат Делавэр, гардеробной, в которой она держала исключительно обувь, — в каждой руке у нее было по обувной коробке. Она даже не посмотрела в мою сторону и принялась запихивать коробки в саквояж. Покончив с этим, она повернулась на каблуках и снова скрылась в гардеробной.

— Куда это ты собралась? — рявкнул я.

Герцогиня смерила меня презрительным взглядом.

— Сказала же, к маме. Не могу смотреть, как ты убиваешь себя у меня на глазах. Короче, с меня довольно.

Кровь ударила мне в голову с такой силой, что зашумело в ушах.

— Надеюсь, ты понимаешь, что я не позволю тебе взять с собой детей?!

— Дети останутся с тобой, — невозмутимо ответила она. — Я уеду одна.

Этого я не ожидал. Почему это она решила оставить детей? Или… а вдруг это какой-то особо коварный план? Ну конечно! Хитрости и коварства ей не занимать.

— Думаешь, я такой дурак, да? Думаешь, я не понимаю, что стоит мне только заснуть, как ты мигом вернешься, чтобы выкрасть детей?

Надменно выпятив губу, Герцогини окинула меня пренебрежительным взглядом.

— Даже не знаю, что на это сказать, — и она снова направилась в гардеробную.

Решив, что я до сих был слишком мягок с ней, я решил взять более жесткий тон:

— Интересно, с чего ты решила, что можешь прихватить с собой все это барахло? Нет, если ты уйдешь от меня, то уйдешь в том, в чем пришла! Тебе ясно, шлюха?

Похоже, удар попал в цель! Герцогиня подпрыгнула, как ужаленная.

— Ах ты, негодяй! — завопила она. — Да ты вообще не заслуживаешь

такой жены, как я! Вспомни, сколько я нянчилась с тобой! Я родила тебе двоих чудесных детей, шесть лет, мать твою, плясала вокруг тебя — шесть долгих лет! И все эти годы я была тебе верной женой — ни разу даже не посмотрела на сторону. И что я получила взамен? Сколько раз за эти годы ты изменял мне? Ты… ты просто кусок дерьма! Так что пошел!

— Можешь говорить все, что хочешь, — я сделал глубокий вдох. — Но если ты уйдешь от меня, то в одной рубашке.

Это было сказано спокойно, но в моем тоне, надеюсь, слышалась угроза.

— Неужели? И что ты сделаешь, хотелось бы знать? Бросишь мои вещи в огонь?

А что, гениальная мысль! Схватив саквояж, я с размаху швырнул его в газовый камин — ворох разноцветных тряпок, разлетевшись в разные стороны, накрыл собой декоративные дрова, только и дожидавшиеся, когда кто-нибудь включит горелку. Я обернулся к Герцогине — оцепенев от ужаса, она смотрела на меня широко раскрытыми глазами.

Решив, что этого мало, я кинулся в гардеробную и принялся вышвыривать оттуда все подряд — стопки белья, пуловеры, юбки, брюки, сорвал с вешалок аккуратно развешанные платья, потом собрал все это в охапку и торжественно водрузил поверх той кучи, что уже красовалась в камине.

После чего снова посмотрел на Герцогиню. Видимо, ее наконец проняло — на глазах появились слезы. И все же мне этого было недостаточно — я хотел, чтобы она извинилась. Стиснув зубы, я направился к столику, где стояла ее шкатулка с украшениями. Схватив ее, я вытряхнул все побрякушки в камин. Потом подошел к стене, положил палец на кнопку, которой включалась горелка камина, и снова посмотрел на Герцогиню. Лицо ее было залито слезами.

— Да пошла ты! — прорычал я. И нажал кнопку.

Через мгновение одежда Герцогини и все ее драгоценности были охвачены пламенем.

Не сказав ни слова, она повернулась и очень спокойно вышла из комнаты, бесшумно прикрыв за собой дверь. Я уставился в огонь. *Да пошла она!* Я был в бешенстве. Ишь чего вздумала… пугать меня! Решила снова обвести меня вокруг пальца! Я смотрел в огонь, пока под окнами не послышался шорох гравия. Стряхнув с себя оцепенение, я кинулся к окну — и увидел, как ее черный «рэйнджровер» скрылся за воротами.

Вот и хорошо, подумал я. Как только слух о том, что мы с Герцогиней расстались, разлетится по округе, перед воротами выстроится очередь —

очередь! — из желающих поскорее занять ее место. И тогда посмотрим, кто тут хозяин!

Теперь, когда Герцогиня, так сказать, сошла со сцены, пришло время сделать довольное лицо и дать понять детям, какая замечательная жизнь ждет их в отсутствие мамочки. Больше никто не посмеет поставить Чэндлер в угол, а Картер сможет лопать шоколадный пудинг, когда ему заблагорассудится. Я пошел с ними на задний двор, где была детская площадка, и мы долго играли вместе — а Гвинн, Рокко, Эрика и Мария с Игнасио и остальные члены домашнего зверинца выступали в роли зрителей.

Мы с удовольствием играли довольно долго — целую вечность, как мне показалось, — смеялись, вопили во все горло, то и дело задирали головы вверх, чтобы полюбоваться синим куполом неба и вдохнуть аромат весенних цветов. Нет, все-таки дети — это счастье!

Увы, как потом выяснилось, эта «вечность» длилась всего три с половиной минуты, потому что внезапно я потерял всякий интерес к детям и подозвал Гвинн.

— Займитесь с ними, хорошо? Мне нужно поработать с документами.

Минутой позже я уже сидел у себя в кабинете, и передо мной на столе высилась белая кучка кокса. Вспомнив, как Чэндлер любила выстраивать в шеренгу кукол, я тоже выстроил перед собой все свои упаковки с наркотой — теперь у меня тоже появилась собственная свита, подумал я, окинув довольным взглядом двадцать два флакона и несколько пластиковых коробочек. Любой другой бы на моем месте, приняв все это, тут же скончался бы от передоза. Никто бы не выжил — это под силу только Волку! Волку, чья сопротивляемость была результатом многих лет упорного труда, в течение которых он смешивал вещества и ставил на себе опыты, рисковал и балансировал на грани смерти, шел тернистым путем ошибок и побед — пока не получил *именно то, что нужно*.

А на следующее утро разразилась война.

В восемь утра в моей гостиной уже сидел Вигвам — и это само по себе бесило меня почти до потери сознания. Какого черта ему вообще пришло в голову заявиться в мой дом и разглагольствовать по поводу законов США о ценных бумагах — причем ничего конкретного, так, общие фразы. Господи, конечно, в чем-то я, возможно, ориентировался слабо, но в том, что касается законов о ценных бумагах, уж точно собаку съел. Даже после трех месяцев бессонницы, даже после семидесяти часов непрерывного

безумия, в течение которых я загнал в свой организм ни много ни мало сорок два грамма кокса; шестьдесят таблеток кваалюда, тридцать — ксанакса, пятнадцать — валиума и десять клонопина; 270 миллиграммов морфина, 90 миллиграммов амбиена, а вдогонку еще и паксил, и прозак, и перкосет, и памелор… Сдобрил все это спиртным в количестве, не поддающемся учету, — и даже после всего этого я все равно знал, как обойти законы о ценных бумагах. Знал лучше, чем кто-либо другой в этом гребаном мире.

— Проблема в том, — нудил Вигвам, — что Стив никогда не подписывал никаких бумаг на передачу права владения акциями, поэтому мы не можем просто отправить сертификат на право собственности на них трансфертному агенту, чтобы тот переоформил акции на твое имя.

В этот момент, даже несмотря на туман у меня в голове, я не мог не изумиться тупости Вигвама. Как был, так дилетантом и остался, думал я, с трудом сдерживаясь, чтобы не вцепиться ногтями ему в физиономию. Проблема-то гроша ломаного не стоила!

— Знаешь, что, сукин ты сын? — сделав глубокий вдох, сказал я. — Я тебя, мать твою, люблю, но в следующий раз, если тебе вздумается сказать мне, что я чего-то не могу сделать со своим же эскроу-соглашением, я тебе яйца оторву, понял? Явился ко мне, мать твою, чтобы выманить у меня четверть миллиона баксов — и теперь волнуешься о какой-то гребаной доверенности?

Мать твою, Энди, ты что, с дуба рухнул? Такая доверенность была бы нужна, если бы мы собирались *продать* этот гребаный пакет акций, а мы собираемся *купить*! Неужели не въезжаешь? Это война, Энди, — война за право *владения*! И как только этот пакет окажется у нас, мы сразу же станем хозяевами положения.

— Слушай внимательно, — стараясь быть мягче, продолжал я, — все, что от тебя требуется, — это обратить взыскание на закладную на основании нашего с ним эскроу-соглашения. После этого у тебя возникнет юридическое обязательство продать акции, чтобы оплатить закладную. Ты продаешь эти акции мне по четыре доллара за акцию, а я выписываю тебе чек на 4,8 миллиона баксов, что превышает стоимость акций. После чего *ты* выписываешь чек *на мое* имя на те же 4,8 лимона, но теперь уже как бы на оплату закладной, и дело в шляпе! Неужели не дошло? Это же так просто!

Вигвам нерешительно кивнул.

— Послушай, — еще спокойнее продолжал я, — в законах практически все крутится вокруг права собственности. Давай так: я прямо сейчас

выписываю тебе чек, и мы официально получаем право распоряжаться этим пакетом. После этого мы сегодня же вечером заполняем декларацию по форме 13-Д, а затем делаем официальное заявление, что я начинаю скупать акции, что означает начало борьбы за контроль над компанией. Поднимется такой шум, что это вынудит Стива поспешить. Я буду скупать акции — и каждую неделю заполнять соответствующую декларацию. И каждую неделю это будет на первой полосе «Уолл-стрит джорнал». Представляешь, как будет беситься Стив?

Через четверть часа Вигвам убрался, унося с собой чек на 4,8 миллиона баксов и став при этом богаче на четверть миллиона зеленых. К вечеру главной новостью на ленте «Доу Джонс» будет мое намерение взять под контроль «Стив Мэдден Шуз». И хотя все это был блеф чистой воды, Стив будет в бешенстве — а потом поймет, что у него попросту нет иного выхода, кроме как выкупить мои акции — но только по рыночной цене.

Что касается моей персональной ответственности, тут я не слишком тревожился. Как-никак, я досконально все продумал, и поскольку мы со Стивом подписали это тайное соглашение лишь через год после размещения его бумаг, тот факт, что «Стрэттон» тогда подготовила липовый проспект эмиссии, меня сейчас не особенно волновал. Ответственность, обязательства — все это должно было волновать скорее Стива, чем меня, поскольку в качестве председателя правления именно *он*, а не кто-то другой, подписывал документы, которые затем отправлялись в Комиссию по ценным бумагам и биржам. Так что в случае чего я могу с чистой совестью сказать, что ничего не знаю — мол, думал, что все цифры указаны правильно. Конечно, звучало бы это не слишком правдоподобно, однако других вариантов не было. Кроме одного — все отрицать.

Как бы там ни было, Вигвам на какое-то время отстанет от меня.

Поднявшись в свою королевских размеров ванную, я решил, что самое время снова нюхнуть. У меня тут была припасена щепотка кокса в пудренице — а вокруг, отражаясь в покрывающих стены зеркалах и в полу из серого мрамора, который обошелся мне в добрый миллион баксов, ослепительно горело множество ламп. И вдруг я поймал себя на том, что чувствую страшную пустоту внутри. От меня как будто осталась одна оболочка. Внезапно меня охватила тоска по Герцогине — такая острая, такая мучительная, что я едва не завыл. Но я знал, что она не вернется. Кроме того, пойти ей навстречу сейчас означало бы расписаться в собственной капитуляции — признать, что у меня проблемы и что мне нужна помощь.

Поэтому я молча сунул нос в пудреницу и глубоко втянул в себя белый

порошок. Отправил вдогонку несколько капсул ксанакса, а заодно и пригоршню кваалюда. Впрочем, и ксанакс, и кваалюд — все это ерунда. Они должны были лишь максимально усилить эффект от приема кокса, особенно на начальном этапе — в те первые безумные мгновения, когда все вокруг кажется таким логичным, а проблемы разом отодвигаются на задний план. Но для этого нужно было нюхать постоянно — по две понюшки каждые четыре-пять минут, это я определил опытным путем. Если удастся продержаться на этом уровне неделю, то я смогу дождаться момента, когда Герцогиня приползет умолять меня о прощении. Конечно, для этого потребуется как-то сбалансировать прием наркотиков, но Волку ведь не впервой…

…А что если я усну, а она явится в дом и заберет детей? Может, взять их и на время уехать из города, подальше от ее дьявольских козней?.. Хотя Картер еще слишком мал для этого. Он до сих пор не вылезает из подгузников и по-прежнему очень привязан к Герцогине. Конечно, это ненадолго — все изменится, когда он достаточно подрастет, чтобы мечтать о собственной машине, и тогда я пообещаю ему «феррари» — если он даст слово, что навсегда забудет о матери.

Нет, лучше взять с собой только Чэндлер и Гвинн. Нам с Чэндлер никогда не бывает скучно — почему бы нам с ней не отправиться в кругосветное путешествие? Станем жить да поживать в свое удовольствие — пусть остальные завидуют. А через пару лет я вернусь за Картером.

Полчаса спустя я вернулся в гостиную — чтобы обсудить дела с Дэйвом Дэвидсоном. Он тут же принялся ныть, что теряет кучу бабок, поскольку он играл на понижение, а рынок возьми и пойди вверх. Мне было плевать — мне страшно хотелось увидеть Герцогиню и посвятить ее в свои планы отправиться в кругосветное путешествие вдвоем с Чэндлер.

В этот самый момент скрипнула парадная дверь. Через пару секунд появилась Герцогиня — миновав дверь в гостиную, она прямиком направилась в детскую. Я как раз обсуждал с Дэвидом план операций с ценными бумагами, когда она вернулась, держа на руках Чэндлер. Я продолжал бубнить, как магнитофон, — и одновременно слышал шаги Герцогини, которая направлялась на первый этаж, в гостиную. Господи, помилуй, она притворилась, что не замечает меня! Она снова проявила ко мне неуважение — и я моментально взбесился.

— …Не будь наивным, когда речь пойдет о следующей сделке, — говорил я Дэвидсону, чувствуя, как мысли лихорадочно роятся в голове. — Дело в том… Эээ, извини, я на минутку, — я поднял вверх указательный палец. — Мне нужно спуститься вниз — обсудить кое-что с женой.

Я кубарем скатился по лестнице. Герцогиня сидела за письменным столом, проверяя почту. Ну и нервы, восхитился я. Картер лежал на полу у ее ног — раскрашивал картинки.

— Я собираюсь во Флориду, — с изрядной долей яда в голосе объявил я.

— Да? — Герцогиня наконец соизволила поднять на меня глаза. — А мне какое дело?

Я сделал глубокий вдох.

— Мне плевать, есть тебе до этого дело или нет, но я собираюсь взять с собой Чэндлер.

— Ну, это вряд ли, — скривилась она.

Кровь моментально ударила мне в голову.

— Вряд ли? А не пошла бы ты… — Я подхватил Чэндлер на руки и быстрыми шагами направился к лестнице. Герцогиня, вскочив на ноги, бросилась за мной, крича на ходу:

— Проклятье… я тебя убью! Оставь ее, слышишь!

Перепуганная Чэндлер принялась плакать и истерически кричать.

— А иди ты, Надин! — обернувшись, проорал я. И побежал к лестнице. Герцогиня, прыгнув за мной, вцепилась в меня мертвой хваткой.

— Остановись! — закричала она. — Прошу тебя! Это же наша дочь! — Она продолжала цепляться за мою ногу, волочилась за мной по полу. Я вдруг поймал себя на том, что был бы рад, если бы она умерла. За все годы нашей совместной жизни я ни разу не поднимал на нее руку — до этого самого дня. Но сейчас я примерился, поднял ногу и ударил ее в живот… а потом смотрел, как моя жена катится вниз по лестнице — до самой нижней площадки.

На мгновение я оцепенел и только молча смотрел, как она лежит на боку, — ощущение было такое, словно я наблюдаю со стороны за двумя безумцами, ни одного из которых я в глаза никогда не видел. Через пару секунд Надин зашевелилась, встала на четвереньки, потом поморщилась от боли и обеими руками схватилась за бок — похоже, у нее были сломаны ребра. Но потом лицо ее вновь стало жестким — и она, как была, на четвереньках, поползла за мной, по-прежнему пытаясь помешать мне забрать ее дочь.

Отпихнув Надин, я повернулся и взбежал по лестнице, прижимая Чэндлер к груди и приговаривая:

— Все хорошо, малышка! Папа тебя любит. Мы поедем путешествовать. Все будет хорошо! — Чэндлер продолжала истерически всхлипывать. Я не обращал на нее внимания. Скоро мы с ней будем вместе,

вдвоем, и все будет хорошо. Я почти бежал к гаражу и на ходу лихорадочно думал, что в один прекрасный день Чэндлер станет взрослой, и тогда она меня поймет; поймет, почему я был вынужден убрать с дороги ее мать. Возможно, когда Чэндлер станет старше, я даже разрешу Надин увидеть ее, и они, может быть, смогут даже иногда общаться. Может быть.

В гараже стояли четыре машины. Ближе всех оказался белый двухдверный «мерседес». Усадив Чэдлер на пассажирское сиденье, я захлопнул правую дверцу и побежал вокруг машины, чтобы сесть за руль. Мельком увидел Мариссу, одну из наших горничных, — на лице ее был написан ужас. Прыгнув в машину, я повернул ключ зажигания.

В этот момент Герцогиня навалилась всем телом на дверь с правой стороны и забарабанила по стеклу, дергая ручку и крича. Я мгновенно заблокировал обе двери. И тут я увидел, что ворота гаража стали закрываться. Боковым зрением я вновь заметил Мариссу — она держала палец на кнопке управления воротами. *Проклятье!* Я вдавил педаль газа в пол — машина с ревом вылетела наружу, сорвав ворота с петель. А я все давил и давил на газ — и естественно, дело кончилось тем, что мы на полной скорости врезались в один из столбов из белого известняка, которыми была огорожена дорожка. Я оглянулся на Чэндлер — она не была пристегнута, но, к счастью, не пострадала. Ее плач перешел в истерический крик.

И тут вдруг в голове у меня закопошились весьма неприятные мысли. Какого хрена… что я, собственно, делаю?! Куда я, черт возьми, собрался? Почему моя дочь сидит на переднем сиденье непристегнутая? Бессмыслица какая-то. Открыв дверцу, я вывалился наружу, с трудом поднялся и просто стоял, тупо глядя перед собой. Секундой позже откуда-то сбоку подскочил охранник, подхватил Чэндлер на руки и унес ее в дом. Я решил, что это хорошая идея. Потом рядом со мной появилась Герцогиня — она приговаривала, что все будет хорошо и что мне нужно просто успокоиться. Повторяла, что по-прежнему любит меня. А потом она обняла меня и крепко прижала к себе.

Мы долго стояли, обнявшись. Сколько? Не знаю. И, наверное, никогда не узнаю. Но потом я услышал приближающийся вой полицейских сирен, вспыхнули сине-красные мигалки. А еще через минуту на руках у меня защелкнулись наручники, и я оказался на заднем сиденье полицейской машины — вывернув шею, я все пытался в последний раз увидеть Герцогиню до того, как меня отвезут в тюрьму.

За решеткой я просидел до конца дня, менялись только камеры —

первой из многих, что последовали за ней, оказался «обезьянник» полицейского участка в Олд-Бруквилле, где я мыкался добрых два часа. Потом на меня снова надели наручники, отвезли в другой полицейский участок и под конвоем проводили в еще одну камеру — эта была побольше и битком набита людьми. Я не пытался ни с кем заговорить — и никто не заговаривал со мной. Тут было шумно и чертовски холодно. Я мысленно дал себе зарок одеться потеплее, если когда-нибудь агент Коулмэн явится, чтобы арестовать меня. Потом я услышал, как выкликнули мое имя, и через пару минут я уже сидел на заднем сиденье очередной полицейской машины — на этот раз меня везли в Минеолу, небольшой городишко, где я должен был предстать перед судом.

И вот я стою перед женщиной в судейской мантии… Проклятье! Мне конец!

— Дело труба, — прошептал я, обернувшись к Джо Фамегетти, моему адвокату. — Эта баба сделает все, чтобы посадить меня на электрический стул.

— Успокойся, — Джо с улыбкой положил мне руку на плечо. — Ты выйдешь отсюда через пару минут. Только не говори ни слова, пока я не скажу, понял?

Пару минут они о чем-то переговаривались, после чего Джо, нагнувшись к моему уху, негромко шепнул:

— Скажи: «Невиновен».

И я с улыбкой повторил:

— Невиновен!

Через десять минут я очутился на свободе — покинул здание суда в сопровождении Джо. Мой лимузин ждал меня за углом. За рулем был Джордж, рядом сидел Ночной Рокко. Заметив меня, оба вышли из машины. Джордж молча распахнул передо мной дверцу, а Рокко протянул мне мой верный саквояж.

— Тут все, что нужно, мистер Би, — проговорил он. — И еще пятьдесят тысяч наличными.

— В аэропорту тебя ждет арендованный частный самолет, — поспешно добавил мой адвокат. — Джордж с Рокко отвезут тебя *туда*.

Я слегка растерялся. Опять козни Герцогини. Точно!

— Куда это вы собираетесь меня везти? — резко спросил я.

— Во Флориду, — объяснил мой адвокат. — Дэйв Дэвидсон уже ждет тебя в аэропорту. Он составит тебе компанию. А в Бока вас обоих будет ждать Дэйв Билл.

Джо тяжело вздохнул:

— Послушай, дружище, тебе нужно отсидеться где-то пару дней, а мы пока уладим дела с твоей женой. Иначе ты снова окажешься за решеткой.

— Я говорил с Бо, — вмешался Рокко. — Он велел мне глаз не спускать с миссис Би. Она добилась запретительного ордера; стоит вам только сунуться домой, как вас мигом арестуют.

Я сделал глубокий вдох, пытаясь решить, кому я могу доверять… Своему адвокату? Да. Рокко? Пожалуй. Дэйву Биллу? Наверняка. Герцогине? НЕТ! Так для чего мне тогда возвращаться домой? Она ведь ненавидит меня не меньше, чем я ее; если мы встретимся, дело кончится тем, что я просто ее убью, а это, скорее всего, поставит крест на моих планах отправиться в кругосветку с Чэндлер и Картером. Так что провести пару дней на солнышке не такая уж плохая идея.

— Ты уверен, что тут *все*, что мне нужно? — я бросил на Рокко подозрительный взгляд.

— Я постарался ничего не забыть, — со скучающим видом ответил Рокко. — Забрал все, что было в столе, выгреб все из ящиков. Плюс тут еще пятьдесят штук, которые дала мне миссис Би. Так что все на месте.

Что ж, справедливо, подумал я. Пятидесяти штук на пару дней мне хватит. Что же до наркотиков… у меня их было достаточно, чтобы свалить с ног все население страны размером с Кубу.

Глава 37

Слабый, еще слабее

Чистое безумие! Мы летели на высоте 39 000 футов, и в салоне висел густой запах кокаина — настолько густой, что когда я встал, чтобы сходить в туалет, то увидел, что оба пилота натянули на себя кислородные маски. Вот и славненько. Оба они показались мне славными ребятами — не хватало еще, чтобы из-за меня они не смогли пройти тест на наркотики.

Мне пришлось бежать! Я превратился в изгнанника. Я не мог оставаться на одном месте — иначе я просто умру. Позволить, чтобы моя голова опустилась на грудь, позволить себе думать о том, что произошло, — значит обречь себя на верную смерть.

Да, но… что все-таки произошло? Почему я сбросил Герцогиню с лестницы? Она ведь как-никак была моей женой. И я любил ее… Как случилось, что я усадил дочь в «мерседес», не позаботившись о том, чтобы пристегнуть ее, после чего умудрился снести гаражные ворота с непристегнутым ребенком на переднем сиденье? Дороже дочери у меня ничего не было. Что, если она не сможет этого забыть? Что, если в ее памяти навсегда останется эта картина: ее мать со стонами ползет по лестнице, пытаясь спасти ее от… от кого? От обдолбанного торчка?

Где-то над Северной Каролиной я был вынужден, скрепя сердце, признать, что так оно и есть. На какой-то краткий миг я преступил черту. Но теперь все позади. Я в порядке…. я снова в своем уме. Так ли это? Я продолжал нюхать кокс. И я продолжал глотать таблетки: квааюд, и ксанакс, и валиум — горстями, чтобы не превратиться от кокса в параноика. Я должен был любой ценой держать себя в тонусе; *остановиться — значит умереть.*

Через двадцать минут вспыхнула надпись «Пристегните ремни», напомнив заодно, что пришло время очередной дозы кокаина. А также квааюда с ксанаксом — необходимо достичь идеального баланса и быть в форме к тому моменту, когда мы сядем.

Как и обещал мой адвокат, на аэродроме нас уже ждал Дэйв Билл. Чуть поодаль стоял черный «линкольн». Работа Джанет, одобрительно подумал я.

Дэйв, стоявший со скрещенными на груди руками, казался огромным, словно гора.

— Готов повеселиться? — игриво спросил я. — Хочу подыскать себе

новую жену.

— Как насчет того, чтобы поехать ко мне и немного расслабиться? — предложил Человек-Гора. — Лори отправилась в Нью-Йорк. Она побудет пару дней с Надин, так что весь дом в нашем распоряжении. Сможешь как следует выспаться…

Выспаться?!..

— Высплюсь на том свете, идиот! Кстати, а ты-то на чьей стороне? На моей? Или на ее? — и я как бы в шутку со всей силы врезал ему кулаком. Удар пришел Дэйву в плечо, но Дэйв, судя по всему, даже ничего не почувствовал.

— На твоей, конечно, — Дэйв невозмутимо пожал плечами. Глаза его потеплели. — И всегда был на твоей. Кстати, о какой такой войне у нас речь? Лучше бы вам, ребята, помириться. Дай ей пару дней на то, чтобы успокоиться, и все будет в порядке. С женщинами всегда так.

Стиснув зубы, я яростно замотал головой, словно желая сказать: «Нет! Никогда! Ни за что на свете, мать твою!»

Беда только в том, что в действительности я чувствовал иначе. Я *хотел*, чтобы моя Герцогиня вернулась… я *безумно* этого хотел. Но я не мог сказать об этом Дэйву; он мог проболтаться своей Лори, а та непременно сболтнула бы Герцогине. И тогда Герцогиня узнала бы, что я несчастен без нее, — и у нее возникло бы позиционное преимущество!

— Надеюсь, эта сука помрет, — пробормотал я. — После того, как она поступила со мной, я не принял бы ее назад, будь она последней бабой на Земле. Ладно, поехали в «Солид Голд», снимем парочку стриптизерш и хорошенько встряхнемся!

— Ты тут босс, — буркнул Дэйв. — Мне лишь приказано позаботиться, чтобы ты не покончил с собой.

— Неужели *приказано*, мать твою? — рявкнул я. — И кем же, интересно знать?

— Всеми, если честно, — мрачно покачав головой, ответил мой приятель.

— Ну, тогда к черту этих *всех*! — прорычал я, направляясь к лимузину. — Всех, всех к черту!

«Солид Голд»… что за место! Просто-таки шведский стол из молоденьких стриптизерш! Пробираясь к нашему столику, я насчитал их добрых две дюжины — однако приглядевшись к этом юным красоткам повнимательнее, был слегка разочарован.

— Сплошные уродины, — буркнул я, обернувшись к Дэйву. — Но,

думаю, если поискать, и в этой куче навоза отыщется пара жемчужных зерен, — я повертел головой по сторонам. — Давайте сначала осмотримся.

В задней части клуба была устроена ВИП-зона. Вход на ведущую вниз узкую лестницу был отделен красным бархатным канатом, у которого топтался здоровенный чернокожий верзила. Я направился прямо к нему.

— Как дела, приятель? — тепло приветствовал я громилу.

Громила посмотрел на меня, как на какое-то назойливое насекомое, которое стоило бы прихлопнуть, да лень. Он явно не понимает, с кем имеет дело, решил я. Сунув руку в носок, я вытащил пачку сотенных купюр, в которой было примерно десять тысяч долларов, отделил половину и протянул вышибале.

Убедившись, что это произвело должное впечатление, я улыбнулся.

— Слушай, приятель, подбери для нас штук пять цыпочек погорячее, а потом очисти помещение да позаботься, чтобы нам никто не мешал, идет?

Громила широко осклабился.

Пять минут спустя в зале для ВИП-персон не было ни души. Четыре стриптизерши — на вид вполне себе ничего — выстроились перед нами в ряд, все, как одна, принаряженные, в туфлях на высоких каблуках. Выглядели они неплохо, но не настолько, чтобы на какой-то из них жениться. Мне же позарез нужна была красотка — да такая, с которой не стыдно было бы показаться на Лонг-Айленде. А заодно показать Герцогине, кто тут главный.

И тут вышибала посторонился, и по лестнице спустилась девчушка, на которой из одежды были лишь белые туфли из лакированной кожи на высоченной шпильке. Она непринужденно уселась на подлокотник моего кресла, закинув ногу на ногу, после чего нагнулась и клюнула меня в щеку. От ее кожи пахло какими-то духами и немного мускусом — вероятно, вспотела, пока танцевала. Я просто обалдел — этой красотке было не больше восемнадцати. Стройная, с густой шапкой светло-каштановых волос и изумрудно-зелеными глазами, изящным носиком, она была просто изумительна. А какое тело! Невысокая, с пышным (вероятно, силиконовым) бюстом, плоским животом и ногами, которые смело могли бы поспорить с ножками Герцогини. Оливковая кожа ее была безупречна.

Мы обменялись улыбками — между полных губ блеснули белые, ровные зубки.

— Как тебя зовут? — спросил я, повысив голос, чтобы перекричать музыку.

Девушка нагнулась так близко, что ее губы коснулись моего уха.

— Блазэ.[20]

— Что это за имя такое, мать твою? — удивленно спросил я. — Или твоя матушка уже с самого твоего рождения знала, что ты пойдешь в стриптизерши?

Блазэ показала мне язык. Я со смехом сделал то же самое.

— На самом деле меня зовут Дженнифер, — сказала она. — Блазэ — это псевдоним.

— Ну, что ж, рад познакомиться, Блазэ, — кивнул я.

— Ммм, — промурлыкала она, потершись щекой о мою щеку. — Ты такой милый, малыш!

Малыш?!

— Что ты хочешь этим сказать? — с подозрением спросил я.

— Ну… что ты милый… — девица слегка растерялась. — И у тебя красивые глаза… и ты такой молодой! — Она призывно улыбнулась.

А голосок у нее ничего, приятный. Интересно, понравилась бы она Гвинн? Правда, уверенно говорить, что она будет хорошей матерью для моих детей, было пока рановато.

— Тебе нравится кваалюд? — осведомился я.

Девица пожала обнаженными плечами.

— Без понятия… никогда не пробовала. А что от него чувствуешь?

Хмм… какая невинность, подумал я. Прямо не терпится дать ей попробовать.

— А как насчет кокса? Пробовала?

— О да, кокс я люблю. А у тебя есть?

— Да, — с довольным видом закивал я. — Целая куча!

— Ну, что ж, тогда пошли, — она потянула меня за руку. — Только не называй меня Блазэ, хорошо? Для тебя я Дженни.

— Ладно, Дженни, — улыбнулся я, еще раз окинув оценивающим взглядом свою будущую жену. И скрестил пальцы на удачу. — Кстати, ты любишь детей?

Девица широко улыбнулась.

— Да, люблю. Мечтаю, что когда-нибудь у меня будет целая орава ребятишек. А что?

— Да ничего, — буркнул я, не сводя глаз с будущей миссис Белфорт. — Так, просто.

Ах, Дженни! Мой собственный антидот против предательницы Герцогини! Кому нужен Олд-Бруквилл, когда есть Дженни? Оставалось только перевезти во Флориду Чэндлер с Картером. Гвинн и Джанет тоже наверняка захотят перебраться сюда. А Герцогиня может навещать их раз в

год — по специальному разрешению суда. Так будет справедливо.

Следующие четыре часа мы с Дженни провели в офисе менеджера, нюхая кокс — в перерывах она танцевала для одного меня, — а заодно и покувыркались немного. Хотя, признаюсь честно, в отношении последнего толку от меня было мало. Зато теперь я окончательно убедился, что из нее выйдет прекрасная мать для моих детей, так что, пока она трудилась, ублажая меня, я, наконец, решился.

— Погоди, Дженни! — остановил я ее. — Передохни немного.

Подняв на меня глаза, она улыбнулась. Опять эта улыбка стриптизерши!

— Что-то не так, милый?

— Нет, нет, — я помотал головой. — Напротив, все отлично. Просто хочу познакомить тебя со своей матерью. Так что прервись ненадолго. — Вытащив из кармана мобильник, я набрал номер моих родителей, который не менялся добрых тридцать пять лет.

Через минуту я услышал в трубке озабоченный голос матери, желавшей знать, что произошло у нас с Надин.

— Нет, нет, ты только не слушай ее, — торопливо перебил я. — Все отлично… Запретительный ордер? Ну и что тут такого? У меня, между прочим, два дома — пусть забирает один, а я буду жить во втором. Дети? Конечно, они останутся со мной. А кто воспитает их лучше, чем я? Ладно, мам, я вообще звоню по другому поводу — просто хотел сказать, что подаю на развод… Как это почему? Да потому, что Надин просто сука, вот почему! И к тому же я познакомился с девушкой… она очень славная…

Я покосился на Дженни. Она так и сияла. Я подмигнул ей.

— Послушай, мам, я хочу, чтобы ты поговорила с моей будущей женой. Она очень милая, красивая и… Где я сейчас? В одном стрип-клубе… Нет, в Майами… Ну чего ты сразу — «стриптизерша»?! Она вовсе не стриптизерша — точнее, она *уже* не стриптизерша, все это теперь в прошлом. Это я наставил ее на путь истинный, — я снова подмигнул Дженни. — Вообще-то ее зовут Дженни, но ты можешь звать ее Блазэ, если хочешь. Она не обидится — говорю же, она славная. Даю ей трубку, — и я сунул трубку Дженни. — Мою маму зовут Леа, и она очень хорошая. Ты ее полюбишь.

Дженни, пожав плечами, поднесла к уху мобильник.

— Привет, Леа. Это Дженни. Как поживаете? О, я прекрасно, спасибо, что спросили… Да, у него тоже все в порядке… Угу… да, ладно, минутку, — Дженни прикрыла ладонью трубку. — Твоя мать говорит, что хочет поговорить с *тобой*.

Невероятно! подумал я. Как это грубо со стороны матери — так отфутболивать мою будущую жену! Нажав на отбой, я сунул трубку в карман. Потом широко улыбнулся, откинулся на кушетку и выразительно подвигал бедрами.

Дженни охотно закивала, потом склонилась ко мне и принялась сосать… и тянуть… и сжимать… и снова сосать. Но увы, даже если бы речь шла о спасении собственной жизни, я все равно не смог бы заставить кровь прихлынуть к моим чреслам. Однако моя юная Дженни была не из тех, кто легко сдается, во всяком случае, пока еще остается хоть капля надежды. И ее упорство было вознаграждено — через четверть часа ей удалось-таки нащупать нужную точку, и в следующую минуту мой «петушок» уже затвердел так, что им можно было орехи колоть. Следующее, что я помню, это как безжалостно трахаю ее прямо на дешевенькой кушетке, шепча на ухо, как люблю ее. Она принялась уверять, что тоже любит меня, и мы захихикали. Для нас обоих это был счастливый миг — мы были потрясены, что два одиночества могут так странно встретиться и так глубоко и быстро познать любовь — пусть и в столь убогих обстоятельствах.

Это было потрясающе. В этот момент я готов был поклясться, что Дженни для меня все. А в следующий момент уже желал, чтобы она внезапно растаяла в воздухе. Ужасная тоска вдруг захлестнула меня, подобно океанской волне. Сердце сжалось, потом вдруг ухнуло вниз. Я едва не завыл — мне безумно не хватало Герцогини.

Мне вдруг отчаянно захотелось поговорить с ней. Захотелось услышать, что она любит меня… что она по-прежнему моя. Печально улыбнувшись Дженни, я сказал, что через минуту вернусь — мол, нужно перекинуться парой слов с Дэйвом. Вернувшись в клуб, я отыскал Дэйва и пригрозил, что если он немедленно меня не уведет отсюда, то я, дескать, наложу на себя руки. Он от этого малость прибалдел — ведь ему как раз велено было следить, чтобы я не наделал глупостей, пока все не уляжется. Так что мы удрали, даже не попрощались с Дженни.

Развалившись на заднем сиденье лимузина, мы с Дэйвом ехали к нему домой в Бока Рэйтон. Я уже думал, не перерезать ли мне вены. Я просто разваливался на куски — действие кокса закончилось, и я чувствовал себя как выжатый лимон. Мне было нужно срочно поговорить с Герцогиней. Только она могла мне помочь.

Было около двух ночи. Выхватив у Дэйва мобильник, я набрал свой домашний номер. Ответил мне женский голос… но это была не Герцогиня.

— Кто это? — рявкнул я.

— Донна.

Вот дерьмо! Донна Шлезингер была та еще сучка — проглотит любое дерьмо и не поморщится. Они с Герцогиней были подруги детства, и Донна ревновала ее ко всем на свете еще с той поры, как повзрослела настолько, чтобы осознать всю глубину разделяющей их пропасти.

— Дай трубку моей жене! — грубо сказал я.

— Она не станет сейчас с тобой говорить.

— Твою мать, Донна, — взбесился я, — просто передай ей телефон!

— Говорю же, — взвизгнула в ответ Донна, — она не хочет с тобой говорить!

— Донна, — как можно более спокойно сказал я, — не шути со мной! Предупреждаю, если ты немедленно не передашь ей телефон, то я, мать твою, немедленно сяду в самолет, вернусь в Нью-Йорк и всажу тебе нож в сердце! А покончив с тобой, примусь за твоего мужа — просто равновесия ради! Дай ей трубку, идиотка! — потеряв всякое самообладание, заорал я.

— Сейчас, — пропищала перепуганная Донна.

Я покрутил головой, пытаясь взять себя в руки. Потом покосился на Дэйва.

— Не, я ничего такого на самом деле не имел в виду, — пробормотал я. — Просто хотел припугнуть слегка.

— Знаю, — кивнул Дэйв. — Если честно, я ненавижу Донну не меньше тебя. Но считаю, что лучше дать Надин пару дней — пусть придет в себя. Я звонил Лори — говорит, Надин в шоке.

— А что еще сказала Лори?

— Что Надин не позволит тебе вернуться, если ты не дашь слово, что ляжешь на реабилитацию.

Не успел я ответить, как трубка ожила.

— Привет, Джордан. Это Офелия. С тобой все в порядке?

Я сделал глубокий вдох. Офелия была славная девочка, но верить ей было нельзя. Она была самой доверенной из подруг Надин, и, конечно, она хотела как лучше… но все же… она была покорной марионеткой в руках Герцогини… та наверняка уже настроила Офелию против меня. Стало быть, Офелия тоже мне враг. И все же, в отличие от Донны, она никогда не желала мне зла. Ее голос подействовал на меня успокаивающе.

— Со мной все отлично, Офелия. Будь добра, позови Надин.

— Джордан, она не подойдет к телефону, — в трубке послышался вздох. — Она сказала, что не будет с тобой разговаривать, пока ты не ляжешь на реабилитацию.

— Мне не нужна реабилитация! — как можно более убедительно сказал я. — Все, что мне нужно, — это слегка притормозить. Ладно, скажи ей, что я согласен.

— Я скажу ей, — ответила Офелия, — но не думаю, что это поможет. Прости, мне нужно идти, — и не дав мне больше ничего сказать, она повесила трубку.

— Просто ушам не верю, — почти беззвучно бормотал я. Я совсем пал духом.

— Ты в порядке, старик? — тяжелая рука Дэйва опустилась мне на плечо.

— Да, — солгал я. — Все нормально. Просто не хочу сейчас об этом говорить. Мне нужно немного подумать.

Дэйв понимающе кивнул. Оставшаяся часть дороги прошла в молчании.

Через четверть часа я сидел в гостиной Дэйва, не чувствуя ничего, кроме отчаяния и безнадежности. Я был совершенно раздавлен. Дэйв молча сидел рядом. Просто наблюдал за мной и ждал. Передо мной на столе лежала кучка кокаина. Таблетки остались на кухонном столе. Я раз десять пытался дозвониться домой, но теперь к телефону подходил Рокко. Возможно, он тоже предал меня. Ладно, вот покончу с этим, вернусь домой и уволю его.

— Позвони Лори на мобильник, — попросил я Дэйва. — Другого способа нет.

Он устало кивнул и вытащил сотовый телефон. Через пару секунд я услышал в трубке голос Лори. Она плакала.

— Послушай, Джордан, — шмыгая носом, пробормотала она, — ты ведь знаешь, как мы с Дэйвом тебя любим, но пожалуйста, умоляю тебя, дай слово, что пройдешь реабилитацию. Иначе ты умрешь. Ты же умный человек, Джордан! Неужели ты не понимаешь, что убиваешь себя? Откажись от этой привычки — если не ради себя, так ради Чэндлер и Картера!

Вскочив на ноги, я пошел на кухню. Дэйв следовал за мной по пятам, как тень.

— Надин все еще любит меня? — спросил я.

— Да, — прошептала Лори, — любит. Но она не вернется к тебе, пока ты не завяжешь.

Я сделал глубокий вдох.

— Если она меня любит, пусть возьмет трубку.

— Нет, — отрезала Лори, — не возьмет — именно потому, что любит!

Вы в этом смысле два сапога пара — страдаете от одной и той же болезни! Думаю, с ней дело обстоит даже серьезнее, чем с тобой, Джордан, — иначе она бы не позволила этому зайти так далеко! Тебе нужно пройти реабилитацию, Джордан. И Надин тоже срочно нужна помощь.

Я не верил собственным ушам. Даже Лори отвернулась от меня! Вот уж никогда бы не подумал! Ну… *и хрен с ней!* К черту ее! К черту Герцогиню! К черту всех! Плевать я на них хотел! Я и без того уже дошел до предела, разве нет? Мне всего тридцать четыре — а я чувствую себя девяностолетним стариком. Так какого черта? Какой у меня выбор? Только катиться вниз! Что лучше, умирать медленной, мучительной смертью или покончить со всем разом, уйти, так сказать, в блеске славы?

Мне бросился в глаза пузырек с морфином. Там было не меньше сотни таблеток, по пятнадцать миллиграммов каждая. Таблетки были маленькие, с половинку фасолины, удивительного пурпурного цвета. Сожру, пожалуй, штук десять — достаточно, чтобы кого угодно погрузить в кому… впрочем, мне это — как слону дробина.

— Передай Надин, что мне очень жаль, — с грустью сказал я Лори. — И попрощайся с ней за меня. — Последнее, что я слышал перед тем, как нажать кнопку отбоя, был плачущий голос Лори, кричавшей: — Нет, Джордан! Нет! Не вешай…

Молниеносным движением я схватил пузырек с морфином, отвинтил крышку и высыпал его содержимое в ладонь. Таблеток было так много, что половина просыпалась на пол. И все же не меньше половины осталось — они горкой лежали у меня на ладони. Как красиво, промелькнуло у меня в голове… пурпурная горка! Закинув колеса в рот, я принялся жевать. Но тут мой план полетел к чертям.

Краем глаза у увидел подбегающего ко мне Дэйва. Метнувшись в сторону, я забежал за стол и схватил бутылку «Джек Дэниелс». Но не успел я поднести бутылку к губам, как Дэйв прыгнул на меня сверху — выбил бутылку у меня из рук и сдавил меня так, что чуть не вышиб из меня дух. Пронзительно заверещал телефон. Не обращая на него внимания, Дэйв повалил меня на пол, после чего сунул чудовищно толстые пальцы мне в рот и попытался выковырять таблетки. Конечно, я укусил его, но Дэйв был намного сильнее.

— Выплюни! — орал он. — Выплюни немедленно!

— Хрен тебе! — бубнил я, порываясь жевать дальше. — Отпусти меня, засранец, пока я тебя не грохнул!

А телефон между тем продолжал звонить, Дэйв орал, чтобы я выплюнул таблетки, а я делал судорожные попытки их проглотить. В

конце концов он правой рукой обхватил мою нижнюю челюсть и сдавил ее с такой чудовищной силой, что я завыл.

— Проклятье! — просипел я, отплевываясь. Во рту остался привкус едкой горечи. И все же я успел проглотить достаточно, так что теперь это был лишь вопрос времени.

Придерживая меня одной рукой, Дэйв схватил телефон, набрал 911 и торопливо прокричал в трубку адрес. После чего швырнул трубку на пол и снова полез мне в рот. А я снова укусил его.

— Убери свои вонючие лапы у меня изо рта, ублюдок! Значит, ты тоже на их стороне?

— Успокойся! — рявкнул Дэйв. Подхватив меня на руки, он уложил меня на диван.

Минуты две я непрерывно ругался, проклиная его на чем свет стоит… а потом мне вдруг стало все безразлично. На меня навалилась усталость… веки смыкались сами собой… я словно погружался в теплую перину. Это было даже приятно. Потом вдруг снова зазвонил телефон. Дэйв схватил трубку. Это оказалась Лори. Я попытался прислушиваться, но почувствовал, что погружаюсь в сон. Потом трубку прижали к моему уху, и Дэйв рявкнул:

— Эй, старик, это твоя жена! Она хочет поговорить с тобой! Хочет сказать, что по-прежнему любит тебя!

— Нэ? — сонным голосом пробормотал я. И услышал нежный голос Герцогини:

— Привет, милый. Поговори со мной. Я люблю тебя. Все будет хорошо — дети тебя любят, и я тоже тебя люблю.

Я вдруг почувствовал, что плачу.

— Прости меня, Нэ. За то, что случилось сегодня. Я не хотел. Сам не понимаю, как это произошло. Не могу с этим жить. Я… мне очень жаль, прости, — я зарыдал.

— Все хорошо, — повторила моя жена. — Я по-прежнему люблю тебя. Все будет хорошо.

— Я всегда любил тебя, Нэ, — с самого первого дня… — и я провалился в темноту.

Очнулся я от самого омерзительного ощущения, какое только можно себе представить. Помню, как кричал: «Вытащите из меня эту штуку, ублюдки!», но почему, понятия не имею.

Объяснение нашлось почти сразу же. Через секунду до меня дошло, что я лежу на столе в палате реанимации, окруженный командой из пяти

докторов и медсестер. Стол был поднят вертикально, под прямым углом к полу. Мало того, что мои руки и ноги были накрепко прикручены к нему, так еще два широких виниловых ремня удерживали меня на месте, один поперек туловища, другой — чуть выше колен. Стоявший передо мной доктор, одетый в зеленую больничную униформу, держал в руках толстый резиновый шланг вроде тех, что используются на автозаправках.

— Джордан, вам необходимо промыть желудок, — сурово говорил он. — Вы должны нам помочь. Для начала прекратите кусаться!

— Со мной все в порядке, — завывал я. — Я ни одной не проглотил — все до единой выплюнул! Это была просто шутка!

— Ясно, — терпеливо кивнул доктор. — Но я не собираюсь рисковать. Мы уже ввели вам препарат, который должен подавить действие наркотика, так что сейчас вы вне опасности. Послушайте, друг мой, — у вас давление зашкаливает, и к тому же у вас тахикардия. Какие еще наркотики вы принимали сегодня, не считая морфина?

Я с подозрением покосился на доктора. Араб… или, может, перс — в общем, кто-то из этих. Можно ли ему доверять? В конце концов, сам я еврей — уже одно это делало меня его кровным врагом. А как же клятва Гиппократа? Я огляделся. И заметил нечто, от чего мне разом стало не по себе, — двух копов, в форме и с пистолетами. Стоя в углу, они не сводили с меня глаз. Нужно держать язык за зубами, решил я.

— Ничего, — хрипло прокаркал я. — Только морфин… ну, может, таблетку ксанакса. У меня проблемы со спиной, это все мне мой доктор прописал.

По губам врача скользнула грустная улыбка.

— Я хочу вам помочь, Джордан, а не доставить вам неприятности.

Я крепко зажмурился и приготовился к пытке. Да, я хорошо понимал, что меня ждет. Этот смуглолицый ублюдок собирается засунуть свою кишку прямо мне в пищевод, а после — в желудок, чтобы выкачать его содержимое. А потом закачает туда пару фунтов активированного угля, чтобы помешать наркотикам всасываться. Настал один из тех редких моментов, когда я горько сожалел о своей начитанности. Последнее, о чем я успел подумать перед тем, как эта орава набросилась на меня, чтобы воткнуть мне в глотку шланг, было: *Господи, как я ненавижу, что всякий раз оказываюсь прав!*

Прошел час. В желудке у меня было пусто, как в пустыне, — ну, если не считать активированного угля, которым меня напичкали. Я был все так же привязан к столу, когда они наконец соизволили вытащить из меня

черную кишку. И я впервые задумался, как же это порноактрисы ухитряются заглатывать, не подавившись, огромные члены. Странная мысль, особенно в такой ситуации, но тут уж ничего не поделаешь.

— Как вы себя чувствуете? — осведомился добрый доктор.

— Мне позарез нужно в туалет, — пробормотал я. — И если вы меня немедленно не развяжете, то я прямо сейчас наделаю в штаны.

Доктор кивнул медсестрам, и меня отвязали от стола.

— Туалет вон там, — показал врач. — Но я пойду с вами, чтобы убедиться, что все в порядке.

Я сообразил, что он имел в виду, когда первая порция активированного угля вырвалась наружу с грохотом, которому позавидовала бы любая пушка. Признаюсь, я с трудом удержался, чтобы не заглянуть в унитаз — посмотреть, что из меня выходит. Однако спустя десять минут подобной канонады все-таки поддался искушению. Это смахивало на извержение вулкана Везувий — из заднего прохода у меня вылетало нечто, больше всего напоминающее черный вулканический пепел. За одно такое «извержение» я наверняка похудел фунтов на десять. Не говоря уже о том, что половина моих внутренностей осталась в дешевом унитазе больницы в Бока Рэйтон, штат Флорида.

Я просидел там, наверное, не меньше часа. Зато теперь я чувствовал себя более или менее нормально. Возможно, мне прочистили не только желудок, но и мозги, хмыкнул я про себя. Как бы там ни было, пора было возвращаться к *Жизни Богатых и Никчемных* — уладить дела с Герцогиней, сократить дозу колес и жить нормальной жизнью. В конце концов, мне всего тридцать четыре, подумал я. К тому же у меня двое детей.

— Спасибо, — поблагодарил я доброго доктора. — Простите, что укусил вас. Был слегка на взводе. Виноват.

— Без проблем, — кивнул доктор. — Рад, что смог вам помочь.

— Не могли бы вы вызвать мне такси? Хочу как следует выспаться.

Только тогда я заметил, что копы все еще тут — и направляются прямехонько ко мне. Что-то мне подсказывало, что они здесь не для того, чтобы подбросить меня до дома.

Доктор посторонился… и тут один из копов вытащил из кармана пару наручников. «*О господи!* — всполошился я. — Опять?! В четвертый раз за последние двадцать четыре часа! А что я такого сделал?» Я предпочел не зацикливаться на этой мысли — в конце концов, там, куда меня отвезут, у меня будет сколько угодно времени, чтобы поразмыслить.

Наручники на моих руках защелкнулись.

— В соответствии с законом Бейкера, — отчеканил полицейский, — вас поместят в ближайшую психиатрическую клинику, где вы проведете семьдесят два часа. После чего предстанете перед судьей, который решит, представляете ли вы угрозу для окружающих и самого себя. Простите, сэр, — учтиво добавил полицейский.

Хмм… а он, похоже, славный парень, этот коп… и в конце концов, он просто делает свою работу. К тому же меня везут не в тюрьму, а в клинику, что уже неплохо, верно?

— Я бабочка! Я бабочка! — верещала темноволосая толстуха в голубом балахоне, хлопая руками и кружа по коридору четвертого этажа психиатрического отделения медицинского центра «Делрэй».

Я сидел на неудобной кушетке в приемном покое, а она порхала вокруг. И таких тут было человек сорок — все, как один, одетые в серые или голубые больничные халаты, они демонстрировали самые разнообразные формы асоциального поведения. В передней части приемного покоя стоял столик — каждые два часа больные выстраивались перед ним в очередь, чтобы получить свою дозу торазина или халдола, после чего на какое-то время наступала тишина.

— Я должен ее получить. Шесть точка два на десять в степени двадцать три, — бормотал худой, долговязый парнишка с изрытым оспой лицом.

Очень интересно, подумал я. Я наблюдал за этим бедолагой добрых два часа, и все это время он кружил по отделению, снова и снова повторяя число Авогадро, математическую постоянную, которую используют для определения молекулярной плотности. Поначалу я никак не мог взять в толк, почему он так одержим этим числом, но потом один из санитаров шепнул, что парнишка, у которого коэффициент IQ просто зашкаливал, плотно подсел на ЛСД. После дозы у него сносило крышу, и тогда он зацикливался на числе Авогадро. Уже в третий раз за последний год беднягу помещали в клинику «Делрэй».

Какая ирония судьбы, что меня тоже засунули сюда, думал я, — учитывая, что я совершенно нормален. Но в этом-то и проблема, когда имеешь дело с законами вроде акта Бейкера: все они служат интересам обывателей. Как бы там ни было, пока все было относительно неплохо. Мне удалось убедить доктора выписать мне ламиктал, после чего он уже сам, по собственный инициативе, добавил к этому какое-то средство из категории легких опиатов, которое должно было облегчить мне ломку.

Сейчас меня беспокоило другое. Я пытался дозвониться всем, кого знал, — друзьям, родственникам, адвокатам. Я попытался связаться даже с

Аланом-Химиком — хотел убедиться, что к тому моменту, как я окажусь наконец на свободе, меня будет поджидать дома свеженькая порция кваалюда, — но тщетно. Все попытки были напрасны. Ни Герцогиня, ни мои родители, ни все остальные: ни Липски, ни Лори, ни Дэйв, ни Гвинн, ни Джанет, ни Вигвам, ни Джо Фамегетти, ни Грег О'Коннелл, ни Шеф, ни даже Бо, который до этого всегда был под рукой, — никто из них почему-то не спешил взять трубку. Ощущение было такое, что все меня бросили.

Собственно говоря, еще в самый первый день моего пребывания в этой богадельне я вдруг поймал себя на мысли, что ненавижу Герцогиню более, чем когда-либо. Она вычеркнула меня из жизни, используя в качестве козыря то злосчастное недоразумение на лестнице, она постаралась восстановить против меня всех, кто меня знал, от друзей до деловых партнеров. Я был уверен, что она больше не любит меня, а все, что она говорила, когда думала, что я умираю от передоза, говорилось лишь из жалости — в расчете на то, что я вот-вот откину копыта и последнее, что услышу в своей гребаной жизни, будет ее «Я люблю тебя».

Где-то к полуночи мой организм практически очистился и от кокса, и от кваалюда, но уснуть я так и не смог. Уже под утро добрая медсестра, сжалившись, сделала мне укол. Не прошло и четверти часа, как я спал — за последние три месяца это был первый раз, когда я уснул без таблеток, кокса и прочей дряни.

Я проснулся спустя восемнадцать часов от звука собственного имени. Надо мной стоял здоровенный чернокожий верзила в форме больничного санитара.

— Мистер Белфорт, к вам посетитель.

«Герцогиня!» — решил я. Явилась, чтобы вытащить меня из этого ада.

— Неужели? — удивился я. — И кто же это?

— Он не назвался, — санитар пожал плечами.

Настроение у меня тут же упало. Санитар проводил меня в комнату с обитыми чем-то мягким стенами. Из мебели там были только серый металлический стол и три стула. Если бы не эти стены, комната была бы точной копией той, где швейцарские таможенники допрашивали меня после того случая, когда я попытался ущипнуть стюардессу. За столом сидел незнакомый мужчина слегка за сорок в очках в роговой оправе. Увидев меня на пороге, он поднялся из-за стола.

— Вы, должно быть, Джордан, — протягивая мне руку, пробормотал он. — А я Деннис Мэйнард.

Я машинально пожал ему руку, поймав себя на мысли, что невзлюбил этого типа с первого взгляда. Одет он был почти так же, как и я сам, — в

джинсы с кроссовками и белую рубашку-поло. С виду вполне приличный парень, довольно симпатичный, если вам нравятся такие типы, ухоженные и чистенькие. На вид ему было лет сорок пять — плотный, с коротко стриженными каштановыми волосами и аккуратным косым пробором.

Он кивком головы указал мне на стул. Я послушно сел. Через минуту появился еще один санитар — огромный ирландец с испитым лицом. Оба санитара встали у меня за спиной, готовые вмешаться, если мне вдруг придет в голову вообразить себя Ганнибалом Лектером — к примеру, возьму и откушу нос этому типу. Но я сохранял ледяное спокойствие.

— Меня наняла ваша жена, — продолжал Деннис Мэйнард.

— Вы кто, мать вашу? Гребаный адвокат по разводам?! Господи, ну и дела! Я надеялся, что у этой сучки, по крайней мере, хватит порядочности подождать три дня, пока не истечет срок действия акта Бейкера, прежде чем подавать на развод!

По губам Мэйнарда скользнула усмешка.

— Я не адвокат по разводам, Джордан. Я нарколог — меня пригласила ваша жена. Она по-прежнему любит вас, так что на вашем месте я бы не торопился называть ее сучкой.

Я подозрительно уставился на этого ублюдка, пытаясь понять, что происходит. Нет, о паранойе уже не было и речи, но я чувствовал, что нахожусь на грани нервного срыва.

— Стало быть, вы говорите, что вас наняла моя любящая жена? Если это так, почему она до сих пор не приехала меня навестить?

— Она очень напугана. И она в полной растерянности. Я провел с ней весь день — так вот, ее душевное состояние тоже внушает серьезные опасения.

При этих словах вся кровь во мне забурлила. Значит, этот сукин сын пляшет под дудку Герцогини!

— Ах ты, ублюдок! — я рванулся к нему через стол. Нарколог отшатнулся. Двое санитаров навалились на меня сзади. — Я прикажу порезать тебя на куски, слышишь, кусок дерьма?! Значит, подбиваешь клинья к моей жене, пока я тут гнию, да?! Считай, что ты уже труп! И твоя семья тоже! Ты не знаешь, с кем ты связался!

Санитары оттащили меня от стола. Я глубоко вдохнул, пытаясь успокоиться, и сел.

— Успокойтесь, — мягко сказал будущий супруг Герцогини. — Я и не думал «подбивать клинья» к вашей жене. Она все еще любит вас, а у меня роман совсем с другой женщиной. Я просто пытался сказать, что весь последний день мы с вашей женой только и говорили, что о вас. И о том,

что между вами произошло.

Я был в полной растерянности. Не мог связно мыслить. Я до такой степени привык всегда держать себя в руках, что эта растерянность сбивала меня с толку.

— А она рассказала вам, как я сбросил ее с лестницы, держа на руках нашу дочь? О том, как она выкинула чуть ли не два лимона баксов на какую-то идиотскую модную мебель, которая выглядит так, словно сменила уже нескольких хозяев? О взрыве, который я устроил на кухне? Могу представить, что она вам наговорила! — я укоризненно покачал головой. Но укоризна эта относилась отнюдь не к моим собственным поступкам, а к тому, что моя жена не постеснялась демонстрировать мое грязное белье первому встречному.

— Да, все это мне уже известно. Звучит даже забавно — я имею в виду покупку мебели. Об этом я слышу впервые. Однако все остальное выглядит не слишком привлекательно — особенно то, что случилось на лестнице и потом в гараже. Хочу, однако, подчеркнуть, что все это не ваша вина — вернее сказать, все это отнюдь не делает вас *дурным человеком*. Вы не злодей, Джордан, — вы просто *больны*, так же больны, как если бы у вас был рак или другая опасная болезнь.

Он помолчал немного, потом пожал плечами.

— А еще ваша жена рассказала мне, какой вы замечательный человек — вернее, каким вы были до того, как подсели на наркотики. Она восхищалась вашим умом, тем, чего вы достигли за эти годы, — говорила, какое потрясающее впечатление вы произвели на нее с самой первой встречи. Она сказала, что никого и никогда так не любила, как вас. Рассказывала о вашей доброте и щедрости — и о том, как все беззастенчиво этим пользуются. А еще она рассказала о ваших проблемах со спиной и как это усугубило…

Он все говорил и говорил, но я уже не слушал. В моем мозгу занозой засело слово «любила». Он сказал это в прошедшем времени… выходит, она уже больше не любит меня? Скорее всего, не любит, решил я. Все эти разговоры о том, что она напугана, — все это чушь собачья. Я заперт в комнате с мягкими стенами — чего ей меня бояться? Сердце мое обливалось кровью. Если бы только я мог увидеть ее — Господи, хоть на миг! — прижать ее к себе, услышать, как она скажет, что любит меня, мне стало бы намного легче. Разве я сам бы не сделал этого для нее? Как жестоко с ее стороны не приехать — а ведь ей наверняка сказали, что я пытался покончить с собой. Разве любящая жена так поступает, особенно в разлуке с мужем?

Вероятно, этот Мэйнард явился сюда, дабы убедить меня лечь на реабилитацию. Может, я бы и согласился — но только если бы Герцогиня пришла сама попросить об этом. А теперь, когда она шантажирует меня, угрожая разводом, если я не сделаю, как она хочет, об этом не могло быть и речи. Но, с другой стороны, разве курс избавления от зависимости — это не то, чего хочу я сам? Вернее, то, что мне необходимо? Неужели я действительно хочу превратиться в законченного торчка?

Но разве я смогу жить без наркоты? Вся моя жизнь была неразрывно связана с нею… мысль о том, что следующие пятьдесят лет придется провести без кокса, казалась немыслимой. Но ведь было же время, пусть и давно, когда я обходился без него! Смогу ли я, фигурально выражаясь, перевести стрелки назад? Или мои мозги окончательно спеклись — и я, превратившись в жалкого торчка, обречен влачить эту жалкую жизнь?

— …Теперь что касается характера вашего отца, — продолжал тем временем нарколог, — и того, как ваша мать пыталась защитить вас от него, хоть и безуспешно.

— Выходит, крошка Марта Стюарт убедила вас в том, что она — леди Совершенство? — глупо сострил я, хотя благоразумнее было бы промолчать. — Я хочу сказать, расписывая, какой я негодяй и все такое, — неужто она ничего не рассказала вам о себе? Потому что она *и впрямь* совершенство. Ну что ж, еще расскажет. Не во всех подробностях, конечно, но непременно расскажет. Еще бы, она ведь Герцогиня Бэй-Риджская!

Последняя фраза заставила Мэйнарда усмехнуться.

— Послушайте, ваша супруга весьма далека от совершенства. Я бы даже сказала, что в каком-то смысле она еще более больной человек, чем вы. Подумайте сами, кто из супругов виноват больше: тот, кто принимает наркотики, — или другой, который сидит сложа руки, наблюдая, как любимый человек губит себя? Скажу больше — ваша супруга тоже страдает своего рода зависимостью. Посвятив себя уходу за вами, она, к несчастью, забыла о собственной жизни. Сказать по правде, эта ее зависимость приняла настолько угрожающие размеры, что меня это даже слегка пугает.

— Чушь! — фыркнул я. — Думаете, мне в первый раз вешают лапшу на уши? Уверяю вас, я взял на себя труд почитать о таких вещах. И несмотря на пятьдесят колес кваалюда, которые глотаю за раз, я еще не настолько растерял мозги, чтобы не помнить все, что прочитал, начиная с начальной школы.

— Я встречался с вашей женой, Джордан, — кивнул Мэйнард. — А еще я познакомился с вашей семьей и друзьями, иначе говоря, с каждым, кто

близок вам. Так вот, они в один голос утверждают, что вы человек исключительного ума. Так что мне бы и в голову не пришло вешать вам лапшу на уши. Поэтому предлагаю сделку. В Джорджии есть реабилитационный центр, называется он «Тэлбот Марш», причем лечатся там в основном бывшие врачи. Люди они неглупые, так что скучно вам там не будет. В моей власти вытащить вас из этой дыры, куда вас упекли, и через два часа вы уже будете в «Тэлботе». Внизу вас ждет лимузин, а в аэропорту — самолет с полными баками. Уверяю вас, «Тэлбот Марш» — очень приятное место и лечат там замечательно. Уверен, вам там понравится.

— Рассуждаете так, будто вы на этом деле собаку съели. Кто вы такой, мать вашу? Вы правда дипломированный врач?

— Нет, — хмыкнул Мэйнард. — Всего лишь торчок, как и вы, но только бывший. Единственная разница между нами заключается в том, что я уже на пути к выздоровлению, а вы еще нет.

— И давно вы в завязке? — хмыкнул я.

— Десять лет.

— *Десять* лет?! — изумился я. — Господи, помилуй! Быть не может! Я и дня не могу прожить без наркоты… да что там ни дня — ни часа! Нет, приятель, между нами есть разница, да еще какая! У меня мозги заточены по-другому. И потом, не нужна мне эта гребаная реабилитация! Лучше уж вступлю в Общество анонимных алкоголиков или попробую еще что-нибудь…

— На такой стадии вам это уже не поможет, — перебил Мэйнард. — Чудо, что вы вообще еще живы. — Он пожал плечами. — Но настанет день, когда удача отвернется от вас. Например, вашего приятеля Дэйва не окажется рядом и некому будет позвонить 911 — и тогда вы окажетесь на кладбище, а не в психиатрической клинике.

В Обществе анонимных наркоманов мы говорим, что у наших клиентов есть три пути, — убийственно серьезным тоном продолжал он. — Суд, психушка или смерть. Первые два варианта вы уже опробовали. Когда вы образумитесь? Когда будете лежать на столе в морге? Когда вашей жене придется сказать детям, что они никогда увидят своего отца?

Я молча пожал плечами — он был прав, но я еще не готов был сдаться. По какой-то мне самому неизвестной причине я был убежден, что не должен поддаваться — ни ему, ни Герцогине, ни кому бы то ни было еще. Если я решу завязать, то только по собственной воле, а не под дулом пистолета.

— Я подумаю над этим, но только если сюда приедет Надин. Если нет,

то пошли бы вы!..

— Она не приедет, — заявил Мэйнард. — Она не станет говорить с вами, если вы не согласитесь пройти курс реабилитации.

— Что ж, справедливо, — кивнул я. — В таком случае идите вы оба знаете куда? Через два дня я выйду отсюда и после этого буду жить так, как мне нравится. Если мою жену это не устраивает, что ж, пусть подает на развод, — поднявшись из-за стола, я кивнул санитарам.

Я был уже возле двери, когда Мэйнард вдруг бросил мне вслед:

— Вы наверняка найдете себе другую жену, возможно, она будет даже красивее Надин. Но вы никогда не найдете такую, которая любила бы вас так, как любит Надин. Кто, по-вашему, все это устроил? В последние два часа ваша жена сделала все, чтобы спасти вашу жизнь. Вы будете последним идиотом, если позволите ей уйти.

Я сделал глубокий вдох.

— Много лет назад была еще одна женщина, которая любила меня не меньше, чем Надин; ее звали Дениз, и я знатно трахал ее. Кто знает? Возможно, я получил по заслугам. Как бы там ни было, вы зря теряете время, потому что ни на какую реабилитацию я не согласен. Вы меня поняли? И чтобы вашего духа больше тут не было!

С этими словами я вышел из комнаты в сопровождении санитаров.

Последующие два дня были менее мучительными. Ко мне потянулись посетители — сначала родители, потом один за другим друзья и родственники. Все они пытались уговорить меня пройти курс реабилитации. Побывали у меня все — кроме Герцогини. Как женщина может быть такой бессердечной, особенно после того, как я пытался… а что я, собственно, пытался?

Я старательно избегал даже в мыслях произносить слово «самоубийство» — может, потому, что это было слишком больно. А может, мне просто становилось стыдно при мысли, что человек может быть настолько влюблен в собственную жену — вернее, настолько одержим ею, — чтобы покончить с собой. Ни один мужчина, обладающий реальной властью, на такое неспособен. Во всяком случае, мужчина, еще не растерявший остатков уважения к самому себе.

Вообще-то, если честно, я и не думал себя убивать. Я прекрасно знал, что меня отправят в больницу и сделают промывание желудка. Я знал, что Дэйв маячит у меня за спиной, готовый в любую минуту вмешаться. Правда, Герцогиня об этом не знала; в ее представлении я настолько обезумел при мысли, что могу ее потерять, до такой степени погрузился в

бездну отчаяния, что решил уйти из жизни. Но тогда почему это ее не тронуло?

Да, верно, по отношению к ней я вел себя как скотина. И не только тогда, на лестнице, а и в течение нескольких месяцев до этого. А может, и нескольких лет. Чуть ли не с самого начала нашей совместной жизни я жил сообразно принципу «услуга за услугу» — я обеспечиваю ей Роскошную Жизнь, а взамен она закрывает глаза на мои *шалости*. Может, в этом и не было ничего дурного, однако следовало признать, что я перегнул палку.

И тем не менее я, несмотря ни на что, был уверен, что заслуживаю сочувствия. Или Герцогиня из тех женщин, кто просто неспособен на это? Неужели я ошибался в ней? Неужто ее сердце всегда было закрыто для меня? По правде сказать, я всегда это подозревал. Подобно мне самому — да и кому угодно — Герцогиня была, так сказать, «подпорченным товаром». Слов нет, она была хорошей женой, но ее прошлое не отпускало ее даже тогда, когда мы уже были вместе. Она росла без отца, который бросил ее, когда она была еще ребенком. Сколько раз она рассказывала мне, как в детстве по выходным надевала нарядное платье — держу пари, она и тогда была изумительно красива, с длинными светлыми волосами и ангельским личиком, — и часами ждала, что отец повезет ее обедать или на Кони-Айленд и будет хвастаться всем знакомым: «Знакомьтесь, это моя дочь! Ну разве она не прекрасна? Я так горжусь ею!»

Она часами ждала на крыльце — только для того, чтобы еще раз убедиться, что он не придет и даже не соизволит позвонить ей, чтобы извиниться.

Сьюзен, естественно, неизменно покрывала его: твердила Надин, что отец любит ее, но что он одержим своими собственными демонами, вынуждающими его вести бродячую жизнь, обрекающими его на бессмысленное существование.

Что, если я сейчас расплачиваюсь за его грехи? Возможно, ее холодность — всего лишь следствие той ожесточенности, к которой она еще в детстве приучила себя, утратив в конце концов всякую способность к состраданию. Или я просто цепляюсь за соломинку? Возможно, это расплата за выходки моих собственных демонов — за бесконечный разврат, за вертолет в три утра, за проституток в массажном салоне и за привычку щипать стюардесс за задницу…

А вдруг это и впрямь расплата — но еще более утонченная, более изощренная и коварная? Возможно, это месть за все законы, которые мне случалось нарушать? За наглые махинации с ценными бумагами? За деньги, которые я спрятал в Швейцарии? За то, что я кинул Кенни Грина,

который всегда был мне надежным партнером? Кто теперь знает? Последние десяток дней я жил чертовски сложной жизнью. О такой жизни люди обычно читают в романах.

Да, но это была *моя* жизнь. Плохо ли, хорошо ли, но я, Джордан Белфорт, Волк с Уолл-стрит, действительно мог считаться человеком необузданных страстей. Я всегда считал себя пуленепробиваемым — я смеялся над такими вещами, как смерть и тюремное заключение. Я жил словно рок-звезда, я поглощал больше наркотиков, чем большинство людей могут себе позволить, но все же оставался в живых, словно затем, чтобы поведать об этом миру.

Все эти мысли лихорадочно кружились у меня в голове, пока я ждал, когда закончится второй день моего заточения в медицинском центре «Делрэй». Про мере того как мой организм очищался от наркоты, мозги с каждой минутой работали все лучше. Прошлое еще цепко держало меня своими когтями — и тем не менее я чувствовал, что готов противостоять миру, что ждал меня на стенами больницы. Готов сделать отбивную из лысого ублюдка Стива Мэддена. Готов встретиться лицом к лицу с моей собственной Немезидой — спецагентом Грегори Коулмэном. Готов сражаться за Герцогиню, сколько бы времени это ни заняло.

На следующее утро, сразу же после утреннего приема таблеток, меня вновь проводили в комнату для свиданий с мягкими стенами, где меня уже ждали двое. Один — толстяк, второй — довольно симпатичный, хотя выпуклые синие глаза и адамово яблоко размером с грейпфрут отнюдь его не красили. Вероятно, щитовидка не в порядке, решил я.

Назвавшись доктором Брэдом и доктором Майком, они тут же выставили за дверь обоих санитаров. Интересное дело, подумал я… однако еще интереснее оказалось начало разговора, из которого я сделал вывод, что эта парочка — куда более талантливые комедианты, чем давешний «нарколог». Или у них просто иной творческий метод? Сказать по правде, эти двое мне даже нравились. Герцогиня выписала их из Калифорнии — послала за ними частный самолет сразу после того, как Деннис Мэйнард сообщил ей, что мы с ним не смогли найти общий язык. Итак, подкрепление прибыло.

— Послушайте, — сказал Толстый (это который Брэд), — я могу сделать так, что вас выпишут из этой дыры прямо сейчас. А еще через два часа вы уже окажетесь в клинике «Тэлбот Марш»: будете потягивать «пина-коладу» и кадрить молоденькую медсестру, которая сама оказалась там в качестве пациентки, поскольку ее застукали, когда она прятала демерол под юбку.

Толстяк пожал плечами.

— Или можете остаться тут еще на день — познакомитесь поближе с

дамой, которая вообразила себя бабочкой, и с нашим юным гением от математики. Но по мне, так нужно самому быть чокнутым, чтобы согласиться остаться в этом клоповнике хоть на одну лишнюю минуту. Я имею в виду, тут воняет…

— …дерьмом, — подтвердил тот, что со щитовидкой. — Почему вы не хотите, чтобы мы вытащили вас отсюда? Я хочу сказать, что мы оба знаем, что у вас крышу снесло и все такое и что вам бы не повредило посидеть под замком еще пару лет, но только не здесь — не в этой дыре! Пусть будет психушка, но хоть классом повыше!

— Майк прав, — поддакнул Толстяк Брэд. — Шутки в сторону — внизу ждет лимузин, а в аэропорту — самолет. Хватит упрямиться! Две подписи — и мы уже в самолете и… вперед и с песней!

— Точно, — подхватил Щитовидка Майк. — Кстати, самолет — просто класс! Не в курсе, сколько взяли с вашей жены за то, чтобы доставить нас сюда аж из Калифорнии?

— Понятия не имею, — пожал плечами я. — Но, держу пари, это влетело ей в копеечку. Если Герцогиня что и ненавидит, так это торговаться.

Они принялись хохотать — особенно веселился Толстяк Брэд, который, похоже, умел во всем находить смешное.

— Герцогиня? Слушайте, а мне нравится. Она у вас красавица — я имею в виду, ваша жена. И, судя по всему, крепко вас любит.

— А почему вы зовете ее Герцогиней? — поинтересовался Щитовидка.

— Это длинная история, — хмыкнул я. — Как бы сильно мне этого ни хотелось, однако этой честью она обязана не мне. Этим прозвищем ее наградил Брайан — владелец брокерской конторы, с которым мы в прежние времена провернули немало дел.

Короче, сидим мы как-то в частном самолете, возвращаемся домой с острова Сент-Барт. Было это пару лет назад, на Рождество — как вы догадываетесь, все мы были с большого бодуна. И тут Брайан, который сидел как раз напротив Надин, вдруг как пернет. А потом как ни в чем ни бывало заявляет:

— Черт, Надин, кажется, я обосрался!

Надин, само собой, жутко обозлилась — обозвала его неотесанным мужланом и все такое. Ну, а Брайан возьми да скажи:

— Ах, простите, пожалуйста, держу пари, ее светлость герцогиня Бэй-Риджская никогда не пукает в свои шелковые трусики, а уж о том, чтобы обкакаться, и речи нет!

— Забавно, — хмыкнул Толстяк Брэд. — Герцогиня Бэй-Риджская. А

что, мне нравится!

— Но куда забавнее то, что случилось после. Брайан, потрясенный собственным остроумием, просто скис от смеха — согнулся вдвое и ну хохотать. И не видел, как Герцогиня ухватила рождественский номер журнала «Таун энд Кантри», привстала, замахнулась и, как только он поднял голову, врезала ему с размаху журналом по голове — а рождественский номер весит тонну, не меньше, — да так, что бедняга вырубился! Вот не сойти мне с этого места, если вру. А потом уселась и принялась, как ни в чем ни бывало, читать журнал. Брайан очухался только после того, как его жена плеснула ему в лицо водой. В общем, с тех пор кличка к ней и прилипла.

— Невероятно! — ахнул Щитовидка. — Никогда бы не поверил: с виду-то она сущий ангел! — Толстяк Брэд согласно закивал.

— О, вы даже представить себе не можете, на что она способна! — я выразительно округлил глаза. — На самом деле она сильная, как бык. Знаете, сколько раз она избивала меня до полусмерти? А уж что она вытворяет в воде! — хохотнул я. — Только не поймите меня неправильно, парни. По большей части я это заслужил. Нет, конечно, я был без ума от этой девчонки, но назвать меня примерным супругом… И все же я считаю, она должна была меня навестить. Приди она сюда, я бы уже давно проходил эту самую реабилитацию. А вот теперь я с места не сдвинусь, потому что мне не нравится, когда моя собственная жена обращается со мной как с каким-то гребаным пленником.

— Держу пари, она собиралась прийти, — возразил Толстяк Брэд. — Наверняка это Мэйнард ее отговорил.

— Похоже, — кивнул я. — По мне, так он просто урод. Ничего, как только все это закончится, попрошу кого-нибудь из приятелей потолковать с ним по душам.

Оба клоуна немного смутились и предпочли не развивать эту тему.

— Могу я вам кое-что предложить? — спросил Щитовидка.

— Валяйте, конечно, почему нет? — кивнул я. — Вы, ребята, сразу пришлись мне по душе. Не то что тот, вчерашний.

Щитовидка улыбнулся. После чего, опасливо оглянувшись по сторонам, словно боялся, что кто-то может услышать, нагнулся к самому моему уху.

— Может, сделаем так? — заговорщически понизив голос, предложил он. — Мы сейчас договоримся, чтобы вас выписали, потом отвезем вас в Атланту, в реабилитационный центр. Вам точно понравится — никаких комнат с мягкими стенами, никаких решеток на окнах, ничего такого.

Роскошный номер и куча докторов, которые прыгают вокруг вас на задних лапках.

— Точно, — угодливо поддакнул Толстяк Брэд. — А как только вы попадете в Джорджию, закон Бейкера уже не будет действовать и вы окажетесь на свободе. Просто предупредите пилота, чтобы он пока не покидал аэропорт. Не понравится в реабилитационном центре — просто уйдете оттуда.

— Нет, вы, ребята, молодцы! — захохотал я. — Пытаетесь воззвать к моей жуликоватой натуре?

— Просто вы тоже нам нравитесь. Вы славный парень, Джордан. И заслуживаете того, чтобы жить, а не сдохнуть с трубкой для крэка в руках. А это непременно случится, если вы не завяжете с этой дрянью. Поверьте мне на слово. Знаю по собственному опыту.

— Вы тоже бывшие торчки, да? — догадался я.

— Да, оба, — подтвердил Щитовидка. — Я в завязке одиннадцать лет, Брэд — почти тринадцать.

— Парни, как такое вообще возможно? Я бы с радостью завязал, но не могу. Если честно, я не то что тринадцать лет — и дня бы не продержался.

— Вы тоже сможете, — твердо сказал Щитовидка. — Может, и не тринадцать лет, но готов поспорить, что до вечера-то вы точно продержитесь.

— Ну, до вечера-то, может, и продержусь, — хмыкнул я, — но точно не дольше.

— А дольше и не надо, — сказал Щитовидка. — Главное — продержитесь сегодня. А завтра… кто знает, что будет завтра? Живите сегодняшним днем, и все будет отлично. Вот, как я, например. Что может быть глупее, чем говорить себе, едва продрав глаза: «Эй, Майки, с сегодняшнего дня ты в завязке!» — Вместо этого я говорю: «Эй, Майки, ты, главное, продержись до вечера, приятель, а завтра будет видно!»

— Он прав, Джордан, — поддакнул Толстяк Брэд. — Держу пари, я знаю, что ты сейчас думаешь: мол, да ладно вам, парни, выпендриваться! — Он пожал плечами. — Ну, возможно, в чем-то ты и прав, да только это работает, хоть я и не понимаю, как. Да и плевать мне на это. Главное — я снова живу как человек. И ты сможешь, вот увидишь.

Я набрал полную грудь воздуха и медленно выдохнул. Нет, они в самом деле мне нравились, эти два клоуна. И я действительно хотел завязать. Так хотел, что мне казалось, я уже чувствую на губах вкус новой, свободной от наркоты жизни. Но я уже завяз по уши. Все, кого я знал, сидели на наркотиках — друзья, партнеры. Вся моя прошлая жизнь была пропитана

ими. Даже моя жена… впрочем, Герцогиня так и не пришла проведать меня. При всех обидах, которые я ей сам нанес, в глубине души я знал, что до конца своих дней буду помнить, что она не пришла даже после того, как я пытался покончить с собой.

Конечно, Герцогиню можно было понять. Кто знает, может, и она поняла, что не сможет меня простить. Я не мог винить ее за это — она была мне хорошей женой, а я отплатил ей тем, что превратился в законченного наркомана. Да, на то были причины, но это ничего не меняет. Так что если она хочет развестись, это ее право. Я всегда буду заботиться о ней — всегда буду любить ее, сделаю все, чтобы она никогда ни в чем не нуждалась. В конце концов, она подарила мне двух чудесных детей…

Я посмотрел Толстяку Брэду в глаза и медленно сказал:

— Ладно, ребята, ваша взяла. Давайте выбираться из этой крысиной норы.

— Конечно, — кивнул Толстяк Брэд. — Конечно.

Глава 38

Марсиане Третьего Рейха

На первый взгляд место показалось мне совершенно нормальным.

Кампус реабилитационной клиники «Тэлбот Марш» расположен на полудюжине акров безукоризненно ухоженной земли в Атланте, штат Джорджия. От частного аэропорта на лимузине потребовалось всего десять минут езды, и все эти шестьсот секунд я обдумывал побег. Еще перед тем, как сойти с самолета, я дал пилотам строгое указание не покидать аэропорт ни при каких обстоятельствах. В конце концов, ведь не Герцогиня платит им за работу, а я. К тому же, если они задержатся здесь, то получат еще кое-что сверх положенного. Пилоты уверили меня, что будут ждать.

Поэтому, пока лимузин сворачивал на подъездную дорогу, я изучал местность взглядом арестанта, склонного к побегу. Толстяк Брэд и Майк Щитовидка сидели напротив меня, и, как они и обещали, я нигде не обнаружил ни бетонной стены, ни металлических решеток, ни смотровой вышки, ни даже клочка колючей проволоки.

Вся территория буквально сияла в лучах южного солнца яркими красками клумб с фиолетовыми и желтыми цветами, ухоженных розовых кустов, высоченных дубов и вязов. У здешних мест не было совершенно ничего общего с воняющими мочой коридорами медицинского центра «Делрей». И все же ощущался тут какой-то подвох. Может, слишком уж все красиво выглядит? Откуда у реабилитационной клиники деньги на все это?

Перед главным входом располагалась круглая подъездная площадка. Когда лимузин неторопливо повернул к ней, Толстяк Брэд сунул руку в карман и вытащил три двадцатки.

— Вот, — сказал он. — Я знаю, у тебя при себе денег нет, так что считай это подарком. Тут хватит на такси обратно в аэропорт. Не хочу, чтобы ты ловил машину. Никогда не знаешь, на какого маньяка нарвешься.

— Ты о чем это? — спросил я невинно.

— Я видел, как ты шептал что-то на ухо пилоту, — сказал Толстяк Брэд. — Я уже давно этим всем занимаюсь, и если что и усвоил, так это то, что если человек не готов завязать, то его не заставить. Не буду оскорблять тебя аналогией с лошадью, которую можно привести к водопою и так далее. В любом случае, мне кажется, я должен тебе эти шестьдесят баксов за то, что ты меня смешил всю дорогу. — Он покачал головой. — Да уж,

ты тот еще больной ублюдок.

Он сделал паузу, будто подыскивая нужные слова.

— Короче, должен признаться, это самый необычный случай в моей карьере. Еще вчера я был в Калифорнии, сидел на одном скучном съезде, и тут началось безумие — звонит мне этот уже-почти-покойный Деннис Мэйнард и рассказывает: мол, у некоей красавицы-модели богатый муж собирается покончить с собой. Поверишь, нет, но я сначала отнекивался — уж больно далеко ехать. Но потом трубку взяла твоя Герцогиня Бэй-Риджская, и никаких отговорок она не приняла. Не успел оглянуться — а я уже сижу в частном самолете. Ну и ты сам, конечно, оказался вишенкой на торте. — Брэд пожал плечами. — Одно могу сказать: желаю тебе и твоей жене удачи. Надеюсь, вы не разбежитесь и у этой истории будет счастливый конец.

Щитовидка кивнул в знак согласия.

— Ты хороший человек, Джордан. Никогда не забывай об этом. И даже если через десять минут ты свалишь отсюда и отправишься прямиком в наркопритон, все равно ты останешься хорошим человеком. Эта гребаная болезнь хитра до невозможности. Я сам, прежде чем наконец завязать, сбежал из трех клиник подряд. В какой-то момент мои родственники нашли меня под мостом. Я жил как нищий. И в чем самый дебилизм — когда они затащили меня обратно в реабилитационный центр, я опять сбежал и вернулся под мост. Вот такая это болезнь.

Я тяжело вздохнул.

— Не хочу вам врать. Даже сегодня, пока мы летели сюда — пока я, не закрывая рта, травил вам байки и мы все ржали как подорванные, — я *все равно* думал о наркотиках. Эта мысль постоянно тлеет у меня в глубине сознания, словно какая-то долбаная печь. Я вот прямо сейчас думаю, что надо будет позвонить своему дилеру, как только я выберусь отсюда. Может быть, без кокаина я и смогу обойтись, но без кваалюда — никак. Он стал слишком важной частью моей жизни.

— Знаю это ощущение, — понимающе кивнул Толстяк Брэд. — По сути, я до сих пор то же самое чувствую по отношению к коксу. Не проходит и дня, чтобы я не испытывал тяги. Но мне уже больше тринадцати лет удается держаться. И знаешь, как я это делаю?

Я улыбнулся.

— Знаю, жирный ты ублюдок. Живешь только одним днем, так?

— Во-о-от, схватываешь на лету! У тебя еще есть шанс.

— Ага, — пробормотал я. — Что ж, начинаем исцеление.

Мы вылезли из машины и двинулись по короткой бетонной дорожке,

которая вела к главному входу. Внутри все было совершенно не так, как я себе представлял. Центр выглядел великолепно. Он был похож на курительный клуб для джентльменов: очень мягкий ковер, рыжеватый и густой, повсюду полированный орех и красное дерево, удобные на вид диваны, кушетки и кресла. Большой книжный шкаф, полный антикварных на вид книг. Прямо напротив шкафа стояло густо-красное кожаное кресло с очень высокой спинкой. Выглядело оно необычайно уютным, поэтому я направился прямиком к нему и тут же уселся.

Ооо… Сколько времени прошло с тех пор, как я в последний раз сидел в удобном кресле, не чувствуя, как в мозгу бурлят кокаин и кваалюд? У меня больше не болели ни спина, ни нога, ни бедро — ничего не болело. Теперь меня ничто не беспокоило, ничто не раздражало. Я сделал глубокий вдох, потом выдох… Дышалось приятно и как-то *трезво*, и вся ситуация вообще была приятной и трезвой. Сколько же времени я потерял? Уже почти девять лет я не бывал в абсолютно ясном сознании! Девять гребаных лет полного безумия! Черт побери… вот это жизнь.

Кстати, я чертовски проголодался! Мне отчаянно хотелось съесть хоть что-нибудь. Что угодно — лишь бы не фруктовые хлопья.

Ко мне подошел Толстяк Брэд:

— Ты как, нормально?

— Умираю от голода, — пробормотал я. — Десять штук отдал бы сейчас за бигмак.

— Посмотрим, что можно сделать. Нам с Майком надо еще тут заполнить парочку бумаг. А потом мы тебя позовем и найдем что-нибудь поесть.

Он улыбнулся и отошел.

Я сделал еще один глубокий вдох, но на этот раз задержал дыхание на добрых десять секунд. Уставившись в самую сердцевину книжного шкафа, я наконец выдохнул… и в этот самый момент безумие внезапно оставило меня. Хватит. Больше никаких наркотиков. Никаких сомнений. С меня довольно. Я больше не чувствовал тяги. Зависимость исчезла. Почему — я не знаю до сих пор. Но в тот момент я просто *понял*, что никогда не прикоснусь к ним снова. У меня в голове что-то щелкнуло, какой-то переключатель, и я почувствовал: к черту наркоту.

Встав с кресла, я прошел через фойе туда, где Толстяк Брэд и Майк Щитовидка заполняли документы. Вытащил из кармана шестьдесят баксов.

— Вот, — сказал я Толстяку Брэду, — забери свои бабки. Я остаюсь.

Он улыбнулся и одобрительно кивнул головой.

— Молодчина, дружище.

Когда они уезжали, я предупредил:

— Не забудьте сказать Герцогине, чтобы позвонила пилотам. А то будут торчать в аэропорту до второго пришествия.

— За здоровье Герцогини Бэй-Риджской! — воскликнул Толстяк Брэд, делая вид, что поднимает бокал.

— За здоровье Герцогини! — откликнулись хором мы со Щитовидкой.

Потом обнялись… и пообещали поддерживать связь. Но я знал, что мы никогда больше не встретимся. Они сделали свое дело, и им пришла пора двигаться дальше. А мне пришло время завязать. Раз и навсегда.

На следующее утро я ощутил совершенно новый вид безумия: безумие на трезвую голову. Я проснулся около девяти утра, чувствуя себя положительно прекрасно. Никаких признаков ломки или похмелья, никакой тяги, никакого желания закинуться наркотой. Хотя я, собственно, еще и к реабилитации не приступил — она должна была начаться завтра. Пока что меня еще держали в палате для детоксикации.

По дороге в столовую на завтрак меня тяготило единственное: мысли о Герцогине. Я до сих пор так и не смог с ней переговорить. И она, кажется, упорхнула из гнезда. Когда я звонил в Олд-Бруквилл, Гвинн сказала, что Надин куда-то исчезла. Она появилась дома только один раз — пообщаться с детьми — и моего имени даже не упомянула. В общем, я решил, что моему браку конец.

После завтрака меня подозвал жестом какой-то накачанный парень с кошмарной прической — типа рок-звезда семидесятых годов — и видом законченного параноика. Он поймал меня у таксофона.

— Привет! — я протянул ему руку. — Меня зовут Джордан. Как поживаете?

Незнакомец осторожно протянул мне свою и прошептал, озираясь:

— Тс-с-с! Иди за мной.

Я кивнул и последовал за ним обратно в столовую, где мы сели за квадратный обеденный стол в углу — как сказал мой новый друг, подальше от чужих ушей. Впрочем, в такой час в столовой оставалась только горстка людей — в основном сотрудники в белых халатах. Я заключил, что мой новый друг — полный псих. Одет он был так же, как я, — в джинсы и футболку.

— Я Энтони, — сказал мой собеседник, снова протягивая мне руку. — Это тебя вчера привезли на частном самолете?

О боже! А я-то хотел хоть тут смешаться с толпой, а не торчать на виду, как заноза.

— Да, меня. Но я был бы очень тебе благодарен, если бы ты про это забыл. Просто не хочу выделяться. Ладно?

— Можешь на меня положиться, — прошептал Энтони, — но удачи тебе, если думаешь, что тут хоть что-нибудь можно сохранить в тайне.

Звучало немного странно, как-то даже в духе Оруэлла.

— Вот как? — удивился я. — Почему это?

Энтони снова огляделся.

— Потому что это гребаный Освенцим, — прошептал он. И подмигнул мне.

Тут я подумал, что он все-таки не совсем слетел с катушек. Максимум — слегка помешался.

— Почему Освенцим? — спросил я, улыбаясь.

Он пожал мускулистыми плечами.

— Потому что тут жизнь — сплошная пытка, прямо как в фашистском концлагере. Видишь вон там персонал? — Он кивнул в сторону белых халатов. — Это настоящие эсэсовцы. Как только попадешь сюда — все, назад дороги нет. И рабский труд тут тоже используют.

— Что за хрень ты несешь? Я думал, тут четырехнедельная программа…

Энтони сжал губы в тонкую линию и покачал головой.

— Может быть, для тебя, но не для остальных. Ты, я полагаю, не врач, правильно?

— Нет, я банкир, хотя сейчас уже, наверное, на пенсии.

— Да ну? — удивился он. — На какой еще пенсии? Ты же совсем пацан.

Я улыбнулся.

— Я старше, чем кажусь. А какая разница, врач или нет?

— Да тут почти все либо врачи, либо медсестры. Я сам — мануальный терапевт. А таких, как ты, — всего несколько человек. Все остальные здесь потому, что потеряли лицензию на медицинскую практику. И вот поэтому персонал держит нас за яйца. Если они не решат, что ты вылечился, лицензию тебе не вернут. Сущий кошмар. Некоторые тут торчат уже год и *все еще* пытаются вернуть лицензию! — Он покачал головой. — Полный дурдом, черт побери. Все стучат друг на друга, чтобы выслужиться. Отвратительно. Ты представить себе не можешь. Пациенты ходят как роботы и сыплют заученными на собраниях фразами — делают вид, что реабилитировались.

Я кивнул, оценивая положение дел. Если система так по-идиотски организована, если персонал обладает неограниченной властью, то

злоупотреблений не избежать. Слава богу, меня все это не касается.

— А с девчонками тут как? Симпатичные есть?

— Только одна, — ответил Энтони. — Полный улет. Двенадцать по десятибалльной шкале.

Я даже оживился!

— И какая же она из себя?

— Такая блондиночка, примерно пять футов пять дюймов, тело — отпад, идеальное личико, кудрявая. Просто красавица. Высший сорт.

Я кивнул и про себя решил держаться от нее подальше. Судя по описанию, от девчонки можно было ждать неприятностей.

— А этот, как его, — Даг Тэлбот, главный врач? Сотрудники говорят о нем так, будто он какое-то гребаное божество. Что он за человек?

— Что он за человек? — пробормотал параноик Энтони. — Долбаный Адольф Гитлер. Хотя нет, скорее доктор Йозеф Менгеле. Большой любитель повыделываться и всех нас до одного держит за яйца… кроме, наверное, тебя и еще пары пациентов. Но ты все равно будь начеку, потому что они и твою семью попытаются настроить против тебя. Залезут в голову твоей жене и убедят, что если ты не проторчишь тут минимум полгода, то неизбежно сорвешься и подожжешь собственных детей.

Вечером того же дня, часов примерно в семь, я позвонил в Олд-Бруквилл, но о Герцогине по-прежнему не было ни слуху ни духу. Зато мне хотя бы удалось поговорить с Гвинн; я объяснил ей, что сегодня впервые был у своего лечащего врача и что у меня *предварительно диагностировали* (что бы это ни означало) навязчивое стремление сорить деньгами и серьезную зависимость от секса. И то и другое в целом было верно, но ни то ни другое, по моему мнению, врачей совершенно не касалось. Короче, мне сообщили, что придется ограничить траты и мастурбацию — денег разрешается иметь ровно столько, чтобы хватало на торговые автоматы, а мастурбировать можно только раз в несколько дней. Видимо, последнее ограничение наложено по «системе доверия».

Я попросил Гвинн запрятать пару тысяч долларов в свернутые носки и отправить их мне срочной почтой. Оставалось надеяться, что бабки минуют зоркое око гестапо, сказал я ей, но, так или иначе, это было самое меньшее, что она могла сделать, особенно после того, как девять лет была одним из главных моих поставщиков наркоты. Я решил не делиться с Гвинн новостями об ограничении мастурбации, хотя у меня было некоторое подозрение, что это окажется куда большей проблемой, чем ограничение по деньгам. В конце концов, я был «чист» всего четыре дня,

но у меня уже спонтанно стояло, стоило лишь ветерку подуть.

Гораздо более печальным было следующее: когда я уже собирался повесить трубку, к телефону вдруг подошла Чэндлер и спросила:

— Ты в Атлан… Атлантиде, потому что столкнул маму с лестницы?

Я ответил:

— И поэтому тоже, солнышко. Папа был очень болен и не понимал, что делает.

— Если у тебя болит, я могу опять поцеловать тебя, чтобы бо-бо прошло!

— Надеюсь, — с грустью сказал я. — Может быть, ты поцелуешь так и папу, и маму?

У меня слезы навернулись на глаза.

— Я постараюсь, — сказала Чэндлер со всей серьезностью.

Я закусил губу, сдерживаясь, чтобы не расплакаться по-настоящему.

— Знаю, доченька. Знаю. — Потом я сказал, что люблю ее, и повесил трубку. А прежде чем лечь спать той ночью, опустился на колени и попросил Всевышнего, чтобы Чэнни и вправду смогла прогнать все наши бо-бо. И все снова будет хорошо.

На следующее утро я проснулся в полной готовности встретиться с реинкарнацией Адольфа Гитлера — или все-таки доктора Йозефа Менгеле? Так или иначе, весь реабилитационный центр — и пациенты, и персонал — этим утром собрался в зале на очередную групповую встречу. Зал представлял собой огромное помещение, совершенно ничем не разделенное. Сто двадцать стульев были расставлены в круг, а в передней части комнаты имелось небольшое возвышение с кафедрой, откуда выбранный на сегодня пациент делился с остальными своими наркоманскими бедами.

Я сидел вместе с остальными в большом кругу, затерявшись среди подсевших на наркоту врачей и медсестер (или марсиан с планеты Тэлбот-Марс, как я стал их про себя называть). Все глаза были устремлены на оратора — сегодня это была печального вида женщина лет сорока с филейной частью размером с Аляску и сильнейшей угревой сыпью, какая обычно бывает у хронических пациентов дурдома, которые большую часть своей жизни глотают психотропные препараты.

— Привет, — сказала она робко. — Меня зовут Сьюзен, и я… э-э-э… алкоголичка и наркоманка.

Все марсиане в зале, включая меня, прилежно отозвались: «Привет, Сьюзен!», отчего она покраснела, а потом опустила голову с видом

побежденного… или победителя? Так или иначе, у меня не было никаких сомнений, что она окажется первоклассной занудой.

Наступила тишина. Видимо, у Сьюзен не было особого опыта публичных речей, или, возможно, у нее от наркотиков мозг закоротило. Пока она собиралась с мыслями, я воспользовался моментом, чтобы бросить взгляд на Дага Тэлбота. Он сидел в передней части зала, а по обе стороны от него — по пять сотрудников центра. У него были короткие белоснежные волосы, и выглядел он лет на шестьдесят. Лицо его показалось мне бледным и одутловатым, а квадратная челюсть и мрачный вид навевали мысли о суровом начальнике тюрьмы — из тех, кто, прежде чем нажать рубильник электрического стула, смотрит смертнику в глаза и говорит: «Я делаю это для твоего же блага!»

Наконец Сьюзен созрела.

— Я… завязала уже… э-э-э… почти полтора года назад и ни за что не смогла бы сделать этого без помощи и поддержки… э-э-э… Дага Тэлбота. — Тут она повернулась к главврачу и склонила голову, а все в зале вскочили на ноги и начали аплодировать — все, кроме меня. Я был слишком потрясен зрелищем столь масштабного целования задницы ради возможности вернуть себе лицензию.

Даг Тэлбот отмахнулся от восторгов марсиан, а потом покачал головой, как бы говоря: «Ну что вы, не надо меня смущать! Я все это делаю только из любви к человечеству!» Но у меня не было никаких сомнений, что его веселый отряд помощников скрупулезно засекает каждого, кто хлопает недостаточно громко.

Сьюзен продолжала бубнить, а я начал озираться в поисках кудрявой блондинки с прелестным лицом и телом — отпад и обнаружил, что она сидит прямо передо мной, на противоположной стороне круга. Она и вправду оказалась прелестна. Черты у нее были мягкие, ангелоподобные — не точеные черты модели, как у Герцогини, но все же очень красивые.

Вдруг марсиане снова вскочили на ноги, и Сьюзен смущенно поклонилась. Потом протопала к Дагу Тэлботу, наклонилась и обняла его. Но это было не настоящее объятие; она постаралась не прикоснуться к нему телом, только руками. Наверное, именно так немногие выжившие пациенты обнимали бы доктора Менгеле, если бы встретились с ним снова, именно так выглядит крайняя степень стокгольмского синдрома, когда заложники приходят благодарить своих похитителей.

Теперь взяла слово одна из сотрудниц, и когда все марсиане снова встали, я тоже встал вместе со всеми. Каждый взял за руки своих соседей по обе стороны — и я тоже.

Мы хором склонили головы и проговорили мантру анонимных алкоголиков: «Боже, дай мне спокойствие принять то, чего я не могу изменить, дай мне мужество изменить то, что могу, и мудрость — чтобы отличить одно от другого».

Потом все начали хлопать, так что я тоже захлопал — но на этот раз уже искренне. В конце концов, даже будучи циничным ублюдком, я не мог не признать, что эти собрания — отличная практика, спасшая уже миллионы людей.

В задней части зала стоял длинный прямоугольный стол, на котором виднелись чашки кофе, печенье и пирожные. Но стоило мне направиться туда, как я услышал, как меня зовет незнакомый голос:

— Джордан! Джордан Белфорт!

Я обернулся и — Господи Иисусе! — это был сам Даг Тэлбот. Он шагал ко мне с широченной улыбкой на одутловатом лице. Роста Даг оказался высокого, чуть больше шести футов, но не был в особенно хорошей форме. На нем был дорогой на вид синий спортивный пиджак и серые твидовые брюки. Он жестом подозвал меня.

В то мгновение я кожей чувствовал, как сто пять пар глаз притворяются, что не смотрят на меня… нет, на самом деле даже сто пятнадцать пар, потому что персонал тоже притворялся.

Тэлбот протянул мне руку.

— Наконец-то мы встретились, — сказал он, многозначительно кивая. — Рад знакомству. Добро пожаловать в «Тэлбот Марш». Мне кажется, мы с вами родственные души. Брэд мне все о вас рассказал. Жду не дождусь, хочется послушать ваши истории. У меня самого найдется парочка — хоть они наверняка и не такие интересные, как ваши.

Я с улыбкой пожал руку Тэлботу.

— Я о вас тоже многое слышал, — пришлось побороть искушение произнести это с ноткой иронии.

Даг положил руку мне на плечо.

— Идемте, — сказал он тепло, — посидим немного у меня в кабинете. А попозже я вас подвезу. Вас переводят на Холм, в одно из общежитий. Отвезу вас прямо туда.

И в тот самый момент я понял, что у пациентов и сотрудников клиники возникла серьезная проблема. Владелец — недостижимый, единственный и неповторимый Даг Тэлбот — в один миг стал моим закадычным приятелем, и каждый пациент, каждый сотрудник это понял. Теперь Волк готов был в любую секунду показать клыки — даже здесь.

Даг Тэлбот оказался неплохим парнем, и мы добрый час травили друг другу байки. На самом деле, как мне предстояло вскоре узнать, практически всех, кто лечится от наркозависимости, объединяет нездоровая тяга к игре «Кто из нас самый больной псих?». Само собой, совсем скоро Даг понял, что ему со мной не тягаться, и к тому времени, как я подобрался к рассказу о мясницком ноже и выпотрошенном диване, он уже наслушался сполна.

Тогда он сменил тему и начал рассказывать, что собирается сделать свою компанию публичной. Дал мне какие-то бумаги, чтобы показать, какой потрясающий проспект эмиссии он подготовил. Я послушно изучал документы, но мне было трудно сосредоточиться. Видимо, когда у меня в мозгу щелкнуло, Уолл-стрит отключилась вместе с наркотой, и я, проглядывая знакомые строки финансовой презентации, уже не чувствовал обычного прилива вдохновения.

Потом мы сели в его черный «мерседес», и он отвез меня в общежитие, состоявшее из нескольких коттеджей рядом с клиникой. Эти здания вообще-то не были частью «Тэлбот Марш», но Даг договорился с управляющей компанией, так что примерно треть квартир занимали его пациенты. Вот и еще один источник дохода.

Когда мы выходили из «мерседеса», Даг сказал:

— Если я могу что-нибудь для вас сделать, если кто-то из персонала или пациентов будет вам досаждать, просто дайте мне знать, и я разберусь.

Я поблагодарил его, подумав, что с 99-процентной вероятностью обращусь к нему по этому самому поводу, прежде чем пройдут мои четыре недели. А потом направился в логово дракона.

В каждом коттедже имелось шесть квартир. Мне предстояло поселиться на втором этаже. Я поднялся по невысокой лестнице и обнаружил, что дверь в мою квартиру широко открыта. Внутри за круглым обеденным столом из какой-то беленой древесины, очень дешевой на вид, сидели два моих соседа и с остервенением строчили что-то в пружинных блокнотах.

— Привет, я Джордан. Приятно познакомиться.

Один из них — высокий блондин лет сорока — не представившись, спросил:

— Чего от тебя хотел Даг Тэлбот?

Другой, очень красивый парень, тоже вмешался:

— А ты откуда вообще знаешь Дага Тэлбота?

Я улыбнулся им обоим и ответил:

— Ага, я тоже очень рад познакомиться, ребят.

А потом прошел мимо них, не говоря больше ни слова, зашел в

спальню и закрыл дверь. Внутри было три кровати, одна из них не заправлена. Я бросил свой чемодан рядом с кроватью и сел на матрас. У противоположной стены стоял простенький телевизор на дешевой деревянной подставке. Я включил телек и нашел новостной канал.

Уже через минуту оба соседа явились по мою душу.

Блондин сказал:

— Смотреть телевизор днем нам не рекомендуют.

— Он подпитывает болезнь, — добавил красивый. — Это считается неразумным.

«Рекомендуют»? «Неразумным»? *Святый Боже!* Если бы они только знали, *на какую* степень неразумия способен мой разум!

— Ценю вашу заботу о моем здоровье, — отрезал я, — но я не смотрел телевизор почти неделю, поэтому — если вы не против, конечно, — почему бы вам не оставить меня в покое и не заняться своими собственными чертовыми проблемами? Если уж мне приспичило вести себя неразумно, я буду делать это так, как считаю нужным.

— Что ты за врач такой вообще? — спросил блондин с осуждением.

— Я не врач! А что это у вас там за телефон стоит? — Я указал на бежевый телефонный аппарат на деревянном столике, прямо под небольшим прямоугольным окном, отчаянно нуждавшемся в том, чтобы его помыли. — Им можно пользоваться, или это тоже считается неразумным?

— Нет, пользоваться можно, — сказал красивый, — но он только для звонков за счет абонента.

Я кивнул.

— А ты сам что за врач?

— Я был офтальмологом, но потерял лицензию.

— А ты? — спросил я блондина, который в детстве явно был членом гитлерюгенда. — Ты тоже потерял?

Тот кивнул.

— Я стоматолог и лишился лицензии заслуженно, — говорил он совершенно как автомат. — Я страдал от страшной болезни, и мне нужно было лечиться. Благодаря персоналу «Тэлбот Марш» мое выздоровление идет очень успешно. Как только мне будет сообщено, что я полностью излечился, я попытаюсь вернуть себе лицензию.

Я покачал головой, словно его слова бросали возмутительный вызов логике, а потом поднял трубку и начал набирать Олд-Бруквилл.

Стоматолог заметил:

— Разговоры дольше пяти минут не рекомендуются. Это вредно с

точки зрения реабилитации.

Офтальмолог добавил:

— На тебя будет наложен штраф.

— Да неужели? И как, черт их дери, они узнают?

Оба они переглянулись, затем подняли брови и невинно пожали плечами.

Я изобразил на лице улыбку.

— Что ж, прошу меня извинить, но мне нужно сделать пару звонков. Освобожусь примерно через час.

Блондин кивнул и бросил взгляд на часы. Потом они оба вернулись в столовую и снова принялись усиленно выздоравливать.

Через пару секунд Гвинн подняла трубку. Мы тепло поздоровались, и она прошептала:

— Я отправила вам тыщу баксов в носках. Получили уже?

— Пока нет. Наверное, завтра получу. Но это не так важно, Гвинн, я другое хочу сказать — я больше не буду мучить тебя вопросами о Надин. Я знаю, что она дома и что она не хочет со мной говорить. Ничего страшного Ты даже не говори ей, что я звонил. Просто сама бери трубку и зови детей к телефону. Я буду звонить по утрам, около восьми, хорошо?

— Ладненько, — сказала Гвинн. — Надеюсь, вы с миссис Белфорт помиритесь. В доме теперь уж очень тихо сделалось. И очень как-то грустно.

— Я тоже на это надеюсь, Гвинн. Очень надеюсь.

Мы поговорили еще несколько минут, а потом распрощались.

Вечером того же дня, чуть раньше девяти, я впервые получил свою персональную дозу безумия местного розлива. В гостиной устроили собрание для всех обитателей коттеджей, на котором нам предстояло поделиться всем негодованием, которое накопилось в нас за день. Это называлось «встречей десятого шага», потому что как-то соотносилось с десятым шагом по системе «Анонимных алкоголиков». Но, взяв в руки книгу и прочитав, что такое десятый шаг — он заключался в постоянном самоанализе и признании собственных ошибок, — я так и не понял, каким образом эта встреча могла к нему относиться.

Так или иначе, мы уселись в круг. Всего нас оказалось восемь. Первый пациент, лысый мужик лет сорока, судя по виду — тряпка, сказал:

— Меня зовут Стив, и я алкоголик, наркоман и сексоголик. Держусь уже сорок два дня.

Остальные шестеро сказали: «Привет, Стив!», причем так правдоподобно изобразили заинтересованность, что если бы я уже не

разбирался немного в здешних обычаях, то мог бы поклясться, что они видят Стива впервые.

— Меня сегодня расстроил только один из нас. Это Джордан!

Я моментально проснулся!

— Я? — воскликнул я в изумлении. — Да мы же с тобой двух слов не сказали, дружище. Что я тебе такого сделал?

Мой знакомый Автоматический Стоматолог бесстрастно произнес:

— Защищаться не разрешается, Джордан. Смысл собрания заключается не в этом.

— Извините, пожалуйста, — как можно более язвительно сказал я. — А в чем же тогда смысл этого долбаного собрания? Потому что я, хоть режьте меня, никак не могу этого понять.

Все семеро в унисон покачали головами, будто я был совершенным идиотом.

— Смысл собрания, — объяснил Автоматический Нацист-Стоматолог, — заключается в том, что скрываемые обиды могут помешать выздоровлению. Поэтому мы каждый вечер собираемся и озвучиваем все, что нас расстроило за день.

Я оглядел остальных: все до единого опустили уголки губ и глубокомысленно кивали.

Я с отвращением тряхнул головой.

— Ну что ж, могу я по крайней мере услышать, почему старый добрый Стив на меня обижается?

Все опять закивали, и Стив сказал:

— Мне досадно, что ты дружишь с Дагом Тэлботом. Все мы пробыли здесь многие месяцы, а некоторые уже почти год — но ни один из нас даже не разговаривал с ним ни разу. А тебя он привез сюда на собственном «мерседесе».

Я рассмеялся Стиву прямо в лицо.

— И поэтому ты на меня обиделся? Потому что он подвез меня в своем гребаном «мерседесе»?

Стив кивнул и с безнадежным видом понурил голову. Через несколько секунд заговорил следующий пациент; он представился точно таким же дебильным образом, а потом добавил:

— Мне обидно, Джордан, что ты прилетел сюда на частном самолете. У меня денег иногда даже на еду не хватает, а тут собственный самолет…

Я оглядел комнату: все сочувственно кивали в знак согласия.

— Еще какие-нибудь претензии?

— Да: мне тоже досадно, что ты дружишь с Дагом Тэлботом.

Снова кивки.

Следующий пациент представился алкоголиком и наркоманом и сказал, что к тому же страдает обжорством.

— Меня расстраивает только одно… и это тоже связано с Джорданом.

— Ну, охренеть, — пробормотал я, — вот это, блин, сюрприз! А в чем дело, не поведаешь?

Он сжал губы.

— Про это уже говорили… и еще — ты можешь не соблюдать здешние правила, потому что ты дружишь с Дагом Тэлботом.

Я оглядел комнату; все опять кивали.

Один за другим все семеро моих собратьев по несчастью поделились своими обидами на меня. Наконец пришла моя очередь говорить.

— Привет, меня зовут Джордан, и я алкоголик и кокаинист и еще торчу на кваалюде. Еще у меня пристрастие к ксанаксу, валиуму, морфию, клонопину, бутирату, марихуане, оксикодону, мескалину и чуть ли не ко всему на свете, включая дорогих шлюх, не очень дорогих шлюх и дешевых уличных девок (последнее — только когда мне хочется себя наказать). Иногда я захожу на массаж в какой-нибудь корейский притон, где юные кореянки ласкают мой член, предварительно смазав руки детским увлажняющим маслом. Я всегда предлагаю им пару сотен сверху, если они согласятся засунуть язык мне в задницу, но договориться получается только через раз — языковой барьер мешает. Еще я никогда не предохраняюсь — из принципа. Я не принимаю наркотики уже целых пять дней, и у меня все время стоит. Ужасно скучаю по своей жене, и если уж вы всерьез хотите на меня обидеться, давайте я покажу вам ее фото!

Я пожал плечами:

— В общем, я обижен на всех вас за то, что вы паршивые нытики, и за то, что вы пытаетесь свое недовольство жизнью выместить на мне. Если вы правда хотите вылечиться, то прекратите осматриваться вокруг и начните всматриваться в себя, потому что сейчас вы все просто позорите род человеческий. И, кстати, вы правы в одном — я действительно дружу с Дагом Тэлботом, поэтому желаю удачи каждому, кто завтра попытается настучать на меня персоналу.

Тут я встал, вышел из круга и сказал:

— Извините, мне надо сделать пару звонков.

Мой любимец, Автоматический Нацист-Стоматолог из Третьего рейха, сказал:

— Нам еще нужно обсудить твои обязанности. Все в блоке должны заниматься уборкой. На этой неделе тебе достаются ванные…

— Ну уж нет, — сплюнул я. — Начиная с завтрашнего дня тут будет убирать прислуга. Можешь с ней и договариваться.

Я ушел в спальню, захлопнул дверь и набрал Алана Липски. Рассказал ему о чокнутых тэлботских нацистах-марсианах, мы посмеялись добрых пятнадцать минут, а потом стали вспоминать старые времена.

Перед тем как попрощаться, я спросил, не слышал ли он новостей о Герцогине. Он сказал, что нет, и я повесил трубку с тяжелым сердцем. Прошла почти неделя, и ситуация казалась безнадежной. Я включил телевизор и попытался закрыть глаза, но сон, как обычно, не торопился. Наконец где-то около полуночи я уснул — с еще одним трезвым днем в копилке и каменным стояком в трусах.

На следующее утро ровно в восемь часов я позвонил в Олд-Бруквилл. Трубку подняли после первого же гудка.

— Алло? — раздался тихий голос Герцогини.

— Нэй? Это ты?

— Да, это я, — мягко сказала она.

— Как дела?

— Все нормально. Держусь, можно сказать.

Я сделал глубокий вдох и медленно выдохнул.

— Я… Я позвонил, чтобы сказать «привет» детям. Они дома?

— Что такое? — спросила она печально. — Ты не хочешь говорить со мной?

— Нет, конечно, я *хочу* говорить с тобой! Я ничего в мире не хочу больше, чем говорить с тобой. Я просто подумал, что это ты со мной не хочешь говорить?

— Вовсе нет, — сказала Герцогиня ласково. — Я очень хочу. Хорошо это или плохо, но ты по-прежнему мой муж. Наверное, все же *плохо*, да?

На глаза мне навернулись слезы, но я их сдержал.

— Не знаю, что сказать, Нэй. Я… Мне так стыдно за то, что случилось… Я… Я…

— Не надо. Не извиняйся. Я все понимаю и не сержусь на тебя. Прощать легко. А вот забыть — уже другая история. — Она сделала паузу. — Но я тебя прощаю. И хочу двигаться дальше. Хочу попытаться спасти наш брак. Я все еще люблю тебя, что бы между нами ни случилось.

— Я тоже тебя люблю, — сказал я сквозь слезы. — Ты даже не представляешь, как, Нэй. Я… Не знаю, что сказать. Не знаю, как это произошло. Я… Я несколько месяцев не спал и… Я не понимал, что делаю. Все было как в тумане.

— Я виновата не меньше, — сказала она тепло. — Я видела, как ты гробишь себя, и ничего не предпринимала. Думала, что помогаю тебе, но на самом деле только делала хуже. Я же не знала…

— Это не твоя вина, Нэй, а моя. Просто все происходило так медленно, год за годом, и я не видел, к чему идет дело. И даже не заметил, как потерял контроль над своей жизнью. Я всегда считал себя сильным, но наркотики оказались сильнее.

— Дети по тебе скучают. И я тоже скучаю. Я уже несколько дней хотела с тобой поговорить, но Деннис Мэйнард сказал, что надо подождать конца детоксикации.

Вот говнюк! Я из-под земли этого ублюдка достану!

Я сделал глубокий вдох, пытаясь успокоиться. Мне совершенно не улыбалось сорваться, пока я говорю с Герцогиней. Я же должен был доказать ей, что остался разумным человеком, что наркотики не изменили меня безвозвратно.

— Знаешь, — сказал я наконец спокойным тоном, — хорошо, что ты прислала ко мне в больницу тех, вторых докторов. — Мне не хотелось использовать слово «психушка». — Потому что меня от Денниса Мэйнарда так воротило, ты не представляешь. Я чуть не отказался ехать в клинику из-за него. Что-то в нем было такое, что меня бесило. Мне кажется, ты ему понравилась.

Я ожидал, что Нэй назовет меня сумасшедшим. Но она усмехнулась:

— Забавно, что ты так решил. Лори тоже так показалось.

— Правда? — удивился я, в сердце своем уже планируя заказное убийство. — Я-то думал, я просто параноик!

— Не знаю, — сказала моя прекрасная Герцогиня. — Сначала я была в таком состоянии, что ничего не замечала, но потом он пригласил меня в кино, и тут я подумала, что что-то не так.

— Ты согласилась? — Самой подходящей казнью, подумал я, будет смерть от потери крови в результате кастрации.

— Нет! Конечно, нет! С его стороны неуместно было даже такое предлагать. В общем, на следующий день он пропал, и больше я о нем не слышала.

— Почему же ты не навестила меня в больнице, Нэй? Я так скучал. Все время о тебе думал.

Наступило долгое молчание, но я ждал. Мне нужен был ответ. Я все еще не понимал, почему эта женщина — моя жена, которая, судя по всему, меня еще любила, — не пришла ко мне после того, как я пытался покончить с собой. Это было уму непостижимо.

Прошло добрых десять секунд, и наконец она заговорила:

— Сначала мне было страшно из-за того, что случилось на лестнице. Трудно объяснить, но ты в тот день был будто другим человеком, словно в тебя дьявол вселился. Не знаю. А потом Деннис Мэйнард сказал, что нельзя навещать тебя, пока ты не переберешься в реабилитационный центр. Я не знала, прав он или нет. Но нигде же не написано, что в таких случаях следует делать, а он вроде как профессионал. Ладно — главное, что ты согласился лечиться, правда?

Мне очень хотелось сказать «нет», но сейчас не время было затевать ссору. Я надеялся, что у меня еще будет вся жизнь на то, чтобы с ней спорить.

— Ну, да, я здесь, и это самое главное.

— Ломка тяжелая? — спросила она, чтобы сменить тему.

— Да ее как-то и не было — по крайней мере, я не заметил. Веришь, нет, в ту же секунду, как я оказался здесь, тяга к наркотикам пропала. Это трудно объяснить, но я просто сидел в фойе, и меня вдруг отпустило. Кстати, порядки тут идиотские, чтобы не сказать больше. Если я и вылечусь, то не благодаря «Тэлбот Марш», а только сам по себе.

Очень взволнованным тоном:

— Но ты же все равно останешься там на все четыре недели, правда?

Я тихо рассмеялся.

— Да, можешь не беспокоиться, милая, я остаюсь. Мне надо отдохнуть от всего этого безумия. Ну и методы «Анонимных алкоголиков» мне в принципе нравятся. Я прочитал их программу — она просто отличная. Когда вернусь домой, стану ходить на собрания, чтобы гарантировать, что не будет рецидива.

Так мы проболтали полчаса, и к концу разговора я снова завоевал Герцогиню. Это мне было ясно. Нутром чуял. Я рассказал ей о своей непрерывной эрекции, и она пообещала помочь мне с этой бедой, как только вернусь домой. Я попросил ее заняться со мной сексом по телефону, но она отказалась. И все же я решил в следующий раз не отступать, подумав, что в конце концов ее уломаю.

Мы сказали друг другу «люблю тебя» и пообещали писать друг другу каждый день. Перед тем как повесить трубку, я сказал ей, что буду ежедневно звонить ей три раза.

Несколько дней прошли без особых событий, и не успел я оглянуться, как уже прожил целую неделю, не прикасаясь к наркотикам.

Каждый день нам выделяли несколько свободных часов, чтобы сходить в тренажерный зал или еще чем-нибудь заняться, и я быстро пробрался в

небольшую группку марсианских лизоблюдов. Один из врачей — анестезиолог, который пристрастился к средствам для наркоза и ловил кайф, пока пациенты дожидались его внимания на столе, — пробыл в «Тэлбот Марш» уже больше года и доставил сюда свою машину. Это была дерьмовая серая «тойота»-хэтчбек, но ездила она исправно.

До тренажерного зала было примерно десять минут пути. Я сидел справа на заднем сиденье, одетый в серые шорты «Адидас» и в футболку, и вдруг у меня встало. Вероятно, виноваты были вибрации четырехцилиндрового двигателя или, может быть, неровности дороги, но так или иначе, что-то отправило пару пинт крови мне прямо в пах. Эрекция была огромная и каменная — из тех, что оттягивают трусы так, что их приходится то и дело поправлять, иначе сойдешь с ума.

— Гляньте-ка, — сказал я, оттянув за резинку спортивные шорты и продемонстрировав марсианам свой член.

Все уставились на него. Да уж, зрелище было недурное. Пусть рост у меня небольшой, но *в этом* отношении Создатель был ко мне весьма щедр.

— Неплохо, а? — сказал я друзьям-врачам, схватив свой пенис и пару раз дернув. Потом с довольно забавным звуком шлепнул им о живот.

После четвертого «шлеп» все начали смеяться. Это был редкий для «Тэлбот Марш» момент легкомысленного веселья, мужские шуточки, момент дружбы между собратьями-марсианами, момент, когда обычные социальные условности можно отбросить, совершенно плюнуть на гомофобию, момент, когда парни могут побыть тем, кто они есть: настоящими парнями! В тот день я отлично позанимался в зале, и больше ничего особенного не случилось.

Назавтра, сразу после обеда, я сидел на сокрушительно скучном сеансе групповой терапии. Мой лечащий врач позвала меня поговорить.

Счастью моему не было предела… но едва мы уселись в ее маленьком кабинете, как она склонила голову набок под очень подозрительным углом и тоном Великого инквизитора спросила:

— Ну, так как у вас дела, Джордан?

Я пожал плечами.

— Нормально… вроде бы.

Она осторожно улыбнулась и продолжила:

— Мучает какая-нибудь тяга?

— Нет, совсем нет, — ответил я. — Можно сказать, по шкале от одного до десяти моя тяга к наркотикам равна нулю. Или даже меньше.

— О, это очень хорошо, Джордан. Очень-очень хорошо.

Что за черт? Я чего-то не знаю?

— Э-э-э, я что-то не догоняю. Вам кто-то *сказал*, что я постоянно думаю о наркотиках?

— Нет-нет, — сказала врачиха, качая головой. — Речь совсем не об этом. Я просто хотела узнать, не мучают ли вас в последнее время *еще какие-то* желания, не считая тяги к наркотикам?

Я поискал в своей оперативной памяти какие-нибудь особо сильные желания, но не нашел ничего, кроме очевидного желания удрать из этого места, вернуться домой и трахать Герцогиню до потери сознания целый месяц без передышки.

— Нет, никаких желаний. В смысле, я скучаю по своей жене и все такое, и я очень хотел бы быть дома, рядом с ней, но больше вроде бы ничего.

Врачиха поджала губы и медленно кивнула.

— Может, появилась тяга к эксгибиционизму?

— Что? — изумился я. — Что это такое вы говорите? Что я по-вашему — извращенец какой?

— Понимаете, — сказала врач, — я сегодня получила целых три письменных жалобы от трех разных пациентов. И во всех написано, вы обнажились в их присутствии… стянули с себя шорты и начали мастурбировать у них на глазах.

— Это полный бред, — вскричал я. — Черт подери, я вовсе не дрочил при них! Просто подергал за член пару раз и шлепнул им о живот, чтобы услышать звук. Вот и все. Что тут такого особенного? Там, откуда я родом, мужчина, увидев член другого мужчины, не бежит жаловаться мамочке, — я покачал головой. — Я же просто дурачился. С того самого дня, как я очутился здесь, у меня все время стоит. Наверное, мой член наконец просыпается от наркотической комы. Но раз это всех так беспокоит, я буду держать змея в клетке. Подумаешь…

Она кивнула.

— Вы должны понять, что травмировали других пациентов. Их реабилитация сейчас висит на волоске, и любое внезапное потрясение может бросить их обратно в объятия наркотиков.

— Как вы сказали — «травмировал»? Да кончайте вы чушь-то городить! Вам не кажется, что вы слишком на меня налегаете? В смысле… Боже! Мы же о взрослых мужчинах говорим! Как их мог *травмировать* вид моего члена? Но, конечно, если кому-то из них вдруг захотелось его пососать… Может, в этом проблема?

Она пожала плечами.

— Трудно сказать.

— Ну так я сам вам скажу — никого я не травмировал. Это была мужская шутка в мужской компании, вот и все. Единственная причина, по которой они меня сдали, — это желание продемонстрировать, что они излечились, или реабилитировались, или как вы там это называете. Они же пойдут на что угодно, чтобы вернуть свои гребаные лицензии, так ведь?

Доктор кивнула.

— Само собой.

— Ах, так вы в курсе?

— Да, конечно, я в курсе. И тот факт, что они все на вас донесли, заставляет меня всерьез усомниться в том, что их собственная реабилитация продвигается успешно. — Она улыбнулась, словно желая сказать: «Ничего страшного». — В любом случае, это не отменяет того факта, что ваше собственное поведение было неуместным.

— Ладно, — пробормотал я. — Больше не повторится.

— Вот и хорошо, — сказала врач, протягивая мне лист бумаги с каким-то текстом. — Подпишите, пожалуйста, вот этот бихевиоральный контракт. Там написано лишь, что вы обязуетесь больше не обнажаться на публике. — И она протянула мне ручку.

— Да вы смеетесь!

Доктор отрицательно покачала головой. Читая контракт, я просто хохотал. В нем было всего несколько строк, и в них слово в слово говорилось то, что она мне уже сказала. Я пожал плечами и подписал бумагу, а потом поднялся со стула и направился к двери.

— И это все? — бросил я по дороге. — Дело закрыто?

— Да, закрыто.

Но я вернулся на сеанс терапии со странным чувством, что это еще не конец. Уж очень странный народец эти ваши тэлботские марсиане.

На следующий день снова было групповое собрание. Все сто пять марсиан и десяток сотрудников центра снова расселись в огромный круг в большом зале. Отчетливо ощущалось лишь отсутствие Дага Тэлбота.

Что ж, я закрыл глаза и подготовился к занудной говорильне. Через десять-пятнадцать минут, уже почти уснув, я вдруг услышал свое имя:

— …Джордан Белфорт, которого многие из вас знают…

Я поднял голову. На трибуне была моя докторша, и она говорила обо мне. «Какого черта?» — удивился я.

— Итак, вместо того чтобы слушать приглашенного оратора, — продолжала она, — мне кажется, будет продуктивней, если Джордан сам поделится с группой тем, что произошло. — Она сделала паузу и

посмотрела в мою сторону. — Будьте добры, расскажите нам, Джордан!

Окинув взглядом зал, я обнаружил, что все марсиане пялятся на меня — в том числе и красотка-блондинка, местная Ширли Темпл в ореоле своих чудесных светлых кудрей. Мне по-прежнему было непонятно, что именно врачиха хотела от меня услышать, хотя у меня и закралось подозрение, что это как-то связано с моими «сексуальными извращениями».

Я наклонился вперед, посмотрел на докторшу и пожал плечами.

— Я не против поболтать с группой, но что именно вы хотите услышать? Я знаю множество историй. Может, выберете сами?

Тут все сто пять марсиан обратили свои марсианские лица к докторше, как будто мы с ней играли в теннис.

— Что ж, — она прибегла к уловке всех психотерапевтов, — в этом зале вы можете свободно рассказывать о чем хотите. Здесь — тихая, надежная гавань. Но почему бы вам не начать с того, что произошло с вами на днях в машине? По дороге в спортзал?

Марсиане снова повернули головы ко мне.

— Вы шутите, да? — спросил я сквозь смех.

Тут марсиане снова посмотрели на докторшу… а она поджала губы и сурово покачала головой, как бы говоря: «Нет, все это совершенно серьезно!»

Какая ирония, подумал я. Мой врач уступает мне сцену. Восхитительно! Волк снова идет в бой! Я был счастлив. Половину зала составляют женщины? Тем лучше! Закон отобрал у меня возможность стоять перед толпой брокеров и произносить свои монологи, но теперь вдруг судьба оказала мне любезность и снова обещает мне власть над аудиторией. Сейчас я устрою марсианам такое представление, какого они никогда не забудут!

Я кивнул и улыбнулся докторше.

— Ничего, если я встану в центр круга, пока буду говорить? Мне лучше думается, когда я двигаюсь.

Сто пять марсианских голов вопросительно повернулись в сторону моего терапевта.

— Пожалуйста, не стесняйтесь.

Я вышел в центр зала и уставился прямо на Ширли Темпл.

— Привет всем! Меня зовут Джордан, и я алкоголик, наркоман и сексуальный извращенец.

— Привет, Джордан! — вразнобой ответили зрители. Послышалось несколько смешков. А Ширли Темпл покраснела, как свекла: называя себя

извращенцем, я смотрел прямо в ее огромные голубые глаза.

— Ладно, я не особенно умею говорить перед публикой, но буду стараться изо всех сил. Так с чего же мне начать? Пожалуй, начну с проблемы эрекции — да, наверное, это самое подходящее начало. Итак, вот в чем моя проблема. Последние десять лет своей жизни мой член провел в состоянии комы из-за всех этих препаратов, которые я принимал. То есть не поймите меня превратно — я вовсе не импотент, ничего такого, хотя, признаю, примерно тысячу раз у меня не вставало из-за кокса и кваалюда.

Раздались первые жидкие смешки. *Ах, Волк с Уолл-стрит! Игра начинается!* Я поднял руку, прося у зала тишины.

— Нет, друзья, это не повод для смеха. Понимаете, чаще всего у меня не вставало на проституток, а я бывал с ними примерно раза три в неделю. Так что, выходит, я просто выбрасывал деньги на ветер — платил девчонке авансом больше тысячи долларов за раз, а трахнуть ее так и не мог. Все это было очень печально — и очень дорого. В общем и целом, обычно им в конце концов удавалось меня возбудить — по крайней мере, *некоторым* из них удавалось. Но это требовало долгих усилий, ухищрений с разными игрушками и прочее в таком роде, — я сделал очень серьезное лицо и пожал плечами, как бы говоря: «Секс-игрушек стыдиться нечего!»

Смех звучал все громче, и я слышал, что смеялись только марсианки. Когда я окинул взглядом публику, я действительно увидел, что на добрых марсианских лицах всех женщин сияют улыбки, а их хрупкие марсианские плечи подрагивают от сдавленного хихиканья. А мужчины-марсиане тем временем метали на меня убийственные взгляды.

Я махнул рукой и продолжал:

— Ладно, это все не так важно. Самое смешное, что с женой у меня такой проблемы никогда не было. На нее у меня вставало всегда — ну, или хотя бы почти всегда, и если бы вы, мужики, ее увидели, то сразу поняли бы, почему. Но когда я начал вынюхивать по четверти унции кокса в день — ну, тут у меня и с ней начались проблемы. Но к настоящему моменту я не дотрагивался до наркотиков уже целую неделю, и мой пенис, кажется, теперь претерпевает какие-то странные метаморфозы. Может быть, он просыпается от сна? Я хожу с эрекцией двадцать три часа в день… или даже больше.

Последовал оглушительный взрыв смеха марсианок. Я оглядел зал. О, да, попались! Теперь они мои! Какую паутину я сплел для дам! Волк снова на сцене!

— Короче, я думал, что хоть кто-нибудь из мужчин посочувствует моему бедственному положению. В смысле, мне показалось, что другие мужики в зале тоже должны страдать от подобных эффектов, разве нет?

Все марсианки закивали в знак согласия, а марсиане затрясли головами, глядя на меня с презрением. Я пожал плечами.

— Тут-то и случилась беда. Я ехал в машине еще с тремя пациентами-мужчинами. Как я теперь догадываюсь, у них нет членов, но тогда я этого не знал. Мы ехали в тренажерный зал, и, наверное, из-за вибрации двигателя… или из-за неровностей дороги… короче, я не знаю, почему, — но у меня вдруг, ни с того ни с сего, ка-а-ак встанет!

Я оглядел зал, тщательно избегая пылающих взглядов марсиан и наслаждаясь обожанием в глазах марсианок. Ширли Темпл облизнула губы в предвкушении. Я подмигнул ей и поехал дальше:

— Во всяком случае, это была просто безобидная мужская шутка, вот и все. Да, не буду отрицать, я потянул-таки своего удава пару раз, — взрыв женского смеха, — и не буду отрицать, что раз или два шлепнул им себя по животу, — снова смех, — но все это была просто шутка! Я же не дергал его, как сумасшедший, пытаясь кончить прямо в машине… хотя, если бы так поступил кто-нибудь другой, я не стал бы его осуждать. Я хочу сказать — каждому свое, верно?

Кто-то из марсианок выкрикнул: «Да, каждому свое!», а остальные зааплодировали.

Я поднял руку, снова прося тишины, и спросил себя: интересно, долго еще сотрудники будут терпеть это безобразие? Но у меня было подозрение, что будут хоть до скончания веков.

— В заключение хочу сказать следующее. Вот что меня на самом деле беспокоит во всей этой истории: те трое парней, что на меня настучали, — имен я сейчас называть не стану, но, если вы подойдете ко мне после собрания, с удовольствием назову, чтобы вы держались от них подальше, — так вот, эти парни смеялись и шутили, и ни один из них не сказал мне и даже не намекнул, что считает, будто я делаю что-то некрасивое.

Я с отвращением помотал головой.

— Знаете, на самом деле я явился сюда из очень нездорового мира, где такие вещи, как нагота, проститутки, разврат и любые виды извращений, считались нормой. Оглядываясь назад, я понимаю, что все это неправильно. Что это безумие. Но это сейчас… *сегодня*… когда я стою здесь, перед вами, трезвый. Да, сегодня я понимаю, что пинать ради развлечения карликов — это плохо. И что четыре проститутки за раз — это плохо, и биржевые махинации — это плохо, и изменять жене — плохо, и засыпать за обеденным столом, и разбивать чужие машины, потому что сам ты под кайфом уснул за рулем…. Я знаю, что все это — неправильно.

Я первым готов признать, что далеко не идеален. На самом деле я дико застенчивый и неуверенный в себе человек, и меня очень легко смутить…

Я помедлил и продолжил убийственно серьезным тоном:

— Но я не желаю этого показывать. Если бы мне пришлось выбирать между неловкой ситуацией и смертью, я бы выбрал смерть. Так что да, я слаб и полон недостатков. Но одно я могу вам обещать — я никогда не стану судить других людей.

Я пожал плечами и демонстративно вздохнул.

— Да, возможно, то, что я сделал в машине, было неправильно. Наверное, это было некрасиво и оскорбительно. Но пусть хоть кто-нибудь в этом зале попытается доказать, что я сделал это со злобой в сердце или чтобы помешать чьей-то реабилитации. Я сделал это, чтобы разрядить обстановку в ужасной ситуации, в которой оказался. Я был наркоманом почти десять лет, и хотя с виду могу показаться нормальным, но сам-то я знаю, что это не так.

Через несколько недель мне придет пора отсюда уехать, и я до смерти боюсь возвращаться в логово дракона, к людям, местам и вещам, которые питали мою болезнь. У меня есть жена, которую я люблю, и двое детей, которых я обожаю, и если я вернусь туда и сорвусь, то раню их навсегда — особенно детей. А тут, в «Тэлбот Марш», где я, по идее, должен быть окружен людьми, которые *понимают*, через что я прохожу, каких-то три козла пытаются подорвать мое выздоровление и сделать так, чтобы меня отсюда выкинули. И это очень грустно. Я такой же человек, как любой из вас — неважно, мужчина вы или женщина. Да, возможно, у меня есть пара лишних баксов, но я так же нервничаю, так же боюсь будущего и большую часть дня провожу в молитвах о том, чтобы все кончилось хорошо. Чтобы однажды я смог усадить детей перед собой и сказать: «Да, действительно, однажды, нанюхавшись кокаина, я столкнул маму с лестницы, но это было двадцать лет назад, и с тех пор я ни разу не притрагивался к наркотикам».

Я снова покачал головой.

— Так что в следующий раз, когда кто-то из вас решит сдать меня, прошу вас, подумайте дважды. Вы только себе навредите. Меня отсюда так просто не выжить, а здешние сотрудники намного умнее, чем вам кажется. Больше мне сказать нечего. А теперь извините меня, пожалуйста, но мне нужно снова сесть, потому что у меня опять встает, и я не хочу позориться. Спасибо!

Я махнул рукой, будто кандидат в президенты на предвыборном митинге, и зал взорвался бурными аплодисментами. Все до одной марсианки, весь персонал и около половины мужчин-марсиан поднялись на

ноги, устроив мне стоячую овацию.

Вернувшись на место, я встретился взглядом со своим терапевтом. Она улыбнулась мне, кивнула головой и подняла в воздух сжатый кулак, как бы говоря: «Молоток, Джордан!»

Началось общее обсуждение, в ходе которого марсианки защищали мои действия и говорили, что я *миленок*, а некоторые из самцов продолжали критиковать меня, утверждая, что я представляю угрозу для их марсианского сообщества.

В тот же вечер я попросил соседей по комнате присесть и сказал:

— Слушайте, меня достала вся эта хрень. Я не хочу больше слышать ни слова о том, что я забываю опустить сиденье унитаза, или что я много говорю по телефону, или что слишком громко дышу. Мне на-до-е-ло. Поэтому у меня к вам такое предложение. Вам ведь обоим страх как нужны бабки, правильно?

Они кивнули.

— Отлично. Значит, мы вот как поступим. Завтра утром вы позвоните моему другу Алану Липски, и он откроет вам счета в своей брокерской фирме. К вечеру вы заработаете по пять штук каждый. Можете делать с этими деньгами что вам угодно, но чтобы я до самого своего отъезда больше ни одного долбаного писка от вас не слышал! Осталось меньше трех недель, так что уж потерпите как-нибудь.

Конечно, на следующее утро они оба радостно позвонили Алану, и, конечно, наши отношения после этого значительно улучшились. И все же мои проблемы в «Тэлбот Марш» далеко не закончились. И связаны они были отнюдь не с красоткой Ширли Темпл. Нет, меня ужасно мучило желание повидать Герцогиню. По разным марсианским разговорам выходило, что в редких случаях пациентам позволяют ненадолго отлучаться. Я позвонил Герцогине и спросил ее, не прилетит ли она ко мне на выходные, если я получу разрешение.

— Только скажи, где и когда, — ответила Надин, — и я устрою тебе уикенд, который ты никогда не забудешь.

Именно по этой самой причине я сейчас и сидел в кабинете терапевта, пытаясь выпросить отгул. Шла моя третья неделя на планете «Тэлбот Марш», и я больше не попадал ни в какие переделки, хотя все марсиане знали, что я посещаю только один из четырех сеансов групповой терапии. Но всем, кажется, было уже плевать. Они поняли, что Даг Тэлбот меня не вышвырнет и что я даже по-своему оказываю на пациентов положительное влияние.

Я улыбался докторше и говорил:

— Слушайте, я не понимаю, что страшного, если я уеду в пятницу и вернусь в воскресенье. Я все время буду со своей женой. Вы с ней говорили, так что вы знаете, что она меня поддержит. Это очень поможет моей реабилитации.

— Я не могу разрешить, — отвечала мой врач, покачав головой. — Это будет вредно остальным пациентам. Все и так уже ворчат, что к вам здесь относятся иначе, чем к другим. — Она тепло улыбнулась: — Поймите же, Джордан, по нашим правилам пациенты не имеют права на отгул, пока не провели на реабилитации по крайней мере девяносто дней — да и то если они все это время вели себя примерно… а не обнажались публично, как некоторые.

Я улыбнулся ей. Она была хорошей женщиной, и я даже полюбил ее за эти недели. С ее стороны было очень мудро в тот день дать мне возможность выступить перед всеми и позволить защищать себя. Лишь много позже я узнал, что она много общалась с Герцогиней, которая и рассказала ей о моем даре вести за собой — хорошо это или плохо.

— Я понимаю, что у вас есть правила. Но они были написаны не для моего случая. Как ко мне можно применить правило насчет девяноста дней, если я здесь всего-то на четыре недели? — Я пожал плечами. Этот аргумент не убедил даже меня самого. И вдруг в мои трезвые мозги пришла замечательная идея.

— Придумал! — чирикнул я радостно. — Позвольте мне выступить перед пациентами с новой речью? Я постараюсь убедить их в том, что заслужил отгул, хотя это и идет против правил лечебницы.

Она задумчиво потерла переносицу, а потом тихо рассмеялась:

— Знаете, я почти готова сказать «да» — только ради того, чтобы услышать, какую чепуху вы им скормите. На самом деле, даже не сомневаюсь, что вы бы их убедили… — Она еще раз тихонько усмехнулась: — Две недели назад речь вышла знатная, пожалуй, лучшая в истории «Тэлбот Марш». Вы обладаете удивительным даром, Джордан. Я никогда ничего подобного не видела. Послушайте, просто любопытства ради: а что бы вы сказали пациентам, если бы я дала вам возможность?

Я пожал плечами.

— Если честно, не имею понятия. Знаете, я никогда особенно не планирую заранее, что говорить. Раньше я дважды в день держал речь перед целым футбольным полем народу. Это продолжалось почти пять лет, и я не могу вспомнить, чтобы хоть раз готовил речь заранее. Мне нужно было разве что иметь в виду одну-две темы, вот, наверное, и все.

Остальное выходило экспромтом. Знаете, когда я стою перед толпой, на меня просто что-то находит. Это трудно описать, но все вдруг становится предельно ясным. Слова начинают слетать с языка без всякого напряжения. Одна мысль ведет к другой, и меня накрывает вдохновение.

Но, отвечая на ваш вопрос, я бы, вероятно, использовал «обратную психологию», объяснил, что мой отгул благоприятно скажется на их собственном восстановлении. Что жизнь вообще несправедлива и что им лучше привыкнуть к этому сейчас, под контролем специалистов. А следом заставил бы их мне посочувствовать, рассказал бы, что столкнул жену с лестницы и что мой брак висит на волоске из-за моей болезни, а эта встреча, вероятно, решит, останется жена со мной или нет.

Доктор улыбнулась.

— Мне кажется, вам нужно найти способ использовать свои способности во благо; побуждать людей к добру, а не развращать их.

— Ах вот как! — сказал я, улыбаясь ей в ответ. — Так вы, значит, слушали меня все эти недели! А я-то сомневался. Ладно, может, когда-нибудь я и попробую, но сейчас я просто хочу вернуться к своей семье. Я хочу совсем уйти из брокерского бизнеса. Вот только разберусь с несколькими оставшимися делами, а потом завяжу навсегда. Хватит с меня наркотиков, проституток, измен, всего этого дерьма с акциями и всего остального. Я собираюсь прожить остаток жизни спокойно, подальше от всеобщего внимания.

Она рассмеялась.

— Ну, мне почему-то не кажется, что вас ждет такая судьба. Едва ли вы когда-нибудь будете жить в тени. По крайней мере, долго вы там не выдержите. Я не хочу сказать, что это плохо. Но, по-моему, у вас есть замечательный дар, и для успеха вашей реабилитации вам важно научиться использовать его во благо. Для начала просто сосредоточьтесь на выздоровлении — и на том, чтобы оставаться «чистым», — а жизнь наладится сама собой.

Я поник головой, уставился в пол и кивнул. Она была права, и меня это до смерти пугало. Мне отчаянно хотелось не сорваться в будущем, но я знал, что шансы катастрофически малы. Впрочем, после знакомства с методикой «Анонимных алкоголиков» успех перестал казаться совершенно невозможным и стал просто маловероятным. Успех и провал, казалось, зависели от того, насколько прочную поддержку я найду после выхода из реабилитационного центра, от того, кто даст мне надежду и поддержит, если дела пойдут неважно.

— Так как насчет моего отгула? — спросил я снова.

— Мы обсудим это на завтрашней летучке персонала. В конце концов, решаю не я, а доктор Тэлбот. — Доктор пожала плечами. — Как ваш лечащий врач, я имею право наложить вето, но я не буду этого делать.

Я понимающе кивнул. Нужно будет поговорить с Тэлботом до того, как начнется эта их летучка.

— Спасибо вам за все. Вам осталось терпеть меня всего неделю или около того. Я постараюсь вас не доставать.

— Вы меня не достаете. Если честно, вы мой любимчик, хотя я никогда и никому в этом не призналась бы.

— И я никому не скажу, — и я искренне обнял своего доктора.

Пять дней спустя, в пятницу, чуть раньше шести вечера, я стоял на летном поле у терминала для частных самолетов международного аэропорта Атланты. Я ждал, прислонившись к заднему бамперу длиннющего черного лимузина, трезвым взглядом глядя в северный сектор неба. Руки у меня были сложены на груди, а штаны оттопыривал каменный стояк. Я ждал Герцогиню.

Со времени прибытия в клинику я набрал десять фунтов, моя кожа снова светилась молодостью и здоровьем. Мне было тридцать четыре года, и я пережил невыразимое: наркоманию библейского масштаба, настолько безумную, что должен был бы давным-давно умереть — от передозировки или в автомобильной аварии, разбиться на вертолете или утонуть во время дайвинга… Или погибнуть еще каким-нибудь способом из тысяч возможных.

Но вот он я, жив и здоров. Вечер был красивый и ясный. Дул легкий теплый ветерок. В это время года солнце в шесть вечера стоит достаточно высоко, так что я сумел разглядеть «Гольфстрим» задолго до того, как его колеса коснулись посадочной полосы. Казалось почти невозможным, что внутри сидит моя ненаглядная жена, которую я заставил пройти через семь лет наркотического ада. Я гадал — во что она одета? О чем она сейчас думает? Волнуется ли так же сильно, как и я? Осталась ли она такой же красивой, как в моих воспоминаниях? По-прежнему ли от нее так восхитительно пахнет? Неужели она все еще меня любит? Сможем ли мы вернуть все, что у нас было?

Ответом на эти мои вопросы стала откинувшаяся дверь самолета. Прекрасная Герцогиня появилась в проеме, мерцая густой гривой светлых волос. Выглядела она великолепно. Сделала шаг вперед, а затем встала в свою типичную позу, наклонив голову набок, сложив руки под грудью и с дерзким видом отставив длинную голую ногу в сторону. И уставилась на

меня в упор.

На ней был крошечный розовый сарафан без рукавов. Юбка заканчивалась на добрых шесть дюймов выше колен. Все еще не меняя позы, она сжала свои сочные губы и принялась покачивать белокурой головой, словно говоря: «Не могу поверить, что это человек, которого я люблю!» Я сделал шаг вперед, вскинул ладони в воздух и пожал плечами.

Добрых десять секунд мы просто стояли, глядя друг на друга, и тут вдруг она вмиг оттаяла и послала мне два воздушных поцелуя. Потом развела руки, сделала небольшой пируэт, словно пускаясь в танец, и сбежала по трапу с широкой улыбкой на лице. Я бросился к ней, и мы встретились прямо на бетоне летного поля. Она обвила руками мою шею, слегка подпрыгнула и обхватила меня ногами за пояс, а потом поцеловала.

И мы целовались, казалось, целую вечность, не в силах надышаться друг другом. Я кружился на месте, все еще целуя ее, пока мы оба не начали хихикать. Оторвавшись от ее губ, я зарылся носом ей в декольте, обнюхивая ее, будто щенок. Она принялась смеяться и вовсе безудержно. Пахло от нее почти невозможно хорошо.

Потом я отвел лицо на несколько дюймов и уставился прямо в ее невероятно яркие голубые глаза, а затем сказал убийственно серьезным тоном:

— Если мы не займемся любовью сию же секунду, я кончу прямо тут, на асфальт.

В ответ Герцогиня пролепетала своим кукольным голосом:

— Ох, мой бедный малыш! — *Малыш? Просто невероятно!* — Ты так меня хочешь, что вот-вот лопнешь, да?

Я нетерпеливо кивнул.

Герцогиня продолжала:

— И посмотри только, какой ты стал молодой и красивый, когда набрал несколько фунтов и перестал быть зеленого цвета. Какая жалость, что именно в эти выходные я должна преподать тебе урок. — Она пожала плечами. — Никакого секса до самого Четвертого июля!

Что такое?!

— В каком это смысле?

Назидательным тоном:

— Ты меня слышал, котенок. Ты был очень плохим мальчиком, так что теперь тебе придется расплачиваться. Сначала докажи, что ты исправился, и только тогда я подпущу тебя к себе. А пока можно только целоваться.

— Да ладно тебе, чокнутая! — я схватил ее за руку и потащил к лимузину. — Я не могу ждать до четвертого июля! Ты мне нужна сейчас —

прямо сию секунду! Я хочу заняться любовью в лимузине.

— Нет, нет и нет, — сказала Герцогиня, несколько нарочито качая головой. — В эти выходные — только поцелуи. Посмотрим, как ты будешь себя вести следующие два дня, а в воскресенье я, может быть, подумаю над тем, чтобы зайти чуть дальше.

Водителем лимузина был невысокий белый мужчина лет шестидесяти по имени Боб. Он в своей форменной шоферской кепке стоял у задней двери, ожидая нас.

— Это моя жена, Боб. Она герцогиня, поэтому относись к ней соответственно. Бьюсь об заклад, у вас тут в Атланте не так уж часто бывают аристократы, не так ли?

— О да, сэр, — ответил Боб очень серьезно. — Совсем нечасто.

Я кивнул.

— Так и думал. Но ты все же не бойся ее. На самом деле она очень простая и добрая. Правда, милая?

— Да, добрая, еще какая добрая! А теперь заткнись уже на фиг и лезь в этот чертов лимузин! — прорычала Герцогиня.

Боб застыл в изумлении, очевидно, озадаченный тем, как странно иногда ведут себя герцогини.

— Не обращай внимания, — сказал я ему, — она просто не хочет показаться слишком чопорной. Свои великосветские манеры она приберегает для тех случаев, когда она навещает свою Англию и своих друзей-аристократов. — Я подмигнул. — Ладно, шутки в сторону, Боб. Если я муж герцогини, то, значит, я герцог. Так что ты должен в течение всего уикенда обращаться ко мне согласно этикету — «ваша светлость».

Боб церемонно поклонился.

— Разумеется, ваша светлость.

— Отлично, — сказал я, заталкивая восхитительную аристократическую попу Герцогини на заднее сиденье, и залез следом. Боб захлопнул дверцу, а потом направился к самолету, чтобы забрать ее герцогский багаж.

Я тут же задрал розовый сарафанчик, обнаружил, что на Нэй нет трусиков, и прямо-таки бросился на нее.

— Нэй, я так тебя люблю. Безумно люблю!

Я прижал ее к сиденью и потерся о нее своим стояком. Она умопомрачительно застонала и повела бедрами. Я целовал ее и целовал, но через несколько минут она вытянула руки и оттолкнула меня.

— Стой, дурачок! — хихикнула Герцогиня. — Боб сейчас вернется. Придется тебе подождать, пока мы не доедем до отеля. — Она опустила

взгляд и увидела мои джинсы. — О, бедный малыш! — *Малыш? Ну почему всегда «малыш»?!* — Ты прямо готов взорваться! — Герцогиня поджала губы. — Ладно, дай-ка я тебя поглажу, — и она протянула руку и начала ласкать мой член через ткань штанов.

Я нажал кнопку, которая поднимала перегородку в салоне, и когда перегородка отделила нас от водителя, пробормотал:

— Не могу ждать до отеля! Мы займемся любовью прямо здесь, и плевать на Боба!

— Так и быть! — отозвалась Герцогиня игриво. — Но это лишь из сострадания, так что это не считается. Я по-прежнему не собираюсь спать с тобой, пока ты не докажешь, что стал хорошим мальчиком. Понял?

Я кивнул, состроив жалобные глаза, и мы принялись срывать друг с друга одежду. К тому времени, как Боб вернулся к лимузину, я уже был глубоко внутри Герцогини, и мы стонали как сумасшедшие. Я приложил палец к губам и сказал:

— Тс-с-с!

Она кивнула, и я, протянув руку, нажал на кнопку.

— Боб, дружище, ты здесь?

— Да, ваша светлость.

— Чудно. Нам с ее светлостью нужно обсудить очень срочное дело, так что, пожалуйста, не беспокой нас, пока мы не доберемся до «Хайятта».

Я подмигнул Герцогине и повел бровями в сторону кнопки.

— Закрыть или нет? — прошептал я.

Герцогиня подняла глаза и задумчиво пожевала щеку. Потом пожала плечами.

— Можешь и не закрывать.

— Умница! — одобрил я и уже громче добавил: — Наслаждайся представлением, Боб!

И с этими словами его светлость герцог Бэй-Сайдский и Квинсский занялся любовью со своей женой, прекрасной герцогиней Бэй-Риджской и Бруклинской, с такой страстью, как будто вот-вот должен был наступить конец света.

Глава 39

Жажда мести

«Моей собаке нужна операция»… «у меня сломалась машина»… «мой босс — скотина, а моя жена — еще хуже»… «от этих пробок хочется просто на стену лезть»… «жизнь не удалась»… и так далее, и тому подобное…

Да, на собраниях анонимных алкоголиков в Саутхэмптоне, Лонг-Айленд, царило ужасное занудство. Я был дома уже неделю и в рамках реабилитации решил замахнуться на программу «девяносто на девяносто», то есть поставил перед собой цель посетить девяносто собраний за девяносто дней. И учитывая, что напряженная до предела Герцогиня следила за мной, как ястреб, у меня не было иного выбора, кроме как продержаться.

Я быстро понял, что это будут очень долгие девяносто дней.

На первой же встрече кто-то спросил, не хочу ли я выступить, и я радостно ответил:

— Выступить перед группой? Конечно, почему нет!

Что может быть лучше?

Проблемы начались сразу же. Мне предложили место за прямоугольным столом в передней части комнаты. Председатель, красивый мужчина лет пятидесяти, сел рядом со мной и сделал несколько кратких объявлений. Затем жестом пригласил меня начать.

Я кивнул и сказал громко и честно:

— Привет, меня зовут Джордан, я алкоголик и наркоман.

Приблизительно три десятка бывших пьяниц уныло ответили в унисон:

— Привет, Джордан, добро пожаловать.

Я улыбнулся, кивнул и уверенно продолжил:

— Я не принимаю ничего уже тридцать семь дней, и я…

Меня моментально прервали.

— Простите, — сказал седой алкаш с паучьей сетью сосудов на сизом носу, — чтобы выступать на этом собрании, нужно провести в трезвости минимум девяносто дней.

Вот старый ублюдок! Его слова меня просто огорошили. Чувство было такое, словно я вошел в школьный автобус и вдруг заметил, что я голый. Молча сидя на ужасно неудобном деревянном стуле, я глядел на старого пьяницу и ожидал, когда же кто-нибудь снимет меня с крючка.

— Нет-нет. Давайте не будем слишком строгими, — сказал наконец председатель. — Раз уж Джордан здесь, почему бы нам не позволить ему высказаться? Послушать новичка — это всегда глоток свежего воздуха.

Послышалось недовольное бормотание, некоторые презрительно пожимали плечами и качали головами. Вид у них был неприветливый. И даже злобный. Председатель положил руку мне на плечо и заглянул в глаза, показав улыбкой, что все в порядке и можно продолжать.

Я нервно кивнул.

— Так вот, — сказал я недовольным бывшим пьяницам, — я не принимаю ничего уже тридцать семь дней и…

Тут меня снова перебили, но на этот раз — бурными аплодисментами. *О-о-о, прекрасно!* Волк уже сорвал овацию, а он еще даже не разогрелся! Подождите, сейчас я расскажу вам свою историю, и у вас вообще крышу сорвет!

Постепенно аплодисменты стихли, и я со вновь обретенной уверенностью приступил к делу:

— Всем спасибо. Я очень ценю ваше одобрение. Моим обычным наркотиком был кваалюд, но кокаина я тоже употреблял много. На самом деле…

Меня перебили опять.

— Простите, — сказал зануда с паучьим носом, — это собрание анонимных *алкоголиков*, а не каких-то *наркоманов*. Здесь нечего говорить о наркотиках, только об алкоголе.

Все дружно закивали в знак согласия. *Вот черт!* Что за каменный век? Сейчас же девяностые, как можно быть алкоголиком, но презирать наркотики? Бред какой-то.

Я уже собирался спрыгнуть со стула и отвалить, как вдруг раздался мощный женский голос:

— Да как ты смеешь, Билл! Как ты смеешь затыкать этого мальчика? Он ведь тоже борется за жизнь! Ты отвратителен! Мы все здесь больны, не только он и ты. Так что просто заткнись и занимайся своими делами, а мальчик пусть говорит!

Мальчик? Меня только что назвали *мальчиком*? Да мне уже почти тридцать пять, черт подери! Я поискал глазами говорившую; это была очень пожилая дама в старомодных круглых очках. Она подмигнула мне. Ну что ж, я подмигнул в ответ.

Сварливый пьяница проскрипел:

— Правила есть правила, старая ведьма!

Я покачал головой. Почему за мной, куда я ни пойду, всегда следует по

пятам какой-то бред? Я же не сделал ничего плохого, правда? Я просто хочу вылечиться. Но, получается, опять влез в какой-то скандал.

— Ладно, — сказал я председателю. — Что мне делать дальше?

В конце концов они дали мне высказаться, но со встречи я ушел, мечтая свернуть старому ублюдку шею. А когда пошел на собрание анонимных наркоманов, вышло еще хуже — в комнате было, кроме меня, еще только четверо, причем трое из них явно были под кайфом, а четвертый пока продержался без наркоты еще меньше, чем я.

Я хотел рассказать об этом Герцогине, объяснить ей, что «Анонимные алкоголики» для меня не подходят, но это бы ее страшно напугало.

Наши отношения крепли с каждым днем. Мы больше не ссорились, не ругались, никаких побоев, пощечин и стаканов холодной воды по утрам — ничего. Мы жили нормальной жизнью нормальной семьи — с Чэндлер и Картером и прислугой в количестве двадцати двух человек. На лето мы собрались уехать из Саутхэмптона. Решили, что лучше мне держаться подальше от всего этого дурдома — по крайней мере, пока я не буду уверен, что точно не сорвусь. Герцогиня предупредила всех моих старых друзей: им в нашем доме будут рады, только если они явятся совершенно трезвыми. Алан-Химик получил еще и персональное предупреждение от Бо, и я никогда больше его не видел.

А что же мое ремесло? Честно говоря, без кваалюда и кокаина у меня уже не хватало на него куража — по крайней мере пока. Зато на трезвую голову оказалось легче разобраться с проблемами вроде Стива Мэддена. Мои адвокаты обратились в суд, когда я еще был в реабилитационном центре, и наше со Стивом тайное соглашение было предано огласке. Но меня за эту махинацию не арестовали, и полагаю, и не собирались. В конце концов, наша договоренность формально не была незаконной. А вот тот факт, что она не была опубликована, как раз являлся серьезным нарушением, но за это в большей степени нес ответственность Стив, а не я.

Агент Коулмэн, похоже, растворился в воздухе, и я уже надеялся, что больше никогда о нем не услышу. Так что для того чтобы выйти из дела, оставалось лишь окончательно рассчитаться с Сапожником. Теперь мне было на все это плевать. Даже в самом чудовищном эмоциональном состоянии — перед самым началом реабилитации — меня бесили не деньги сами по себе, а то, что Сапожник пытался кинуть меня на мои акции и оставить их себе. А теперь это было невозможно. В рамках судебного решения он обязан был продать мои акции, чтобы расплатиться со мной, на том и делу конец. Я предоставил все это адвокатам и больше не вникал в дело.

Однажды — я был дома уже больше недели — я вернулся вечером с собрания анонимных алкоголиков и обнаружил Герцогиню в кинозале, том самом, где шесть недель назад я потерял двадцать граммов кокса (который, как призналась мне потом Герцогиня, она собственноручно спустила в унитаз).

Широко улыбаясь, я подошел к ней и начал:

— Привет, милая! Что…

Герцогиня подняла глаза, и я застыл в ужасе. Слезы струились по ее лицу, даже из носа текло.

— Боже мой, милая! — воскликнул я с замиранием сердцем и обнял ее со всей нежностью. — Что такое? Что случилось?

Дрожа всем телом в моих руках, она указала на экран телевизора и проговорила сквозь слезы:

— Скотт Шнейдерман убил человека. Он пытался ограбить своего отца, чтобы купить кокс, и застрелил полицейского. — Она разразилась рыданиями.

Я почувствовал, как по моим щекам тоже потекли слезы.

— О боже, Надин, он ведь был здесь всего месяц назад. Я… я не… — Я попытался найти какие-то подходящие случаю слова, но быстро понял, что никаких слов тут найти нельзя.

Поэтому я промолчал.

Через неделю, в 7:30 вечера пятницы, началось очередное собрание анонимных алкоголиков, на этот раз в польской католической церкви на Мэпл-стрит. Приближался День поминовения, я внутренне готовился к обычному часу пытки. И тут, к моему изумлению, очередной председатель собрания заявил, что в свое дежурство он не потерпит никаких жалоб и нытья:

— Цель «Анонимных алкоголиков» в том, чтобы дать людям веру и надежду, а не изливать жалобы на слишком длинную очередь в супермаркете! — он махнул рукой в сторону овальных часов на стене. — Все, что будет интересно услышать другим, вы успеете сказать за две с половиной минуты. Так что давайте коротко и по делу.

Я сидел в заднем ряду, по соседству с пожилой дамой, которая довольно хорошо сохранилась для алкоголички. У нее были рыжие волосы и румяные щеки. Я наклонился к ней и прошептал:

— Кто это?

— Джордж. Он тут вроде неофициального лидера.

— Вот как? — удивился я. — У этой группы есть лидер?

— Нет, что вы, — прошептала она, удивленно поглядывая на меня. — Он лидер не только этой группы, а вообще всех групп в Хэмптонс. — Дама заговорщицки огляделась, будто собиралась поделиться со мной сверхсекретной информацией, а потом вполголоса добавила:

— Он хозяин реабилитационной клиники «Сифилд». Вы что, ни разу не видели его по телевизору?

Я отрицательно покачал головой:

— Я не особенно часто смотрю телевизор, хотя его лицо и правда кажется мне смутно знакомым. Он… *Господи Боже мой!* — Я просто потерял дар речи. Это же был Фред Флинстоун — первобытный человек с огромной головой, который появился на экране телевизора в три часа утра и заставил меня швырнуть бронзового ковбоя прямо ему в лицо!

После окончания встречи я дождался, пока толпа разойдется, а потом подошел к Джорджу и сказал:

— Здрасте, меня зовут Джордан. Я просто хотел вам сказать, что мне очень понравилась сегодняшняя встреча. Просто отлично все прошло.

Он протянул мне ладонь размером с бейсбольную рукавицу. Я покорно пожал ее, надеясь, что он не выдернет мне руку из плеча.

— Спасибо. Вы новенький?

Я кивнул.

— Да, сорок три дня не принимаю.

— Мои поздравления. Срок немалый. Вы должны собою гордиться. — Он остановился, наклонил голову и хорошенько в меня всмотрелся. — Знаете, у вас знакомое лицо. Как, вы сказали, вас зовут?

Начинается! Чертовы журналюги — никуда от них не деться! Фред Флинстоун наверняка видел мою фотографию в газете и теперь будет меня осуждать. Самое время поменять тему.

— Меня зовут Джордан, и я хочу рассказать вам одну смешную историю, Джордж: я как-то сидел у себя дома в Олд-Бруквилле, было три часа утра… — И я подробно рассказал ему про телевизор и бронзовую статуэтку, но он только улыбнулся.

— Вы тоже?! Как и тысячи других!! Компания «Сони» должна бы платить мне по доллару за каждый телевизор, разбитый алкоголиком или наркоманом, увидевшим мою рекламу. — Он еще раз усмехнулся, а затем недоверчиво спросил:

— Вы из Олд-Бруквилла? Чертовски неплохой район. С родителями живете?

— Нет, — улыбнулся я. — У меня самого двое детей. Знаете, та реклама была уж очень…

Он снова прервал меня.

— А сюда на День поминовения приехали?

Боже! Он, кажется, перехватывает инициативу!

— Нет, я здесь живу. Так вот, ваша реклама…

— Живете, вот как? И где же? — опять перебил Фред. В голосе его звучало удивление.

Я безнадежно вздохнул.

— На Мидоу-Лейн.

Он прищурился.

— Вы живете на Мидоу-Лейн? В самом деле?

Я медленно кивнул.

Фред Флинстоун ухмыльнулся. Видимо, картина прояснялась.

— Как, вы сказали, ваша фамилия?

— Я не говорил. Белфорт. Слышали о таком?

— Да, — ответил он, ухмыльнувшись, — слышал. Пару сотен миллионов раз. Вы тот парнишка, который основал… э-э-э… как ее там… «Стрэтман»? Или что-то вроде того…

— «Стрэттон-Окмонт», — сказал я бесцветным голосом.

— Да! Точно. «Стрэттон-Окмонт»! Святый Боже! Вы выглядите лет на восемнадцать! Как такой пацан мог создавать вокруг себя столько шума?

Я пожал плечами.

— Наркота и не такое может, разве нет?

Он кивнул.

— Ну, в общем, вы, засранцы, нагрели меня однажды штук на сто на каких-то долбаных акциях. Я сейчас даже название их вспомнить не смогу.

Вот беда! Сейчас Джордж как прихлопнет меня одной своей огромной лапищей-рукавицей! Я уже собрался предложить ему вернуть деньги — вот только сбегаю домой и достану их из сейфа.

— Я уже давно не занимаюсь делами «Стрэттон», но буду чрезвычайно счастлив…

Он меня снова перебил.

— Слушайте, правда, очень приятно с вами побеседовать, но мне нужно срочно ехать домой. Жду важного звонка…

— О, простите. Не хотел вас задерживать. Я приду на следующей неделе; может, тогда поговорим.

— А вы что — тоже куда-нибудь спешите?

— Не особенно… А что?

Он улыбнулся.

— Собирался пригласить вас выпить кофе. Мой дом всего через

квартал от вашего.

Я вскинул брови.

— Вы не сердитесь на меня за свои сто штук?

— Что такое сто тысяч баксов для таких двух старых пьянчуг, как мы с вами, не так ли? К тому же мне как раз был нужен был налоговый вычет… — Он улыбнулся, положил руку мне на плечо, и мы направились к двери. — Я ожидал, что вы скоро появитесь. О вас рассказывают совершенно дикие истории. Хорошо, что вы добрались сюда, пока не стало слишком поздно.

Я кивнул в знак согласия, и Джордж добавил:

— Но я вас приглашаю к себе домой только с одним условием.

— С каким же?

— Хочу узнать, правда ли вы потопили свою яхту ради страховки, — и он выжидательно уставился на меня.

— Идемте, расскажу по пути! — улыбнулся я.

Вот так вечером в пятницу я ушел с собрания анонимных алкоголиков вместе с человеком, который окажет мне такую поддержку, — с Джорджем Би.

Джордж жил на Саут-Мейн-стрит, одной из лучших улиц Саутхэмптона. С точки зрения цен на недвижимость она была чуть демократичнее, чем моя Мидоу-Лейн, но все равно самый дешевый дом на Саут-Мейн обошелся бы в три миллиона долларов. Мы уселись друг напротив друга за очень дорогой стол из выбеленного дуба посреди кухни, оформленной во французском сельском стиле.

Я как раз объяснял Джорджу, что планирую убить Денниса Мэйнарда, как только закончу программу «девяносто на девяносто». Я решил, что Джордж самый подходящий человек для подобного признания, после того как он коротко рассказал мне про судебного пристава, который принес ему какую-то повестку. Когда Джордж отказался открыть дверь, пристав выудил молоток и принялся прибивать повестку гвоздями к входной двери из полированного вручную красного дерева. Джордж подошел к двери, дождался, когда пристав занесет руку с молотком, быстро распахнул дверь, дал приставу в глаз и снова захлопнул дверь. Все было проделано так стремительно, что пристав даже не успел увидеть, кто его ударил, и Джорджу так и не предъявили никаких обвинений.

— …И мне просто отвратительно, — говорил я, — что этот ублюдок называет себя профессионалом. Ладно еще, что он посоветовал моей жене не навещать меня, пока я буквально гнил в психушке, — хотя за одно это

уже следовало бы переломать ему ноги. Но приглашать ее в кино, чтобы попытаться потом затащить в постель… это уже наверняка достойно смертной казни! — я в ярости тряхнул головой и глубоко вздохнул, радуясь, что наконец могу с кем-то поделиться.

Джордж в целом был согласен с приговором. Да, негодяй заслуживает смерти. Поэтому следующие несколько минут мы посвятили тому, чтобы выбрать наилучший способ казни. Сначала обсудили мою идею отрезать ему яйца при помощи гидравлического болтореза. Но Джордж сказал, что, по его мнению, это будет недостаточно болезненно, потому что засранец потеряет сознание от шока еще раньше, чем его яйца упадут на пол, и к тому же истечет кровью за какие-нибудь секунды. Поэтому мы перешли к различным способам сожжения заживо — Джорджу нравилось, что это очень болезненно, но тут возникала проблема побочного ущерба, потому что в процессе казни может сгореть весь дом целиком. Потом мы обсудили удушение угарным газом, но решили, что это уж очень легкая смерть, а затем слегка поспорили о плюсах и минусах различных ядов, однако это нам показалось слишком старомодным. Может быть, инсценировка ограбления, обернувшегося убийством? Дать какому-нибудь торчку пять баксов, чтобы тот подстерег мерзавца и всадил ему в брюхо ржавый нож? Джордж объяснил, что если рана окажется прямо над печенью, то Мейнард будет умирать медленно и крайне болезненно.

В этот волнующий момент я услышал, как в прихожей распахнулась дверь и женский голос крикнул:

— Джордж, а чей это «мерседес»?

Голос был добрый и нежный, но с беспощадным бруклинским акцентом («*Джо-о-о-ш, чей этт мисúдэ-э-с?*»), а мгновение спустя в кухню вошла одна из самых очаровательных женщин, каких я только видел. Совсем крошечная, ростом футов пять, весом фунтов сто. У нее были рыжевато-светлые волосы, медово-карие глаза, точеное маленькое лицо и идеальная ирландская кожа, испещренная веснушками. На вид около пятидесяти, но сохранилась она отменно.

Джордж сказал:

— Аннет, рекомендую, это Джордан. Джордан, познакомься, это Аннет.

Я собирался пожать ей руку, но Аннет вместо этого тепло меня обняла и поцеловала в щеку. От нее пахло чистотой, свежестью и каким-то очень дорогим парфюмом, который я не смог определить. Затем Аннет с улыбкой отстранилась, держа меня за плечи и внимательно разглядывая.

— Ну, одно я могу сказать — ты не из тех бродяг, что Джордж притаскивает домой обычно, — сказала она наконец.

Тут мы все немного посмеялись, а потом Аннет извинилась и принялась за свои обычные хлопоты, а именно — стала делать жизнь Джорджа как можно более комфортной. На столе моментально появился свежий кофе, а также торт, пирожные, пончики и тарелка фруктов. Потом она предложила накормить меня ужином, потому что ей показалось, что я слишком худой, на что я сказал, что ей бы посмотреть на меня сорок три дня назад!

Потягивая кофе, мы продолжали обсуждать способы мести. Аннет тут же включилась в обсуждение.

— Сдается мне, он настоящий засранец (*заса-а-анис*). По-моему, у тебя есть полное право отрезать ему *cojones*. Правда же, Гвибби?

Гвибби? Что за странное домашнее прозвище у Джорджа! Мне оно в принципе понравилось, но ему как-то совсем не подходило. Лучше бы «Гризли», подумал я… Или «Голиаф», или «Зевс»…

Гвибби кивнул и сказал:

— Я думаю, он заслуживает медленной и мучительной смерти, поэтому хочу еще поразмышлять об этом сегодня вечером. Можем завершить работу над нашим планом завтра.

Я тоже кивнул.

— Конечно! Он должен гореть в аду.

— А что ты завтра скажешь Джордану, Гвиб? — поинтересовалась Аннет.

Гвиб уклончиво ответил:

— Я же сказал, хочу еще поразмыслить об этом ночью, а спланируем все потом!

Я с улыбкой покачал головой.

— Это уж слишком! Так и знал, что вы надо мной издеваетесь.

Аннет воскликнула:

— *Я* не издевалась! Я правда думаю, что он заслуживает, чтобы ему отрубили *cojones*! — в ее голосе звучало негодование. — Джордж постоянно занимается такими случаями, и я еще ни разу не слышала, чтобы жене не давали помочь мужу лечь в клинику. Верно, Гвиб?

Тот пожал могучими плечами.

— Не люблю выносить суждение о методах коллег, но в этом случае, кажется, ему не хватило *теплоты*. Я уже сотни раз убеждал людей лечиться и знаю, что самое важное — это чтобы человек понимал, что его любят. И что его обязательно поддержат, если он сделает правильный выбор и решит завязать. Я бы никогда не стал рекомендовать жене не видеться с мужем. Никогда.

Он снова пожал огромными плечами:

— Но все хорошо, что хорошо кончается, правда? Ты жив и здоров, и это уже чудо. Хотя я не уверен, что ты до конца очистился.

— В каком смысле? Конечно, очистился! Через несколько часов будет сорок четыре дня, как я ни к чему даже не прикасался. Клянусь.

— Ну-у-у, — протянул Джордж, — ты сорок три дня не пил и не принимал наркотики, но это не значит, что ты по-настоящему *очистился*. Это разные вещи, правда, Аннет?

Аннет кивнула.

— А ты расскажи ему про Кентона Родса, Джордж!

— Об этом владельце сети универмагов? — удивился я. — А что с ним?

Джордж заговорил:

— На самом деле речь о его идиоте-сыне, наследнике империи. У него дом в Саутхэмптоне, недалеко от твоего.

Аннет перебила:

— Тут вот какая история: у меня раньше был магазин в двух шагах отсюда, на Уиндмилл-Лейн. Назывался «Бутик Стэнли Блэкер». И мы, значит, торговали потрясающими шмотками и отличной обувью от Тони Лама, знаешь, такая…

Джордж, по-видимому, не терпел пустой болтовни даже от собственной жены, поэтому тут же ее оборвал.

— Господь всемогущий, Аннет, какое, черт возьми, это имеет отношение к делу? Никого не волнует, что вы там продавали в твоем проклятом магазине. Это же было *девятнадцать лет назад*!

Он посмотрел на меня и выразительно закатил глаза. Потом глубоко вздохнул (раздувшись при этом до размера промышленного холодильника) и медленно выдохнул.

— Короче, у Аннет был магазин на Уиндмилл-Лейн, и она каждый день ставила перед ним свой маленький «мерседес». Как-то раз сидит она в магазине, ждет покупателей и вдруг видит через окно, что какой-то другой «мерс» паркуется рядом и вдруг бьет ее машину в зад. Через несколько секунд из этого «мерса» вылезают водитель и какая-то баба и, даже не оставив записки, спокойно уходят.

Аннет посмотрела на меня и, округлив глаза, прошептала:

— Кентон Родс помял мне бампер!

Джордж бросил на нее грозный взгляд и поспешно сказал:

— Да, это был Кентон Родс. В общем, Аннет выходит из магазина и видит, что он не только поцарапал ей машину, но еще и припарковался в неположенном месте, прямо напротив пожарного гидранта. Ну, она вызвала копов, и они ему выписали штраф. Где-то через час он

возвращается — видимо, был в ресторане, потому что в стельку пьяный, — подходит к своей тачке, видит квитанцию за «дворником», с наглой улыбкой рвет ее в клочья и бросает эти бумажки на землю.

Аннет не смогла удержаться и вставила:

— Ага, и лицо у этого засранца (*заса-а-а-нса*) было такое самодовольное, что я не удержалась, выскочила на улицу и говорю: «Послушай-ка, приятель, ты мало того что ударил мою машину и помял мне бампер — ты еще и паркуешься неправильно, и штраф порвал, а теперь еще и мусора тут набросал».

Джордж перебил ее:

— Ну да, а я как раз иду к ней в магазин и еще издалека вижу, что она тычет пальцем в какого-то самодовольного ублюдка и чего-то орет ему, а потом слышу — он назвал ее сукой! Ну или как-то в этом роде. Тут я такой подхожу и говорю ей: «Ну-ка давай иди в свой чертов магазин, Аннет, быстренько!» Аннет заходит внутрь, понимая, что будет дальше. А этот Кентон Родс окатывает меня какой-то грязной руганью, потом залезает в свою тачку, захлопывает дверь, нажимает кнопку, и толстое тонированное стекло со стороны водителя начинает подниматься. А сам тем временем нацепил огромные темные очки от «Порше», знаешь, такие здоровые, в которых человек похож на навозную муху, улыбается нагло и показывает мне средний палец.

Я рассмеялся и покачал головой.

— И что ты сделал?

Джордж виновато покрутил своей бычьей шеей.

— Ну что я сделал? Размахнулся изо всех сил и как грохну кулаком прямо в стекло. Ну, оно разбилось на тысячи кусков, а кулак по инерции въехал Родсу прямо в левый висок, тот сразу вырубился, упал головой на колени своей бабе, а эти очки уродские у него на морде этак наперекосяк висят.

— И тебя арестовали? — я так хохотал, что едва мог говорить.

Джордж покачал головой.

— Ты слушай дальше. Девка эта орет во весь голос: «О боже! О боже! Вы его убили! Убийца! Маньяк!» Потом вылетает из машины и бежит за полицией. Через пару минут этот Кентон Родс приходит в себя, а тут как раз возвращается его подруга и тащит за собой копа. Смотрю, а это мой хороший приятель, Пит Орландо такой. Вот, значит, она подбегает к водительской двери, помогает Родсу выйти из машины и отряхивает с него битое стекло, а потом они начинают орать в два голоса, требуя, чтобы Пит меня арестовал.

Тут Аннет не выдержала, вылетает из магазина и тоже орет: «Он разорвал штрафную квитанцию, Пит, и бросил ее на тротуар! Этот козел устроил помойку перед моим магазином, и посмотри — он же пожарный гидрант заблокировал!» Пит обходит вокруг машины, сурово качает головой и говорит Кентону Родсу: «Вы припарковались в запрещенном месте, переставьте машину сейчас же, или я вызову эвакуатор». Родс что-то себе под нос злобно бурчит, но садится в машину, захлопывает дверь и трогается с места. И только он проезжает несколько футов, как Пит поднимает руку и кричит: «Стоп! Выйдите из машины, сэр!» Тот такой останавливается, выходит: «Что еще?», а Пит ему: «Я чувствую запах алкоголя; вы пили, сэр?» Родс как заорет: «Да ты знаешь, кто я такой, черт подери?!» — ну и тут Пит Орландо моментально надел на него браслеты за вождение в нетрезвом виде!

Мы все трое ржали минуты три, не меньше. Впервые лет за десять я от души смеялся на трезвую голову. На самом деле, я даже вспомнить не мог, когда в последний раз так смеялся. Рассказали они мне эту историю, конечно, неспроста — хотели показать, что это Джордж сейчас такой трезвый и респектабельный, а когда-то он был совсем другим. Пить он, может, и не пьет, но вести себя как хулиган все еще вполне способен.

Наконец Джордж перестал смеяться и сказал:

— Короче, ты парень умный, поэтому, наверное, понял, что имею в виду.

Я кивнул.

— Да. Трезвые люди не замышляют убийств.

— Именно, — сказал Джордж. — Можно думать об этом, говорить об этом, даже шутить. Но вот когда наступает момент действия — тут и возникает вопрос, протрезвел ли ты *на самом деле*.

Джордж снова глубоко вдохнул и медленно выдохнул.

— Я не пью уже больше двадцати лет, но до сих пор хожу на собрания каждый день — не только чтобы не сорваться, а потому что для меня слово «трезвость» означает нечто большее, чем просто воздержание от спиртного. Когда я прихожу на собрание и вижу таких новичков, как ты, это напоминает мне, насколько я сам близок к краю обрыва и как мне легко сорваться. Это служит ежедневным напоминанием, что мне нельзя прикасаться к алкоголю. А потом, когда я вижу ветеранов — тех, кто держится по тридцать лет и больше, еще дольше, чем я сам, — я понимаю, какая это замечательная программа и сколько жизней она спасает.

Я кивнул:

— Да конечно же, я не собирался его убивать. Мне просто нужно было

это высказать, поделиться с кем-то, — я пожал плечами и покрутил головой. — Наверное, ты тоже сейчас изумляешься, что мог на самом деле такое творить? Сегодня, через двадцать трезвых лет, ты бы, думаю, подставил этому дебилу другую щеку, да?

Джордж посмотрел на меня взглядом, полным чистого недоумения.

— Ты что, издеваешься, не пойму? Да хоть через сто лет — я бы сегодня точно так же врезал ублюдку по башке!

Тут мы опять расхохотались и продолжали смеяться. И мы смеялись все это чудесное лето тысяча девятьсот девяносто седьмого года — первое лето моей трезвой жизни.

Мы с Герцогиней теперь тоже очень много смеялись, и мы оба все больше привязывались к Джорджу и Аннет, а наши старые друзья один за другим отдалялись от нас. К тому времени, как я отпраздновал свой первый год трезвости, мы потеряли связь почти со всеми прежними приятелями. Оба Билла еще появлялись у нас, как и некоторые подруги Надин, но Эллиот Лавинь, Дэнни Поруш, Роб Лоруссо, Тодд Гаррет и его Кэролайн — таким людям в моей новой жизни места уже не было.

Конечно, Вигвам, Бонни, Росс и еще кое-кто из друзей детства навещали нас иногда в семейные праздники и по каким-то особым случаям — но все изменилось безвозвратно. Нас больше не держали вместе наркотики, которые раньше были связующим цементом нашей компании. Волк с Уолл-стрит умер от передозировки в ту ночь на кухне в Бока-Рэйтоне, штат Флорида. А то немногое, что от него еще оставалось, постепенно угасло после того, как я встретил Джорджа, который наставил меня на путь истинный — путь трезвости.

Все это не относится, конечно, к Алану Липски — моему самому старому и дорогому другу, который был со мной задолго до того, как мне пришла в голову дикая идея устроить на Лонг-Айленде филиал Уолл-стрит и внести хаос в жизни целого поколения его обитателей. Осенью того же года Алан пришел ко мне и сказал, что больше не может, что ему надоело терять деньги клиентов и что у него нет никакого желания больше тянуть дальше «Монро Паркер». Вскоре после этого контора закрылась. Через несколько месяцев за ней последовал и «Билтмор», так что эпоха стрэттонцев наконец завершилась.

Примерно в это же время я окончательно разобрался со Стивом Мэдденом. Пришлось удовольствоваться пятью миллионами долларов, хотя акции стоили куда дороже. Однако, согласно судебному решению, Стиву пришлось продать мои акции какому-нибудь паевому фонду, так что ни один из нас не получил полной стоимости. И мне всегда будет казаться,

что Стив еще легко отделался, хотя в целом я заработал на нем больше двадцати миллионов долларов — а это далеко не мизерная сумма даже по моим (совершенно возмутительным) стандартам.

Мы с Герцогиней стали вести более тихую и скромную жизнь и постепенно уменьшили поголовье прислуги до более разумного количества — до двенадцати человек. Прежде всего мы распрощались с Марией и Игнасио. Затем ушли оба Рокко, которые мне всегда нравились, но теперь я уже в них не нуждался. Кокаин и кваалюд больше не подпитывали мою паранойю, и теперь я понимал, что это идиотизм — окружать себя круглосуточной охраной в районе, где преступлений не случается вообще. Бо принял отставку спокойно и сказал, что он очень рад, что я остался в живых после всего, через что прошел. И хотя он в этом не признался, я не сомневался, что он чувствует себя виноватым. Хотя едва ли он вообще понимал, насколько далеко зашла моя наркомания. В конце концов, мы с Герцогиней неплохо все скрывали, разве нет? Или, возможно, все отлично знали, что происходит, но, пока курица несет золотые яйца, никому дела нет до того, что она себя убивает?

Конечно же, Гвинн и Джанет остались со мной, и мы ни разу не припомнили им того, что они больше чем кто-либо (если не считать Герцогиню) потакали моим привычкам. Иногда легче просто похоронить прошлое, тем более что Джанет по этой части была экспертом, да и у Гвинн, как у всех южан, это было в крови. Так или иначе, я любил их обеих и знал, что они любили меня. Правда жизни заключается в том, что наркомания — очень хитрая болезнь, и чем глубже ты в ней вязнешь, тем больше у тебя отключается здравый смысл, особенно если ты участник шоу «Богатые и никчемные».

И если уж говорить о потакании, то больше всех в этом преуспела сама Герцогиня Бэй-Риджская. Но, думаю, в конце концов она свою вину искупила, так? Она первая стала сопротивляться моей болезни, она единственная любила меня настолько, что у нее хватило сил поставить мне ультиматум, стукнуть кулаком по столу и сказать: «Хватит!»

Но когда миновала первая годовщина моей трезвости, я начал замечать в ней перемены. Иногда, когда она не знала, что я на нее смотрю, я глядел на ее восхитительное лицо и замечал отсутствующий взгляд, какую-то замкнутость, припорошенную толикой печали. Я часто задавался вопросом, о чем она думает в эти минуты? Сколько невысказанных обид накопилось в ее душе — не только за ту отвратительную сцену на лестнице, но за все вообще — за мои измены, дебоширство, за то, что я засыпал в ресторанах, за все эти дикие перепады настроения, что всегда

идут рука об руку с наркозависимостью?

Я спросил Джорджа, что у нее на уме и могу ли я хоть что-нибудь с этим поделать? С оттенком грусти в голосе он ответил, что испытания еще не закончились. Немыслимо, чтобы мы с Надин прошли через такое и просто махнули на прошлое рукой. За все эти годы он никогда не слышал ни о чем подобном; наши с Герцогиней отношения просто побили все рекорды неблагополучия. Джордж сравнил Надин с Везувием — спящий вулкан однажды непременно проснется. Но когда начнется извержение и какой силы оно будет, никто не знает. Может быть, нам сходить к семейному психологу? Но мы не пошли. Вместо этого мы решили не будить лихо и просто жить дальше.

Иногда я заставал Герцогиню в слезах — она сидела в одиночестве среди разбросанной детской одежды и рыдала. Когда я спрашивал, что случилось, она говорила, что не может понять, почему все это произошло с нами. Почему я отвернулся от нее и потерялся в наркотиках? Почему так мучил ее все эти годы? И почему теперь стал таким хорошим мужем? В какой-то степени, говорила она, от этого только хуже, потому что с каждой минутой счастья, которую я готов был дать ей сейчас, она все сильнее горевала, что столько лет прожила совсем иначе. Но потом мы занимались любовью, и все, казалось, налаживалось — до тех пор, пока я снова не заставал ее в слезах.

И по крайней мере, мы все так же находили утешение в детях, в Чэндлер и Картере. Мальчик только что отметил свой третий день рождения. Он был теперь еще очаровательней, чем раньше: копна платиновых волос и шикарные ресницы. Господь хранил его с того самого кошмарного дня в больнице, когда нас уверяли, что он вырастет инвалидом. Естественно, с того самого дня он даже насморка ни разу не подхватил. Отверстие в сердце уже почти затянулось и совсем нас не тревожило.

Ну, а что же Чэндлер? Мое солнышко, мой гениальный младенец, моя девочка, которая умела целовать папу так, что всякое бо-бо тут же проходило? Она по-прежнему оставалась папиной дочкой. В какой-то момент она заработала себе прозвище «спецагент», потому что большую часть дня слушала взрослые разговоры и собирала информацию. Ей только что исполнилось пять лет, но она по-прежнему была умна не по летам. И у малышки была деловая хватка, она виртуозно использовала силу внушения и вертела мной, как хотела, — что, в общем-то, было не так уж трудно.

Иногда я смотрел на нее, пока она спала, и думал, какие воспоминания у нее останутся о хаосе и безумии, пропитавшем первые четыре года ее

жизни, эти бесценные годы формирования личности. Мы с Герцогиней всегда старались оградить ее, но дети, как известно, невероятно наблюдательны. На самом деле, какие-то глухие воспоминания у Чэнни остались, и она иногда заговаривала о той сцене на лестнице — и о том, как хорошо, что папа потом улетел в Атлан… Атлантиду, и вот теперь мама и папа снова счастливы вместе. В такие моменты я внутренне обливался слезами, но Чэнни тут же начинала тараторить о чем-нибудь совершенно безобидном, так что эти воспоминания явно не отравляли ей существование. Однажды мне предстоит объясниться с ней, рассказать не только про лестницу, а и про все остальное тоже. Но пока что рано об этом думать — и мне казалось разумным дать ей насладиться блаженным неведением детства, по крайней мере еще хоть какое-то время.

В настоящий момент мы стоим с Чэнни на кухне нашего дома в Олд-Бруквилле и она тянет меня за джинсы и канючит:

— Я хочу в «Блокбастер», я хочу купить «Ох уж эти детки!», ты обещал!

По правде говоря, совершенно не помню, чтобы я обещал что-то подобное, но это заставляет меня уважать дочь еще больше. В конце концов, ей пять лет, а она пытается заключить со мной сделку, причем действует агрессивно и успешно. На часах половина восьмого вечера.

— Ладно, — говорю я, — тогда поехали прямо сейчас, солнышко, пока мама не вернулась!

Я протягиваю ей руки, и она прыгает на меня, обвив мою шею своими тоненькими ручонками, и очаровательно смеется.

— Давай, пап! Скорее!

Я улыбаюсь совершенству моей дочки и глубоко вдыхаю ее восхитительный запах. Чэндлер прекрасна и внешне, и внутренне, и я не сомневаюсь, что она вырастет сильной и в один прекрасный день оставит в этом мире свой след. Что-то в ней обещает яркую судьбу, есть какая-то искра в ее глазах. Я заметил это в тот день, когда она родилась.

Мы решили взять мой маленький «мерседес»-кабриолет — Чэндлер любила его больше всего — и не поднимать крышу, чтобы насладиться чудным летним вечером. Оставалось всего несколько дней до Дня труда, и погода стояла великолепная. Было ясно и безветренно, и в воздухе носилось легкое предчувствие приближающейся осени. В отличие от того рокового дня шестнадцать месяцев назад, я аккуратно застегнул ремень безопасности своей драгоценной дочки и выехал из гаража, ни во что не

врезавшись. Миновав каменные столбы на границе нашего участка, я заметил прямо рядом с воротами припаркованный автомобиль — серый четырехдверный седан, «олдсмобил» или что-то в этом роде. Когда я огибал его, из водительского окна высунулся человек средних лет, с узким черепом и короткими седыми волосами, разделенными на пробор, и спросил:

— Простите, это не Крайдер-Лейн?

Я нажал на тормоз. Крайдер-Лейн? О чем он? В Олд-Бруквилле нет никакой Крайдер-Лейн… да и в Локуст-Вэлли тоже нет…. Я взглянул на Чэнни и внезапно почувствовал прилив паники, в тот же миг пожалев, что со мной больше нет ни одного из Рокко. Было что-то странное и тревожное в этой встрече.

Я покачал головой:

— Нет, это Пин-Оук-Лейн. Я не знаю, где тут Крайдер…

В этот самый момент я увидел, что в машине сидят еще трое, и сердце моментально заколотилось как бешеное… *Черт… они собираются похитить Чэнни!..* Я успокаивающе дотронулся до девочки, посмотрел ей в глаза и сказал:

— Держись крепче, солнышко!

Но не успел я вдавить в пол педаль газа, как задняя дверь олдсмобиля распахнулась и из машины вылезла незнакомая мне женщина. Она улыбнулась, махнула мне рукой и сказала:

— Все хорошо, Джордан. Не бойтесь. Пожалуйста, не уезжайте, — и снова улыбнулась.

Я снова поставил ногу на тормоз.

— Кто вы такие? Что вам нужно?

— ФБР, — коротко ответила она, вытащила что-то вроде записной книжки в черной кожаной обложке, открыла ее и показала мне.

Я вгляделся… прямо в лицо мне смотрели три уродливые буквы: ФБР. Они были крупные, ярко-синие, а над и под ними было помельче написано еще что-то официальное. Через мгновение и человек с узким черепом показал мне в окно собственное удостоверение.

Я изобразил улыбку и постарался вложить в голос максимум сарказма:

— Полагаю, вы не пару кусков сахара одолжить приехали, не так ли?

Оба отрицательно покачали головами. Тем временем из седана вышли еще двое агентов и тоже показали удостоверения. Женщина грустно улыбнулась:

— Думаю, вам лучше отвести дочку обратно в дом. Нам нужно с вами поговорить.

— Без проблем. И, кстати, спасибо.

Женщина кивнула, принимая мою благодарность за то, что им хватило такта не заламывать мне руки на глазах у моей дочери.

— А где же агент Коулмэн? — спросил я. — Страсть как хочу наконец с ним познакомиться.

Она снова улыбнулась.

— Я уверена, что это взаимно. Он скоро подъедет.

Я покорно кивнул. Пришло время расстроить Чэндлер: «Ох уж эти детки!» мы сегодня не посмотрим. На самом деле, у меня мелькало подозрение, что произойдут и еще некоторые изменения, которые ей тоже не особенно понравятся, — например, временно будет отсутствовать папа.

— Мы не сможем поехать в «Блокбастер», милая. Мне очень нужно поговорить с этими дядями и тетей.

Она открыла рот… и как заголосит:

— Нет! Ты мне обещал! Ты соврал! Я хочу в «Блокбастер»! Ты обещал!

И она все кричала, пока я ехал обратно к дому, пока я вел ее на кухню, чтобы вверить попечению Гвинн.

— Гвинн, позвони Надин на мобильник и скажи, что здесь ФБР. Меня сейчас арестуют.

Гвинн испуганно закивала и поспешно повела Чэндлер наверх. Как только они исчезли, явилась эта тетка из ФБР.

— Вы арестованы по обвинению в мошенничестве с ценными бумагами, отмывании денег и…

Бла-бла-бла, думал я, пока она надевала на меня наручники и перечисляла мои преступления против человечности, против Господа Бога и всего мироздания. Но ее слова пролетали у меня мимо ушей, словно ветер. Они не имели для меня никакого смысла — или, по крайней мере, не стоили того, чтобы в них вслушиваться. В конце концов, я знал, что я натворил, и знал, что заслужил все, что со мной будет дальше. У нас с моим адвокатом еще будет полно времени, чтобы внимательно изучить ордер на арест.

Совсем скоро дом наводнило не меньше двух десятков агентов в полном обмундировании — с пистолетами, бронежилетами, боеприпасами и еще кучей всего. Забавно, подумалось мне, что они оделись так, будто собрались на какое-то безумно опасное задание.

Через несколько минут появился, наконец, и специальный агент ФБР Грегори Коулмэн. Я был потрясен. На вид он казался совсем молодым парнем, не старше меня. Коулмэн был примерно моего роста, и у него были короткие каштановые волосы, очень темные глаза, правильные черты лица

и совершенно обычное телосложение.

Увидев меня, он улыбнулся, а потом протянул правую руку, и мы обменялись рукопожатием, пусть и немного неловким за счет такой мелочи, как наручники у меня на запястьях.

— Должен сказать, вы очень хитрый противник, — сказал полицейский с ноткой уважения в голосе. — Я, наверное, в сотню дверей постучал, но никто не хотел вас сдавать. — И он покачал головой, по-прежнему в восхищении от того, как верны мне были все мои стрэттонцы, а потом добавил: — Я подумал, что вам приятно будет об этом узнать.

Я пожал плечами.

— Кому же хочется лишиться кормушки, не так ли?

Он опустил уголки губ и кивнул.

— Именно так.

Тут в комнату ворвалась Герцогиня. На глазах у нее были слезы, но выглядела она по-прежнему великолепно. Даже пока меня арестовывали, я не удержался от того, чтобы не взглянуть на ее ноги, — тем более что не знал, скоро ли мне удастся увидеть их снова.

Когда меня уводили в наручниках, герцогиня легонько поцеловала меня в щеку и попросила не волноваться. Я кивнул и сказал, что люблю ее и всегда буду любить. А потом меня просто увезли из дома — и я не имел ни малейшего понятия, куда, но решил, что для начала посижу, наверное, где-нибудь на Манхэттене, а назавтра, вероятно, предстану перед федеральным судьей.

Оглядываясь назад, я припоминаю, что даже чувствовал облегчение: теперь хаос и безумие позади. Я отсижу свое, а потом выйду из тюрьмы — трезвый и все еще молодой человек, отец двоих детей и муж прекрасной женщины, которая никогда не бросала меня в трудную минуту.

Все будет хорошо.

Эпилог

Предатели

В самом деле, как было бы здорово, если бы я отсидел небольшой срок и вышел из тюрьмы прямо в теплые, любящие объятия Герцогини! И если бы мы после этого жили с ней долго и счастливо. Но нет, в отличие от сказок, у моей истории нет счастливого конца.

Судья отпустил меня под залог в десять миллионов долларов, и прямо на ступенях суда Герцогиня произнесла страшное слово на букву «р».

— Я больше не люблю тебя, — сказала она ледяным тоном. — Наш брак был ошибкой. — Потом развернулась на каблуках, достала мобильный и прямо при мне позвонила своему адвокату, чтоб тот готовил развод.

Я пытался ее урезонить, но, конечно, это было бесполезно. Несколько искусственно всхлипывая, она произнесла:

— Любовь похожа на статую — даже если откалывать по совсем крошечному кусочку, в конце концов ничего не останется.

Может и так, злобно подумал я, но вот только ты подождала, пока меня заметут, чтобы прийти к такому выводу. *Ах ты подлая, расчетливая дрянь*!

Ну да что уж там. Мы расстались, и я отправился в изгнание в наш сказочный домик на пляже Саутхэмптона. Отличный наблюдательный пункт для того, чтобы смотреть, как рушатся вокруг стены реальности, как жизнь трещит по швам под шуршание волн Атлантического океана и на фоне захватывающих закатов над бухтой Шайнкок.

Между тем дела мои шли все хуже и хуже. На четвертый день после того, как меня выпустили под залог, прокурор позвонил моему адвокату и сказал, что если я не признаю себя виновным и не стану сотрудничать со следствием, то он предъявит обвинение также и Герцогине. И хотя он не углублялся в детали, я решил, что ее должны обвинить в сговоре с целью растраты максимального количества денег. В чем, в конце концов, она еще могла быть виновата?

Так или иначе, мой мир все равно перевернулся вверх дном. Как могу я, вершина пищевой цепочки, сдать всех, кто стоял ниже меня? Разве, предав множество мелких рыбешек, я перестану быть самой крупной рыбой? Что за математика такая: неужели пятьдесят мальков для них все равно что один кит?

Сотрудничать — значит носить записывающее устройство, давать

показания и свидетельствовать против друзей. Мне придется рассказать все до последней детали, раскрыть подробности всех финансовых махинаций за последние десять лет. Перспектива ужасная. Просто кошмарная. Но какие варианты у меня остаются? Если я откажусь сотрудничать, то Герцогиню тоже закуют в наручники.

Герцогиня, которую уводят в наручниках. Сначала эта мысль показалась мне даже приятной. Надин, ты, вероятно, пересмотрела бы свои планы на развод, если бы мы оба оказались в наручниках, не так ли? И ей придется каждый месяц отмечаться в полиции до конца испытательного срока. Это уж точно.

Но нет, я просто не могу этого допустить. Она же мать моих детей, вот и весь сказ.

Мой адвокат подсластил пилюлю, объяснив, что в моем положении стал бы сотрудничать каждый: если я откажусь от сделки со следствием, предпочту защищаться в суде и проиграю дело, то меня упекут лет на тридцать. Если я просто признаю себя виновным, речь может идти о шести-семи годах, но тогда я оставляю Герцогиню под ударом, а это было для меня абсолютно неприемлемо.

Итак, я решил сотрудничать.

Дэнни было также предъявлено обвинение, и он тоже решил сотрудничать… как и ребята из «Билтмор» и «Монро Паркер». Дэнни в конце концов отсидел год и десять месяцев, остальные отделались условным. Потом замели Китайца, и он тоже решил сотрудничать, но все равно получил восемь лет. Следом признали себя виновными Хитрый Сапожник Стив и Эллиот Лавинь; Эллиот получил три года, Стив — три с половиной. И, наконец, Деннис Гаито, Шеф из Джерси, предстал перед судом, был признан виновным, и судья вломил ему десять лет.

Энди Грин, он же Вигвам, вышел сухим из воды, и Кенни Грин, он же Дуболом, тоже. Последний, впрочем, так и не понял, что пора остановиться: несколько лет спустя его снова обвинили в мошенничестве, но это уже не имело никакого отношения к «Стрэттон». Как и все остальные, он пошел на сделку, и ему дали два года.

В какой-то момент мы с Герцогиней снова полюбили — проблема только в том, что полюбили мы разных людей. Я даже обручился, но в последний момент расторг помолвку. А Надин вышла замуж и остается примерной женой по сей день. Она живет в Калифорнии, всего в нескольких милях от меня. После нескольких сложных лет мы с ней наконец зарыли топор войны. Теперь мы отлично ладим — отчасти потому, что она, так уж вышло, отличная баба, и отчасти потому, что ее

новый муж, так уж вышло, отличный мужик. Мы договорились насчет детей, и я вижусь с ним почти каждый день.

Как ни странно, собственно в тюрьму я попал лишь через пять с лишним лет после того момента, как мне предъявили обвинение. Отсидел в федеральной тюрьме год и десять месяцев.

И я бы никогда и ни за что не догадался, что эти последние пять лет будут столь же безумными, как и те, что, казалось, остались далеко позади.

Благодарности

Я безмерно благодарен своему литературному агенту Джоэлу Готлеру, который, прочитав три страницы моего первого черновика, сказал, чтобы я бросал все свои дела и становился профессиональным писателем. Он был мне тренером, консультантом, психиатром и, прежде всего, истинным другом. Без него эта книга никогда бы не была написана (так что если вы обнаружили в ней свое имя, вините его, а не меня!).

Также я хотел бы поблагодарить моего издателя — Ирвина Эпплбаума, который верил в меня с самого начала. Именно его доверие стало для меня решающим стимулом.

Неизмеримая благодарность моему редактору, Даниэлле Перес, которая трудилась за троих и превратила тысячу двести страниц рукописи в семьсот страниц книги. Она — удивительно изящная женщина с врожденным чувством стиля. Последние девять месяцев она то и дело повторяла: «Не хотела бы я увидеть, на что похожа твоя печень!»

Большое спасибо храброй воительнице Александре Милчен. Если бы каждому писателю посчастливилось встретить свою Александру Милчен, в мире было бы намного меньше голодающих писателей. Она бесстрашна, добра, умна и совершенно прекрасна как снаружи, так и внутри.

Большое спасибо всем моим добрым друзьям — Скотту Ламберту, Крису Меснеру, Джонни Марину, Майклу Пераджину, Кире Рандаццо, Марку Глазье, Фэй Грин, Бет Готлер, Джону Макалузо, а также всем официантам и официанткам во всех ресторанах и кофейнях, где я писал эту книгу, — а особенно девчонкам из «Хай», «Скайбар» и «Кофе-Бин» и, разумеется, Джо из «Иль Боккаччо».

И, наконец, спасибо моей бывшей супруге — ее светлости Герцогине Бэй-Риджской и Бруклинской. Она по-прежнему несравненна, хоть и продолжает помыкать мной, как будто мы все еще муж и жена.

Примечания

1

Top of the Sixes. Здание, в котором происходит дело, расположено по адресу: 666 Fifth Avenue.

2

WASP (White Anglo-Saxon Protestant) — «белый англосаксонский протестант». В широком смысле выражение обозначает привилегированное происхождение вообще.

3

В 1870–е годы сонный городок Тумстоун стал центром «серебряной лихорадки» и туда хлынули толпы искателей приключений, в том числе легендарные братья Уайетт и Вирджил Эрп, герои многочисленных вестернов.

4

IPO (сокр. от Initial Public Offering) — первая публичная продажа акций акционерного общества.

5

Созвучно с англ. «шу» (shoe) — «ботинок».

6

Сай Сперлинг (Sy Sperling) — основатель одной из первых клиник по регенерации волос (1976).

7

Семейка Флинтстоунов (The Flintstones) — герои одноименного мультсериала, действие которого происходит в каменном веке.

8

Имя изменено (прим. авт.).

9

Фу Манчу (Fu Manchu) — персонаж романов английского писателя Сакса Ромера, криминальный гений, воплощение зла.

10

Остров Эллис, расположенный в устье реки Гудзон в бухте Нью-Йорка, был самым крупным пунктом приема иммигрантов в США в период с 1892 по 1954 г.

11

Игра, в которой участники поочередно ставят руку или ногу на один из цветных кругов на специальном коврике, принимая при этом довольно причудливые позы.

12

Торговая позиция, при которой количество купленных контрактов превышает количество проданных.

13

Имя изменено (прим. авт.).

14

Еще одно торговое название метаквалона.

15

Также торговое название метаквалона.

16

Примерно 9 км/час.

17

Район Манхэттена, в котором сконцентрированы швейные ателье и оптовые магазины одежды.

18

Резкий удар под диафрагму для удаления инородных тел из верхних дыхательных путей.

19

Эскроу-агент (Escrow Agent) — физическое или юридическое лицо, которое временно хранит документы или ценности от имени двух сторон, заключивших между собой договор.

20

Blasé — «искушенная» (франц.).